





0





# РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ  
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ



328

---

# АРХЕОЛОГИЯ СССР

---

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ  
АКАДЕМИКА  
**Б. А. РЫБАКОВА**

Редколлегия:

Академик **Б. А. РЫБАКОВ** (главный редактор)

**Р. М. МУНЧАЕВ** (зам. главного редактора)

**В. А. БАШИЛОВ** (зам. главного редактора)

**П. Г. ГАЙДУКОВ** (зам. главного редактора)

**Г. А. ПАВЛОВИЧ** (ответственный секретарь)

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА • МОСКВА 1993

# АРХЕОЛОГИЯ СССР

## Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э.



Ответственные редакторы тома:

доктора исторических наук

И. П. РУСАНОВА, Э. А. СЫМОНОВИЧ

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА • МОСКВА 1993

---

**Археология СССР  
с древнейших времен до средневековья  
в 20 томах**

СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ

---

\*ПАЛЕОЛИТ СССР 1984  
\*МЕЗОЛИТ СССР 1989  
НЕОЛИТ ЮГА СССР. НЕОЛИТ СЕВЕРА СССР  
\*ЭНЕОЛИТ СССР 1983  
ЭПОХА БРОНЗЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАВКАЗА  
ЭПОХА БРОНЗЫ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ  
\*ЭПОХА БРОНЗЫ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ СССР 1987  
\*ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА КАВКАЗА И  
СРЕДНЕЙ АЗИИ 1985  
\*АНТИЧНЫЕ ГОСУДАРСТВА СЕВЕРНОГО  
ПРИЧЕРНОМОРЬЯ 1984  
\*СТЕПИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР В  
СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ 1989  
СТЕПНАЯ ПОЛОСА АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ СССР  
В СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ  
РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ  
СССР  
СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ В КОНЦЕ I  
ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э. — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ  
I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.  
\*ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ В VI—XIII ВВ. 1982  
\*ДРЕВНЯЯ РУСЬ: ГОРОД, ЗАМОК, СЕЛО 1985  
ДРЕВНЯЯ РУСЬ: ЗОДЧЕСТВО, КУЛЬТУРА, БЫТ  
\*ФИННО-УГРЫ И БАЛТЫ В ЭПОХУ  
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ 1987  
\*СТЕПИ ЕВРАЗИИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ  
1981  
КРЫМ И КАВКАЗ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ  
СРЕДНЯЯ АЗИЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В книге рассматриваются археологические культуры, занимавшие территорию от Поднепровья до Подунавья и до реки Висла. Широко освещаются особенности материальной культуры, быт и хозяйственный уклад древнего славянского населения региона. Большое внимание уделено различным точкам зрения на этническую принадлежность отдельных археологических культур. Для археологов, историков, широкого круга читателей.

**Авторы тома:**

В. И. БИДЗИЛЯ  
О. А. ГЕЙ  
К. В. КАСПАРОВА  
Д. Н. КОЗАК  
Е. В. МАКСИМОВ  
А. М. ОБЛОМСКИЙ  
И. П. РУСАНОВА  
Э. А. СЫМОНОВИЧ  
Р. В. ТЕРПИЛОВСКИЙ  
М. Б. ЩУКИН

## Введение

Изучение происхождения и древнейшей истории славян представляет собой одну из наиболее сложных проблем современного славяноведения. На ее решение направлены усилия разных специалистов — историков, археологов, лингвистов, антропологов, этнографов, чьи совместные изыскания должны, очевидно, в конце концов привести к определенным положительным результатам. Каждая из этих дисциплин, располагая своим специфическим кругом источников, решает задачу присущими только ей методами. Количество фактических данных по славянскому этногенезу огромно, и за последние десятилетия их число увеличилось в несколько раз. Критическое рассмотрение и обобщение этих сведений, в той или иной степени освещающих этнические и исторические процессы, происходившие в древней славянской общности, — крайне трудная задача для исследователей. По этим вопросам существует множество гипотез, и каждая новая работа по истории древних славян вызывает повышенный интерес как среди специалистов, так и у широкого круга читателей, приводит к оживленным дискуссиям. Наибольшие споры возникают при определении территории формирования славян (их прародины), хронологических рамок сложения славянской общности, при решении вопросов славянского глоттогенеза, выяснении связей археологических культур со славянскими племенами и преимущественности культур.

Несомненный и все возрастающий вклад в освещение древней истории славян дает археология, обладающая конкретными и хорошо датированными источниками, количество которых увеличивается с каждым годом, и располагающая своими методами исследования и доказательств. К крупным достижениям археологии в последние десятилетия относятся выявление и изучение славянских памятников V—VII вв. — времени первых упоминаний в письменных источниках славян под собственным именем. Помимо исторических свидетельств славянская принадлежность культур этого времени доказывается чисто археологическими данными — постепенным развитием и переращением в культуру древней Руси. Для второй половины I тысячелетия н. э. хорошо изучены территории славян, их постепенное расселение, взаимоотношения с соседями, уровень развития хозяйства, общественные отношения, обычаи и верования. Гораздо большие трудности связаны с изучением исторических судеб славян в более раннее время, что вызвано краткостью и неопределенностью письменных свидетельств о славянах первых веков нашей эры и сложностью этнического определения археологических культур, относящихся к бурному периоду «переселения народов». Такое состояние источников и не всегда в достаточной степени обоснованная их интерпретация привели к существованию различных и иногда противоречивых точек зрения на этническую принадлежность отдельных культур и в целом на историю славян в первой половине I тысячелетия н. э. и в более ранние периоды.

Изложение историографии славянского этногенеза не входит в задачи тома, но без общего представления о современном состоянии вопросов, касающихся времени сложения славянской общности, прародины славян и их древнейших судеб, трудно осветить историю славян на рубеже и в начале нашей эры. Основные направления в исследованиях славянского этногенеза отражены в книгах П. Н. Третьякова [1953] и В. В. Седова [1979], поэтому ниже очень кратко изложены лишь те гипотезы, которые сложились и распространены среди археологов. В настоящее время советские археологи придерживаются нескольких концепций древнейшей истории славян. С некоторыми дополнениями и уточнениями продолжают бытовать сложившиеся еще в начале XX в. представления о прародине славян: ее ищут или на западе — «Висло-Одерская теория», или на востоке — в Поднепровье, или на территории, объединяющей все эти земли, — от Одера — Вислы до Днепра. Часто краткие выводы об этнической принадлежности отдельных археологических культур зависят от общей концепции, которой придерживается исследователь.

При создании концепций происхождения славян археологи стремятся к комплексному подходу к источникам, широко привлекая данные других наук, прежде всего лингвистики, но основывают свой положение главным образом на археологических материалах. Среди большинства исследователей распространено представление об этнической сущности археологических культур, хотя это положение не имеет еще теоретического обоснования и его сторонники или противники ограничиваются лишь отдельными примерами. Пока приходится исходить из того положения, что каждый народ создает свою материальную и духовную культуру, стойко придерживается традиционных вкусов и обычаев. Поэтому вполне приемлемыми оказываются представления, что «нет и не может быть двух народов с совершенно одинаковой культурой. Если народ утрачивает свою культурную специфику, он перестает существовать как отдельный самостоятельный этнос» [Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А., 1971. С. 26; 1985. С. 23]. Необходимо учитывать сложность этногенетических процессов, происходивших на всем протяжении истории человечества и связанных с постепенными расселениями, переселениями и колонизацией, что приводило к ассимиляции пришлого или местного населения и иногда к возникновению нового этноса [Рыбаков Б. А., 1981б. С. 214—216; Алексеев В. П., Бромлей Ю. В., 1968. С. 35—45]. По мнению П. Н. Третьякова, основные формы этногенетического процесса — дифференциация и интеграция — не были одинаково представлены и протекали различными путями на разных этапах истории древних обществ. В период распада первобытного строя и в эпоху раннеклассового общества главенствующую роль приобретали интеграция и ассимиляция [Третьяков П. Н., 1966. С. 10]. Из этого следует вполне закономерный вывод, что нет «чистых народов» и этносы складывались в результате смешения

различных этнических групп, как пришлых, так и автохтонных [Бромлей Ю. В., 1973. С. 103]. В связи с этим среди археологов, особенно в последнее время, все больше распространяется представление о существовании этнически смешанных археологических культур. Но и в том случае, если смешение племен и их материальной культуры не зашло еще слишком далеко и не возникла новая единая общность, оказывается возможным выделение компонентов, сохраняющих комплекс черт, присущих культуре отдельных этносов.

Развитие культуры при спокойной обстановке происходит последовательно, а резкие изменения некоторых сторон материальной культуры возможны в связи с распространением технических новшеств, с переходом к новой социальной структуре, с появлением внешних импульсов со стороны более развитых обществ или при прямом внешнем воздействии. Но даже при таком скачкообразном развитии не все стороны культуры меняются моментально, и, если нет хронологического разрыва в материалах, всегда удастся проследить связующие звенья между разными культурами и сохранение некоторых традиций (например, между такими отличными, на первый взгляд, культурами, как роменская и культура Киевской Руси).

На этом основан самый распространенный и доказательный ретроспективный метод — исследование связей этнически известных культур с более ранними, применяемый археологами при определении этнической принадлежности древних культур. Но этот метод требует известной осторожности и не всегда приводит к правильным выводам. Б. А. Рыбаков предупреждает об опасности выделения устойчивых этнических признаков, своеобразного «этнического мундира», который может иметь значение лишь на коротких хронологических дистанциях [Рыбаков Б. А., 1981б. С. 219]. Действительно, этнические характерные черты культуры даже при постепенном эволюционном развитии не могут находиться в застывшем состоянии и существенно меняются со временем. Кроме того, в любом случае, развивалась ли культура только на местной основе или в ее сложении принимали участие пришлые племена, всегда должны сохраняться некоторые местные традиционные черты, которые сами по себе еще не могут свидетельствовать о наличии только местных генетических корней. Поэтому, помимо поисков связующих звеньев между культурами, не менее важно выяснение истоков всех и главным образом новых особенностей культуры. Необходимо решить вопрос, могли ли новые черты культуры возникнуть только путем местного развития или они были принесены со стороны, характерны для других культур и, значит, должны быть связаны с появлением нового населения. Во всяком случае выводы, полученные при применении ретроспективного метода, следует тщательно проверять и согласовывать с данными всех видов источников.

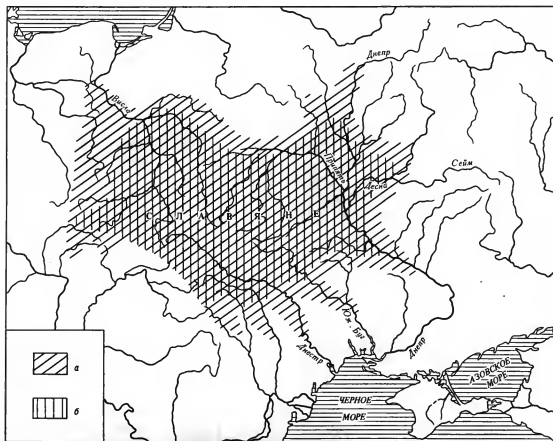
Помимо ретроспективного метода, при выяснении этнической ситуации широко применяются метод картографирования, наблюдения над совпадением ареалов культур разного времени, тем более если пределы ареалов не обусловлены природными рубежами. Свои построения археологи всегда пытаются подкрепить общеисторическими соображениями и данными других дисциплин.

Среди существующих сейчас точек зрения о происхождении и прародине славян остаются в силе положения, высказанные Л. Нидерле в начале XX в. [Niederle L., 1901]. Он обобщил огромное богатство фактических данных, собрал воедино исторические сведения о древних славянах, систематизировал имеющиеся в его время археологические материалы, широко использовал данные языка, топонимики, этнографии, антропологии. В результате он пришел к выводу, что славяне во II или I тысячелетии до н. э. образовывали единый народ с общим языком и лишь едва заметными диалектными различиями. Их единство начало распадаться в I тысячелетии н. э. Имеющиеся данные привели Л. Нидерле к утверждению, что прародина славян находилась к северу от Карпат, была ограничена с запада Вислой (или Эльбой, если будет доказана славянская принадлежность полей погребений лужицкой культуры), а с востока — средним Днепром, включая Березину и Десну (карта 1). Судя по сообщениям Геродота, Волынь и Подолия, заселенные скифами-земледельцами, ведущими совершенно иной образ жизни по сравнению с подлинными скифами-кочевниками, должны были быть, по мнению Л. Нидерле, славянскими территориями. В то же время Л. Нидерле отмечал, что нельзя проследить славянскую культуру от исторической эпохи до тех времен, когда славяне формировались, и в представлениях археологов о славянских древностях до V в. н. э. царит полная путаница [Нидерле Л., 1956. С. 23—34].

Почти в тех же пределах, что и Л. Нидерле, определял территорию славянской прародины Б. А. Рыбаков [1978. С. 182—196; 1979. С. 195—238; 1981б. С. 214—230; 1982. С. 12—46]. Прародина, по Б. А. Рыбакову, это условная, с сильно размытыми рубежами территория, на которой происходил необычайно запутанный и трудно определяемый этногенетический процесс. В бронзовом веке ее пределы доходили до Одера и Варты, проходили севернее Припяти, охватывали земли по Днепру с устьями рек Березина, Сож, Десна, Сейм, а с юга были ограничены течением Роси и Тясмина, затем граница пересекала в верхнем течении Южный Буг, Днестр и Прут и шла по северному склону Карпат [Рыбаков Б. А., 1981б. С. 228]. Разработанная Б. А. Рыбаковым концепция происхождения и древнейшей истории славян основана на совокупности данных разных наук, приведенных в общую систему и взаимно подкрепляющих друг друга. Основой концепции является совпадение ареалов археологических культур, прослеженное на протяжении трех хронологических периодов, в общей сложности охватывающих около тысячи лет, что отвечает, по мнению автора, существованию определенной этнической общности. Совпадают ареалы тишинецко-комаровской культуры XV—XII вв. до н. э., раннепсковской и зарубинецкой культур II в. до н. э.—II в. н. э. и славянской культуры VI—VII вв. н. э. типа Прага—Корчак (карта 2). Область тишинецко-комаровской культуры, по мнению Б. А. Рыбакова, можно признать первичным местом объединения и формирования праславян, отпочковавшихся от массива индоевропейских племен, что автор подтверждает мнением лингвистов о времени обособления праславян в середине II тысячелетия до н. э. [Горнунг Б. В., 1963. С. 3, 4, 49, 107].

Карта 1. Схема расселения славян из первоначальных областей их обитания по Л. Нидерле

- а — территория расселения славян;  
б — основная территория славян

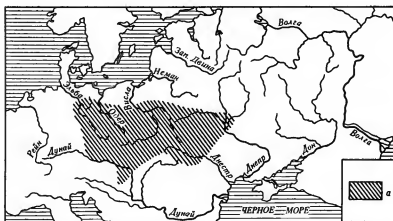
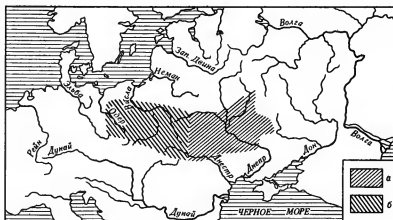


Вторая составная часть концепции Б. А. Рыбакова сводится к выяснению причин прерывистости процесса единообразного развития археологических культур в пределах намеченной территории. Первый интервал на протяжении около тысячи лет был связан, по его мнению, как с переменами в хозяйственном и социальном развитии внутри славянского мира, так и с вовлечением западной части праславян в сложный процесс формирования лужицкой культуры, основа которой, по всей вероятности, была кельто-иллирийской. В восточной половине славянского мира развитие шло более спокойно, и здесь на месте тшинцевой культуры образовались белгородская (XII—IX вв. до н. э.) и чернолесская (VIII— первая половина VII в. до н. э.) культуры. Последняя распространилась на левый берег Днепра в долину Ворсклы. Ареал чернолесской культуры полностью совпадает с областью распространения архаичной славянской гидронимии по О. Н. Трубачеву [1968], что подтверждает, по мнению Б. А. Рыбакова, славянскую принадлежность населения, создавшего эту культуру.

Третье звено концепции Б. А. Рыбакова составляет выделение праславянской зоны из обширной области скифской культуры. Отождествление праславян с земледельческими племенами, подпавшими под сильное влияние скифской культуры, проводилось Л. Нидерле, а позднее А. И. Тереножкиным [1961. С. 343, 344]. Анализ данных Геродота, сведенных в единую систему и сопоставленных с археологическими картами, физико-географическими условиями и сведениями о хозяйственной жизни племен Скифии [Рыбаков Б. А., 1979], привел Б. А. Рыбакова к выводу, что именно потомки носителей чернолесской

культуры — праславяне, жившие на Днепре, — во времена Геродота, в отличие от скифов-кочевников, занимались земледелием и были объединены в союз под именем «сколоты». К этому времени относятся иранизация праславянского языка и религии, показательно параллели скифским мифам в позднейших восточнославянских волшебных сказках. Падение лужицкой и скифской культур привело к воскрешению славянского единства, проявившегося в близости зарубинецкой и шеворской культур. Изменение исторической ситуации, завоевание римлянами Дакии во II в. н. э. вызвали усиление влияния Римской империи, создали благоприятные условия для развития хозяйства и торговли, что способствовало возникновению высокоразвитой черняховской культуры, занимавшей восточную часть славянского мира. Лесостепная часть ареала черняховской культуры почти совпадает, по данным Б. А. Рыбакова, с древним сколотским союзом и была заселена славянами, тогда как молдавско-приморская зона этой культуры принадлежала, по всей вероятности, готам [Рыбаков Б. А., 1981б. С. 220]. В то же время западная часть общего славянского ареала испытывала влияние со стороны германских племен, что привело во II—IV вв. к нарушению единства славянской культуры, которое возобновилось еще раз лишь в VI—VII вв., после падения Римской империи [Рыбаков Б. А., 1979. С. 228].

Польский исследователь В. Гензель также связывает кристаллизацию славян со временем тшинцевой культуры. Но, по его мнению, нельзя отождествлять культуру и этнос. Народы развивались не изолированно друг от друга. С одной стороны, культурные влияния и без непосредственного участия чуждых этни-



Карта 2. Области размещения славян по Б. А. Рыбакову

- 1 — первичное обособление славян в XV–XIII вв. до н. э. (а — территория распространения);
- 2 — славяне на рубеже нашей эры (а — восточная часть территории; б — западная часть);
- 3 — часть славянского мира в V–VII вв. (а — ареал пражской культуры)

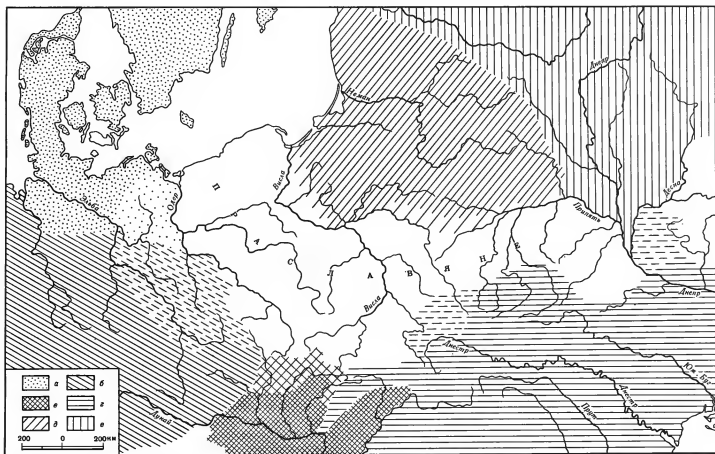
ческих элементов могут создавать новые формы культуры, а с другой — одну и ту же культуру могут иметь разные народы. Так, на территорию праславянской лужицкой культуры в разное время проникали иллирийцы, балты, кельты, а начиная с III в. до н. э. германские племена. В связи с этим В. Гензель не придает большого значения непрерывности культурного

развития и считает необходимым привлекать другие данные. Так как праславяне в древности соседствовали с прагерманцами, праильирийцами, прафракийцами, прабалтами, угро-финнами, иранцами, то на этом основании можно определить территорию прадрины славян между Одером и средним Днестром [Hensel W., 1973. S. 164–280] (карта 3). На рубеже нашей эры славянам принадлежали пшеворская, оксывская и зарубинская культуры [Hensel W., 1971. S. 29–46].

П. Н. Третьяков, подчеркивая сложность процесса славянского этногенеза, в который на разных этапах вовлекались многие племена, считал, что предки славян теряются в среде древних европейских земледельческо-скотоводческих племен [Третьяков П. Н., 1953. С. 29]. Начало этногенеза славян, балтов и германцев, по его мнению, восходит к племенам культуры шнуровой керамики конца III — начала II тысячелетия до н. э., в бронзовом веке массиву праславянских племен принадлежала тшинецко-комаровская культура, к которой восходит чернолесские и белоградские памятники, оставленные населением, этнически родственным лужицко-поморским племенам [Третьяков П. Н., 1966. С. 191, 219]. Рассматривая территорию, занятую соседними племенами — балтийскими, германскими, кельтскими, фракийскими, восточно-иранскими, с которыми контактировали древние славяне, исследователь выделяет земли, где возникали и обитали славяне до своего расселения в I тысячелетии н. э., — это пространство между средним Днестром и верхним Днестром, охватывающее северное Прикарпатье, бассейн Вислы и, возможно, доходящее до верхнего течения Одера и Эльбы [Третьяков П. Н., 1977. С. 195]. Основную роль в истории славянских племен на территории Восточной Европы П. Н. Третьяков отводил зарубинской культуре, которая сложилась, вероятно, на основе чернолесских и белоградских памятников, впитала в себя элементы лужицко-поморские, отчасти милоградские и скифские. Дальнейшая история зарубинских племен выглядит, по

П. Н. Третьякову, следующим образом. На рубеже нашей эры началось их продвижение к северу и северо-востоку по Днепру и в поречье Десны и Сожа, чему способствовало давление скифо-сарматских племен и затем готов. На Десне складывается позднзарубинская культура, в которой лишь минимально отразились местные южновские черты, тогда как зарубинское влияние распространилось в балтской среде на широких пространствах лесной полосы Восточной Европы, вплоть до верховьев Днепра и Оки. По основным признакам к позднзарубинским примыкают, по П. Н. Третьякову, памятники киевского типа, открытые в окрестностях Киева по Днепру и его притокам и относящиеся ко II–IV вв. При дальнейшем развитии на основе позднзарубинских памятников





образовалась колочинская культура, принадлежавшая, по мысли автора, к одной из группировок восточных славян, а при расселении позднезарубинецких племен к югу на бывшую черняховскую территорию сложились раннесредневековые славянские памятники типа Пеньковки. Не верхнеднепровское, а более западное происхождение имели только славянские памятники типа Корчак [Третьяков П. Н., 1966. С. 190—220, 304]. Черняховская культура, по мнению П. Н. Третьякова, распространилась в разноплеменной среде и не имела прямого отношения к восточно-славянскому этногенезу, лишь южная часть зарубинецкого населения могла оказаться отчасти под черняховской «вуалью» [Третьяков П. Н., 1966. С. 203, 220—224].

Зарубинецкая линия развития славян, намеченная П. Н. Третьяковым, находит сейчас широкую поддержку среди археологов, занимающихся культурами рубежа и первой половины I тысячелетия н. э. Работу в этом направлении продолжил Е. А. Горюнов, но на новом материале его выводы оказались более осторожными, чем у П. Н. Третьякова. Е. А. Горюнов считал, что памятники киевского типа имели особый характер, и в них есть лишь отдельные элементы, близкие к зарубинецким, поэтому их нельзя называть позднезарубинецкими. В дальнейшем на основе киевской складывается колочинская культура, но последние сменяют эволюционные памятники VII—VIII вв., не связанные эволюционным развитием с колочинской культурой, как предполагал П. Н. Третьяков. Появление в Верхнем Поднепровье славянских памятников (VII—VIII вв.), по мнению Е. А. Горюнова,

Карта 3. Праславяне в конце II — начале I тысячелетия до н. э. по В. Генезало

а — пратерманцы; б — пракельты; в — иллирийцы; г — прафракийцы; д — прибалтийцы; е — угро-финны

вероятно, было вызвано отходом на север под нажимом хазар части пеньковского населения. В связи с этим этническое лицо колочинской и киевской культур не поддается четкому определению, но «некоторые данные позволяют считать, что обе культуры в своей основе являлись славянскими» [Горюнов Е. А., 1981. С. 36, 94]. Р. В. Терпиловский, непосредственно занимающийся киевской культурой, подчеркивает ее перерастание в колочинскую и при этом отмечает значительную роль киевской культуры в сложении банцеровских и тушемлянских древностей Верхнего Поднепровья и Подвинья, родственных колочинским. Он считает возможным и существование определенных генетических связей киевских памятников Среднего Поднепровья с пражской культурой. Киевская культура послужила основой возникновения и пеньковских памятников в Днепровском лесостепном левобережье, что было связано, по мнению Р. В. Терпиловского, с продвижением на юг в середине I тысячелетия н. э., скорее всего около V в., части деснянских племен. Этнос носителей пеньковской культуры идентифицируется со славянами-антами, наблюдается взаимопроникновение элементов пеньковской и колочинской культур, образующих широкую смешанную зону в левобережной лесостепи и Подесенье, поэтому колочинские памятники, как и

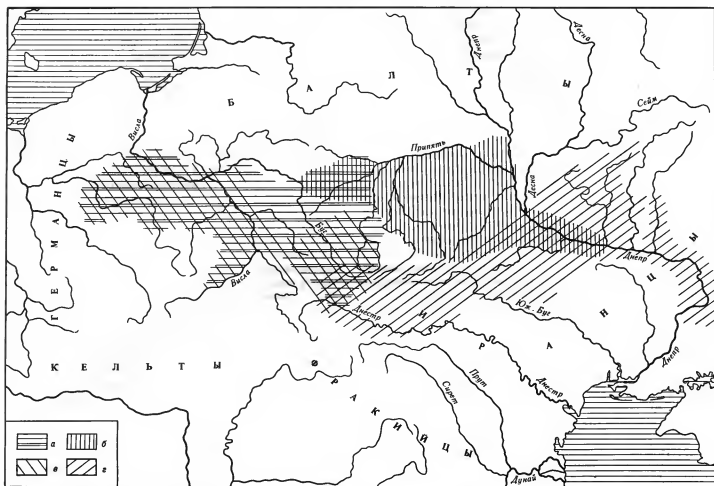
пеньковские, и общую для этих культур подоснову — киевскую культуру — автор рассматривает как славянские [Терпиловский Р. В., 1984. С. 73—85]. Таким образом, киевская культура оказывается исходным пунктом возникновения всех раннесредневековых славянских группировок.

В польской культуре была широко распространена концепция западного происхождения славян, а именно их сложения на пространстве между Вислой, Одером и верховьями Эльбы. Наиболее развернуто эта концепция представлена в трудах Я. Костевского, главы школы автохтонистов. По его представлениям, славянскими были лужицкие племена в конце эпохи бронзы и в начале раннежелезного периода. После населения на них поморских племен, расселившихся с севера в середине I тысячелетия до н. э., образовались пшеворская и оксывская культуры, связанные с историческими венедами. Для подтверждения своих выводов Я. Костевский находил общие элементы в хронологически последовательных культурах, что, по его мнению, доказывает эволюционное развитие культуры славян [Kostrzewski J., 1935; 1961; 1965]. Близких взглядов придерживался Т. Лер-Славинский, но он относил лужицкую культуру к индоевропейским племенам венецов, а сложение славян, по его мнению, произошло в середине I тысячелетия до н. э. после расселения носителей поморской культуры [Lehr-Spławiński T., 1946. S. 137—141].

Концепцию западной прародинны славян, охватывавшей бассейн средней и отчасти верхней Вислы, достигавшей на западе среднего течения Одера и на востоке — Припятского Полесья и Волыни, отстаивает В. В. Седов. В работе, посвященной происхождению и ранней истории славян, он излагает историю изучения проблемы происхождения славян и дает обзор современных лингвистических, антропологических и исторических данных по этой проблеме [Седов В. В., 1979]. В. В. Седов строит свою концепцию на археологических материалах, придерживаясь ретроспективного метода исследования, который он считает единственно удовлетворительным путем для археологического изучения этногенеза, и лишь затем пытается сопоставить свои выводы с данными других наук [Седов В. В., 1979. С. 43]. Он исходит из того, что археологические культуры соответствуют этническим общностям, хотя при некоторых условиях, миграциях и взаимопроникновениях могут складываться и полиэтнические культуры. В отличие от польских автохтонистов, связывавших лужицкую культуру (конец I — середина I тысячелетия до н. э.) с праславянами, В. В. Седов относит эту культуру к одной из диалектных группировок древнеевропейского населения (предков кельтов, италиков, германцев, славян и, возможно, некоторых других европейских этносов). При ретроспективном подходе к археологическим материалам самой ранней славянской культурой, по его мнению, следует считать подклешевую V—II вв. до н. э. (часто объединяемую с поморской, но имевшую специфические черты и занимавшую особую территорию). По времени культура подклешевых погребений соответствует первому этапу развития праславянского языка (по Ф. П. Филину), и ее славянская принадлежность подкрепляется или во всяком случае не противоречит другим приведенным в работе лингвистическим данным [Седов В. В., 1979. С. 51].

На основе подклешевой культуры с конца II в. до н. э. складывается пшеворская, на развитие которой оказала влияние инфильтрация кельтских и германских племен, что привело к неоднородности культуры и населения. По мнению исследователя, в ареале пшеворской культуры выделяются два региона, отличающихся друг от друга деталями погребального обряда, набором инвентаря и типами керамики. Восточный, Висленский, регион сформировался непосредственно на основе подклешевой культуры и эволюционно связывается со славянской раннесредневековой культурой пражского типа, тогда как западный, Одерский, регион был заселен в значительной степени восточными германцами. На востоке славянская территория на рубеже нашей эры, возможно, достигла Среднего Поднепровья, куда доходила зарубинецкая культура, население которой родственно пшеворскому, но в то же время в ней были сильны местные балтские элементы. Южная часть населения зарубинецкого ареала приняла в дальнейшем участие в генезисе славянского ядра черняховской культуры. В сложении черняховской культуры определенный вклад внесло местное скифо-сарматское население, а в западных областях — карпские и дакийские племена. Существенную роль в сложении черняховской культуры сыграло также пришлое пшеворское население. Все это привело к этнической пестроте черняховского населения, но разнотипные элементы концентрируются по территории неравномерно. На этом основании В. В. Седов выделяет Подольско-Днепровский регион, охватывающий Среднее Приднепровье, верхнее и среднее течение Южного Буга и область Верхнего Подостровья (карта 4). Для этого региона, по мнению автора, характерна концентрация зарубинецких и пшеворских особенностей, принесенных славянами, постепенно ассимилировавшими местное скифо-сарматское население. Благодаря процессу ассимиляции в культуре, языке и верованиях юго-восточной части славян явственно прослеживается иранское воздействие. О славянской принадлежности населения Подольско-Днепровского региона свидетельствуют, по В. В. Седову, генетические связи его культуры со славянскими древностями V—VII вв. типа Праги—Пеньковки.

Линия развития славянской культуры от подклешевых памятников к пшеворским, а затем к раннесредневековым пражским поддержана И. П. Русановой. Она попыталась выделить из разнородного материала пшеворской культуры отдельные компоненты, каждый из которых имеет свои особенности в погребальном обряде, характере домостроительства, в наборе инвентаря и типах посуды. Путем корреляции материалов поселений и могильников ей удалось обособить комплексы, относящиеся к трем группам пшеворской культуры: первая из них характеризуется чертами, близкими подклешевой и раннесредневековой пражской культурам, и принадлежала славянскому населению; вторая имеет соответствие в кельтских памятниках и, вероятно, связана с проникновением в Висло-Одерское междуречье кельтского населения; третья оставлена германскими племенами, распространившимися с севера и северо-запада и принесшими свои культурные особенности. Разнотипное население жило, по наблюдениям автора, чересполосно на пшеворской территории и



оставило смешанные памятники [Русанова И. П., 1985. С. 43,44;1990].

В последние годы распространилась точка зрения, возрождающая представление о сложении славян на востоке, в Поднепровье. Д. А. Мачинский, рассматривая письменные источники о венетах, пришел к убеждению, что со II в. до н. э. до середины IV в. н. э. они обитали на территории, охватывающей средний Неман, среднее и верхнее течение Буга, доходившей на востоке до верховьев Псла и Оки и ограниченной на севере средним течением Западной Двины и истоками Днестра. На этой территории жили пра-славяне, балты и «балтопраславяне», при этом славянам принадлежала культура штрихованной керамики (VI в. до н. э.—IV в. н. э.), имевшая «общий облик» с культурой пражского типа. В середине I в. н. э. славяне двинулись к югу и западу, вытеснив зарубинецкое население (по мнению автора, дославянское, возможно, бастарское?). На занятой венетами земле неизвестны памятники конца I—II вв., они, вероятно, археологически трудноуловимы, во всяком случае сейчас это зона «археологической пустоты». В дальнейшем на основе памятников киевского типа и при сильном влиянии черняховской культуры формируется пеньковская культура, хорошо уязвимая с антами — юго-восточной группой славянства.

Близкой концепции придерживается польский исследователь К. Годюловский. По его мнению, нет доказательств соответствия археологических культур этническим группам, и при поисках истоков славян

Карта 4. Размещение славян с V в. до н. э. по V в. н. э. по В. В. Седову

а — культура подклешевых погребений (V—II вв. до н. э.); б — зарубинецкая культура (II в. до н. э.—I в. н. э.); в — Висленский регион пшеворской культуры (II в. до н. э.—V в. н. э.); з — Подольско-Днестровский регион черняховской культуры (III—V вв. н. э.).

Составитель И. П. Русанова

в первой половине I тысячелетия н. э. важны не типологические сопоставления археологических признаков, а общая модель культур и уровень социально-экономического развития населения. Культуры славян VI—VII вв. — пражская, пеньковская, типа Колочин—Тусемля—Акатово—Банцеровична — характеризуются простотой и бедностью инвентаря, неразвитостью социально-экономической структуры, и это резко отличает их от культур римского времени — пшеворской, вельбарской и черняховской, входивших в общую среднеевропейскую культурную провинцию. Вместе с тем модель раннесредневековой славянской культуры близка уровню социально-экономического развития племен лесной зоны Верхнего Поднепровья, где были распространены позднерубинецкая и киевская культуры и где следует искать предков исторических славян. Отсюда, по мнению К. Годюловского, началось расселение славян, а их культуры — пражская и пеньковская — кристаллизовались не раньше V в. н. э. на новой территории между Карпатами и Днестром и впитали в себя элементы местных культур римского вре-

мени, в том числе пшеворской (тип сосудов) и черняховской (жилища). На территорию Польши славянская культура проникает около середины V в. н. э. Большое единство славянских языков позволяет, по мнению К. Годловского, предположить позднее формирование славянской языковой общности, приблизительно одновременное созданию их культур в середине I тысячелетия н. э. [Godfowski K., 1979, S. 5—27].

Развивая положения Д. А. Мачинского и К. Годловского, М. Б. Шукин подчеркивает отличие «структуры» черняховской и пшеворской культур позднеримского времени, для которых характерно распространение мисок и фибул, от раннесредневековых славянских культур, которым в основном свойственны горшки. По мнению ученого, к востоку от Вислы и к северу от Киещины складывается зона лесных культур, в которую попадают носители культуры штрихованной керамики, среднетуземлянской культуры и горизонта Рахны—Почел (последние включают элементы зарубинецкие — «бастарские», юхновские и сарматские). Эта зона может быть сопоставлена с венедами Тацита. В результате бурных событий и передвижений I—II вв. складывается киевская культура, являющаяся, по М. Б. Шукину, балто-славянской. После гуннского нашествия и начавшегося передвижения населения из венецкого «котла» создаются близкие между собой раннеславянские культуры: колючинская на основе киевской, пеньковская из киевских, черняховских и кочевнических элементов, пражская, происхождение которой пока неясно, но возможно, она сложилась на левобережье Днестра или в «белом полевском пятне», где до сих пор нет памятников II—IV вв. [Шукин М. Б., 1987, С. 103—119].

Все различные мнения о путях сложения славянских раннесредневековых группировок объединил В. Д. Баран. По его представлениям, при возникновении славянских группировок интегрировались разные культуры римского времени — киевская и пшеворская. В зависимости от удельного веса каждой из этих культур возникли отдельные славянские группы: в сложении пражской культуры принимали участие все перечисленные культуры римского времени, по основу составляли черняховские памятники западного Побужья и Верхнего Поднестровья; пеньковская культура складывалась при соединении киевских, отчасти черняховских и кочевнических элементов; колючинская культура в Верхнем Поднестровье возникла на основе балтского субстрата, зарубинецких и киевских древностей, в результате чего здесь «намечалась тенденция славянизации» [Баран В. Д., 1978, С. 5—37; 1981, С. 163—177; 1983, С. 5—48]. В свою очередь славянский компонент черняховской культуры, в целом полиэтнической, по В. Д. Барану, сложился на территории западного Побужья и Верхнего Поднестровья при соединении элементов пшеворской и киевской культур. Следовательно, при сложении всех перечисленных группировок раннесредневековых славян ведущая роль принадлежала киевской культуре, которая, повидимому, и придала единообразный характер славянским культурам V—VII вв. в Восточной Европе. Западные славянские группы этого времени, распространенные между Вислой и Одером, несмотря на

общие черты с пражскими памятниками более восточных районов, возникли и развивались самостоятельно [Баран В. Д., 1982, С. 43].

Несмотря на противоречивость изложенных точек зрения на начало формирования славянской общности и этническую принадлежность отдельных культур, почти все исследователи единодушны в том, что в первой половине I тысячелетия н. э. территория между средним Днепром, Днестром и Бугом была занята славянскими племенами. С ними отождествляют население зарубинецкой, киевской, отчасти пшеворской культур и северной лесостепной части черняховской культуры. Сторонников отнесения всех памятников черняховской культуры к славянскому населению становится все меньше [Брайчевский М. Ю., 1964, С. 3; 1968, С. 74; Махно Е. В., 1984, С. 68; Симонович Э. А., 1971г]. Сейчас более распространено представление о полиэтничности черняховского населения, и исследователи или ищут отдельный славянский компонент в этой культуре (В. Д. Баран), или выделяют часть ее территории, заселенную в основном славянами (Б. А. Рыбаков, В. В. Седов). Спорность и гипотетичность решения многих вопросов, связанных с этногенезом и ранней историей славян, так же, как и других народов, вызваны сложностью этногенетических проблем, разными представлениями о ходе этнических процессов и имеющихся проблемах в наших знаниях.

\* \* \*

Период конца I тысячелетия до н. э. и первой половины I тысячелетия н. э. предшествует эпохе «Великого переселения народов» и охватывает начало этой эпохи. Он характеризуется расселениями и миграциями целых народов, формированием и распадом разноэтничных союзов племен, войнами между ними и с Римской империей. С этим периодом связаны последний подъем могущества Римской империи, когда ею были захвачены новые земли, широко распространялось экономическое и политическое влияние Рима, и наступивший вслед за этим упадок Римского государства, что было вызвано общим кризисом рабовладельческой системы. У народов, населявших центральную и южную части Восточной Европы, в этот период происходили колоссальные внутренние сдвиги в культурном и социально-экономическом развитии. Происходило смешение племен и их культур, испытывавших сильное влияние сначала латенской, а затем римской цивилизации, резко прекратившейся в конце IV в. н. э. Все это привело к нарушению плавного эволюционного развития археологических культур.

Территория Восточной и Средней Европы в указанное время очень неравномерно освещена письменными источниками. Античные авторы хорошо знали земли Северного Причерноморья и жилище там народы, связанные тесными торговыми отношениями с греческими городами Крыма. Давно были известны скифы и подвластные им народы, занимавшие степную и лесостепную зоны Причерноморья. Скифское господство на юге кончилось в III в. до н. э., и в дальнейшем, до III в. н. э., жизнь продолжалась лишь на позднескифских укрепленных поселениях на нижнем Днепре, а столица скифов была перенесена в Крым [Шульц П. Н., 1957; Высот-

ская Т. Н., 1979]. В письменной традиции имя скифов надолго, вплоть до средневековья, сохранялось за народами Причерноморья.

Место скифов в причерноморских степях заняли сарматы, продвинувшиеся с востока. Их памятники IV—III вв. до н. э. известны на Дону и на степном левобережье Днепра, а переход сарматских племен (языги, роксоланы, аорсы, сираки, аланы) на правый берег Днепра произошел, очевидно, на рубеже нашей эры. М. Б. Шуклин датирует наиболее ранние сарматские памятники на правом берегу нижнего Днепра первой половиной I в. н. э., в Молдове они относятся уже ко второй половине I в. н. э., а в Мунтении и Трансильвании появляются не раньше II в. н. э. [Шуклин М. Б., 1979б. С. 73—75]. Сарматские памятники I—II вв. распространены на территории Украины и Молдовы неравномерно и пока еще слабо изучены. Их скопления наблюдаются по Днепру около Тясмина и в междуречье Днестра и Прута [Смирнов К. Ф., 1954; Рикман Э. А., 1975в. Рис. 1; Абрамова М. П., 1961. С. 91—110; Костенко В. И., 1980; Дзиговский А. Н., 1982; Гросу В. И., 1982. Рис. 1]. Сарматы продвинулись на запад к границам Римской империи и участвовали вместе с германскими и гето-дакийскими племенами в Маркоманнских войнах 166—180 гг. С первых веков нашей эры территория Северного Причерноморья называется античными писателями уже не только Скифией, но и Европейской Сарматией.

Области, лежащие к северу от земель скифов и сармат, оставались почти неизвестными грекам и римлянам. Более подробные сведения римляне получали о западных территориях, занятых кельтскими и германскими племенами. Распространение культуры кельтов и их влияния охватывало земли Центральной и Западной Европы и существенно воздействовало на окружающие народы. Под давлением римлян, даков и германцев кельтские племена двинулись к северо-востоку и востоку, достигнув Закарпатья (верховья р. Тиса) и верхнего течения Одера и Вислы. Возможно, кельты под именем галатов проникали далеко на восток и в конце III или начале II в. до н. э. угрожали Ольвии, что следует из декрета в честь Протогена [Латышев В. В. 1887. С. 66—86]. В III в. до н. э. с севера началась экспансия германских племен кимбров и тевтонов; в середине I в. до н. э. Римская империя захватила кельтскую Галлию, затем Паннонию и Норикум. После борьбы с маркоманнами и квадами в начале I в. н. э. во всех этих областях были созданы римские провинции. «Янтарный» торговый путь шел на север к Балтийскому морю по Одру и Висле, и дополнительные известия об этих землях поступали от римских кушцов. Наиболее ценные сведения о севере Европы содержатся в трудах Юлия Цезаря (I в. до н. э.), Корнелия Тацита (I в. н. э.), Плиния Старшего (вторая половина I в. н. э.), Клавдия Птолемея (II в. н. э.).

Стремясь объединить сведения о восточных и западных землях, римские авторы расширяли территорию сарматских племен далеко на север, приписывая им неизвестные римлянам области, а границу Европейской Сарматии проводили по Висле, за которой начиналась «Великая Германия». Попытки соединить знания, полученные с разных концов Старого Света,— со стороны Черного моря и из Прибал-

тики,— видны уже у Помпония Мелы (середина I в. н. э.), Плиния Старшего, Клавдия Птолемея [Рыбаков Б. А., 1979. С. 204, 205]. По Птолемею, «Европейская Сарматия ограничена на севере Сарматским океаном по Венедскому заливу и частью неизвестной земли... С запада Сарматия ограничивается рекой Вистулой, частью Германии, лежащей между ее истоками и Сарматскими горами» [Птолемей, V, 1—3].

При перечислении племен, населявших Европейскую Сарматию в I—II вв., упоминаются венеты (венеды) — древнее название славян, что следует из позднейших сообщений готского историка Иордана, написавшего свой труд «О происхождении и деяниях гетов» в 551—555 гг.: между Дунаем и Днестром «лежит Дакция, которую наподобие короля, окружают скалистые Альпы. У левого их склона, спускающегося к северу, начиная от места рождения реки Вистулы, на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склавинами и антами» [Иордан, 34]. Термин «венеты» не является самоназванием славян и был перенесен на них как восточных соседей германцев от более древнего, по видимому кельтско-иллирийского, населения [Łowmiański H., 1963. S. 90—93; Рыбаков Б. А., 1982. С. 16]. Древнейшее упоминание о венетах содержится в «Естественной истории» Плиния Старшего (23/24—79 гг.): земли Сарматии «до р. Вистлы обитаемы Сарматами, Венетами, Скирами и Гиррами» [Плиний, IV, 94]. С Вислой венеды связываются и в «Географии» Клавдия Птолемея (ум. около 179 г.): «Заселяют Сарматия очень многочисленные племена: Венеды — по всему Венедскому заливу; выше Дакии — Певкины и Бастарны; по всему берегу Меотиды — Языги и Роксоланы; далее за ними внутри страны — Амаксонии и Скифы-Аланы». «Восточнее вышеисказанных племен живут: ниже Венедов — Галинды, Судины и Ставаны до Аланов» [Птолемей, V, 7, 9]. Более широко, но точно не определенную локализацию венедов дал Тацит (55—120 гг.): венеды «ради грабежа рыщут по лесам и горам, какие только ни существуют между левкими и финнами» [Тацит. С. 372, 46]. Огромная территория между финнами — далекими северо-восточными жителями и левкими, обитавшими в устье Дуная, вероятно, совсем не была известна Тациту, и неясно, где именно жили венеды. В более позднем источнике — римской дорожной карте конца III — начала IV в., получившем название «Певтингеровы таблицы», венеды помещены в двух местах — к северо-западу от бастарнов и рядом с гетами и даками между Дунаем и Днестром [Miller K., 1888], что указывает на колонизацию славян в южные области [Рыбаков Б. А., 1982. С. 34—36]. Этим ограничиваются древнейшие сведения о венетах, и лишь к VI и последующим векам относятся многочисленные данные о славянах, помещенные в трудах византийских авторов, что было вызвано расселением славян на Дунае и их нападениями на Византию.

Территория Нижнего Подунавья с древнейших времен была заселена фракийскими племенами ге-

тов и даков. В начале III в. до н. э. на их земли проникли кельты, занявшие Трансильванию и Олению и оказавшие большое влияние на местную культуру. На рубеже III—II вв. до н. э. сюда же вторглась новая этническая группа — союз племен во главе с бастарнами, которых древние авторы связывали с германцами или кельтами. О расположении бастарнов писал Страбон: «Внутри материка бастарны живут в соседстве с тиретгетами и германцами, вероятно, и сами принадлежат к германскому племени и будучи разделены на несколько колен: некоторые из них называются атмонами и сидонами, те, которые заняли остров Певку на Истре, — певкинами, а самые северные, занимающие равнины между Танаисом и Борисфеном, называются роксоланами» [Страбон. География, VII, 3, 17]. По данным Птолемея, основная масса бастарнов жила «выше Дакии», т. е., по-видимому, на северо-восточных склонах Карпат и по Днестру [Птолемей, V, 7]. По Тациту, «певкины, которых некоторые называют бастарнами, речью, образом жизни, одесностью и жилищами повторяют германцев» [Тацит, С. 372, 46]. Между Дунаем и Тисой в первых веках нашей эры расселились сарматы-языги. По Плинию Старшему, «к северу от Истры, вообще говоря, все племена считаются скифскими, но прибрежные местности занимали разные племена, то геты, у римлян называемые даками, то сарматы» [Плиний, IV, 80].

Гето-дакийское население достигло своего расцвета в I в. до н. э. — I в. н. э., когда на Карпато-Дунайской территории возник племенной союз во главе с Бурбестой, а позднее Децибалом. Гето-даки вместе с бастарнами и сарматами в течение более 100 лет вели борьбу с Римской империей, которая закончилась их поражением и созданием в 106 г. римской провинции Дакия, что повлекло за собой постепенную романизацию населения. Часть свободных даков жила за пределами римских владений в Карпато-Днестровских землях, где Птолемею было известно сильное племя карпов [Párvan V., 1928. P. 189].

Завоевание Дакии Траяном усилило торговые сношения Римской империи с народами Причерноморья, Прикарпатья и Поднепровья, которые оказались в столь благоприятных условиях, что это коренным образом сказалось на развитии их культуры, социальных отношений и особенно ярко отразилось на населении черняховской культуры. Этому способствовало и оживление связи с античными городами Северного Причерноморья, которые в I—II вв. переживали период нового экономического и культурного подъема [Гайдукевич В. Ф., 1958. С. 19]. Отзвуки похода Траяна и его имя, по мнению Б. А. Рыбакова, надолго сохранились в фольклоре соседних народов, «тройные века» упоминаются в «Слове о полку Игореве» как счастливые время предков русичей [Рыбаков Б. А., 1982. С. 37].

В III в. н. э. Римская империя переживает сильный социально-экономический и политический кризис. Рабовладельческая форма эксплуатации все более сковывала развитие производительных сил, наблюдались упадок сельского хозяйства и ремесла, ослабление торговых связей. Происходила частая смена императоров, шла борьба за власть, усилились вос-

стания рабов, огромный размах приобрели сепаратистские движения в римских провинциях. В 230-х годах началась война с персами и нападения коалиции варварских племен (карпы, бастарны, готы, сарматы) на северные провинции Империи, так называемые скифские войны. Хотя они и закончились победой Рима, но от Римского государства окончательно отпала провинция Дакия. Варварские племена, нападавшие на Империю, находились на стадии военной демократии, когда «война и организация для войны становятся... регулярными функциями народной жизни. Богатства соседей возбуждают жадность народов у которых приобретение богатства оказывается уже одной из важнейших жизненных целей» [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 21. С. 164]. Нападения варваров на слабеющую Римскую империю продолжались, и в 395 г. произошел ее распад на две части — Восточную и Западную; в 410 г. вестготами был взят и разграблен Рим; в 476 г. Западная Римская империя прекратила свое существование.

Большая роль в истории народов Северного Причерноморья отводится в литературе германским племенам готов и гепидов. По легенде, сохраненной Иорданом в сочинении «О происхождении и деяниях гетов» (551 г.), готы и гепиды на трех кораблях прибыли из Скандинавии и высадились в устье Вислы, подчинив местные племена. Когда количество народа там сильно возросло, «войско готов вместе с семьями двинулось оттуда. В поисках удобнейших областей и подходящих мест для поселения они пришли в земли Скифии, которые на их языке назывались Ойум» [Иордан, 27]. Победив славов, готы двинулись в крайнюю часть Скифии, соседящую с Понтийским морем.

«Первое расселение готов было в Скифской земле, около Меотийского болота; второе — в Мизии, Фракии и Дакии; третье — на Понтийском море, снова в Скифии» [Иордан, 38]. Готские племена создали два союза: западный — везиготов и восточный — остготов, подчинивших себе многие другие племена. Наибольшего могущества готы достигли в IV в. н. э. при остготском короле Германарихе (Эрманарихе), который «покорил много весьма воинственных северных племен и заставил их повиноваться своим законам». Перечисление подвластных Германариху племен охватывает народы Севера и кажется недостоверным: среди них, помимо герулов, упомянуты эсты, меря, мордва, чудь. Среди побежденных Германарихом были и венеды. «Германарих двинул войско против веновтов, которые, хотя и были достойны презрения из-за слабости их оружия, были однако могущественны благодаря своей многочисленности и пробовали сначала сопротивляться» [Иордан, 119]. В. П. Буданова, проанализировавшая письменные источники о «государстве Германариха», пришла к выводу, что союз готов был непрочным, его состав непрерывно менялся, а перечень покоренных племен отражает линию торгового пути от Балтийского моря к Уралу [Буданова В. П., 1984. С.35, 36]. После подчинения гуннам произошло столкновение готов с антами: «Понемногу освобождаясь из-под их власти и пробуя проявить свою силу, он [Винитарий] двинул войско в пределы антов и, когда вступил туда, в первом сражении был побежден, но в дальнейшем стал действовать решительнее и расправил короля их Бога с сыновьями и с семьдесятю старейшинами для

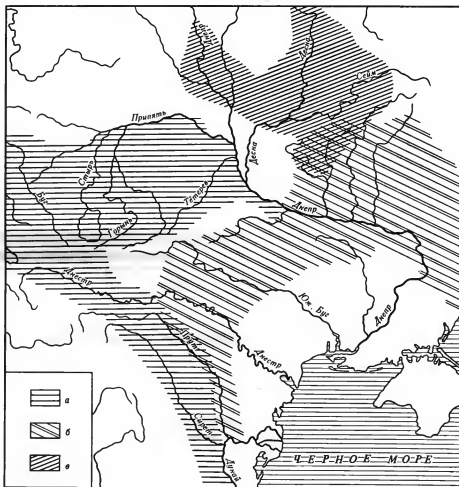
устрешения, чтобы трупы распятых удвоили страх покоренных» [Иордан, 247].

В 70-х годах IV в. н. э. в Восточную Европу вторглись огромные полчища гуннов — «неизвестный дотоле род людей, поднявшихся, как снег, из укромного угла, вырывает и уничтожает все, что попадется навстречу, подобно вихрю, несущемуся с высоких гор» [Аммиан Марцелин, 31, 3, 1]. «Гунны вторглись в земли тех Аланов, которые сопредельны с Гривтунтами и обыкновенно называются Танаитами, многих перебили и ограбили, а остальных присоединили к себе по условиям мирного договора; при их содействии они с большей уверенностью внезапным натиском ворвались в обширные и плодородные владения Ерменяха... Пораженный силой внезапно надвинувшейся бури, он долго пытался удержаться твердо и прочно, но потом, когда молва преувеличила свирепость нападавших, он добровольно смертью подавил страх больших бедствий» [Аммиан Марцелин, 31, 3, 1]. После многих поражений готы ушли на запад к Днестру, где были вновь разбиты гуннами, и стремились поселиться за Дунаем в пределах Византии. Обращаясь к императору Валентину, они «униженно просили принять их, обещая жить спокойно и подавая помощь по требованию обстоятельств» [Аммиан Марцелин, 31, 4, 1].

Гуннский разгром привел к упадку экономической жизни населения Причерноморья, были разорены античные города Крыма, нарушены традиционные торговые и культурные связи, что приостановило социальное развитие. Гуннское нашествие и прекращение римского влияния привели к коренным изменениям материальной культуры, что затрудняет изучение истоков раннесредневековых славянских культур.

\* \* \*

Настоящий том посвящен характеристике археологических культур, относящихся ко времени со II в. до н. э. по V в. н. э., т. е. к позднелатенскому и римскому периодам, и занимающих территорию от Верхнего Поднепровья и Подесення до Северного Причерноморья и западных границ Советского Союза. Лишь в некоторых случаях, при выходе ареалов культур за пределы государственной границы, привлекаются и зарубежные материалы. Пределы рас-



Карта 5. Распространение культур V—VII вв.

a — пражская; б — пеньковская; в — колочинская.  
Составитель И. П. Русанова

сматриваемой территории обусловлены тем, что именно здесь в V—VII вв. были распространены археологические культуры — пражская, пеньковская и колочинская, славянская принадлежность которых вполне доказана или во всяком случае имеет сторонников и достаточно серьезные обоснования (карта 5). Эта же территория входит в состав славянской прародины, как ее представляют себе многие исследователи. В физико-географическом отношении это равнинные области, пересеченные крупными реками — Днепром, Доном, Южным Бугом, Днестром и Прутом, текущими с севера на юг и принадлежащими к бассейну Черного моря. Лишь на северной границе рассматриваемых земель р. Припять течет в широтном направлении, а в западном пограничье р. Буг относится к бассейну Балтийского моря. На западе границей служат Карпатские горы. Северная часть территории входит в область широколиственных лесов с типичным для Припятского Полесья низинным ландшафтом, южнее тянутся полосы лесостепи с плодородными почвами и зона причерноморских степей.

В томе приводятся описания археологических культур, которые в той или иной степени могут быть связаны со славянским этносом, а также соседних, явно неславянских культур, носители которых общались со славянами или слились с ними в процессе

<sup>1</sup> Термин «позднелатенский период» условен, и его закономерно употребляют для собственно кельтской культуры. На остальных территориях период, охватывавший время с рубежа III — II вв. до н. э., начинается еще в среднем периоде Латена и теперь все чаще называется «позднее предримское время».

Относительная	Позднелатенский период			Раннеримский период		Позднеримский период и ранний период эпохи переселения народов					
	ранняя фаза	средняя фаза	поздняя фаза	B <sub>1</sub>	B <sub>2</sub>	B <sub>2</sub> C <sub>1</sub>	C <sub>1a</sub>	C <sub>1b</sub>	C <sub>2</sub> C <sub>3</sub>	D	
Абсолютная	200 г. до н.э.	100 г. до н.э.	0	100 г. н.э.	200 г. н.э.	300 г. н.э.	400 г. н.э.				
Черняховская					■ ■	■■					

Рис. 1. Хронология культур. Составитель И. П. Русанова

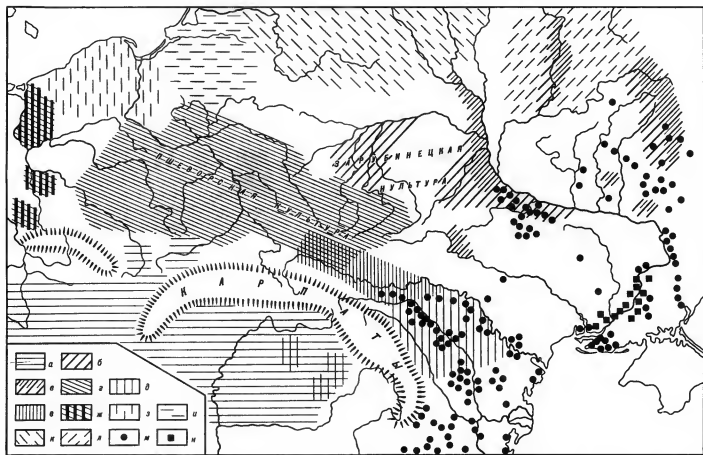
развития и формирования раннесредневековых славянских племен. Исключение сделано только для поднепровских и сарматских памятников, материалы которых вошли в другой том «Археология СССР» — «Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время». Также в другой том — «Ранний железный век лесной полосы СССР» — помещены материалы более северных культур — штрихованной керамики, днепро-двинской и среднетушменской, в которых некоторые авторы в последнее время склонны видеть участников славянского этногенеза.

Помимо этических проблем, специфика археологических источников позволяет вполне определенно решать ряд конкретных вопросов. Классификация материалов, среди которых важнейшее место принадлежит керамике, позволила выделить характерные признаки отдельных культур последних веков до нашей эры и первой половины I тысячелетия н. э. Для большинства культур этого времени определена территория распространения, выявлены контактные зоны между смежными культурами. Прослеживаются внешние влияния, связанные с обменом и торговлей, выявляются проникновения групп чуждого населения с соседних земель и передвижения племен, делаются попытки выделения компонентов, послуживших основой возникновения новых культур. Большие успехи достигнуты в изучении хозяйственной жизни населения, для чего археологические материалы предоставляют многочисленные и надежные данные. Для исследования общественных отношений и их разви-

тия необходимых полностью раскопанные поселения и могильники и выявление всех синхронных памятников. Таких данных пока еще очень мало, поэтому выводы, касающиеся общественных отношений, часто оказываются не вполне надежными и схематичными. В целом археологические материалы являются достоверными историческими источниками и значительно дополняют и расширяют сведения, почерпнутые из письменных памятников.

Большое внимание в современных исследованиях уделяется уточнению хронологии памятников, их синхронизации, выявлению хронологического стыка или разрыва между культурами, что в свою очередь определяет создаваемые исторические реконструкции. Для этого широко привлекаются хронологические схемы, разработанные по европейским материалам Я. Филипом, Р. Хахманном, К. Годловским и многими другими исследователями, внесшими поправки и уточнения в абсолютную датировку материалов на конкретных территориях. Относительная периодизация, использованная в этом томе, основана на принятой в Европе схеме, построенной на типологии и взаимовстречаемости вещей в закрытых комплексах. Она выглядит следующим образом: позднелатвийский период охватывает время с начала II в. до н. з. вплоть до начала I в. н. з. и подразделяется на три фазы; следующий, раннеримский, период заканчивается последней четвертью II в. н. з. и разделен на фазы В<sub>1</sub> и В<sub>2</sub>; позднеримский период доходит до рубежа IV/V в. и в нем выделяются фазы С<sub>1</sub>, С<sub>2</sub>, С<sub>3</sub> и D (рис. 1). Абсолютная датировка всех выделенных периодов и фаз базируется на отдельных категориях предметов, главным образом фибул, и периоди-





чески пересматривается и уточняется. Кроме того, наблюдаются некоторое территориальное различие в датировках и западывание в распространении вещей к востоку. Поэтому прямое перенесение западных разработок на наши материалы не всегда правомерно. Специально вопросы хронологии Восточной Европы занимались советские специалисты А. К. Амброс, М. Б. Шукин, К. В. Каспарова, Е. Л. Гороховский.

В последние десятилетия раскопки археологических памятников рубежа и первой половины I тысячелетия н. э. ведутся в широком масштабе, при этом особое внимание уделяется исследованиям поселений, изучению комплексов из погребений и жилых сооружений. Количество новых источников возрастает с каждым годом и соответственно непрерывно меняются как представления об отдельных культурах, так и общее понимание этнокультурной ситуации в Юго-Восточной Европе. Помимо всестороннего и углубленного изучения культур, известных еще с начала XX в., — зарубинецкой, черняховской, культуры карпатских курганов, липницкой, археологи все время открывают новые, ранее совсем неизвестные культуры. Так, лишь в 50-х годах были впервые выделены памятники княвской и поянешти-лукашевской культуры; в конце 60-х годов были открыты первые на нашей территории могильники вельбарской культуры; совсем недавно начаты исследования пшеворских поселений; не более десяти лет тому назад были выявлены первые памятники V в. н. э., хронологически связывающие культуры римского и раннесредневекового времени, а изучение позднезарубинецких комплексов только еще начинается. Огромное коли-

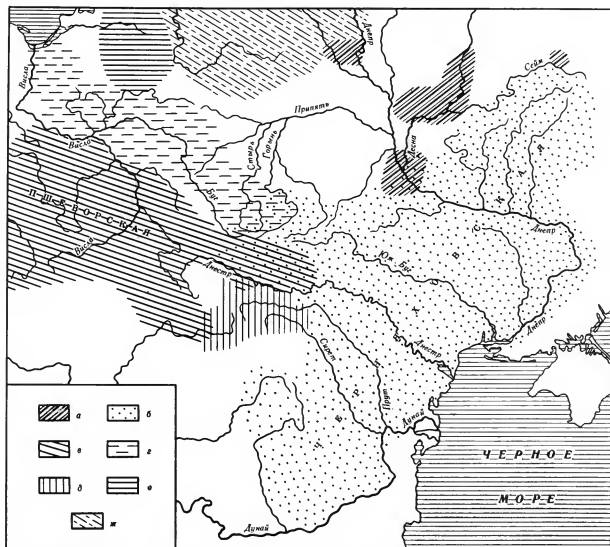
Карта 6. Распространение культур во II в. до н. э. — II в. н. э.

а — латенская; б — зарубинецкая; в — позднезарубинецкая; з — пшеворская; д — типа Поянешти—Лукашевка; е — липницкая; ж — ясторфская; з — оксывская; и — западнобалтийская; к — культура штрихованной керамики; л — юховская; м — сарматские памятники; н — позднескифские городища.

Составитель И. П. Русанова

чество накопленных материалов, хранящихся во многих музеях и опубликованных в массе статей и книг, требует систематизация на современном уровне знаний и подведения итогов всех проделанных исследований. Такая работа была предпринята в последние годы украинскими исследователями, выпустившими сборник «Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тысячелетии н. э.», дающий краткие характеристики культур и обобщающие результаты их исследований. В более расширенном виде материал представлен в этом томе «Археологии СССР».

Том разделен на две части по хронологическому принципу. В первой части дается характеристика культур II в. до н. э. — II в. н. э., т. е. позднелатенского и раннеримского периодов. Культуры этого времени на землях Средней Европы находились под непосредственным влиянием латенской культуры, созданной кельтами. На нашей территории собственно кельтское проникновение, за исключением единичных памятников, ограничивалось в основном землями Закарпатья, но распространение вещей латенского типа охватило широкие области Восточной Европы. В той или иной степени латенизация ощущается в это время на всех рассматриваемых в первой части тома



Карта 7. Распространение культур в III–IV вв.

*a* — киевская; *b* — черняховская; *v* — пшеворская; *g* — вельбарская; *d* — культура карпатских курганов; *e* — западнобалтийская; *ж* — культура штрихованной керамики. Составитель И. П. Русанов

культурах — зарубинецкой, пшеворской, пояншти-лукашевской и линицкой (карта 6). Во второй части тома объединены культуры, существовавшие с III до начала V в. н. э., в период распространения интенсивного римского влияния, которое наиболее ярко ска-зывается на материалах черняховской культуры и культуры карпатских курганов и менее отчетливо прослеживается в вельбарской и пшеворской культу-рах. Памятники пшеворской культуры доживают на нашей территории до III в. н. э., но чтобы не разби-вать их целостного описания, оно дано в первой части тома (карта 7). Расположение глав внутри каждой части тома дано не по хронологическому принципу, а в зависимости от исторического значения культур для земель Восточной Европы и их роли в судьбах славянского населения.

Том «Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э.» был собран Э. А. Сымоновичем. Им был составлен план работы, подобраны авторы соответствующих разде-лов, написаны некоторые главы. Эраст Алексеевич

умер в 1983 г., не успев завершить работу над томом. За прошедшие годы появились новые исследования и публикации материалов, несколько изменились и требования к настоящему изданию. В связи с этим материалы тома были заново переработаны, в него до-бавлены новые разделы, переделаны иллюстративные таблицы и карты. Редакция стремилась при характе-ристике культур и изложении разных концепций к достаточной полноте в освещении материалов, а так-же к возможно большей объективности в отражении всех спорных и еще недостаточно обоснованных, но имеющих определенный интерес точек зрения. Эти требования, обязательные для всех томов «Археоло-гии СССР», важны для данного тома, поскольку в нем объединены наиболее дискуссионные проблемы, ре-шение многих из которых находится еще на стадии предположений и гипотез. Лишь после заполнения многих пробелов в наших знаниях и приведения дан-ных археологии в строгую систему будет возможно комплексное изучение вопросов происхождения и ранней истории славян с привлечением результатов исследования других дисциплин.

В работе над томом большую помощь оказали К. В. Каспарова и М. Б. Шукин, за что Редакция приносит им благодарность.

---

# ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

---

## Культуры II в. до н. э. — II в. н. э.

Глава первая  
Зарубинецкая культура

Глава вторая  
Позднезарубинецкие памятники

Глава третья  
Пшеворская культура

Глава четвертая  
Памятники латенской культуры  
на территории Закарпатья  
и к востоку от Карпат

Глава пятая  
Культура Поянешти—Лукашевка

Глава шестая  
Липицкая культура

# Глава первая

## Зарубинецкая культура

**ИСТОРИОГРАФИЯ.** Археологическая культура, названная зарубинецкой, была открыта киевским археологом В. В. Хвойкой, который в 1899 г. обнаружил и раскопал у с. Зарубинцы Киевской губернии (теперь Переяслав-Хмельяницкий р-н Киевской обл.) остатки могильника с трупосожжениями и характерным погребальным инвентарем [Хвойка В. В., 1901. С. 172—190]. В последующие годы подобные материалы были им же зафиксированы еще в ряде пунктов Среднего Поднепровья (Вита-Литовская, Ржищев, Пищальники, Пуховка, Койлов), но раскопки на них не производились [Хвойка В. В., 1913. С. 43; Петров В. П., 1959. С. 32—60]. В 20-е годы подобные материалы были найдены далеко на западе, в Подлясье, в могильнике Гриневичи Велький [Schmit Z., 1922. С. 111—120], а также на территории Полесья — Иванчицы на Стыри и Казаргаты под Туровом, где были произведены небольшие раскопки [Antoniewicz W., 1928. С. 173; Каваленя А. З., Шутау С. С., 1930. С. 351—356].

Первым широко раскопанным зарубинецким памятником явился могильник у с. Корчеватое возле Киева, на котором в 1937—1941 гг. провел раскопки И. М. Самойловский. К сожалению, часть документации и большинство находок, полученных здесь, погибли во время войны, и сведения об этом памятнике удалось опубликовать на основании немногих сохранившихся архивных материалов [Самойловский И. М., 1959. С. 61—93].

Интенсивное изучение памятников зарубинецкой культуры началось в послевоенное время. В 1945 г. Т. С. Пассек в Среднем Поднепровье открыла несколько поселений и могильников. В последующие годы были проведены раскопки на поселениях Пирогов, Великие Дмитровичи, Ходосовка [Махно Е. В., 1959. С. 94—101], Сахновка [Довженко В. И., Линка Н. В., 1959. С. 102—113], Московка, Пиленковка Гора [Богусевич В. А., Линка Н. В., 1959. С. 114—118], Таценки, Зарубинцы, Юрковица, Пиленковка Гора, Бабица Гора, Монастырек, Ходосовка [Максимов Е. В., 1969а. С. 39—50; 1972. С. 17—59], Оболонь [Шовкопалас А. М., 1975]. Широкой площадью исследован могильник Пирогов, где вскрыто более 200 погребений [Кубышев А. И., Максимов Е. В., 1969. С. 25—38; Кубышев А. И., 1976. С. 23—41], раскапывались также могильники Хотяновка, Дедов Шпиль (Е. В. Максимов), Вишенки (С. П. Пачкова).

В 50-е годы начались исследования памятников зарубинецкой культуры в Верхнем Поднепровье и на территории Припятского Полесья. Вдоль правого берега Днепра экспедицией, возглавляемой П. Н. Третьяковым, были открыты и исследованы поселения Чаплин, Мохов, Горошков. На могильнике Чаплин в течение многих лет проводились раскопки разными исследователями. В результате была вскрыта вся его площадь и выявлено 282 погребения —

трупосожжения в ямах [Третьяков П. Н., 1959. С. 119—153; С. 43—48; Кухаренко Ю. В., 1959б. С. 154—180; Поболь Л. Д., 1971; 1973; 1974]. Несколько новых могильников и поселений были открыты и частично раскопаны Ю. В. Кухаренко в Припятском Полесье (Велемичи, Отвержичи, Ремель, Воронино, Рубель, Черск). На некоторых из них исследования продолжала К. В. Каспарова [Кухаренко Ю. В., 1961; 1964; Каспарова К. В., 1969. С. 131—168; 1972а. С. 53—111; 1976а. С. 35—66].

В эти же годы были открыты так называемые поздnezарубинецкие памятники на Десне, прежде всего поселение Почеп, исследования которого продолжались и в последующие годы [Заверяев Ф. М., 1954; 1974; Амброз А. К., 1964а]. Такого типа памятники раскапывались в Среднем Поднепровье [Бидзля В. И., Пачкова С. П., 1969; Максимов Е. В., 1969а] и верховьях Южного Буга [Хавлюк П. И., 1971].

В настоящее время в основных районах распространения памятников зарубинецкого типа — в Среднем и Верхнем Поднепровье, бассейнах Припяти и Десны — насчитывается около 500 поселений и могильников зарубинецкого типа, из которых раскапывалось более 70, в том числе около 20 крупных могильников и поселений. Всего исследовано более 1 тыс. погребений и 150 жилищ, однако не все эти материалы полностью опубликованы (карты 8; 9).

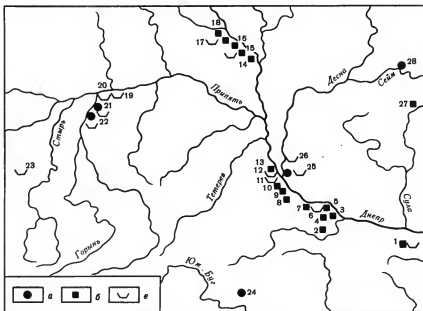
Зарубинецкая культура с момента своего открытия привлекала внимание ученых различных областей гуманитарного знания — историков, археологов, языковедов. На зарубинецкую тему написано множество работ, часть которых приходится на долю западных авторов, но, естественно, основное количество принадлежит перу отечественных ученых. Подробная история изучения зарубинецкой культуры изложена в обобщающих работах, посвященных этой культуре [Кухаренко Ю. В., 1964; Максимов Е. В., 1972; 1982]. В данном разделе рассмотрены взгляды тех исследователей, которые специально занимались изучением зарубинецкой культуры и связанной с ней проблемой этногенеза славян. В настоящее время среди специалистов существует множество различных, порой исключающих друг друга точек зрения по основным проблемам этой культуры — по вопросам ее происхождения, этнической принадлежности и дальнейшей судьбе ее носителей и даже по таким сугубо археологическим вопросам, как датировка и территория распространения. Решения всех этих вопросов теснейшим образом связаны между собой.

По мнению В. В. Хвойки, зарубинецкие памятники датируются II в. до н. э. — II в. н. э. и составляют промежуточное звено между более ранними памятниками скифской эпохи и черняховской культурой. Их постепенное и непрерывное развитие, как считал он, можно наблюдать вплоть до славянского средне-

Карта 8. Распространение зарубинецких памятников раннего периода

- а — поселения;  
б — городища;  
в — могильники;  
1 — Субботов;  
2 — Сахновка;  
3 — Пидляпенкова Гора;  
4 — Мосювка;  
5 — Селище;  
6 — Зарубинцы;  
7 — Монастырек;  
8 — Новые Безрадиичи;  
9 — Великие Дмитровичи;  
10 — Пирогов, могильник;  
11 — Пирогов, городище;  
12 — Корчеватое;  
13 — Юрковичи;  
14 — Мохов;  
15 — Чаплин;  
16 — Коложичи;  
17 — Горшков;  
18 — Милоградцы;  
19 — Воронино;  
20 — Ремель;  
21 — Веломичи;  
22 — Отвержицы;  
23 — Черск;  
24 — Пархомовка;  
25 — Пугребы;  
26 — Пухова;  
27 — Басовка;  
28 — Харьвека.

Составитель: Е. В. Максимов



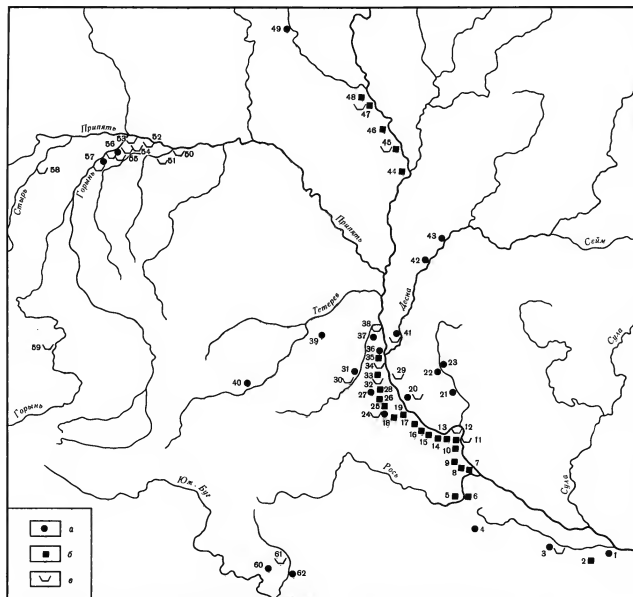
вековья. Из этого следовал вывод, что зарубинецкое население было славянским. Идея В. В. Хвойки имела много последователей, и до последнего времени сторонниками непосредственной связи зарубинецкой и черняховской культур оставались Е. В. Махно [1955. С. 99] и Э. А. Симонович [1959а. С. 55—58].

В начале XX в. немецкие исследователи высказали точку зрения о германском происхождении зарубинецких памятников, основываясь на некотором сходстве с синхронными «полями погребений» в Повиселье и бассейне Одера, которые приписывались германским племенам [Reinecke P., 1906. S. 42—50]. Такое предположение могло иметь основания, когда зарубинецкая культура была только открыта и представлялась лишь узколокальным явлением. В настоящее время, когда зарубинецкие памятники известны по всему Среднему и Верхнему Поднепровью, по Припяти, Сейму и Десне, аргументация этой точки зрения اساسательно подорвана [Третьяков П. Н., 1966. С. 220].

Противоположную всем прежним мнениям точку зрения выдвинул В. Н. Даниленко. Он отрицал генетическую связь зарубинецкой и скифской культур и основу зарубинецких памятников видел в подгорцевской культуре раннего железного века [Даниленко В. Н., 1953. С. 197—208]. Как поздний этап зарубинецкой культуры он рассматривал открытые им памятники киевского типа. Дальнейшее развитие зарубинецкой культуры, по мнению В. Н. Даниленко, привело через коложичский этап V в. н. э. к созданию пеньковской культуры, принадлежавшей славянам. Позднезарубинецкие памятники, по концепции В. Н. Даниленко, имели влияние и на пражскую раннесредневековую культуру, что он видел в материалах Верхнего Поднепровья (Рипнев II) и в группе памятников у Сахновки [Даниленко В. М., 1976. С. 65—92]. Близкой точки зрения придерживается Л. Д. Поболь. Он пытается связать происхождение зарубинецкой культуры с милоградскими памятниками и для этого относит сложение зарубинецкой культуры к III в. до н. э. По находкам отдельных вещей и фрагментов посуды зарубинецкого типа он расши-

ряет территорию культуры далеко на север, вплоть до водораздела Припяти и Немана (Поболь Л. Д., 1970. С. 151; 1971. С. 4; 1974. С. 25. Рис. 1).

Ю. В. Кухаренко, обобщивший материалы, известные к началу 60-х годов, исключил из числа зарубинецких ряд памятников, культурная принадлежность которых, по его мнению, была иной или во всяком случае не совсем ясной [Кухаренко Ю. В., 1964. С. 8]. Памятники Подолии, в том числе и распространенные по Южному Бугу и относимые многими исследователями к зарубинецким, Ю. В. Кухаренко считал принадлежащими к культуре Пояннети—Лукашевка [Кухаренко Ю. В., 1978в. С. 142—146]. В целом, по его мнению, территория зарубинецкой культуры была ограничена на западе Бугом, на востоке Днестром, на севере Припятью, на юге она доходила до южной границы Полесья и до Роси. В ареале культуры, по Ю. В. Кухаренко, выделяются три основные группы — полесская, верхнеднепровская и среднеднепровская. Группы различаются между собой рядом характерных особенностей (типы жилищ, детали погребального обряда, особенности посуды и набор украшений), но в то же время объединяющих элементов во всех группах настолько много, что это свидетельствует об их культурно-историческом единстве. Все группы зарубинецкой культуры одновременно и относятся к периоду примерно с конца II в. до н. э. до начала II в. н. э. и делятся на два этапа [Кухаренко Ю. В., 1964. С. 43—57]. По мнению Ю. В. Кухаренко, зарубинецкая культура, несмотря на некоторые заимствованные элементы, генетически не связана ни с одной из местных культур предшествовавшего ей времени (скифская, подгорцевско-милоградская, юховская), но являлась непосредственным продолжением подзудежницких и поморско-подклешевых памятников, распространенных на территории Польши и в западных районах Припятского Полесья [Кухаренко Ю. В., 1960. С. 289—300]. Вопрос об этнической принадлежности зарубинецкого населения Ю. В. Кухаренко оставлял открытым, так как, по его данным, зарубинецкая культура как появилась, так



Карта 9. Распространение заруби́нских памятников среднего периода

- |                                |                             |                  |
|--------------------------------|-----------------------------|------------------|
| a — поселения;                 | 20 — Нойдов;                | 42 — Шестовица;  |
| b — городами;                  | 21 — Возчик;                | 43 — Табачка;    |
| c — могильники;                | 22 — Барышевка;             | 44 — Мохов;      |
| 1 — Пенюковна;                 | 23 — Селище;                | 45 — Чалдин;     |
| 2 — Субботов;                  | 24 — Таленки;               | 46 — Колодия;    |
| 3 — Жаботин;                   | 25 — Новые Безрадицы;       | 47 — Гороснов;   |
| 4 — Орловец;                   | 26 — Великие Дмитровицы;    | 48 — Млягограды; |
| 5 — Сахновка;                  | 27 — Гвоздов;               | 49 — Шатково;    |
| 6 — Деренковец;                | 28 — Ходосовка;             | 50 — Погост;     |
| 7 — Хмельна;                   | 29 — Вищенки;               | 51 — Семурадим;  |
| 8 — Пилипенкова Гора;          | 30 — Новоселки;             | 52 — Воронино;   |
| 9 — Московка;                  | 31 — Гореничи;              | 53 — Ремель;     |
| 10 — Селище;                   | 32 — Пирогов, могильник;    | 54 — Буйразь;    |
| 11 — Бабина Гора, Дедов Шпиль; | 33 — Пирогов, городище;     | 55 — Рубель;     |
| 12 — Зарубицы;                 | 34 — Корчеватое;            | 56 — Велемичи;   |
| 13 — Монастырек;               | 35 — Юрковица;              | 57 — Отверсичи;  |
| 14 — Ходоров;                  | 36 — Ободов;                | 58 — Иванчицы;   |
| 15 — Шучинка;                  | 37 — Лютеж;                 | 59 — Могильны;   |
| 16 — Гребени;                  | 38 — Казаровичи (Цегельня); | 60 — Носовцы;    |
| 17 — Витачев;                  | 39 — Мартыловичи;           | 61 — Гакны;      |
| 18 — Обухов;                   | 40 — Тетеревка;             | 62 — Марьяновка. |
| 19 — Триполье;                 | 41 — Хотяновка;             |                  |

Составитель Е. В. Максимов

и исчезла внезапно, не оставив после себя сколько-нибудь заметных следов, причем между этой культурой и пражской существовал хронологический разрыв в несколько веков, который пока заполнить не удастся [Кухаренко Ю. В., 1964. С. 5—8].

Положения Ю. В. Кухаренко были в основном поддержаны Д. А. Мачинским. Он считал, что все группы зарубинецкой культуры, к которым он причислял и памятники типа Поянешти—Лукашевка, распространенные в бассейнах Днестра и Прута, генетически восходят к разным группам поморской культуры бассейнов Вислы и Одера. Зарубинецкая культура, по мнению Д. А. Мачинского, сложилась в результате одновременного и стремительного продвижения с запада в конце II в. до н. э. значительных масс населения, а группы культуры складывались под различными влияниями и при контактах с разными местными культурами [Мачинский Д. А., 1966а. С. 3—8]. По представлениям Д. А. Мачинского, зарубинецкую культуру вряд ли можно отождествлять с венетами и безоговорочно считать славянской, возможно, эта культура, как и ее прутско-днестровская группа (типа Поянешти—Лукашевка), принадлежала бастарнам [Мачинский Д. А., 1976. С. 92—94].

Разрабатывая положения, высказанные Ю. В. Кухаренко и Д. А. Мачинским, К. В. Каспарова прежде всего занялась уточнением датировки зарубинецкой культуры (табл. I). Привлекая новейшие в европейской науке разработки хронологии латенского периода, она пришла к выводу, что наиболее ранние фибулы в могильниках («расчлененные» и «зарубинецкого типа») могли появиться во второй четверти II в. до н. э., тогда как самые поздние фибулы позднелатенской схемы бывали не позже середины I в. н. э., что подтверждается и отсутствием в зарубинецких комплексах материалов, характерных для римского времени (римское влияние в восточных районах Польши распространилось, по данным польских исследователей, после 40-х годов нашей эры) [Каспарова К. В., 1976б. С. 139; 1981. С. 63]. Рассматривая процессы формирования зарубинецкой культуры, К. В. Каспарова видит, помимо явной поморско-подкарпатской ее основы, несомненные этнокультурные контакты зарубинецкого населения с Балкано-Карпатским регионом и жившими там кельто-иллирийскими и кельто-дакийскими племенами, что придало зарубинецкой культуре ярко выраженный латенизированный облик. Юго-западными связями она объясняет и распространение фибул с треугольным щитком «зарубинецкого типа», прототипами которых, по ее мнению, были балканские кольцевидные фибулы. Наибольшее число связующих черт К. В. Каспарова отмечает между зарубинецкой культурой и культурой Поянешти—Лукашевка, что проявляется в типах керамики, распространении некоторых вариантов фибул («расчлененных» с двумя шариками на конце), поясных крючков, псалов. Формирование культуры Поянешти—Лукашевка она связывает с миграцией в гето-дакийскую среду различных групп населения ясторфской культуры и прежде всего населения ясторфско-поморско-пшеворской губинской группы, что произошло где-то в первой половине II в. до н. э. Данные письменных источников, по мнению К. В. Каспаровой, позволяют

относить население, оставившее культуру Поянешти—Лукашевка, к бастарнам — союзу племен со смешанным этническим составом. В свою очередь зарубинецкое население, родственное поянешти-лукашевскому, сформировалось при продвижении кельто-иллирийских и бастарских племен, смешавшихся с местным населением, сохранявшим традиции лесостепных скифских культур и подгорцеско-милоградское наследие. Немалую роль в этом сложном этническом процессе сыграли, по данным К. В. Каспаровой [1981. С. 57—78], и поморско-подкарпатские племена Волины и Полесья. К. В. Каспарова разработала на основе корреляции фибул и керамики из закрытых комплексов схему периодизации полесской группы зарубинецкой культуры, выделив четыре периода ее существования (табл. I) [Каспарова К. В., 1984. С. 112—116].

Своеобразную точку зрения о создателях зарубинецкой культуры высказал В. В. Седов. Он считает наиболее аргументированной гипотезу о происхождении зарубинецкой культуры от поморской. Затем зарубинецкое население, продвинувшись к северу и востоку по Днепру и Десне, оставило на верхней Оке мощицкую культуру, которая по археологическим особенностям и по распространенной в ее ареале гидронимике принадлежала западнобалтскому населению — голяди [Седов В. В., 1970. С. 40—48]. В более поздних работах В. В. Седов несколько изменил свои положения и подчеркнул непосредственное отношение зарубинецкой культуры к славянскому этногенезу и роль местных (милоградских и скифских) традиций в ее формировании. В языковом отношении зарубинецкие племена, по его мнению, принадлежали отдельному диалекту, занимавшему промежуточное положение между славянским языком и очень близкими к нему западнобалтскими говорами. В зависимости от обстоятельств эти племена могли стать и балтами, и славянами. Южная часть зарубинецких племен попала в ареал черняховской культуры и приняла участие в генезисе славянского ядра черняховского населения. В то же время, расселившись по верхнему Днепру и Десне, потомки «зарубинцев» при взаимодействии с местными балтскими племенами создали мощицкую и позднезарубинецкую культуры, а затем памятники типа Тушемли—Банцеровщины—Колочина, не связанные со славянскими культурами VIII—X вв. и принадлежавшие дославянскому, а согласно материалам гидронимии, балтскому населению [Седов В. В., 1979. С. 74—78].

Зарубинецкая культура в представлениях П. Н. Третьякова играла ключевую роль в ранней истории славян. По его мнению, ни «западная» теория происхождения этой культуры, ни гипотеза о ее появлении на местной основе скифообразных или тем более подгорцеско-милоградских древностей не объясняют возникновения всех особенностей зарубинецкой культуры, и ее скорее всего следует рассматривать как своего рода синтез местных среднеднепровских и западных элементов, как результат культурно-этнической интеграции. Зарубинецкая культура, по П. Н. Третьякову, сложилась на территории между средним Днепром и верхней Днестром, где в бронзовом веке обитали праславянские и тшинецко-комаровские племена, а позднее

были распространены белогрудовская и чернолесская культуры, традиции которых прослеживаются в заруби-  
нических памятниках. В скифское время население  
этих земель было неоднородным, перемежалось с  
милоградскими и контактировало с родственными  
лукичко-поморскими племенами [Третьяков П. Н.,  
1966. С. 213—219]. Во II—I вв. до н.э. заруби-  
нические племена занимали лесостепную и частично лесную  
полосу западной и центральной Украины, а в даль-  
нейшем происходило их продвижение дальше на  
север и северо-восток, в поречье Десны и Сожа, где  
открыты поселения I—II вв. Это движение было свя-  
зано с отливом населения из Среднего Поднепровья,  
вызванным нападениями сармат, и из Припятского  
Полесья, причиной чего послужило вторжение готов  
[Третьяков П. Н., 1982. С. 47, 48]. Открытие поздне-  
заруби-нических (или, как их иногда называют, постза-  
руби-нических) памятников имеет существенное значе-  
ние для определения этнического лица заруби-  
нического населения. По мнению П. Н. Третьякова, эти памят-  
ники явились прямым продолжением заруби-  
нических, а некоторые их новые особенности представляют со-  
бой хронологические изменения или отражают сохра-  
нение традиций субстратного в Верхнем Поднепровье  
балтского населения [Третьяков П. Н., 1982. С. 58,  
59]. К позднезаруби-ническим памятникам, по  
П. Н. Третьякову, непосредственно примыкают киев-  
ские, являвшиеся в свою очередь генетическими  
предшественниками славянской культуры типа Пен-  
ковки. На севере, в Верхнем Поднепровье, потомкам  
заруби-нического населения принадлежали памятники  
типа Колочина [Третьяков П. Н., 1982. С. 62—69].

По представлениям Е. В. Максимова, много лет  
занимавшегося проблемами заруби-нической культуры  
и исследовавшего многие ее памятники, эту культу-  
ру следует рассматривать как историческое новооб-  
разование, возникшее в результате интеграции раз-  
личных локальных вариантов позднелесостепной  
культуры и культуры подклевшевых погребений, носители  
которых продвинулись на территорию Поднепровья,  
с местными племенами: позднелесостепными, жившими  
в междуречье Буга и Припяти, милоградскими и  
подгорцевскими Верхнего Поднепровья и ско-  
лотскими Среднего Поднепровья. Заруби-ническая культу-  
ра, по Е. В. Максимова, занимала обширную тер-  
риторию, на которой выделяется пять регионов: Сред-  
нее Поднепровье, Припятское Полесье, Верхнее Под-  
непровье, верхнее течение Десны и Южное Побужье.  
Каждый регион, несмотря на наличие многих связу-  
ющих черт, обладает своими особенностями в керамике,  
домостроительстве и погребальном обряде, что  
обусловлено различными субстратными культурами,  
влияниями и связями и, кроме того, что особенно  
важно, разным временем функционирования. Осно-  
вываясь на находках обломков античных амфор на  
поселениях Среднего Поднепровья и считая возмож-  
ным «удревить» время появления некоторых типов  
фибул, Е. В. Максимов относит сложение заруби-  
нической культуры к концу III в. до н.э. Поздней  
датой существования классической заруби-нической  
культуры по находкам фибул и античной керамики  
он считает середину или конец I в. н.э. после  
чего жизнь прослеживается лишь в отдельных ок-  
раинных районах, где продолжали существовать так  
называемые позднезаруби-нические памятники типа

Лютже, Таценок и Девич-Горы. Эти памятники, от-  
носящиеся в основном ко II в. н.э., представлены  
главным образом на верхнем Днепре и Десне и от-  
части в Среднем Поднепровье, где в то время наблю-  
дается некоторая пестрота в распространении архео-  
логических культур — появляются сарматские па-  
мятники, заметно влияние швевских племен. Осно-  
вные элементы позднезаруби-нических памятников,  
по мнению Е. В. Максимова, являются бесспорно  
заруби-ническими. На их базе возникла киевская куль-  
тура, ставшая соединительным звеном с раннесла-  
вянскими культурами [Максимов Е. В., 1982].

Материалы верхнеднепровского варианта заруби-  
нической культуры рассмотрены А. М. Обломским. Он  
выделил среди них две территориально-типологи-  
ческие группы: первая — типа Горшков—Чаплин,  
сформировавшаяся на основе традиций подклевше-  
поморской и отчасти милоградской культур и су-  
ществовавшая во II в. до н.э. — конце I в. н.э., и  
вторая — типа Черческ—Кистени, возникшая в I в.  
н.э. на основе первой группы и при воздействии  
традиций культуры штрихованной керамики. В рас-  
скопанном полностью и считающемся эталоном для  
этой территории могильнике Чаплин А. М. Облом-  
ский на основе типологии и корреляции фибул и  
керамики выделил три последовательных хроноло-  
гических периода: II — первая и вторая четвер-  
ти I в. до н.э.; третья — третья четверть I в. до н.э.;  
конец I в. до н.э. — I в. н.э. (табл. II), существование  
которых подтверждается постепенным разрастанием  
могильника от центра к краям [Обломский А. М.,  
1983а; 1983б; 1985]. Позднезаруби-нические памят-  
ники II в. н.э., по мнению А. М. Обломского, в какой-то  
мере продолжают традиции заруби-нической культуры,  
но в их формировании приняли участие и традиции  
других культур — южновосточной, штрихованной керам-  
ики и швевской [Обломский А. М., 1987].

Позднезаруби-нические (или постзаруби-нические) па-  
мятники по-разному расцениваются исследователями:  
как непосредственное продолжение заруби-нической  
культуры или как новые культурные общности,  
происхождение которых более сложно. В данной  
главе излагается точка зрения Е. В. Максимова,  
который рассматривает эти памятники как заклю-  
чительный этап классической заруби-нической культуры  
и описывает их материалы наряду с заруби-ническими.  
Позднезаруби-нические памятники, пристальное изуче-  
ние которых только начинается, имеют важное исто-  
рическое значение, так как от их оценки зависит  
выяснение дальнейшей судьбы заруби-нического насе-  
ления. Поэтому рассмотрению территориальных групп  
этих памятников специально посвящена вторая  
глава настоящего тома.

**ПОСЕЛЕНИЯ.** Известны две группы поселений.  
Поселения первой группы располагались на краю  
высокого плато, на речных и овражных мысах и обычно  
были укреплены. Поселения второй группы находи-  
лись в низких местах, на останках поймы или на  
невысоких надпойменных террасах.

Мысовые поселения встречены на территории  
Среднего и Верхнего Поднепровья и характерны для  
раннего периода. В I в. н.э. здесь появились поймен-  
ные поселения, которые для района Припяти были  
единственной формой заселения. Размеры поселений  
невелики, но колеблются в довольно широких преде-



лах, которые определяются географическими особенностями района, топографией местности и другими обстоятельствами. Так, городище Пиляпенкова Гора в Среднем Поднепровье имело размеры около 1,5 га, и на нем одновременно размещалось до 80 жилищ [Максимов Е. В., 1972. С. 69], а на находящемся неподалеку городище Бабина Гора (площадь около 1000 кв. м) насчитывалось всего 10—12 жилищ (табл. III, 1).

Приднепровские мысовые поселения в середине — второй половине I в. до н. э. были укреплены земляными валами, рвами и эскарпами (табл. III, 4). Такие укрепленные поселений-городищ известно более 30. Обычно укрепления окружали вершину холма, где находилась площадка, занятая поселением, а по ее краю, у склонов холма, сооружался земляной вал высотой 2—3 м с крутой наружной стороной, переходящий в ров такой же глубины. На валу ставили частокол, основой которого были бревна толщиной 10—20 см, вбитые на расстоянии около 0,5 м друг от друга и поддерживавшие плетень, обмазанный толстым слоем глины. Многие среднеднепровские городища (Пиляпенкова Гора, Бабина Гора, Ходосовка и др.) имели по несколько рядов таких укреплений. На городище Чаплин вал был насыпан во время существования милоградской культуры и, по-видимому, доспался «зарубинцами» [Третьяков П. Н., 1959. С. 122, 123].

Внутри укреплений размещались жилые и хозяйственные постройки. Наблюдения, сделанные при раскопках городища Пиляпенкова Гора и поселения Оболонь (Среднее Поднепровье), показывают определенную систему застройки: жилища здесь располагались по всей площади группами по пять—восемь сооружений (табл. III, 5, 6) [Максимов Е. В., 1972. С. 62]. В Верхнем Поднепровье отмечена другая система застройки: жилища концентрировались в одной части поселения, тогда как другая отводилась для хозяйственных сооружений (Чаплин).

Для каждого района зарубинецкой культуры — Среднеднепровского, Верхнеднепровского и Припятского — характерны жилища особой конструкции, но у всех жилищ есть общие черты: малые размеры (в среднем 4×4 м) и наличие очага. В Среднем Поднепровье жилища обычно имели не совсем правильную квадратную или прямоугольную форму (табл. IV, 7—9). Их пол углублен до материкового грунта, что составляет 0,3—0,8 м от современной поверхности. Пол был ровным и хорошо утрамбованным. Очаг находился в центральной части жилища и представлял собой небольшой округлый и сильно прожженный участок пола, огражденный невысокой каменной или глиняной стенкой. Диаметр очагов 0,5—0,8 м. Рядом сооружалась небольшая предпоселочная яма. В летнее время огонь разводили на каменных вымостках, остатки которых встречаются возле жилищ. Стены жилищ в Среднем Поднепровье делались каркасно-плетевыми. Их основой служили столбы диаметром 10—15 см, вбитые в грунт на расстоянии 0,8—1,0 м друг от друга, между ними укреплялся плетень, который обматывался с двух сторон толстым слоем глины и белился. О такой конструкции жилищ свидетельствуют найденные при раскопках куски глиняной обмазки с отпечатками столбов, прутьев и следами побелки. В Верхнем Поднепровье соору-

жались наземные или слегка углубленные жилища [Третьяков П. Н., 1959. С. 124—126]. Основой стен были толстые столбы, вкопанные по углам и вдоль стен жилища (табл. IV, 1—3). Сами стены сооружались из бревен, затесанные концы которых входили в вертикальные пазы столбов-стояков. Глиняной обмазки стены не имели. В области Припятского Полесья известны остатки полуземлянок прямоугольной или неправильной формы, углубленных в грунт не менее чем на 1 м. Поскольку ямы от столбов здесь не найдены, следует предполагать, что стены имели вид бревенчатых срубов (табл. IV, 4, 5). Жилища Верхнего Подесенья хорошо известны по раскопкам поселений Почеп и Синьково. Здесь, кроме сходных со среднеднепровскими углубленных помещений и длинных жилищ, похожих на дома южнорусской культуры, известны для позднезарубинецкого времени полуземлянки с бревенчатыми стенами и толстым центральным столбом, державшим кровлю. Крыши зарубинецких жилищ, как полагают, были двускатными [Третьяков П. Н., 1959. С. 128]. Кровлей служили солома или камыш, положенные на основу из жердей, возможно грунтовое покрытие.

Кроме жилищ, на зарубинецких поселениях известны многочисленные хозяйственные ямы. Отверстие у них было круглое (диаметр 0,8—1,2 м) и закрывалось плетневой, обмазанной глиной крышкой. Глубина ям редко превышала 1 м, форма была цилиндрической или колоколовидной (табл. IV, 6). Размещались такие ямы-погребя возле жилищ, иногда внутри них, поскольку служили индивидуальными семейными хранилищами. Известны хозяйственные ямы коллективного назначения — например, на Пиляпенковой Горе, где проживало несколько больших семей [Максимов Е. В., 1971. С. 19]. Иногда ими пользовались жители всего поселка, как на Чаплинском городище, где ямы были сконцентрированы на одном участке [Третьяков П. Н., 1959. С. 130].

**МОГИЛЬНИКИ.** Сейчас зарубинецкие могильники не имеют внешних признаков, оправдывая данное им когда-то наименование «полей погребений». Однако при раскопках удалось установить, что в древности здесь были надмогильные знаки, остатки которых в виде столбовых ям замечены над некоторыми погребениями Пироговского могильника [Максимов Е. В., 1972. С. 99], а также в Велемичах и Отвержичах. Могильники размещались недалеко от поселений, обычно сразу за их естественной границей (овраг или лощина), примером чему могут служить верхнеднепровский Чаплинский могильник (табл. V, 6) или могильник Дедов Шпил. Однако известны случаи, когда могильники удалены от поселений на 1 км и более (например, Пироговский). Видимо, размещению могильников придавалось ритуальное значение, и для них выбиралась местность, похожая по своим особенностям на место расположения поселений.

Обряд трупосожжения был главным ритуальным обрядом у населения зарубинецкой культуры. Кремация производилась на стороне, вне пределов могильной ямы. Погребение совершалось в неглубоких ямах, дно которых находилось обычно в верхней части материкового грунта. Поскольку материк в различных местностях располагается на неодинаковом уровне, то и погребения обнаруживаются на глубине от 0,20 до 1,2 м от современной поверхности. Так, в

среднеднепровском Пироговском могильнике дно могильных ям фиксировалось на глубине 0,2–1 м, на верхнем Днепре — 0,4–0,6 м. Расстояние между могилами составляет от 0,5 до 15 м. Форма и размеры погребальных ям отмечаются редко, в тех случаях, когда заполнение могилы можно отличить от цвета материкового грунта. Большинство ям на территории Поднепровья имеет удлиненную, прямоугольную или овальную форму. Длина таких ям составляет 1,2–1,6 м, иногда до 2 м, ширина — 0,6–1,0 м. Кроме удлиненных, известны ямы округлой формы (преобладают в Полесье), реже — квадратной, длиной 0,5–1,0 м, которые предназначались обычно для урновых трупосожжений (табл. VI). Дно ям ровное, на нем иногда делали одно или несколько углублений для пережженных костей погребенного. Ориентировка удлиненных могил обычно связана с направлением русла реки: в Среднем Поднепровье эти могилы перпендикулярны руслу, в Верхнем Поднепровье и на Припяти — параллельны.

Особенности захоронений позволяют выделить пять типов погребений: 1) трупосожжения в ямах без урн с захоронением чистых пережженных костей (без угля, золы и вещей, побывавших в огне) на дне ямы; 2) трупосожжения урновые с захоронением остатков кремации в сосудах, поставленных на дно ямы; 3) трупосожжения смешанного типа, когда кости помещались в урне и рядом с ней на дне ямы; 4) трупосожжения; 5) кенотафы, т. е. могилы без остатков погребения (табл. VI). В количественном отношении преобладают трупосожжения, составляющие более 90% всех известных зарубицких погребений. Соотношения типов захоронений различны в каждом зарубицком регионе. Так, в Верхнем Поднепровье известны только безурновые трупосожжения (табл. VI, 1, 5, 6), в Припятском Полесье и Среднем Поднепровье встречаются урновые трупосожжения, составляющие, однако, не больше 10%, безурновые и здесь остаются основным типом погребения (табл. VI, 2, 4, 10–12).

Количество костей, помещенных в погребениях, различно — от единичных косточек до десятков, изредка встречаются погребения со множеством (более сотни) костных остатков. В урнах кости иногда помещались в определенном порядке, при котором кости черепа были положены поверх других. Обычно кости чистые, без золы и угля погребального костра. Однако известны и исключения — например, в Пироговском могильнике встречены два погребения, в которых вместе с костями обнаружены куски обгоревших поленьев (табл. VI, 11). В Полесье и Верхнем Поднепровье встречены также погребения, в которых остатки костра перемешаны на дне ямы с пережженными костями и инвентарем.

В безурновых захоронениях погребальный инвентарь и кальцинированные кости часто находятся в противоположных частях могилы. В Среднем Поднепровье инвентарю в таких случаях отводилась западная часть ямы, костям — восточная, ближайшая к реке. На Припяти и верхнем Днепре ямы располагались параллельно реке, но и здесь кости и инвентарь лежат в противоположных частях могилы. Такая традиция свидетельствует о важности этой детали погребального обряда и указывает на этнографические различия в разных районах распространения зарубицкой

культуры. Погребальный инвентарь однообразен и небогат. В состав инвентаря обычно входит бытовая посуда — горшок, миска и кружка, реже встречаются предметы личного убора и украшения, орудия труда (фибулы, браслеты, булавы, кольца, бусины, ножи). В Среднем Поднепровье в половине погребений найдены кости домашних животных, представляющие собой остатки положенной в могилу ритуальной пищи. В других областях зарубицкой культуры этот обычай менее распространен.

Безурновые погребения обычно размещены по площади могильников равномерно. Это обстоятельство указывает на применение такого обряда на протяжении всего времени существования некрополей. Многие погребения содержат датирующие материалы, главным образом фибулы, что позволяет говорить о хронологических особенностях той или иной детали погребального обряда. Так, в Пироговском могильнике наиболее ранние безурновые погребения локализованы в южной его части, а поздние — в северной. Здесь же в двух могилах, одна из которых (26) ранняя, выявлены остатки погребального костра в виде обгоревших поленьев, что может быть связано со среднеднепровскими трупосожжениями скифского времени. Однако в Полесье в могильнике Велемичи II остатки обгоревшего дерева встречены в позднем погребении (70).

Урновые погребения, изредка встречающиеся в могильниках Среднего Поднепровья и Припятского Полесья, состоят из сосуда с пережженными костями умершего и погребального инвентаря. Для урны использовались бытовые сосуды, преимущественно горшки, как тонкие (лощеные), так и грубые (кухонные) — таких урн в Корчеватовском могильнике, например, оказалось большинство (26 из 33), причем это были главным образом крупные сосуды. Урны в Среднем Поднепровье обычно ничем не закрывались, на Припяти же известны покрытые урны. Так, в могильнике Отвержицы таких урн обнаружено пять из 23. В качестве крышек использовалась керамика других типов (миски). Кальцинированные, сильно пережженные кости урновых погребений, как правило, очищались от остатков погребального костра, как и кости безурновых захоронений.

Погребальный инвентарь урновых могил Среднего Поднепровья выглядит беднее, чем безурновых, а на Припяти количество инвентаря одинаково в захоронениях обоих типов. Иногда урновые погребения содержат керамику, типологически близкую среднеднепровской поздне скифской (Среднее Поднепровье, могильник Пирогов, погребения 6, 13) или позднепоморской (Припятское Полесье, могильник Отвержицы, погребения 36, 82, 94 и др.).

Трупосожжения в Среднем Поднепровье встречаются редко. В Пироговском могильнике они представлены тремя погребениями; в Корчеватовском открыты семь полных труположений и шесть неполных (только черепа); в могильнике Дедов Шпиль из 44 погребений пять представляли собой погребения черепов и 19 — полные труположения, однако не местного зарубицкого населения, а людей, переселившихся сюда в I в. н. э. из Нижнего Поднепровья. Среди погребений черепов преобладают детские, поэтому их следует считать остатками полных труположений, скелеты которых не сохранились. Кроме

Среднего Поднепровья, захоронения черепов известных (три случая) в могильнике Велемичи II на Припяти (табл. VI, 3). По составу инвентаря эти могилы богаче среднеднепровских, здесь, кроме керамики, найдены фибула, нож, кольца, бусы и наконецник кольца [Кухаренко Ю. В., 1961. С. 33—42].

Иногда встречаются могилы, не содержащие останков погребенного (табл. VI, 9). По устройству и размерам могильной ямы, составу инвентаря и размещению на площади могильников они не отличаются от обычных зарубинецких захоронений и считаются могилами мемориального характера — кепотами.

**КЕРАМИКА.** Наиболее многочисленную группу находок на поселениях и в могильниках зарубинецкой культуры составляют целые и фрагментированные сосуды. В большинстве своем этоленные сосуды, лишь чернолощенные подглазьялись на ручном гончарном круге. Глина содержит примесь песка, шамота, реже — мелкотолченного камня. Обжиг костровый, иногда слабый или неравномерный. По способу обработки наружной поверхности зарубинецкая керамика делится на лощеную (или тщательно выглаженную), встречаемую преимущественно в могильниках, и не лощеную, шершавую, обломки которой найдены главным образом на поселениях. Иногда встречаются сосуды с нарочито ошершавленной («хрповатой») поверхностью. Поверхность лощеных сосудов обычно черная или темно-коричневая, а простых — светло-коричневая. Посуда грубой выделки предназначалась для приготовления пищи, хранения продуктов и воды, лощеная выполняла функции столовой посуды, использовалась в ритуальных целях.

Орнаментация керамики скромная: ямки и насечки по краю венчика у кухонных горшков и корчаг; невысокий, расчлененный пальцевыми вдавлениями валик, проходящий по плечу; круговой уступ у основания шейки; рельефные псевдоушки — «подковки»; изредка ногтевые вдавления по всей поверхности; зоны расчесов, проведенных зубчатим штампом. Часть горшков имеет лощеное горло и «хрповатое» тулово.

Кроме посуды местного изготовления, на зарубинецких поселениях Среднего Поднепровья встречаются многочисленные (до 5—15%) обломки привозной гончарной посуды — эллинистических и раннеримских амфор, известны здесь также редкие находки столовой античной керамики — мисок и кувшинов. В Полесье в могильнике Велемичи I найден обломок кельтского графитированного сосуда.

Лощеная и простая посуда различается между собой не только способом обработки поверхности, составом керамического теста, но и пропорциями, профилировкой корпуса, а также орнаментацией. В целом керамика на основании ее форм может быть разделена на девять категорий. Это горшки и корчаги, конические крышки, сковородки, миски, кувшины, вазы, кружки, стопки. Типологическое разделение зарубинецкой керамики, особенно горшков и мисок, вызывает определенные трудности, обусловленные ее технологией, а именно, ручным способом изготовления посуды. Древний мастер при формовке изделия мог придавать лепному сосуду традиционную форму лишь в общих чертах, тогда как детали (форма и размеры венчика, шейки и дна) получались каждый

раз несколько differently. Поэтому даже в одном комплексе не бывает сосудов совсем одинаковых. Неудивительно, что исследователи, занимавшиеся типологическим изучением зарубинецкой керамики, решали этот вопрос каждый раз заново. В основе принятой типологизации лежит выделение главной черты каждого из видов сосудов.

Горшки и корчаги — наиболее многочисленный вид зарубинецкой керамики. Для них характерны профилированный корпус и четко выделенное плечо. По форме и расположению плеча относительно высоты сосуда горшки разделяются на три типа: 1) округлобокие с плечом, расположенным в средней части сосуда; 2) ребристые со средним положением плеча; 3) вытянутые с высоко расположенным плечом, которое бывает более или менее выражено. В зависимости от формы и размеров венчика среди горшков выделяется несколько вариантов: с плавноотогнутым венчиком; с небольшим маловыразительным венчиком; группа вариантов, у которых верхняя часть сосуда отделена от тулова уступом или бороздкой, высокое горло бывает цилиндрическим, сужающимся вверх или отогнутым (табл. VII). В распространении горшков разных типов заметны локальные различия. Так, горшки третьего типа с хорошо выраженными округлыми плечиками встречены преимущественно на памятниках Припятского Полесья (табл. VIII, 21—24, 30, 31, 37, 39), здесь же значительно чаще, чем в Среднем Поднепровье, попадаются горшки с уступом на плечиках и высоким горлом (табл. VIII, 42, 49). Бичонические горшки с резким переделом тулова более характерны для Верхнего Поднепровья [Кухаренко Ю. В., 1964. С. 24—26], хотя встречаются и на территории других вариантов культуры.

Корчаги предназначались для хранения продуктов (зерна, рыбы, молока, меда и т. д.) и воды. Их вместимость значительна — до 25—30 литров (высота сосуда и диаметр венчика до 50 см, диаметр дна 10—15 см), стенки толстые (8—12 мм), на стенках нет следов копоти от огня, которая присутствует обычно на стенках кухонных горшков. Форма корчаг близка горшкам, многие из них орнаментированы пальцевыми вдавлениями или насечками по краю венчика или же рельефными валиками у основания шейки (Среднее Поднепровье); у других корпус делался «хрповатым», в то время как шейка и придонная часть лощеными (Припятское Полесье).

Крышки, называемые еще иногда плошками, вазочками или мисками, предназначались для покрытия кухонных горшков. Обычно их обломки встречаются на поселениях Среднего Поднепровья. Крышки изготовлялись из такого же керамического теста, что и кухонные горшки и корчаги, поэтому они имеют шершавую поверхность красноватого или серого цвета. Форма корпуса коническая, диаметр венчика соответствует диаметру отверстия горшков, т. е. 12—18 см. Корпус оканчивается ручкой-отстрком конической или цилиндрической формы, внутри полым. Венчик иногда орнаментирован ямками. Крышки получили широкое распространение с конца IV в. до н. э. в степных и лесостепных культурах скифского ареала [Мельюкова А. И., 1962б. С. 158]. Сковородки представляли собой круглые диски диаметром 14—26 см при толщине около 1 см. Обычно одна сторона делалась лощеной, причем иногда украшалась ногте-

выми вдавлениями, другая оставалась шершавой. По данным этнографии, подобные диски предназначались для выпечки лепешек из муки.

Миски по количеству находок занимают второе после горшков место. По особенностям профилировки выделяются три типа: 1) полусферические; 2) с округлым плечом; 3) с острым плечом (табл. VII; VIII). Миски первого типа немногочисленны. Для них характерен плавный изгиб стенок, вертикальный или слегка загнутый внутрь венчик. Миски второго типа имеют отогнутый наружу венчик. В зависимости от его формы выделяются четыре варианта мисок этого типа. У мисок первого варианта — плавно изогнутый наружу венчик, который мягко переходит в плечо. Встречены во всех районах зарубинецкой культуры. Миски второго варианта характеризуются прямой небольшой массивный венчик, с внутренней стороны имеющий несколько (две-три) граней. Плечо выпуклое, валиковидное, формовка и лощение высокого качества, дно небольшое. Такие миски встречаются в Среднем Поднепровье. У мисок третьего варианта венчик прямой и крупный (до 5 см), но без граней. Он резко отогнут и иногда отделен от плеча неглубокой круговой бороздкой. Такие миски характерны для всей зарубинецкой территории. Миски четвертого варианта в верхней части близки мискам первого варианта, но имеют кольцевидные ножки, так называемые поддоны. Среди мисок третьего типа по характеру профилировки венчика различаются четыре варианта. Для мисок первого варианта характерен небольшой дуговидный венчик. В раннее время они были распространены в Верхнем Поднепровье. У мисок второго варианта венчик прямой, резко отогнутый наружу, излом плеча резкий. Миски третьего варианта имеют прямой вертикальный или загнутый внутрь венчик, который от острого плеча часто отделяется круговым уступом. Такие миски известны лишь в поздних памятниках. Миски четвертого варианта имеют кольцевую ножку-поддон, в I в. н. э. распространены в Среднем Поднепровье.

Вазы редки и известны по находкам на нескольких памятниках Среднего Поднепровья. Они представляют собой высокие вместительные сосуды хорошей работы с лощеной поверхностью, имеющие несколько (три-четыре) ручек и кольцевое дно. Именно такой является уникальная ваза из Субботы, корпус которой украшен 36 вертикальными канавками-каннелюрами — этим обычным украшением греческих ваз эллинистического времени (табл. VII, 20).

Кружки в количественном отношении занимают третье место после горшков и мисок. Как правило, их высота составляет около 10 см, форма и пропорции корпуса напоминают горшки со средним и высоким плечом (табл. VII, 15; VIII, 41). Непременная принадлежность кружек — пестельчатая или иксовидная ручка, соединяющая венчик с плечом. Наружная поверхность кружек лощеная, иногда выглаженная, цвет черный или коричневый. Однако в погребениях изредка встречаются кружки с шершавой поверхностью, изготовленные из грубого керамического теста, применяемого для простой кухонной посуды.

Стопки представляют собой конусообразные сосуды или повторяют форму горшков. Их высота достигает 6—7 см. Поверхность лощеная, выглажен-

ная или шершавая. Встречаются такие сосудики реже, чем горшки, миски и кружки.

Кувшины попадаются редко, в основном на памятниках Среднего Поднепровья. Они имеют высокую цилиндрическую шейку, часто опоясанную валиками, и округлое или ребристое тулово (табл. VII, 17). Известны также горшки с ручками, иногда с двумя. На горшках и кружках, найденных в погребениях, ручки часто бывают нарочно отбиты.

**ВЕШЕВЫЕ НАХОДКИ.** Большая часть железных орудий труда встречается на поселениях. Из них первое место занимают ножи, размеры которых невелики: длина лезвия не превышает 10—12 см, ширина — 1—1,5 см. Известны ножи двух типов: с горбатой и прямой спинками, первые — более ранние. Рукоятки ножей (деревянные или костяные) набились на конических черенках (табл. IX, 28, 29). Серпы были малоизогнутыми и по форме напоминали ножи с горбатой спинкой. Длина их лезвия составляет 12—15 см, ширина — до 2,5 см. Конец черенка серпа загнут вверх в виде небольшого шипа, который наглухо держал деревянную рукоятку, находившуюся в плоскости лезвия (табл. IX, 11—13). Серпы такой архаической конструкции, известной еще с эпохи бронзы, были маловыразительными орудиями, предназначенными для срезания колосков злаковых культур (просо, пшеница, ячмень). Для покоса трав употреблялись короткие косы типа позднелатенских. Находки их чрезвычайно редки (Бабина Гора у Канева; табл. IX, 10). Единичным экземпляром представлены также топоры позднейшего типа с вертикальной втулкой для рукоятки (табл. IX, 1, 2), коэффициент полезного действия которых был намного ниже, чем у проушных топоров (0,71 против 0,96). Известны долота и зубила небольших размеров, массивные рыболовные крючки (табл. IX, 4—7, 9), одношпильные остроги, мелкие хозяйственные предметы: иглы с ушками, шилья, луновидные бритвы с петлеобразной ручкой, ложка. На всех поселениях и изредка в погребениях найдены глиняные прислица. Количественно преобладают прислица биконической формы, известны также уплотненные усеченноконические. В Верхнем Поднепровье на поселения и в могильнике Чаплин некоторые прислица имели форму круглодонных сосудов милоградского типа (табл. IX, 14). На поселениях встречаются конической или пирамидальной формы грузила с отверстием для подвешивания. Грузила сделаны из глины и слабо обожжены, использовали скорее всего при работе на ткацком станке (табл. IX, 22). Обычными находками являются точильные бруски, сделанные из песчаника или сланца, и каменные зернотерки. В могильнике Велемики 1, но вне погребений, найдена целая зернотерка, состоящая из двух камней.

Предметы вооружения найдены немного. Это небольшие размеров железные наконечники копий листовидной и ромбической формы без резко выраженных осевых ребер (Корчеватое, Басовка, Харьквка, Верхняя Мануйловка, Велемики, Горшков). Лишь в Чаплине найдено 10 таких наконечников (табл. IX, 23—27). Редкость этих находок объясняется особенностями зарубинецкого погребального обряда, по которому оружие не входило в состав погребального инвентаря. Отсутствие железного оружия на поселениях следует отнести за счет большой цен-

ности — его, вероятно, тщательно берегли. На ценность железного оружия у соседних германских племен Средней Европы того времени, находившихся на таком же уровне социально-экономического развития, указывают следующие сообщения Тацита (6): «Даже железа у них нет в изобилии... Редкие из них употребляют мечи или длинные пики; копия они носят с узким и коротким железным наконечником и смотря по надобности сражаются этим оружием, то врукопашную, то как метательным». Известны двухшпильные наконечники дровиков — четыре из них найдены в Чаплине, один в Велемичах I. Наконечники стрел единичны. Один из них, железный плоскоромбический, происходит из погребения могильника Чаплин и еще два встречены на площади этого могильника вне погребений (табл. IX, 20, 21), правда, принадлежность их к зарубинецкой культуре сомнительна. На поселениях Среднего Поднепровья изредка встречаются бронзовые и железные наконечники стрел. Железные (Ходосовка, Монастырек, Бабина Гора) относятся к сарматским типам рубежа — I в. н. э. По-видимому, зарубинецкое население этим оружием не пользовалось, а найденные наконечники стрел — это следы набегов сарматских кочевников в I в. н. э. При раскопках многих зарубинецких городищ Среднего Поднепровья (Ходосовка, Юрковича, Селище, Бабина Гора и др.) были найдены каменные и глиняные шары диаметром 3—4 см. Их размеры, а также отсутствие следов от работы на поверхности указывают, что использовались они не как орудия труда, а как метательное оружие.

К снаряжению всадника относятся удила, найденные на окраине могильника Велемичи II вместе с черепом лошади. Удила снабжены крупными подвижными кольцами и двудырчатыми салями с эоидными изогнутыми концами. Аналогичные псалы известны в латенских памятниках и появлялись-лукашеских [Каспарова К. В., 1981. С. 73. Рис. 9]. Две шпоры позднелатенского типа с шпичечками на концах найдены на поселении Оболонь, одна шпора раннеримского времени, концы которой имеют крючки, происходит с позднезарубинецкого поселения Марьяновка (табл. IX, 18, 19).

Из предметов личного убора наиболее часто встречаются бронзовые, реже — железные фибулы, большая часть которых найдена в могильниках, примерно в каждом третьем погребении. Всего в области зарубинецкой культуры число найденных фибул достигает 660, из них на долю припятичских и среднеднепровских памятников приходится по 250, верхний Днепр дал около 140. Фибулы являются основными датировочными предметами на памятниках зарубинецкой культуры. При классификации фибул обычно учитываются их схема, форма спинки и ножки, орнаментация, а также форма приемника, длина пружины и размеры. Большинство фибул, найденных в зарубинецких комплексах, относится к средне- и позднелатенской схеме. В меньшем числе и лишь на позднезарубинецких памятниках встречаются провинциально-римские фибулы. Фибулы этих конструкций имели широкое распространение в Северной и Средней Европе, где под кельтским воздействием возникли «латенизированные» культуры. Исследователями создано много типологических схем фибул, отражающих их своеобразие на разных землях. В за-

падноевропейской археологической литературе приняты буквенные обозначения вариантов фибул, предложенные Я. Костневским. Классификация фибул юга европейской части СССР с учетом всех их признаков и своеобразие разработана А. К. Амброзом [1966]. Типология собственно зарубинецких фибул, имеющих свои особенности, наиболее последовательно разработана Ю. В. Кухаренко, который дал вариантам фибул свои буквенные обозначения [Кухаренко Ю. В., 1964. С. 30—35]. В последние годы эта типология была несколько уточнена А. М. Обломским [1983б. С. 106, 107].

Сопоставление принятых разными авторами обозначений фибул представлено на таблице X.

К раннелатенской схеме относятся лишь один обломок железной фибулы с загнутым кверху расчлененным концом (вариант А по Ю. В. Кухаренко), найденный вне погребений в могильнике Черск в Полесье. Большинство фибул, составляющих варианты от Б до J, принадлежит к среднелатенской схеме. Часть этих фибул сделана из бронзовой или железной проволоки, пружины у них небольшие с верхней тетивой, конец ножки загнут вверх и скреплен со спинкой. Своеобразны фибулы варианта Б, на конец ножки и спинку которых одеты шарики (табл. X, 25), и фибулы варианты В, спинка которых изогнута в виде восьмерки, а конец ножки соединен со спинкой несколькими спиральными оборотами (табл. X, 19, 24). Аналогичные фибулы с восьмеркообразной ножкой известны на территории Югославии, Румынии, Венгрии и Словакии. Здесь же и в области исторской культуры и на землях Польши были распространены фибулы с двумя шариками. Датируются варианты Б и В по аналогиям и с учетом взаимовстречаемости в зарубинецких комплексах периодами латен C1—D1, т. е. с начала II до последней четверти I в. н. э. [Каспарова К. В., 1981. С. 76; Обломский А. М., 1983б. С. 114—116].

Фибулы вариантов Е—К повторяют среднелатенскую схему, но конец ножки у них расплюсчен в виде треугольной пластинки. Эти фибулы типично зарубинецкие и помимо ареала зарубинецкой культуры, встречаются редко (они найдены еще в Неаполе сификском, в Беляуском могильнике в Крыму, на поселении Лукашевка, в сарматском погребении у совхоза Аккермень и в некоторых других пунктах). Аналогичные или близкие фибулы широко представлены только у кельто-илирийского населения на территории Югославии, и именно с этой территорией связывает происхождение зарубинецких фибул К. В. Каспарова [1977. С. 71—75; 1981. С. 62, 63]. Зарубинецкие фибулы сделаны из бронзы, иногда из железа, что особенно характерно для Верхнего Поднепровья, имеют длину от 6 до 13 см, пружина у них обычно многовитковая, тетива верхняя. Шиток фибул часто орнаментирован поперечными бороздами, косыми насечками по краю или продавленными изнутри узором в виде выступов и пунктирной насечки. Варианты среди этих фибул выделяются по форме конца ножки (она бывает уплощенной), по величине шитка и пропорциональному соотношению его с ножкой. Варианты фибул показывают и их относительную последовательность. У более поздних богата орнаментация и сравнительно большой шиток, у завершающих типологическое развитие фибул варианта К, найденных

в могильнике Гриневичи Вельки, щиток полностью перекрывает не только спинку, но и ножку.

Фибулы вариантов от М до Р по конструктивным особенностям относятся к позднелатенской схеме. Они изготовлены также из бронзы или железа, в отличие от предшествующих конец ножки у них расклепан в пластину-приемник, который бывает сплошным или рамчатым. Варианты различаются по изогнутости спинки, иногда она бывает пластинчатой. Своеобразна фибула из Чаплина, у которой приемник рамчатый, но головка вместо пружины заканчивается двумя захватами в виде клещей («щипцовая»; табл. X, 7).

К провинциально-римским типам принадлежат фибулы варианта Т и У, происходящие из рейнских и дунайских провинций. Фибулы варианта Т (типа «бойер») бронзовые литые, очень небольшие (длина 5—7 см). Приемники фибул пластинчатые, иногда снабжены отверстиями. У фибулы варианта Т (Велемичи I и II) спинка сильно изогнута ребристая. Их дата — рубеж и начало нашей эры. Фибулы варианта У (типа Альмгрен 68), найденные вне погребений в могильниках Отвержичи и Гришенцы, имеют на спинке характерные утолщения в виде диска и укороченный приемник с дырочкой, датируются серединой I в. н. э. [Амброз А. К., 1966. С. 36]. В Чаплине встречены железные фибулы варианта Ф — «подвязные», сделанные из проволоки, конец ножки у них загнут вниз и подвязан к спинке, датируются I в. н. э. [Амброз А. К., 1966. С. 48].

Глазчатые фибулы варианта X (типа Альмгрен 59 и 62) находят лишь на позднерубежнических памятниках, в том числе и в могильнике Гриневичи Вельки. Они относятся к последней четверти I в. н. э. согласно разработкам хронологии вельбарской культуры, где подобные фибулы типичны для фазы B<sub>2</sub> [Woląciowiec R., 1974. S. 133, 134]. Эти фибулы бронзовые литые, с широкой ножкой, ornamentированной «глазками», и широкой спинкой, украшенной бороздками.

Остальные предметы личного убора и украшения представлены в значительно меньшем количестве. Это булавки, браслеты, кольца, подвески, серги, поясные пряжки и крючки, бусы. Наиболее распространены, особенно на памятниках Припятского Полесья, бронзовые, реже — железные булавки. Они имеют длинный (10—25 см) проволочный стержень, заостренный на конце, и разного вида головки. Иногда головки изогнуты в виде небольшого ушка или уплощены, как у гвоздя. Известны булавки такого типа по всей территории культуры (табл. XI, 1, 14). В Припятском Полесье распространены булавки с кольцевой или свернутой в спираль головкой с числом витков от пяти до 10 (табл. XI, 6, 9). Попадаются булавки и более сложного вида — например, в могильнике Велемичи I найдена булавка с двумя спиральными на головке (табл. XI, 2). Иногда булавки бывают соединены между собой тонкой цепочкой.

Браслеты по всему ареалу культуры встречаются редко, большая их часть найдена в Чаплине (Верхнее Поднепровье). Они изготовлены из бронзы или железа и по внешнему виду делится на два основных типа: 1) одновитковые с концами различной формы (заостренные, расширяющиеся, фигурные), иногда сомкнутыми, заходящими друг за друга или прикрепленными к корпусу несколькими спиральными оборо-

тами; корпус таких браслетов, как правило, сделан из гладкого дрота, но встречаются экземпляры с корпусом из перевитой проволоки или из спирально закрученной пластины (табл. XI, 20, 25); 2) спиральные многovitковые браслеты с концами прямыми или в виде ушек и крючков; сделаны из круглой или полукруглой проволоки, иногда расплющенной в виде овальной пластины, украшенной пунктирным узором (табл. XI, 21, 27).

Кольца из бронзы и железа также чаще встречаются в Верхнем Поднепровье (Чаплин). Кольца разных типов имели диаметр от 1,5 до 4 см, и назначение их не вполне ясно, возможно, некоторые из них употреблялись в качестве височных украшений (табл. XI, 3, 4). Они, как и браслеты, бывают одновитковыми с соединенными или заходящими друг за друга концами, иногда они сделаны из ложновитой проволоки или пластины. Наиболее распространены спиральные кольца, также изготовленные из круглой проволоки или пластины. Изредка кольца бывают соединены вместе или на них надето еще одно маленькое колечко (табл. XI, 11). Особняком стоят редко встречаемые бронзовые литые кольца, на наружной стороне которых есть выступы или культовые украшения, причем шишечки имели не орнаментальное, а магическое значение. Такие предметы известны в синхронных сарматских могильниках Приазовья и в латенских древностях.

Примечательно из Припятского Полесья происходит бронзовые привески трапециевидной формы. Их делали из тонких бронзовых пластинок (длина 2—6 см), с небольшой дырочкой для подвешивания в верхней части. Обычно привески ornamentированы линиями или фигурами из линий и точками, выдавленными с внутренней стороны (табл. XI, 7, 8, 113, 16). Представлены привески в виде круглых блях диаметром 8 см (Горошков, Чаплин, Велемичи I). Бляхи имеют в центре отверстие и орнамент из точек и линий, выдавленных изнутри (табл. XI, 23).

Серги встречены в Среднем Поднепровье (Корчеватое, Субботов и Дедов Шпиль). Они имели вид округлых дужек из бронзовой проволоки (Корчеватое), обмотанной бронзовой спиралью (Субботов, Дедов Шпиль; табл. XI, 12). Концы соединялись простым замком. Такие серги известны на территории Нижнего Поднепровья, входящего в область периферии античного мира [Визьмитина М. И., 1962. Рис. 82, 4], откуда они, вероятно, и попали к «зарубинцам».

Подковообразные застегки (скольганы) найдены в Верхнем Поднепровье, реже они встречаются на Припяти. Пряжки имеют вид круглого кольца, обычно сделанного из железной проволоки с несоединяющимися уплощенными концами, согнутыми в трубочки. На корпус застегки надет проволочный подвижной язычок. Бронзовые застегки редки — известна одна из Чаплина (табл. XI, 22).

Бронзовые бусины, так называемые пронизи, входили наряду с привозными стеклянными бусинами и местными глиняными в состав ожерелий. Пронизи сделаны из тонких пластинок, свернутых в трубочку, различной (до 4 см) длины. Известны бронзовые спирали, свернутые из круглой или граненой проволоки. Иногда в центре спирали прикреплялись бусина или трапециевидная бронзовая пластинка (Пи-

рогов), (табл. XI, 5, 10, 17). Стеклённые бусы являются в зарубинецких памятниках наиболее массовыми предметами античного импорта. Они обычно мелкие, синего, зеленого, желтого цветов или позолоченные, по форме — круглые (единичные и сдвоенные), цилиндрические, дисковидные и др. (табл. XI, 18, 19). Пастовые бусины обычно крупные круглые, синие или желтые, с цветными «глазками» или различными цветными пятнами и полосками. По мнению специалистов, стеклянные малые и бисерные бусы относятся в основном к I в. н. э. [Безбородов М. А., Поболь Л. Д., 1957], тогда как пастовые глазчатые — к III—II вв. до н. э. [Алексеева Е. М., 1975. С. 60—71].

Поясные наборы представлены оковками и поясными скрепами-крючками. Бронзовый крючок из Субботова по форме обычен для поясов латенского типа второй половины I в. до н. э.—начала I в. н. э.; поясные скрепы из Чаплина имели вид овальных железных пластинок с загнутыми друг к другу концами (табл. XI, 15). Поясная оковка из Велемичей I состоит из бронзового граненого кольца, на которое надеты два железных пластинчатых зажима (табл. XI, 26). Интерес представляет находка фрагмента пояса с поясным крючком из Отвержищей, украшенного бронзовыми пластинками и бляшками [Каспарова К. В., 1969. С. 156]. Пояс был кожаным, и для закрепления пластинок и бляшек кожа пояса прорезана насквозь, в отверстие продеты их шпеньки, загнутые с внутренней стороны. Поясной крючок имеет вид железной пластины, покрытой бронзовым ориентированным листом (табл. XI, 28). Подобный крючок, но не ориентированный, происходит из погребения 10 Лукашевского могильника. Аналогии ему известны в исторских древностях, а ориентальный мотив — выпуклые подковки на концах — распространен на широкой территории Средней Европы в кельтских и иллирийских древностях II—I вв. до н. э. Пояс из Отвержищей найден с фибулами, которые датируют его I в. до н. э.

Среди импортных предметов наиболее многочисленную группу составляют греческие амфоры, фрагменты которых встречаются на поселениях Среднего Поднепровья в довольно большом числе, — они составляют 5—15% всех керамических находок [Максимов Е. В., 1972. С. 92]. Из Ольвии привезены стеклянные бусы, находки которых известны почти на всех поселениях и изредка встречаются в погребениях. Исключение составляет Чаплинский могильник, где бусы обнаружены в 37 захоронениях, а всего здесь насчитывается около 1200 таких бусин. В Субботове найден скрабей из египетского фаянса, привезенный из Северного Причерноморья.

**ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ.** Оседлое население зарубинецкой культуры, проживавшее на плодородных землях Поднепровья, занималось земледелием, которое составляло одну из основ его экономики. Объективными данными, указывающими на наличие земледелия у зарубинецких племен, являются находки некоторых орудий сельскохозяйственного труда (серпы, косы, зернотерки) и отпечатки зерен культурных растений и сорняков на дилках и в изломках сосудов. Серпы и их обломки известны во всех районах распространения зарубинецких памятников. Количество находок невелико (девять — Среднее

Поднепровье, семь — Верхнее Поднепровье, пять — Верхнее Подесенье). Сами серпы по устройству были довольно примитивными орудиями, которыми можно было срезать колоски таких злаковых, как просо, ячмень или полба. Косы и кольца к ним встречаются еще реже (три — Среднее Поднепровье). По внешнему виду косы похожи на средневековые косы-горбуши. Длина косы небольшая, до 35 см. Известны железные полуovalные кольца (Зарубицы, Ходосовка), которыми косы прикреплялись к деревянной рукоятке. Каменными круглыми терочниками (диаметр до 10 см) растирали на плоских камнях зернотерка зерно. Терочники встречаются довольно часто (в Среднем Поднепровье, например, более 10), в то время как находки зернотерок редки. На зарубинецких поселениях орудия для обработки почвы не найдены. По-видимому, зарубинецкое население обрабатывало почву деревянными, очень простыми по устройству радами, которые у населения Восточной Европы известны с эпохи бронзы [Шрамко Б. А., 1964]. Такие рады хорошо приспособлены для вспашки легких грунтов пойма и надпойменных террас. В Восточной Европе найдены четыре рады, и все они происходят из торфяников Полесья (Минская, Черниговская, Сумская и Брянская области).

Системой землепользования был перелог, при котором восстановление плодородия почвы происходило без участия человека. Что касается полейных участков, затопляемых в половодье, то ими можно было пользоваться ежегодно [Краснов Ю. А., 1967. С. 20]. О перелогом свидетельствует также состав злаковых растений, выращиваемых на зарубинецких полях. Это видно по отпечаткам на глине зерен проса, ячменя, мягкой и карликовой пшеницы и специфических для этой системы землепользования сорняков [Пачкова С. П., Янушевич З. В., 1969. С. 3—13]. Рожь, распространение которой способствовало возникновению парового земледелия, не была известна зарубинецким земледельцам. Перелоговая система земледелия была и у соседей зарубинецких племен, в том числе у древних германцев, на что указывает в своем сочинении Тацит (26): «Они [германцы] ежегодно меняют пашню ... и не прилагают усилий, чтобы умножить трудом плодородие почв». При такой системе землепользования поля давали небольшие урожаи, в пределах 3—5 центнеров с гектара [Максимов Е. В., 1972. С. 72]. Следовательно, зарубинецкое земледелие с его ограниченными размерами пахотной земли, доступной для обработки деревянными радами, не могло давать значительного количества продукции и занимать ведущее место в хозяйственной системе зарубинецкого общества.

Особенности злаков и их количественное соотношение, установленное по отпечаткам зерен на керамике, наличие терочников указывают на то, что зерно прежде всего шло на изготовление крупы. Основной пищей была, следовательно, каша. Не исключается также выпечка лепешек, для чего использовались глиняные диски-сковородки. Из огородных культур наиболее распространенной была репа, известная в Центральной Европе со времен раннего железного века (Бискупин). Отпечатки семян репы обнаружены в большом количестве на обломках зарубинецкой посуды. О выращивании конопли и льна говорят отпечатки семян на керамике [Пачкова С. П., Януше-

вич З. В., 1969. Табл. 2], а также другие данные о глубокой древности льна в Восточной Европе.

Население занималось разведением различных пород домашних животных, на что указывают обломки их костей, находящиеся в большом количестве в каждом зарубинецком жилище. Кроме того, кости домашних животных как остатки ритуальной пищи встречаются в каждом оторванном зарубинецком погребении Среднего Поднепровья. Природные условия зарубинецкой территории были вполне благоприятны для разведения животных: мягкий климат, обширные луга пойма, лесные массивы. Животноводство было приселенным, что соответствовало оседлому образу жизни самого зарубинецкого населения и наличию богатой природной кормовой базы, доступной в течение почти всего года, поскольку тогда в Восточной Европе существовал более влажный и теплый, чем теперь, климат. Изучение остеологического материала, проведенное специалистами, показало, что стадо состояло из свиней, крупного и мелкого рогатого скота и лошадей.

На поселениях встречаются не развитые кости собаки, указывающие на то, что мясо этого животного в пищу не использовалось. Собаки, как обычно, выполняли сторожевые и охотничьи функции. Охотились, как показывают костные остатки, на лоса, оленя, дикого кабана, зубра, режю — медведя и косулю. Важное место занимала охота на пушного зверя, прежде всего бобра, кунюцу. Пушнина играла ведущую роль в обменной торговле с античным миром.

Рыболовство занимало далеко не последнее место в хозяйстве зарубинецких племен, чему немало способствовала топография поселений, расположенных на берегах рек. Во время раскопок встречаются и орудия рыболовства — большие железные крючки и изредка наконечники одноплечных острог. Чрезвычайно редки находки лодок, которые имели вид узких (0,7 м) и длинных (8 м) челнов, выдолбленных из ствола ивы. Такой челн был найден близ устья Десны, возле с. Хатыновка, рядом с могильником зарубинецкой культуры. На поселениях, в жилищах и погребках отмечены находки чешуи и костей рыб крупных размеров — судака, сома и др.

Приведенные выше данные о состоянии земледелия и животноводства в зарубинецком обществе показывают, что животноводство давало больший экономический эффект. У населения зарубинецкой культуры было мало зерна, но много мяса и кож, а также мехов. Такая картина полностью подтверждается и сообщением Полибия — историка II в. до н. э., который писал, что в Грецию из глубин Причерноморья поступают в первую очередь продукты животноводства и охоты [Полибий, IV, 38]. Главенствующая роль животноводства в хозяйстве зарубинецкого общества закономерно вытекала из особенностей его общественного и экономического развития, при котором важную роль играли природное окружение, географическая среда, в значительной мере диктовавшая основное направление хозяйственной деятельности. Только позднее, на следующем этапе исторического развития, с распространением пашенных орудий с железными наральниками и более совершенной системы землепользования, земледелие становится более продуктивной отраслью хозяйства, которая «подчинила себе скотоводство и

отодвинула на второй план все другие промыслы славянских племен, такие как охота, рыбная ловля и традиционное бортничество» [Третьяков П. Н., 1953. С. 274].

В зарубинецком обществе получили развитие различные ремесла — железоделательное, кузнечное, бронзообрабатывающее, керамическое и др. Время существования зарубинецкой культуры относится ко второму периоду раннего железного века, когда выплавка железа сыродутным способом и приемы изготовления из этого металла различных предметов стали достоянием всех племен первобытной Европы. Носители зарубинецкой культуры получали железо путем плавки малонасыщенных болотных (озерных) руд, широко распространенных в лесной и лесостепной зонах. Плавка производилась в глинобитных горнах, куда непрерывно нагнетался воздух. Топливо служил древесный уголь. В результате многочасовой плавки получали крицу — слиток губчатого железа весом до 3 кг, который надо было затем проковать для удаления шлаков. Получение железа было делом сложным и трудоемким. Железо изготовляли на каждом поселении, при раскопках здесь повсеместно встречаются шлаки и крицы. В позднезарубинецкое время появляются поселки, специализировавшиеся на добыче железа, примером чему может служить поселение Лютюж, где осуществлялся весь цикл работ, связанный с получением металла: добывалась и обрабатывалась железная руда, выжигался древесный уголь, выплавлялся металл. В Лютюже обнаружены остатки 15 горнов [Бидзиля В. И., Пачкова С. П., 1969], из которых несколько, вероятно три — пять, могли работать одновременно, изготовляя за сезон 75—100 кг металла. Наибольшие объемы выхода конечного продукта говорят о том, что зарубинецкое население не располагало сколько-нибудь значительным количеством черного металла. На это указывают и немногочисленные находки предметов из железа, и небольшие размеры этих предметов. Металл был невысокого качества, он представлял собой крупнозернистое железо со значительной примесью шлака. В южных районах Среднего Поднепровья употреблялась углеродистая сталь, которую получали посредством цементации готовых железных предметов, что, по мнению специалистов, указывает на местную традицию, идущую от предшествующей скифской эпохи [Гонак В. Д., 1976. С. 7]. Некоторые технологические особенности, отмеченные на изделиях среднеднепровской группы зарубинецкой культуры (цементация лезвий инструментов с последующей их местной закалкой, пакетирование сырья), позволяли сближать их с устойчивыми традициями латенской металлообработки [Вознесенская Г. А., 1984. С. 171].

Изготовление предметов из цветных металлов, известное издревле в Среднем Поднепровье, в зарубинецкое время сохранило свое значение в ювелирном ремесле, сырьем для которого служила привозная дорогая бронза. Поэтому изделия из бронзы, например фибулы, в зарубинецком обществе должны были цениться выше однотипных железных. Бронза поступала с юга, из области античной периферии. Мастера-ювелиры работали в своих жилищах, бронзу плавили в тиглях, на огне домашнего очага. На многих зарубинецких поселениях были найдены целые



и фрагментированные тигли, представляющие собой небольшие цилиндрические или конические круглодонные глиняные сосуды с оплавленными толстыми стенками. На Пилипенковой Горе таких предметов оказалось более 40, и все они встрелили в жилища или рядом с ними. Обрабатывали бронзу в два приема. Сначала ее плавил в тиглях, используя как сырье также старые, пришедшие в негодность бронзовые вещи, содержащие различное количество примесей. Сами изделия изготавливались способом холодной обработки металла, путем проковки, протяжки, чеканки металла, что указывает на достаточно высокий уровень квалификации местных мастеров.

Сравнительно высокого уровня развития достигало керамическое производство. Вся зарубинецкая керамика по технологическим особенностям делится на лощеную и шершавую. Керамическое тесто для чернолощеной посуды готовили весьма тщательно, хорошо его вымешивая. В качестве примесей к глине использовали мелкий песок, шлам, растительные остатки, изредка — толченный камень, а также полову, на что указывают отпечатки зерен культурных растений в тесте сосудов. Обращают на себя внимание симметричность корпуса и четкость формовки отдельных деталей чернолощенных сосудов, например граненого венчика. Эти особенности говорят о том, что зарубинецкие гончары пользовались приспособлением с центрованным вращением, т. е. гончарным кругом ручного типа [Рыбаков Б. А., 1948б. С. 146. Рис. 31]. После формовки поверхность сосудов тщательно выглаживалась и полировалась костяными, глиняными, кожаными лощилами, приобретая блестящий или бархатный вид. Обжиг высушенных сосудов производился на костре. Здесь нельзя было получить спекшегося крепкого черенка. Нагрев столовой посуды черного цвета был еще более низким, поскольку необходимо было сохранить добавленный к глине углерод (уголь). Чтобы увеличить прочность этой чернолощеной посуды, зарубинецкие мастера пользовались способом «обварки», известным впоследствии гончарам древней Руси, когда нагретый сосуд погружали в теплый мучной раствор [Рыбаков Б. А., 1948б. С. 172]. Несмотря на довольно сложную технологию, изготовление зарубинецкой посуды не вышло за пределы домашнего промысла. Судя по всему, им занимались женщины. Данные этнографии также говорят о том, что посуду в условиях домашнего производства делали женщины.

Важной отраслью хозяйства было изготовление тканей. Объективными свидетельствами существования ткачества у населения зарубинецкой культуры служат находки глиняных грузил для ткацкого станка и пряслиц. Конструкция ткацкого станка не вполне ясна. Можно предполагать, что зарубинецкий ткацкий станок не отличался от древнейшего славянского ткацкого станка, был предельно простым по устройству, и грузила оттягивали нити основы вниз. Четыре таких глиняных массивных грузила пирамидальной формы были найдены в одном из жилищ поселения Пилипенкова Гора [Максимов Е. В., 1972. Табл. 27]. Сырьем для тканей служили лен, конопля, овечья и козья шерсть. Все эти виды текстильного сырья были известны в Восточной Европе с глубокой древности. Приемы обработки льна и конопли, видимо, ничем принципиально не отличались от поздней-

ших, хорошо известных по древним обрядовым песням [Рыбаков Б. А., 1948б. С. 185] и этнографическим материалам: лен дергали, мочили, трепали, превращая его в кудель, из которой изготавливали пряжу.

Дерево широко применялось в строительном деле и для бытовых нужд, о чем свидетельствует, в частности, находка скобеля в Ходосовке. Обрабатывали также кость и рог, кожу и мех.

Привозные предметы попадали в область зарубинецкой культуры в результате торгового обмена, имевшего безденежный характер. Наибольший объем занимал обмен между зарубинецким населением Среднего Поднепровья и античной периферией Северного Причерноморья, а именно, нижнеднепровскими поселениями позднекиевского времени, известными как часть Малой Скифии. В меньшем количестве поступали с Запада изделия из бронзы кельтских (латенских) образцов, и совсем мало обнаружено предметов сарматской культуры.

Поскольку торговля с античным Югом была обменной (хотя в античных государствах издавна существовало денежное обращение), в области зарубинецкой культуры зафиксировано лишь несколько случайных находок античных монет [Карышковский П. О., 1963а]. Наиболее интересен бронзовый жемчужно-черноморский тетрахаал 105—90 гг. до н. э., обнаруженный в хозяйственном сооружении на Пилипенковой Горе [Максимов Е. В., 1972. С. 96]. Несколько греческих монет, встреченных в белорусском Поднепровье, не связываются с зарубинецкими памятниками [Поболь Л. Д., 1974. С.36—38].

Предметы античного импорта в Среднем Поднепровье впервые и в большом количестве появляются в скифское время [Онайко Н. А., 1962. С. 25—41; 1970]. В последующую эпоху объем импорта сократился, но тем не менее среднеднепровские племена получали с берегов Черного моря довольно много греческого вина в амфорах, некоторое количество столовой посуды. В других районах распространения зарубинецкой культуры античная керамика известна по единичным находкам [Нухаренко Ю. В., 1964. С. 29]. Важной статьей импорта были украшения из стекла — бусы разных расцветок и формы. С юга поступала бронза, как в слитках, так и в изделиях. Некоторые поздние фибулы раннеримского времени (типа найденных в Субботове и Таценках) являются предметами античного импорта.

Торговый путь шел по Днепру на юг, оканчиваясь в области нижнеднепровских поселений позднекиевского времени, где в жилищах и погребениях найдена зарубинецкая чернолощенная посуда — свидетельство пребывания здесь среднеднепровского населения. С севера на юг шли зарубинецкие товары — меха, шкуры, мед, воск, скот. Эти товары издревле вывозились из Северной и Средней Европы [Анохин Г. И., 1967. С. 7—67], а торговля пушиной считалась традиционной для Среднего Поднепровья [Цалкин В. И., 1966].

Помимо торговли с античным Югом, существовали торговые связи с областями латенской культуры. Среди вещей латенского облика первое место занимают фибулы, главным образом среднелатенского типа. Во многих местах найдены кольца с шпильками, подвески-амулеты, перстни, шпory, детали поясного набора, бронзовые сосуды, ситуты [Максимов Е. В., 1960]. Обломок кельтского сосуда,

покрытого графитом, найден в одном из погребений могильника Велемич I на Полесье. В погребении Субботова на р. Тясмин найдены бронзовый сосудистула I в. до н.э. — I в. н.э. и бронзовый поясной крючок I в. н.э. Из Среднего Поднепровья происходят также большая часть известных в области зарубинецкой культуры бронзовых украшений и амулетов латенских типов [Кузаренко Ю. В., 1959а. С. 31]. Уступая в количественном отношении античному импорту, предметы латенского типа оказали существенное влияние на зарубинецкие вещи личного убора и украшения, а возможно, и на керамику. Время и обстоятельства появления латенского импорта на территории зарубинецкой культуры объясняются исторической обстановкой. Появившись в середине III в. до н.э. в Закарпатье и верховьях Вислы, а в III в. до н.э. — в Нижнем Подунавье, кельты установили контакты с соседними местными племенами, откуда предметы кельтского ремесла попадали в Поднепровье и Полесье. В конце III в. до н.э. кельтские племена продвинулись в Северное Причерноморье, и население степи, а затем и лесостепи познакомилось с их вооружением и предметами обихода. Эта вторая волна распространения кельтских вещей в Восточной Европе способствовала выработке в ареале зарубинецкой культуры фибул местного стиля, отмеченного латенским влиянием.

**ХРОНОЛОГИЯ.** Определение времени появления зарубинецкой культуры до сих пор не получило общепризнанного решения. Причину такого положения следует искать в расхождении между датировками фибул и античной амфорной тары; первые являются обычным хронологическим эталоном для зарубинецких могильников, а во время как обломки амфор используются при датировках поселений Среднего Поднепровья, где они встречаются повсеместно. Датировочные возможности античных амфор, особенно если на них встречается клейма, не ниже, чем фибул, поскольку хронология клейменных позднеэллинистических амфор разработана с большой точностью. Что касается фибул ранне- и среднелатенской схемы, то их датировку вместе с периодизацией самого латенского периода европейские исследователи пересматривали несколько раз, то «омолаживая», то «удревяняя» их в пределах 25—75 лет. Эта нестабильность европейских датировок фибул нашла свое отражение и в нашей специальной литературе [Мачинский Д. А., 1963; Кузаренко Ю. В., 1964; Амброз А. К., 1966], не способствуя объективному решению вопросов зарубинецкой хронологии. В настоящее время положение изменяется к лучшему. Ряд европейских исследователей (Й. Тодорович, З. Возняк, В. Зирра и др.) «удревянили» границы между отдельными хронологическими фазами латена на 25—50 лет по сравнению с принятой ранее схемой И. Филиппа. Следующий шаг в нашей литературе был сделан К. В. Каспаровой, которая отнесла ранние фибулы зарубинецких могильников ко второй четверти II в. до н.э. [Каспарова К. В., 1981. С. 63]. Эта дата уже близка к последней трети III в. до н.э., т. е. к периоду, который устанавливается для ранних зарубинецких поселений на основании амфорного материала.

Рассмотрение различных элементов зарубинецкой культуры топографии и планировки поселений, наличия и конструкции оборонительных сооружений, ти-

пологии местной керамики, предметов импорта — позволяет разделить время существования зарубинецких памятников на три периода, границы между которыми имели определенную протяженность. Эти периоды следующие: 1) ранний — от последней трети III — начала II в. до н.э. по середину I в. до н.э.; 2) средний — от середины I в. до н.э. по середину I в. н.э.; 3) поздний — от середины I до конца II в. н.э., к которому относятся так называемые позднезарубинецкие памятники. Предложенные хронология и периодизация зарубинецких памятников имеют характерные особенности в каждом регионе. Так, в Припятском Полесье неизвестны памятники третьего, самого позднего, периода, и, наоборот, все памятники Деснинского региона датируются временем не ранее I в. н.э. Хронологические границы между отдельными периодами достаточно широки, они отражают постепенную эволюционную смену форм отдельных элементов культуры, что соответствует внутренней динамике развития общества. Однако там, где в действие вступали внешние обстоятельства, границы периодов очерчиваются достаточно определенно, примером чего могут служить начало среднего периода в Среднем Поднепровье, синхронное гетской и сарматской экспансии середины I в. до н.э. в Северном Причерноморье, а также конец среднего периода в Припятском Полесье, определяемый серединой (40—70-е годы) I в. н.э.

Ранний период — это прежде всего процесс становления зарубинецкой культуры на территории Среднего и Верхнего Поднепровья и Припятского Полесья. Продолжительность этого процесса определить пока невозможно, но, по-видимому, он длился несколько десятилетий — в течение жизни одного-двух поколений создателей зарубинецкой культуры. Датировочными материалами для начала этого периода являются в первую очередь единичные фрагменты клейменных амфор из Коса, Пароса и Родоса, найденные на поселениях Пилипенкова Гора возле г. Канев и относящиеся к 30—20-м годам III в. до н.э.; они свидетельствуют, что на среднем Днепре зарубинецкие поселения в это время уже функционировали. Менее выразительные фрагменты ранних амфор из этих цетров, аналогичные по технологическим характеристикам (цвет глины в изломе, характер природных включений в глину, обработка и цвет поверхности сосуда), встречаются во время раскопок на поселениях Юрковца (Киев), Пригова, Великие Дмитровичи, Шучинка, Мошастырек, Селище, Московка, Сахновка, Субботка, Харьковка, Завадовка, Басовка. Кроме амфор, следует указать на находки чернолаковой и краснолаковой стоголовой античной посуды этого времени, обнаруженной на памятниках Среднего Поднепровья в Трахтемирове, Прусах, Басовке, а также бус (Сахновка, Басовка). Все эти факты говорят, что на рубеже III—II вв. до н.э. Среднее Поднепровье уже являлось обжитой зарубинецкой территорией (карта 8).

Наиболее ранние фибулы — «расчлененные» с восьмерикобразной спинкой и «расчлененная» с двумя шариками на конце ножи — найдены в Пироговском (погребение 26), Ворониинском (погребение 25) и Велемичском II (погребение 108) могильниках. Типологически близкие фибулы известны в юго-восточных областях латенской культуры, среди материалов

ясторфской и пшеворской культур, где они датируются концом фазы латена C<sub>1</sub>, т. е. началом II в. до н. э. [Каспарова К. В., 1978. С. 82; 1981. С. 63; 1984. С. 115. Рис. 5]. Среди материалов третьего зарубинецкого региона — Верхнеднепровского — предметов, столь определенно относящихся к раннему времени, пока известно немного. Можно указать на обломки эллинистических амфор, встреченные при раскопках городищ Чаплин и Горошков, и бус этого времени (Горошков, Милоград, Мохов, Чаплин) [Мельниковская О. Н., 1967. С. 94, 155], нож кельтского типа с бронзовой рукояткой и кольцом (Чаплин, погребение 184), возможно, свидетельствующие о ранней дате. Некоторые типы посуды ранних зарубинецких памятников имеют архаические черты, ведущие происхождение от культур предшествующего времени. К ним относятся: на Среднем Поднепровье — низкие чернолощенные миски с загнутым внутрь венчиком, горшки и миски поморско-подклевешев типов, встреченные на Припятском Полесье [Каспарова К. В., 1976а. Рис. 15; 16], керамика милоградских форм в Верхнем Поднепровье [Поболь Л. Д., 1971. С. 167].

Средний период в истории зарубинецкой культуры — это время коренных изменений в жизни населения, связанных главным образом с внешними событиями, вызванными активностью соседних образований гетского царства Бурбисты в середине I в. до н. э. и сарматской группировки, появившейся в конце I в. до н. э. на правобережье Днепра. Начало этого периода наиболее отчетливо наблюдается на памятниках Среднего Поднепровья, поскольку здесь в середине I в. до н. э. повсеместно возводятся оборонительные сооружения. Их строят не только на ранних поселениях типа Пилипенковой Горы, но и на вновь создаваемых городищах типа Ходосовки или Бабиной Горы. Аналогичный процесс имел место, по-видимому, и в Верхнем Поднепровье. Время постройки этих городищ (их насчитывается более 30) определяет стратиграфия Пилипенковой Горы. Здесь были обнаружены построенные на одном и том же месте укрепления двух строительных периодов, один из которых относится к I в. до н. э., а второй — к I в. н. э. На датировку раннего вала указывают обнаруженное под ним жилище и культурный слой II в. до н. э. Поздние укрепления были датированы предметами, найденными в насыпи раннего рва и в насыпи позднего вала, они синхронны и относятся к I в. н. э. (обломки раннеримских амфор). Эта дата поздних укреплений подтверждается наконечниками сарматских стрел, найденными при раскопках в Ходосовке, Монастырьке, Бабиной Горе, Ходорове.

С конца I в. до н. э. и в I в. н. э. территория зарубинецкой культуры в Среднем Поднепровье расширяется и ее памятники появляются в Южном Побужье. Небольшие открытые поселения и могильники с керамикой этого времени возникают по берегам Днепра и его притоков. Это Гвоздов и Койлов на Днепре, Теретевка и Райки на Теретеве, Новоселка на Ирпене, Бородинка на Здвиже, Мартыновичи на Ужге, Таценки и Триполье (Девич-Гора) на Стугне, Орловец на Ольшанке, Марьяновка и Носовка на Побужье (карта 9). Вероятно, к ним относятся и такие пункты, как Гришенцы, Ржищев,

Пастырское и Кононча, где были найдены фибулы первой половины I в. н. э. В Таценках встретились фибула «воинского» типа (вариант II), две фибулы причерноморского типа I в. н. э. и одна зарубинецкого типа [Максимов Е. В., 1969а. С. 43]; в погребениях Девич-Горы (Триполье) — пять фибул зарубинецкого типа I в. до н. э. — I в. н. э. [Куза А. В., Кубишев А. И., 1971. С. 87]; в Марьяновке — фибула западного типа с сильнопрофилированным корпусом и высоким прорезным приемником (типа Альтгрен 236). Здесь же найдены фрагменты раннеримских светлоглиняных амфор с одностовальными желобчатыми и круглыми двустовальными ручками I в. до н. э. — I в. н. э. [Хавлюк П. И., 1975. С. 12]. Аналогичные по типу (и времени) обломки амфор попадают в Орловце, Райках на Теретеве, Койлове на Днепре, а также на всех приднепровских городищах этого времени. Кроме небольших поселений, в Поднепровье существуют крупные селища, расположенные обычно в безопасных, труднодоступных местах, примером чего является Оболонь в Киеве. Здесь открыто более 60 зарубинецких жилищ конца I в. до н. э. — I в. н. э., время которых определяется объемами амфор, аналогичных упомянутым выше, шпорой и «воинскими» фибулами [Шовкопляс А. М., 1972. С. 206—210].

Верхняя дата этого периода зарубинецкой культуры — середина I в. н. э. — наиболее четко определяется на основании материалов могильников Полесья [Каспарова К. В., 1976а, С. 139]. Датированными материалами являются фибулы позднелатенской схемы, которых в закрытых комплексах найдено здесь 53, т. е. значительно больше, чем в Среднем Поднепровье. Это фибулы позднелатенской схемы — «рамчатые» и «воинские» по А. К. Амброзу (варианты Н, О, П, Р по Ю. В. Кухаренко). На основании последних разработок К. Мотыковой, Р. Волангевича, Т. Лианы и других можно считать установленным, что в Чехии нет таких фибул, датируемых временем после рубежа нашей эры, в западном Поморье это явление определяется временем около 10 г. н. э., а в области пшеворской культуры — 20—40 гг. н. э. Известно, что между областью зарубинецкой культуры и западными латенизированными культурами — пшеворской и оксывской — существовали опосредованные, а может быть, и прямые контакты. Это дает основание сопоставить в плане абсолютной хронологии наиболее поздние проявления латена в пшеворской и оксывской культурах с памятниками Припятского Полесья, определив их дату временем не позднее середины I в. н. э. [Каспарова К. В., 1976б. С. 139].

Позднезарубинецкий период охватывает середину I—II в. н. э. В Верхнем Подесенье в это время набирает силу новый регион, памятники которого наиболее рельефно представлены материалами Почепского поселения. В Среднем Поднепровье это время является заключительным этапом в развитии зарубинецкой культуры, которая затем сменяется здесь двумя новыми культурами — черняховской и киевской. Сложные процессы новообразований нашли свое отражение в пестроте археологической карты Среднего Поднепровья этой поры. Центральную часть занимают погребальные памятники сармат. В насто-

ящее время на Роси, Росаве, Тясмине и Выси их насчитывается около 20. Время функционирования этих могильников определяется достаточно точно на основании античных импортов — от второй половины I до середины II в. н.э. [Шукин М. Б., 1972а. С. 43—48]. Основное сарматскими территория в центре Среднего Поднепровья являлось одной из главных причин ухода отсюда части зарубицкой населения и запустения памятников. Оставшаяся в Поднепровье часть населения, культура которого сохранила зарубицкие черты, расселяется на периферии среднеднепровской области, занятой сарматами. Такие памятники известны к северу от этой области — на Ирпене (Лютееж), Стугне (Тадценки—Довжик, Триполье—Девич-Гора, погребение 12). Имеются они к востоку от нее, на берегах Днепра (Вишенки, Рудяки, Зарубинцы), Грубеже (Коржи, Пасечна), к юго-западу (Рахны) и юго-востоку (Йосиповка, Мерфеа). На этих памятниках сохранились некоторые элементы зарубицкой культуры, о чем свидетельствуют типы керамики, украшения и предметы личного убора. Вместе с тем здесь видны черты других культур Средней Европы. Так, в керамике поселений Вишенки, Тадценки—Довжик фиксируются штеворские элементы [Петров В. П., 1959. Рис. 7, 1; Максимов Е. В., 1969а. Рис. 5, 11], а в Лютееже, Рудяках, Пасечной, Рахнах обнаружены европейские фибулы северного и западного типов — глачатые и сильнопрофилированные с высоким приемником (паннонские). О связях Среднего Поднепровья с этими регионами говорят случайные находки сильнопрофилированных (паннонских) фибул в Адамовке, Кононче, Большой Андрусовке и Степанах, а также глачатых фибул в Зарубинцах, Тадценках, Кононче.

Хронология этих памятников определяется на основании фибул, античного импорта и монетных находок. К наиболее ранним относится фибула с подвижным приемником из погребения 12 на Девич-Горе, датированная I в. н.э. [Амброз А. К., 1966. С. 57, 58], а также фибула почепского типа из Корже, дата которой приходится на вторую половину I—II в. н.э. [Амброз А. К., 1966. С. 24]. Глачатые фибулы из Лютеежа и Рахнов относятся ко второй половине I—II в. н.э. [Godłowski K., 1981. С. 51], а сильнопрофилированные с высоким приемником фибулы, найденные в Пасечной и Рудяках, — ко второй половине II — началу III в. н.э. [Гороховский Е. Л., 1982б. С. 133]. Что касается монет, то одна из них найдена в Тадценках—Довжике — это дирхем Антонина Пия хорошей сохранности, другие монеты (около 30) [Максимов Е. В., 1963. С. 115—120], обычно не связываемые с поздnezарубицкими памятниками несомненно имеют прямое отношение к этим памятникам и этой эпохе. Обломки амфор I—II вв. н.э. найдены в Зарубинцах (Малая Горка) и Йосиповке на Орели.

Хронология поздnezарубицких памятников Верхнеднепровского региона в общем не выходит за рамки среднеднепровских датировок. Так, наиболее поздние чаплинские погребения 25 и 58 могут быть отнесены к I в. н.э., поскольку в их инвентаре найдены фибула прогнутая подвижная в сочетании с фибулой варианта О по Ю. В. Кухаренко и лучевая подвижная [Кухаренко Ю. В.,

1959б. Табл. VI, 11; Поболь Л. Д., 1971. Рис. 61, 13; Каспарова К. В., 1987б]. Если принять во внимание отличительную особенность зарубицкой культуры этого региона, развитие которой происходило без заметного внешнего давления, то можно предположить, что зарубицкие памятники в это время здесь постепенно трансформируются в киевскую культуру, представленную поселениями и могильниками типа Абидни рубежа II—III вв. н.э.

О хронологии Деснянского региона можно судить по материалам поселений Киселевка 3, Чулатово, Змеевка и, особенно, Почеп. Здесь ранней датой является I в. н.э., что подтверждается формами столовой керамики (мисок) и обломком краснолакового кувшинчика из Почеп. Верхняя хронологическая граница не выходит за пределы II в. н.э., поскольку именно этим временем датируется античный гоначный лощеный кувшин серо-бурого цвета с желобчатой ручкой и орнаментом по плечу из волнистых линий [Кропоткин В. В., 1970б. С. 17].

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ.** Происхождение зарубицкой культуры в настоящее время представляет собой дискуссионную проблему, положительное решение которой, по-видимому, еще не созрело в связи с отсутствием необходимого количества фактического материала. Сейчас не вызывает особых возражений мнение, что генезис этой культуры был процессом многогранным и сложным, отразившим особенности внутреннего развития местного населения и внешние обстоятельства, проявившиеся в движении центрально-европейских племен, которые в конце III в. до н.э. достигли берегов Вислы, Днестра и Днепра и способствовали образованию здесь внешне похожих — латенизированных, но внутренне различных, не схожих по своему этническому содержанию культур, — оксвийской, штеворской, пояншты-лукашеской и зарубицкой. Поэтому представляется перспективным при постановке вопроса о генезисе зарубицкой культуры непременно учитывать два главных фактора этого процесса — роль культур местного населения и вклад пришлых элементов.

Для правильного понимания особенностей зарубицкой культуры большое значение имеют реальные данные о размерах и заселенности ее территории. Территория распространения зарубицких памятников иногда представляется в виде обширного и сплошь заселенного пространства, занимавшего Полесье и лесостепи от Западного Буга до верховьев Десны и по Днепру от устья Березины до Тясмина, общей площадью около 450 тыс. кв. км. В действительности указанные границы зарубицкой территории фиксировали лишь крайние точки распространения зарубицких памятников, причем разновременных. Синхронные и топологически близкие памятники занимали сравнительно небольшие по площади (до 10 тыс. кв. км каждый) районы (карты 8; 9), где поселения и могильники располагались компактными группами («гнездами»), которые, вероятно, структурно соответствовали древним племенам. Между регионами, как показывают данные многолетних археологических наблюдений, находились слабозаселенные обширные пространства, которые представляли собой межплеменные земли, вероятно, использовавшиеся в качестве охотничьих угодий.

Во всех регионах зарубинецкой культуры есть общие черты, отражающие процесс появления культуры. Они видны прежде всего в элементах центрально-европейского латена — в чернолощеной керамике, широком распространении фибул как специфического элемента одежды, в деталях погребального обряда, ведущее место в котором принадлежало кремации на стороне и грунтовыми могилами безуровневого типа с небогатым инвентарем. В то же время для каждого региона характерны специфические черты. Так, например, не вызывают сомнений различия в принципах домостроительства, которое на Припяти характеризуется полуземлянками, на верхнем Днепре — наземными столбовыми домами, а в Среднем Поднепровье — углубленными сооружениями каркасно-глинобитной конструкции [Максимов Е. В., 1972. С. 118—120]. Кухонная посуда припятских памятников по профилировке, пропорциям, орнаментации совершенно иная, чем керамика этого класса в Среднем Поднепровье. Казалось бы, внешне близкая лощеная столовая посуда везде имеет свои характерные черты, которые четко указывают на ее региональную принадлежность. Известны также определенные отличия в деталях погребального обряда, в распространении некоторых украшений. Наличие локальных особенностей дает веские основания для разделения области зарубинецкой культуры на пять регионов: Среднеднепровский, Припятско-Полесский, Верхнеднепровский, Деснянский и Южнобугский.

Среднеднепровский регион занимал берега Днепра от устья Десны до Тисмина. Здесь были исследованы широко известные теперь Зарубинский, Пригодовский, Корчеватовский, Вишневский и Субботовский могильники, а из поселений — Папиленкова Гора, Оболонь, Бабина Гора, которые по праву считаются эталонами зарубинецкой культуры. Припятско-Полесский регион занимал правобережье среднего течения Припяти и берега правых ее притоков Горыни и Стири. Здесь раскопаны могильники Велемичи I и II, Отвержицы, Воронино, Ремель, Семурядцы и др., материалы которых с достаточной полнотой характеризуют особенности местной зарубинецкой культуры. Верхнеднепровский регион расположен в пределах Белорусского Поднепровья между устьями Березины и Припяти и на берегах левых притоков Днепра, Сожа и Инуты. Наиболее известный памятник этого региона — городище и могильник Чаплин, раскопки произвелись также на городищах Мохов, Горохов, Милоград и некоторых других. Деснянский регион занимал течение Десны и берега ее притоков Судосты, Неруссы и Навли. Наиболее известными памятниками этого региона являются поселения Почеп и Синьково на р. Судосты, которые относятся к I—II вв. По-видимому, все зарубинецкие памятники этого региона также принадлежат к числу поздних. Южнобугский регион располагался в бассейне верхнего течения Южного Буга. Здесь наиболее исследованы поселения Марьяновка и Носовцы, а также поселение и могильник Рахны на р. Собь, датируемые I—II вв., хотя на территории Южного Побужья как будто имеются и более ранние памятники зарубинецкого типа (Пархомовка), пока не опубликованы.

В поисках истоков тех особенностей, которые были присущи каждому региону, приходится обращаться в первую очередь к выяснению роли культур-пред-

шественниц. Известно, что в дозарубинецкое время западная часть территории Припятского региона представляла собой окраину лукичской и подклешевой культур, занимавших в основном земли Центральной Европы. Судя по небольшому количеству известных на Волыни памятников этих культур, заселение территории было в то время очень редким: кроме пяти подклешевых могильников на Буге, здесь известны следы трех позднелужицких поселений и одного могильника [Кухаренко Ю. В., 1961. Рис. 4; 5]. В восточной части региона известно 12 милоградских памятников, а также три курганных могильника типа Дубой [Мельниковская О. Н., 1967. Рис. 67], имеющих отношение к милоградской культуре. Возможно, однако, что милоградского населения здесь было много, поскольку многие городища этого региона, которых здесь насчитывается около 50 [Поболь Л. Д., 1974. Рис. 1], — обычные места для поселений милоградской культуры — остаются поныне не исследованными.

Рассмотрев все элементы культуры, следует прийти к заключению, что местный субстрат — памятники милоградской культуры — играл незначительную роль при формировании Припятского региона зарубинецкой культуры. Напротив, в раннезарубинецких погребениях всех больших припятских могильников — Отвержицы, Велемичи, Воронино и др. — выступают совершенно отчетливо черты позднелужицкой и подклешевой культур. Последнее обстоятельство послужило базой для создания теории о происхождении всей зарубинецкой культуры или припятской ее части в результате миграции сюда носителей позднелужицкой и подклешевой культур [Кухаренко Ю. В., 1960; Мачинский Д. А., 1966б; Каспарова К. В., 1976а. С. 56—59], что, вероятно, соответствует действительности для Припяти, но не подтверждается материалами других раннезарубинецких регионов — Верхнеднепровского и Среднеднепровского.

Верхнеднепровский регион в предшествующую эпоху был занят милоградской культурой, многочисленные памятники которой, обнаруженные почти в 200 пунктах, говорят о достаточно плотном заселении [Мельниковская О. Н., 1967. Рис. 67]. Исследователи, работавшие над изучением культур на территории Белоруссии (П. Н. Третьяков, О. Н. Мельниковская, Л. Д. Поболь и др.), неоднократно отмечали территориальное совпадение милоградских и зарубинецких памятников, а также наличие между ними хронологического стыка. Эти данные при условии существования определенной близости некоторых элементов культур того и другого населения, в частности в погребальном обряде [Мельниковская О. Н., 1967. С. 45—47], объективно указывают на возможность контактов между милоградским и зарубинецким населением юго-восточной Белоруссии, но возникновение зарубинецкой культуры не может быть связано только с местной основой [Третьяков П. Н., 1966. С. 213—219]. Что касается привнесенных, центрально-европейских элементов в зарубинецкой культуре этого региона, то их идентификация с какой-либо конкретной группой памятников в настоящее время невозможна. По-видимому, на рубеже III—II вв. до н. э. происходило не постепенное расселение, а единовременное выселение племен из различных регионов по-

морской и подклешевой культуры [Мачинский Д. А., 1966б. С. 3—8], отличительные особенности которых в полной мере неизвестны. Поэтому, если в припятиских памятниках элементы подклешевой культуры можно уловить более или менее определенно, то на верхнем Днестре в зарубинецкой культуре их связи с Западом видны в самых общих чертах — в применении технологии изготовления чернолощеной посуды, обычая пользоваться фибулами, некоторых деталях погребального обряда. Возможно, где-то в глубине подклешевых земель имелись формы мисок или детали конструкций домов, ставшие затем образцами для зарубинецкой культуры в Верхнем Поднепровье, но они пока неизвестны.

Для Среднего Поднепровья проблема генезиса зарубинецкой культуры также сложна, поскольку здесь участие пришлых элементов не прослеживается столь очевидно, как на Припяти. Известно, что в V—III вв. до н. э. в южной (большей) части этой территории существовала местная, идущая еще от белогрудовской и чернолеской эпохи начала I тысячелетия до н. э., оседлая земледельческо-скотоводческая культура, глубокие корни которой предполагают ее аборигенное праславянское происхождение [Тереножкин А. И., 1962. С. 244]. К настоящему времени здесь в двух близких между собой в территориальном и культурном отношении группах — тясминской и поросской — насчитывается более 130 памятников — поселений, городищ и курганов этой культуры [Петренко В. Г., 1967. Рис. 1], в которой можно видеть культуру скифов-пахарей (или сколов) Геродота. Северную часть Среднего Поднепровья — Киевщину — занимало тогда население двух культур — сколотской и подгорцевской, представленных открытыми поселениями и могильниками, количество которых превышает 40 [Петровская Е. О., 1971. Рис. 1]. Керамика и погребальный обряд этих двух групп населения имеют много общего между собой и с культурой Поросы — Тясмина. Исследователи, изучавшие эти памятники (А. И. Тереножкин, П. Д. Либеров, В. Г. Петренко и др.) отмечали несомненную близость в формах, ornamentации и технологии кухонной керамики — горшков, крышек, сковородок, корчаг, а также орудий труда — ножей, зернотерок, серпов, прясели, в конструкции жилых и хозяйственных сооружений и некоторых других элементах культуры с соответствующими материалами раннезарубинецких памятников Среднего Поднепровья. Эти факты имеют первостепенное значение для констатации значительной роли местного населения позднескифского времени в формировании многих элементов зарубинецкой культуры Среднего Поднепровья [Максимов Е. В., 1972. С. 116—129]. Что касается новых, привнесенных, центральноевропейских черт, то, помимо элементов латенской культуры, общих для всей зарубинецкой области, следует указать на находки кельтских бронзовых украшений и предметов личного убора, встречаемых в наибольшем числе именно в Среднем Поднепровье [Кухаренко Ю. В., 1959а]. Этот импорт следует принимать во внимание при поисках исходного района миграции западных этнокультурных элементов. Среди этих кельтских вещей одно из главных мест занимают фибулы, из которых отметим экземпляры с восьмеркообразной ножкой, обозначенные своим происхождением кельто-иллирийской Адриа-

тике. Возможно, связями с этим юго-западным Балканским регионом можно объяснить и распространение на зарубинецкой территории фибул с треугольной ножкой [Каспарова К. В., 1978; 1981], представляющих собой одну из самых заметных местных особенностей раннезарубинецких памятников. Контакт с юго-западной балканской областью прослеживается в наличии на зарубинецкой керамике характерных фракийских орнаментальных украшений-налепов. Можно думать, следовательно, что район миграции был достаточно широк и включал в себя не только позднеломоносскую культуру и культуру подклешевых погребений, элементы которых (например, «хрöpfоватая» поверхность тулова у корчаг) известны среди ранних материалов Среднего Поднепровья. Наличие таких деталей в чернолощеной керамике, как часто встречаемый граненый венчик, небольшие исковидные ручки мисок (Юрковца—Киев, Басовка на Суле), обработанный расчесами или наколами корпус в сочетании с лощеным горлом и дном (Харьвэ-ка), говорят об элементах ясторфской культуры, достигших, как известно, в южном направлении междуречья Днестра и Прута, а в Поднепровье — глубинных районов левобережья, не оставив здесь, однако, сколько-нибудь заметного наследия.

Исходя из изложенного можно констатировать, что генезис зарубинецкой культуры имел для каждого из ее трех регионов свои, далеко не совпадающие особенности. Они были обусловлены культурным наследием жившего здесь ранее, в V—III вв. до н. э., населения и различными проникшими сюда элементами позднеломоносской, подклешевой, кельто-иллирийской, ясторфской и, возможно, других культур, выступавших в различных сочетаниях и проявивших себя с разной силой в зависимости от конкретных условий, присущих каждому региону. Поэтому не представляются убедительными предположения о том, что зарубинецкую культуру следует рассматривать как дальнейший этап исторического развития местных сколотской или милоградской культур, или пришедших на эту землю западных групп, связанных с позднеломоносской, подклешевой или ясторфской культурами. Зарубинецкая культура представляет собой новообразование, этап в развитии местного и пришлого населения, отразивший историческую обстановку, сложившуюся в конце III в. до н. э. в Центральной и Восточной Европе и, в частности, в Поднепровье.

Достоверное определение этноса носителей зарубинецкой культуры было бы возможно при наличии письменных источников, какими являются сообщения эллинистических и римских историков о племенах, живших к северу от них около рубежа нашей эры. Однако таких источников не существует, племена лесостепного и лесного Поднепровья не упоминаются в сочинениях древних авторов. Эти племена находились вне сферы внимания античных писателей и были им неизвестны. Упоминания о венедах в работах Плиния Старшего, Птолемея и Тацита очень кратки и неопределенны и не могут быть с уверенностью отнесены к носителям зарубинецкой культуры, хотя в более позднюю эпоху этноним «венеда» уже обозначал какое-то славянское население.

Другие возможности решения этого вопроса, представляемые археологией и языкознанием, дают пока

лишь проблематичное решение, которое тем не менее имеет свое значение. Археологический путь решения этнического вопроса известен — это ретроспективный метод, суть которого состоит в том, что если генетическое родство двух культур не вызывает сомнений, то их этническая взаимосвязь считается возможной.

При такой постановке вопроса исследователи зарубинецкой культуры не могут получить удовлетворительного ответа, потому что эта культура не явилась модификацией какой-то одной культуры, напротив, у ее истоков находилось несколько различных или даже чуждых друг другу культур, зтнос которых, к тому же, далеко не ясен. Так, если рассмотреть в этом плане субстратные культуры, то окажется, что «милосградцев» одни исследователи считают славянами [Мельниковская О. Н., 1967], а другие относят к балтам [Седов В. В., 1979]. Правда, правобережную лесостепную культуру V—III вв. до н. э. многие археологи считают праславянской (Б. А. Рыбаков, А. И. Тереножкин, П. Д. Либеров, В. Г. Петренко и др.). Это мнение разделяют также языковеды Б. В. Горнунг и Ф. П. Филин. Но имеются и другие точки зрения (М. И. Артамонов), в том числе об **иранской принадлежности этого населения** (В. В. Седов). Значительная неясность остается в определении зтноса пришлых культур — позднеморской и подклешевой, а также исторфской; впрочем, роль последней в зарубинецком зтногенезе следует считать крайне не значительной. Такая сложная этнокультурная обстановка отражала реальную историческую ситуацию конца I тысячелетия до н. э., в которой главную роль играли процессы культурной и этнической интеграции, когда во взаимодействие вступало несколько родственных или чуждых культурно-этнических компонентов, создавая близкое одному из них или новое образование.

Если обратиться к данным языкознания, то ценные сведения содержат материалы гидронимии [Топоров В. Н., Трубачев О. Н., 1962; Трубачев О. Н., 1968]. Эти данные нельзя не учитывать, поскольку они, несомненно, отражают реально существовавшую зтноисторическую ситуацию, которая может найти подтверждение в археологическом материале. При сопоставлении карт гидронимов и ареалов археологических культур напрашивается вывод о бытовании или преобладании древнеславянского населения на территории лесостепного Среднего Поднепровья, особенно в междуречье Тетерева — Припяти [Трубачев О. Н., 1968. С. 270]. О многом говорят отсутствие в широкой зоне Поднепровья-Поднестровья иранских и германских гидронимов [Трубачев О. Н., 1968. С. 276, 288] и, наоборот, концентрация кельто-

илирийских (западнобалканских) названий рек в Среднем Поднестровье и продвижение их оттуда в район верховьев Тетерева, что подтверждает древние контакты правобережья с областью Адриатики. Немногочисленные, но выразительные восточнобалканские (фракийские) гидронимы в центре Среднего Поднепровья, возможно, следует приписывать появлению гетов. Высказанные предположения нуждаются, естественно, в дополнительной аргументации, поскольку гидронимы не имеют надежного хронологического определения, и, разумеется, вопрос об зтносе зарубинецкого населения эти источники самостоятельно решить не могут.

В значительной степени эта проблема освещается материалами ранних памятников киевской культуры типа Гриней, Абидии, Колодезного Бугра. Их материалы достаточно определению увязываются с позднезарубинецким горизонтом памятников типа Лютеж, Коржи, Пасечная, Почеп и др. Типологическое сходство проявляется здесь во многих элементах культуры — в формах и пропорциях кухонных горшков, чернолощеных мисок, бронзовых украшений, конструкций жилищ, деталях погребального обряда. Однако с течением времени позднезарубинецкие элементы в киевской культуре выступают все менее и менее отчетливо, что соответствует тенденции развития этой культуры, как, впрочем, и других культур Центральной и Восточной Европы с пережиточными чертами Латена. Вместо этого набирают силу те особенности киевской культуры, которые приближают ее к кругу ранних памятников типа пеньковской и колочинской культур. В керамике это проявляется в исчезновении чернолощеной посуды, преобладании биконических форм горшков с расположенным посредине тулова плечом, в появлении цилиндроконических сосудов; в жилищах господствующей становится конструкция с центральным опорным столбом; в могильниках распространяются погребения с немногочисленным сопровождающим инвентарем или вовсе без него. Очевидно, в процессе развития элементы киевской культуры отходят от позднезарубинецких и приближаются к раннеславянским. Этим подтверждается тезис о среднем положении киевской культуры, находящейся в хронологическом и генетическом плане между позднезарубинецкими и раннеславянскими древностями.

Говоря об зтносе носителей зарубинецкой культуры, можно предполагать их близость к праславянам. И как бы дальше не уточнялись и не совершенствовались наши знания о происхождении славян, роль зарубинецкой культуры в этом процессе всегда будет оставаться значительной.

## Глава вторая

### Позднезарубинецкие памятники

**ИСТОРИОГРАФИЯ.** Вслед за классическими памятниками зарубинецкой культуры в I в. н. э. на обширной территории от Южного Буга на западе до поречья Оскола на востоке происходит сложение нескольких локальных группировок археологических памятников, связанное с миграциями населения зарубинецкой культуры. Это группы в Южном Побужье, памятники типа Лютеежа в Среднем Поднепровье, типа Почеп в Подесенье, памятники типа Картамышева 2 — Терновки 2 на востоке Днепровского левобережья и в бассейне Северского Донца, а также типа Гриней, известные в Поднепровье и на Днепровском левобережье. Территория, занимаемая позднезарубинецкими культурными группами, лишь частично (в северной части Среднего Поднепровья) совпадает с ареалом зарубинецкой культуры. На большей части этого ареала памятники, продолжающие зарубинецкие традиции, в раннеримское время неизвестны. Особенно трудно рассматриваемого периода, кроме того, является формирование новых культурных общностей, включающих в свой состав, помимо зарубинецких, традиции других культур: южновосточной (памятники типа Почеп), штрихованной керамики (памятники типа Гриней) и пшеворской (отчасти поселения типа Картамышева 2 и, возможно, группа памятников верховьев Южного Буга). Лишь поселения типа Лютеежа могут считаться прямым продолжением среднеднепровского варианта зарубинецкой культуры. Монолитного археологического единства все эти группы не составляют, и основанием для объединения их в некое целое является ощущаемая в той или иной степени связь по происхождению каждой из локальных групп с зарубинецкой культурой. Именно в этом аспекте следует понимать термин «позднезарубинецкие памятники», применяемый в настоящем разделе.

Первые поселения позднезарубинецкого круга были исследованы в Подесенье в 50-е годы Ф. М. Заверняевым [1954] и А. К. Амброзом [1964а]. В 60-е годы проводились раскопки позднезарубинецких памятников на Северском Донце [Митрофанова В. И., 1965. С. 190, 191], в Подесенье [Заверняев Ф. М., 1974], Среднем Поднепровье [Бидзиля В. И., Пачкова С. П., 1969; Максимов Е. В., 1969а], верховья Южного Буга [Хавлюк П. И., 1971]. В 70-е годы появились первые материалы с востока днепровского левобережья [Горюнов Е. А., 1980], и в настоящее время раскопки здесь ведутся А. М. Обломским. Всего раскопками изучено около 40 позднезарубинецких поселений и один могильник (карта 10).

К сожалению, комплексное типологическое исследование памятников позднезарубинецкого периода пока еще не проводилось, имеется лишь несколько статей, посвященных отдельным локальным группам [Амброз А. К., 1964а; Хавлюк П. И., 1975; Пронин Г. Н., 1979]. В той или иной степени позднезарубинецкие материалы использовались в более общих работах по этногенезу славян, при этом рас-

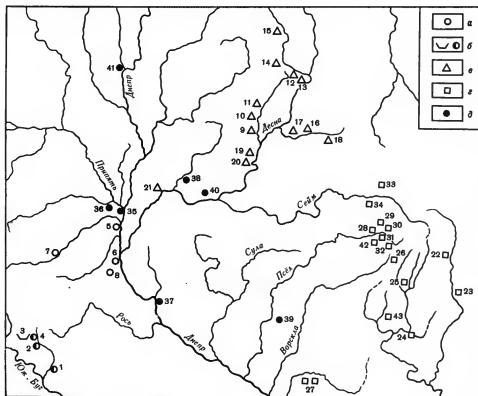
сматривалась обычно проблема соотношения этого круга древностей с зарубинецкой культурой и его место в сложении культур позднеримского времени (черняховской и киевской). Среди всех выдвинутых концепций можно условно выделить два основных направления. Первая группа исследователей считает, что зарубинецкая культура не исчезла бесследно, а положила основу формирования ряда археологических общностей лесостепи и юга лесной зоны позднеримского периода и раннего средневековья. В этом случае делается упор на типологическое сходство позднезарубинецких памятников с собственно зарубинецкими, а сами они рассматриваются как промежуточные от зарубинецкой культуры к киевской [Третьяков П. Н., 1982. С. 57—83; Даниленко В. М., 1976. С. 69; Кравченко Н. М., Гороховский Е. Л., 1979. С. 52—62] или даже в качестве локальных вариантов зарубинецкой культуры [Поболь Л. Д., 1973. С. 21—23; Максимов Е. В., 1982. С. 9, 10].

Противоположная точка зрения была высказана Ю. В. Кухаренко [1964. С. 6, 7]. По его мнению, зарубинецкая культура не имеет преемников на территории Восточной Европы, а ее развитие внезапно обрывается. Хотя концепция Ю. В. Кухаренко и не нашла в дальнейшем прямых последователей, она оказала значительное влияние на становление теории волно-полесского белого пятна, предложенной в статьях Д. А. Мачинского [1976. С. 92—95] и М. Б. Шукина [1976б. С. 77, 78]. Суть ее сводится к следующему. Зарубинецкая культура прекращает свое существование в достаточно короткий период времени: не позже середины — конца I в. н. э. Большую часть ее территории, вплоть до появления памятников типа Корчак, занимает «белое пятно» или «зона археологической пустоты». Возможно, именно в этой зоне продолжается развитие зарубинецкой культуры [Шукин М. Б., 1976. С. 78], вероятно, именно здесь нужно искать археологические материалы, оставленные предками славян [Мачинский Д. А., 1976. С. 94, 95], однако пока она не заполнена древностями римского времени. Относительно позднезарубинецких памятников Д. А. Мачинский и М. Б. Шукин высказываются осторожно: они не отрицают их связь с зарубинецкой культурой, но в то же время указывают, что это новое археологическое явление [Мачинский Д. А., 1976. С. 94; Шукин М. Б., 1979б. С. 69]. В 1979 г. М. Б. Шукин ввел в научный обиход понятие «взрывообразного» распада зарубинецкой культуры [Шукин М. Б., 1979б. С. 74]. В связи с этим М. Б. Шукин называет рассматриваемые древности «поздзарубинецкими» и предлагает ввести понятие «горизонт Рахны—Лютееж—Почеп» как специфическое археологическое явление, отражающее эпоху массовых миграций.

Кроме отсутствия обобщающих работ, причина столь явных противоречий во взглядах на позднезарубинецкие древности заключается в пока еще слабой их археологической изученности. Несмотря на срав-



- 1 — Марьяновка;
- 2 — Носовцы;
- 3, 4 — Рахны (селище, могильник);
- 5 — Лютец;
- 6 — Обдолы;
- 7 — Тетерева;
- 8 — Таценьки 1;
- 9 — Почен;
- 10 — Синьково-Дмитрово;
- 11 — Синьково;
- 12 — Хотылево;
- 13 — Белокаменка;
- 14 — устье р. Гасома;
- 15 — Спартук;
- 16 — Партизанское;
- 17 — Пария 2;
- 18 — Железное;
- 19 — Колодезный Бугор;
- 20 — Чулатово;
- 21 — Киселева 3;
- 22 — Приоскольское I;
- 23 — Колосово 4;
- 24 — Новоодоновка 1;
- 25 — Шоссейное;
- 26 — Терновка II;
- 27 — Осиновка (Пляж, Ляман);
- 28 — Шмырево;
- 29, 30 — Картамышево I, II;
- 31 — Богдановка;
- 32 — Бобрава;
- 33 — Жерновец;
- 34 — Комаровка;
- 35, 36 — Гриня I, II;
- 37 — Решетки;
- 38 — Змеевка;
- 39 — Вовки;
- 40 — Мена 5;
- 41 — Абдия.



Карта 10. Распространение позднезарубинецких памятников

а — памятники типа Лютеца; б — побужская группа; в — памятники типа Почена; г — памятники типа Картамышева II — Терновки II; д — памятники типа Гриней;  
Составитель А. М. Обломский

нительно большое количество раскопанных памятников, материал на них найден еще довольно мало. Почти совершенно не известны позднезарубинецкие погребальный обряд: раскопан только один могильник. Достаточно приблизительны по этой причине сведения о хронологии и территориальных границах культурных групп. В данном разделе ставится задача очертить территорию распространения позднезарубинецких памятников, показать механизм формирования каждой из локальных общностей, рассмотреть их хронологическое и типологическое соотношение с зарубинецкой культурой. Выводы по этим вопросам не окончательны: необходимо дальнейшее изучение позднезарубинецких поселений и прежде всего могильников, а также полные публикации уже имеющихся материалов.

Освещение многих вопросов, касающихся позднезарубинецких памятников, неразрывно связано с выяснением характера и времени процессов, происходивших на завершающем этапе развития зарубинецкой культуры. Кризис зарубинецкой культуры — событие (или цепь событий), существенно изменившее этнокультурную карту Восточной Европы, выражается в следующем: прекращение функционирования в течение узкого хронологического периода всех зарубинецких могильников и почти всех поселений, исчезновение городищ; массовые миграции зарубинецкого населения со своих исконных территорий в различных направлениях; изменение топографии памятников. Практически все зарубинецкие поселения Поднепровья расположены довольно высоко над уровнем водного источника и занимают участки коренных берегов рек. Позднезарубинецкие селища, за редким исключением, находятся значительно

ниже: на первой надпойменной террасе, на разнообразных невысоких останцах в пойме, изредка даже на ныне заливаемых в половодье территориях. На позднезарубинецких памятниках меняется классический набор зарубинецкой керамики: вместо лощенных горшков распространяются грубые лепные, среди которых появляются новые формы, обнаруживающие сходство с керамикой более западных (возможно, пшеворских) и северных культурных групп; отмечаются новые особенности в деталях конструкции жилищ и в погребальном обряде.

Распад зарубинецкой культуры знаменует собой ломку старой археологической структуры и возникновение новой, поэтому он служит хронологическим рубежом, отделяющим «классические» зарубинецкие памятники от позднезарубинецких. Соответственно период времени, который охватывает этот процесс, может быть определен путем сопоставления наиболее поздних датированных вещей из классических зарубинецких комплексов с наиболее ранними из числа происходящих с позднезарубинецких селищ.

Вопрос о времени финала зарубинецких памятников Припятского Полесья рассмотрен в специально посвященной этой проблеме работе К. В. Каспаровой [1976б]. Проанализировав набор наиболее поздних фибул из классических могильников региона, К. В. Каспарова пришла к выводу, что он представлен типами («воинскими») одночленными фибулами с прогнутым корпусом и рамчатой ножкой и т. д.;

табл. XII, 36, 37, 39, 40), которые по хронологической шкале Средней Европы (зарубинецкие фибулы непосредственно сопоставлялись с пшеворскими и оксвискими) не выходили за пределы рубежа третьей фазы позднего Латена и начала раннеримского периода, атана IВ, что соответствует приблизительно середине I в. н.э., а также фибулами с треугольным щитком на ножке, поздние экземпляры которых по находкам в зарубинецких комплексах относятся к этому же времени [Каспарова К. В., 1976б. С. 135—139]. Всего лишь одна фибула (типа А68) относится к несколько более позднему периоду [Каспарова К. В., 1976б. С. 139], но она происходит из культурного слоя могильника Отвержица [Кухаренко Ю. В., 1961. С. 26. Табл. 10, 16], а не из закрытого комплекса, поэтому ее связь с собственнo зарубинецкими материалами остается под сомнением. Так или иначе, основная масса зарубинецких памятников Полесья прекращает свое существование не позже финала третьей фазы позднего Латена (около середины I в. н.э.).

Группа поздних датирующих вещей верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры представляла «воинскими одночленными» фибулами — варианты П/Р и О по модифицированной классификации Ю. В. Кухаренко [Обломский А. М., 1983б. С. 106, 107. Рис. 3], фибулами с рамчатой ножкой варианта Н (табл. XII, 23—26), которые происходят преимущественно из погребений Чаплинского могильника [Кухаренко Ю. В., 1959б; Пособль Л. Д., 1973], а также с некоторых городищ — Милоград [Мельникозская О. Н., 1967. Рис. 31, 15, 16], Чаплин [Пособль Л. Д., 1971. Рис. 20; 23]. В погребении 152 Чаплина найдена фибула варианта С по Ю. В. Кухаренко (табл. XII, 27), или «щитовая» по А. К. Амброзу [1966. С. 28]. Экземпляр из Чаплина уникален, точных аналогий его неизвестно. По профилировке корпуса и форме приемника Ю. В. Кухаренко сопоставил эту фибулу с позднелатенскими вариантами Н (табл. XII, 9, 23) и датировал ее I в. н.э. [Кухаренко Ю. В., 1964. С. 53]. В Чаплинском могильнике обнаружены две подвязные фибулы варианта Ф (табл. XII, 22), одна из которых встречена с фибулой варианта П/Р [Кухаренко Ю. В., 1959б. Табл. VI, 10, II], следовательно, оба варианта фибул должны синхронизироваться. Дополнительным подтверждением их одновременности служат черты типологического сходства в профилировке верхнеднепровских подвязных и некоторых «воинских» одночленных фибул [Амброз А. К., 1966. С. 57]. С фибулами вариантов Н, О и П/Р частично синхронизируются фибулы варианта М с рамчатой ножкой (табл. XII, 25) и варианта Д среднелатенской схемы, для которых на основе сопоставления их со среднеевропейскими прототипами допустим более ранний период возникновения, чем у «воинских» или рамчатых с прогнутым корпусом [Обломский А. М., 1983б. С. 118]. Итак, основная масса поздних зарубинецких фибул Верхнего Поднепровья представляла или теми же типами, что и в Припотовом Полесье («воинские» варианты П/Р и О, рамчатые варианты Н), существовавшими только в пределах третьей фазы позднего Латена [Обломский А. М., 1983б. С. 118, 119], или серией полностью или частично синхронных им изделий. В це-

лом, как и в Полесье, этот набор не переживает финала позднего Латена: находки раннеримских фибул на зарубинецких памятниках не отмечены. П. Н. Третьяков высказал мнение об относительно более поздней дате Чаплинского городища. По его представлению, некоторые объекты поселения доживают до периода возникновения черняховской культуры, т. е. минимум до III в. н.э. В качестве основного аргумента П. Н. Третьяков привел находку обломка сероложенного гончарного кувшина, который он интерпретировал как черняховский [Третьяков П. Н., 1959. С. 151; 1966. Рис. 62]. К сожалению, опубликованная им реконструкция формы сосуда схематична. Кроме черняховских кувшинов, подобных ребристый бочок и выступ на шейке имеют некоторые античные серолиняные сосуды [Гудкова А. В., 1979. Рис. 5, 4], а также близкие им по форме липицки [Цигилик В. М., 1975. Рис. 44, 6, 9], которые могут датироваться и более ранним временем, чем черняховские. Проведенный А. М. Обломским анализ зарубинецкой керамики Чаплинского городища показал почти полное сходство ее с сосудами второй-третьей фаз Чаплинского могильника [Обломский А. М., 1983а. С. 14, 15], поэтому нет достаточных оснований для датировки зарубинецкого слоя Чаплинского городища более поздним временем по сравнению с могильником.

Вопрос о верхней дате зарубинецкой культуры Среднего Поднепровья рассматривался в ряде работ М. Б. Шуклина, который в результате анализа датирующих вещей пришел к выводу, что зарубинецкие памятники среднеднепровского варианта, как и других регионов этой культуры, не переживают рубеж позднего Латена и римского времени [Шуклин М. Б., 1972а. С. 51, 52; 1979б. С. 68]. Из погребений классических зарубинецких могильников, а также с поселений происходят фибулы вариантов П/Р — Пироговский могильник [Кубишев А. И., Максимов Е. В., 1969. Рис. 4, II; Кубишев А. И., 1976. Рис. 3, 7], могильник Дедов Шиль [Максимов Е. В., 1982. С. 104. Табл. XIX, 16], городище Монастырек, а также фибулы вариантов Н (табл. XII, 9) — городище Сахновка [Довженко В. И., Линка Н. Б., 1959. Рис. 2, 4], М — Пироговский могильник [Кубишев А. И., 1976. С. 39. Рис. 3, 6], третьего и четвертого вариантов с треугольным щитком на ножке (табл. XII, 7, 10) — Корчеватовский и Пироговский могильники [Самойловский И. М., 1959. Табл. VIII, 111, 119; IX, 253, 254, 264; Кубишев А. И., Максимов Е. В., 1969. Рис. 4, 2, 8, II; Кубишев А. И., 1976. Рис. 3, 3, 7], Д — городище Ходосова и ГЗ — Корчеватов [Самойловский И. М., 1959. Табл. VIII, 113], Витачев [Куза А. В., Кубишев А. И., 1971. Рис. 2, 6—8], городища Пилипенкова Гора [Максимов Е. В., 1972. Табл. XX, 4], Бабина Гора. Все эти фибулы синхронизируются с предыдущими в рамках третьей фазы позднего Латена [Обломский А. М., 1983б. С. 118, 119]. К началу I в. н.э. М. Б. Шуклин относит и единственное узко датированное зарубинецкое классическое погребение 3 могильника Субботов [Шуклин М. Б., 1972а. С. 50]. В литературе существует мнение о более поздней, чем у остальных зарубинецких памятников, конечной дате могильника Девич-Гора у с. Триполье [Кравченко Н. М., Горюховский Е. Л., 1979. С. 55, 56; Циндровська Л. О.,

1984. С. 88]. Хотя стратиграфия памятника, к сожалению, не до конца еще ясна, тот набор поздних датирующихся вещей, который происходит из погребений и культурного слоя могильника, а также из «ритуального комплекса» (постройка и яма 5), вполне укладывается в рамки хронологии классического зарубинецкого периода: фибулы вариантов П/Р, Н, Ф, а также четвертого варианта с треугольным щитком на ножке [Циндровска Л. О., 1984. Рис. 4, 6–8, 10–12]. Стеклоянная античная фиала из ямы 5 по многочисленным аналогиям датируется I в. н. э. причем преимущественно первой его половиной [Кунина Н. З., Сорокина Н. П., 1972. С. 154. Рис. 5, 11; Сорокина Н. П., Гушина И. И., 1980. С. 97], т. е. также не подтверждает предположения о более поздней дате Девич-Горы. По-видимому, мнение М. Б. Шуккина справедливо: финал среднеднепровского варианта зарубинецкой культуры наступает тогда же, когда прекращают свое существование зарубинецкие памятники Полесья и Верхнего Поднепровья, т. е. не позже конца латенского периода.

Абсолютную дату этого рубежа К. В. Каспарова [1976] и М. Б. Шуккин [1979] относят по пшеворской хронологической шкале к 40-м годам нашей эры. Для Среднего Поднепровья возможна и более поздняя дата. А. М. Обломский по наблюдениям за распространением острореберных мисок с прямым венчиком, подражающих античным краснокерамическим прототипам, определяет время финала среднеднепровского варианта зарубинецкой культуры в рамках третьей четверти I в. н. э. [Обломский А. М., 1987]. Проблема абсолютной хронологии периода распада зарубинецкой культуры, тем не менее, еще далека от окончательного решения в силу ряда историко-ведческих причин и в первую очередь слабой разработанности датирующего материала Северного Причерноморья, который позволил бы скорректировать даты среднеевропейских украшений для Восточной Европы.

Датирующие вещи с позднезарубинецких памятников имеют, как и зарубинецкие фибулы, преимущественно среднеевропейское происхождение. Они приведены в табл. XII. Здесь же помещены более или менее узко датируемые античные импортные украшения, а также некоторые местные изделия, продолжающие в какой-то степени развитие европейских традиций («почепские» фибулы). Подробно они будут рассматриваться в соответствующих разделах по каждой из локальных групп памятников отдельно. В целом на памятниках позднезарубинецкого этапа представлены изделия периодов B<sub>1</sub> и B<sub>2</sub> (вторая половина I — до третьей четверти II в. н. э.) и некоторые, возможно, более поздние (вещи с эмалью, сильнопрофилированная фибула из Вовков; табл. XII, 2). Почепские поселения Подесенья дают серию и более ранних фибул: вариантов П/Р и Ф (табл. XII, 32). Таким образом, позднезарубинецкие памятники, большинство из которых расположены за пределами зарубинецкой культуры, смыкаются с классическими зарубинцами по хронологии: они возникают в конце позднего Латена или в самом начале раннеримского периода и существуют в течение всего раннеримского времени. Их появление совпадает с распадом зарубинецкой культуры, который происходит в конце позднего Латена — начале ран-

неримского периода. Приблизительно в это время совершаются миграции, приведшие к образованию позднезарубинецких культурных групп.

Причины, вызвавшие распад зарубинецкой культуры, не до конца ясны. Ю. В. Кухаренко [1961. С. 19] выдвинул предположение, что зарубинецкие племена уходят из Полесья под нажимом готов. Однако после уточнения хронологии готских могильников типа Дитиничи—Брест-Тришин, выяснилось, что между временем прекращения существования зарубинецких памятников и приходом готов наблюдается хронологический разрыв: наиболее ранние вельбарские могильники в Полесье относятся к концу II в. н. э. [Шуккин М. Б., 1979б. С. 80; Козак Д. Н., 1985б. С. 71—73]. По мнению М. Б. Шуккина, отток зарубинецкого населения из Среднего Поднепровья происходит в результате нашествия сармат [Шуккин М. Б., 1972а. С. 52]. Впоследствии та же идея прозвучала в работах П. Н. Третьякова [1982. С. 57, 58] и Е. В. Максимова [1972. С. 77, 78]. Однако эта концепция не объясняет двух явлений, которые сопутствуют кризису зарубинецкой культуры. Если сарматские набеги могли вызвать запустение Среднего Поднепровья, то прекращение существования зарубинецких памятников Полесья и Верхнего Поднепровья имеет какие-то иные причины: сарматское проникновение сюда не зафиксировано. Не объяснимо также, почему в период максимальной военной опасности зарубинецкое население, оставшееся в Среднем Поднепровье, отказывается от возведения мощных крепостей на мысах коренного берега и переходит на открытые «пойменные» селища, легко доступные при любом вторжении. Очевидно, в распаде зарубинецкой культуры какую-то роль играли и внутренние явления, видимо, экологического или климатического свойства: ведь изменение микрогеографии поселений свидетельствует о поиске новых форм хозяйства, более продуктивных, чем употреблявшиеся ранее. В качестве одной из возможных причин кризиса М. Б. Шуккин называет эпидемию [Шуккин М. Б., 1979б. С. 74]. Таким образом, современная наука не может дать единого исчерпывающего объяснения распада зарубинецкой культуры, а только фиксирует этот процесс.

Ниже рассматриваются конкретные культурные группы позднезарубинецких памятников. Набор форм сосудов и типы жилищ, служащие этнографическим критерием выделения, реконструированы по данным раскопок. Материалы разведок, за редким исключением, в расчет не принимаются, поскольку их, как правило, трудно соотнести с каким-то конкретным типом памятников из-за отрывочности информации.

**ПОСЕЛЕНИЯ ТИПА ЛЮТЕЖА В СРЕДНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ.** Эталоном для группы позднезарубинецких селищ Среднего Поднепровья может служить полностью раскопанное поселение Лютеж [Бидзиль В. И., Пачкова С. П., 1969]. На этом памятнике нет комплексов классического зарубинецкого периода I в. до н. э., так же как и киевской культуры III в. н. э., наличие которых отмечает Е. В. Максимов [Максимов Е. В., 1982. С. 81—91]. Керамика поселения Лютеж, за исключением отделиво выжатого подгорескского горизонта, монотипна и имеет аналогии на других позднезарубинецких памятниках Среднего Поднеп-

ровья. Помимо Лютежа, здесь стационарно исследовалось еще три селища (Оболонь, Тетеревка, Таценки). Все они расположены в северной части бывшего среднеднепровского варианта зарубинецкой культуры (карта 10). Памятники находятся на донах в пойме или на краях первых надпойменных террас рек. По разведкам в регионе известно еще 17 поселений с подобной топографией [Максимов Е. В., 1972. С. 49—52].

Датирующие вещи, происходящие с этих памятников, можно условно подразделить на две хронологические группы. К первой относятся фибулы варианта М с поселения Таценки I, варианта О из Оболони (табл. XII, 6) [Шовкопляс А. М., 1972. Рис. 1, 4] и варианта П/Р из Волчок [Савчук А. П., 1969. Рис. 1, 41]. Эти украшения аналогичны фибулам, диагностирующим финал классической зарубинецкой культуры региона. К первой группе датирующих вещей примыкают и две характерные позднелатенские шпоры из Оболони. Во вторую группу включены фибулы, ни разу не встреченные на классических зарубинецких памятниках. Это глзатая фибула типа IV серии В по Р. Ямке (табл. XII, 4) из Лютежа, относящаяся к периоду В<sub>2</sub> раннеримского периода [Gołowski K., 1982. S. 51], близкая по типу фибула из Таценок [Максимов Е. В., 1969а. С. 6, 12], «почепская» из Коржей [Савчук А. П., 1969. Рис. 1, 22], датирующаяся также второй половиной I—II в. [Амброз А. К., 1966. С. 24], сильнопрофилированная фибула типа Альмгрен 84 из Рудяков и близкая к ней из Пасечной (табл. XII, 1) [Савчук А. П., 1969. Рис. 1, 18; Максимов Е. В., 1972. Табл. XI, 3]. Последние фибулы относятся ко второй половине II — началу III в. [Гороховский Е. Л., 1982а. С. 133]. В эту же группу вещей следует включать и обломки подковообразной фибулы с эмалью из Оболони. К сожалению, кроме Лютежа и Оболони, все перечисленные пункты с находками изделий второй хронологической группы известны по разведкам.

Таким образом, памятники типа Лютежа явно существуют в течение раннеримского времени, возможно, вплоть до его конца, однако вопрос об их начальной дате однозначно решить пока не удастся. Найдки на них фибул первой хронологической группы позволяют предположить два равновероятных варианта хронологического соотношения с местными классическими зарубинецкими древностями: 1) памятники типа Лютежа некоторое время сосуществуют с классическими зарубинецкими; 2) появившиеся позднезарубинецкие поселения сменяются по хронологии с классическими памятниками и возникают, когда последние прекращают свое существование. Окончательно ответить на этот вопрос можно лишь после создания дробной схемы периодизации зарубинецкой посуды, но некоторые выводы можно сделать и сейчас. Если пойменные позднезарубинецкие селища и зарубинецкие поселения на коренных берегах и были частично синхронными, то период этой «хронологической накладки» не был слишком длительным; на памятниках типа Лютежа практически неизвестны миски с эсвидным профилем и двумя-тремя гранями на венчике, которые считаются характерной особенностью среднеднепровского керамического комплекса классического зарубинецкого периода [Максимов Е. В., 1982. С. 18]. Если бы пойменные

поселения появились еще в I в. до н. э., как это предполагает Е. В. Максимов, то подобные миски были бы на них одним из ведущих типов посуды.

По способу обработки поверхности вся керамика селища типа Лютежа делится на лощеную и груболенную. Лошенной посуды достаточно много, и она разнообразна по формам. В Лютеже она составляет 17,2% общего количества позднезарубинецких фрагментов [Бидзиль В. И., Пачкова С. П., 1969. С. 64]. Груболеная керамика представлена преимущественно горшками. По форме наибольшего расширения тулова они делятся на две группы: округлобокие и со сглаженным ребром. Сосуды первой группы однотипны, они имеют тулово, близкое к яйцевидному, отогнутый наружу венчик. Преобладают горшки с диаметром венчика меньшим, чем диаметр наибольшего расширения тулова сосуда (табл. XIII, 7, 8), но имеются сосуды и обратного пропорционального соотношения (табл. XIII, 9). Формы ребристых горшков более разнообразны. В Лютеже известны ребристые горшки (табл. XIII, 10) и близкие им по форме, но с вогнутой верхней частью (табл. XIII, 11). К более редкому типу относятся ребристые горшки с выпуклыми стенками нижней части тулова (табл. XIII, 13). Набор нелощеной керамики дополняется коническими крышками с полкой ручкой и дисками без бортиков или со слабо намеченной закраиной (табл. XIII, 12, 14), которые, впрочем, известны и в лощеном варианте. Для груболенных сосудов характерна орнаментация лентами и защипами по венчику, изредка встречается налепные шпильки или валики на шейке сосуда, некоторые горшки украшены поясом пальцевых защипов. Известны и обломки сосудов с «хрповатой» или покрытой расчесами поверхностью, но они редки.

Лощенная посуда представлена преимущественно мисками, по форме бочка они делятся на четыре группы. Среди округлобоких мисок известны чаще эсвидные без венчика (табл. XIV, 9), но преобладают эсвидные (табл. XIV, 10). Миски со сглаженным ребром иногда имеют одну грань на внутренней стороне венчика (табл. XIV, 11, 12). Наиболее многочисленны на памятниках типа Лютежа острореберные миски. Среди них преобладают миски с прямым венчиком, которые по особенностям профилировки верхней части делятся на пять разновидностей (табл. XIV, 14—18). Большой серией представлены миски с зигзагообразным профилем (табл. XIV, 19). Миски обычно лишены орнаментации. Обломки лощенных горшков в Лютеже очень редки. Некоторые из них орнаментированы налепными валиками и подковками. Встречаются миниатюрные сосуды. Авторы публикации материалов Лютежа В. И. Бидзиль и С. П. Пачкова упоминают находки фрагментов гончарной желтолощенной посуды, которую они атрибутируют как черняховскую. Из этой группы находок реконструируется форма лишь одной миски [Бидзиль В. И., Пачкова С. П., 1969. С. 73. Рис. 9, 10]. Миска совершенно не характерна для черняховской культуры. Подобную форму имеют некоторые античные сероглиняные сосуды [Гудкова А. В., 1979. С. 101—103. Рис. 2, 6]. Но миска из Лютежа не серо-, а желтолощенная. Скорее всего это очень тщательно изготовленное подражание античному образцу.

Представление о позднезарубинецком домостроительстве дают материалы селища Оболюнь, где вскрыты полностью 54 не нарушенных поздними перекопками постройки этого периода, но эти материалы, к сожалению, не опубликованы. Остатки трех жилищ зафиксированы на селище Лютеек (табл. XV, 70, 11). Все они представляют собой четырехугольные в плане полуземлянки, на 0,3—0,7 м углубленные в грунт. Наиболее часто встречаются постройки, длина стен которых 3—3,5 и 4—4,5 м. Ямы от опорных столбов вдоль края котлована и в углах построек зафиксированы в 20 случаях, в 35 жилищах столбовых ям не было. Вероятнее всего, жилища имели или срубные стены (иногда с опорой на столбы), или каркасные с закладом бревен между вертикально стоящими столбами. Лишь в одном жилище (постройка 11 Оболюнь) проследены завалы обмазки вдоль стен котлована. В трех постройках зафиксированы центральные опорные столбы кровли. Жилища отапливались открытыми очагами, которые проследены в виде остатков кострища круглой формы на полу или в неглубокой яме, заполненной золой. Встречаются очаги в виде сильно обожженного глиняного пода, сооруженного зачастую на вымостке из камней или черепков сосудов. Они слегка (не более 20 см) возвышались над полами построек.

**ПАМЯТНИКИ ВЕРХОВЬЕВ ЮЖНОГО БУГА.** Эти памятники составляют обособленную локальную группу, расположенную в поречье р. Собь и, возможно, в долине Южного Буга, в районе впадения в него этой реки. Исследованием их занимался П. И. Хавлюк [1971; 1975]. Им раскопаны селища Марьяновка, Носовцы, Рахны и могильник Рахны (карта 10). К этой же группе древностей П. И. Хавлюк и Е. В. Максимов относят и некоторые находки с Григоровского городища, раскопанного М. И. Артамоновым [Хавлюк П. И., 1975. С. 18; Максимов Е. В., 1982. С. 118], и селища Слободка [Хавлюк П. И., 1975. С. 8]. К сожалению, материалы раскопок опубликованы П. И. Хавлюком не полностью, поэтому многие вопросы, возникающие применительно к побужской группе памятников, пока остаются открытыми.

Формы груболенной и лощенной посуды Побужья, насколько можно судить по публикациям, во многом близки керамике памятников типа Лутежа. Здесь представлены округлобокие горшки, орнаментированные насечками и задицами по краю, с туловом, близким к яйцевидному, с отогнутым наружу венчиком (табл. XIII, 1, 2), отмечены находки конических крышек с полой ручкой и дисков (табл. XIII, 6). Специфичны горшки с вертикальными венчиками (табл. XIII, 3, 4) и формы, близкие к баночной (табл. XIII, 5). Лощенные миски делятся на округлобокие и ребристые. Среди округлобоких встречаются чашеобразные (табл. XIV, 1) и эсвидные (табл. XIV, 2), ребристые миски представлены эсвидными формами (табл. XIV, 4), а также сосудами с прямым венчиком (табл. XIV, 5—7) всех разновидностей его профилировки, которые зафиксированы и в Лутееке. Не находит параллелей в Лутееке миска с раструсообразным венчиком и округлым бочком, имеющая высокий поддон, из погребения 4 могильника Рахны (табл. XIV, 8). В целом набор лепной керамики памятников Побужья близок к зарубинецкому среднеднепровскому. Баночные формы, как считает

Е. В. Максимов [1982. С. 131], имеют пшеворское происхождение.

На поселениях рассматриваемого региона и в погребениях могильника Рахны найдена и гончарная керамика. Она представлена преимущественно обломками амфор и античной сероглиняной посудой [Хавлюк П. И., 1975. Рис. 6, 13]. Из погребения 8 могильника Рахны происходит ваза на полом поддоне [Хавлюк П. И., 1975. Рис. 6, 12], характерная для липицких могильников Верхнего Поднестровья [Циглик В. М., 1975. Рис. 44, 1, 3; Козак Д. Н., 1978а. Рис. 2, 6, 8; 3, 13].

Сведения о домостроительстве населения Побужья скудны. По опубликованным данным можно сделать вывод, что большинство из жилищ представляет собой полуземлянки, по размерам близкие к жилищам Оболюнь [Хавлюк П. И., 1971. С. 86, 94; 1975. С. 8. Рис. 2]. Ни на одном из планов построек не указаны столбовые ямы: стены жилищ, видимо, были срубными. На поселении Носовцы зафиксированы остатки наземной постройки каркасно-плетневой конструкции, обмазанной глиной [Хавлюк П. И., 1971. С. 88, 89]. Тип отопительного сооружения неясен.

Побужская группа — единственная из позднезарубинецких, для которой имеются сведения о погребальном обряде. В могильнике Рахны открыто 12 захоронений, правда, многие из них частично разрушены размывами или распахой (погребения 1, 2, 5, 6, 8, 10) [Хавлюк П. И., 1971. С. 90—94]. Подробно погребальный обряд могильника проанализирован Е. В. Максимовым. Все захоронения могильника представляют собой безурновые трупосожжения, совершенные на стороне. Глубина погребений 0,2—0,4 м от уровня современной поверхности. Могильные ямы проследены в пяти случаях. У четырех погребений они овальные (1×1,5—2 м), у одного яма круглая (диаметр 1,8—1,9 м). Кости расположены в виде одного (погребения 4, 6, 8), двух (погребение 10), трех (погребение 2) и четырех (погребение 9) скоплений. В последних двух погребениях каждому из скоплений соответствовал свой погребальный инвентарь, что позволило П. И. Хавлюку интерпретировать их как коллективные захоронения [Хавлюк П. И., 1971. С. 93]. В погребении 3 зафиксировано лишь несколько кальцинированных косточек. Во многих захоронениях имелись сосуды (от одного до четырех). Они расположены сверху на костях или около костей. В погребении 4 три горшка находились на костях, один — среди костей, а миска — возле них. Кости, как правило, помещались очищенными от остатков костра, лишь в одном захоронении проследены угли от дубовых плах и кусочки обожженной глины. Вещи обычно находились среди костей. Из погребений могильника происходят стеклянные и каменные бусы, бронзовые проножи, фибулы, браслеты, подвески, гривны, железные и бронзовые кольца, пряслица. Большинство изделий фрагментировано. В четырех захоронениях они подвергались действию огня [Хавлюк П. И., 1971. С. 90—93]. В целом погребальный обряд могильника Рахны вполне соответствует зарубинецкому. Можно отметить лишь три черты, не столь характерные для классического зарубинецкого погребального ритуала, — обычай помещать вещи в костер вместе с покойником; традиция совершения коллективных захоронений; проявляю-

чаясь в Рахнах тенденция располагать сосуды поверх скопления костей. Появление в погребениях обожженных вещей Е. В. Максимов [1982. С. 131] связывает с проникновением в Побужье традиций ишеворской культуры.

Хронология побужской группы достаточно надежно устанавливается по фибулам с поселений Марьяновка, Рахны и из могильника Рахны, а также по амфорному материалу и шпоре из Марьяновки. Наиболее ранняя серия изделий представлена фибулами типа Альмагрен 236 из Марьяновки (табл. XII, 19), типа Авдисса и глазчатых серии А по Р. Ямке из могильника Рахны (табл. XII, 20, 21), относящимся к началу раннеримского периода (1В) [Шукин М. Б., 1979б. С. 74; Liana T., 1970. S. 442]. Из Марьяновки происходит железная шпора (табл. XII, 16) группы 1 по Т. Лиане, близкая к типу Ян 46. Подобные изделия бытуют на протяжении периодов В<sub>1</sub> — начала В<sub>2</sub> [Liana T., 1970. S. 450. Таб. IV, 70]. К периоду В<sub>2</sub> возможно к его началу, относятся глазчатые фибулы серии В по Р. Ямке из Рахн (табл. XII, 14, 15) [Хавлюк П. И., 1975. Рис. 7, 8; 11, 12; Liana T., 1970. S. 442; Godowski K., 1982. S. 51]. Три фибулы (две — из могильника и одна — с поселения Рахны) имеют причерноморское происхождение. Фибула «со слабо намеченной кнопкой» на конце приемника (табл. XII, 17) датируется концом I — первой половиной II в. [Амброз А. К., 1966. С. 43]; сильнопрофилированная фибула причерноморской серии I варианта 1 (табл. XII, 18) — второй половиной (или концом) I — первой половиной II в. [Амброз А. К., 1966. С. 40; Скрипкин А. С., 1977. С. 110—113]; «крупная фибула с едва намеченной кнопкой» из поселения Рахны (табл. XII, 13) — второй половиной II—III в. [Амброз А. К., 1966. С. 44]. Таким образом, по изделиям из металла побужские памятники охватывают все раннеримское время от периода распада зарубинецкой культуры до второй половины — конца II в. н. э. Приблизительно ту же дату определяют и обломки светлоглиняных амфор из Марьяновки. Если не считать фрагментов двустольных ручек, амфоры с которыми датируются широко — в пределах I в. до н. э. — начала II в. н. э. [Каменецкий И. С., 1969. Табл. 2], а также ножки светлоглиняной узкогорлой амфоры, имеющей аналогичную датировку [Шелов Д. Б., 1978. С. 18], то прочие определяемые фрагменты относятся к типам С и D той же группы и бытовали во II—III вв. [Шелов Д. Б., 1978. С. 18, 19].

По вопросу о культурной принадлежности памятников побужской группы существует несколько точек зрения. Ю. В. Кухаренко относил их вместе с поселениями типа Круглик к культуре Пояншеити—Лукашевка [Кухаренко Ю. В., 1978в. С. 142—146]. С другой стороны, исследователи, специально занимающиеся этой культурой, не отождествляют памятники Побужья с Кругликом и не включают их в состав единой археологической общности [Пачкова С. П., Романовская М. А., 1983. Рис. 1, карта; Пачкова С. П., 1985. С. 25. Рис. 1]. П. И. Хавлюк [1975. С. 17—19] атрибутировал памятники I—II вв. Побужья как поздnezарубинецкие. Е. В. Максимов [1982. С. 10] рассматривал их в качестве варианта зарубинецкой культуры, отмечая

впрочем наличие некоторых инородных (ишеворских, по его мнению) черт в керамическом комплексе и погребальном обряде. Явное сходство большинства форм сосудов Марьяновки—Рахн с набором Лютежа, а также погребальный обряд Рахн, продолжающий развитие зарубинецких традиций, подтверждают мнение о поздnezарубинецкой принадлежности памятников Побужья. Вопрос, насколько велик «удельный вес» незарубинецких элементов в их составе, разрешим лишь при условии полной публикации материалов раскопок П. И. Хавлюка. От этого же зависит и как будет рассматриваться в будущем побужская группа: в качестве составной части памятников типа Лютежа или как отдельная культурная общность поздnezарубинецкого периода.

**ПАМЯТНИКИ ТИПА ПОЧЕПА** распространены в бассейне Десны, преимущественно в верхнем ее течении, включая поречья Судости и Навли. К настоящему времени раскопки произвелись на 13 поселениях (карта 10), из них 11 расположены не выше 7—8 м над уровнем водного источника, а два — на высоте 10—12 м. Эталономными считаются селища Почеп [Заверяев Ф. М., 1954; 1969], Сыньково [Амброз А. К., 1964а] и Киселевка 3 [Зеленецкая И. Б., 1980].

Керамика памятников почепского типа делится на груболопную и лощеную. Доля последней колеблется от 11% в Киселевке 3 [Зеленецкая И. Б., 1980. С. 81] до 4—5% в Почепе [Заверяев Ф. М., 1969. С. 107]. Нелощеные сосуды представлены почти исключительно округлобкими горшками с яйцевидным туловом, отогнутым наружу венчиком, диаметр которого может быть как больше, так и меньше наибольшего расширения средней части сосуда (табл. XIII, 15, 16). Известны варианты той же формы с прямым вертикальным или прямым отогнутым наружу венчиком (табл. XIII, 17, 18). Горшки со сглаженным ребром очень редки и встречены не на всех селищах. Они относятся к двум вариантам: ребристые сосуды (табл. XIII, 20) и сосуды с вогнутой верхней частью (табл. XIII, 19). Характерна ornamentация горшков защипами или насечками по краю венчика, изредка встречаются пальцевые вдавления или ногтевые отпечатки, расположенные поясом по шейке сосуда. Иногда подобный орнамент нанесен палочкой и снабжен треугольными фестонобразными отростками [Заверяев Ф. М., 1969. Рис. 11, 17; 12, 12—14]. В виде исключения на селищах встречаются фрагменты горшков с расчесами или штриховкой [Заверяев Ф. М., 1969. Рис. 12, 15—18]. В отличие от памятников типа Лютежа, в Подесенье неизвестны «хрповатая» керамика и сосуды с налепными валиками. Полностью отсутствуют диски и почти совершенно нет конических крышек. Единственное изделие этого рода (табл. XIII, 27) было обнаружено на селище Железное в верховьях р. Навля [Фролов И. К., 1979. Рис. 1, 5].

Набор форм лощеных мисок почти полностью аналогичен лютежскому (табл. XIV, 20—27). Исключение составляют миски с зигзаговидным профилем, на почепских памятниках не обнаруженные. Иным, правда, представляется количественное распределение типов. На всех селищах почепского круга преобладают миски с прямым венчиком. Прочие формы сравнительно редки. Иная картина зафиксирована

на поселении Киселевка 3, где, наоборот, широко распространены округлобкие и ребристые миски с эсвидным профилем верхней части [Зеленецкая И. Б., 1980. Рис. 2]. Специфической, правда, очень редко встречающейся формой лощеных горшков являются сосуды с прямым растругообразным венчиком и биконическим туловом [Заверняев Ф. М., 1969. Рис. 10, 8]. Уникальна пока небольшая вазочка из Синькова [Амброз А. К., 1964а. Рис. 7, 14]. Как правило, лощеные сосуды лишены орнаментации. Однако имеются и исключения. Ребро одной из мисок Почепа украшено каннелюрами (табл. XIV, 23). Как лощеные, так и грубопелные сосуды иногда орнаментированы композициями из ромбов и треугольников с остротами, вероятно, имеющими магический смысл [Амброз А. К., 1964а. С. 68—70].

Постройки почепских селищ делятся на два основных типа — полуземлянки и наземные дома. Полуземлянки зафиксированы на семи памятниках. Насчитывается 20 полностью вскрытых в плане построек. Степень углубленности их различна — 0,1 и 1 м. В большинстве постройки прямоугольные, длина их стен колеблется в пределах 3—5 м, лишь одна постройка в Почепе была более крупной [Заверняев Ф. М., 1969. Рис. 3]. Стены полуземлянок возводились тремя способами. Жилища без столбов по периметру котлована, вероятно, были срубными. В некоторых постройках зафиксированы столбовые ямы по периметру котлована, их стены, вероятно, сооружались путем заклада бревен между вертикальными столбами каркаса. Часть жилищ имела стены из плетня, отчетливо выраженные следы которого отмечены в постройках 2 и 19 Синьково (табл. XV, 18, 19) [Амброз А. К., 1978. С. 35]. Прием обмазывания стен глиной в почепском домостроительстве не употреблялся. Устойчива традиция установки в жилище центрального столба для опоры. Его следы обнаружены в 16 постройках. Кроме прямоугольных, известны круглая полуземлянка в Почепе [Заверняев Ф. М., 1969. Рис. 2], близкая к овалу в Спартаке [Третьяков Н. Н., Шмидт Е. А., 1963. Рис. 72] и шестигранная в Киселевке 3 (табл. XV, 16) [Зеленецкая И. Б., 1980. Рис. 1]. Отчетливо выраженные следы очагов обнаружены лишь в четырех углубленных в землю жилищах: в трех — в виде прокаленного пятна пола, в одном — в виде сильно разрушенного глинобитного пода. В сооружении А поселения Спартак очаг находился у одной из стен, в прочих случаях — в центре жилища. Наземные дома лучше всего изучены на поселении Синьково. Два из них исследованы целиком и 10 — частично. Остатки подобных сооружений зафиксированы в Почепе [Амброз А. К., 1978. С. 38, 39], Железном [Фролов И. К., 1979. С. 64, 65], Парне 2 и Синькове-Дмитрове (не опубликовано, раскопки Г. Н. Проина). Судя по материалам из Синькова, размеры наземных домов составляли приблизительно 20×6 м (табл. XV, 19). Сооружение 1 из Железного было, впрочем, меньше (10,5×4,1—4,5 м). Эти постройки имели каркасные стены с закладом бревен между вертикально стоящими столбами [Амброз А. К., 1978. С. 35]. Обмазка стен глиной не применялась. В средней части длинного дома располагался обширный овальный очаг, иногда помещенный в неглубокую яму, а в одном из концов дома находилось прямоугольное углубление — по

мнению А. К. Амброза, «теплая часть дома» [Амброз А. К., 1964а. С. 65]. Оба типа построек (полуземлянки и наземные дома), очевидно, существовали параллельно, по крайней мере различий в составе материалов, происходивших из них, не наблюдается.

Из датирующих вещей на почепских памятниках наиболее ранними являются четыре фибулы варианта П/Р (табл. XII, 32, 33) — три из Почепы и одна из Синькова, а также одна — варианта Ф из Почепы (табл. XII, 34). Как уже указывалось, они датируются третьей фазой позднего Латена и соответственно свидетельствуют о хронологическом стыке почепских памятников с классическими зарубинецкими. Более поздние вещи с поселений — европейских типов и относятся к фазе IV, т. е. к началу раннеримского периода. Это глазчатая фибула типа VII серии А по Р. Ямке из Синькова (табл. XII, 30) и синхронная ей пряжка из Почепы (табл. XII, 29) [Madyda R., 1977. S. 362, 363. Tab. 1, 5]. Группа строго датированных предметов античного импорта в Почепе состоит из пластики с фигуркой льва, сделанной из египетского фаянса, относящейся к I—II вв. [Заверняев Ф. М., 1969. Рис. 16, 7; Алексеева Е. М., 1975. С. 44, 45], лучковой подвижной фибулы (табл. XII, 28), датирующей второй половиной I—II в. [Амброз А. К., 1966. С. 49; Скрипкин А. С., 1977. С. 107], а также сероложенного кушничка с цилиндрическим горлом II—III вв. [Заверняев Ф. М., 1969. Рис. 10, 9; Бураков А. В., 1976. С. 103—105. Табл. XI, 4, 10, 12]. Известно также семь фибул местного, «почепского», варианта (табл. XII, 37), найденных в Синькове, Железном, которые А. К. Амброз датирует второй половиной I—II в. [Амброз А. К., 1966. С. 24]. Судя по датирующим вещам, памятники типа Почепы синхронизируются с прочими группами позднезарубинецких древностей. Верхнюю их хронологическую границу при современном состоянии источниковедческой базы можно определить широко — в рамках II в. н. э. Прямых данных о том, что почепская группа доживает до появления ранних киевских памятников Подесены, пока нет.

**ПАМЯТНИКИ ТИПА КАРТАМЫШЕВА 2—ТЕРНОВКИ 2.** Распространены на востоке Днепровского левобережья и в бассейне Северского Донца (карта 10). Для левобережья златонским является поселение Картамышево 2, для Донца и Оскола — Терновка 2 и Приоскольское 1 (раскопки Е. А. Горюнова 1979—1980 гг. и А. М. Обломского 1985—1986 гг.). Материалы этого типа зафиксированы на 14 селищах, исследованных раскопками. Почти все они расположены низко над поймами рек, и лишь одно находится на высоте 11—12 м над уровнем водного источника.

Набор грубопелной посуды состоит из серии округлобких и ребристых форм. Как и во всех предыдущих группах позднезарубинецких памятников, среди округлобких сосудов численно преобладают горшки с туловом, близким к яйцевидному, отогнутым наружу венчиком (табл. XIII, 22, 23). Имеются также тюльпановидные сосуды (табл. XIII, 24), которые встречаются повсеместно, но в процентном отношении их больше на памятниках бассейна Днепра. Ребристые горшки относятся к двум вариантам: зафиксированы биконические формы (табл. XIII, 28) и сосу-

ды с вогнутой верхней частью (табл. XIII, 27). Единичными экземплярами представлены баночные горшки (табл. XIII, 25, 26) и слабопрофилированные с отогнутым наружу венчиком (Картамышево 2). Груболеные горшки украшались пальцевыми вдавлениями и насечками по краю венчика (табл. XIII, 24), но подобная орнаментация характерна для памятников преимущественно Днепровского бассейна. Встречаются, но редко, обломки «хрупчатых» сосудов и фрагменты груболеных горшков с расчесами. На некоторых селищах обнаружены лощеные и недошенные плоские диски (табл. XIII, 29), а также миниатюрные сосуды.

Лощеная посуда по материалам златонных памятников составляет 4—6% общего количества керамики, и ее формы менее разнообразны, чем у сосудов почечной и лютетской группы. На селищах к западу от днепро-днепровского водораздела наиболее широко распространены ребристые мискообразные сосуды с зигзаговидным профилем верхней части (табл. XIV, 31, 32). Иногда они орнаментированы полосой меандров, зигзагов и свастиковидных композиций, нанесенных на поверхность сосуда до обжига. В том же регионе встречаются и миски ребристой формы (табл. XIV, 34). Лощеная керамика бассейна Дона представлена почти исключительно мисками с прямым венчиком, как правило, ребристым (табл. XIV, 33). Чашеобразные миски без венчика единичны.

На поселениях водораздела Днепра и Дона исследовано 14 жилищ, причем большинство из них (10) — на селище Картамышево 2. Сооружения в основном представляют собой прямоугольные в плане полуземлянки (2,4×5,5 м). Столбовые ямы по углам и вдоль стен сооружений зафиксированы только в одном случае: у жилища 1 Приоскольского 1 (табл. XV, 14). Прочие постройки, видимо, были срубными. В трех полуземляночных жилищах проследены центральные опорные столбы кровли. Изучены остатки и двух наземных домов. Один из них (жилище 1 Картамышево 2) имеет прямоугольную форму. Отчетливо различимы линии столбов вдоль стен, яма от центрального опорного столба. Размеры жилища несколько больше, чем средний стандарт полуземлянок, — 5,8×3,4—3,6 м. Вторая постройка (сооружение 4 Терновки 2) — значительно меньше (3,6×2,4 м). Столбовых ям на площадке постройки не обнаружено. Обмазка при сооружении стен не использовалась. В семи постройках проследены остатки открытых очагов, при этом в шести из них — в виде кострищ. В сооружении 4 Терновки 2 находился овалный глинобитный очаг, возведенный на субструкции из камней. Во всех жилищах очаги располагались в средней их части или были сдвинуты к одному из углов (в двух случаях).

Хронология поселений типа Картамышево 2 — Терновки 2 определяется по античному и средневековому импорту, пока немногочисленному. Фрагменты светло- и красноглиняных амфор (23 обломка профилированных частей) происходят из Осиновки (урочище Пляж) на Орели. Светлоглиняные фрагменты относятся к типам В, С, D узкогорлых амфор и датируются второй третью I—II в. и II—III вв. [Шелов Д. Б., 1978. С. 18, 19]. Венчики и ручки красноглиняных амфор входят в категорию ранних красных красноглиняных амфор и датируются по

Танаису I—II вв. [Каменецкий И. С., 1969. С. 140]. В Картамышево 2 и Терновке 2 найдено по одной бусине глухого красного стекла параллелепипедной формы, а в Приоскольском 1 — призматическая бусина глухого голубого стекла. Эти украшения синхронны и датируются II—III вв. [Алексеева Е. М., 1978. С. 69, 70]. Из Картамышево 2 происходит глазчатая фибула серии В по Р. Ямке, того же типа, что и из Лютяжа (период В2). С памятниками описываемого типа, как и с поселением Оболонь на Днепре, связаны находки наиболее ранних изделий стиля вымчатых эмалей: две целые лунницы с красной эмалью и одна фрагментированная (Бобрава, Картамышево 2). В Картамышево 2 и в Осиновке (Пляж) обнаружены две узкопластинчатые лунницы с приклепанным ушком (табл. XII, 3), которые позже встречаются на некоторых памятниках киевской культуры. Для печи с поселения Осиновка (Лиман) получена археомагнитная дата: середина — вторая половина II в. н. э. [Телегин Д. Я., Беляева С. О., 1975. С. 100]. В целом хронологические рамки поселений типа Картамышево 2 — Терновки 2 по датируемому материалу соответствуют позднезарубинецкому периоду: середине — второй половине I—II в. Памятники этой группы, очевидно, непосредственно смыкаются с киевской культурой, поскольку на них представлены некоторые типы украшений — вещи с эмалью, пластинчатые лунницы, период преимущественного распространения которых приходится на позднеаримское время.

**ПАМЯТНИКИ ТИПА ГРИНЕЙ.** Эта культурная группа пока наименее изучена из числа позднезарубинецких археологических общностей. Компактную территорию она не занимает, поселения этого круга разбросаны по обширным пространствам Среднего Поднепровья, Нижнего Подесенья и центральных районов Днепровского левобережья (карта 10). В настоящее время их известно пять или семь (характер двух поселений — Абидия и Мена 5 — не совсем ясен). Эталонными считаются поселения Грини [Максимов Е. В., 1969а. С. 39—41] и Вовки [Горюнов Е. А., 1981. С. 108, 109]. Все поселения находятся на дюнах в пойме или на краю первой надпойменной террасы. Основанием для объединения этих поселений в общий культурный тип служат особенности их керамического комплекса.

Для памятников типа Гриней в первую очередь характерно почти полное отсутствие лощеной посуды. На одних поселениях (Грини 2, Вовки) ее нет вовсе, на других (Грини 1, Змеевка, Решетки) она представлена отдельными фрагментами. Это обломки округлобоких чашевидных (Решетки) и ребристых мисок с прямым венчиком или эсвидным профилем [Терпиловский Р. В., 1984б. Рис. 26, 10, 11], характерных для позднезарубинецких древностей Среднего Поднепровья и Подесенья. На поселении Змеевка обнаружены обломки лощеного горшка [Терпиловский Р. В., 1984б. Рис. 24, 10], аналогии которому имеются в зарубинецком Чаплинском могильнике, где подобные сосуды использовались вплоть до конца [Обломский А. М., 1985. Рис. 5, 4].

Среди груболеных сосудов доминирующей формой являются тюльпановидные горшки с суженной нижней частью. По сравнению с близкими по профилировке сосуда Днепровского левобережья сосуды



слабо профилированы, их венчики больше максимального расширения тулова (табл. XVI, 4, 5, 9). Имеются и закрытые горшки с яйцевидным туловом, но они единичны (табл. XVI, 1, 2). Специфичны для этой группы памятников баночные сосуды со слабоизогнутым венчиком и наибольшим расширением в средней части высоты (табл. XVI, 3), хотя они встречаются редко. Ребристые горшки очень разнообразны. Среди них преобладают сосуды с вогнутой верхней частью и максимальным расширением в верхней трети высоты тулова (табл. XVI, 6—8, 10). Венчики нелощенных горшков иногда украшены насечками или заплатами. Сравнительно широко распространены обшарпанные тулово сосуда расчесами, нанесенными в различных направлениях гребнем или крупнозубчатой щеткой (табл. XVI, 5, 10). Совершенно отсутствует «хрповатая» керамика, не встречаются диски и конические крышки, редки миниатюрные сосуды.

Полностью исследовано всего два жилища (Грини и Вовки). Оба они полуземляночные, углублены в материк на 0,3 м. Их размеры соответственно 3,1 × 3,2 м и 3,4 × 2,6 м, форма прямоугольная (табл. XV, 13, 15). В обеих постройках имеются центральные опорные столбы, а в жилище из Вовков — еще два торцовых около противоположных стен. В углах сооружений обнаружены глинобитные очаги с бортиками. Поды очагов сооружены на субструкции из черепков лепных сосудов. Стены построек не были обмазаны глиной [Максимов Е. В., 1969а. С. 39].

Хронологические рамки поселений типа Гриней можно ограничить позднезарубинецким периодом по находкам фрагментов лощеных мисок, имеющих аналогии на памятниках типа Лютжежа и Почела. Немногочисленные датирующие вещи, происходящие с памятников типа Гриней, не противоречат этой дате. Они представлены обломком сильнопрофилированной бронзовой фибулы типа Альмгрэн 84 из Вовков (табл. XII, 2), которая датируется второй половиной II — началом III в. [Гороховский Е. Л., 1982а. С. 133], фрагментом краснолаковой чашечки из Гриней 1 конца I—II в. [Книпович Т. Н., 1952. С. 303, 304], стеклянной бусиной с выступами-глазками, которая датируется I—II вв. [Алексеева Е. М., 1975. С. 66]. Таким образом, дата рассматриваемой культурной группы может быть установлена приблизительно в пределах конца I—II в., возможно, начала III в. Необходимо отметить, что в области Среднего Поднепровья памятники типа Гриней появляются позже, чем поселения типа Лютжежа. В Гринях 1 и Решетках есть фрагменты лощеных мисок, характерные для Лютжежа, но в то же время влияние памятников круга Гриней на керамический комплекс Лютжежа практически не ощущается. Дальнейшие раскопки позднезарубинецких поселений, очевидно, позволят уточнить дату появления памятников типа Гриней в лесостепной зоне.

Судьба населения этой культурной группы различна на разных территориях. На основе синтеза традиций Гриней и Лютжежа, по-видимому, возникает среднеднепровский вариант киевской культуры. В Подесенье и на верхнем Днепре развитие памятников типа Гриней продолжается практически без изменений. По крайней мере, поселение позднеримского периода Абдия по составу керамики

комплекса обнаруживает явную связь с Гринями, что очевидно даже из кратких предварительных публикаций этого памятника. Аналогом Абидии на нижней Десне является селище Мена 5.

Более или менее массовыми сериями на позднезарубинецких памятниках представлена лишь керамика. Она, впрочем, как и традиции домостроительства, пока является основным источником для их изучения. На селищах достаточно часты хозяйственные объекты, но они не имеют локальной специфики. Сравнительно редко встречаются орудия труда, предметы вооружения и украшения, которые имеют широкое территориальное и хронологическое распространение (за исключением датирующих вещей), поэтому ниже дается их общая характеристика, а также краткое описание хозяйственных сооружений.

**ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СООРУЖЕНИЯ ПОЗДНЕЗАРУБИНЕЦКИХ СЕЛИЩ.** На поселениях всех позднезарубинецких культурных групп многочисленны хозяйственные сооружения. Они представлены в основном разнообразными ямами, среди которых выделяются погреб-хранилища цилиндрической или колоколовидной формы диаметром 1—1,8 м, глубиной до 1 м (изредка встречаются и более глубокие). Некоторые погреб снабжены боковыми ступеньками-сходами. Для хранения запасов предназначались и сосуды-корчаги, установленные на уровне древней поверхности или слегка вкопанные в землю около хозяйственных ям.

Хозяйственные постройки сравнительно редки. На селище Терновка 2 зафиксированы два углубленных в материк прямоугольных сооружения с занимающими почти все их внутреннее пространство цилиндрическими ямами. Здесь же, а также на селище Боброва обнаружены остатки двух овальных и одной круглой полуземлянок, возможно, выполнявших хозяйственные функции. Известны сооружения, игравшие роль летних кухонь. Это небольшие, слегка углубленные постройки с очагами внутри (Почел, сооружение 17 раскопа VII; Приоскольское 1, яма 6).

Специфическими объектами хозяйственного назначения являются сыродутные горны, свидетельствующие о наличии у позднезарубинецких племен центров по производству черного металла. 15 горнов зафиксировано на поселениях Лютжеж [Бидиля В. И., Пачкова С. П., 1969. С. 58—63], один — в Боброве. Вероятно, к позднезарубинецкому периоду относятся два центра добычи железа около Умани [Бидиля В. И., Вознесенская Г. А., Недопако Д. П., Паньков С. В., 1983. С. 41—48] и два горна с поселения Богдановка [Горюнова В. М., 1984. С. 52, 53]. Лютжежские горны неоднократно описывались в литературе. Имеются их реконструкции, восстановлены технологический процесс, продуктивность, предложены расчеты численности людей, необходимых для обслуживания Лютжежского центра [Пачкова С. П., 1974. С. 65—84; Недопако Д. П., Паньков С. В., 1982; Бидиля В. И., Вознесенская Г. А., Недопако Д. П., Паньков С. В., 1983. С. 50—74]. В среднем размеры лютжежских горнов составляли: высота 0,8 м, диаметр основания 0,5 м, диаметр колошниковой части 0,2 м. Они относятся к типу стационарных печей многократного использования со шлаковалуком. Наряду с горнами в Лютжеже изучены и ямы для выжигания древесного угля, необходимого при

добыче железа. Почти на всех поселениях обнаружены металлургические шлаки.

**ОРУДИЯ ТРУДА, ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ И УКРАШЕНИЯ.** Жатвенные орудия представлены железными серпами и серповидными ножами. Серпы разнообразны: почепские относятся к группе I варианта Б по Р. С. Минасяну (табл. XVII, 33, 34); из Марьяновки и Носовцев — к группе II, подгруппам — 1—3 (табл. XVII, 41); лютежские (табл. XVII, 42, 43) — к подгруппе 2 той же группы [Минасян Р. С., 1978б. С. 78, 79]. Серповидные ножи из Марьяновки и Синькова соответствуют ножам группы I варианта «а» (табл. XVII, 35, 38), а из Почепы — варианту «в» той же группы (табл. XVII, 44) [Минасян Р. С., 1978б. С. 78]. Возможно, орудием обработки земли служила железная пластинчатая мотылька с обоймой для крепления рукоятки, происходящая из Синькова (табл. XVII, 32).

Железные ножи (все — черешковые) относятся к двум основным типам: со слегка изогнутой (Лютеж, Почеп, Железное, Приоскольское 1; табл. XVII, 36, 39) и прямой спинкой (табл. XVII, 37, 40, 45, 46). Последние по форме делятся на четыре варианта. Наиболее многочисленны изделия с острым концом, черешок которых служит продолжением спинки или отделен от нее небольшим уступом (Марьяновка, Носовцы, Лютеж, Боброва, Терновка 2). В Почепе найдены два ножа второго варианта: с таким же расположением черешка, но с закругленным концом лезвия.

К третьему варианту относятся четыре ножа с того же памятника — конец лезвия у них косо срезан по отношению к спинке. В четвертый вариант включены ножи с лезвием в форме треугольника, черешок находится в средней части его основания (Почеп, Терновка 2).

Для металлообработки применялись зубила (Лютеж, Почеп) и пробойники из железа (Марьяновка, Носовцы, Лютеж, Почеп, Синьково; табл. XVII, 30, 31). В Лютеже найдены обломок железной пилы и рыболовный крючок (табл. XVII, 24, 25). Из Почепы и Картамышева 2 происходят три крючка с черешками на конце, вероятно, являвшиеся частями багров (табл. XVII, 27). В Почепе известны две железные иглы с ушками (табл. XVII, 28).

Пряслица из позднелазарубинских памятников изготавливались из глины и часто ложились (табл. XVII, 1—8). По форме они делятся на высокие биконические (Марьяновка, Таценки 1, Синьково, Картамышево 2, Боброва), низкие биконические (Лютеж, Грини 1, Почеп, Коллоково 4, Картамышево 2), конические (Марьяновка, Грини 1, Таценки 1, Приоскольское 1, Колосково 4), шаровидные (Терновка 2) и плоские, зачастую сделанные из черепков лощеных сосудов (Марьяновка, Почеп, Синьково, Приоскольское 1, Колосково 4, Картамышево 2, Боброва, Терновка 2). Пряслица иногда украшались разнообразными композициями из наковал и прореченных линий. Из глины делались и сферокопические грузила (для сетей?), найденные на некоторых поселениях почепской группы.

Орудия труда из кости встречаются крайне редко. Более или менее представительный набор происходит с поселения Почеп. Это преимущественно острая и лошца. В яме 7 Терновки 2 обнаружен обломок

костяного свистка. Список позднелазарубинских бытовых предметов дополняют почти повсеместно распространенные точильные бруски и редкие каменные терочники.

Предметы вооружения найдены пока только в Подесенье. Они представлены исключительно плоскими душинными стрелами, как черешковыми, так и втульчатыми, из Синькова и Почепы (табл. XVII, 9, 10).

Наиболее многочисленными категориями украшений являются фибулы, подробно охарактеризованные выше, и античные стеклянные бусы (табл. XII). Прочие изделия представлены металлическими булавами с кольцеобразным завершением (Боброва) или с окончанием в форме пастушеского посоха (Картамышево 2, Грини 1; табл. XVII, 26). Из Синькова, Приоскольского 1 и Жерновца происходит булава, сделанные из косточек, очевидно, мелкого рогатого скота и снабженные сквозным отверстием в верхней части (табл. XVII, 29). Изредка встречаются браслеты (табл. XVII, 17, 18, 22, 23). Известны гладкие провололочные (Рахны, культурный слой могильника, и, возможно, Почеп), из перекрученной проволоки (Рахны, погребение 4), из узкой пластины (Рахны, погребения 2, 4). Они изготавливались как из бронзы, так и из железа. Провололочный браслет с коническими пищечками на концах (Железное), браслет с калевидными утолщениями и гривна из перекрученного джута с биконическими пищечками на окончаниях (Рахны, погребения 5, 16; табл. XVII, 19), сделанные из бронзы, являются предметами античного импорта [Арсеньева Т. М., 1977. Табл. XXXIII, 4; Античные государства... 1984. Табл. CXVII, 19, 20]. Обнаружено несколько колец. Из Марьяновки происходит бронзовое кольцо с выступами-пищечками (табл. XVII, 12), из Железного и Почепы — провололочные и пластинчатые спиральные кольца (табл. XVII, 13, 14). В Почепе, Синькове и Картамышево 2 известно несколько сплошных колец из железа. Большинство подвесок представляет собой полые бронзовые конусы с прорезями и без них (Марьяновка, Таценки 1, Почеп, Синьково). В Картамышево 2 обнаружены одна целая бронзовая трапециевидная подвеска и обломок. Подобные изделия происходят и из сборов А. П. Савчука на памятниках поречья Трубежа [Савчук А. П., 1969. Рис. 1, 20, 21, 23, 46, 47]. Они украшены чеканными узорами (табл. XVII, 11, 15, 16). Изредка встречаются разнообразные по форме бляшки-накладки (Грини 1, Почеп, Приоскольское 1, Терновка 2), обоймы (Синьково, Почеп), а также пластинчатые и спиральные трубочки-пронизы (Рахны, могильник, Синьково, Терновка 2). Из редких изделий следует отметить находки двух провололочных сюльгам из Почепы, имеющих концы, закрученные в колечки (табл. XVII, 20, 21), бронзовый панцирь из того же пункта, набор из 22 округлых, цилиндрических и биконических глиняных бус из постройки 19 Синькова, украшенный фрагмент костяной рукоятки из Бобравы.

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ДАЛЬНЕЙШИЕ СУДЬБЫ ПОЗДНЕЛАЗАРУБИНСКИХ ПАМЯТНИКОВ.** Сопоставление наборов нелощеных сосудов поселений типа Лютежа, Почепы, Картамышева 2 — Терновки 2 показано на таблицах XIII и XIV. Основные формы

как ребристых, так и округлобоких горшков с памятников этих групп схожи, хотя в комплексе посуды каждого из регионов имеется специфика. Она заключается в различной частоте употребления тех или иных форм и в некоторых локальных особенностях ornamentации. Для каждой из культурных групп, кроме того, можно выделить типы горшков, которые не встречаются на поселениях других групп (так, по имеющимся пока небольшим материалам на памятниках Южного Побужья не представлены ребристые и тыльпановидные горшки и сковородки, сковородок и биконических сосудов нет на почепских поселениях). Иными словами, сходство керамики не обозначает ее полного тождества. Близость форм скорее свидетельствует о том, что наборы нелощеных сосудов трех рассматриваемых локальных групп представляют собой три различных варианта развития одного и того же более раннего комплекса. Дополнительно близость памятников типа Лютеежа и Почена подтверждается почти полным совпадением форм распространенных на них лощеных мисок. Среднеднепровские и деснянские округлобокие и чашеобразные, ребристые с прямым венчиком, а также с зигаговидной верхней частью миски имеют параллели на поселениях типа Картамышева 2 — Терновки 2 (табл. XIV). Сходство между памятниками днепровско-донецкого водораздела и Лютеежом подчеркивается наличием на селцах обеих культурных типов дисков без бортиков и «хрповатых» сосудов. Во всех трех группах близки по конструкции жилые и хозяйственные постройки.

Отмеченные черты близости в керамическом комплексе и домостроительстве рассматриваемых локальных общностей позволяют предположить, что в их основе лежит единый культурный компонент. Таким компонентом являются традиции среднеднепровского варианта зарубинецкой культуры. Округлобокие закрытые горшки с яйцевидным туловом и отогнутым наружу изогнутым венчиком распространены повсеместно на зарубинецких классических памятниках Среднего Поднепровья. Здесь же встречаются открытые горшки сходной формы (табл. XIII, 9), сосуды с яйцевидным туловом и прямым вертикальным венчиком (табл. XIII, 17) и округлобокие горшки с прямым венчиком, отогнутым наружу (табл. XIII, 18).

Близкие к позднезарубинецким ребристые биконические формы происходят с городищ Бабина Гора, Щучинка, из Корчеватовского могильника, горшки с вогнутой верхней частью (табл. XIII, 11, 19) найдены на Пилипенковой Горе, Бабиной Горе, в Ходосовке. Для классических зарубинецких поселений весьма характерны находки крышек с полдой ручкой и дисков, «хрповатая» керамика, обычай ornamentировать горшки насечками и защипами по венчику, поясом из пальцевых вдавлений, а также валиками по тулову [Максимов Е. В., 1972. С. 85, 86]. Среди набора среднеднепровских зарубинецких мисок имеются такие же, как позднезарубинецкие округлобокие чашевидные и с зсозидным профилем [Кухаренко Ю. В., 1964. С. 27, 28], распространены эсвидные ребристые [Максимов Е. В., 1971. Рис. 9, 5; 1972. Табл. IV, 6, 7; V, 15] и с зигагообразной верхней частью, изредка встречаются ребристые миски с прямым венчиком [Кухаренко Ю. В., 1964.

С. 28], но последние единичны и широкое распространение получают в позднезарубинецкий период.

Близки к позднезарубинецким и среднеднепровские зарубинецкие жилища. Совпадают размеры построек, степень их углубленности, конструкция открытых очагов. Единственным существенным отличием является каркасно-плетневый с применением обмазки способ возведения стен зарубинецких построек. Но уже в классический период в Среднем Поднепровье известны жилища без обмазки, вероятно, срубной конструкции — постройка 7 Пилипенковой Горы [Максимов Е. В., 1971. С. 45. Рис. 4, б], жилище 1 городища Ходосовка.

Фактически прямым продолжением среднеднепровского варианта зарубинецкой культуры являются памятники типа Лютеежа. Формирование почепской группы было более сложным явлением. Кроме зарубинецких, здесь отмечены некоторые традиции, восходящие к южновосточной культуре («длинные дома», отдельные особенности ornamentации керамики, сфероконические грузила) [Амброз А. К., 1964а. С. 62—66; 1978. С. 38, 39]. Памятники типа Почена, таким образом, являются продуктом смешения местного южновосточного населения и пришлого зарубинецкого. В наборе традиций памятников типа Картамышева 2 — Терновки 2 преобладают среднеднепровские зарубинецкие элементы, однако имеются и иные. Мискообразные лощеные сосуды с зигаговидным профилем и специфической ornamentацией (табл. XIV, 31, 32) близки к пшеворским, распространенным в раннеримском периоде, но известным и позже [Ліана Т., 1970. С. 439]. Возможно, средневропейскими по происхождению формами были и баночные грубеобразные горшки из Приоскольского 1 (табл. XIII, 25, 26). Свидетельством миграции какой-то небольшой группы средневропейского населения на восток служат погребение из с. Пересыпки под Путивлем [Кухаренко Ю. В., 1970б. С. 33, 34], относящиеся к раннеримскому периоду.

Комплекс керамики памятников типа Гриней резко отличается как по набору форм, так и по обработке поверхности от среднеднепровского зарубинецкого, что заставляет сделать вывод об иной подоснове этой культурной группы. Подробно проблема их происхождения проанализирована А. М. Обломским. Поселения типа Гриней являются дальнейшим этапом развития памятников типа Кистени — Чечерск, распространенных в Нижнем и Среднем Посожье, Верхнем Поднепровье и среднем течении Березины. Они представляют собой окраинную группу верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры, находящуюся под сильным воздействием со стороны культуры штрихованной керамики [Обломский А. М., 1983а. С. 16—18].

Вопрос о дальнейших судьбах позднезарубинецких памятников рассмотрен в разделе «Киевская культура». Ограничимся поэтому лишь некоторыми дополнениями. Побужская группа, по всей видимости, никакого влияния на возникновение памятников киевского типа не оказала и была поглощена черняховской культурой. Памятники типа Почена скорее всего не связаны эволюционно с деснянским вариантом киевской культуры, так как типологически последний стоит значительно ближе к древностям типа Картамышева 2 — Терновки 2. Справедливо,

по всей вероятности, мнение В. В. Седова о переселении почепских племен на Оку, где в результате смешения их с местным населением возникает мощинская культура позднеримского и последующего периодов [Седов В. В. 1970. С. 43, 44]. В целом проблема происхождения киевской и мощинской культур еще очень слабо изучена.

В виде предположения по имеющимся в настоящее время материалам можно представить следующие процессы, происходившие на рассматриваемой территории. В результате не до конца еще понятых событий середины — третьей четверти I в. н. э. зарубинецкая культура как единое структурное целое переживает период распада. Происходит миграция населения ее среднечереповского варианта в Побужье и, возможно, далее к западу, в Подесенье, на восток Днепровского левобережья, и в этих районах возникают новые культурные общности. При этом в формировании памятников типа Почеп в Подесенье, кроме зарубинецких племен, участвуют и позднечереповские,

а на восток левобережья приблизительно в то же время проникает небольшая группа среднеевропейского населения (вероятнее всего, пшеворского), влиявшая в состав памятников типа Картамышева 2 — Терновки 2. Частично зарубинецкие племена остаются в полесской части Среднего Поднепровья, где в течение раннеримского времени продолжают существовать на поселениях типа Лютежа. Несколько позже на территорию Среднего Поднепровья и Днепровского левобережья с севера проникают группы потомков части верхнеднепровского зарубинецкого населения, оставившие здесь памятники типа Гриней. Впоследствии позднезарубинецкая группировка в Южном Побужье поглощается черняховской культурой; основная масса населения почепской археологической общности переселяется из Подесенья в бассейн Оки, где при его участии вероятно, складывается мощинская культура; памятники типа Лютежа, Гриней, Картамышева 2 — Терновки 2 трансформируются в различные варианты киевской культуры.

## Глава третья

### Пшеворская культура

Одной из наиболее ярких археологических культур Средней Европы является пшеворская культура II в. до н. э. — начала V в. н. э. Свое название она получила от г. Пшеворс Жешувского воеводства в Польше, близ которого в с. Гаць в 1904—1905 гг. был исследован первый большой могильник этой культуры [Nadaczek K., 1909]. Более полно охарактеризовал памятники культуры и дал ей название в 30-х годах Р. Ямка [Jamka R., 1933, S. 55—62]. Пшеворская культура представляет собой южную группу большого этнокультурного массива ямных погребений, северный вариант которого, как предполагалось, составляет оксывская группа (от названия могильника Гдня-Оксые на нижней Висле). Начиная с 30-х годов весь массив ямных погребений в польской научной литературе получил название венедской культуры [Kozłowski L., 1939] от этнонима «венеды», под которым впервые упоминаются славянские племена в письменных источниках первых веков нашей эры. Одновременно распространилось мнение о германской, вандалской, принадлежности ямных погребений. Эти диаметрально противоположные точки зрения вызвали горячие дискуссии между их сторонниками. Со временем оказалось, что различия между северной (оксывской) и южной (пшеворской) группами венедской культуры, особенно в римское время, столь существенны, что исследователи стали считать эти две группы памятников отдельными, самостоятельными культурами, но их этническая интерпретация осталась по-прежнему спорной.

Пшеворские памятники занимают земли центральной и южной Польши и западные области Украины (карта 11). В этой главе лишь очень кратко освещаются основные моменты изучения пшеворской культуры в целом, по всему ее ареалу, и более подробно приводятся данные о пшеворских памятниках на территории СССР.

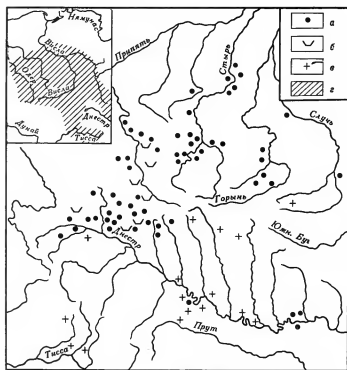
**ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КУЛЬТУРЫ.** Памятники пшеворской культуры довольно хорошо изучены. Широкими полевыми исследованиями охвачены главным образом могильники. Их насчитывается не менее 500. Во многих могильниках открыто более сотни погребений, а в могильнике в Задовичах их насчитывается около 800. Часть раскопанных могильников очень хорошо издана, с подробными описаниями и иллюстрациями всех найденных вещей по комплексам. Поселения исследовались в меньшей степени, и не все их материалы опубликованы. Наиболее систематически раскопаны поселения Пивонце, Вулька Лясецка и Нова Гута под Краковом и ряд поселений на Украине [Козак Д. Н., 1984a].

Для поселений характерны два типа жилищ — наземные и полуземляные столбовой конструкции [Gołdowski K., 1969a, S. 306—316]. Постройки обоих типов встречаются на одних и тех же поселениях. Наземные жилища имели в основном прямоугольную форму средней площадью 30—35 кв. м, но иногда бывают и более крупные постройки. Как правило,

эти жилища однокамерные и лишь в виде исключения встречаются двухкамерные. В центре жилищ находились открытые глиняные или каменные очаги. Полуземляные жилища были значительно меньше по площади (до 20 кв. м), в плане имели прямоугольную или овальную форму и отапливались также глиняными и часто каменными очагами. Соотношение наземных и углубленных жилищ показывает, что преимущественное распространение получили полуземляные жилища [Gołdowski K., 1969a, S. 168; Jadczykowska I., 1981, S. 188]. На пространстве между жилищами располагались хозяйственные постройки легкого типа и ямы-погребка для хранения продовольственных припасов.

Среди памятников пшеворской культуры есть и крупные производственные центры по добыче и обработке железа, которые снабжали своей продукцией большие районы и экспортировали ее в римские провинции. Известно четыре таких центра — район Свентокжических гор, Новая Гута около г. Краков, окрестности с. Тархалице в Нижней Силезии и Фаленты недалеко от Варшавы. Начало развития крупного железнорудного ремесла относится к рубежу и первым векам нашей эры и связано происхождением с кельтской черной металлургией III—I вв. до н. э. Наибольшего расцвета пшеворская черная металлургия достигает в III—IV вв., когда в указанных центрах производились сотни тонн крачного железа, функционировали весьма совершенные шахты по добыче железной руды, имевшие сложную систему деревянных креплений и подъемные приспособления (около с. Рудки близ г. Кельце). Самым крупным центром по железнорудной добыче был Свентокжический, занимавший площадь около 1000 кв. м. Здесь открыто несколько тысяч остатков сырцовутных металлургических горнов [Bieleń K., 1974, S. 144]. Кроме больших специализированных центров по добыче железа, существовали на большинстве поселений и мелкие кустарные мастерские, насчитывающие несколько одиночных сырцовутных горнов.

Развитие черной металлургии пшеворских племен создало материально-техническую базу для дальнейшего развития других видов ремесла и привело к совершенствованию земледелия как основной отрасли хозяйства населения. Появляются пашенные орудия с железным сошником, что значительно повысило эффективность и производительность земледелия. Среди выращиваемых культур ведущими были разные сорта пшеницы, рожь, ячмень, просо, овес, гречиха, горох, конопля. Наряду с земледелием развивалось и животноводство, занимавшее важное место в экономике. Успехи в земледелии и ремесле привели к возникновению торговых отношений с соседними племенами и прежде всего с главным потребителем товаров «варварских» племен — Римской империей. Свидетельством торговых отношений с римскими провинциями являются многочисленные импортные дорогие бронзовые и стеклянные сосу-



Карта 11. Распространение шневорских памятников на территории СССР (на прежде — территория распространения шневорской культуры за пределами СССР)

а — поселения; б — могильники; в — отдельные погребения; г — территории шневорской культуры.  
Составитель И. П. Русанова

ды, амфоры, краснолаковая гончарная керамика, стеклянные бусы и другие украшения, некоторые предметы вооружения. С торговыми отношениями связаны многочисленные клады римских монет, найденные вдоль так называемого янтарного пути и насчитывающие иногда по несколько тысяч монет.

Погребальный обряд шневорской культуры в ряде элементов продолжает традиции подклешевых погребений предшествующего времени и еще более ранних лужицких памятников. Для этих культур общими являются бескурганные могильники с трупосожжением на стороне и захоронением остатков кремации в ямках без урн или в урнах. На раннем этапе развития культуры господствующим обрядом погребения были безурновые захоронения, а в раннепермское время преобладали получашные урновые захоронения [Niewęglowski A., 1981. S. 57; Никитина Г. Ф., 1974. С. 64]. Родство между памятниками шневорской культуры и культуры подклешевых погребений проявляется и в некоторых категориях находок, в частности в керамике (слабопрофилированные горшки с наибольшим расширением в верхней части, яйцевидные сосуды с двумя ушками, кубки с ушками, предположительно опешавленная керамика). В то же время другие детали погребальной обрядности не могут быть связаны с местными традициями и распространились под влиянием соседних синхронных культур. Укажем прежде всего на обычай помещать в погребение оружие — мечи, копья, дроты, стрелы, щиты, режущие орудия (ножи, ножницы и т. п.), а также снаряжение всад-

ника (шпоры). Этот обычай широко представлен в латенской культуре кельтов и нашел затем распространение в среде германского населения, а с момента непосредственного соприкосновения кельтов с населением шневорской культуры он проник и в шневорскую среду. С кельтскими влияниями можно связывать появление в могильниках шневорской культуры труположений. У кельтов следует искать истоки и некоторые формы шневорской керамики, в частности, округлобоких мисок с утолщенными гранеными венчиками, выпуклобоких горшков и ваз, часто украшенных горизонтальными надирами. С германскими влияниями можно связывать такие особенности погребального ритуала, как обычай втыкать оружие в захоронения, помещать в могилу кости птиц, а иногда и жертвенное мясо диких или домашних животных (часто сожженных). Германское происхождение имеют и определенные категории материалов (вазообразные сосуды, кушаны, орнаментальные особенности керамики в виде меандрового и штампованного узоров, короткие двулезвийные мечи, ножи, секачи, ключи, шкатулки и др.).

По-видимому, шневорская культура складывалась в течение II в. до н.э. на основе дальнейшего развития древнейших местных культур — поморской и подклешевых IV—III вв. до н.э. при сильном влиянии латенской культуры кельтов. По мнению К. Годовского, шневорская культура прежде всего появилась на территории, подвергавшейся наибольшему влиянию латенской культуры, тогда как в других районах, в том числе к востоку от средней Вислы, еще продолжали существовать поморско-подклешевые памятники [Godowski K., 1977. S. 163]. О непрерывности развития местных культур и образовании на их основе шневорской культуры писал И. Костевский, но для доказательства этого положения он привел лишь отдельные примеры общих в этих культурах бытовых предметов: ножей, топоров, бритв, стрел и немногочисленных сосудов [Kostrzewski J., 1961; 1965]. Этот вопрос требует дальнейших исследований так же, как и решение проблемы, предшествовала ли шневорским памятникам одна поморско-подклешевая культура или на территории Средней Польши существовало две культурные группы — поморская и подклешевая, хотя и перемешанные в значительной степени, о чем до сих пор ведутся дискуссии. В пользу непрерывности развития культур свидетельствуют скопления в одних и тех же районах памятников подклешевых и шневорской культур, погребения которых часто расположены в одних и тех же могильниках. Распространены в обеих культурах безурновые трупосожжения с остатками погребального костра и обломками вторично пережженной посуды. Близость во многих элементах с германскими культурами особенно усиливается в римский период. С первых веков нашей эры отмечается значительное влияние провинциально-римской культуры Подунавья. Все эти влияния привели к многообразию элементов шневорской культуры.

Разнокультурные компоненты в составе шневорской культуры, как местные, так и пришлые, а также данные письменных источников о населении рубежа и первой половины I тысячелетия н.э. на территории Висло-Одерского междуречья, которые допускают возможность различных толкований [Łowmiań-

ski H., 1963. S. 184, 185], породили противоречивые точки зрения на этническую принадлежность носителей культуры. Различные взгляды зародились в самом начале изучения культуры и продолжают оставаться дискуссионными и в наши дни. Так, уже в конце XIX в. пшеворские древности восточной Галиции В. Деметрикевич считал принадлежавшими кельтским племенам и приписывал бастарнам, полагая, что бастарны — кельтское племя [Demetrikiewicz W., 1898. S. 128]. К. Гадачек вслед за немецкими учеными отнес материалы исследованного им могильника у с. Гаць (возле Пшеворска) к культуре германских племен, которые, по его мнению, уже с начала эпохи металла занимали пространство между Эльбой и Бугом, Карпатами и Балтикой [Hadaček K., 1909. S. 20]. К германскому племени вандалов относил пшеворскую культуру В. Антонiewicz [Antoniewicz W., 1928. S. 115], М. Ю. Смичко [Smiszko M., 1932. S. 69]. В предвоенный период германскую принадлежность пшеворских памятников отстаивали немецкие исследователи в лице Х. Пешека, Б. Рихтхофена, М. Яна, которые усматривали генетические связи между этой культурой и германскими культурами позднелатенского времени северной Ютландии [Peschek C., 1939; Jahn M., 1940]. Значительное влияние на формирование взглядов ученых относительно этнической принадлежности пшеворской культуры оказали работы видного польского ученого И. Костшевского. С его именем связан поворот в этнической интерпретации этой культуры. Опираясь на лингвистические исследования Т. Лер-Силавиного и К. Тыменецкого, И. Костшевский разработал теорию непрерывного процесса развития славянской культуры на землях Польши, попытался выявить генетические связи между пшеворской культурой и культурой раннего средневековья, а также между пшеворскими и позднелужицкими памятниками. И. Костшевский высказал резкое несогласие с взглядами немецких ученых относительно «бургундского» или «вандалского» происхождения пшеворских племен [Kostrzewski J., 1961. S. 65—101]. Большинство польских ученых поддержало И. Костшевского. Попытка Г. Ловмянского пойдти критически к положениям И. Костшевского и показать, используя археологические источники, разноточность носителей пшеворских древностей, встретила резкую критику со стороны К. Яжджевского [Jajdzewski K., 1968]. В последние годы польские исследователи вновь склоняются к мысли о германской принадлежности носителей пшеворской культуры. При этом они ссылаются на данные письменных источников, отсутствие прямых связей между пшеворской и более ранними культурами, а также между пшеворскими и раннесредневековыми древностями. По мнению И. Колендо, который тщательно проанализировал письменные источники первых веков нашей эры, в частности Тацита, Птолема, памятники пшеворской культуры принадлежали союзу лугиев, в который входило несколько германских племен [Kolendo J., 1981. S. 70—78]. Автор допускает возможность существования в этом союзе также других культур и этносов. Это мнение активно поддерживает, дополняя его новыми аргументами, один из ведущих польских исследователей пшеворской культуры К. Годловский. На основе картографирова-

ния он осуществил попытку идентифицировать германские племена, известные по письменным источникам на территории Польши, с определенными скоплениями памятников пшеворской культуры [Godłowski K., 1985. S. 140—145].

Еще в 30-х годах была высказана мысль о многоэтническом составе пшеворского населения. Р. Ямка, основываясь на материалах могильника в Копках и рассмотрев материалы других пшеворских памятников, известных в то время на территории Малой Польши, заметил, что, в отличие от урновых погребений, безурновые не содержат оружия, и связал это с наличием двух этнических групп населения — вандалской и славянской [Jamka R., 1933. S. 23—62]. Среди советских ученых мнение о полиэтническом составе пшеворского населения превалирует. Так, В. В. Седов дифференцирует пшеворские древности по двум регионам: для восточного, Висленского, региона характерны, по его мнению, могильники с преобладанием безурновых захоронений, в западном, Одерском, регионе большинство составляют могильники преимущественно с урновыми захоронениями. Следуя за Р. Ямкой, В. В. Седов утверждает, что урновые захоронения характеризуются специфическим инвентарем — оружием (копья, мечи, дроты, стрелы, шпоры), ножами, креслами, замками, ключами и особыми типами посуды, что обнаруживает параллели в достоверно германских древностях. В то же время в безурновых захоронениях все эти находки попадаются редко, а найденная в них керамика аналогична сосудам подклешевых погребений и сходна со славянскими горшками VI—VII вв. В результате этих наблюдений В. В. Седов приходит к выводу о наличии в пшеворской культуре «двух этнических компонентов и о различной их концентрации в Висленском и Одерском регионах» [Седов В. В., 1979. С. 64—74]. Гипотеза В. В. Седова не может считаться достаточно обоснованной, так как по имеющимся данным разные компоненты пшеворской культуры с характерной для них керамикой и специфическим инвентарем расположены чересполосно по всему пшеворскому ареалу, и их концентрация в отдельных районах меняется со временем. Так, в восточном регионе на переломе II и III вв. распространяются памятники вельбарской культуры, для которой характерны безурновые погребения без оружия, но появление которой в Мазовии связывается не со славянским населением, а с продвижением с севера готско-гепидских племен.

На основе подробной типологии керамики, сделанной по единой схеме, и корреляции ее в комплексах с вещевыми находками, особенностями погребального обряда и деталями домостроительства И. П. Русанова выделила группы археологических комплексов, которые, по ее мнению, отражают наличие в пшеворской культуре славянского, кельтского и германского компонентов. При этом подчеркивается, что разноточные комплексы располагаются часто на одних и тех же памятниках, что обусловлено передвижениями населения и его смешением. Пшеворские комплексы, сохраняющие традиции предшествующей им подклешевой культуры и имеющие продолжение в раннесредневековых славянских древностях, связываются автором со славянским этносом [Русанова И. П., 1985. С. 43, 44; 1990].

Большое внимание польские исследователи уделяют хронологии пшеворской культуры. Й. Костшевский выделял в ней три периода: позднелатенский, раннеримский и позднеримский [Kostrowski J., 1949b. S. 184]. В дальнейшем каждый из периодов был разделен на фазы и подфазы. По схеме Р. Хаммана, основанной на материалах из могильников Средней и Северной Европы, поздний предримский период подразделен на три фазы, и начало его отнесено предположительно к 120—100 гг. до н.э. [Nachmann R., 1961. S. 257, 258]. К. Яжджевский относит его к 150 г. до н.э. [Jazdzewski K., 1948b. S. 63—73], а К. Годловский считает возможным относить сложение пшеворской культуры к началу II в. до н.э. [Godłowski K., 1981. S. 59]. Раннеримский период, разделенный на три фазы (B<sub>1</sub>, B<sub>2</sub>, B<sub>3</sub>), наступает раньше в южных и юго-западных районах Европы, а на территории Польши его начало относят к 20-м годам нашей эры или, по Т. Лиане, к 30—40-м годам [Liana T., 1970. S. 459, 460]. Переход к позднеримскому периоду происходит, по К. Годловскому, во второй половине II в. н.э. (150—200 гг.), и в дальнейшем выделяются четыре фазы позднеримского периода, который заканчивается около 350 г., после чего начинается период переселения народов, движущийся до первой половины V в. [Godłowski K., 1970. S. 99, 100]. Выделенные периоды и фазы имеют свои наборы фибул, оружия, украшений и в какой-то мере свои особенности керамики. Для уточнения периодизации исследователи применяют горизонтальную стратиграфию могильников. Хронологическая шкала польских исследований широко используется при датировке синхронных древностей на нашей территории.

На протяжении длительного периода существования пшеворской культуры ее территория изменялась. Первоначально она охватывала земли от правобережья Одера на западе до Буга на востоке. Западными соседями «пшеворцев» того времени выступают германские племена нижнего течения Одера, на юго-западе — кельты, носители латенской культуры, продвинувшиеся частично в северо-восточном направлении, в верховья Одера и Вислы, а на юге — фракийские племена гетов и даков, достигших южных склонов Западных Карпат. Северо-восточными соседями пшеворской культуры были балты, а восточными — племена зарубинецкой культуры. К исходу II в. до н.э. в среде населения пшеворской культуры заметна первая активная волна переселенческого движения, что в значительной степени было обусловлено кельто-германскими передвижениями и завоеваниями. Испытывая давление германских племен — в западных и кельтских — в юго-западных пределах своей территории, пшеворские племена начинают расселение в юго-восточном направлении, в область восточно-европейской лесостепи и Полесья, вклиниваясь в западное пограничье зарубинецких племен на их стыке с северо-восточными фракийскими. Во второй половине I в. до н.э. в Верхнем Поднестровье и в западной Волыни появляются наиболее ранние памятники пшеворской культуры. Материальная культура пшеворских памятников Поднестровья выступает сразу в готовом, сформировавшемся виде, принесенном из основной территории распространения культуры, о чем речь пойдет ниже.

По мнению Д. Н. Козака, в пределах Верхнего Поднестровья и западной Волыни на протяжении фазы B<sub>1</sub> (40—70 гг.) протекали процессы смещения пшеворской и зарубинецкой культуры, в результате чего возникла особая волно-подольская группа памятников. На этой территории прослеживается вторая волна расселения пшеворских племен, которая может быть отнесена к концу II в. н.э. В это время, а также на протяжении III в. н.э. территория пшеворской культуры увеличивается почти вдвое за счет освоения южных, юго-западных и юго-восточных земель. В сфере культуры оказался территории верховьев Вислы и Одера вплоть до Моравских ворот и восточная Словения. На юго-востоке пшеворские памятники достигают Подолии. Ново-образовавшаяся черняховская культура восточно-европейской лесостепи испытывает на себе влияние пшеворской, что проявилось как в характере материальной культуры, так и в погребальном обряде [Кравченко Н. М., 1967б. С. 101; Никитина Г. Ф., 1974. С. 11—16]. Причины расселения в это время пшеворского населения на юго-восток следует видеть, в частности, в активизации вельбарских племен на севере пшеворской культуры и в их продвижении в южном и юго-восточном направлениях.

**ПШЕВОРСКАЯ КУЛЬТУРА НА ТЕРРИТОРИИ СССР.** Памятники пшеворской культуры распространены в бассейне Буга и в Верхнем Поднестровье, несколько пшеворских поселений обнаружено в Среднем Поднестровье, наиболее восточные памятники этой культуры — это погребение у с. Громова Хмельницкой обл. и погребение у с. Великая Тараявка Винницкой обл. В Закарпатье известны пшеворские погребения в Арданове, Сваляве, Станове и Братове (карта 11).

**История исследования.** Первым обратил внимание на своеобразный характер выявленных случайно еще в конце XIX в. трупосожжений с оружием в восточной Галиции польский ученый В. Деметрикевич. Он датировал их концом I тысячелетия до н.э. и первыми веками нашей эры. Спустя некоторое время К. Гадачек при публикации материалов могильника в с. Гаць возле г. Пшеворск отнес открытые случайно погребения в Верхнем Поднестровье и западном Побужье к типу пшеворских [Nadaczek K., 1909. S. 1—4]. Позже он объединил эти памятники в одну группу с могильником в Верхней Липце. Единичные, случайно обнаруженные погребения пшеворского типа в Закарпатье описал Т. Лехоцкий [Lehoczy T., 1912. S. 87]. В. Антонович в монографии, посвященной археологии Польши, также отнес памятники на верхнем Днестре и Буге к пшеворской культуре, связав их с германским племенем вандалов [Antoniewicz W., 1928].

Первое обобщение и обработка всех известных к 30-м годам памятников пшеворской культуры в западной части Украины принадлежит М. Ю. Смишко [Smysko M., 1932]. Он дал полное описание отдельных погребений, провел их хронологическую классификацию, показал, что пшеворские памятники существовали здесь с середины I в. до н.э. до III в. н.э. Влияние этих памятников на местные синхронные, а также последующие культуры, как ему казалось, не прослеживается. Принимая во внимание характер пшеворских памятников (отдельные погребения)



бения с оружием) и сопоставляя их с письменными источниками, М. Ю. Смишко поддержал предположение об их вандалской принадлежности.

Новые материалы для изучения пшеворской культуры в западных областях Украины получены в послевоенное время. В 1953—1955 гг. на двух смешанных пшеворско-липицких могильниках возле с. Звенигород Львовской обл. было обнаружено пять погребений пшеворского типа [Сवेशняков И. К., 1957. С. 21—23]. Большое значение для определения роли и места носителей пшеворской культуры в историческом развитии Поднестровья и западной Волыни имели материалы, обнаруженные М. Ю. Смишко на поселении в Викниках Великих, Г. И. Смирновой в Незвиско и В. Д. Бараном в Черепине [Смишко М. Ю., 1947. С. 111—122; Смирнова Г. И., 1957. С. 101—108; Баран В. Д., 1961; 1964. С. 196—212]. Исходя из новых данных, М. Ю. Смишко предположил возможность существования в Поднестровье локальной группы памятников первых веков нашей эры, близких к пшеворской культуре Повисленя, которую он теперь считал возможным рассматривать как один из компонентов раннеславянской культуры в этом регионе [Смишко М. Ю., 1959. С. 20].

С 70-х годов систематические работы по исследованию пшеворских памятников в Поднестровье и западной Волыни проводятся Д. Н. Козаком. Им впервые выявлен ряд поселений этой культуры и на многих из них проведены широкие полевые исследования: Подбереза, где открыто 16 жилищ; Соколяники I — шесть; Пасеки-Зубрецькие — восемь; Зубра — два; Давыдов — одно; Чижки — два, а также Боратин I, Горькая Полонка II, Загайя, Хоров [Козак Д. Н., 1983; 1984а; 1985]. В Среднем Поднестровье осуществлялись раскопки поселения пшеворского облика возле с. Великая Слобода, где открыто четыре жилища, возле с. Бернашовка [Козак Д. Н., 1983; 1984б]. На Волыни исследования поселения пшеворской культуры возле с. Подрижье Ковельского р-на проведены И. П. Русановой и продолжены В. К. Воляником и Д. Н. Козаком [Воляник В. К., 1978]. Раскапывались также могильник пшеворской культуры в с. Гринев, где вскрыто шесть урновых трупосожжений и смешанный пшеворско-липицкий могильник в с. Звенигород [Козак Д. Н., 1978а; 1985а]. Несколько погребений и случайных находок с материалами пшеворской культуры было обнаружено в последние годы в Закарпатской обл. Около с. Братово исследовано богатое погребение, совершенное по обряду культуры карпатских курганов, но сопровождаемое типично пшеворским инвентарем [Котигоршко В. Г., 1979а].

Материалы, полученные в результате исследования последних лет, расширили границу пшеворской культуры в южном и юго-восточном направлениях по сравнению с пределами культуры, очерченными Т. Домбровской [Dąbrowska T., 1973. С. 176—183]. В верховьях Буга и в Поднестровье выявлен густой массив поселений пшеворского типа позднелатенского и римского времени, южнее, восточнее и западнее которого известны лишь отдельные находки пшеворских вещей и погребений, расположенных среди памятников других культур, — липицкой, черняховской и культуры карпатских курганов. Д. Н. Козак систематизировал материалы пшеворской культуры

на территории северной Подолыи и западной Волыни, разработал периодизацию и хронологию памятников, провел их сравнение с пшеворскими материалами, известными на землях Польши, выявил тесные контакты пшеворских памятников на исследуемой территории с синхронными памятниками зарубинецкой и липицкой культур. Д. Н. Козак считает возможным выделить памятники Поднестровья и западной Волыни в отдельную волыно-подольскую группу, тесно связанную с пшеворскими древностями, расположенными в Польше. В дальнейшем, по мнению Д. Н. Козака, местное население стало одним из основных носителей культуры черняховского типа в этом районе [Козак Д. Н., 1984а].

**Поселения.** Поселения расположены группами на небольшом расстоянии друг от друга. Они находились возле рек и ручьев, на обращенных к солнцу склонах. Со временем топография поселений менялась. В позднелатенское время они наиболее часто возникали на песчаных мысах среди луговых долин и на первых террасах возвышенностей над долинами, в римское время поселения переместились выше, на среднюю часть склонов, на черноземные земли. Это явление объясняется сменой основной формы хозяйства, которое получило в римское время преимущественно сельскохозяйственный характер. Размеры поселений установить трудно, поскольку ни одно из них не вскрыто полностью. Однако ряд наблюдений позволил установить, что их площадь увеличивается от 2—4 тыс. кв. м в позднелатенское время до 13—14 тыс. кв. м в III в. н. э. На поселениях открыты жилые постройки, хозяйственные сооружения, ямы, очаги из камня. Четкой системы в расположении жилищ на поселениях не замечено. В Подберезах, Соколяниках I, Горькой Полонке II, Пасаках-Зубрецьких жилища размещались вдоль реки или склона на расстоянии 10—20 м друг от друга. Планировка жилищ устойчивая: все они ориентированы стенами по сторонам света, причем длинные стены всегда обращены к солнцу. Большая часть хозяйственных сооружений расположена недалеко от жилищ. Такая застройка соответствует описанию поселений германцев римским историком I в. н. э. Тацитом: «Свои села они размещают не так, как мы ..., а каждый из них оставляет вокруг своего дома просторный участок» [Тацит, 1970. С. 360].

Жилищами служили наземные и углубленные в землю постройки. Преобладали полуземлянки. Они были прямоугольной (жилище 7 в Подберезах имело стены длиной 3,8 и 7,2 м) или чаще квадратной формы (длина их стен 3—4 м). Стены жилищ прямые, пол ровный, хорошо утоптаный, углубленный в материк на 0,2—0,6 м (табл. XVIII, 2—10). В одном углу, как правило с северной стороны, или посредине жилища размещалось отопительное сооружение. Иногда оно расположено в небольшом углублении в полу или на материковом остоле. Очаги выложены камнями, обмазанными глиной, или сделаны из глиняных вальков. Иногда на полу прослеживаются только скопление углей и золы. В нескольких жилищах обнаружены глиняные печи. В двух случаях (Подбереза) они устроены на материковом остле, вырезанном в стенке. На поселения в Пасаках-Зубрецьких куполовидная печь была вырезана в материковой стенке жилища, и ее

устье выходило внутрь помещения. В плане печь имела прямоугольную форму, размеры  $1 \times 0,76$  м (табл. XVIII, 10). Нередко очаги отделялись от остальной площади жилища перегородкой, от столбов которой сохранялись ямки. Вдоль одной из длинных стенок в ряде жилищ шел материковый выступ высотой 30—40 см, который обшивался деревом и подпирался с внутренней стороны столбиками. Это устройство использовалось для хозяйственных надобностей или служило лежанкой (табл. XVIII, 8—10). В полу большей части построек по углам и посредине противоположных стенок обнаружены ямки от столбов (диаметр 0,2—0,3 м), предназначенных служить опорой крыши и стен, имевших каркасно-столбовую конструкцию. Между столбами укладывались друг на друга округлые или затесанные с двух сторон бревна, концы которых вписались в продольные пазы вертикальных опор. Такая конструкция подтверждается наблюдениями, полученными при исследовании жилища 9 на поселении Подберезцы, вдоль северной стенки которого прослежен желобок от бревна, примыкающий к столбовым ямам, расположенным по углам жилища. Аналогичную конструкцию стен пшеворских жилищ отмечает польский исследователь К. Годловский [Godowski K., 1969a. S. 318]. Деревянные стены жилищ обмазывались глиной, что подтверждается значительным количеством глиняной обмазки в заполнениях жилищ. Иногда глиной обмазывалась та часть стены, возле которой размещался очаг, что было необходимо для охраны деревянной стены от пожара. Некоторые данные получены и для реконструкции крыши. На большие столбы, вкопанные посредине коротких стен помещения, укладывалась перекладина, к которой прикреплялась верхняя часть стропил. Нижние концы стропил опирались на плахи боковых стенок. При такой конструкции крыша была двускатной. Сверху деревянный каркас крыши накрывался хворостом, сеном, соломой. Вход в жилище находился в одном из углов при длинной стенке, обычно напротив очага.

Наземные жилища встречаются очень редко, но они есть на всех поселениях II—III вв. Не исключено, что таких жилищ было больше, однако из-за незначительной глубины залегания пола и нарушений слоя при вспашке их не всегда удается проследить. Остатки наземных жилищ представлены скоплением обожженной глиняной обмазки на древней поверхности. Дома имели, как правило, прямоугольную форму и площадь 16—18 кв. м. (табл. XVIII, 7). В одном из северных углов находился очаг округлой формы, выложенный камнями. Судя по отпечаткам деревянных конструкций на кусках глиняной обмазки, наземные жилища были построены на деревянной основе. Опора стенок и крыши были вбитые в землю столбы, ямки от которых обнаружены по углам и вдоль стен. Столбы переплетались прутьями (диаметр 3—6 см), которые обмазывались глиной. Следы верхнего перекрытия жилищ этого типа не выявлены, но, очевидно, крыша имела конструкцию, близкую к перекрытию жилищ углубленного типа.

Хозяйственные сооружения опущены на незначительную глубину в землю. Они имели округлую, овальную или прямоугольную в плане форму. В отличие от жилищ, они были небольшими (6—

12 кв. м), и в них нет очагов. Внутри построек часто находились одна или две подвальные ямы. Вдоль стенок помещений прослеживаются ямки от столбов, служивших опорой стен и перекрытия. В заполнении построек выявлены завалы обожженной глиняной обмазки с отпечатками деревянных жердей. Очевидно, стенки этих сооружений также обмазывались глиной. Кроме хозяйственных сооружений углубленного типа, были и наземные постройки. Они фиксируются большими столбовыми ямами, которые составляют по периметру прямоугольник площадью 17—18 кв. м. Какие-либо конструкции внутри не обнаружены. Это были легкие сооружения столбовой конструкции, предназначенные для хранения кормов. Могли они служить и загонами для скота. Хозяйственные ямы имели в плане округлую или овальную форму. Стенки сужены книзу или прямые, дно плоское или линзовидное. Глубина ям от 0,7 до 1,6 м. Стенки некоторых из них обмазаны глиной и обожжены. Заполнение хозяйственных сооружений и ям не отличается от заполнения жилищ. Основными находками в них являются фрагменты сосудов, иногда целые горшки и миски, кости животных, резе — орудия труда и украшения. Наиболее вероятно, что эти сооружения использовались для хранения продуктов земледелия и животноводства. О таких сооружениях у германских племен пишет Тацит: «У них принято также устраивать подземные ямы, поверх которых они наваливают много навоза и которые служат им ... для хранения съестных припасов, ибо погреб этого рода смягчают суровость стужи» [Тацит, 16].

**Погребальные памятники.** Несмотря на большое количество погребальных памятников, известных в западных областях Украины, данных для характеристики погребального обряда пшеворских племен этой территории немного. Это объясняется тем, что большинство могильных сооружений открыто случайно в конце XIX — начале XX в. Ни одно из них в дальнейшем не исследовалось планомерно. Систематически раскапывались лишь могильники около Звенигорода, где в трех пунктах было выявлено 15 захоронений, и могильник в Гриневе, где вскрыто шесть погребений, но в этих могильниках, помимо пшеворских, открыты и липицкие погребения. Данные о погребениях показывают, что в основном были распространены единичные трупосожжения, часто сопровождаемые оружием. Такие погребения сосредоточены вдоль левых притоков среднего течения Днестра и в Закарпатье. На более северных территориях открыты преимущественно целые могильники (Добропасты, Червоноград-Кристинополь, Гринев; карта 11). Географическое размещение различных по характеру памятников отражает реальные границы расселения пшеворских племен и движение отдельных их отрядов на юг.

Для могильников выбирались возвышенные места, господствующие над данной территорией. В выборе места для них определенную роль играло естественное ограничение площади оврагами и лощинами. Преобладающее большинство пшеворских погребений представляет собой плоские могилы без следов каких-либо конструкций на поверхности. По мнению польских исследователей, в свое время над могилами в Польше были небольшие насыпи, образованные зем-

лей, выбранной из погребальной ямы. Могилы обозначались также отдельными камнями. В двух случаях пшеворские погребения в западных областях Украины были вписаны в более ранние курганы (Каменка Великая, Капустинцы). Такого рода захоронения не свойственны пшеворской культуре и могут быть связаны лишь с исключительными обстоятельствами, в которых они осуществлялись (война, поход). В Братове несколько пшеворских захоронений находилось под курганной насыпью, характерной для культуры карпатских курганов.

Все погребения представляют собой трупосожжения, совершенные на стороне. Кальцинированные кости, ошпеченные от остатков погребального костра, помещены в урны. Лишь в пшеворско-липицком могильнике в Звенигороде было открыто два безурновых захоронения, не характерных для липицкой культуры и, вероятно, относящихся к пшеворским комплексам. В некоторых погребениях косточки помещались, помимо урны, еще и возле нее или на дне погребальной ямы, где они лежали спрессованной кучкой. Урны сравнительно часто накрывались каменной плиткой, фрагментами керамики, убоном. Покрытие урн редко встречается на пшеворских памятниках территории Польши [Никитина Г. Ф., 1974. Рис. 69], и распространение этого обычая в Поднестровье следует объяснять влиянием липицкой культуры, для погребального обряда которой это было одним из характерных признаков [Smiszko M., 1932. S. 112, 113].

Важным элементом погребального обряда племен пшеворской культуры является сопровождение погребений ритуальным инвентарем. Он помещался в урне, возле нее, а также под урной и над ней. Все же чаще вещи положены в урну и нередко имеют следы пребывания в огне. Не тронуты огнем лишь сама урна и отдельные предметы, добавленные, по-видимому, в процессе захоронения. Состав инвентаря разнообразен. Это посуда, оружие, предметы убора, хозяйственно-бытовые изделия. Керамика, как правило, измелена, черепки принадлежат многим сосудам, но иногда погребения сопровождалась и целыми сосудами (кружками, мисками, кубками). Специфической особенностью погребальных памятников пшеворской культуры в западных областях Украины является присутствие во многих погребениях оружия. Так, из 18 пунктов в Верхнем Поднестровье, где обнаружены отдельные погребения, оружие находилось в 16. Среди найденного оружия много дорогих предметов. Сравнительно часто встречаются мечи (их здесь найдено 13), тогда как в могильниках Польши они попадаются редко. Найдены 20 убонов от щитов и рукоятки к ним. Многочисленны находки шпор (27), которые в польских могильниках находятся лишь в одном погребении из пяти захоронений с оружием. Основное количество (62%) предметов вооружения относится к концу II—III в. Эти данные свидетельствуют о пребывании в Поднестровье в упомянутое время значительного количества конных отрядов воинов, что связано, как предполагается, с продвижением племен пшеворской культуры на юг. В то же время в могильниках, расположенных в северной части изучаемого района, при стационарных исследованиях оружие найдено в незначительном числе погребений. Из 21 погребения, раскопанного в могил-

никах в Звенигороде и Гриневе, оружие встречено лишь в четырех случаях (19,5%). Приблизительно такое же соотношение погребений с оружием и без него наблюдается по всей территории пшеворской культуры.

Типично пшеворским является обычай специальной порчи всех острых предметов и оружия перед помещением их в могилу. В негодность приводились мечи — они переломаны на две-три части или изогнуты вокруг урны (Капустинцы). Разломаны или сплюснуты убоны, наконечники копий, ручки щитов, шпоры, киякалы, пожницы. У кельтов этот обычай отражал определенные религиозные представления, требующие со смертью воина символически умерщвлять и его оружие, предназначенное служить ему в загробном мире [Jahn M., 1916. S. 19]. Польский исследователь А. Кемписты объясняет специальную порчу оружия страхом живых людей перед мертвыми, стремлением «разоружить» умершего, свести к минимуму его вредоносные действия против живых [Kempisty A., 1965. S. 152]. Страхом живых перед мертвыми можно объяснить также обычай возвать оружие в останки умершего или в дно погребальной ямы. Такая картина прослежена в одном из погребений могильника в Гриневе. Здесь в дно погребальной ямы были воткнуты три части меча. Аналогичное явление известно в одном из погребений могильника Гаць. Кроме мечей, втыкали в землю наконечники копий, пожницы и другие острые предметы.

По особенностям погребального обряда памятники Верхнего Поднестровья наиболее близки к могильникам юго-восточной Польши (Гаць, Копки). Местной чертой погребального обряда можно считать лишь довольно распространенный здесь обычай накрывать урну.

**Керамика.** Племена Верхнего Поднестровья и Волыни пользовались в основном лепной посудой, среди которой представлены горшки, миски, кружки, кубки, стопки. Керамика поселений отличается от сосудов, найденных при погребениях. Сопровождающая умерших посуда выполняла религиозно-ритуальную функцию, и для этой цели выбирали наиболее изящную парадную керамику, редко встречающуюся на поселениях и, возможно, специально изготовленную для погребенных. Форма, характер поверхности и ornamentация посуды менялись со временем.

В позднелатенское время керамика снабжалась утолщенными, профилированными венчиками с двумя-тремя граями и имела мягкие очертания тулова. Поверхность горшков часто комбинирована: верхняя часть выглаженная, нижняя специально ошершавлена. Поверхность столовой посуды (миски, кубки, кружки) черного или светло-коричневого цвета, старательно залощена. Орнамент, как правило, отсутствует. Лишь изредка сосуды украшены разными геометрическими линиями в разных комбинациях (табл. XIX, 32). Горшки хорошо профилированы, имеют отогнутый, часто утолщенный венчик и коническое тулово, расширяющееся в верхней трети или посредине высоты. На поселениях Подберезы, Пасеки-Зубрецькие, Горылая Полонка есть горшки с высоко поднятыми округлыми плечиками и коротким, слегка отогнутым венчиком (табл. XIX, 36). Близкие по форме горшки известны среди керамики подклешевой культуры, на зарубинецких памятниках

Полесья и распространены в раннесредневековых славянских комплексах. Небольшое количество посуды в пшеворских комплексах составляли низкие широкие горшки с загнутым внутрь венчиком. В погребении около с. Бендого найден так называемый обратно-грушевидный сосуд с высокой цилиндрической шейкой и высоко поднятыми округлыми плечиками (табл. XIX, 40). Высокий сосуд с раздутым туловом, валиком под высокой шейкой, имеющий черную лощеную поверхность, происходит из могильника в Гриневе (табл. XIX, 30). Горшки всех этих форм известны в пшеворских позднелатенских комплексах на основной территории их распространения. Миски позднелатенского периода хорошо залощены и имеют черный или темно-коричневый цвет. Выделяется несколько типов мисок: широко открытые миски с узким дном, высоко расположенными плечиками, отогнутым граненным венчиком и глубокие миски со слабо выступающими плечиками и слегка отогнутым граненным венчиком. Среди посуды того же времени выделяются глубокие горшковидные миски с почти цилиндрическим туловом и утолщенным венчиком (табл. XIX, 39). Эти сосуды, возможно, использовались для питья. Все эти формы посуды также характерны для пшеворской культуры [Marciniak J., 1957].

В начале римского периода в I в. н. э. позднелатенские формы посуды еще продолжали существовать и лишь постепенно заменялись новыми формами. В дальнейшем, в римском периоде, керамика на поселениях в значительной степени меняет характер. Изменяется способ обработки внешней поверхности: уменьшается число специально ошарпавленной и лощеной керамики и увеличивается количество сосудов с нелощеной, шероховатой поверхностью.

Если в позднелатенских объектах специально ошарпавленная керамика составляет 30—40%, то в III в. н. э. — 6—10%. Доля лощеной керамики уменьшается соответственно с 20 до 6—10%. Керамика делается более грубой, утолщаются стенки, исчезает подгрязненность венчиков. Изменяется количественный состав видов и набор сосудов. Получают большее распространение горшки, доля которых составляет 70—80% против 50% в позднелатенское время, тогда как доля мисок уменьшается с 23% в позднелатенское время до 8% в III в. н. э. Это касается и кружек. Появляются диски, служившие покрышками и, очевидно, сковородками. В комплексах I—II вв. найдена круговая керамика липицкой культуры, а со второй половины II в. н. э. распространяется гончарная керамика провинциально-римского типа — амфоры, краснолаковые сосуды. Часть горшков римского времени, имеющих высокое стройное тулово, сужающееся ко дну, и короткий, слабо отогнутый венчик, повторяет формы позднелатенского периода, но отличается другим характером обработки поверхности и отсутствием утолщения на венчике (табл. XIX, 14, 15, 21, 22, 24). Отдельные экземпляры украшены пальцевыми защипами по тулову, расчесами, продольными резными линиями (табл. XIX, 4, 11; XX, 5). Наряду с этими формами распространяются сосуды с отогнутыми венчиками и высоко поднятыми округлыми плечиками, а также горшки с ребристым туловом (табл. XIX, 5, 18). В погребении Монастырха найден типично пшеворский черный лощеный

сосуд с раздутым туловом, орнаментированный меандром (табл. XIX, 26; XX, 9) и относящийся к раннеримскому периоду. В это же время появляются сосуды, венчики которых украшены насечками, пальцевыми вдавлениями (табл. XIX, 9, 23). Эта посуда близка керамике зарубицкой и киевской культур. Среди горшков выделяются почти непрофилированные сосуды тюльпановидной формы. Ближайшие аналогии этим сосудам известны в керамических комплексах липицкой культуры [Циглилик В. М., 1975. Рис. 21, 12, 15]. Некоторые сосуды из пшеворских комплексов имеют характерный для липицкой культуры орнамент в виде налепных шишечек и валиков с вмятинами (табл. XIX, 27). Встречаются миски с эсвидным профилем, но большее распространение получают миски с ребристыми плечиками, известны также миски с почти коническим туловом. Все эти типы мисок широко представлены в комплексах как пшеворской, так и липицкой, и зарубицкой культур. Типично пшеворской формой являются низкие миски с закругленным дном (табл. XIX, 19).

Гончарная керамика на памятниках Верхнего Поднепровья и Побужья встречается крайне редко и на поселениях составляет 2—5% всех керамических находок. Часть этой посуды принадлежит липицкой культуре, но большее количество относится к провинциально-римским типам. Для липицких сосудов характерны чаши на высокой ножке, подобные найденной на поселении Подберезцы. Провинциально-римскими образцами являются горшок-урна из погребения в Рудках, имеющий раздутое тулово и высокое горло, опоясанное валиком, а также кувшин из погребения в Гриневе и кувшин с двумя ручками из поселения в Сокольниках I (табл. XIX, 7, 28). Гончарная посуда представлена также мисками с туловом эсвидным, ребристым или почти коническим (табл. XIX, 2, 12, 13). Миски изготовлены из хорошо очищенного теста, имеют лощеную поверхность, иногда орнаментированы зигзаговидными пролощенными линиями. Гончарные сосуды были, очевидно, на данном этапе развития культуры предметами импорта из провинциально-римских областей Северного Причерноморья. Несомненно привозными были амфоры, обломки которых встречаются на поселениях. Позже гончарная керамика уже изготавливалась на месте, о чем свидетельствуют открытия в Поднепровье и западном Побужье гончарные мастерские и обжиговые печи в Неслухове, Луке-Врублевской, Сокольниках I, Рипневе 2, принадлежавшие уже черняховской культуре.

**Вещевые находки.** Кроме керамики, на памятниках пшеворской культуры западных областей Украины обнаружено значительное количество предметов, служивших для производственных целей, а также оружие, украшения. Из глины изготавливались биконические и конические прислида, конусовидные грузила, катушки для ткачества, лычки и тигли для ювелирного производства (табл. XXI, 1—9, 18, 25). Из железных изделий, связанных с домашним обиходом и ремеслами, имели распространение кресла, шилья, ножи с прямой и горбатой спинкой, пружинные ножицы, топоры, теса (табл. XXI, 13—17, 19, 21, 23, 26). На поселениях найдено несколько предметов из кости: два трехчастных гребня с дугообразной спинкой (табл. XXII, 11), проколки, ложило, амулет

из клыка кабана с отверстием для подвешивания. К бытовым предметам относятся также ключи и пружина от замка — вещи, широко представленные в пшеворских памятниках по всему их ареалу (табл. XXI, 10—12).

Из украшений наиболее часто встречаются фибулы. Всего их на памятниках Верхнего Поднепровья и западного Побужья найдено 17, из них девять — в погребениях. Наиболее ранней является позднелатинская фибула варианта О по И. Костешевскому [Kostrzewski J., 1919. S. 47, 48]. Более распространены были остропрофилированные фибулы типа 67 и 68 по Альмгрену [Almgren O., 1923] и более поздние фибулы с высоким приемником, подвижные и арбалетовидные (табл. XXII, 1—4, 6—9, 12, 13, 19, 20, 23). Все эти типы фибул характерны не только для пшеворской культуры, но и для широкого круга культур Средней и Восточной Европы.

Многочисленны украшения пояса. Поясной набор включал в себя пряжки, поясные крючки, скрепы, оковки. Пряжки попадаются круглой и овальной формы, с одной уплощенной стороной, есть также прямоугольные, иногда с вогнутыми длинными сторонами или со сплошным металлическим приемником, принадлежащие к порико-паннонским типам. Одна из оковок пояса, найденная в могильнике Гриневе, имела вытянутую треугольную рамку, заполненную ажурным орнаментом (табл. XXII, 5, 10, 14—18, 21—25).

Довольно часто в погребениях встречается оружие, тогда как на поселениях найдены только два копья и стрела. Наиболее многочисленны наконечники копий, среди которых выделяются разные типы, относящиеся к позднелатинскому и римскому времени (табл. XXIII, 1—4, 13, 23). Известны и конусовидные оковки, которые надевались на конец древка копья (табл. XXIII, 15). Две стрелы имеют листовидный и дугообразный наконечники. Второе место по количеству занимают шпоры. Все они имеют шпешечки на концах и разделяются на типы в зависимости от длины дужек, их изогнутости, формы шипа, наличия дополнительных крючков для крепления (табл. XXIII, 5—7, 17, 21, 22). От цитов сохраняются лишь их металлические части — умбоны и рукоятки. Они делятся на ряд типов, соответствующих классификации М. Яна [Jahn M., 1916]. Среди умбонов выделяются конические, части которых имеют длинный шип, встречаются умбоны с цилиндрической шейкой и слегка вогнутой верхней частью, которая завершается пустотелым шипом (табл. XXIII, 11, 12). Рукоятки цитов имеют широкие прямоугольные или трапециевидные пластины для прикрепления к шпиту, что соответствует типу IX по классификации М. Яна (табл. XXIII, 8, 9). Мечи — наиболее дорогой вид оружия — встречаются в погребениях довольно редко и почти всегда в сломанном виде или согнутыми в несколько раз. Наиболее ранние из них относятся к типу II по классификации И. Костешевского [Kostrzewski J., 1919. S. 85, 86]. Это мечи дугообразные, с продольными желобками по лезвию и закругленным клинком. Особый тип составляют обоюдоострые мечи с заостренным клинком, отделенным от рукоятки уступами. Эти мечи бывают более длинными и короткими (табл. XXII, 10, 18, 19, 20, 24). Совершенно особый тип представляет короткий двуострый меч,

на рукоятки которого помещено кольцевое навершие. Этот меч, найденный в могильнике Звенигород—Гоева Гора, имеет аналогии среди сарматских мечей I—II вв. [Кропоткин В. В., 1974б. С. 54]. Иногда встречаются остатки ножен мечей.

Как предмет искусства следует отметить ножны меча из погребения 3 могильника в Гриневе, относящиеся к самому началу I в. н. э. (табл. XXII, 27). Тыльная сторона ножен была обита тонкой бронзовой пластиной, а лицевая имела ажурную прорезную оковку с чеканными антропоморфными изображениями. В пяти прямоугольных рамках помещены сцены с медведем, терзающим жертву; скачущим грифоном; мотивом брака героя и богини; поедающего стебли барана; вооруженного всадника. Все сцены составляли единое целое и являлись завершенной композицией, передающей древний мифологический сюжет [Козак Д. Н., Орлов Р. С., 1980. С. 104, 105]. Нижняя часть ножен имела отдельную оковку в виде бронзовой пластины дуговидной формы, изготовленной способом чеканки. Край пластины загнуты внутрь, образуя желобок, в который вкладывался конец ножен. Ножны с прорезным орнаментом были распространены в Центральной Европы в последние века до нашей эры. Своим происхождением они, возможно, связаны с кельтскими «красивыми» мечами, появившимися в конце III—II в. до н. э., хотя стиль изображений у них другой [Filip J., 1956. S. 145, 292]. Гриневская находка не имеет полных аналогий среди вещей, найденных в Европе, и скорее всего была изготовлена по заказу. Стилистические особенности изображения указывают на связь с кельтским, фракийским и провинциалноримским искусством.

*Хронология и периодизация.* Вещевые находки, в частности фибулы, гребни, пряжки, некоторые виды оружия, керамика, позволяют определить хронологию памятников пшеворского типа в западных областях Украины. Наиболее ранней датированной находкой из пшеворских памятников Поднепровья является шпора с дуговидными плечиками и округлыми массивными шпешечками из могильника в Гриневе (табл. XXIII, 22). Такие шпоры характерны для позднелатинского времени и датируются I в. до н. э. [Kostrzewski J., 1919; Jahn M., 1921. Tab. X]. Функционирование культуры в позднелатинское время на рассматриваемой территории подтверждается находками в могильниках мечей, наконечников копий, бронзовых полукруглых пряжек с типичными для этого времени характеристиками [Smiszko M., 1934. Tab. II—IV; Козак Д. Н., 1984а. Рис. 36, 37]. Конец позднелатинского времени фиксируется комплексом погребения 3 могильника в Гриневе, содержащего фибулу типа Альмгрен 67, относящуюся к раннеримскому времени, и многочисленное оружие [Козак Д. Н., 1982. С. 533—545].

К позднелатинскому времени относится и ряд поселений — Чипки, Комарно, Черепня, Поповичи, Подрижье (нижний слой), Лианев — и объекты на поселениях в Подбережках, Горькой Полонке II, Пасаках-Зубрецах. На этих памятниках найдена исключительно лепная керамика с профилированными гранями на венчиках (табл. XIX, 29—40). В хронологической таблице, разработанной Т. Домбровской на основе узко датированных позднелатинских погребений

ний могильника в Карчевце (Мазовия), такая керамика соответствует средней и поздней фазам позднелатенского времени I в. до н. э. — середины I в. н. э. [Dąbrowska T., 1973. Tab. LI]. Такая же керамика найдена в могильнике позднелатенского времени в Виланове [Marciniak J., 1957. Tab. II—LIII], хорошо датированных позднелатенских погребениях в Добжанкове [Okulicz J., 1971. Tab. II—IX], Каменьчике [Dąbrowska T., 1982. S. 290—294]. Так же датируются объекты, аналогичные нашим, на поселениях в Пивоничах К. Домбровский [Dąbrowski K., 1958. Tab. II—IX]. Предлагаемая дата для этих поселений подтверждается находкой в Горькой Полонке II бронзовой булавы с посоховидной головкой, относящейся к зарубинецкой культуре (табл. XXII, 26).

Большое количество датирующего материала относится к середине I в. н. э., стадии В раннеримского времени. Начало этой стадии определяет комплекс погребения из Лучки с фибулой варианта О по классификации И. Костешевского (табл. XXII, 23), которая сопровождалась фибулой типа Альмгрен 68 и шпору типа Ян 46. Кроме того, в погребении находились поясная пряжка, позднелатенский наконечник копья, подтверждающие дату середина I в. н. э. Фибулы типа Альмгрен 68, восьмерковидные поясные пряжки, шпору типа Ян 46 встречены также в могильниках в Гриневе, Звенигороде, в погребении Хотимира. По общеевропейской хронологической схеме они датируются 40—70 гг. н. э. [Liāna T., 1970. S. 441—450]. Показательны для этого времени и остропрофилированные трубчатые фибулы из Гриневы, Звенигорода. Они имеют сильно изогнутую массивную головку и относятся к варианту I фибул этого типа по классификации Т. Лианы (табл. XXII, 12/3, 20) [Liāna T., 1970. S. 441, 442]. Т. Лиана считает их производными от фибул типа 67 и синхронными типу 68 по Альмгрену.

Срединой I в. н. э. ограничивается период существования чистых пшеворских поселений в Поднестровье и западной Волыни. Их жители, вовлеченные в процесс интеграции с зарубинцами и липицкими племенами, образовали памятники волыно-подольской культурной группы, выделяемой Д. Н. Козаком и имеющей специфические особенности. Отсутствие датирующего материала, несмотря на довольно большую исследованную площадь поселений, не позволяет надежно определить начальную дату формирования памятников этой группы. Показателен, однако, керамический комплекс некоторых объектов на исследованных памятниках. Он характеризуется сочетанием пшеворских позднелатенских и раннеримских форм. Первые составляют от 7 до 33%. Аналогичные по набору сосудов жилища в Пивоничах хорошо датируются второй половиной I в. н. э. [Dąbrowski K., 1958. Tab. II—IX]. Кроме того, в таких объектах Поднестровья и западной Волыни заметный процент составляют сосуды, близкие зарубинцам (табл. XIX, 37), а в Поднестровье — еще и единичные фрагменты лепной и гончарной керамики липицкой культуры. Следует предположить, что в середине I в. н. э. происходит процесс формирования памятников волыно-подольской группы. Более позднее время существования памятников этой группы (стадия В<sub>2</sub> раннеримского времени) определяется наход-

кой шпору и бусины из египетского фаянса на поселениях в Пасаках-Зубрецах в Поднестровье, постоянного однопластинчатого гребня на поселениях в Загайках на Волыни. Шпора имеет округлый длинный шип и пластинчатые дужки. В Польше подобные изделия известны в единичных экземплярах и встречаются в комплексах с очковыми фибулами, умбонами типа 7Б по классификации М. Яна и другими вещами, датирующимися в целом II в. н. э. [Okulicz J., 1973. Rus. 122 f]. Античные бусы из египетского фаянса бытовали, по мнению Е. М. Алексеевой, в I—II вв., хотя известны и позже [Алексеева Е. М., 1978. С. 27]. Костяной гребень имеет дуговидную спинку и прямые бока. Он принадлежит к наиболее раннему типу одночастных костяных гребней в Европе (группа I, вариант 1 по классификации А. Хмелевской) и датируется второй половиной I—II в. н. э. [Chmielewska A., 1971. S. 97. Rus. 27]. Своеобразен керамический комплекс объектов II в. н. э. Характерны полное отсутствие позднелатенских форм, наличие остростербных лощеных мисок, дисков-сковородок. Уже невозможно вычленить зарубинецкие формы горшков, однако встречаются фрагменты сосудов липицкой культуры.

Стадию C<sub>1</sub>—C<sub>2</sub> позднеримского времени (конец II—III в.) на памятниках представляют бронзовая фибула типа Альмгрен 84 из поселения в Пасаках-Зубрецах (табл. XXII, 6), бронзовая фибула с высоким приемником из поселения в Сокольниках I, фибулы с высоким приемником и декоративными кольцами (Великая Слобода I), подвижные железные фибулы варианта 1 по классификации А. К. Амброза (Сокольники I, Подберезье, Береза), а также фибулы со сплошным приемником (Сокольники I) и костяные гребни трехчастной конструкции с дуговидными плечиками (Сокольники I, Подберезье). Функционирование поселений в Поднестровье в III в. н. э. подтверждается также находками обломков светлоглиняных узкогорлых амфор с асимметричными ручками, фрагментами краснолаковых сосудов. Наиболее поздней датирующей находкой на волыно-подольских поселениях является фибула со сплошным приемником из поселения в Сокольниках (табл. XXII, 3), датирующаяся второй половиной III — началом IV в. [Козак Д. Н., 1984а. С. 42, 44].

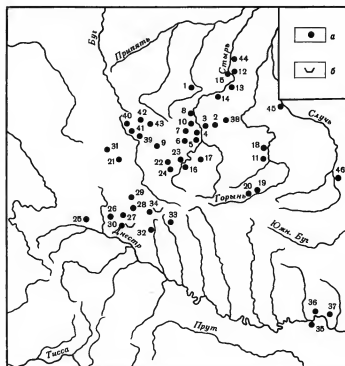
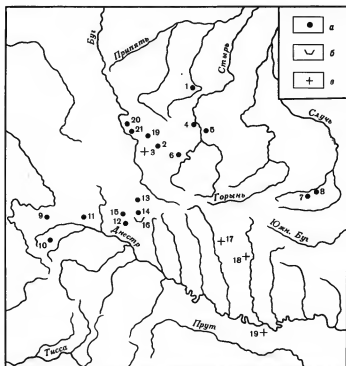
Отдельную группу памятников Поднестровья составляют древности пшеворской культуры позднеримского времени, представленные единичными погребениями с оружием (Перепельники, Каменка Великая, Иване-Золотое, Петрилов) или небольшими группами погребений (Добростаны, Червоноград-Кристинополь). Хронологию этой узкокалассной небольшой группы древностей определяет в основном оружие. Это шпору, рукояти щитов, умбоны. Наиболее ранние в этой группе памятников шпору с узкими плечиками и массивным шипом (Добростаны; табл. XXIII, 6). Подобные шпору появляются в пшеворской культуре уже во II в. н. э., но наибольшее распространение получают в III в. [Jahn M., 1921. S. 48, 49]. Более поздними считаются шпору с сильно выгнутыми плечиками и биконическим шипом (Каменка Великая, Иване-Золотое). Хронологическим показателем этих изделий служит крючок возле шипа, известный только с III в. н. э. [Jahn M.,

1921. S. 38, 64; Godłowski K., 1970. Pl. II, 1]. Еще более поздним временем датируются шпory с асимметричными плечиками, биконическим шипом и крючком воле шипа (Петрилов; табл. XXIII, 5). Подобные вещи характерны для второй половины III в. [Jahn M., 1921. S. 58, 61]. Рукоты щитов относятся к одному из вариантов типа IX (с выделенными пластинами) по классификации М. Яна и датируются второй половиной II—III в. (Добростан, Иване-Золотое) [Jahn M., 1916. S. 89. Abb. 219]. Умбоны также делятся на несколько хронологических групп. Наиболее ранними из них является умбон из Перепельников, имеющий слабовыделенный шип с острым концом. Он составляет как бы промежуточную форму между умбонами типа 6 и 7 по классификации М. Яна и датируется концом II — началом III в. Синхронны им умбоны с широкими ровно срезаемыми шипами (Капустинцы). Умбоны типа 7А по классификации М. Яна найдены в Добростанах (табл. XXIII, 17). Они датируются II в. н. э. [Jahn M., 1916. S. 178]. Т. Лиана подтервердила эту дату [Liāna T., 1970. S. 452]. По мнению Т. Домбровской, хронологически более поздними в данном типе являются умбоны с округлыми заклепками на полях как в Добростанах, причем они датируются концом II—III в. [Dąbrowska T., 1973. S. 161]. Еще одним хронологическим показателем описываемой группы памятников служит фибула подвальной конструкции из погребения в Иване-Золотом (табл. XXII, 9). Она имеет гладкую дуговидную спинку и относится к варианту I серии I по классификации А. К. Амброза. Как уже отмечалось, подобные фибулы датируются концом II—III в. Таким образом, единичные пшеворские погребения Поднепровья, содержавшие оружие, были совершены в конце II—III в. Серединой III в. н. э. датируется погребение в Громяев Хмельницкой обл., в котором были найдены изогнутый римский меч с инкрустацией, шпора, умбон щита, бронзовая пряжка, копы, ручка, оковки деревянного ведра и другие вещи [Dąbrowska T., Godłowski K., 1970. S. 77—101].

Хронологические определения, анализ материалов поселений, могильников и отдельных погребений с оружием позволяют выделить три фазы развития памятников пшеворского типа Поднепровья и западной Волыни. Фаза I охватывает I в. до н. э. — середину I в. н. э. Представлена поселениями и могильниками с материалами исключительно пшеворской культуры позднелатенского облика. В керамическом комплексе поселений выразительные черты более ранней поморско-подклевешвой культуры. Фаза II — вторая половина I—II в. Представлена только поселениями. В объектах этого периода наряду с керамикой, характерной для пшеворской культуры раннеримского времени, найдены в небольшом количестве еще позднелатенские формы. Кроме того, присутствуют круговая и лепная керамика липицкой культуры и, возможно, лепные горшки, миски и диски-сковородки, характерные для зарубицкой культуры Припятского Полесья. Таким образом, в этой фазе складываются своеобразные памятники волыно-подольской группы, которые распространяются и на Среднее Поднепровье (Великая Слобода I, Оселивка). Фаза III — конец II—III в. Представлена поселениями в Поднепровье. На западной Волыни непре-

рывность культурного процесса была нарушена вторжением северо-западных племен. На местах существования памятников волыно-подольской группы I—II в. появляются древности вельбарской культуры. В этой фазе керамический комплекс характеризуется формами горшков, производными от пшеворской, зарубицкой и частично липицкой культур. Исчезают миски, сковородки. Появляются в небольшом количестве сероглиняная гончарная керамика (преимущественно миски) провинциально-римского типа, амфорный материал, краснолаковые сосуды, украшения и орудия труда провинциально-римского типа. Это свидетельствует о постепенном вовлечении носителей волыно-подольских древностей в сферу провинциально-римской культуры. В этой фазе в Поднепровье проникают немногочисленные группы населения позднеш пшеворской культуры, оставившие отдельные погребения, сопровождаемые оружием. На развитие местной культуры они существенно не повлияли.

*Происхождение, культурные связи и этническая принадлежность.* Наиболее ранние памятники Верхнего Поднепровья и западной Волыни имеют хорошо выраженные черты, характерные для пшеворской культуры позднелатенского времени в Польше, в частности Мазовии, центральной Польши. Сравнивая основные элементы материальной культуры двух территорий в позднелатенское время, можно с уверенностью сделать вывод об их культурном единстве. Одинаковы топография поселений, жилищное строительство, погребальный обряд. Идентичны керамические комплексы, изделия из металла, в частности оружие, украшения. Таким образом, в это время Верхнее Поднепровье и западная Волынь являлись наиболее восточной частью ареала пшеворской культуры (карта 12). В настоящее время отсутствуют данные, свидетельствующие о формировании пшеворской культуры в западном Побужье и Верхнем Поднепровье. Хотя в среднелатенское время эта территория была занята памятниками поморско-подклевешвой культуры, поселения и отдельные находки которой достигают Збруча, но хронологический разрыв между двумя культурами, наблюдаемый на этой территории, не позволяет говорить об их преемственности. Поэтому необходимо признать появление пшеворских племен в этом районе с уже сформировавшейся культурой. Это, однако, не означает отсутствия связей с местными более ранними памятниками. В керамическом материале позднелатенских поселений Поднепровья (Подберезцы, Пасеки-Зубрецьке), Волыни (Горькая Полонка II, Загайи), выделяется ряд стройных горшков с «холодовой» поверхностью, имеющих слабоотгнутые венчики, высокие округлые плечики и коническую придонную часть, а также полусферические кружки, наследующие тип керамики подклевешвой культуры. Интерес представляют керамические комплексы жилищ 4 и 7 поселения в Горькой Полонке. Вся посуда, находившаяся здесь, имеет грубую шероховатую и специально ошершавленную поверхность и формы, типичные для подклевешвой культуры. Несколько горшков украшено характерными для этой культуры мотивом в виде пальцевых вдавлений по краям венчиков. Среди посуды выделяются два горшка с утолщенными венчиками и профилем, типичным для горшков пше-



Карта 12. Распространение памятников пшеворской культуры в I в. до н. э.—середине I в. н. э.

- а — поселения; 10 — Нежанковичи;  
 б — могильники; 11 — Комарно;  
 в — отдельные погребения; 12 — Черепин;  
 1 — Подлясье; 13 — Пасеки-Зубрецькие;  
 2 — Ливне; 14 — Чижки;  
 3 — Бейдуга; 15 — Подберезцы;  
 4 — Горыня Полонка II; 16 — Гривне;  
 5 — Боратин; 17 — Луча;  
 6 — Загай; 18 — Монастырская;  
 7 — Остров Варковецкий; 19 — Хотимир;  
 8 — Ляпа; 20 — Лежница I;  
 9 — Поповичи; 21 — Лежница II.

Составитель Д. Н. Козак

ворской культуры позднелатенского времени. Эти данные могут свидетельствовать, возможно, о наличии тесных контактов между пшеворскими племенами Волыни и их предшественниками на этой территории — носителями поморско-подкашевых памятников. Не случайно, очевидно, и совпадение ареалов двух культур на территории восточнее Вислы. Однако для решения этого вопроса необходима более широкая база источников.

На территории Польши, по мнению большинства исследователей, пшеворская культура сложилась в начале позднелатенского времени. Большое количество памятников этого времени сконцентрировано в районах Мазовии и Подлясья. Как показал анализ керамического материала из поселений Чижки, Комарно, Черепин, Пасеки-Зубрецькие и других позднелатенских поселений нашей территории, они являются более поздними, чем мазовецкие, и отвечают среднему и позднему этапам позднелатенского времени. Очевидно, развитие пшеворской культуры в Мазовии и Подлясье привело к частичному отходу населения на юг и юго-восток. Основное движение пшеворских племен определялось, по-видимому, выгодным речным путем вдоль Буга в Поднестровье. Какая-то

Карта 13. Распространение пшеворских памятников волыно-подольской группы во второй половине I—II вв.

- а — поселения; 25 — Комарно;  
 б — могильники; 26 — Зубры;  
 в — Подлясье; 27 — Подберезцы;  
 2 — 4 — Боратин II, III; 28 — Пасеки-Зубрецьские;  
 5, 6 — Горыня Полонка II, III; 29 — Подборцы;  
 7 — Бави III; 30 — Звенигород;  
 8 — Рокли; 31 — Безд;  
 9 — Ливне; 32 — Лаповцы;  
 10 — Луцк—Гнидава; 33 — Майдан-Голозотерный;  
 11 — Великое Деревячиче; 34 — Новоселки;  
 12 — Куликовичи; 35 — Оселика;  
 13 — Семки; 36 — Великая Слобода I;  
 14 — Розиччи; 37 — Лука-Врублевская;  
 15 — Новоселки; 38 — Цумаи;  
 16 — Боромель; 39 — Литовиж;  
 17 — Бильче; 40, 41 — Лежница I, II;  
 18 — Хоров; 42 — Зимино;  
 19 — Лепесовка; 43 — Галемичи;  
 20 — Викияны Великие; 44 — Балеховичи;  
 21 — Святязь; 45 — Малые Ципевичи;  
 22 — 24 — Загай I, II, III; 46 — Хотин.

Составитель Д. Н. Козак

часть населения продвинулась на восток, в бассейн Припяти, о чем свидетельствуют пшеворское поселение этого времени у с. Подлясье на р. Стоход и ряд поселений, открытых в верховьях Стыри и Горыни. Южнее, в Среднее Поднестровье пшеворские поселения в это время, видимо, не проникали. Поселение западного типа, открытое в с. Горшова на среднем Днестре [Пачкова С. П., 1978. С. 52—72], является более ранним, чем верхнеднепровские, отличается от последних характером жилищ и керамическим материалом. Это поселение оставило, очевидно, какая-то группа племен западной Польши, близкая к исторической культуре, продвинувшаяся в Среднее Поднестровье в начале позднелатенского времени [Пачкова С. П., 1983. С. 49, 50]. В I в. н. э. лишь отдельные группы верхнеднепровского пшеворского населения проникали дальше на юг, обходя с востока население



липицкой культуры, появившееся в Поднестровье в это время. Путь их отмечен погребениями в Лучке на Серете, Монастыриче на Збруче, Хотимире на правом берегу среднего Днестра (карта 13). Насколько массовым было это движение, какой характер оно носило, в настоящее время определить трудно. Однако исследования 1980 г. в с. Великая Слобода Хмельницкой обл. показали, что там в I в. н. э. появляются памятники, близкие к херсондестровским.

С началом раннеримского времени этнокультурная карта Днестро-Днепровского междуречья изменяется. В Поднестровье с юга пришли фракийские племена липицкой культуры, в Полесье и Среднем Поднепровье прекращает существование зарубинецкая культура. Количество пшеворских поселений в это время увеличивается (карта 13). Пшеворское население проникает далее на восток, его влияние достигает Днепра. Это привело к нарушению стабильности, присущей позднелатенскому времени, что нашло отражение в археологическом материале памятников этого времени, в частности в Поднестровье. Уже на памятниках середины I в. н. э. наряду с пшеворскими позднелатенскими формами появляются гончарная керамика липицкой культуры, горшковидные сосуды, близкие зарубинецким. Хорошей иллюстрацией наступивших изменений являются материалы из поселения в Пасаках-Зубрецах возле г. Львов. Поселение возникло в фазе II позднелатенского времени. К этому периоду относится ряд жилищ, керамический материал которых имеет «чистый» пшеворский позднелатенский характер. Однако в нескольких других жилищах, относящихся к фазе III позднелатенского времени, началу раннеримского времени, кроме пшеворских сосудов найдены горшки, напоминающие зарубинецкие, и фрагменты от гончарных сосудов липицкой культуры. Аналогичное явление наблюдается в одном из объектов поселения в Черепине в Поднестровье, поселении в Вербковицах на левом берегу Буга.

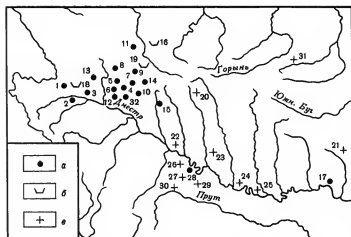
С липицкими племенами пшеворское население жило в непосредственном соседстве и, надо думать, в мирных отношениях. Это определило тесные контакты между ними. Глубину этих контактов иллюстрируют материалы могильников в Звенигороде, в частности могильник на усадьбе Великача, где отмечен симбиоз липицких и пшеворских элементов погребального обряда [Козак Д. Н., 1978а. С. 96—107]. Однако такая картина наблюдается только в зоне непосредственного территориального стыка пшеворских и липицких памятников и не характерна для обеих культур в целом. На территориально отдаленных пшеворских памятниках влияние липицких племен на материальную культуру пшеворского населения отразилось гораздо меньше. Так, в Подборцах лепная керамика липицкой культуры составляла 1,7%, лишь несколько горшков этой культуры обнаружено в Подберезцах. Полностью они отсутствуют в комплексах поселений в Зубрах, Пасаках-Зубрецах. Пшеворские племена заимствовали у липицкой населения круговую керамику. Она в небольшом количестве обнаружена практически во всех пшеворских объектах раннеримского времени. Липицкие влияния заметны и на других глиняных изделиях, в частности на форме присплиц. В равной степени наблюдается процесс обратного воздействия. Пшевор-

ские сосуды выявлены на липицких поселениях в Верхней Липице, Ремезюцах, Лагодове и др. Липицкие племена заимствовали у пшеворского населения оружие, украшения, технологию выплавки железа.

Д. Н. Козак отмечает в пшеворских памятниках влияние зарубинецкой культуры, носители которой, по его мнению, продвинулись в Поднестровье [Козак Д. Н., 1984а. С. 56]. Однако зарубинецкие памятники в чистом виде здесь не обнаружены. Кроме того, выделение элементов зарубинецкой культуры затруднено тем, что отмеченные для этой культуры черты характерны и для пшеворских памятников основной территории их распространения. Это касается и формы квадратных углубленных жилищ, и лепных сосудов с округлыми плечиками, и даже характерного для керамики зарубинецкой культуры орнамента в виде пальцевых вдавлений по венчику, который редко встречается на пшеворской посуде, но специфичен для подклешевой культуры, являющейся одним из субстратов при формировании как зарубинецких, так и пшеворских памятников. Вследствие этого выделение зарубинецких особенностей на пшеворских памятниках Поднестровья носит пока предварительный характер.

Вместе с тем, начиная с середины I в. н. э., пшеворские памятники Верхнего Поднестровья и западной Волыни приобретают черты, отличающие их от пшеворских памятников на других землях. Местное своеобразие проявляется как в наличии липицкой и зарубинецкой примеси, так и в другом составе и количественном сочетании основных форм лепной посуды. Это обстоятельство позволило Д. Н. Козаку выделить специфическую группу памятников, названную им воляно-подольской [Козак Д. Н., 1984а. С. 49]. Памятники воляно-подольской группы, возможно, проникают и южнее, в Среднее Поднестровье, где в позднелатенском периоде были распространены древности поянешти-лукавешской культуры и известное поселение (Горошова) с ясторфскими чертами [Пачкова С. П., 1983. С. 4—54]. По-видимому, здесь происходило смешение носителей воляно-подольских памятников с местным дакийским населением, что ощущается на ряде исследованных поселений (Бернашовка Винницкой обл., Великая Слобода I Хмельницкой обл., Оселивка Черновицкой обл. [Козак Д. Н., 1983. С. 102—104]). В это же время ряд пшеворских элементов появляется на памятниках Среднего Поднестровья, что отражается в формах посуды и ее орнаментации [Максимов Е. В., 1982. С. 110—131]. С пшеворским влиянием возможно связывать и возникновение во II в. н. э. крупных желедобывающих центров около г. Умань на Черкашине и у с. Курган Житомирской обл., аналогичных пшеворским центрам, известным на территории Польши [Бидзля В. I., 1971. С. 3—12]. По наблюдениям Д. Н. Козака, ряд оближающих черт выявляется в керамике воляно-подольской группы и киеской культуры.

В конце II в. н. э. памятники воляно-подольской группы на территории западной Волыни прекращают свое существование, вероятно, в связи с вторжением с северо-запада племен вельбарской культуры. Ряд поселений воляно-подольской группы перекрыт слоями вельбарской культуры, что хорошо видно на широ-



Карта 14. Распространение памятников пшеворской культуры в конце II—III вв.

- |                           |                                 |
|---------------------------|---------------------------------|
| а — поселения;            | 17 — Великая Слобода I;         |
| б — могильники;           | 18 — Добростаны;                |
| в — отдельные погребения; | 19 — Кристинполь (Червоноград); |
| 1 — Тварк;                | 20 — Перепельники;              |
| 2 — Березец;              | 21 — Великая Тернавка;          |
| 3 — Комарино;             | 22 — Петрилов;                  |
| 4 — Подберезцы;           | 23 — Иване-Золотое;             |
| 5, 6 — Соколяники I, II;  | 24 — Капустинцы;                |
| 7 — Пасеки-Зубрецькие;    | 25 — Борисковцы;                |
| 8 — Кожичи;               | 26 — Оленки;                    |
| 9 — Борщовичи;            | 27 — Слобода-Польная;           |
| 10 — Жировка;             | 28 — Незвишко;                  |
| 11 — Корчевка;            | 29 — Репузецькие;               |
| 12 — Давидов;             | 30 — Каменка-Великая;           |
| 13 — Воля-Гомузская;      | 31 — Громовка;                  |
| 14 — Новоселки;           | 32 — Черепин.                   |
| 15 — Иванковцы;           |                                 |
| 16 — Яструбовичи;         |                                 |
- Составитель Д. Н. Козак

ко исследованному поселению в Боратине, а также на поселениях Загайи, Баев III [Козак Д. Н., 1985в. С. 73]. В Поднестровье волыно-подольские памятники по II—III вв. продолжали развиваться (наиболее характерные поселения Соколяники I и II, Жировка, Давидов, Березец, Пасеки-Зубрецькие, Подберезцы, Великая Слобода I; карта 14). В это время здесь исчезают липицкие элементы, распространяются провинциально-римская гончарная посуда, амфоры, краснолаковые сосуды, увеличивается количество металлических изделий, в частности орудий труда, украшений, наблюдается развитие в экономике. Постепенно волыно-подольские памятники Поднестровья сме-

няются черняховскими. На тех и других памятниках встречаются вещи III — начала IV в. (фибулы подвизного типа двучастной конструкции, фибулы с высоким приемником, двучастные фибулы со сплошным приемником, трехчастные костяные гребни с дуговидной спинкой, краснолаковые сосуды, амфоры), что позволяет говорить о частичной синхронности этих древностей. В материальной культуре волыно-подольских и черняховских памятников на верхнем Днестре и Буге Д. Н. Козак отмечает значительную близость. Одинаковы топографические условия размещения поселений, которые нередко расположены на одних и тех же местах (Соколяники I, Пасеки-Зубрецькие). Однотипны жилища-полуземлянки квадратной формы. Много общего в лепной посуде, которая на черняховских памятниках этого региона преобладает над гончарной. Идентичны хозяйственно-бытовые предметы (ножи, шилья, гребни, прислца), украшения (фибулы, пряжки, бусы). В Поднестровье известны памятники переходного типа, на которых сочетаются элементы двух культур (Черепин, Незвишко) и постепенно увеличивается количество гончарной посуды.

Существенный вклад пшеворской культуры в сложение черняховских древностей признается многими исследователями [Никитина Г. Ф., 1966. С. 11—16; Кропоткин В. В., 1967. С. 283, 284; Седов В. В., 1972. С. 116—131; Баран В. Д., 1981. С. 159, 160]. По мнению Д. Н. Козака, с изменением культуры в Поднестровье не произошло заметной смены населения. Основными носителями культуры черняховского типа были волыно-подольские племена, включавшие в себя пшеворский, липицкий и зарубинецкий компоненты. Вслед за В. Д. Бараном, Д. Н. Козак видит генетическую связь памятников черняховского типа в Верхнем Поднестровье с раннесредневековой славянской культурой и, таким образом, связывает носителей волыно-подольских памятников с одной из групп восточнославянских племен. Этот вывод не относится к пшеворской культуре в целом, которая в этническом отношении представляла собой чрезвычайно сложное явление, включавшее в себя и славянский компонент.

Что касается единичных в Поднестровье погребений с оружием, относящихся к концу II—III вв., то они были оставлены, как предполагает М. Ю. Смишко, небольшими группами позднешеверских военных отрядов, проходивших через Поднестровье. На развитии местной культуры эти передвижения не отразились.

## Глава четвертая

# Памятники латенской культуры на территории Закарпатья и к востоку от Карпат

Термин «латенская культура», «Латен» (от находки в 1854 г. у местечка Ла Тен на берегу Невшательского озера в Швейцарии) употребляется в европейской археологической литературе в двух значениях. В хронологическом — для обозначения особого периода железного века Европы (V—I вв. до н. э.) между гальштадом и римским временем, в этнокультурном — для обозначения культуры кельтских племен, занимавших в максимуме своего расселения огромные пространства от Атлантики и Британии до южных склонов Альп и западных склонов Карпат (карта 15).

Исходя из первого, расширенного понятия, система хронологии, разработанная П. Рейнеке [Reinecke P., 1902] для латенских памятников, широко применялась и для обозначения этапов развития других, некельтских культур Северной и Восточной Европы. В этом был свой смысл, поскольку к северу и востоку от кельтского мира располагается серия так называемых латенизированных культур — исторфская (стадий Риппдорф—Зеелдорф), пшеворская, оксфская, зарубинецкая, Пояншешти—Лукашевка, носители которых находились под сильным воздействием кельтов. Общие формы фибул, оружия, украшения позволяли легко синхронизировать этапы развития этих культур с этапами эволюции собственно кельтской латенской культуры.

Более углубленное изучение хронологии как собственно латенских, так и латенизированных памятников показало, однако, что ритмы их развития совпадают не полностью [Gołkowski K., 1977], поэтому теперь наблюдается тенденция постепенного отказа от употребления термина Латен в его расширенном понимании. По отношению к хронологии латенизированных культур все чаще используется введенный Р. Хахманном термин «позднее предримское время» с соответствующими его подразделениями на фазы [Hachmann R., 1961].

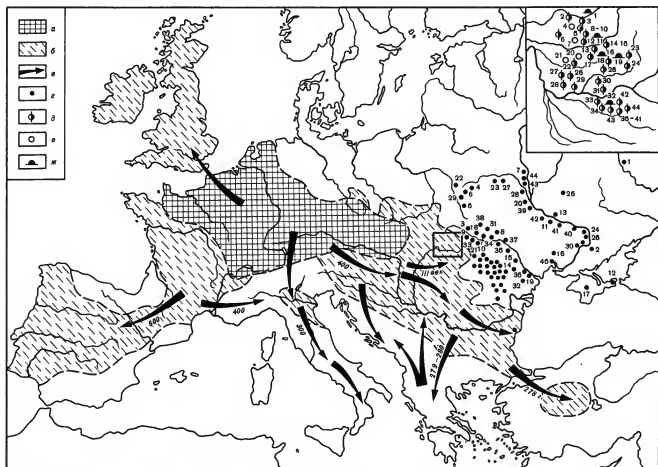
Латенских памятников в узком этнокультурном значении термина на территории СССР немного, и компактной группой они представлены лишь в Закарпатье. Тем не менее, введение посвященного им раздела в настоящий том необходимо по ряду причин. Во-первых, культурное воздействие кельтов на другие народы Европы в последние века до нашей эры было весьма существенно. Подобно скифской культуре Восточной Европы и эллинизму Средиземноморья, латенская культура синкретизировала мозаичную карту европейских культур раннего железного века. Во-вторых, от состояния разработанности хронологии Латена зависит и хронология латенизированных культур, а возможность той или иной доли участия носителей последних в процессе славянского этногенеза нельзя обойти вниманием. В-третьих, кельтское культурное наследие ощущается в Европе и в последующие века. Многие технические достижения кель-

тов оказались столь совершенны, что без особых изменений дожили до позднего средневековья включительно. Проблема своеобразного «кельтского ренессанса» уже ставилась и в советской археологической литературе [Шукин М. Б., 1972а; 1973]. Наконец, как показывают работы лингвистов, кельтский компонент ошугим в славянской лексике [Шахматов А. А., 1918; Lehr-Spławiński T., 1956. С. 1—10; Трубачев О. Н., 1968. С. 276; 1974. С. 54—60]. Очевидно, без рассмотрения латенских памятников настоящий том был бы неполон.

Памятники собственно латенской культуры на территории СССР сосредоточены в пределах Закарпатской обл. Украины, в верхнем течении р. Тиса, т. е. на территории, которая в ландшафтно-географическом отношении представляет собой часть центральноевропейских земель с характерной пересеченной горной местностью, с небольшими быстрыми реками Дунайского бассейна. Вместе с памятниками Словакии древности Закарпатья составляют наиболее удаленную северо-восточную группу среднеевропейского Латена, достигающую основного хребта Украинских Карпат. В предшествующий появлению латенских памятников период, в VI—III вв. до н. э., эта территория была занята курганами куштановичского типа, являющимися самостоятельной локальной группой среди культур скифского времени и возникшими на основе местных фракийских и подольских нескифских памятников [Смирнова Г. И., Бернякович К. В., 1965. С. 105, 106].

**ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ.** Начало изучения Латена в Закарпатье относится к середине прошлого века и связано с именем местного краеведа Т. Легоцкого. Первой фиксированной находкой латенской культуры в области было случайно открытое в 1844 г. погребение на северной окраине г. Мукачеве [Lehoczky T., 1892. О. 25]. В 60-е годы прошлого века Т. Легоцкий было открыто первое латенское поселение, расположенное между двумя горными остовами Галиш и Ловачка у с. Клячаново около г. Мукачеве, которое сейчас широко известно в литературе как поселение Галиш-Ловачка [Bídzila V. I., 1964. С. 92—114]. Т. Легоцкий не проводил специальных работ по вскрытию площади поселения, а ограничился систематическими наблюдениями за земляными работами и зачистками [Bídzila V. I., 1971. С. 30—35]. Несмотря на огромную площадь поселения (15 га), ему удалось зафиксировать остатки только 24 жилищ. Отчеты Т. Легоцкого публиковались в археологической венгерской периодике. Материалы поселений Галиш-Ловачка вошли также в двухтомную археологическую карту Закарпатья, изданную Т. Легоцким [Lehoczky T., 1892; 1942].

В 20—30-е годы XX в. исследования латенских памятников в Закарпатье осуществлялись чехословацкими археологами и местными краеведами. Особо



следует отметить работы чехословацкого исследователя Я. Ейснера, который, кроме уже известных материалов, собрал новые данные о памятниках Латена долины р. Тисы и впервые поставил вопрос об их этнической принадлежности [Ejssner J., 1922]. В эти же годы два поселения латенской культуры были открыты на территории г. Мукачево братьями Затлукал [Zatlukál J., Zatlukál E., 1937. О. 166—169]. В начале 40-х годов охранные работы на территории Ужгорода проводил П. П. Сова-Гмитров, результатом чего было открытие двух латенских поселений в пределах современного города [Szova-Gmitrov P., 1942]. Публикации, посвященные этим раскопкам, очень ограничены, и для современной науки ценность представляют только сами вещи, которые составляют действительно уникальную коллекцию как по количеству, так и по качеству материалов.

В послевоенное время было обнаружено и частично исследовано около 20 поселений латенской культуры. Среди этих памятников особо следует выделить открытие и исследование крупного производственного района, специализирующегося исключительно на железоруде в больших масштабах. Он занимал огромную территорию (более 50 кв. км) в долине левого притока Тисы р. Ботар и в настоящее время состоит из 15 отдельных пунктов. Остатки черной металлургии были открыты в 1962 г. близ с. Ново-Клиново, и исследования здесь проводились на протяжении нескольких лет [Бидзиль В. И., 1970а. С. 32—49; 1971. С. 21—30, 128—135; Гринчак И. М., Балагур Е. А., 1972. С. 101, 102].

В 1971 г. материалы латенской культуры Закарпатья были обобщены В. И. Бидзилем в монографии [Бидзиль В. И., 1971]. До сих пор это самая полная сводка, нуждающаяся, правда, в определенной корректировке датировок. Автор пользовался общепринятой тогда системой хронологии Я. Филипа [Filip J., 1956], затем значительно уточненной (см. раздел «Хронология»).

Исследование поселений латенской культуры в последние годы продолжает Н. К. Попович и другие закарпатские археологи.

К востоку от Карпат собственно латенские памятники единичны. По сути дела к таковым можно не без некоторых сомнений отнести лишь два — поселение Бовшев [Крушельницкая Л. И., 1964. С. 130—138; Крушельницкая Л. И., 1965. С. 119—122] и трупосожжение в кельской гончарной урне у с. Залесье в устье Припяти [Беляшевский Н., 1904. С. 13—17; Якимович М. К., 1904. С. 162—172].

Но на землях к востоку от Карпат выявлено довольно значительное число вещей латенских типов как из случайных находок, так и из памятников иных культур — поморской, гетской, скифской, зарубинецкой, Поянешти—Лукашевка. Первым обратил внимание на эти древности А. А. Спицын [Спицын А. А., 1904. С. 78—86]. Затем сводки их сделали Я. Розен-Пшевурска [Rozen-Przeworska J., 1946—1947. S. 179—322] и Ю. В. Кухаренко [Кухаренко Ю. В., 1959а. С. 31—51]. На основании всех этих находок Д. А. Мачинский в серии работ (1973б. С. 52—64; 1973а. С. 3—9; 1974. С. 31—41) выдвинул идею о воз-

Карта 15. Распространение латенской культуры в Европе (на врезе — территория Закарпатской обл.) и находки вещей кельтского типа на землях к востоку от Карпат

а — территории собственно кельтской культуры; б — территории распространения кельтской культуры; в — направления движения кельтского населения; г — отдельные находки; д — поселения; е — клады; ж — курганные могильники

- На врезе —
- 1 — Ококовцы; 22 — Великая Гараздовка;
  - 2 — Ужгород, кирпичный завод; 23 — Осей;
  - 3 — Ужгород, Замковая гора; 24 — Горбок;
  - 4 — Ужгород; 25 — Верхние Реметы;
  - 5 — Ужгород, Радванцы; 26 — Береговое;
  - 6 — Большие Ратовцы; 27 — Береговое, кирпичный завод;
  - 7 — Клячачово; 28 — Мачола;
  - 8 — Галиш-Ловачка, Клячачово I, II; 29 — Вары II;
  - 12 — Мукачево; 30 — Виноградово, кирпичный завод;
  - 13 — Новоселище; 31 — Виноградово, Черная Гора;
  - 14, 15 — Лалова I, II; 32, 33 — Бобово;
  - 16 — Куштавишца; 34 — Братово;
  - 17 — Пестрилово; 35 — 41 — Ново-Клиново;
  - 18 — Ромачевцы; 42 — Волчанское;
  - 19 — Колодное II; 43 — Дяково;
  - 20 — Гараздовка; 44 — Юляцки.

Составитель В. Б. Идзюля

Латенские находки к востоку от Карпат по З. Вольнику (1—29) с дополнениями В. Е. Еремко (30—45):

- 1 — Антипова, шлем типа Монтефортино в сарматском кургане;
- 2 — Большой Томак, шлем типа Монтефортино в сарматском погребении;
- 3 — Бовша, набор гонимой кельтской керамики на поселение;
- 4 — Черек, фрагмент южной миски латенской фибулы;
- 5 — Дубиня, духцовская фибула из могильника поморской культуры;
- 6 — Голово, духцовская фибула в подклещевом погребении;
- 7 — Горшочко, ножка духцовской фибулы с раздвоенным концом и два кллада «рубчатых» браслетов на городище милоградской культуры;
- 8 — Григоровка, фрагменты раннелатенских и среднелатенских фибул;
- 9 — Галиш, фрагмент среднелатенской фибулы;
- 10 — Иване-Пусте, фрагмент «рубчатого» браслета;
- 11 — Канев, «рубчатый» браслет;
- 12 — Керчь (Пантикапей), раннелатенские фибулы с «фальшивой» пружиной;
- 13 — Линиява, две духцовские фибулы;

- 14 — Лукашевка, бронзовая фигурка божка с гривной на шее;
- 15 — Малая Сахара, духцовская фибула на гетском городище;
- 16 — Марьявка, шлем типа Монтефортино в позднескифском погребении;
- 17 — Неаполь скифский, латенский меч в поднескифском погребении;
- 18 — Новоселка-Костюкова, фрагменты расписной керамики;
- 19 — Парканы, фрагмент фибулы с «фальшивой» пружиной в скифском погребении (?);
- 20 — Пирогов, среднелатенская фибула с «восьмерками» в зарубиничском погребении;
- 21 — Степановка, два стеклянных браслета;
- 22 — Троицкая, духцовская фибула в погребении поморской культуры;
- 23 — Велемич, фрагмент графитированной керамики, анев бронзовою цепи и среднелатенская фибула с шариками в погребении зарубиничской культуры;
- 24 — Верхний Хортица, фрагмент латенского меча;
- 25 — Верхняя Тарасовка, латенский меч в скифском погребении;
- 26 — Волковыш, две среднелатенские фибулы с «восьмерками» (?);
- 27 — Воронин, среднелатенская фибула с «восьмерками» в зарубиничском погребении;
- 28 — Залеско, духцовская фибула в кельтском погребении с гонимой урной;
- 29 — Змий, раннелатенская фибула;
- 30 — Надпорожье, две раннелатенские фибулы;
- 31 — Березанка, клад с обломками золотых гривен и витого пояса;
- 32 — Бобучин, клад с бронзовыми пластинами в гундеструпском стиле;
- 33 — Городница, бронзовая фибула и два стеклянных браслета;
- 34 — Горшочко, фрагменты графитированной керамики и браслетов на сарматском погребении;
- 35 — Долинца, фрагмент духцовской фибулы;
- 36 — Кафа, раннелатенская фибула;
- 37 — Руль, духцовская фибула на гетском городище со слоем культуры Понивити — Лукашевка;
- 38 — Чернелов-Русский, духцовская фибула в погребении поморской культуры;
- 39 — Биевцы, раннелатенская фибула;
- 40 — Макаров Остров, гривна с печатными концами;
- 41 — Мельниковка, гривна с печатными концами;
- 42 — Пекари, волнистая тонкопроволочная гривна и блишка-маска;
- 43 — Мохов I, форма для отливки «рубчатых» браслетов;
- 44 — Чаплив, форма для отливки «рубчатых» браслетов;
- 45 — Ольяв, форма для отливки «рубчатых» браслетов.

Составитель М. Б. Шукан

возможности присутствия некоторых группировок кельтов на землях к востоку от Карпат. Одной из таких группировок, по его мнению, могли быть кельты-галаты, угрожавшие совместно с германцами-скирами Ольвия на рубеже III—II вв. до н. э. Известия об этом сохранились в декрете в честь Протогена из Ольвии [Латышев В. В., 1887. С. 69—86; Кирилов Т. Н., 1966. С. 142—149; Кириловский П. I., 1968. С. 95—106]. Найдены латенские вещи в какой-то мере заполняли hiatus между скифской и зарубиничской культурами [Мачинский Д. А., 1973а. С. 3—9].

Если в сводки, составленные А. А. Спицыным, Я. Розен-Пшевской и Ю. В. Кухаренко, попали и некоторые вещи, не имевшие прямого отношения к латенской культуре, то более обстоятельно отбор был проведен таким крупным специалистом по средневропейскому латену, как З. Вольник [Wolnik Z., 1974. С. 139—165, 191—195]. В его каталоге приведено 63 пункта находок латенских вещей, которые он считал заимствованными непосредственно у кельтов, — 26 в румынской Молдове и 37 на территории СССР.

**ПОСЕЛЕНИЯ.** В настоящее время на территории Закарпатья известно более 40 поселений латенской культуры [карта 15, врезка]. Наиболее исследованы поселения Галиш-Ловачка, Большие Ратовцы, Верхние Реметы, Осей, Горбок, два поселения на окраине Ужгорода, Ново-Клиново, Дяково, Волчанское. Большая часть поселений расположена на водоразделах горных рек (Уж, Латорица, Боржава), а некоторые поселения занимали долину Тисы, где они располагались на небольшом расстоянии друг от друга. Излюбленным местом поселений служили обособленные высоты или останцы с крутыми склонами и горизонтальной площадкой на вершине, расположенные на берегу небольших ручейков. Площадь большинства поселений не превышала 1,5—2 га при толщине культурного слоя около 0,5 м.

Латенские поселения Закарпатья представлены селищами открытого типа, не имеющими искусственных оборонительных сооружений. Незвестны укрепленные городища и на территории восточной Словакии [Benadik B., 1965. С. 70—90]. Отсутствие городищ в числе позднелатенских памятников Закарпатья и восточной Словакии составляют одну из характер-

ных черт, отличающих данную группу памятников от средневропейских кельтских древностей, среди которых, особенно на поздних стадиях развития, были широко распространены городища-оплидумы.

Латенские поселения Закарпатья четко разделяются на два основных типа: рядовые поселения земледельцев-скотоводов и крупные производственные центры с высокоразвитым ремесленным производством. Первый тип поселений рядовых общинников представлял подавляющим большинством памятников области. Они характеризуются бедностью культурного слоя, небольшим количеством жилых сооружений и хозяйственных построек и скорее всего являлись местом обитания патриархальной семейной общины. Жилые сооружения на них представлены прямоугольными полуземлянками площадью 15—20 кв. м, опущенными в землю на глубину до 1 м. В центре жилищ располагался круглый очаг диаметром 1—1,95 м, как правило, обложенный камнем и обмазанный глиной. Возле очага часто встречались плоские каменные плиты (длина до 1,5 м), служащие, вероятно, своеобразными лежанками [Lehoczky T., 1892. О. 50]. Иногда в качестве лежанок здесь вдоль длинных стенок жилищ оставлены материковые останцы [Потушняк Ф. М., 1958. С. 127, 128]. Стены жилищ сооружались из плетня, обмазанного глиной. Только два жилища на поселениях Осий были наземными, форму их зафиксировать не удалось. Прослежены остатки сгоревших конструкций и очага в центральной части. Столбовые ямы дают основание полагать, что перекрытия жилищ поддерживались столбами, а стены были срубными. В отличие от полуземлянок, наземные жилища имели открытые очаги без каменных вымоеток.

Своеобразное сооружение было обнаружено при раскопках многослойного поселения у с. Бовшев в Верхнем Подиестровье. Оно состояло из двух частей — квадратной небольшой (2,4×2,4 м) землянки и расположенной рядом круглой ямы (диаметр 1,5 м) меньшей глубины, чем землянка. На дне ямы были остатки пода печи. Комья глиняной обмазки, пепел и угли находились как в заполнении котлована, так и вокруг него. Возможно, это остатки перекрытия, реконструировать которое однако трудно [Крушельницкая Л. И., 1965. С. 119. Рис. 28].

На некоторых поселениях удалось выявить определенную систему в расположении жилищ, которая была подчинена топографии местности. Так, на поселениях Большие Ратовцы, где открыто пять жилищ, они располагались по кругу на склоне небольшой возвышенности. Средняя часть поселения была свободной от застройки и использовалась, видимо, для загона скота. На площади между жилищами располагались хозяйственные ямы цилиндрической формы с плоским дном диаметром 1—1,5 м и глубиной около 1 м, в заполнении которых встречены кости животных и обломки керамики [Потушняк Ф. М., 1958. С. 134—140]. В другом случае, на поселениях в карьере Ужгородского кирпичного завода, полуземляночные жилища располагались в один вытянутый ряд вдоль склона небольшого обрыва [Szova-Gmitrov P., 1942. О. 327, 328]. Однако большинство поселений не имеет систематической плановой застройки, а приведенные примеры свидетельствуют не столько о плано-структурной системе, сколько о

целесообразном использовании условий местности.

Второй тип поселений представляют производственные центры, где жили, кроме рядовых общинников-земледельцев, и ремесленники-профессионалы, а также имелись особые производственные помещения. Наиболее крупным поселением такого рода в Закарпатье является упомянутый выше производственный центр Галиш-Ловачка. Его жители специализировались на добыче и особенно обработке железа и изделий цветной металлургии. На поселении открыто 24 полуземляночных жилища с каменными очагами и глинобитными стенами на деревянном каркасе. К сожалению, из-за отсутствия графической фиксации установить размеры, планировку и детали конструкции жилищ невозможно. В записях Т. Легоцкого сохранилось лишь перечисление вещей, найденных в 13 жилищах [Бідаля В. І., 1971. С. 34]. Жилища располагались без определенной системы на значительном расстоянии друг от друга, а между ними имелись хозяйственные ямы. На северо-восточной окраине поселения, в стороне от жилых сооружений, располагались металлургические мастерские, сыродутные горны, от которых сохранились обломки глинобитных стенок и множество железного шлака [Lehoczky T., 1892. О. 48]. Имеется возможность предвидеть функциональное назначение лишь некоторых построек. Мастерской кузнеца была постройка 3. В ней найдены кузнечная крица, наковальня, молоток, кузнечные клещи, большое каменное точило, т. е. полный набор основного кузнечного инструментария. Кроме того, там было большое количество готовой кузнечной продукции. Разнообразный тип изделий свидетельствует о широком диапазоне выпускаемой в кузнице продукции [Бідаля В. І., 1964. С. 93; 1971. С. 35]. Кроме черной металлургии и металлообработки, на поселениях Галиш-Ловачка широкое развитие получили обработка цветного металла и ювелирное дело.

Местные кузнецы изготавливали инструмент и оружие для других видов ремесла, прежде всего для деревообработки. Особое место в производстве местных кузнецов принадлежит производству орудий для земледелия. Широкое развитие получили и местные промыслы, связанные с обработкой продукции животноводства. Бытовой инвентарь поселения исключительно богат и вполне соответствует поселению как крупному ремесленному центру. Керамика представлена сосудами гончарного изготовления исключительно позднелатенских форм и местной лепной посуды. В целом материалы поселения Галиш-Ловачка характеризуют его как один из крупнейших ремесленных и экономических центров латенской культуры Средней Европы последней четверти I тысячелетия до н. э.

Кроме того поселения, исследовано несколько производственных пунктов, которые специализировались исключительно на железорудной [Бідаля В. І., 1970а. С. 32—49; Балагурі Е. А., Бідаля В. І., Пеняк С. І., 1978. С. 53—60]. Эти пункты не являлись поселениями в прямом смысле. Их можно характеризовать как места производственной деятельности, где сосредоточено большое количество сыродутных металлургических горнов, но нет жилых и хозяйственных сооружений. Все эти пункты находятся на небольшом расстоянии друг от друга, в пределах

1—2 км, в заболоченной местности небольшой речки Ботар, левого притока Тисы. Культурный слой состоит исключительно из отходов металлургического производства — железного шлака, мелкотолченой железной руды, остатков самых сырцовых горнов и незначительного количества керамики. В настоящее время исследовано в районе Ново-Клинова — 133, в Лякове — 95, в с. Волчанское — 24, Юлианца — 17, Чепе — 14 металлургических горнов, всего 284 сырцовых горна. Наиболее полно исследован пункт у с. Ново-Клиново, где горны располагались на трех отдельных площадках соответственно по 59, 42 и 32 горна на каждой. На площадках горны вплотную примыкали друг к другу, образуя шесть—восемь рядов, разделенных на две симметричные части свободным пространством шириной около 0,5—0,8 м.

Горнами служили небольшие круглые ямы диаметром 40—50 см, углубленные в материк на 30—50 см. Стенки им обмазаны глиной, а сам горн заполнен застывшим шлаком, вес которого достигает в среднем 100 кг. Наземные стенки горнов сохранились в обломках. Рядом с горнами обнаружены прямоугольные ямы, в которых хранились запасы древесного угля. Моделирование сырцового процесса показало, что для получения 100 кг шлака необходимо было переплавить более 30 тыс. кг железной руды и сжечь несколько больше древесного угля. Из этого сырья было получено 2500—3000 кг кузнечного железа, т. е. экономическая эффективность горнов была весьма высокой, масштабы производства рассчитаны на рынок (табл. XXIV, 1) [Балагури Е. А., Бідзія В. І., Пеняк С. І., 1978. С. 59]. Ново-Клиновский металлургический центр расположен в 30 км от поселения Галиш-Ловачка, в какой-то мере синхронен ему (и тут и там найдены фрагменты кельтской графитированной керамики), и не исключено, что кузнецы Галиш-Ловачки были основными потребителями металла, производимого на речке Ботар.

Выше говорилось о большом влиянии кельтов на соседние варварские племена и о длительном переживании некоторых кельтских традиций в их среде уже после того как кельтская цивилизация континентальной Европы погибла в середине I в. до н. э., оказавшись в тисках между мощью римской военной машины и яростью рвущихся в благодатные южные края северных варваров. Ярким примером сохранения кельтских традиций и навыков в области металлургии в иной культурной среде служат центры по производству железа, исследуемые на территории Польши [Bieleń K., 1974] и на Украине в районе Умани [Бідзія В. І., Вознесенская Г. А., Недопако Д. П., Паньков С. В., 1983. С. 41—48]. Они полностью повторяют Ново-Клиновский, но относятся уже к римскому времени.

В других частях кельтского мира аналогичные центры железодельного производства археологами не выявлены. Это обстоятельство и наличие подобных «рабочих площадок» римского времени, дата которых проверена радиоуглеродным методом [Bieleń K., 1986. С. 121—146], заставляет выразить сомнения, действительно ли находки немногочисленных обломков лепной куштановицкой и гончарной латенской керамики в Ново-Клинове [Бідзія В. І., 1971. С. 29] соответствуют времени действия горнов. Вопрос этот остается открытым впредь до новых

находок или проверки даты каким-либо иным методом.

**МОГИЛЬНИКИ.** Погребальные памятники латенского времени в Закарпатье до настоящего времени остаются слабо изученными, но все же имеющиеся данные позволяют составить некоторое общее представление. Здесь был распространен обряд трупосожжения под курганными насыпями, и известно лишь несколько погребений с труположениями. Кремация покойника осуществлялась, как правило, за пределами могильника, хотя известен случай сожжения трупа непосредственно под насыпью кургана. Захоронения были урновыми и безурновыми. Чаще всего в качестве урн, стоявших под насыпью кургана на горизонте, использовались местные лепные горшки, и только в отдельных случаях для этой цели применяли латенские гончарные сосуды. Среди погребального инвентаря выступают миски, черпаки и горшки лепной и гончарной выделки. Преобладает лепная керамика, характерная для местной куштановицкой культуры предшествующего времени, VI—начала III в. до н. э. Покойника сжигали в полном убранстве, свидетельством чего являются побывавшие в огне вещи, такие как фибулы, поясные цепи и т. п.

Основной могильник поселения Галиш-Ловачка находился, по известиям Т. Легоцкого, западнее поселения и состоял из нескольких курганных насыпей (количество неизвестно). В 1896 г. Т. Легоцкий раскопал часть курганов с трупосожжением [Lehoczku T., 1908. О. 250], но материалы эти не сохранились, и хронология могильника осталась неопределенной. Более достоверные сведения имеются о погребении в с. Куштановица Мукачевского р-на, где в 1931 г. Я. Бём и Я. Яковичем в кургане I обнаружено трупосожжение в гончарном латенском сосуде. Насыпь кургана высотой 0,55 м и диаметром 8 м занимала центральную часть могильника. В урне с остатками сожжения найдены три бронзовые латенские фибулы и куски бронзовой цепочки от них, поясной крючок [Böhm J., Jankovich J., 1936. S. 53, 54]. Данное погребение находилось в кургане куштановицкой культуры рядом с другими погребениями той же культуры. Если латенский возраст кургана XI в. Куштановице не вызывает сомнений, то хронология и культурная принадлежность курганов IX и XI могильника Колонное Иршавского р-на, а также кургана в Михаловце, где наряду с куштановицкой найдена и серая гончарная керамика, оказались спорными. В. И. Бидзія считал эту керамику латенской, а Г. И. Смирнова указала, что обнаруженная здесь керамика не кельтская, а фракийская (она отличается более слабым обжигом, характером поверхности) и относится к более раннему времени [Смирнова Г. И., Бернякович К. В., 1965. С. 107; Бідзія В. І., 1971. С. 115, 118; Смирнова Г. И., 1979. С. 53].

Безурновое погребение с трупосожжением обнаружено у с. Бобовое Виноградовского р-на. Под курганом на уровне древнего горизонта находилась небольшая ямка, куда были сложены смешанные с полом кальцинированные косточки и фрагменты лепной и гончарной керамики, в том числе обломки кельтского позднелатенского расписного сосуда [Бідзія В. І., 1971. С. 44]. Кроме того, имеются не вполне четкие сведения о погребениях в селах Мачола Бере-

говского р-на, Оноковцы Ужгородского р-на, но и в этих случаях похоронный ритуал соответствует описанному [Бідаля В. І., 1971. С. 45].

Труположения зафиксированы только в трех погребениях, обнаруженных на окраине поселения Галиш-Ловачка, но они плохо документированы. Одно погребение, открытое еще в 1844 г. на южном склоне горы Галиш, по известиям Т. Легоцкого, находилось в каменном ящике в сопровождении серебряных подражений тетрадрахм на Филиппа II Македонского и Александра Македонского. Т. Легоцкий упоминает еще два труположения из того же места, возле одного из которых было 30 серебряных монет той же чеканки. Третье погребение было в грунтовой могиле, костяк лежал в вытянутом положении, а возле него найдены мелкие сильно окисленные железные вещи [Lehoszky T., 1892. О. 84].

**КЛАДЫ.** На территории Закарпатья известно несколько кладов латенской культуры, обнаруженных при случайных обстоятельствах в разное время. В с. Малая Бегань найден клад ювелирных изделий и культовых предметов: гладкий круглый ручник браслет из голубого стекла, медный ножной браслет из трех полушарий (сохранилось одно полушарие) и две бронзовые статуэтки. Одна статуэтка, использовавшаяся как амулет, изображает дикого кабана в позе нападения, а вторая представляет собой изображение обнаженного мужчины в полный рост с поднятой над головой правой рукой и согнутой на уровне груди левой (табл. XXVI, 12). На спине статуэтки имеется отверстие для крепления. Статуэтка представляла собой какое-то божество или домашнего идола [Сова-Гмитров П., 1958. С. 136, 137].

Из с. Клячаново происходит клад орудий труда, случайно обнаруженный в 1954 г. В его состав входили четыре железных топора-кельта, железный вытянутой формы наральник, стамеска с трубчатой втулкой, железный пробойник и кухонный ножик [Сова-Гмитров П., 1958. С. 136]. Характер Клячановского клада, состоящего из производственного инвентаря, указывает на непосредственную его связь с поселением Галиш-Ловачка, от которого он найден на расстоянии всего около 1 км.

Более 100 серебряных кельтских монет обнаружено в кладе из с. Гарзавода. Кроме того, известно несколько десятков монет латенского времени, случайно найденных в разных пунктах Закарпатской обл.

**ВЕЩЕВЫЕ НАХОДКИ.** Орудий земледелия, связанных с обработкой почвы, сбором и переработкой сельскохозяйственных продуктов, насчитывается более 80 категорий. Найдено 33 наральника. Они изготовлены из толстого листового железа путем загиба широких лопастей в овальную втулку. Морфологические особенности позволяют разделить наральники на две группы — узколезвийные и широколезвийные. Узколезвийные наральники представлены 10 орудиями, у которых ширина лезвия и втулки одинакова. Длина наральников колеблется от 15 до 25 см при ширине около 5 см. В профиле наральники почти прямые с еле заметным изгибом. Широколезвийные наральники (23) отличаются большей массивностью, ширина лезвия рабочей части превосходит ширину

втулки. Длина наральников от 25 до 35 см, ширина лезвия 8—9 см. Втулка шириной около 5—7 см четко выделена и вытянута (табл. XXIV, 15, 16).

Сохранилось 22 серпа. Они plainly изогнуты, на ручке имеется боковой шип для крепления рукояткой (табл. XXIV, 4). Косы (18) относятся к широко распространенному типу кос-горбуш. Суженная пятка кос имеет боковой шип для крепления. Косы довольно массивные, длина их по прямой составляет около 55 см при ширине полотна 5—6 см. В некоторых случаях на косах сохранились полукруглые кольца для крепления к ручке (табл. XXIV, 2, 3). Четыре косы имеют форму, отличную от остальных, близкую к современной. Полотно этих кос почти прямое с резко отогнутым концом и пяткой.

Жернова встречены почти на всех поселениях, как в жилищах, так и в культурном слое. Жернова довольно крупные (около 40 см в поперечнике), имеют круглую или прямоугольную форму и коническое отверстие в верхнем камне. К орудиям, связанным с животноводством, относятся пружинные ножницы для стрижки овец (восемь; табл. XXIV, 10) и оковка пастушеского посоха.

С кузнечным ремеслом связаны две крицы весом 3,2 и 2,8 кг, найденные в жилище 3 поселения Галиш-Ловачка. Кузнечный инструмент представлен всем основным набором инструментария кузнца, свидетельствующим о высоком техническом оснащении металлообработки. Большие наковальни, которых найдено три, отличаются массивностью и довольно широкой рабочей площадкой (табл. XXIV, 13, 14). Самая большая изготовлена из цельного куска железа в форме четырехугольной усеченной пирамиды весом 4,75 кг. Малые наковальни с рабочей площадкой 3×2,5 см использовались для слесарно-ювелирных работ. Молотки представлены семью находками (табл. XXIV, 11). Два из них относятся к большим молотам-куваздам, остальные пять — молоты ручники, по форме близкие к современным молоткам каменщиков. Кроме универсальных орудий кузнца, на Галиш-Ловачке найден специальный инструментарий для обработки металла. К ним относятся большие шарнирные щипцы длиной 48 см (табл. XXIV, 17). Известны также два пробойника с заостренным рабочим концом и круглой ударной площадкой, три клинообразных зубила и один напильник в виде прямоугольного в сечении стержня длиной 24 см с косыми насечками у рукоятки.

Ювелирное ремесло представлено двумя графитовыми тиглями конусообразной формы с толстыми (2,5 см) стенками. На поселении найдено также шесть литейных форм из графита, служивших для отливки бронзовых поясных цепочек, височных колец и для монетных заготовок.

С деревообработкой связано большое количество инструментов, среди которых наиболее многочисленны топоры, долота и стамески. Единичными экземплярами представлены тесла, сверла, клинья. Из поселения Галиш-Ловачка происходит 56 топоров-кельтов с квадратной втулкой, которые по форме лезвия делятся на два типа — узколезвийные топоры-колуны и широколезвийные плотницкие топоры (табл. XXIV, 19). Из 25 долот три отличаются массивностью и достигают длины 25—28 см. Близки к долотам 13 стамесок. Их отличие от долот заключается в более



тонкой, вытянутой втулке и относительно широком лезвии. К деревообрабатывающему инструменту относятся 10 втульчатых тесел (табл. XXIV, 12).

На всех поселениях находят мелкие орудия труда, связанные с домашними ремеслами и промыслами, среди которых глиняные и каменные грузила конической и полусферической формы, пряслица от веретен, железные шилья, ножи-скребки с полукруглым лезвием для обработки кожи и т. д.

Вооружение и конское снаряжение среди находок составляет относительно малочисленную группу. В Галиш-Ловачке встречены мечи, наконечники копий, стрел и дротиков. Мечи латенских типов характерны для кельтских памятников Европы. Два из них (табл. XXV, 1) относятся к широко распространенному типу длинных (72,5 и 95 см) двулезвийных мечей ромбического сечения с тонким вытянутым черешком. Третий меч принадлежит к сравнительно редкому типу с изогнутой антропоморфной ручкой и широким коротким клинком (табл. XXV, 2). Известны два наконечника дротиков. Среди 28 наконечников копий выделяются три типа: наконечники с узким прямым пером, ребром жесткости по центру и короткой втулкой; наконечники с длинным листовидным пером и короткой втулкой; наконечники с узким лавровидным пером и длинной втулкой. В целом наконечники копий отличаются массивностью и достигают в длину от 20 до 30 см (табл. XXV, 3—5, 10, 11, 17, 18). Найдены также восемь втульчатых наконечников стрел (табл. XXV, 6—9).

Конское снаряжение характеризуется шестью железными кольчатыми удилами и парой железных палиев, найденных в культурном слое поселения Галиш-Ловачка (табл. XXV, 12—15).

Бытовая утварь представлена большим количеством железного инвентаря, характерного в целом для большинства памятников Закарпатья, но наиболее полно известного по находкам из ремесленного центра Галиш-Ловачка, где эта утварь производилась в массовом количестве. Наиболее яркими предметами бытового назначения являются большие ножи-секачи (12) из поселения Галиш-Ловачка. Целые экземпляры достигают длины до 35 см при ширине лезвия 5—6 см (табл. XXIV, 5, 6). Конец черенка у них оформлен в виде небольшого шарика, кольца или плоского кружка. Подобные ножи широко распространены в латенских древностях Европы и отличаются стабильностью формы. Часто встречаются обычные железные ножи с горбатой спинкой и тонким черешком, имеющим иногда пару железных заклепок (табл. XXIV, 7, 9). Среди бытового инвентаря следует упомянуть железные цепи для подвешивания котлов над очагом. В жилище б поселения Галиш-Ловачка найдены две такие цепочки. Один из экземпляров сохранился полностью. Цепь крепилась к потолку при помощи железного крюка. А противоположный конец имел разветвление с крючками на конце, на которые подвешивался котел (табл. XXIV, 20). Инвентарь поселения содержит фрагменты и других железных цепей бытового назначения, а также дву- и трехзубые небольшие железные вилы (табл. XXIV, 18), листовидную железную бритву, пружину трубчатого замка, кресала, множество обойм, костылей, точильных камней, оковок деревян-

ной тары, свидетельствующих о широком применении в быту железных изделий.

Украшения являются наиболее ценными находками, определяющими культурно-хронологическую принадлежность памятников. Генетически они связаны с кельтскими древностями и иногда всецело им соответствуют. Среди них браслеты разных форм из бронзы, железа, стекла и сапропелита, бронзовые и железные пояса-цепи и поясные крючки (характерная деталь кельтского костюма), фибулы. Во избежание повторов все эти категории находок будут подробнее рассмотрены в разделе о хронологии (табл. XXVI).

Бусы — сравнительно мало распространенный тип украшений. На Галиш-Ловачке найдено 12 плоских круглых бусин из синей, черной, коричневой и зеленой пасты, украшенных пересекающимися линиями, зигзагами, глазками. 16 круглых бусин из черной пасты найдены в кургане у с. Бововое.

В фондах Ужгородского музея хранится несколько сот монет из латенских памятников Закарпатья. Часть монет происходит из кладов, а часть представляет собой отдельные случайные находки. В кладе, обнаруженном у с. Великая Гараздовка, найдено более 100 монет, но сохранилось только около 50. Более 30 монет происходит из погребений на горе Ловачка, обнаруженных еще в 1844 г. и не имеющих какой-либо документации. Все монеты чеканы из серебра и являются имитацией македонских тетрадрахм IV—III вв. до н. э., либо монет пеонийского короля Аудолеона. Массивные монеты достигают в диаметре 22—34 мм при весе 12—15 г. Аверс монет выпуклый с изображением мужской бородатой головы в лавровом венке. На некоторых монетах аверс имеет профильное изображение головы Александра Македонского. Реверс всегда вогнутый, имеет изображение всадника с веткой в руках. На некоторых монетах Великогараздовского клада читается легенда «ФИЛИППОУ». Многие монеты имеют дополнительную надчеканку и, кроме того, радиальные надрезы.

Кельтские монеты имеют сравнительно небольшое значение для определения хронологии. В IV—III вв. до н. э. в кельтской среде было широко распространено наемничество. Практически почти все эллинистические династии Средиземноморья содержали на службе отряды кельтских воинов. Они служили даже в Египте фараонам династии Птолемеев. В качестве платы наемники более всего предпочитали деньги Филиппа и Александра. Именно эти монеты начали имитировать в Кельтике и делали это на протяжении нескольких веков, в результате чего кельтские имитации все более утрачивали сходство с оригиналами, изображения на них иногда превращались в набор орнаментальных мотивов. Лишь степень стилистического сходства с оригиналами является определенным хронологическим индикатором. Имитации греческих монет чеканились, вероятно, и в Закарпатье, о чем свидетельствуют находки в Галиш-Ловачке формочек для отливки серебряных кружков, заготовок для монетного чекана.

Что касается находок собственно кельтских вещей к востоку от Карпат, то, как говорилось, наиболее полную и достоверную сводку их составил З. Вольняк [Woźniak Z., 1974. S. 193—195]. Это целая серия

духовских фибул (Залесье, Малая Сахарна, Головно, Липляна, Дубляны), раннелатенская фибула с «фальшивой» пружинкой на ножке (Парканы), среднелатенские с «восмерками» на спинке (Вороино, Пирогов), среднелатенские мечи (Верхняя Тарасовка, Золотая Балка) и кельто-италийские шлемы (Марьевка, Большой Токмак), бронзовый «рубчатый» браслет (Иване-Пусте) и стеклянные браслеты (Степановка) и др. О контактах античных североприморских городов с кельтским миром свидетельствуют находки терракотовых фигурок воинов, вооруженных характерными кельтскими щитами [Пругло В. И., 1966. С. 205—213], фибулы с «фальшивой» пружинкой из Пантикапея [Амброз А. К., 1966. Табл. I, 8, 9] и некоторые другие. Явные черты кельтского искусства несет и бронзовая бляшка-маска из Пекарей [Мачинский Д. А., 1973а. Рис. I, 6].

Список латенских вещей можно пополнить. Появились новые находки духовских фибул: при раскопках могильника Долиныя в Среднем Поднестровье вне погребений, в слое поселения скифского времени, была обнаружена застёжка с «гусеничной» спинкой [Смирнова Г. И., 1981. Рис. 4, 2. С. 205], а на гетском городище Рудь — фибула с массивной гладкой спинкой [Ялущиян В. Л., Никулиц И. Т., Романовская М. А., 1974. Рис. 34, 1]. Прекрасный экземпляр раннелатенской фибулы с пластическим орнаментом (табл. XXVII, 1) был случайно найден около городища Калфа под Бендерами [Чеботаренко Г. Ф., Шербакова Т. А., Шуким М. Б., 1987]. Фотография еще одной духовской фибулы с расширенной выпуклой спинкой и с раздвоенным концом ножки (табл. XXVII, 6) обнаружена в архиве В. П. Петрова (Научный архив ИА АН УССР. Ф. 16, № 60, фото № 39—40), а две «пауковидные» фибулы (табл. XXVII, 10, 11) — в архиве В. Н. Даниленко. Первая происходит из с. Биевцы Богуславского р-на Киевской обл., а две другие — откуда-то из Надпорожья. Из Надпорожья происходит и кельтская бронзовая гривна с печатевидными окончаниями (табл. XXVII, 9), найденная при раскопках славянского поселения на Макаровом Острове [Приходнюк О. М., 1980. Рис. 45, 2]. Вторая гривна того же типа из Мельниковки в быв. Чигиринском уезде, опубликованная еще в 1910 г. [Бобринский А., 1910. Рис. 38], почему-то прошла мимо внимания исследователей<sup>1</sup>. К числу латенских находок, вероятно, следует отнести и золотую гривну (скорее обломки двух гривен) из клада в Бережане [Винокур I. С., 1969. С. 14—21]. Аналогичные известны среди кельтских древностей III—II вв. до н. э. с территории Венгрии [Szabó M., 1971. Pl. 19—21. P. 53] и Швейцарии [Früger-Gunti A., 1982. P. 1—47]. Остальной комплекс клада не противоречит такому определению. Добавим, что обломок еще одной, третьей, гривны этого клада, свитой из золотой проволоки и имевшей ушко [Винокур I. С., 1969. Рис. 3, 5], может оказаться и звеном пояса цени [Еременко В. Е., 1986. С. 18; Todorović J., 1974. Tab. XXXI]. Не исключено, что к латенскому времени может относиться и «волнистая» тонкопроволочная гривна

(табл. XXVII, 13) из Пекарей [Ханенко Б. И. и В. Н., 1901. Табл. X, 269]. Такие гривны достаточно широко представлены на кельтских памятниках горизонта Духов — Мюзинген [Kruta V., 1979. Fig. 3; Filip J., 1956. Tab. XXIV, 6—11]. На рубеже позднеримского времени, во II—III вв., в связи с явлением «кельтского ренессанса» они вновь входят в употребление [Шуким М. Б., 1973. Рис. 8]. Гривна из Лукинского клада, очевидно, относится именно к этому времени. Наконец, обломки браслетов из сапропелита (табл. XXVII, 5) и фрагменты графитированной керамики найдены на поселении Горошова в Среднем Поднестровье [Пачкова С. П., 1983. С. 45].

Керамика присутствует на всех памятниках и представлена гончарной и лепной посудой. Гончарная керамика по технологическим особенностям делится на простую сероглинную, лощеную, графитированную и расписную. Тесто во всех случаях мелкоструктурное с примесью песка, стенки тонкие. По форме гончарная керамика представлена горшками, мисками, кувшинами, кубками и крупными зерновиками (табл. XXVIII, 1—6, 20, 24). Распространен очень характерный для кельтской посуды орнамент из нескольких горизонтальных валиков, опоясывающих сосуд. С кельтским этносом связано происхождение и распространение гончарной расписной керамики, которая пока известна только из курганных погребений у с. Бобовое. Большие гончарные сосуды для хранения запасов (зерновики) высотой 60—70 см с выпуклобким туловом и широким (до 10 см) горизонтальным венчиком, украшенным волнистым гребенчатым орнаментом, встречаются почти на всех поселениях. Форма зерновиков фракийская, гетская, они широко распространены на памятниках Румынии, а также в латенских древностях восточной Словакии.

Среди общего количества керамики на долю гончарных изделий приходится не более 40%. Основную массу изделий представляет традиционная местная лепная керамика, генетически восходящая к комплексам куштановицкой культуры раннего железного века. Среди лепной керамики наиболее распространены горшки с примесью дресвы, шамота и крупнозернистого песка, которые представлены баночными, биконическими и выпуклобкими формами (табл. XXVIII, 16—23). В орнаментальных мотивах преобладают налпной расчлененный валик, шпички, расположенные симметрично с четырех сторон тулова, налпные «полумесяцы», пальцевые зацепы и т. п. (табл. XXVIII, 16—18, 23). Широко распространены также миски, отличающиеся более тщательным изготовлением, чем горшки. В качестве отощающих примесей использовалась мелкозернистый песок. Поверхность мисок сглаженная, ровная, иногда имеет слабое черное лощение. Чаще встречаются большие миски с загнутыми внутрь венчиками, а также строго конические миски с прямыми стенками. Имеются также миски с высоким вертикальным венчиком (табл. XXVIII, 7—9). Среди материалов поселения есть большое количество лепных черпачков, изготовленных из грубого теста с примесью шамота и дресвы. Наиболее часто использовались выпуклобкие черпаки-кружки с небольшим ушком, черпаки призмической формы, украшенные рядом шпичечек (табл. XXVIII, 11—15). Известен также тип гетских

<sup>1</sup> Авторы благодарят Е. Л. Гороховского, обратившего их внимание на находки из Надпорожья, Мельниковки и Биевцы.

черпаков с массивной ручкой, их венчики иногда украшены косыми насечками. Среди лентной керамики много миниатюрной посуды различной формы.

К востоку от Карпат кельтская керамика представлена лишь серией серых гончарных сосудов на поселении Бовшев [Крушельницкая Л. И., 1965. Рис. 29], гончарной серолиняной урной из погребения Залесье [Беляшевский Н., 1904. С. 17] и находками обломков графитированной керамики на поселениях Бовшев, Горопова [Пачкова С. П., 1983. С. 45], в погребении 115 зарубинецкого могильника Велемичи [Кухаренко Ю. В., 1964. С. 29].

**ХРОНОЛОГИЯ.** Основы европейской хронологической системы эпохи Латена были заложены работами О. Ташлера [Tischler O., 1885] и П. Рейнеке [Reincke P., 1902]. Предполагались и другие системы членения латенской культуры, базирующиеся по преимуществу на материалах Франции и Швейцарии [Déchelette J., 1908—1914; Viollier D., 1916], но наибольшее распространение получила терминология П. Рейнеке с подразделением на ранний (ступень А и В), средний (ступень С) и поздний (ступень D) Латен. Ступень А датировалась V в. до н. з., ступень В — IV в. до н. з., ступень С — III—II вв. до н. з. и ступень D — I в. до н. з. Затем ступени эти были подразделены еще на B<sub>1</sub> и B<sub>2</sub>, C<sub>1</sub> и C<sub>2</sub> и на D<sub>1</sub>, D<sub>2</sub> и D<sub>3</sub>.

Что касается культур Северной Европы, то для разработки их хронологии до сих пор не утратила значения книга Й. Костшевского о древностях латенского времени на территории Польши [Kostzewski J., 1919]. Предложенная им типология фибул остается неизменной, и терминология повсеместно принята в европейской археологии.

Существенное влияние на дальнейшие хронологические разработки латенской культуры оказал и более поздний труд искусствоведа П. Якобсталя [Jakobstahl P., 1944], где прослеживались изменения стилей кельтского прикладного искусства — раннего, фантастического, вальдальгеймского, пластического (с переходным стилем «чеширского кота» между ними) и гундеструпского.

Принципиально новую систему хронологии латенской культуры предложил Ян Филипп [Filip J., 1956]. В истории кельтов он выделял ряд периодов — «доисторической экспансии», «исторической экспансии», «среднеевропейской консолидации», «расцвета оппидумов» и период упадка, а на археологическом материале ряд горизонтов совместных находок с вещами того или иного типа — «горизонт духовных фибул», «горизонт фибул с шаром», «расчлененных и скрепленных фибул» и «выбитых поясов» и т. д. Все даты Я. Филиппа оказались выше рейнековских. Духовские фибулы переместились из IV в III в. до н. з., среднелатенские скрепленные фибулы — из III в II в. до н. з. и т. д. Исследователь не составлял корреляционных таблиц и поэтому не мог учесть частоту совместных находок. Внимание его невольно заострилось на случаях «переживания» вещей, на сочетаниях их с типами следующих ступеней, что и привело при использовании принципа датировки «по самой поздней вещи» к сдвигу всей системы вверх.

Р. Хахмани обработал корреляционным методом огромный материал всех крупнейших могильников

латенизированных культур Северной и Восточной Европы [Nachmann R., 1961]. От термина «Латен» по отношению к ним он отказался и подразделил весь период «позднего предримского времени» на три фазы — раннюю, среднюю и позднюю. Для некоторых территорий и могильников выявлялась возможность и более дробного деления. Работал Р. Хахмани исключительно в ключе относительной хронологии, в его объеме труд почти нет абсолютных дат. И только в самом конце он попытался установить начальную дату всего периода, убедился, что для этого нет твердых оснований, и предложил — «около 120 г. до н. з.» [Nachmann R., 1961. S. 244—258].

Обстоятельность и солидность трудов Я. Филиппа и Р. Хахмани произвела большое впечатление. Об отговорах и призывах авторов к осторожности исследователи вскоре забыли, датировками стали широко пользоваться, в том числе и советские исследователи [Кухаренко Ю. В., 1964; Мачинский Д. А., 1963; 1966а; 1966б; Амброз А. К., 1966; Бидзюла В. И., 1971; Никулицы И. Т., 1977 и др.]. Вскоре, однако, стали ощущаться противоречия хронологии Я. Филиппа и Р. Хахмани фактическому материалу и конкретным разработкам локальных хронологических колонок в самых разных частях Европы. Выявились противоречия и в хронологии латенизированных культур Восточной Европы — зарубинецкой и Поянешти—Лукашевка. Хронология могильников, определяемая по фибулам, стала расходиться с датировками поселений, ранняя дата которых определялась по находкам ручек эллинистических амфор со штемпелями. Античная хронология расходилась с латенской.

Наталикивали на необходимость пересмотра всей системы и работы специалистов по раннеримскому времени в Европе [Motyková-Sneidrová K., 1963; 1965; Rieckhoff S., 1975]. При принятии датировок Филиппа—Хахмани не оставалось места для целого горизонта совместных находок с прогнутыми позднелатенскими фибулами вариантов М—N—O по Костшевскому. Их нет еще в материалах ступени D<sub>1</sub>, с оппидума Манхинг в Баварии, погибшего, как считалось, в 15 г. до н. з. при оккупации римлянами. А на рубеже зр или даже с 9 г. до н. з., когда началось строительство римских воинских лагерей на Рейне и Дунае, наступало уже раннеримское время. На три типологических поколения широко распространенных фибул оставался лишь интервал в шесть-семь лет. Кроме того, выяснилось, что амфоры в Манхинге не августовского и даже не цезаревского, а еще доцезаревского времени. Первым эти противоречия подметил сам Р. Хахмани [Nachmann R., 1961. S. 252, 253], а затем серия специальных работ подтвердила реальность снижения даты Манхинга [Christlein R., 1964; Glusing P., 1964—1965; Rieckhoff S., 1975].

В Манхинге много научных фибул, служивших индикатором ступени D и датиремых обычно второй половиной I в. до н. з. Но Е. Грау пересмотрел заново материалы кельтских могильников в районе Орнавассо, где в могиле большое число римских монет, и убедился, что фибулы эти представлены лишь на этапе с позднейшими монетами 76—74 гг. до н. з. На следующем этапе с последней монетой 36 г. до н. з. их уже нет [Graue J., 1974]. В результате ги-

белъ Манхинга и ряда других оппидумов в верховьях Рейна-Дуная стали связывать не с римской оккупацией, а с событиями 60—58 гг. до н.э., тогда тесные даками Буребисты кельтские племена бойев, теврисков и гельветов были вынуждены двинуться на запад, в Галлию. Одновременно на запад и на юг двигались и германцы-саввы во главе с Ариовистом, проникшие за Рейн и за Дунай. Эти события и послужили Цезарю поводом для завоевания Галлии.

В 1977 г. итоги начавшейся переработки хронологии, во многом возвращавшейся к позиции П. Рейнке, хотя и значительно более детализированной и уточненной, подвел К. Годловский [Godłowski K., 1977]. Он продемонстрировал также, что позднее предримское время латенизированных культур Северной и Восточной Европы синхронизируется не только в Латенум D, как это было у Р. Хахманна, но начальные фазы его синхронизируются с Латенум C<sub>2</sub> и даже C<sub>1</sub>. Начало процесса латенизации, таким образом, относится еще к рубежу III—II вв. до н.э., а не к рубежу II—I вв. до н.э. Такая пердатировка позволяет снять ряд противоречий, в том числе и расхождение дат, определяемых по фибулам и по амфорам в зарубинецкой культуре.

Позиция К. Годловского, особенно в отношении ступеней B<sub>1</sub>, B<sub>2</sub> и C<sub>1</sub> подтвердилась и разработками материалов северной Италии. В результате сопоставления находок из юго-западной Чехии, Швейцарии, Италии и Шампани В. Крута выделил особую фазу, или горизонт, Духцов—Мюнзинген, отражающий, вероятно, союз племен, живших на этих территориях и имевших регулярные связи друг с другом [Kruta V., 1979]. Основу горизонта составляют духцовские и мюнзингенские фибулы раннелатенской конструкции с небольшими шариками-утолщениями на ножке (духовские) и с кружком или диском (мюнзингенские). Последние часто украшены вставками из коралла. Прототипом духовских фибул, без сомнения, являются похожие по конструкции фибулы типа Марцаботто латена А. В Марцаботто около Болоньи такая фибула найдена в погребении этрусского некрополя, который функционировал, судя по находкам аттических краснофигурных ваз в конце V — самом начале IV в. н.э. Прекращение использования этого некрополя связывается с нашествием тех кельтов, которые угрожали Риму в 387 г. до н.э. На развалинах этрусского городка в Марцаботто было устроено кельтское кладбище, в захоронениях которого уже имелись духовские и мюнзингенские фибулы. Аналогичная картина наблюдалась и на соседних некрополях Арноальди и Беначчи, где нашлись и переходные формы от фибул Марцаботто к духовским и мюнзингенским. Начальная дата духовских фибул, таким образом, скорее соответствует предложенной в свое время П. Рейнке (начало IV в. до н.э.), чем датировка Я. Филипа (конец IV в. до н.э.). Горизонт Духцов—Мюнзинген составляли, кроме названных, и некоторые другие вещи — «рубчатые браслеты», гривны, с небольшими печатевидными окончаниями и гладкими или «рубчатыми» кольцами, утолщения на них иногда украшены завитками вальдгешхаймского стиля. В целом он соответствует ступеням B<sub>1</sub> и B<sub>2</sub>.

Конец горизонта Духцов—Мюнзинген В. Крута отнес к самому началу III в. (около 290 г.) до н.э., потому что в тех местах, где кельты появились после 290 г. до н.э. (Греция, Фракия, Малая Азия) уже нет вещей горизонта Духцов—Мюнзинген. Думается, однако, что дату эту можно несколько повисить. Во-первых, на гривне из Цыбор-Вароша, найденной во Фракии [Goldschätze..., 1975. № 217], есть элементы вальдгешхаймского стиля. Во-вторых, более реально связь прекращения стиля Духцов—Мюнзинген с событиями 283—263 гг. до н.э. В 283 г. до н.э. римляне оккупировали земли кельтского племени сеннонов к юго-востоку от Болоньи. Итальянские кельты призвали своих союзников из-за Альп, в частности белгов из бассейна Марны, но были разбиты в 280 г. до н.э. у Вадимонского озера. Одновременно началась их восточная экспансия на Балканах. В 263 г. до н.э. на земли сеннонов римляне вывели свою колонию Арминия, что отрезало кельтов от удобного выхода к Адриатике и, вероятно, лишило мастеров мюнзингенских фибул необходимых им кораллов. Союз кельтских племен по обе стороны Альп существовал, впрочем, несколько дольше. В последний раз они выступали вместе в 225 г. до н.э. и были разбиты римлянами у Таламона. Возможно, до этого времени следовало бы продлить и горизонт Духцов—Мюнзинген, но нужны еще и археологические подтверждения.

Переход от Латена B<sub>2</sub> к C<sub>1</sub>, как подметил К. Годловский, был достаточно длительным, и самое начало C<sub>1</sub> польский исследователь отнес к середине III в. до н.э., хотя и не подтвердил это реальными материалами [Godłowski K., 1977. S. 45]. Такие материалы оказались в распоряжении Л. Крута-Поппи и В. Круты. Самые ранние вещи в стиле ступени C<sub>1</sub> (меч, ушбон, витой железный пояс, бритва) происходят из богатого погребения, открытого в 1878 г. в Черетоло около Болоньи [Kruta-Poppi L., 1979]. По бронзовой ойнхойе и всему сочетанию вещей погребение датируется второй третью III в. до н.э. Поскольку здесь есть элементы, характерные для территории сеннонов, можно думать, что захоронение совершенно после событий 283—263 гг. до н.э., после отхода на север сеннонов, земли которых заняли римляне. В этом погребении найдена пара фибул [Kruta-Poppi L., 1979. Fig. 4, 14, 15], которые можно рассматривать как прототипы самых ранних из среднелатенских, так называемых расчлененных (этим не очень удачным термином Я. Филип обозначал фибулы, ножка которых украшена шариками, утолщениями и т.д., как бы «членился» ими). В могильниках Марцаботто, Беначчи, Делука в районе Болоньи представлена целая серия погребений с вещами ступени C<sub>1</sub> и относятся они ко второй половине III в. до н.э. Во всяком случае они не моложе 192 г. до н.э., потому что связываются эти могильники с племенем бойев, а бойи в 192 г. до н.э. были вытеснены римлянами и ушли на территорию Чехии-Богемии, принеся, вероятно, новый стиль в Центральную Европу.

Последние существенные уточнения в хронологию Латена внес И. Буйна [Bujna J., 1982]. Представив выразительные корреляционные таблицы комплексов из Карпатской котловины, он подразделил ступени B<sub>2</sub> и C<sub>1</sub> на подфазы «а» и «б», а также выделил пе-



реходный горизонт В<sub>2</sub>/С<sub>1</sub>, еще раз подтвердив длительность процесса перехода от ступени В<sub>2</sub> и С<sub>1</sub>.

Синхронизацию этапов развития зарубинецкой культуры с Латеном и поздним предримским временем с учетом произошедших изменений хронологии произвела К. В. Каспарова [1984, С. 108—118].

Современное состояние европейской хронологической системы показано на рис. 2. Следует, конечно, иметь в виду, что все границы между ступенями и фазами в действительности значительно более «размыты», чем это получается на таблице. Нельзя их абсолютизировать, они строго условны, как условна и привязка их к абсолютному счету времени на основании тех или иных политических событий. Естественно, перемены в материальной культуре не всегда совпадали с ними, чаще запаздывали на какое-то количество лет. Даты — лишь приблизительные ориентиры во времени, скорее всего где-то в рамках жизни одного-двух поколений, принимавших участие в событиях. Большинство обоснований абсолютных датировок приведено в работе К. Годловского [Godowski K., 1977], и следует остановиться лишь на моментах, позволяющих внести некоторые коррективы.

Сочетание стилистических элементов на всех вещах из богатого погребения в Вальдальгсхайме позволяет считать его переходным от ступени В<sub>1</sub> к В<sub>2</sub>, а находка здесь бронзового импортного сосуда позволяет выйти на абсолютную датировку. Г. Цальхаас [Zahlhaas G., 1971, S. 115] увидела в бронзовом сосуде произведение тарентских мастеров 380—370 гг. до н. э. К. Годловский использовал именно эту дату, и в результате его ступень В<sub>1</sub> оказалась исчезающе мала. Дату сосуда из Вальдальгсхайма уточнил В. Ширинг [Schiering W., 1975, S. 90]. По его данным, сосуд был изготовлен в 340—320 гг. до н. э., «вряд ли ранее 332 г. до н. э.» Соответственно сдвигается и рубеж В<sub>1</sub> и В<sub>2</sub>.

Ступень С<sub>1</sub> по К. Годловскому, начинается около середины III в. до н. э. Но наряду с новым стилем продолжают бытовать и вещи ступени В<sub>2</sub>. Как *terminus ante quem* ступени В<sub>2</sub> К. Годловский принимает дату «около 180 г. до н. э.», потому что в это время был построен храм Афины Никофоры в Пергаме, а на его рельефах изображена кельтская арматура ступени С<sub>1</sub> [Godowski K., 1977, S. 39; Polenz H., 1978]. Но, как заметил В. Е. Еременко [1986, С. 8, 9], дело в том, что в это время сам Пергам не одерживал никаких побед над малоазийскими галатами, наоборот, терпел поражения в войнах с Понтом и Вифинией.

Рис. 2 (окончание)

- 280 г. до н. э. — поражение кельтов при Вадимонском озере и захват кельтами Фракии;
- 279 г. до н. э. — вторжение в Грецию, разгром святилища в Дельфах;
- 278 г. до н. э. — галаты в Малой Азии;
- 263 г. до н. э. — основание римскими колониями Армин;
- 241 г. до н. э. — победа Атталы Пергамского над галатами;
- 229 г. до н. э. — дендродата щита из Ла Тена;
- 225 г. до н. э. — поражение кельтов у Таламона;
- 220—180 гг. до н. э. — даты амфорных штампов культуры Пояншегг—Лунашевца;
- создание царства Ваниаи;
- 192 г. до н. э. — дендродата погребения 96 могильника Вадерат;
- 190—180 гг. до н. э. — изгнание бойев из Италии;
- 190—180 гг. до н. э. — строительство храма Афины Никофоры в Пергаме;
- 179—168 гг. до н. э. — походы бастарнов в Македонию;

Правда, в 190 г. до н. э. галаты были разбиты, но не пергамцами, а их союзниками римлянами. Некоторые основания для возведения храма Афины Победительницы были, но не было трофейного оружия. Блестящую победу над галатами Аттал Пергамский одержал раньше — в 241 г. до н. э. Трофейное оружие именно этих лет и могло служить образцами для рельефов, бывших своего рода пропагандистским актом, призванным напомнить пергамцам о славных былых победах и поднять их дух в трудную минуту. Если это так, то и *terminus ante quem* для ступени В<sub>2</sub> сдвигается к 240 г. до н. э.

Некоторые привязки к абсолютным датам позволяют сделать и дендрохронологические исследования [Haffner A., 1979]. Под одним из умбонов, найденных в Ла Тене, сохранились остатки дубового щита. Умбон относится к типам, характерным для ступени С<sub>1</sub>, а точнее, к самому началу этой ступени и в основном к переходной фазе В<sub>2</sub>/С<sub>1</sub>. На корреляционных таблицах И. Буйны находки таких умбонов легли на границу между В<sub>2</sub>/С<sub>1</sub> и В<sub>3</sub> [Bujna J., 1982, Abb. 3, 47; 5, 47]. Дендрохронология дает 229 г. до н. э. [Haffner A., 1979, S. 405]. Остатки обуглившегося дерева из погребения 96 могильника Вадерат на Рейне с фибулами, характерными уже для ступени С<sub>1</sub>, определили дату 208 г. до н. э., а исследование бревен моста в Тилле (Швейцария), где все сопровождающие находки относятся к ступени D<sub>2</sub>, показало, что деревья были срублены между 120 и 116 гг. до н. э. [Haffner A., 1979, S. 405—409]. Таким образом, дендрохронология не противоречит датировкам, полученным из историко-археологических сопоставлений. К сожалению, по-прежнему нет даты, уточняющей границу ступеней С<sub>1</sub> и С<sub>2</sub>.

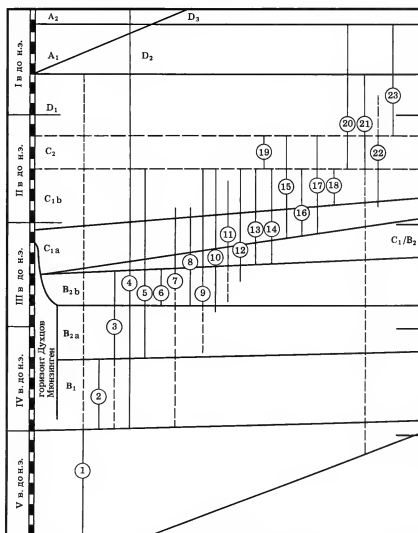
Несколько слов о переходе к римскому времени в Европе. Процесс этот растянулся почти на 100 лет. В верховьях Дуная и Рейна С. Рикхофф выделила два этапа сложения зачатков провинциально-римской культуры с соответствующим набором вещей [Rieckhoff S., 1975]. Первый этап соответствует времени после галльских войн и до 20—15 гг. до н. э. Параллельно ему на кельтских территориях, остававшихся свободными, существуют вещи латена D<sub>2</sub>, а вся остальная Европа продолжала еще жить в позднем предримском времени, в его поздней фазе. Выделяется еще переходный горизонт Гроссрешмидт, он же «горизонт прогнутых фибул» [Peschel K., 1968, S. 192—206], продолжавшийся на средней Эльбе вплоть до середины I в. н. э. [Schmidt-Thielbeer E., 1967, S. 28]. С оккупацией Норика, Реции

- 120—116 гг. до н. э. — постройка моста в Тилле;
- 60—58 гг. до н. э. — даки изгоняют бойев и теверисков;
- гальтеты пытаются переселиться в Галлию;
- начало галльских войн Цезаря, вторжение севов Арриовиста в Галлию;
- гибель Манкинга и ряда других оппидумов;
- 15 г. до н. э. — оккупация Римом Реции и Норика;
- 6 г. н. э. — попытка римлян разбить Маробода;
- договор с ним о торговле;
- 14 г. н. э. — смерть Августа;
- 19 г. н. э. — Маробод разбит Катувальдой;
- создание царства Ваниаи;
- 50 г. н. э. — Ваний разбит гермундурами и лугиями;
- 70 г. н. э. — приход к власти династии Флавинов после гражданской войны 68—69 гг.

Составитель М. Б. Шукин

Рис. 3. Хронологическая позиция латенских вещей Закарпатья

- 1 — меч с Х-видной рукояткой (табл. XXV, 2);
  - 2 — дротик с длинной втулкой (табл. XXV, 18);
  - 3 — «рубчатые» браслеты (табл. XXVI, 20, 21);
  - 4 — браслеты с тройными шишечками (табл. XXVI, 22);
  - 5 — меч с «колоколовидной» слабоизогнутой гардой (табл. XXV, 1);
  - 6 — фибула с шаром на ножке (табл. XXVI, 2);
  - 7 — монингская фибула (табл. XXVI, 7);
  - 8 — «пауковидная» фибула (табл. XXVI, 4);
  - 9 — поясной крючок (табл. XXVI, 3);
  - 10 — поясной крючок в виде головки бычка (табл. XXVI, 14);
  - 11 — чеша осей повозки (табл. XXV, 16);
  - 12 — браслеты из сапропелита;
  - 13 — браслеты из полых полусфер (табл. XXVI, 19);
  - 14 — железные пояса-портупен (табл. XXVI, 16, 17);
  - 15 — ножки-сечки (табл. XXIV, 5, 6);
  - 16 — среднелатенские скрепленные фибулы с шариками (табл. XXVI, 5);
  - 17 — крючок «выбитого» пояса-портупен (табл. XXVI, 18);
  - 18 — железные бронзовые пояса-цепи (табл. XXVI, 1, 15);
  - 19 — стеклянные гладкие браслеты;
  - 20 — графитированная керамика (табл. XXVIII, 6);
  - 21 — эсвидные псалмы (табл. XXV, 14);
  - 22 — среднелатенские гладкие фибулы (табл. XXVI, 6, 13);
  - 23 — расписная керамика (табл. XXVIII, 1)
- Комплексы:  
 2-4 — Куштаповицы, курган XI;  
 13-19 — клад на Малой Богани;  
 22-23 — курган у с. Бобовое.
- Составитель М. Б. Шуклин



и Паннонии начинается второй этап раннего римского времени на правобережье Дуная, а на некоторых участках, слабо подвергшихся романизации — ступень Латен D<sub>3</sub>, имеющая уже сугубо локальное значение (в основном это северо-восточная Баяврия).

На территории Чехии римское время ступени B<sub>2</sub> начинается после заключения договора римлян с вождем маркоманнов Марободом в 6 г. н. э., после чего в Европу хлынула первая «чешская» волна импорта [Motyková-Sneidrová K., 1965; Tejral J., 1969; Wołagiewicz R., 1970]. С 19—20 гг., с образованием «буферного» государства Ванния, начинается римское время в Словакии, следует «словацкая» волна импорта — ступень B<sub>1</sub> [Tejral J., 1969; Wołagiewicz R., 1970]. Выделяется затем здесь и переходный этап B<sub>1</sub> [Kolník T., 1971].

На территории Польши во время B<sub>1</sub> еще сохраняется позднее предримское время. Римское время наступает здесь с появлением фибул Альмгрен 68, т. е. где-то в интервале 40—70 гг. [Liana T., 1970. S. 429—491; Dąbrowska T., 1976. S. 153—165]. И только ступень B<sub>2</sub>, начало которой синхронизируется с эпохой Флавиев (70—90-е годы н. э.), имеет уже общеевропейское значение.

Латенские памятники Закарпатья и находки к

востоку от Карпат в рамках уточненной системы европейской хронологии выглядят следующим образом (рис. 3; 4).

Самой ранней кельтской вещью из советского Закарпатья может быть короткий меч с иксвидной рукояткой, найденный в Галиш-Ловачке (табл. XXV, 2). Такие мечи, зачастую украшенные бронзовой чешуеобразной головкой, характерны еще для Латена A [Gottowski K., 1977. Tab. I, 6, 11]. Впрочем, спорадически они встречаются на всем протяжении существования культуры вплоть до позднего Латена. Поздние, вероятно, имели уже не боевое, а культурное назначение [Duval P.-M., 1977. Fig. 187; 188. P. 182; Megaw J. V. C., 1970. Fig. 228; 229].

Второй меч из Галиш-Ловачки, сохранность которого позволяло определить тип (табл. XXV, 1), относится к Латену B<sub>2</sub> и C<sub>1</sub>. У него слабоизогнутая треугольная гарда, клинок без сложной профилировки и с плавнотупоугольным острием — тип 1 по классификации З. Возняка [Woźniak Z., 1974. S. 87. Fig. 7, 1; Vujna J., 1982. Fig. 5, 44, 49].

Среди достаточно многочисленных наконечников копий и дротиков из Закарпатья [Bіdzіla B. I., 1971. Рис. 29] нет характерных для Латена B широких листовидных. Все относится к Латену C. Исключение составляет лишь дротик с длинной втулкой

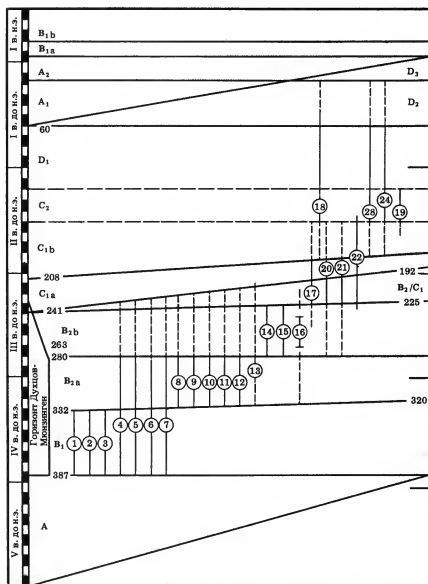


Рис. 4. Хронология основных латенских находок к востоку от Карпат

- 1-3 — духовские фибулы с «гусеничной» спинкой (Дубляны, Тростяница, Долиняны; табл. XXVII, 12, 14);  
 4 — «рубчатые» браслеты (Иване-Пусте и др.);  
 5, 6 — гривны с маленькими печатевидными окончаниями (Мельникава, Макарова Остров; табл. XXVII, 9);  
 7 — «волнистые» гривны (Пекари; табл. XXVII, 13);  
 8-12 — классические духовские фибулы (Залец, Липлява, Малая Сахаря, Рудь, Головно; табл. XXVII, 7, 8);  
 13 — фибулы, переходные от духовских к «пауковидным» (Биевцы; табл. XXVII, 6);  
 14 — «пауковидные» фибулы с «фалышайной» пружиной (табл. XXVII, 10);  
 15 — фибула типа Говора Сад (табл. XXVII, 11);  
 16 — фибула из Калфы (табл. XXVII, 1);  
 17 — браслеты из сапропелита (Горшоша; табл. XXVII, 5);  
 18, 23, 24 — графитированная керамика (Горшоша, Бовшев, Ведемичи);  
 22 — серая гончарная керамика (Бовшев);  
 19 — стеклянные браслеты (Степановка).  
 Составитель М. Б. Шуклин

(табл. XXV, 17). Аналогичный найден в могильнике Карича-Гура около Вроцлава [Woźniak Z., 1970. Табл. 1, 1. S. 57] и датируется еще ступенью В<sub>1</sub> [Еременко В. Е., 1986. С. 12].

Трудно с достаточной определенностью датировать псалли из Галиш-Ловачки (табл. XXV, 14). С одной стороны, они по форме повторяют скифские архаического периода. С другой стороны, в южных областях латенской культуры дуговидные псалли с шпичками на концах и двумя отверстиями на восьмерковидном расширении в середине встречаются на памятниках Латена С<sub>2</sub> и D. Они известны в материалах оплудумов Манхинг, Страдоницы, в кельтских погребениях Трансильвании и Шампани, на поселениях в Румынии и Болгарии [Каспарова К. В., 1981. С. 73. Рис. 9].

Кельты широко пользовались колесницами, использовали их и в военном деле. Различные детали колесниц, в том числе чеки, удерживающие колеса на оси, встречаются достаточно часто в латенской культуре. Роскошный вариант их в стиле «чеширского кота» найден, например, в Мезеке в Болгарии [Duval P.-M. 1977. Fig. 103]. Комплекс, по всей ве-

роятности, относится ко времени оккупации Фракии кельтами в 280—212 гг. до н. э., т. е. соответствует ступени В<sub>2</sub>. Более простые чеки из Трансильвании и Венгрии З. Возняк датировал ступенями В<sub>2</sub> и С [Woźniak Z., 1974. S. 55. Fig. 4; 5; 6]. Так же, вероятно, следует датировать и находки из Закарпатья (табл. XXV, 16) [Бідайла В. І., 1971. Рис. 17, 1-3; Еременко В. Е., 1986. С. 12].

Бронзовые и железные «рубчатые» или «гусеничные» браслеты, представленные в Галиш-Ловачке (табл. XXVI, 20, 21), характерны для всего горизонта Духов-Мюнзинген, включая и его позднюю, «выклинивающуюся» часть [Kruta V., 1979. Fig. 1]. Корреляционные таблицы И. Буйны демонстрируют, что в Карпатской котловине появляются они на рубеже ступеней В<sub>1</sub> и В<sub>2</sub> и иногда сочетаются и с вещами переходной ступени В<sub>2</sub>/С<sub>1</sub> [Bujna J., 1982. Abb. 2, 9]. Браслеты с тройными выступами-шпичками (табл. XXVI, 22) тоже появляются на рубеже Латена В<sub>1</sub> и В<sub>2</sub> [Еременко В. Е., 1986. С. 12; Marić Z., 1963. Tab. II, 20; Woźniak Z., 1974. S. 42; Kruta V., 1979. Fig. 1, 81, 106], но существует очень долго, в других культурах — вплоть до первых



веков нашей эры [Зубарь В. М., 1982. С. 95, 96]. Чрезвычайно характерным элементом юго-восточного ареала латенской культуры являются бронзовые браслеты из подлых подусфер, скрепленных шарнирами. Их иногда считают ножками. Один такой браслет происходит из Галиш-Ловачки (табл. XXVI, 19), деталь второго — из кладки в Малой Бегани. Оба представляют поздние варианты этого типа украшений — из трех-четырёх очень крупных звеньев. По И. Буйне, они появляются на ступени В<sub>2</sub>/С<sub>1</sub> и существуют на протяжении всей ступени С<sub>1</sub> [Bujna J., 1982. Abb. 2, 28], т. е. от последней четверти III приблизительно до середины II в. до н. э. О существовании их вплоть до начала ступени С<sub>2</sub> свидетельствует и сочетание обломка такого браслета с гладким стеклянным в кладке из Малой Бегани.

Важным хронологическим индикатором являются и браслеты из сапропелита. Фрагменты их происходят из Галиш-Ловачки и поселения Ратица. В Карпатской котловине самые ранние из них фиксируются в комплексах ступени В<sub>2</sub>, а самые поздние — с вещами ступени С<sub>2</sub>, когда их вытесняют стеклянные браслеты [Bujna J., 1982. Abb. 2, 20]. Более всего они характерны для ступени В<sub>2</sub>/С<sub>1</sub>. Гладкий браслет из светло-голубого прозрачного стекла найден в кладке из Малой Бегани, а второй подобный — в трупосожжении около с. Мачола [Бідайла В. І., 1971. С. 77. 78. Рис. 33, 2]. Такие гладкие браслеты характерны уже для ступени С<sub>2</sub>, в С<sub>1</sub> они обычно сложнопрофилированные и украшены шпешками [Godłowski K., 1977. S. 43. 44].

Хорошие основания для датировки дает комплекс погребения кургана XI в Куштановице. Здесь, кроме сероглиняного гончарного кельтского сосуда (табл. XXVIII, 5) и поясного крючка, найдены три фибулы раннелатенской схемы. Одна из них, проволоочная с арковидной спинкой, крупными завитками пружины и большим шаром на конце ножки, относится к категории так называемых фибул с шаром (табл. XXVI, 2). Это типологическое звено, следующее за духовскими фибулами [Filip J., 1956. S. 104—107]. В корреляционных таблицах И. Буйны такие фибулы выступают в комплексах ступени В<sub>2</sub>, т. е. где-то между 280—225 гг. до н. э. Вторая фибула из Куштановицы — монзингенская (табл. XXVI, 7). Но вместо кораллов, зачастую украшавших диск на ножке, здесь лишь небольшие крупные выпуклости. Вероятно, эта застежка была изготовлена после 263 г. до н. э. О сравнительно поздней хронологической позиции свидетельствует и многовитковая пружина. Третья фибула (табл. XXVI, 4) относится к переходному варианту от духовских фибул (характер оформления ножки) к так называемым пауквидным (выпукло-вогнутая широкая спинка). Аналогичные, хотя и более крупные, известны на территории Болгарии [Woźniak Z., 1974. Fig. 6, 3, 4], т. е. они — времени оккупации Фракии в 280—212 гг. до н. э. Эта дата подтверждается горизонтальной стратиграфией и корреляцией комплексов могильника Монзинген [Hodson F. R., 1968. P. 30, 67]. К несколько более позднему времени мог бы относиться бронзовый поясной крючок из кургана XI в Куштановице (табл. XXVI, 3), поскольку это вещь, характерная уже для Латена С. Аналогичные происходят, например, с описидами Страдонцы

[Каспарова К. В., 1981. Рис. 6, 14] и из Мниховского Тынка [Filip J., 1956. Rys. 51, 2] в Чехии. Но появляются такие крючки еще на ступени В<sub>2</sub>, а о сравнительно раннем возрасте крючка из Куштановицы может свидетельствовать наличие на нем выемки под коралловую, вероятно, вставку. По-видимому, погребение в Куштановице было совершено где-то во второй четверти III в. до н. э.

На поселении Галиш-Ловачка найдены обломки и среднелатенских скрепленных проволоочных фибул (табл. XXVI, 5, 6). Две из них украшены шариками на месте соединения ножки и спинки. Это вещи, характерные для ступени С<sub>1</sub> [Bujna J., 1982. Abb. 4, 30]. А простые проволоочные среднелатенские фибулы без каких-либо декоративных элементов характеризуют уже ступень С<sub>2</sub>. К сожалению, сохранность их такова, что уточнить хронологическую позицию не представляется возможным. Это касается и обломка фибулы из кургана у с. Бобовое [Бідайла В. І., 1971. Рис. 35, 2].

Что касается железных кованых цепей с крючком на конце, служивших у кельтов боевыми поясами или портупеями (табл. XXVI, 16, 17), то их находки и знаменуют еще наступление ступени С<sub>1</sub>. В Италии они известны в комплексах еще середины — второй половины III в. до н. э. [Kruta-Poppi L., 1979. Fig. 7, 4]. В Карпатской котловине ступень С<sub>1</sub> начинается несколько позже, но железные пояса-цепи здесь появляются и на переходной ступени В<sub>2</sub>/С<sub>1</sub> [Bujna J., 1982. Abb. 4, 18; 5, 45]. Поздний этап их типологического развития представляет лишь сравнительно короткий поясной крючок с «выбитым» точечным орнаментом (табл. XXVI, 18). Такие характерны только для ступени С<sub>1</sub> и существуют в начале ступени С<sub>2</sub> [Bujna J., 1982. Abb. 5, 54].

Кельтские женщины тоже носили пояса-цепи, но бронзовые звенья их сложнопрофилированные и иногда украшены красной эмалью. Прекрасный экземпляр поясного бронзового крючка в виде головки бычка (табл. XXVI, 14), происходящий из Мукачева, хранится в музее города Сибиу в Румынии [Duval P.-M., 1977. Fig. 329. P. 134]. Он выполнен в пластическом стиле ступени В<sub>2</sub> и С<sub>1</sub> [Bujna J., 1982. Таб. 2]. Несколько моложе бронзовая цепь с эмалью из Галиш-Ловачки (табл. XXVI, 1). Это изделие ступени С<sub>2</sub> [Bujna J., 1982. Abb. 2, 34].

Типичны для среднего Латена и большие (до 35 см) ножки-секачи с изогнутой рукояткой, заканчивавшейся шариком или колечком (табл. XXIV, 5, 6). В них исследователи видят то бритвы, то боевые ножки.

Имеет хронологическое значение и керамика некоторых типов. Так, графитированная керамика с вертикальными расчесами (табл. XXVIII, 6) получает широкое распространение только со ступени С<sub>2</sub> и существует в D<sub>1</sub>, а расписная (табл. XXVIII, 1) — только в D [Godłowski K., 1977. S. 44, 49]. Сочетание в кургане у с. Бобовое расписного сосуда со среднелатенской фибулой делает наиболее реальной датой захоронения рубеж ступени С<sub>1</sub> и D<sub>1</sub>, хотя и не исключает возможность и датировки ступенью D<sub>1</sub>.

Кельтские находки к востоку от Карпат образуют четкие хронологические группы (рис. 4). Для самой ранней характерны вещи горизонта Духов—Монзинген. Это прежде всего духовские фибулы с «гусеничной» спинкой (Дубляны, Трояница, Доли-

няны) ступени В<sub>1</sub>, «рубчатые» браслеты (Иване-Пусте и др.), гривны с небольшими печатевидными окончаниями из Мельниковки и Макарова Острова, «волнистая» гривна из Пекарей. Ступень В<sub>1</sub>, как уже говорилось, охватывает промежуток времени приблизительно от 80 до 20–30 годов IV в. до н. э.

Следующую группу образуют вещи ступени В<sub>2</sub>. Среди них самую раннюю хронологическую позицию занимают классические духовские фибулы с массивной гладкой дужкой (Залеске, Липлява, Малая Сахарна, Рудь) или с узкой полоской псевдоэри на спинке (Головно). По И. Буйне, они диагностируют ступень В<sub>2a</sub>, хотя в ряде комплексов выступают и с вещами В<sub>2b</sub>. Синхронна им или чуть моложе и фибула из с. Биевцы с овальной расширенной спинкой и с раздвоенным концом ножки (табл. XXVII, 6) и те, и другие встречаются в комплексах фазы «d» могильника Яншув Уезд, занимающей в рамках горизонта Духцов—Мюзинген сравнительно позднюю позицию. На следующей фазе появляются уже фибулы с шаром [Kruta V., 1979. Fig. 1]. Ступень В<sub>2a</sub> датируется промежутком времени от 320 по 280 г. до н. э.

К так называемым пауковидным фибулам с «фальшивой» пружинкой на ножке относится одна из случайных находок в Надпорожье (табл. XXVII, 10) и фибулы из Пантикалея [Амброз А. К., 1966. Табл. I, 8, 9] варианта А<sub>3</sub> по классификации К. Пешеля [Peschel K., 1972. S. 1–42]. «Пауковидные» фибулы характерны для ступени В<sub>2b</sub> [Bujna J., 1982. Abb. 4, 14. S. 329, 330].

У второй находки из Надпорожья (табл. XXVII, 11) обломана ножка, которая могла заканчиваться или «фальшивой» пружинкой, или иметь небольшой шарик, как на экземплярах из Говора Сад и Царевна в Болгарии [Woźniak Z., 1974. Рис. 6, 3, 4]. Последние относятся ко времени оккупации Фракии кельтами в 280–212 гг. до н. э., что также соответствует ступени В<sub>2b</sub> (от 280 до 240–220 гг. до н. э.) и охватывает частично переходный горизонт В<sub>2</sub>/С<sub>1</sub> (от 220 до 180 гг. до н. э.).

К переходному времени от ступени В<sub>2b</sub> к С<sub>1</sub> относятся и браслеты из сапропелиты [Bujna J., 1982. Abb. 2, 20].

Следующую группу составляют находки среднелатенские — стеклянные браслеты из Степановки, фибулы с восьмерковидными завитками [Каспарова К. В., 1981. С. 57–63; Peschel K., 1972. S. 1–42], графитированная керамика Бовшева, Горошова и Велемичей, а также весь набор сероглиняной гончарной керамики из Бовшева, характерный для ступени С<sub>1</sub>. Сочетание на поселении Горошова сапропелитовых браслетов и графитированной керамики указывает, что поселение существовало скорее всего в пределах ступени С<sub>1b</sub>, где-то в первой половине II в. до н. э.

Латенский меч из скифского погребения в Верхней Тарасовке в Надпорожье [Бодянский А. В., 1962. Рис. 1, 1] по слабоизогнутой форме сближается с типом I в классификации З. Возняка, но наличие железных ножен с простым закручиванием на концы заставило этого автора отнести меч из Надпорожья к позднелатенскому времени [Woźniak Z., 1974. S. 153, 154]. Это приходит в противоречие со скифской хронологией, по которой погребение датируется IV в.

до н. э. О том, что с хронологией ранних латенских мечей еще не все ясно и, очевидно, еще не все формы попали в существующие классификации кельтского оружия, сигнализирует и находка меча, напоминающего позднелатенские, в кургане Митков Врах в Югославии в сочетании с фибулой типа Букйовиц, для которой более поздняя, чем IV—III вв. до н. э., датировка исключается [Woźniak Z., 1974. S. 91].

Имеется еще серия находок, включающая и бронзовые шлемы типа Монтефортино, связанная, вероятно, с деятельностью в Причерноморье Митридата Евпатора, в державу которого входили и малоазийские галаты [Raev B., 1986. С. 87–89; Еременко В. Е., 1986. С. 90–96]. Эти находки, однако, нуждаются в специальном рассмотрении в ином контексте. Нас в основном занимали сейчас памятники, хронологически предшествующие времени окончательного формирования зарубинецкой и пояншти-лукашевской культур.

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ.** Первые контакты населения Закарпатья с кельтами, как видим (рис. 3), могли иметь место еще в V—IV вв. до н. э. (меч с иксовидной рукояткой и наконечник дротика из Галиш-Ловачки, относящиеся соответственно к Латену А и В<sub>1</sub>), но очевидно они фиксируются для первой половины III в. до н. э. комплексом кургана XI в Куштановице, тем более что остальные находки сравнительно ранних латенских вещей так или иначе охватывают и этот период. Основная же масса находок приходится на ступень С<sub>1</sub> (от середины III по середину II в. до н. э.): браслеты из полых полусфер, железные и бронзовые мужские и женские пояса-цепи, «расчлененные» среднелатенские фибулы, браслеты из сапропелиты, большие ножи с кривой рукояткой. Менее репрезентативен набор ступени С<sub>2</sub> второй половины II в. до н. э. (стеклянные браслеты, нерасчлененные среднелатенские фибулы, графитированная керамика) и совсем слабо представлена ступень D (расписная керамика), хотя сам характер таких производственных центров, как Галиш-Ловачка и Ново-Клиново, лучше всего соответствует именно горизонту оппидумов в кельтском мире. А горизонт оппидумов охватывает главным образом ступени С<sub>2</sub> и D<sub>1</sub> [Gołdowski K., 1977. S. 49–58].

Существование поселения Галиш-Ловачка в ступени D могли подтвердить находки позднелатенских фибул со сплошным приемником [Бідаля В. I., 1971. Рис. 35, 7], но найдены лишь обломки, форма застежек неясна, а такие приемники имеют и фибулы римского времени. О наличии же в Галиш-Ловачке напаставлений более поздних свидетельствует находка массивной якоревидной литой фибулы III в. н. э. [Бідаля В. I., 1971. Рис. 35, 8].

Исходя из всей совокупности материалов, можно думать, что проникновение некоторых групп кельтов в Закарпатье началось в первой половине III в. до н. э. Без их непосредственного участия вряд ли была бы возможна организация таких крупных производственных центров, как Галиш-Ловачка и Ново-Клиново. Прекратилась их деятельность скорее всего в связи с теми же событиями около 60 г. до н. э., когда перестало существовать и большинство полугородских промышленных центров-оппидумов в

остальной Кельтике. На северном участке Карпатского котловина в это время активно действовали даки царя Бурбисты, что фиксируется на соседних территориях Венгрии и Словакии сложением особого культурного явления — кельто-дакийского горизонты памятников, а в Закарпатье — основанием дакийской крепости на Тисе у с. Малая Копаня [Котигорошко В. А., 1981. С. 91].

Дискуссионной остается проблема о соотношении в Закарпатье местной куштановицкой культуры предшествующего времени и латенской. С одной стороны, на памятниках латенского времени отчетливо прослеживается наследие куштановицкой культуры, прежде всего в формах лепной керамики и в обряде погребения. Можно было бы говорить лишь о влиянии латенской культуры на куштановицкую. Но, с другой стороны, кельтские элементы в Закарпатье представлены значительно обильнее, чем в круге латенизированных культур — пшеворской, оксвийской, зарубицкой и поянштин-дукашевской, действительно подвергавшихся лишь влиянию кельтской культуры.

Процессы, протекавшие в Закарпатье, скорее сопоставимы с теми, которые происходили и на других территориях непосредственной кельтской экспансии — на Балканах, Пиренейском полуострове, где складывались смешанные кельто-иллирийские, кельто-иберийские культуры и не всегда можно отличить местные элементы от пришлых [Godtowski K., 1977. С. 88, 93, 98—104]. Измерить же реальную роль и численность местного населения и пришлого на имеющихся материалах Закарпатья не представляется возможным.

Иначе складывались отношения с кельтами у племен, живших к востоку от Карпат. Можно наметить несколько этапов этих отношений, каждый из которых имеет свою окраску.

Самый ранний этап фиксируется находками вещей горизонта Духов — Мюнзинген в «рубчатом стиле», которые могут относиться еще к ступени В<sub>1</sub>, к первой половине — середине IV в. до н. э. В. Е. Еременко обратил внимание на достаточно широкое распространение в Северном Причерноморье «рубчатых» bracelets. Его каталог насчитывает 26 пунктов. Они известны и в Поднестровье [Ганіца О. Д., 1984. С. 6, 4; Sulimirski T., 1931. Pl. XXIX, 1, 2; Пастернак Я., 1932. С. 36], в ряде скифских погребений Поднепровья [Петренко В. Г., 1978. Табл. 44, 8, 9, 12—15], на памятниках милоградской культуры [Мельниковская О. Н., 1967. Рис. 32—34] и далее на северо-восток в днепро-двинской [Шмидт Е. А., 1976. Рис. 22, 1; 50, 17, 26, 28; Третьяков П. Н., Шмидт Е. А., 1963. Рис. 12, 27, 28; 14, 4, 5] и даже в дяковской культурах [Кухаренко Ю. В., 1959а. № 121; Крис С. И., Чернай И. Л., 1980. Рис. 3, 6]. Отливка bracelets производилась на месте, формы для них обнаружены в Ольвии [Фурманская А. И., 1958. С. 60—65; Лейпунская Н. О., 1984. С. 68—74], на Моховском [Мельниковская О. Н., 1967. Рис. 58, 8] и Чаплинском [Кухаренко Ю. В., 1959а, № 74] городищах. Конечно, такие украшения могли возникнуть и конвергентно. Известны «рубчатые» bracelets и раньше, в эпоху Гальштата, так что при случайных находках не всегда есть возможность определить их дату, но совпадения местных дат с латенскими заставляют задуматься.

Тем более что в середине IV в. до н. э. контакт скифов царя Атея с кельтами, судя по общеполитической ситуации, был вполне возможен. Гипотезу эту могли бы подтвердить находки «рубчатых» духовских фибул, хотя выявление их в Дублянах и Тростянице [Амброс А. К., 1966. Табл. 1, 2; Никитина В. Б., 1964. Рис. 15, 9], на памятниках поморской культуры предполагает возможность и иного пути проникновения этих латенских импортов. Именно на ступени В<sub>1</sub> кельты появляются в Силезии, на юго-западных границах поморской культуры. Могли бы подтвердить гипотезу и гривны Мельниковки, Макарова Острова, Пекарей, если бы их датировку удалось сузить. Пока же они датируются всем периодом горизонта Духов — Мюнзинген и поэтому с тем же основанием могут быть отнесены и к следующему этапу, характеризующемуся прежде всего находками духовских фибул с гладкой спинкой ступени В<sub>2</sub>. Хронологическая позиция последних такова, что допускает разные трактовки. В начале своего бытования они вполне могли попасть в Причерноморье с импульсами, отмеченными выше, а конечная фаза их бытования совпадает с максимумом кельтской экспансии на востоке около 280 г. до н. э. (окупация Фракии, поход на Дельфы, захваты в Малой Азии). Не исключено, что на этой волне экспансии отдельные кельтские отряды забрасывало и в Северное Причерноморье, где после разгрома скифов сарматами, очевидно, была неустойчивая политическая ситуация. Во всяком случае о том, что отдельные носители духовских фибул добирались до Полесья, свидетельствует погребение в Залесье, в устье Припяти.

Следующую хронологическую группу образуют находки ступеней В<sub>2</sub> и С<sub>1</sub>: фибула из Калфы, «лауковидные» фибулы с «фальшивой» пружинкой, bracelets из сапропелита. Истоком этого импульса могло быть два. Во-первых, наемники на службе у боспорского царя Левкона II (240—220 гг. до н. э.), чеканившего для расплаты с ними специальные монеты с изображением кельтского щита [Шелдов Д. Б., 1953. С. 30—39; 1954. С. 58—70]. С наемниками, вероятно, попадают кельтские фибулы в Пантикапей [Амброс А. К., 1966. Табл. 1, 8, 9]. Во-вторых, галаты декрета Протогена. В это время уже существуют латенские памятники Закарпатья, основание поселения в Бовшее может быть археологическим отражением того движения кельтов на восток, продолжения которого так опасались жители Ольвии.

На рубеже III—II вв. до н. э. в Северном Причерноморье и Прикарпатье складывается, по всей вероятности, сложная этнополитическая ситуация. Ее фиксируют и декрет Протогена, и первые известия источников о появлении на Балканах и в Нижнем Подунавье отрядов «бастарнов-пришельцев». Галаты, по сообщению ольвийского декрета, выступали в союзе со скирами. Это загадочное племя позже упоминает Плинием (IV, 96), а в эпоху Великого переселения народов постоянно действует в составе различных группировок германских племен [Иордан. С. 242, 266, 275, 279].

Сложное переплетение разнообразных культурных взаимодействий отражают и чеканные пластины комплекса из Бобучи, хотя хронология комплекса пока не совсем ясна. Шлем из него датирован IV в. до н. э. [Черненко Е. В., 1968. С. 87, 89], конский

налобник — III в. до н. э. [Симоненко А. В., 1982. С. 237—245], а сопоставление изображений с котлом из Гундеструпа II—I вв. до н. э. позволяет думать о возможности еще несколько более поздней датировки. В котле из Гундеструпа исследователи видят изделие какого-то кельто-фракийского мастера [Klindt-Jensen O., 1961; Horedt K., 1967. S. 134—143], а человеческие маски на бобуческих пластинах перекликаются с искусством кельтов северной Италии [Megaw J. V. C., 1970. Fig. 204; 205]. С другой стороны, орнаменты в виде полудуг, «жемчужин», «звездочек» характерны для так называемых голштинских поясов ясторфской культуры, своеобразной северо-европейской реплики кельтских поясов-цепей [Die Germanen..., 1976. Taff. 11; Godlowski K., 1977. Tab. XIII, 1].

Проникновение каких-то групп выходцев с северо-запада в Причерноморье фиксируется в это время поселением Горошова [Пачкова С. П., 1983. С. 49—50], погребением в Круглике [Тимошук Б. А., Винокур И. С., 1962. С. 73—76] с типично ясторфским сосудом, находками так называемых гривен-корон [Кухаренко Ю. В., 1970. С. 33—35; Babeş M., 1985. P. 201. Fig. 12] и «поморской» фибулы [Babeş M., 1969. P. 195—217], а также элементами ясторфской культуры, особенно ее губинской группы междуречья Одера—Нейсе, на ранних памятниках зарубинецкой и поянешти-лукашевской культур [Мачинский Д. А., 1966а. С. 82—97; Каспарова К. В., 1981. С. 66—72; Пачкова С. П., 1985. С. 17—25].

Следующая хронологическая группа латенских вещей ступеней C<sub>1</sub> и C<sub>2</sub> происходит в основном уже с зарубинецких и<sup>15</sup> поянешти-лукашевских памятников: среднелатенские фибулы с восьмерками на спинке из Пирогова и Воронина, графитированная керамика и звено кельтской цепи из Велемичей и др.

[Каспарова К. В., 1981. С. 57, 58]. Сюда следует, очевидно, добавить и бронзовую фигурку из Лукашевки [Романовская М. А., 1969. С. 184—188] и италийские бронзовые ситилы из Сипотен [Сергеев Г. П., 1956]. Этот культурный импульс мог исходить частично от кельтов Закарпатья, но в основном был получен, вероятно, за счет части носителей новообразующихся культур в походах бастарнов на Балканы в 179—168 гг. до н. э. [Каспарова К. В., 1981. С. 57—78].

Естественно, все это лежит пока в области предположения и не исключает возможности других трактовок. Ясно одно, сложность этнополитической ситуации в Причерноморье и Прикарпатье в промежуток времени между гибелью «Великой Скифии» на рубеже IV—III вв. до н. э. [Мачинский Д. А., 1971. С. 30—55; Алексеев А. Ю., 1984. С. 65—75; 1986. С. 35—38] и образованием культур зарубинецкой и Поянешти—Лукашевка нельзя не учитывать при обсуждении проблемы генезиса последних.

Имеющиеся на сегодня материалы показывают, что предположение о возможности проникновения за это время отдельных групп кельтов на земли к востоку от Карпат выглядит достаточно реальным, но эти же материалы демонстрируют и другое: группы кельтов не были многочисленными и вряд ли играли решающую роль в процессе латенизации новых культурных образований.

Решение вопроса, почему эти культуры приобрели латенизированный облик, следует, вероятно, искать на другом пути — за счет рассмотрения восточноевропейских культур как части более широкого явления, охватывающего все северо-восточное пограничье кельтского мира, за счет общности протекавших здесь процессов. Конкретизация их — дело будущего.

## Глава пятая

### Культура Поянешти—Лукашевка

**ИСТОРИОГРАФИЯ.** Памятники последних веков до нашей эры, находящиеся между Днестром, Прутом и Сиретом и известные сейчас в научной литературе как древности типа Поянешти—Лукашевка, были открыты в конце 30-х годов румынским исследователем К. Чиходару в результате небольших раскопок могильника Поянешти близ г. Васлуй в Румынии [Cichodaru C., 1937—1938. P. 30—59]. Однако эти материалы не привлекли тогда к себе внимания. Должным образом их оценил и интерпретировал в 1953 г. Р. Вудльпе, который раскапывал в 1949 г. Поянештский могильник и открыл синхронные ему поселения [Vulpe R., 1953. P. 213—506]. В 1954 г. появились сведения о раскопках поселения Лунка-Чурей, расположенного в устье р. Жижия, правого притока Прута, затем в 1963 г. стали известны материалы поселения Тирпешти [Marinescu-Bîlcu S., 1963. P. 413—417], в 1964—1965 гг. раскапываются поселения Кукорени и Ботошани. С. Теодор опубликовала статью о керамике румынских поселений поянешти-лукашевской культуры [Teodor S., 1967. P. 25—45]. С 1969 г. изучением этой культуры занялся М. Бабеш, который провел раскопки крупного могильника Боросешти, а также поселений Гельмешти, Давидени и др. М. Бабеш является автором нескольких статей и обобщающих работ, посвященных рассматриваемой культуре [Babeş M., 1978].

На территории СССР памятники типа могильника Поянешти и поселения Лунка-Чурей впервые обнаружил Г. Б. Федоров, который в 1953—1954 и 1957 гг. раскопал могильник у с. Лукашевка на р. Реут, определил его однотипность с румынскими памятниками и на этом основании предложил объединить в одну культуру под названием Поянешти—Лукашевка [Федоров Г. Б., 1960б. С. 15]. Близ могильника Лукашевка были открыты два поселения (Лукашевка I и II), на одном из которых в 1957—1959 гг. были проведены раскопки [Федоров Г. Б., 1957. С. 51; 1960б. С. 240—246]. В последующие годы М. А. Романовская раскапывала поселения Ульма, Рудь и Бранешты [Романовская М. А., 1964; Лапушнян В. Л., Никулци И. Т., Романовская М. А., 1974. С. 74—85]. Из молдавских памятников этого типа большую известность получили погребения с металлическими сосудами из Синотен, опубликованные Г. П. Сергеевым [1956. С. 135].

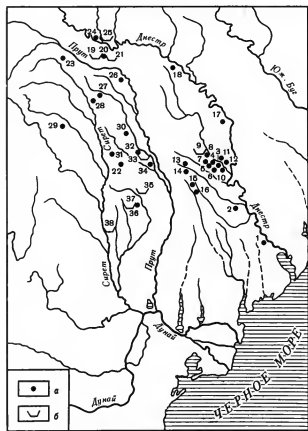
На Украине, в Поднестровье памятники типа Поянешти—Лукашевка известны по разведкам и раскопкам, из которых отметим работы в Круглике [Тимошук Б. А., Винокур И. С., 1962. С. 73—76], Кодыне, Соколе [Вакуленко Л. В., Пачкова С. П., 1979], Гринчуке [Пачкова С. П., 1979]. С 1977 г. Г. И. Смирнова проводит раскопки могильника у с. Доляны на Днестре [Смирнова Г. И., 1981], где открыто 44 погребения.

Памятники культуры Поянешти—Лукашевка занимают территорию современной Молдовы, простираясь от восточных склонов Карпат до Днестра.

Северной границей распространения этих памятников является долина Днестра между Могилевом-Подольским и Залещиками, а южной — лесостепной пограничье от румынского города Бакуз на р. Бистрица до молдавского города Бендеры на Днестре. Поянешти-лукашевские памятники размещаются неравномерно, их скопления занимают наиболее благоприятные в природно-климатическом отношении районы: такие, как нижнее течение р. Реут близ г. Оргеев (Молдова) или устье р. Жижия в окрестностях г. Яссы (Румыния). В настоящее время на всей территории распространения культуры от восточных склонов Карпат до Днестровского левобережья — насчитывается до 40 достоверных поселений и могильников (карта 16). Правда, некоторые исследователи (М. Бабеш, Ю. В. Кухаренко) указывают значительно большее количество памятников (до 100), включая в число поянешти-лукашевских также древности, относимые другими исследователями к пшеворскому и зарубинецкому типам и расположенные на территории Поднестровья и бассейна Южного Буга [Кухаренко Ю. В., 1978а. С. 142—146].

О времени существования и этносе носителей культуры Поянешти—Лукашевка в научной литературе высказано несколько версий. Так, Р. Вудльпе по находкам фибул считал, что материалы Поянештского могильника по времени соответствуют средние и позднелатенскому периодам (II—I вв. до н. э.) и были оставлены германскими племенами бастарнов, которые переселились сюда из бассейна Вислы [Vulpe R., 1953. P. 501—505]. Такая этническая интерпретация нашла поддержку у румынских археологов С. Маринеску-Билку, М. Бабеша и др. М. Бабеш считает могильники Поянешти и Лукашевка в целом синхронными и относит их к 150—70 гг. до н. э. [Babeş M., 1978. P. 15—21]. В литературе миграционное понимание происхождения поянешти-лукашевской культуры имеет широкое распространение. Так, германские археологи Р. Хакманн и К. Такенберг утверждали, что могильники типа Поянештского относятся к памятникам одного из вариантов позднелатенской культуры и что они принадлежали восточногерманскому населению, переселившемуся в конце II — начале I в. до н. э. (120/110—90—70 гг. до н. э.) из Бранденбурга [Hachmann R., 1957. S. 89] или, по К. Такенбергу, из Анхальта и северо-восточной Саксонии [Tackenberg K., 1962—1963. S. 427], но эти переселенцы не были бастарнами, а каким-то другим германским племенем, наименование которого осталось неизвестным античным авторам.

Мнение о более поздней датировке — концом II — серединой или третьей четвертью I в. до н. э. — Поянештского могильника, высказанное Р. Хакманном, поддержал Д. А. Мачинский. Он попытался выделить среди материалов из Поянешти и Лукашевских комплексов раннего («гетского») и более позднего периодов. Комплексы второго периода, по мнению



Карта 16. Распространение памятников культуры Поянешти—Лукашевка по С. П. Пачкова

- |                           |                     |
|---------------------------|---------------------|
| а — поселения;            | 19, 20 — Кругляк;   |
| б — могильники;           | 21 — Долинян;       |
| 1 — Пуркари;              | 22 — Гельмешти;     |
| 2 — Калфа;                | 23 — Коды;          |
| 3 — Машкауцы;             | 24 — Сокоз;         |
| 4 — Иванча II;            | 25 — Гринчук;       |
| 5 — Иванча IV;            | 26 — Икмени;        |
| 6 — Мана;                 | 27 — Ботошани;      |
| 7 — Лукашевка I;          | 28 — Кукорени;      |
| 8 — Лукашевка II;         | 29 — Тырнешти;      |
| 9 — Лукашевка, поселение; | 30 — Гелевнешти;    |
| 10 — Петруха;             | 31 — Войени;        |
| 11 — Бранешти;            | 32 — Лунка-Чурей;   |
| 12 — Трубешти;            | 33 — Костулен;      |
| 13 — Сипотени;            | 34 — Ясси-Шорогори; |
| 14 — Пыроулены;           | 35 — Боросешти;     |
| 15 — Ульма;               | 36 — Поянешти;      |
| 16 — Васценени;           | 37 — Бухешти;       |
| 17 — Алчедар;             | 38 — Рукэтэу        |
| 18 — Рудь;                |                     |

Д. А. Мачинского, были оставлены новым, пришедшим с севера (до среднего Одера) населением, культура которого по формам керамики, металлическому инвентарю и погребальному обряду была совершенно не похожа на гетскую культуру предшествующего времени. Это пришлое население, судя по сообщениям письменных источников, могло быть бастарским, но этническая его принадлежность пока неясна, так как в разных источниках бастарнов относили то к кельтам, то к германцам [Мачинский Д. А., 1966а. С. 80—96]. С бастарнами связывал поянешти-лукашевскую культуру Ю. В. Кухаренко [1978б. С. 217]. Отличительной особенностью его взглядов, так же как и М. Бабеша, является расширительное понима-

ние культуры, к которой Ю. В. Кухаренко относил не только территорию Молдовы, но и пространства к востоку от Днестра, где, по его мнению, культура существовала вплоть до III в. н. э. К. В. Каспарова, привлекая для доказательства многочисленные археологические данные, пришла к выводу, что культура Поянешти—Лукашевка возникла в процессе миграции в гето-дакийскую среду различных ясторжских групп, главным образом губинской. Она подчеркнула не только этнокультурные контакты между поянешти-лукашевским и зарубинецким населением, но и генетическую близость этих культур, связанную с общей для них основой — памятниками губинской группы [Каспарова К. В., 1981. С. 69—78].

Иное решение этих вопросов предложил Г. Б. Федоров [1960б. С. 54 и след.]. Он рассматривал культуру Поянешти—Лукашевка как принадлежавшую местному фракийскому населению — гетам, в среде которых оказались пришельцы — бастарны, носители культуры позднеморско-раннешеворского облика, пришедшие сюда на рубеже III—II вв. до н. э. с верховьев Вислы и ассимилированные гетами к рубежу нашей эры. Местной, гетской, была эта культура и по мнению М. А. Романовской [1968] и С. Теодор. Элементы других культур, в том числе ясторжской, поморской, шеворской и зарубинецкой, исследователи объясняют существованием контактов между названными культурами в период II—I вв. до н. э. Позднее М. А. Романовская несколько уточнила свою точку зрения и пришла к выводу, что поянешти-лукашевская культура представляла собой качественно новое явление по сравнению с гето-фракийской культурой предшествующего времени и сложилась в результате взаимодействия различных пришлых компонентов с местным гето-фракийским субстратом. Все же по этническому составу эта культура, по ее мнению, была в своей основе гетской, тогда как пришельцы были разнообразны в этническом отношении и среди них могли быть германцы и славяне [Пачкова С. П., Романовская М. А., 1983. С. 68—77]. Сравнивая материалы могильников Поянешти и Лукашевка, С. П. Пачкова сделала ряд наблюдений над их хронологией. По ее мнению, в могильнике Поянешти выделяется два хронологических периода, для каждого из которых характерны свои типы керамики и варианты фибул (для первого — фибулы «расчлененные» и гладкие провололочные варианта В по Я. Костевскому, для второго — фибулы варианта В, D и K). Материалы могильника Лукашевка соответствуют в основном второму, позднему, периоду могильника Поянешти [Пачкова С. П., 1985. С. 19—22].

**ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА.** Среди поселений выделяются мысовые и равнинные. Первые (Машкауцы, Бранешти, Кругляк) расположены обычно на мысах высокого коренного берега рек. Для равнинных поселений (Лукашевка II, Алчедар) характерно размещение в пойме, на надпойменной террасе или на пологом берегу, расчлененном оврагами, фиксирующими границы поселений. Отличительными особенностями поселений, как мысовых, так и равнинных, являются отсутствие на них оборонительных сооружений, небольшая (до 2 га) площадь, незначительный культурный слой, который обычно фиксируется в местах расположения жилых сооружений.

Жилища представлены постройками двух типов — наземными и полуземлянками. Оба типа жилищ известны по ряду поселений (Лукашевка II, Ульма) как одновременно существовавшие. Однако встречаются поселения, где обнаружены лишь жилища наземного типа (Круглик) или только полуземлянки (Сокол). На одновременность этих двух различных типов жилищ сооружений указывают не только найденные в них синхронные и аналогичные предметы, в первую очередь керамика, но и совпадающие детали их устройства: форма жилищ, конструкция стен и отопительных систем.

Наземные жилища были прямоугольными в плане сооружениями площадью 25 кв. м, иногда 48 кв. м, расположенными на уровне материка, на глубине 0,2—0,3 м от современной поверхности. Стены делались глинобитными на плетеном каркасе (Круглик, Ульма, Бранешты). Крыша крепилась на столбах, ямы от которых сохранились вдоль стен некоторых жилищ, а иногда — по длинной оси жилища (табл. XXIX, 2). Очаг сооружался непосредственно на полу в углу жилища, у одной из его стен. Устройство очага простое — глинобитный, реже каменный под, ограниченный рядом камней (Круглик, жилище 1; Ульма, жилище 1). Иногда вместо очага ставили печь с глинобитным сводом и каменным подом округлой (Круглик, жилище 3) или прямоугольной (Лукашевка II, жилище 3) формы.

Полуземлянные жилища, прямоугольные или овальные в плане, несколько уступали по площади (до 20 кв. м) наземным сооружениям. Их пол углублен в материк на 0,3—0,5 м. Глиняные, побеленные снаружи стены держались на плетеном каркасе, кровля была тяжелой, земляной, она покоилась на столбах, ямы от которых (диаметр 0,2—0,4 м) расположены вдоль стен и по центру помещения (табл. XXIX, 3). Жилища-полуземлянки отапливались очагами с глинобитным или каменным подом (Лунка-Чурей) или же глинобитными печами (Лукашевка II, жилище 2). Существует мнение [Федоров Г. Б., 1960б. С. 19], что полуземлянные жилища как более теплые выполняли свою функцию в осенне-зимний период.

Были распространены очаги, расположенные снаружи возле жилища, используемые в теплое время года. Здесь же, возле жилищ, размещались хозяйственные ямы диаметром и глубиной до 1 м, горловину которых, вероятно, закрывали крышками. На поселениях известны производственные постройки: в Бронештах открыта печь для обжига посуды, в Ульме раскопана мастерская, связанная с изготовлением бронзовых предметов.

**МОГИЛЬНИКИ.** Погребения культуры Поянешти—Лукашевка в настоящее время не имеют никаких наземных признаков, поэтому их обнаружение является делом далеко не простым, чаще всего случайным. Вследствие этого известно всего четыре могильника: Поянешти, где раскопано 152 погребения, Лукашевка — 21, Боросешти — 150 (материалы последнего могильника до сих пор не опубликованы) и Долияны — 44. Кроме того, в разных местах (Сипотень, Круглик, Гринчук на территории СССР, Буханешти, Костелуени, Градиште-Креиничены, Рэкзату, Сату-Ную в Румынии) открыто несколько единичных погребений, что свидетельствует, возможно, о существовании

в этих пунктах могильников. Могильники, как правило, находятся в непосредственной близости от поселений, в сходных топографических условиях. Погребения располагались на расстоянии не менее 0,5 м друг от друга и образовывали отдельные группы (табл. XXIX, 7, 13).

Погребальным обрядом было трупосожжение. Известно единственное трупосожжение (погребение ребенка в Градиште-Креиничены), которое следует рассматривать как исключение. Трупосожжения производились в определенных местах за пределами территории могильника: так, три кострища были обнаружены в Поянешти в 300 м к югу от могильника. Аналогичная по назначению яма найдена в Боросешти. После кремации пережженные кости обычно отделялись от угля и золы. Лишь в нескольких погребениях (Лукашевка, погребения 4, 10, 15) встречены остатки погребального костра.

Почти все погребения были урновыми (табл. XXIX, 9—12). Урну ставили на чистое дно могильной ямы, однако известны погребения (Лукашевка, погребение 11), в которых урны стояли на остатках погребального костра. Остатки костра в виде золы и кусочков угля фиксировались возле урн и в засыпках ям еще нескольких погребений Лукашевки и Боросешти. Могильные ямы часто бывали неудобными. Их рыли в черноземном грунте, в таких случаях контуры не прослеживались. Более глубокие ямы (в Поянешти — 0,5—1,1 м, в Лукашевке — 0,65—1,3 м) оказались круглыми (диаметром — 0,5—0,6 м).

Урнами служили чернолощенные столовые горшки, реже — кувшины и миски. В Сипотенях в качестве урн использовались бронзовые ситилы. Урны, как правило, закрывались крышками, которыми в большинстве случаев служили чернолощенные столовые миски (табл. XXIX, 9). В урны клали предметы, побывавшие в огне: фибулы, металлические детали пояса, браслеты, бусы, пронизы, ножи, пряслица, иглы, шилья, бритвы, пинцеты, иногда оружие (Боросешти, погребение 29). Встречаются также захоронения без погребального инвентаря. В могильнике Боросешти в большей части погребений (74 из 117), помимо урн, находились еще и другие сосуды.

Встречаются и безурновые трупосожжения (табл. XXIX, 8, 14, 16), а также кенотафы. В безурновых захоронениях (Поянешти, погребение 344; Лукашевка, погребение 4; несколько погребений в Бранешти; большинство (34 из 44) в Долиянах) пережженные кости были положены непосредственно на дно могильной ямы, также очищены от остатков погребального костра и иногда покрыты крышкой (табл. XXIX, 17). Кенотафы обнаружены в могильнике Поянешти.

**КЕРАМИКА.** На памятниках культуры представлены три группы посуды. К первой группе относится лепная кухонная посуда с шершавой поверхностью. Ко второй — лепная столовая посуда с лощеной поверхностью. Третью группу составляет многочисленная импортная древнегреческая и кельтская керамика.

Обломки посуды первой группы составляют до 90% находок керамики на поселениях. Эта керамика представлена на горшках, мисках, коническими чашками с массивной ручкой, иногда имеющими пустотелую ножку, кувшинами, крышками для горшков, скво-

родками-лепешницами в виде дисков, дырчатыми сосудами «дуршлагами», миниатюрными сосудами. Ведущей формой являются горшки ( $3/4$  керамики этой группы). Корпус у горшков, как правило, округлобкий (табл. XXXI, 48—51). По форме верхней части горшки можно разделить на несколько вариантов: с невыделенной шейкой, с прямой отогнутой наружу шейкой, с изогнутой и отогнутой наружу шейкой. Второе место принадлежит мискам, среди которых выделяется несколько типов: с загнутым внутрь венчиком, с вертикальной шейкой и горизонтально срезанным краем, с эсвидноизогнутой шейкой. Для крышек характерны конический широкий и относительно низкий корпус и массивная пустотелая ручка. Диаметры венчиков крышек соответствуют диаметрам венчиков кухонных горшков, что указывает на их функциональное назначение. Некоторые исследователи не исключают возможности использования посуды этого типа в качестве светильников (табл. XXXI, 56). Глиняные диски диаметром до 25 см, толщиной до 1 см имели одну сторону шершавую, другую лощеную, иногда ориентированную. Скорородками их можно называть лишь условно ввиду отсутствия бортика, а в роли лепешниц они известны по материалам этнографии. Подобные лепешницы были широко распространены в соседних культурах — зарубинецкой и пшеворской, синхронных пояншти-лукашевской культуре. Дырчатые сосуды скорее всего служили курильницами, а не дуршлагами. Встречаются обломки днищ горшков с одним отверстием в центре диаметром до 1 см, которые и использовались для приготовления творога. Сосудики высотой 3—5 см повторяют формы горшков. Видимо, они были детскими игрушками.

Орнамент встречается главным образом на горшках. В большинстве случаев это рельефные напелы: пишечки, вертикально и горизонтально расположенные ушки, подковки, горизонтальный валик, расчлененный ямками или насечками, иногда пишечками (табл. XXXI, 48—51). Истоки этого орнамента прослеживаются в местной гетской керамике предшествующего времени — IV—III вв. до н. э. Реже встречаются пальцевые вдавления и насечки по венчику и стенкам.

Небольшое количество горшков (по материалам Круглика — не более 8%) имело специально опшербленный, «хрповатый», корпус с подлощенной донной частью и шейкой, отделенной от тулова расчлененным валиком или желобком. Такая керамика ведет свое происхождение от сосудов лужицко-поморских и ясторфских памятников Средней Европы.

Посуда с лощеной поверхностью отличается аккуратной, старательной обработкой. В керамической массе этой посуды нет крупных примесей, она хорошо отмучена, формовка и лощение выполнены очень тщательно, обжиг, как правило, равномерный, скорее всего печной, а не костровый. Наружная поверхность имеет черный или темно-серый цвет. Лощеная керамика представлена в основном мисками и горшками, в меньшем количестве встречаются кувшины. Известны миски двух типов. Миски первого типа имеют эсвидный профиль, выделенную шейку и плавное округлое плечо. Венчики таких мисок, как правило, короткие утолщенные с сильным

отгибом, с внутренней стороны у них имеется две четкие грани (табл. XXXI, 39—41). Аналогии мискам с граненым венчиком дают материалы пшеворской и ясторфской культур. Миски второго типа не имеют выделенной шейки, венчик у них округлый (табл. XXXI, 38). Эти миски делались более высокими и узкими. Кружки с небольшими Х-видными ручками повторяют профилировку мисок первого типа. Иногда такими ручками были снабжены и сами миски.

Горшки разделяются на четыре типа. К первому типу принадлежат многочисленные горшки приземистых пропорций (высота до 18 см, диаметр венчика до 28 см), часто с граненым коротким, плавно изогнутым венчиком, высоко расположенными плечиками и узким дном (диаметр 6,5—10 см) (табл. XXX, 84). Ко второму типу относятся горшки подобной формы, но с острым плечом, встречаются они редко. К третьему типу принадлежат высокие горшки с низко расположенным плечом, слабоотогнутым венчиком с округлым краем, широким дном (табл. XXX, 27, 43). Четвертый тип — это большие округлобкие сосуды с прямой наклоненной внутрь длинной шейкой, отделенной уступом от тулова (табл. XXX, 62, 63); аналогии им дают материалы позднепоморской культуры и губинской группы ясторфской культуры.

Кувшины одноручные, их корпус имеет вытянутые пропорции, округлое плечо помещено на середине высоты (табл. XXX, 58, 71). Венчик у кувшинов короткий, сильно отогнутый и граненый. Ручки плоские ленточные, прикрепленные одним концом к венчику, другим — к плечу. Подобные кувшины были распространены в поморско-ясторфском круге культур.

Импортная керамика представлена обломками античных амфор эллинистических типов и сосудов кельтского производства. Амфорный материал встречен на 27 поселениях, в том числе на 18 поселениях найдены родосские амфоры [Babes M., 1978. P. 1—21]. Доля таких находок невелика, не более 5% всей керамики. Еще реже встречается кельтская графитированная керамика, найденная на территории Румынии (Бойчени, Борсешти, Ботошани, Лунка-Чурей). Находки импортной керамики ценны тем, что дают основания для установления хронологии пояншти-лукашевской культуры.

**ВЕЩЕВОЕ ИНВЕНТАРЬ.** Среди орудий труда в первую очередь выделяются ножи с горбатой и прямой спинками (табл. XXXI, 25—30). Более древние из них — с горбатой спинкой и слегка вогнутым лезвием, длиной 11—14 см. Ножи с прямой спинкой появляются лишь в конце I в. до н. э., размеры их также невелики. Ножи носили в деревянных ножнах, железные и бронзовые обкладки которых встречены в мужских и женских погребениях (Лукашевка, погребения 1, 40) и на поселениях.

Известны наральники (Круглик) и небольшие железные серпы с выступающим крюком для крепления рукоятки (Круглик — 7 экз., Лукашевка II — 1 экз., несколько экземпляров с территории Молдовы). Подобные серпы в то время имели широкое распространение во многих культурах Европы. Встречен небольшой топор с вертикальной втулкой для рукоятки. Топоры этого типа считаются по происхождению



латенскими. Шилья длиной до 11 см делались четырехгранными, с двумя заостренными концами, один из них был рабочим, на другой набивалась рукоятка. Железные иглы длиной до 5 см использовались для работы с грубыми тканями. Найдены небольшие долота и пробойники, рыболовные крючки, щипцы и бритвы (табл. XXXI, 24). Туалетные щипцы и серповидные бритвы имеют аналогии в ясторфских древностях.

Из глиняных орудий труда наиболее многочисленны пряслица (табл. XXXI, 42—44). Размеры пряслиц невелики (высота и диаметр около 3 см), форма разнообразная, чаще всего биоконическая, известны и шаровидно уплощенные, и горшкообразные пряслица. Некоторые из них украшены геометрическими узорами из прочерченных линий. Часто встречаются пряслица из стенок сосудов, преимущественно античных, а также латенских кухонных горшков и чернолощенных столовых сосудов. Из глины изготовлялись небольшие конусовидные грузики, вероятно, применявшиеся для ловли рыбы, и довольно крупные (высота до 10—12 см) пирамидальные грузила для ткацкого станка.

Каменные орудия представлены зернотерками, растиральниками и точильными брусками. Зернотерка из Лукашевки — это песчаниковая плита толщиной 5 см с полукруглым углублением, расположенным в центре. Растиральники из твердого песчаника (длина до 10 см) имели коническую форму, верхняя часть орудия служила рукояткой, нижней уплощенной частью растирали зерно. Точильные бруски также делались из плотного песчаника, имели прямоугольную форму.

Проколки изготовлялись из ребер или расколотых костей конечностей животных. Рабочие концы проколки заострены, а поверхность зашлифована. Проколки встречаются на многих поселениях.

Предметы снаряжения воина и коня очень редки, поскольку по ритуальным обычаям их не клали в могилы. Известны единичные находки бронзовых наконечников стрел позднескифских типов (Лукашевка II, Алчедар, Машкауцы; табл. XXXI, 31, 32), что указывает на контакты с областью скифской культуры. В основном оружие происходит с территории Румынии. В Молдове обнаружены наконечники копий, характерной особенностью которых были длинные втулки. Найдены один кельтский меч среднелатенского типа (могилишка Борешти, погребение 29) и два германских меча (Ракэтуз, Корни). Из предметов снаряжения назовем шлем фракийского типа (Бубучи), прямоугольные кельтского типа умбоны щитов (Борешти, погребение 29) и круглый умбон из Ракэтуза. Здесь же найдены фрагменты кольчуги. Встречены удила скифского (Борешти, Бубучи) и кельтского (Поянешти, Трушешти) типов.

Украшения изготовлялись из бронзы, железа, серебра, золота, стекла, кости и глины. Часто встречаются литые бронзовые и кованые железные браслеты, почти всегда украшенные ровными насечками или бороздками. Известны браслеты с несомкнутыми концами, украшенные несколькими шариками; свернутые в полтора-два оборота, с концами, завязанными в несколько витков; браслеты, средняя часть которых раскована в пластинку и свернута

в трубочку (табл. XXXI, 12—14). Реже попадаются бронзовые литые кольца с несомкнутыми, уточняющимися концами (диаметр колец около 2 см), бронзовые серги в виде петельки (могилишки Лукашевка и Поянешти; табл. XXXI, 18), очковые подвески из тонкой проволоки, концы которых свернуты в две круглые спирали (табл. XXXI, 21). Одна такая подвеска была встречена в Лукашевском могильнике вместе с железной фибулой среднелатенской конструкции. Бусины бронзовые, стекляно-пастовые (табл. XXXI, 16), костяные и глиняные найдены как в могильниках (в женских погребениях), так и на поселениях. Форма бусин разнообразна — шаровидная, цилиндрическая, эллипсоидная, плоская. Пастовые бусины белые, синие, полихромные (глазчатые).

Серебряные (4 экз.) и золотая (1 экз.) спирали найдены в Лукашевском могильнике. Они сделаны из тонкой прямоугольной в сечении проволоки, насчитывают от 16 до 32 витков. Такие спирали входили в состав ожерелья. Они характерны для гетских и вообще дунайских древностей этого времени (табл. XXX, 51, 67). Костяная плоская круглая бляшка диаметром около 2 см, орнаментированная двумя врезными несомкнутыми полукруглыми линиями, обнаружена в Лукашевском могильнике.

Наиболее часты железные фибулы, более редки бронзовые, одна — серебряная (Сипотены). Большая часть фибул найдена в погребениях: 39 — из могильника Поянешти, 11 — из Лукашевского могильника, около 20 — из Долиния, одна — из Сипотены. В одном из жилищ на поселении Рудь найдена наиболее ранняя фибула духцовского типа, хотя ее принадлежность именно к поянешти-лукашевскому комплексу не вполне достоверна. По особенностям конструкции фибулы разделяются на средние и позднелатенские. К среднелатенской схеме относятся «расчлененные» железные фибулы с бронзовыми шариками на ножке и синьке, а также гладкие провололочные фибулы нескольких вариантов с разным изгибом ножки и дужки и различным расположением их скрепления. Большое число фибул принадлежит к варианту В по Я. Костевскому, имеет плавный или более резкий изгиб ножки (табл. XXX, 16; XXXI, 3—5, 7). Из могильника Долиния происходят фибулы вариантов D и E по Я. Костевскому, судя по скреплению, помещаемому посредине дужки и по другим деталям конструкции. Все такие фибулы имели широкое распространение на территории Средней Европы, особенно в культурах кельтского и ясторфского круга. Одна фибула зарубинецкого типа с треугольной спинкой найдена на поселении Лукашевка II (табл. XXXI, 6).

Железные фибулы позднелатенской схемы обнаружены в могильниках Поянешти, Долиния и на поселении Круглик. Среди них фибулы с прямой спинкой, согнутой под прямым углом к головке и ножке, и с прямоугольным приемником (табл. XXX, 52—55) имеют аналогии в Средней Германии и относятся к типу Каммер [Hachmann R., 1961, Taf. 2—41]. Фибула с поселения в Круглике имеет рамчатый приемник (табл. XXX, 9).

К предметам личного убора относятся пряжки, застегивки, пуговицы. Пряжки железные кованые круглые диаметром 2,5—4 см (табл. XXXI, 2).

Характерными находками являются поясные крючки разной формы: в виде длинной узкой пластины с ушком; треугольные с накладкой на конце; трапециевидные из железной пластины, иногда покрытой бронзовым листом (табл. XXX, 21, 22, 34, 35, 48—50; XXXI, 1). Многочисленные аналогии таким поясным крючкам известны среди материалов исторфской и зарубиной культуры.

На Лукашевском поселении обнаружена небольшая бронзовая фигурка идола, отлитого в односторонней форме. Фигура одета в длинный кафтан. Голова у нее удлинённая, нос выступающий, прямой. Правая рука согнута в локте, ее кисть положена на живот; левая рука вытянута, кисть — в области паха. Ноги фигурки короткие, согнутые в коленях (табл. XXXI, 23). Г. Б. Федоров [1960б, С. 45] считает статуэтку кочевническим идиолом. М. А. Романовская [1969, С. 93] относит идола к кругу кельтских ритуальных изображений. В круг ритуальных предметов входят также ожажные подставки из Боросетти и Гельсхте, украшенные меандровым орнаментом и солярными знаками (табл. XXXI, 55).

Импортные предметы занимают очень небольшое место среди материалов поселений и могильников. К ним относятся обломки эллинистических амфор, в том числе с клеймами на ручках конца III — начала и середины II в. до н.э. (табл. XXX, 57, 87, 89), встреченные на 27 поселениях; обломки кельтских тонкостенных графитированных сосудов последних веков до нашей эры, известные на некоторых памятниках Молдовы. Импортными являются пастовые и стеклянные бусины античного производства, которые, как и амфоры, попадали на территорию культуры Поянешти—Лукашевка из античных городов Северного Причерноморья, в первую очередь из Тира. Некоторые вещи связаны с кельтским миром. Это бронзовые сосуды — ситулы, кратер и котел, деревянные котелки с железной оковкой, железный топор с вертикальной втулкой, фибулы латенских типов, поясные наборы, меч, удила, умбон щита из могильника Боросетти, шлем из Бобуея. Встречаются также металлургические изделия германского круга древностей: фибулы поморского типа, бронзовые ожерелья в виде корон, умбон щита из могильника Ракэтэу. С зарубиной культурой связана фибула из поселения Лукашевка (табл. XXXI, 6), но она могла относиться и к числу «копьевидных» фибул, распространенных в балканских землях [Каспарова К. В., 1981, С. 69].

**ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ХРОНОЛОГИЯ.** Периодизация поянешти—лукашевской культуры детальной разработки в советских исследованиях пока не получила, хотя первые наброски сделаны уже давно. Д. А. Мачинский выделял в могильнике Поянешти две хронологические группы погребений, наметив в общих чертах последовательность захоронений. Он сопоставил с ними некоторые погребения Лукашевского могильника и попытался расчитать материалы селца Лукашевка II [Мачинский Д. А. 1966а, С. 83—88]. Суммарная периодизация, построенная на сочетании сосудов и фибул, предложенная С. П. Пачковой [1985, С. 19—22. Рис. 4], ошибочно исключившей из поянешти—лукашевской культуры могильник Долиняны. Известна общая схема периодизации культуры М. Бабеша, обоснованная

выделенными хронологическими группами инвентаря [Babes M., 1985, P. 201—205, Fig. 13—15].

Представленная схема периодизации (табл. XXX) является результатом анализа вещей трех могильников: Поянешти [Vulpe R., 1953; Babes M., 1980], Лукашевского [Федоров Г. Б., 1957] и Долиняны [Смирнова Г. И., 1981] с учетом материалов из раскопок Смирновой Г. И. в 1985 и 1987 гг. Привлечение и находки на поселениях, особенно важные для определения ранней даты культуры. Эта разработка опирается главным образом на исследования М. Бабеша, касающиеся относительной хронологии культуры. Но его позиция в проблеме абсолютной датировки может быть несколько уточнена.

Основные исследования могильники — Поянешти, Боросетти, Лукашевка и Долиняны, несмотря на некоторые различия в составе инвентаря и особенностях обряда, достаточно надежно связаны ведущими типами вещей и основными элементами ритуала, позволяющими проследить общую картину их эволюции. Корреляция ведущих форм инвентаря (фибулы, поясные крючки, типы керамики и некоторых других вещей) из погребений и их сопоставление позволили выделить три основные группы захоронений, соответствующие хронологическим фазам. В Поянешти наиболее полностью представлена фаза I. Некрополь в Боросетти, согласно разработкам М. Бабеша, возник несколько позднее и существовал дольше: в нем основная часть погребений приходится на фазу II, переход к которой на обоих памятниках произошел одновременно и связан с притоком новых групп населения с германской территории [Babes M., 1985, P. 202]. Лукашевский могильник заложен, видимо, в конце фазы I существования предыдущих и развился в фазе II. В Долинянах не обнаружены погребения фазы I (но памятник раскрыт еще не полностью), а фаза II диагностирована рядом комплексов с вещами, аналогичными найденным в других могильниках. Некрополь в Долинянах функционировал и позднее остальных — пока только на нем выделена ранее лишь слабо намечавшаяся в поянешти—лукашевской культуре фаза III (находки на поселении Круглик, погребение в Ракэтэу). Такова общая схема периодизации культуры, в которой почти каждый памятник отличается своеобразием, обусловленным ее сложным генезисом.

В могильнике Поянешти фазу I определяют многочисленные фибулы среднелатенской схемы с шариками и редкие экземпляры варианта А по Й. Костешевскому (табл. XXX, 52—54, 56), а также ранние фибулы позднелатенской схемы с длинной спиралью, прямой спинкой и приемником прямоугольной формы (табл. XXX, 55). Аналогичные в могильнике Каммер в Средней Германии и в других памятниках тоже сочетаются с фибулами, расчлененными шариками [Hachmann R., 1961, S. 90—93. Abb. 29, 2. Taf. 1; 2, 42, 45; Müller R., 1985, Taf. 17, 13—17. Abb. 13]. Характерным признаком фазы I служат также поясные крючки: длинные узкопластинчатые с ушком на противоположной стороне и небольшие «язычковые» (табл. XXX, 48, 49). Встречаются крючки треугольной формы с дополнительной накладкой на одном конце (табл. XXX, 50) и узкие с прямоугольным основанием (фрагмент крючка та-

кого типа представлен в табл. XXX, 66). На поянешти-лукашеских памятниках Румынии встречены поясные крючки разнообразных типов, имеющие многочисленные аналоги в женских погребениях могильников ясторфского круга [Babes M., 1985. Fig. 9, 14; Nachmann R., 1961. S. 90—99. Taf. 5; Keiling H., 1979. S. 21, 22. Abb. 12. Taf. 1, 89; Domański G., 1975. S. 23—27. Tab. XII, m; XIII, f; XIV, j и др.].

Перечисленные поясные крючки, фибулы, а также сочетающиеся с ними стеклянные бусы с внутренней позолотой, спиральные пронизки и другие вещи (табл. XXX, 51, 60) в инвентарных комплексах в различных сочетаниях комбинируются с горшками с высокой прямой горловиной, отделенной уступчиком от округлобочкового тулова. Эти сосуды — ведущий тип фазы I [Babes M., 1985. Fig. 4, 14]. Иногда они декорированы зонами расчесов, нанесенных гребенчатым штампом; единичны сосуды, украшенные меандром и ритоновидными налепами (табл. XXX, 65). Кроме того, для фазы I характерны горшки с короткой шейкой, выпуклыми плечиками и слегка отогнутым прямым венчиком (табл. XXX, 69), кушины с цилиндрическим горлом, искосидной плоской ручкой (табл. XXX, 58) и, в отличие от горшков, подгранным краем венчика. Среди мисок, преобладающих в керамическом комплексе, характерны открытые низкие с фацированными краем венчика, со слабовыраженными плечиками и петельчатой искосидной ручкой (табл. XXX, 75). Встречаются миски других пропорций: более глубокие, с профилированными плечиками, а также без ручек (табл. XXX, 59, 64). В жилище 4 поселения Лукашевка II найдены миски близких форм без ручек (табл. XXX, 79, 80, 82, 83, 85, 86). В могильнике Лукашевка лишь несколько захоронений предположительно можно связать с концом фазы I, скорее даже с переходом к следующей. Таково погребение 15, где в высокой миске, прикрытой низкой миской, находился упомянутый выше фрагмент поясного крючка (табл. XXX, 66), характерного для ранней фазы могильника Боросешти [Babes M., 1985. P. 195, 202. Fig. 9, 11, 1a].

К переходному периоду относится, вероятно, погребение 6 в Лукашевке с золотыми спиральными пронизками. Аналогичные бронзовые пронизки характерны для румынских могильников фазы I. В Лукашевке пронизки такого же типа встречаются в комплексах фазы II, к которой принадлежит основная масса захоронений. На рубеже фаз I и II, вероятно, было совершенно погребение 250 в Поянешти, в не типичной для могильника биконической урне (табл. XXX, 28), которая находит аналоги среди исторфской керамики Голштинии и Мекленбурга [Keiling H., 1979. Abb. 12. Taf. 46, 309; 55, 390; 67, 247]. Высокая миска, накрывавшая урну, относится к типу, известному в обеих фазах, а сопровождавший захоронение железный браслет с напусковой бусиной аналогичен найденному в Долинянах (табл. XXX, 31), где ему сопутствовала фибула варианта В, характерная для фазы II. К этому же времени принадлежит одиночное погребение у с. Гринчук с урной близкой формы (табл. XXX, 84), а также, возможно, погребение у с. Круглик, где сочетались фибула предположительно варианта В (фрагментирована) и горшок с отогнутым краем и вытянутоокруглым туловом

с четырьмя ушками на плечиках (табл. XXXI, 46). Сравнительно близкие аналоги таким сосудам в ясторфских памятниках относятся к периоду, предшествовавшему распространению фибул варианта В в поянешти-лукашеской культуре [Keiling H., 1979. S. 31—36. Abb. 9, 12. Taf. 28, 184; 30, 195; 44, 294].

Фаза II — период наибольшего расцвета культуры. В результате очередного притока населения из ясторфского ареала, в том числе из наиболее северных германских областей, появляются новые поселения и могильники, а на ранее существовавших наступает следующая фаза. В это время развивается Лукашеский могильник и возникает некрополь в Долинянах. В Поянешти погребения совершаются в высоких глубоких мисках с ручками, а крышками для них служат как прежние низкие миски, так и более глубокие, иногда без ручек (табл. XXX, 24, 26). Встречаются погребения в кружках, накрытых кружками (табл. XXX, 25). В Лукашевском могильнике в качестве урн также употребляются мисковидные сосуды, близкие поянештским, закрытые мисками разных пропорций, в том числе и низкими (табл. XXX, 44, 47, 68, 78). Для этой фазы в Боросешти [Babes M., 1985. Fig. 4, Vb. P. 201, 202] и Лукашевке характерны кушины с невыделенной горловиной и раздутым туловом (табл. XXX, 46), реже урнами служат высокие горшки с прямой короткой горловиной (табл. XXX, 27, 43). Широко распространена профилировка края венчиков всех сосудов двумя-тремя гранями — черта, свойственная керамике ясторфского круга и других синхронных латенизированных культур [Domański G., 1975. S. 101]. В Долинянах немногочисленные урны представлены горшками с ручкой, мисками средних размеров и мисковидными сосудами, а также нелощеными горшками с шишечками на тулове. Некоторые миски имеют граненый или скошенный край венчика, другие — округлый или прямой. Характерны для фазы II миниатюрные сосудики (табл. XXX, 42). К ведущим хронологическим индикаторам фазы II относятся фибулы варианта В (табл. XXX, 16, 17; XXXI, 3—5, 7), а также близкие варианты Н (табл. XXX, 3; XXXI, 10, 11), особенно многочисленные в Боросешти и Долинянах, но отсутствующие в Лукашевке и редкие в Поянешти, где лишь одна из фибул близкого типа, возможно, относится к варианту Д (табл. XXX, 19). В этот же период появляются большие позднелатенские фибулы со слабопрогнутой спинкой и рамчатым приемником и небольшие — с длинной пружинкой (табл. XXX, 9a; XXXI, 9) [Godłowski K., 1977. S. 58, 59, 129, 138. Tab. VII, 6; IX, 4—8]. К фазе II, скорее к ее началу, принадлежит фибула зарубинского типа варианта III по А. К. Амброзу из поселения Лукашевка II (табл. XXXI, 6). В фазе II появились новые формы поясных крючков — большие пластинчатые трепещевидной или треугольной формы; целиком железные (табл. XXX, 21—23, 35; XXXI, 1) или плакированные бронзовым листом (табл. XXX, 34). По классификации М. Бабеша [Babes M., 1983. P. 196—221], такие поясные крючки относятся к типам 1 и 2 бастарской группы. Поясные крючки и упомянутые фибулы часто сочетались в погребениях с полыми бронзовыми браслетами (табл. XXX, 36;

XXXI, 12, 14). Характерны для этой фазы и железные браслеты в один-два оборота с завязанными концами (табл. XXX, 32; XXXI, 13), пастовые полихромные бусы, в том числе с «глазками», а для могильника Долиняны в ямных погребениях — инвентарные наборы с миниатюрным сосудком, пряслицем, фибулой варианта В. В Долинянах и Поянешти к этой фазе относятся железные ножи с горбатой спинкой и выделенным черенком со штифтами для скрепления накладки (табл. XXXI, 25, 26). На поселении Горошова фаза II фиксируется находками фрагментов очажных подставок (табл. XXXI, 55), аналогичные которым встречаются на поянешти-лукашевских памятниках Румынии, на севере Германии, в Ютландии [Babes M., 1985. Fig. 6] и графитированной кельтской керамики [Пачкова С. П., 1983. С. 45].

В конце фазы II могильники Борошешти и Поянешти прекращают функционировать; в Лукашевском намечается лишь переход к следующей фазе: появляются ребристые миски, исчезает многогранный венчик, который чаще оформлен одной гранью. В Долинянах к переходному периоду, возможно, следует отнести погребение с необычной фибулой среднелатенской схемы, близкой варианту J по специфическому загибу ножки, но с верхней титовой (табл. XXX, 4). Этот вариант фибулы характерен для ясторфских и оксывских памятников [Hachmann R., 1961. S. 130. Taf. 1, 2; 17, 18; Godtowski K., 1977. S. 120, 186].

Фаза III в могильнике Долиняны представлена несколькими ярко выраженными комплексами, свидетельствующими о притоке в северо-восточную зону поянешти-лукашевской культуры новых групп из ясторфских областей. Надежными индикаторами этой фазы служат прогнутые фибулы вариантов М и N (табл. XXX, 1, 2, 5—7). В этой фазе еще не вышли из употребления фибулы варианта G/H, судя по комбинации с вариантом N в погребении 22 (табл. XXX, 3). В этом же комплексе находился нож с узким прямым лезвием и штифтом на черенке, а в другом — прямой нож с упором для рукоятки и наконечник футляра ножа (табл. XXX, 11—13). Для этого же периода характерен бронзовый браслет с тройными шишечками латенского типа (табл. XXX, 8). К наиболее поздним находкам в Долинянах относятся наконечник римского глadius с округлой шишечкой на конце (табл. XXX, 10). В одном из погребений с фибулами варианта N урной служил крупный нелощеный мисковидный сосуд с тонкими вертикальными расчесами на тулове (табл. XXX, 14). Подобный орнамент широко распространен на ясторфской керамике. Сосуд подобной формы (табл. XXXI, 52) происходит из могильника Борошешти [Babes M., 1985. Fig. 5, 2], что позволяет предполагать появление этой формы еще в фазе II (или в Борошешти захоронения продолжались и в фазе III?). Фаза III представлена на поселении Круглик характерной ребристой миской и фибулой позднелатенской схемы с рямчатой ножкой и слабопрогнутой спинкой (табл. XXX, 9).

Для периодизации поселений нет надежных стратиграфических данных. М. Бабеш предлагает разделять их на две фазы по наличию или отсутствию родосских амфор с клеймами. Некоторым подтверж-

дением этому служат сопутствующие находки: на поселениях с фрагментами амфор найдены подставки очага типа I (Борошешти, Лунка-Чурей), на других — подставки типа II, поздняя «поморская фибула», более развитые формы керамики [Babes M., 1985. P. 203, 205]. Поселения Бошеш, Глазешти, Зворыштя, относимые прежде [Babes M., 1978. P. 12] к еще более ранней фазе, теперь выделены в категорию памятников, принадлежность которых к поянешти-лукашевской культуре дискуссионна [Babes M., 1985. P. 185, под. 4].

Хронология поянешти-лукашевской культуры рассматривалась многими исследователями, в мнениях которых не было единства. Существовало до недавнего времени и расхождение в датировках поселений и могильников, ибо даты амфорных клеев, известных на поселениях, не соответствовали общепринятой хронологии фибул латенских типов из погребений. Могильники Поянешти и Лукашевский были по фибулам датированы II—I вв. до н.э. [Vulpe R., 1953. P. 491—506; Федоров Г. Б., 1960б. С. 44]. К концу II — началу I в. до н.э. относил оба могильника Р. Хакмани [Hachmann R., 1961. S. 118—123]. Д. А. Мачинский определял хронологические рамки могильника Поянешти концом II — серединой III в. до н.э. [Мачинский Д. А., 1966а. С. 80—86], в то время как К. Такенберг отводил последнему только вторую половину того же столетия [Tackenberg K., 1962—1963. S. 423]. М. А. Романовская [1968. С. 1—21], датировала культуру в целом II—I вв. до н.э. Затем было предложено ограничить рамки поянешти-лукашевской культуры (с учетом поселений) рубежом III—II вв. до н.э. или началом II — второй половиной I в. до н.э. [Пачкова С. П., Романовская М. А., 1983. С. 66; Пачкова С. П., 1985. С. 23].

Хронологическое членение поянешти-лукашевской культуры базируется на синхронизации с другими культурами позднего предримского времени, в первую очередь с родственными ясторфскими (ранней фазой по Р. Хакманну, с отрезками «b» и «c» средней фазы и с поздней фазой «d»). Фазы развития поянешти-лукашевской культуры сопоставимы и с периодизацией конкретных ясторфских регионов, хотя и не полностью с ними совпадают [Babes M., 1985. P. 23. Fig. 15]. Кроме того, поянешти-лукашевская культура синхронна фазам II и III родственной ясторфской группы на среднем Одере (губинской) [Domański G., 1975. S. 92]. Для определения абсолютных дат культуры наиболее важно ее сопоставление с латенской хронологией. М. Бабеш считает, что ранняя фаза приблизительно соответствует латену C<sub>2</sub>, а последующие — фазам D<sub>1</sub> и D<sub>2</sub>. Основываясь на сопоставлении с поселениями амфорных клеев, наиболее ранняя дата которых 240—175 гг. до н.э., и керамики, характерной для могильников, исследователь полагает, что последние должны быть синхронны поселениям и начало формирования культуры следует относить к первой половине II в. до н.э., не позднее 150 г. до н.э. [Babes M., 1978. P. 15; 1985. P. 203, 205, Fig. 15].

Для наиболее обоснованной датировки культуры необходимо учитывать разработки последних лет в области латенской хронологии, приведшие к пересмотру

хронологической системы эпохи латена; соответственно изменилась и синхронизация ступеней развития европейских латенизированных культур позднего предримского времени. К. Годловский, первым обобщивший результаты многих исследователей [Godłowski K., 1977. S. 39, 45, 116], сопоставил раннюю фазу латенизированных культур (к которым относятся и поянешти-лукашевская) не с началом Латена D, как считал Р. Хахманн, а с частью Латена C<sub>1</sub> и фазой C<sub>2</sub>. Последующие разработки усилили аргументы в пользу «удревнения» датировок, но по-прежнему окончательно не определены границы между фазами в абсолютной хронологии: между B<sub>2</sub> и C<sub>1</sub> они варьируют в пределах 250–180 гг. до н. э., несмотря на попытки уточнений; по-прежнему не имеет опорных точек рубеж фаз C<sub>1</sub> и C<sub>2</sub>, который определяется приблизительно серединой II в. до н. э. Важное значение имеют данные дендрохронологии, полученные по материалам из некоторых кельтских могильников. Они уточняют границы фазы C<sub>1</sub> — это вторая половина III в. до н. э. — начало II в. до н. э., а одно из погребений с «расчлененными» фибулами датировано 208 г. до н. э. [Haffner A., 1979. S. 405–409]. Эти фибулы близки типам, характерным для фазы C<sub>1</sub>, выделенным Й. Буйной для латенских культур Карпатской котловины [Bujna J., 1982. S. 321, 325, 339–344. Taf. 4, 30, 31], а также фибулам, диагностирующим ранние фазы латенизированных культур. В результате этих изменений «удревнилась» и ранняя дата могильников поянешти-лукашевской культуры, приблизившись к датировкам эллинистических амфор из поселений. Их ранняя дата фиксируется по фрагментам амфорных ручек с клеймами из Лукна-Чурей, Боросешти, Борниш, Лукашевки II, которые датируются в пределах 210–146 гг. до н. э. по хронологической схеме В. Грейс [Babes M., 1985. P. 193]. В некоторых комплексах, в ямах и жилищах, они найдены совместно с керамикой, аналогичной погребальной. Так, на поселении Боросешти ручка с клеймом (табл. XXX, 57), которая относится к периоду III производства амфорных амфор, т. е. датируется 220–180 гг. до н. э. (или 210–175 гг. до н. э. по В. Грейс), сочеталась в яме А с ложено-«хрповатой» керамикой, характерной для могильников, и с грубыми горшками с шишечками на тулове [Babes M., 1985. P. 193]. Аналогичное сочетание в жилище 4 на селище Лукашевка II: фрагменты ручек с клеймами периодов III и IV (210–146 гг. до н. э. по той же схеме; табл. XXX, 87, 89), ложенные миски, фрагменты горшков, в том числе и типичных для ранних погребений, а также нелощеных горшков с напеками-шишечками. Нелощеную кухонную керамику с рельефным орнаментом в виде разнообразных налепов-упоров, шишечек, валиков, иногда расчлененных ямками, обычно относят к гето-дунайскому субстрату в поянешти-лукашевской культуре. М. Бабеш, убежденный в отсутствии автохтонного компонента, считает, что многие формы грубой керамики, квалифицированные как гетские (в том числе банковидные сосуды), находят аналогию в германских (ясторфских) культурах, куда и уходят ее корни наравне с чернолощеной поянешти-лукашевской керамикой [Babes M., 1985. P. 186. not. 5]. Не вдаваясь в подробности этой дискуссии, отметим только, что грубая керамика, орнаментированная шишечками, валиками, ямками и другими рельефными

элементами декора (не говоря уж о всеми признанной посуде с «хрповатой» поверхностью), действительно присуща не только гето-дакийскому миру. Эти приемы орнаментации на сосудах различных форм характерны для лужицкой и поморско-подклевешвой культур, а также встречаются на керамике поселений, реже — в могильниках культур ясторфского круга в широком ареале, вплоть до Ютландии [Keiling H., 1969. Taf. 61, a, d; Seyer H., 1982. Taf. 5, 5; 6, 2; 22, 20; Domański G., 1975. Tab. XIV, a, k; XXII, k, m; XXIII, p; XXVI e, m, n; XXXVII, p]. Однако трудно исключить и полное отсутствие связей пришлое население с автохтонной средой. Находки керамики с характерными гетскими элементами декора в могильниках (Боросешти, Долиняны) особенно важны для дальнейшего изучения этих спорных вопросов, в том числе и хронологических.

Сопоставление комплекса вещей ранней фазы поянешти-лукашевской культуры с современной схемой латенской хронологии позволяет синхронизировать ее не только с Латеном C<sub>2</sub>, как осторожно предлагает М. Бабеш, но и с C<sub>1b</sub>, т. е. нижнюю границу в абсолютных датах можно отнести примерно к началу II в. до н. э., что совпадает с ранними датами амфорных клеев из поселений. Трудноуловимая граница между Латеном C<sub>1</sub> и C<sub>2</sub> в поянешти-лукашевской культуре тоже четко не выделяется. Синхронность фаз II и III с Латеном D<sub>1</sub> и D<sub>2</sub> не вызывает сомнений. Таким образом, хронологические рамки рассматриваемой культуры скорее всего охватывают период с начала II до конца I в. до н. э.

**ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ.** Население культуры Поянешти—Лукашевка вело оседлый образ жизни, занимаясь пашенным земледелием и приселенным животноводством. Развивались различные ремесла. Существовали торговые связи с соседними племенами и областью античной культуры. Однако хозяйство оставалось еще натуральным и малопродуктивным.

О земледелии прямые указания дают находки таких сельскохозяйственных орудий, как наральники, серпы и зернотерки, а также отпечатки зерен на керамике, которые, как свидетельствуют материалы Круглика [Пачкова С. П., 1976. С. 47], принадлежали просу, пшенице (полбе-двузернянка и мягкая), ячменю, конопле. Местные климатические условия благоприятствовали земледелию: теплый климат, хорошая увлажненность, плодородные черноземные грунты. Учитывая особенности местного земледелия, в том числе ассортимент выращиваемых культур, большие массивы свободных земель, специфику климата, можно думать, что системой землепользования был перелог.

Развитию животноводства способствовали обширные пастбища по склонам холмов и на лугах речных пойм. Ведущее место в стаде домашних животных, как показали материалы Круглика, занимал крупный рогатый скот, разводили также овец, свиней и лошадей. Существовала охота, объектами которой были лоси, олени, косули, кабаны. Было известно рыболовство. Однако, судя по археологическим материалам, оно выполняло подсобную функцию.

В сфере ремесленной деятельности первостепенное значение имели добыча и обработка железа. Металлургии и кузнечные раньше других ремесленников

превратились в общинных мастеров, этому способствовали сложность и трудоемкость их работы. Железо добывалось из местных озерно-болотных руд. Кузнечное дело находилось на таком же уровне, как и у соседних зарубинецких племен Поднепровья, где доминировали железные изделия, хотя известна была и сталь, а также методы сварки железа со сталью.

Бронзолитейное ремесло развивалось на привозном сырье. Бронзу (в виде прутьев) доставляли из Дакии, на территории которой издавна занимались ее производством из местных медных и оловянных руд. Здесь же добывали серебро и золото. Обработка бронзы происходила в производственных помещениях. Одна из таких мастерских с металлургическим горном, соплом, шлаками была открыта при раскопках поселения Ульма. Тигель найден на поселении Лукашевка II.

Изготовление посуды не вышло за пределы домашнего ремесла. Керамику делали вручную, подправляя столовые чернолощенные сосуды на поворотной подставке. Обжиг производился в специальных, но простых по устройству гончарных печах, одна из которых открыта на поселении Бранешти. Как кухонная керамика с преобладающими гетскими чертами, так и столовая чернолощенная посуда с гранеными венчиками производились одними мастерами, на что указывают обломки сосудов различных типов, найденные в печи поселения Бранешти.

Существовали прядение и ткачество, о чем говорят находки пряслиц и пирамидальных грузил для вертикального ткацкого станка, а также отпечатки ткани простого переплетения на кухонной керамике из Лукашевки II и Вассиен. Были известны камнерезное дело (зернотерки, точильные бруски, грузики) и обработка кости (рукоятки ножей, бляшки, бусины, проколки).

Об экономических и культурных связях населения культуры Поянешти—Лукашевка свидетельствуют некоторые археологические материалы и сообщения античных писателей. Еще Полибий, говоря об особенностях контактов греческого мира с причерноморским населением во II в. до н. э., отмечал, что «оказывающие Понт страны доставляют нам скот и огромное количество бесспорно отличнейших рабов, а из предметов роскоши доставляют в изобилии мед, воск и соленую рыбу. Получают же они из продуктов, которыми изобилуют наши страны, масла и всякого рода вино; хлебом они обмениваются с нами, то доставляя его в случае нужды, то получая» [Полибий, IV, 38]. На поселениях поянешти-лукашевской культуры эта обменная торговля нашла свое отражение в находках обломков амфор Родоса и других эллинистических центров, которые составляли около 5% всей найденной керамики. Помимо вина и масла, из античных городов в Поднепровье поступало некоторое количество украшений из стекла (бусы) и бронзы.

Меньшим был объем торговли с латенским миром. Можно отметить очень небольшое количество тонкостенной графитированной керамики на некоторых поселениях Молдовы, единичные экземпляры фибул, мечей, щитов, браслетов. Но влияние латенской культуры существенно в культуре Поянешти—Лукашевка, особенно оно проявляется в формах столовой керамики, которые были принесены сюда при переселении средневропейского населения. Тесными были связи

населения Молдовы с Дакией, откуда поступали бронза, серебряные и золотые изделия (спирали). Менее ощутимы контакты со скифским миром, которые характеризуются находками оружия (наконечники стрел) и снаряжения (удила из Икмении, Боросеншти, Трусешти). Чернолощенная посуда, некоторые украшения, поясные наборы, мечи были распространены в позднелатенское время на огромной территории от Эльбы до Днестра. Такие находки на поянешти-лукашевских памятниках указывают на их связи с ясторфской, пшеворской и зарубинецкой культурами.

Производственные возможности поянешти-лукашевского общества были очень невелики, прибавочный продукт при низком уровне развития производительных сил имел небольшой объем, торговый обмен в связи с господством натурального хозяйства не получил достаточного развития. Однако, несмотря на эти обстоятельства, обусловившие общий низкий уровень материальной обеспеченности, общество культуры Поянешти—Лукашевка уже вступило на порог социального и имущественного неравенства. На это, в частности, указывают античный импорт, которым пользовались немногие, редкие украшения из серебра и золота.

О верованиях диестровско-прутского населения никаких сведений письменные и археологические источники не дают. Можно лишь предполагать, что религиозные представления здесь имели общие черты с религией гетов и даков, для которой характерны политеизм и синкретизм. Существовали культ огня, о чем говорит господство обряда трупосожжения, и культ солнца, атрибутами которого являлись очажные зооморфные подставки с солярными знаками. Была распространена вера в бессмертие души и ее потустороннее бытие, в связи с чем в могилу помещали предметы бытового предназначения и украшения.

**ГЕНЕЗИС КУЛЬТУРЫ И ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ.** Культура Поянешти—Лукашевка относится к числу тех археологических культур, которые возникли на восточной окраине латенского мира в период передвижения средневропейских племен, вызванного давлением кельтов. Различные средневропейские племена, попадая в среду, близкую им по уровню социально-экономического развития и условиям существования, смешивались с аборигенами, создавая новые этнокультурные образования, в определенных чертах сходные между собой. Так возникли синхронные зарубинецкая, пшеворская и поянешти-лукашевская культуры, в которых имеются элементы сродства, что, однако, не определяло их внутренних, прежде всего этнических, различий. Эти различия четко выступают при анализе обстоятельств происхождения каждой из трех упомянутых культур, особенно при выяснении их субстратов.

Для поянешти-лукашевской культуры субстратом являлось местное население Молдовы предшествующего времени, которым были фракийские по происхождению племена гетов, известные здесь с глубокой древности [Федоров Г. В., 1960б. С. 16]. Эту мысль хорошо подтверждают материалы поселений типа Лукашевки II, где гетские черты отчетливо видны в формах кухонной и других типов нелощеной посу-

ды, в плетнево-глинобитной конструкции жилищ, в типах ножей, серпов, пряслиц.

В поянешти-лукашевской культуре отчетливо заметны также черты различных ясторфских групп, прежде всего губинской группы [Domański G., 1975], привнесенные сюда пришельцами, переселившимися в Молдову с территории между Одером и Эльбой. Близость северных памятников с поянешти-лукашевскими проявляется в распространении черной лощеной керамики с глянцевыми венчиками и исковидными ручками и других форм ясторфского облика, составляющих основную массу посуды в могильниках и в значительно меньшей степени (около 10%) представленных на поселениях. Для северного, ясторфского, круга культур характерны также фибулы с шариками и поясные крючки, найденные в могильниках культуры Поянешти—Лукашевка [Каспарова К. В., 1981. С. 70]. Что касается особенностей погребального обряда, то их источником могли быть как гетская, так и ясторфская культуры. Возможно, продвижение различных племен, принимавших участие в сложении культуры Поянешти—Лукашевка, нашло свое отражение в материалах поселения Горошова на среднем Днестре, среди которых еще нет дако-гетских элементов, но хорошо представлены особенности позднеломовской, ясторфской и пшеворской культур, что характерно для губинской группы [Пачкова С. П., 1983. С. 50; 1985. С. 25].

Таким образом, поянешти-лукашевскую культуру следует считать новообразованием, в котором сочетаются традиции двух культур — местной гетской, имевшей в Молдове глубокие и давние корни, и пришлой, представленной памятниками губинской группы, известными на среднем Оudere. В процессе создания поянешти-лукашевской культуры средневропейские элементы сыграли важную роль. Они, в частности, явились источником провинциальнолатенской окраски новой культуры, что выразилось в распространении здесь керамики и фибул латенского типа, а также других предметов личного убора, оружия и снаряжения.

Выяснению этнической принадлежности населения Карпато-Днестровского региона, оставившего памятники типа Поянешти—Лукашевка, способствуют сведения, содержащиеся в письменных источниках и полученные при раскопках поселений и могильников этой культуры. Древние авторы прямо не говорят о составе населения Молдовы в последние века нашей эры. Однако из сообщений многих писа-

телей начиная с Геродота явствует, что здесь обитали гетские племена, принадлежавшие к фракийскому этническому массиву, издревле занимавшему обширные пространства между Балканами и Карпатами — от Адриатики до Северного Причерноморья — и доходившему на востоке до Днестра [Федоров Г. Б., 1960б. С. 11—15]. Древние авторы упоминают также о расселении на территории между Карпатами и Дунаем различных в культурном и этническом отношении племен, выступавших под именами сармат, германцев и бастарнов. Появление в Подунавье бастарнов отмечено античными писателями в III—II вв. до н. э. В «Географии» Страбона, написанной около рубежа нашей эры, в перечне народов, занимавших земли к северу от Дуная, упомянуты бастарны, тирагеты, галаты и германцы, живущие смешанно с гетами и сарматами [Страбон, VII, 3, 17]. По сообщению Птолемея (II в. н. э.), бастарны являлись соседями тирагетов и вместе с певкинами господствовали над Дакией [Птолемей, V, 7].

Этнический облик бастарнов недостаточно ясен. Одни античные писатели считали их германцами, другие — кельтами, третьи — смешанным населением. Скорее всего такая нестрога в представлениях о бастарнах отражает конкретную реальность того времени, и в составе бастарнского союза были племена как германского происхождения, так и другое разнотипное население, в том числе геты и кельты.

Поянешти-лукашевская культура выступает как культура синкретическая, включающая и местные, фракийско-гетские, элементы, и элементы пришлые, средневропейские. Какой из этнических элементов играл решающую роль при образовании поянешти-лукашевской культуры, сказать сейчас трудно, поскольку в распоряжении исследователей материалов для подобных заключений недостаточно. Вероятно, они находились в равном положении. Тесное объединение культурных элементов позволяет предположить возможность аналогичных тенденций и в этногенетических процессах. Скорее всего на раннем этапе своего существования носители культуры Поянешти—Лукашевка представляли собой смешанное население, основой которого были местные жители — геты, а другой частью — разнотипное средневропейское население междуречья Эльбы—Одера. Вероятно, это население имел в виду Страбон, когда он говорил о бастарнах, которые смешались с фракийцами [Страбон, VII, 3, 2].

## Глава шестая Липицкая культура

Липицкая культура включает наиболее северную группу памятников гето-дакийских племен, занимавших к исходу раннего железного века территорию от нижнего и среднего течения Днестра и верховьев р. Тиса до бассейна нижнего Дуная. Эта территория стабильно удерживалась северофракийским населением в течение длительного времени, и незначительные изменения имели место только на крайней периферии, особенно на западном пограничье, в Тисо-Дунайском междуречье, где даки на протяжении всего I в. до н. э. с переменным успехом воевали с кельто-иллирийскими племенами Паннонии: Влияние дакийского союза племен распространялось далеко на север, вплоть до земель восточной Словакии, где в первых веках нашей эры выделяется кельто-дакийский горизонт [Lamiova-Schmidlová M., 1969. S. 458—462]. В это же время в Верхнем Поднестровье появляются памятники ранее неизвестной там липицкой культуры, генетически связанной с дакийской культурой Подунавья.

**ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ.** Липицкая культура получила свое название от первого раскопанного могильника у с. Верхняя Липица Рогатинского р-на Ивано-Франковской обл., где в 1889—1890 гг. И. Коперницким исследовано 60 трупосожжений и 7 трупоположений, датированных II—III вв. Материалы могильника, за исключением кратких упоминаний [Demećkiewicz W., 1898. S. 130], долгое время оставались неопубликованными, и только спустя более 20 лет была предпринята первая попытка научной интерпретации памятника и выделения материалов в особую культуру [Nadacek K., 1912. S. 23]. Несмотря на всю оригинальность материалов могильника у Верхней Липицы, новые памятники, которые значительно дополнили сведения о липицкой культуре, были исследованы только в 30-е годы. Так, в 1930 г. М. Ю. Смышко проведены раскопки могильника в с. Гринев, а в последующие годы выявлен еще ряд памятников — богатое погребение в с. Колоколин [Smiszko M., 1935], поселения липицкого типа в Незвиско, Голиградах, Новоселках-Костюкове, Залесках. Все эти материалы были обобщены М. Ю. Смышко, который объединил их в особую культуру и привлек к липицким древностям также сведения о римских монетах и другие случайные находки [Smiszko M., 1932]. В интерпретации вопросов этнической принадлежности он выразил мнение, что носителями новой культуры было гето-дакийское население, наиболее вероятно, костобокы [Smiszko M., 1934. S. 11].

Важным этапом в истории исследований липицких древностей стали послевоенные годы, когда был открыт и исследован ряд памятников. В 1947 и 1960 гг. проводились раскопки поселения Залески, где было открыто четыре наземных сооружения [Смышко М. Ю., 1952б. С. 72, 72], в 1954—1955 гг. В. Д. Бараном ис-

следованы два жилища на поселении Черепин [Баран В. Д., 1961. С. 9—20]. Раскопки на этом же поселении были продолжены в 1964—1965 гг. Л. И. Крушельницкой [Циглик В. М., 1975. С. 26—28]. В 50-х годах исследовались многослойное поселение у с. Незвиско, работы на котором были начаты еще в 1926 г. [Смирнова Г. И., 1959. С. 87—93]. В те же годы в могильниках у сел Звенигород и Болотия со смешанными липицкими и пшеворскими материалами раскопано соответственно 11 и 6 погребений [Свешников И. К., 1957. С. 63—74]. В Болотине раскопки могильника продолжались и в последующие годы, вплоть до 1986 г., в результате чего было вскрыто еще 64 погребения с трупосожжениями и трупоположениями [Цыгылык В. Н., 1987. С. 269, 270]. На поселении у с. Бовшев в начале 1960-х годов было вскрыто два липицких жилища [Крушельницкая Л. И., 1964. С. 135—138]. В 1966 г. на многослойном поселении Зеленый Гай исследовано два жилища с липицким материалом [Баран В. Д., 1967. С. 236, 237]. У с. Неполоковцы Черновицкой обл. в 1972 г. было открыто три липицких трупосожжения [Тимошук Б. А., Никитина Г. Ф., 1978. С. 89—94]. Около с. Чижиков Львовской обл. при случайных работах было вскрыто богатое трупоположение с привозной бронзовой посудой [Смышко М. Ю., 1957. С. 238—243]. Большое значение для изучения липицкой культуры имеют работы В. Н. Цыгылыка, который в 60-е годы проводил интенсивные исследования поселений липицкого типа и обобщил имеющиеся материалы предыдущих исследователей. Особенно следует отметить работы на поселениях Верхняя Липица, Ремезовцы, Майдан-Гологорский [Циглик В. М., 1975. С. 12—62].

Хорошо изученные памятники липицкой культуры расположены по левым притокам верхнего Днестра (Гнилая и Золотая Липа, Серет, Збруч). Именно эта территория отмечается во всех работах, посвященных липицкой культуре, как основной ее ареал [Циглик В. М., 1975. С. 12; Смышко М. Ю., 1975. С. 38, 39]. Но территория культуры окончательно не определена, и новые исследования ее существенно изменяют. Так, раскопаны памятники с липицкими материалами на правом берегу Днестра — это могильник у с. Неполоковцы [Тимошук Б. А., Никитина Г. Ф., 1978. С. 89—94] и объекты на поселениях Оселивка и Вороновица [Цыгылык В. Н., 1977. С. 385]. Кроме того, по подъемному материалу памятники липицкой культуры обнаружены во многих пунктах Черновицкой обл. [Тимошук Б. О., 1984б. С. 215] и, по сообщению И. К. Свешникова, были распространены в Тернопольской обл. Подобные памятники Т. Кольник выделяет на территории юго-восточной Словакии, где наблюдался кельто-дакийский симбиоз [Kolník T., 1971. S. 525]. Г. Б. Федоров относит к липицким ряд посе-



лений на севере Молдовы [Федоров Г. Б., 1960б. С. 16], на некоторых из них найдены обломки липицких ваз на высокой ножке [Рикман Э. А., 1975б. С. 136].

Близость между липицкой культурой и гето-дакийской, распространенной в Подунавье, настолько велика, что по подъемному материалу их невозможно разграничить, как и уверенно определить культурную принадлежность памятников. Пока не появятся более определенные данные, территория Молдовы не включается специалистами в состав липицкой культуры.

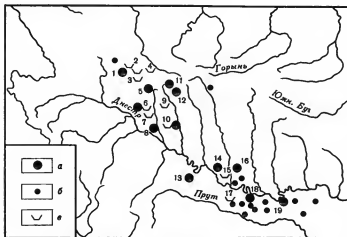
Все же территорию липицкой культуры следует несколько расширить: она, помимо левого берега Днестра и его левых притоков, охватывает также земли по правобережью Днестра, доходя до Прута в пределах Черновицкой обл. (карта 17). Вопрос о территории липицкой культуры усложняется еще и тем, что в ее ареале встречаются памятники других синхронных ей культур и наблюдается смешение с пещерными элементами, что затрудняет культурную атрибуцию памятников.

**ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА.** В топографическом отношении липицкие поселения располагались, как и большинство древних селищ, на пологих, обращенных чаще всего к югу или юго-западу склонах небольших рек и ручьев. Вдоль берега поселения обычно тянулись срезвительно узкой (100—150 м) полосой, иногда достигающей длины 500 м (Верхняя Липица), но в большинстве случаев их площадь бывает меньше.

Все известные липицкие поселения многослойны, они расположены на месте селищ раннежелезного века, а липицкие слои, как правило, перекрыты более поздними отложениями. Все поселения принадлежат к типу открытых и не имеют оборонительных сооружений.

Наиболее полно исследованы поселения у с. Ремезовцы, где на площади 2450 кв. м раскопано 17 жилищ, у с. Верхняя Липица, где на вскрытой площади 962 кв. м выявлено восемь жилищ, на поселении Независко в разные годы исследовано шесть жилищ. На остальных поселениях вскрыто по несколько комплексов жилых и хозяйственных построек. Принцип застройки поселений был свободным, без определенной плано-структурной системы. Мнение В. Н. Цигилика о расположении жилищ рядами и выделении на поселениях отдельных жилищно-хозяйственных комплексов [Цигилик В. М., 1975. С. 63] пока не обосновано, так как на поселениях раскапывались лишь отдельные участки, не дающие целостного представления о планировке. Судя по имеющимся материалам, расположение жилищ на поселениях было подчинено топографическим условиям местности (например, вдоль склона возвышенности, как в Ремезовцах). Среди жилищ находились хозяйственные ямы и очаги.

Жилища представлены двумя типами — углубленными и прямоугольными наземными, глинобитными стенами которых возводились на плетевом каркасе. Наземные жилища фиксируются плохо, в основном в виде развала глинобитных стен и остатков каменного очага в одном из углов или рядом с жилищем. Наземных жилищ немного (известно всего пять построек), они открыты, например, на поселении



Карта 17. Распространение памятников липицкой культуры.

- |                        |                           |
|------------------------|---------------------------|
| a — поселения;         | 9 — Болотня;              |
| b — отдельные находки; | 10 — Верхняя Липица;      |
| c — могильники;        | 11 — Майдан-Гологорский;  |
| 1 — Черепин;           | 12 — Ремезовцы;           |
| 2 — Чирчик;            | 13 — Независко;           |
| 3 — Звенигород;        | 14 — Зелений Гай;         |
| 4 — Гринев;            | 15 — Крываньцы;           |
| 5 — Ладоки;            | 16 — Новоселка-Костюкова; |
| 6 — Залески;           | 17 — Неполоводи;          |
| 7 — Колоколяки;        | 18 — Перебоицы;           |
| 8 — Бошнев;            | 19 — Оселива              |

в с. Залески, где в двух случаях удалось зафиксировать глинобитный пол, покрытый обмазкой, и остатки очагов и печей. В одном из жилищ печь, сложенная из камня и глины, была устроена на месте более раннего очага, находившегося в материковой яме. На этом же поселении открыты печи и предпечные ямы, стены которых не были обмазаны глиной, поэтому конвентно также связанные с наземными жилищами, туры построек проследить не удалось [Цигилик В. М., 1975. С. 30, 31]. Одно прямоугольное наземное жилище (3,6×5,5 м) с каменным очагом исследовано на поселении Ремезовцы [Цигилик В. М., 1975. С. 53, 54].

Углубленные жилища земляночного и полуземляночного типа были господствующими у липицкой населения (табл. XXXII). Глубина полуземлянок колеблется в пределах 0,30—1 м, землянки бывают углублены в материк до 2 м. Полуземлянки в плане обычно имели прямоугольную форму с закругленными углами, в отличие от землянок, в большинстве случаев овальных или округлых в плане. Жилища могли быть очень небольшими (длина стен 2,5—3 м), иногда одна из стен достигает длины 4—5 м. Встречаются и относительно большие дома со стенами длиной 6—7 м (жилище 6 на поселении Верхняя Липица, жилище в Черепине; табл. XXXII, 2). Округлые в плане жилища имеют диаметр 3—4 м. Как правило, ориентированы постройки по сторонам света.

Стены жилищ, вырезанные в материковой глине, часто были ровными, вертикальными. Но в некоторых случаях в материковых стенках вырезаны выступы, которые, вероятно, имели различное назначение. Выступы могли служить ступеньками при входе в помещение. Такие ступеньки имели высоту и ширину 30—40 см и были обычно расположены у южной стены жилища (Верхняя Липица, жилище 1; Ремезов-

цы, жилища 6, 8, 14; жилище на поселении Майдан-Гологорский; табл. XXXII, 3, 5). В других случаях материковые выступы вдоль стен жилища служили лавками или лежанками, и на них заметно, по-видимому, деревянная облицовка. Такой лежанкой служил выступ в жилище 6 на поселении Верхняя Липица, который имел длину 4 м при ширине 0,8 и поднимался над полом на высоту 0,4 м (табл. XXXII, 6). Кроме того, выступы в стенах могли использоваться в качестве опоры для деревянного пола. Так, в жилищах 7 и 18 на поселении Ремезовцы выступы были расположены на одном уровне и занимали большую площадь жилища. Ниже выступов стены были наклонены, помещение сужалось, и дно оказывалось очень малых размеров. По-видимому, в этих жилищах имелся деревянный накат пола, и сама углубленная часть представляла собой подпольную яму [Цигилик В. М., 1975. С. 65].

Подпольные ямы встречаются в полу ряда жилищ поселений Ремезовцы, Верхняя Липица и Черепин. Эти ямы также должны были иметь перекрытие.

В большинстве случаев полом в жилищах служил хорошо утрамбованный материк. На нем сохраняются следы отопительных устройств в виде очагов и печей. Очаги представляли собой прожженный на несколько сантиметров участок пола или были выложены из камней, скрепленных глиной. Печи обычно сильно разрушены, и прослеживаются лишь их глинобитный под и куски глиняной обкладки с отпечатками дерева (Черепин, Бовшев).

Жилища возвышались над поверхностью земли, и их наземная часть опиралась на столбовую конструкцию (ямы от столбов в полу жилищ). Стены, вероятно, были сделаны из плетня, обмазанного глиной. Глиняная обкладка с отпечатками прутьев и четырехугольных бревен найдена во многих помещениях.

Между жилищами на поселениях располагались хозяйственные ямы-хранилища, обычно круглые в плане, диаметром 1—2 м и такой же глубины. Их стенки вертикальны, иногда слегка сужаются вниз и бывают обмазаны глиной и обожжены. Некоторые ямы, вероятно, имели перекрытия из плетня, обмазанного глиной (табл. XXXII, 9, 10). Ямы служили хранилищами мяса (иногда в них находят целые кости животных) и зерна (найлены зерна проса). Кроме того, около жилищ часто располагались очаги и печи такой же конструкции, как и внутри жилищ.

На некоторых поселениях открыты железнотельные мастерские. Две мастерские раскопаны на поселении Ремезовцы [Цигилик В. М., 1975. С. 54—59]. Первая из них находилась в углубленном двухкамерном сооружении (2,5—3×5 м), вытянутом с запада на восток (табл. XXXII, 7). Сама мастерская занимала западную часть помещения площадью 7 кв. м. В ее земляной стене было подбodem устроено пять сыродутных горнов для добычи железа. Четыре из них влитую примыкали друг к другу, пятый находился немного в стороне. По техническому типу это были наземные шахтные горны с углубленной нижней, топочной, частью и устьем, выходящим в мастерскую. Такие горны использовались как стационарные сооружения для многократной плавки железа. В плане горны имели круглую форму, глино-

битые стенки с наклеем железного шлака на поверхности и постепенно расширялись к дну. Диаметр горнов у дна составлял 0,3—0,4 м, а при выходе в наземную часть — около 25 см, глубина сохранившихся частей от 0,2 до 0,52 м. Поддача воздуха осуществлялась, видимо, через устья горнов. Заполнение горнов состояло из железного шлака и остатков древесного угля на дне.

Вторая мастерская представляла собой округлую землянку (глубина 1,8 м, диаметр 3,6×4,8 м) с двумя ступеньками у западной стены. Сыродутный горн располагался в стенке мастерской и открытым устьем выходил в помещение. По форме и конструкции горн аналогичен горнам первой мастерской, но лучше сохранился. В мастерской перед устьем горна имелась горизонтальная площадка, с которой осуществлялась поддача воздуха в горн. К стенке помещения на глубине 1,3 м примыкал полукруглый отапливаемый, который служил рабочей площадкой металлурга. Такого же типа мастерская расположена на поселении Бовшев (табл. XXXII, 8). Здесь в материковой стенке округлой полуземлянки (диаметр около 4 м) была вырезана куполовидная печь, устье которой выходило в помещение мастерской. Дно печи, выложенное камнями, и ее глиняные стенки были сильно прожжены.

На полу перед печью находилось возвышение, обложенное камнями, вероятно, устроенное для удобства пользования печью [Крушельницкая Л. И., 1964. С. 135]. В отличие от жилищ, мастерские не имели очагов или бытовых печей, что указывает на исключительно производственное их назначение, а стационарные горны многократного использования свидетельствуют о профессиональном уровне железнотельничества на поселении, подобно аналогичным ремесленным центрам зарубиной культуры [Видицкая В. И., Пачкова С. П., 1969. С. 59].

Среди находок на липицких поселениях, как обычно, преобладают керамика. Встречаются мелкие бытовые предметы — глиняные присялки, ножи, точильные бруски, ключи. Кроме того, довольно значительно представлены украшения — фибулы, бусы, пряжки. Найдены несколько римских монет и шпоры.

**МОГИЛЬНИКИ.** Могильники липицкой культуры располагались на небольших возвышенностях на расстоянии 0,5—1 км от поселений. Характерны грунтовые погребения, не имевшие заметных внешних признаков не только сейчас, но и в древности, о чем свидетельствуют случаи перекрытия одних могил другими (Верхняя Липица). Наиболее полно раскопан могильник Верхняя Липица, где исследовано 60 трупосожжений и 7 труположений. Биритуальные могильники открыты также в Звенигороде и Болотине, но здесь же встречаются и шневорские захоронения и безымянные погребения, которые трудно отнести к определенной культуре. В могильнике у Гриньева вскрыто 12 трупосожжений. Ни один липицкий могильник не исследован полностью, и трудно судить о соотношении трупосожжений и ингумаций и об их расположении в могильниках. Пока можно считать, что строгий планировки могильников не было, и разные типы погребений располагались вперемежку.

Основным видом погребальной обрядности была

кремация. Сожжения производились за пределами могилы, но на территории могильника. В трех случаях места кремации зафиксированы в могильнике Верхняя Липца. Они представляли собой овальные площадки (3×1,5 м), обожженные на глубину до 0,4 м [Смишко М. Ю., 1975. С. 39] и содержавшие остатки угля, ошлакованные металлические изделия и керамику. Аналогичные места сожжений известны в могильниках дакийских племен на территории Румынии [Цигилик В. М., С. 75].

Среди трупосожжений В. Н. Цыгылык выделяет несколько вариантов: в урнах, прикрытых целым сосудом, обломками сосудов или каменной плиткой; в урнах без покрытия; остатки сожжения на обломках глиняных сосудов; пережженные кости в яме. Наиболее распространены были урновые погребения (около 90%). Очищенные остатки костей складывались в урну вместе с предметами личного убранства (фибулы, поясные пряжки, бусы) и домашнего обихода (ножи, ключи, расческа, шила, прислсца и т. д.). Урны помещались в ямы глубиной 0,2—0,7 м и иногда ставились на каменные плитки (Гринев, погребения 4,6). В погребении 3 Гриневского могильника урна была до половины обложена камнями. Безурновые погребения в ямах в некоторых могильниках довольно многочисленны: в Верхней Липце они составляли 36%, отмечены также в Гриневе, Звенигороде и Болотном. Особый вид представляют три погребения в могильнике в Гриневе — в них пережженные кости и обломки посуды были разбросаны на площадке 2 кв. м. Как исключение, в трупосожжениях встречаются вместе с человеческими останками и кости животных (погребение 21 Верхнелипецкого могильника), иногда они сложены в отдельный сосуд, поставленный над погребением (погребение 5 в Гриневе).

Среди захоронений по обряду кремации выделяется погребение 15 могильника в Звенигороде, отличающееся не только богатством инвентаря, но и смешением разнотипных признаков. В качестве урны для этого погребения послужил гончарный липицкий сосуд, накрытый зернотеркой и липицкой чашей на высокой ножке. Урна стояла на согнутом мече и воткнутом в землю наконечнике копья, а рядом с ней стоял гончарный сосуд с обтисными ручками и лежал два прислсца. В заполнении урны, ниже кальцинированных костей, обнаружены согнутый железный нож, обломки двух бронзовых остропрофилированных фибул, две железные пряжки и оковка пояса (табл. XXXIII). Липицкий характер данного погребения надежно документирован гончарной керамикой, но оружие (меч, наконечник копья) не только являются пшеворскими, но и помещены в могилу изогнутыми по ритуалу пшеворского населения, что указывает на синкретичность погребального обряда в Звенигороде и в отдельных погребениях других могильников. Неудивительно поэтому, что некоторые памятники Верхнего Поднепровья в литературе можно встретить в составе как липицкой, так и пшеворской культуры. С влиянием пшеворского погребального обряда связываются находки пережженных обломков посуды в ряде липицких захоронений [Козак Д. Н., 1978а. С. 96].

Обряд ингумации имел весьма слабое распространение в среде липицкого населения. Известно не

больше 15 труположений липицкой культуры, причем они не отличаются однородностью погребального ритуала. Так, согласно данным М. Ю. Смишко, в семи погребениях зафиксированы подогнутые ноги, два из этих погребений имели западную, а пять — северную ориентировку. Остальные погребения находились в вытянутом положении на спине с различной ориентировкой — западной, северной, северо-восточной и восточной [Смишко М. Ю., 1975. С. 40]. Большинство погребений оказалось безинвентарным, что вызвало у некоторых исследователей сомнение в их липицкой принадлежности. На этом основании В. Н. Цыгылык, например, считает, что говорить об обряде ингумации в липицкой культуре нет достаточных оснований [Цигилик В. М., 1975. С. 78]. Ряд погребений, однако, содержал сопровождающий инвентарь в виде лепной керамики липицкого типа (Верхняя Липца, Болотня) и остропрофилированных фибул I—II вв. [Свешников И. К., 1957. С. 67].

Два погребения, совершенные по обряду ингумации, отличаются резко выделенной социально-имущественной обособленностью. Одно из них открыто в 1935 г. у с. Колоколин Ивано-Франковской обл. Это погребение было впускным в курган энеолитического времени. Детали погребальной обрядности не зафиксированы. Возле частично сохранившегося скелета обнаружены четыре бронзовые фибулы, пряжка, оковка пояса, бронзовая ручка сосуда, обломки серебряных ножей и пластины сакрального предмета (табл. XXXIV, 8). Дата погребения — начало I в. н. э. [Smiszko M., 1935. S. 160]. Второе богатое погребение было исследовано в 1955 г. у с. Чижиков Львовской обл. [Смишко М. Ю., 1957]. Костяк лежал черепом на север, и в качестве заупокойной утвари погребение содержало бронзовые античный сосуд, миску на кольцевом поддоне, массивную ручку палеры, две шпори, а также глиняный горшок, характерную липицкую чашу на высокой ножке и мелкие металлические подделки (табл. XXXIV, 1—7, 9, 10).

**КЕРАМИКА.** Глиняная посуда является наиболее массовым материалом памятников. В целом липицкий керамический комплекс весьма своеобразен и четко отделяется от синхронных материалов пшеворской и зарубинецкой культур. Липицкая керамика представлена лепной и гончарной посудой. Лепная преобладает на поселениях, где, по подсчетам В. Н. Цыгылыка, составляет 80-95% [Цигилик В. М., 1975. С. 105], т. е. посуда ежедневного пользования лепилась прямо на поселениях и представляет собой яркий этнографический показатель.

Лепная посуда делится на более грубую кухонную — с крупнозернистыми отощающими примесями в тесте (шамот, древесина), неровной шероховатой поверхностью — и столовую — более тщательного изготовления с гладкой поверхностью, иногда подложенной. Среди кухонной керамики ведущей формой являются тюльпановидные горшки, у которых наибольшее расширение тулова приходится на середину высоты сосуда, горло слегка расширяется в виде раструба (табл. XXXV, 8, 15). Распространены также горшки с более выпуклым туловом и отогнутым венчиком (табл. XXXV, 9, 11—14). Горшки этих типов бывают украшены по тулову наленными шпичками с вдавлением посредине, горизонтальными валиками с поперечными пальцевыми зажимами, иногда вали-

ками, изогнутыми в виде полумесяца. Встречаются почти непрофилированные горшки баночной формы с загнутыми внутрь венчиками (табл. XXXV, 7, 10). Аналогии всем перечисленным формам горшков широко распространены на дакийских памятниках Румынии типа Поляна [Vulpe R. et E., 1927—1929; Parvan V., 1926; Protase D., 1966].

Типичная форма лепной посуды — толстостенные конические кружки с массивной вертикальной ручкой в средней или придной части. Близкую форму имеют конические миски и дурплати, а также низкие миски-светильники (табл. XXXV, 1—6). Такие же кружки, как верхнеднестровские, распространены на дакийских памятниках Румынии, но там они обычно богаче орнаментированы налепными валиками.

Ассортимент лепной столовой посуды относительно невелик — горшки, миски, чаши на высокой ножке. Ведущей формой являются биконические горшки с ровно срезынным венчиком, иногда украшенные насечкой по верхнему краю и тулову (табл. XXXVI, 3). К этой же группе относятся небольшие биконические сосуды с двумя ручками. Ребристый передом тулова у этих сосудов иногда подчеркнут уступом (табл. XXXVI, 1). По форме эти сосуды явно подражают гончарной посуде, также снабженной двумя ручками. Миски, принадлежащие к этой же группе столовой посуды, имеют перегиб в верхней части тулова и загнутый венчик (табл. XXXVI, 6—9, 11). Их поверхность заглажена, иногда подлощено, цвет чаще всего коричневый. Типичны для липицких памятников чаши на высокой подставке (табл. XXXVI, 1976. С. 80—94).

Указанные формы лепной керамики липицких памятников характерны для памятников гето-дакийских племен как Днестро-Карпатского бассейна [Федоров Г. Б., 1966б. С. 16, 310, 311], так и для территории Румынии западнее Карпат [Цигилик В. М., 1976. С. 80—94].

Среди лепной керамики липицких памятников в последнее время В. Н. Цыгилик выделил формы, характерные для зарубиной культуры. Особенно много их встречено на северо-востоке липицкой культуры (поселения Ремезовцы, Майдан-Гологорский), где они представлены остроберными мисками (табл. XXXVI, 10, 14) и большими тюльпановидными (табл. XXXVI, 15) и выпуклобкими горшками (табл. XXXVI, 13), край венчика которых иногда украшен ямочными вдавлениями и насечкой [Баран В. Д., Цигилик В. М., 1971. С. 71—73; Цигилик В. М., 1975. С. 94—104]. Надо отметить, что эти формы не очень выразительны и имеют аналогии не только среди зарубиной, но и среди пшеворской посуды.

Гончарная посуда значительно уступает лепной в количественном отношении. На поселениях она составляет 5—10% общего количества посуды, но в могильниках встречается чаще и в некоторых из них составляет 50—70% всех керамических находок. В техническом отношении гончарная керамика заслуживает самой высокой оценки — строго выдержанные пропорции, тщательно отменное и хорошо прокаленное тесто с мелкими примесями песка, изысканность форм. Поверхность имеет серый или, реже, черный цвет, нередко лащено, а также покрыта совершенным по технике и изяществу лощеным орнаментом

в виде горизонтальной волны, зигзага, вертикальной или горизонтальной елочкой, а также прямых линий (табл. XXXVII).

Ведущей формой гончарной столовой посуды являются биконические горшки с острым или более мягким переделом стенок на половине высоты, загнутым внутрь или, чаще, отогнутым венчиком, сделанные на коловом поддоне или подставочной плитке. Встречаются сосуды, верхняя часть которых не сужена, а имеет почти цилиндрическую форму (табл. XXXVII, 15). Некоторые сосуды имеют перегиб тулова выше середины высоты, и их верхняя часть профилирована уступами или валиками (табл. XXXVII, 16). В форме этих горшков сказываются явные традиции кельтской гончарной керамики [Цигилик В. М., 1975. С. 105; Filip J., 1956]. Характерны для липицкой гончарной посуды небольшие сосуды с двумя высоко поднятыми ручками. Ручки поднимаются выше венчика и профилированы продольными желобками. Тулово сосудов биконическое, с уступом в наиболее широкой части, расположенной немного выше половины высоты (табл. XXXVII, 9, 11, 13). Такого типа сосуды представлены на территории Румынии и имеют прототипы в керамике греческих причерноморских колоний. Довольно часто на липицких памятниках встречаются кувшины с одной ручкой и округлым туловом. Они также имеют аналогии среди гето-дакийских материалов, но там кувшины снабжены более высоко поднятой ручкой (табл. XXXVII, 21, 22). Наиболее характерны среди липицкой гончарной посуды чаши на высокой ножке. Полая внутри ножка этих чаш опирается на многоступенчатый поддон и иногда отделена от конической чаши горизонтальным валиком (табл. XXXVII, 14, 18—20). Венчики у чаш бывают загнуты внутрь или, наоборот, отогнуты наружу и имеют плоскую широкую поверхность, иногда покрытую орнаментом. Орнамент состоит из пролощенных волнистых или прямых линий. Чаши на высокой ножке имеют многочисленные аналогии в кельтских и дакийских керамических комплексах позднелатенского времени.

Среди гончарной керамики встречается также несколько обломков стенок и ручек светлоглиняных амфор (Залески, Верхняя Липица, Ремезовцы), которые поступали в Поднестровье как импорт из римских провинций в I-II вв.

**ВЕЩЕВЫЕ НАХОДКИ.** Широко распространение среди носителей липицкой культуры получили бронзовые фибулы, представленные различными провинциально-римскими типами. Наиболее ранняя фибула, относящаяся к типу глатчатых с вырезанными «глазками» конца I в. до н.э. — начала I в. н.э., происходит из богатого погребения в Колоколине (табл. XXXVIII, 15) [Амброз А. К., 1966. С. 35]. В этом же погребении найдены сильнопрофилированная одноступенчатая фибула с опорной пластиной над пружиной и длинным рамчатым приемником, датированная началом I в. н.э., и фибула типа «Нертонурс», широко распространенная в Галии и на Рейне в первой половине I в. н.э. (табл. XXXVIII, 16, 17) [Амброз А. К., 1966. С. 27, 36]. Остропрофилированные фибулы с укороченным приемником, имеющим отверстие, датированы серединой I в. н.э. (стадия В раннеримского периода) и происходят из погребений могильников Верхняя Липица, Звенигород и Болотня

(табл. XXXVIII, 11—14) [Liana T., 1970, S. 458]. К несколько более позднему времени — концу I — началу II в. — принадлежат такие же фибулы, но со сплошным приемником, найденные в Верхней Липице и Гриневе (табл. XXXVIII, 7—10) [Амброз А. К., 1966, С. 36; Dąbrowska T., 1973, S. 208]. К группе сильнопрофилированных трубчатых фибул без опорной пластины над пружиной относится фибула, имеющая резко изогнутую спинку и массивную головку, найденная в могильнике Звенигород (табл. XXXVIII, 2). А. К. Амброз [1966, С. 38] датирует ее II в. н.э. К той же группе относится фибула из могильника Верхняя Липица (табл. XXXVIII, 3), которая может быть датирована началом стадии B<sub>2</sub> — концом I — началом II в. [Liana T., 1970, S. 447]. Так же датируется фибула из могильника Верхняя Липица, принадлежащая к провинциальному типу и имеющая плоскую треугольную спинку с пуповкой на конце (табл. XXXVIII, 6). Наиболее поздними, относящимися ко II в. н.э., являются две провинциально-римские фибулы, украшенные эмалью (табл. XXXVIII, 4, 5) [Амброз А. К., 1966, С. 23].

На поселениях и в могильниках встречаются железные пряжки, самые ранние из которых имели округлую рамку. Позднее появились пряжки с овальной рамкой, уплощенной с одной стороны, и с четырехугольной (табл. XXXVIII, 21—28). Все пряжки этих видов имели широкое распространение и бытовали в I—II вв. В Колоколине найдены бронзовые прямоугольные пряжки с прогнутыми сторонами, двойная петля от пояса и поясная фигурная оковка. Эти вещи относятся к провинциально-римским типам и имеют аналогии среди римских (I—II вв.) находок в Средней Европе (табл. XXXVIII, 29—31) [Smiszko M., 1935, S. 159].

В женских погребениях и на поселениях найдены бусы (табл. XXXVIII, 18—20). Они сделаны из прозрачного стекла, горного хрусталя, эмали зеленого, коричневого цветов и черной, инкрустированной волнистыми белыми линиями. Бусина из Верхнелипичского поселения сделана из черной, белой и желтой пасты, выложенной разноцветными квадратиками. Подобные бусы известны с дакийских поселений на территории Румынии [Циглик В. М., 1975, С. 126]. В могильниках Верхняя Липица, Звенигород и на поселениях в Залесках найдены круглые металлические зеркала, которые являлись импортом из придунайских римских провинций и попадали в Верхнее Поднестровье через Дакцию [Циглик В. М., 1975, С. 123].

Дорогие импортные вещи происходят из богатых погребений в Колоколине и Чижикове [Smiszko M., 1935; Смишко М. Ю., 1957]. В Чижикове найдена бронзовая посуда: кувшин-ойнохос с массивной ручкой, украшенной пластическим изображением головы льва и четырехпалой лъвиной лапы (табл. XXXIV, 2, 5, 10); полусферическая миска на кольцевом поддоне (табл. XXXIV, 1); ручка патыры, орнаментированная желобками и бараньей головкой (табл. XXXIV, 3). Патыры такого типа изготавливались в конце I — начале II в. н.э. и начале нашей эры в мастерских Италии и распространялись севернее границ Римской империи. Аналогичная ручка патыры найдена на поселении Пояна в Румынии. О принадлежности находок в Чижикове свидетельствует чаша на высокой

конической подставке, характерная для липичских памятников и близких к ним древностей типа Пояна в Румынии [Смишко М. Ю., 1957, С. 238—243]. В погребении Колоколина найдены серебряные стержни — ручки канфаров, один конец которых раздвоен в виде бараньих рогов, а другой — расщиплен (табл. XXXIV, 8), напоминающие такие предметы из кельтских комплексов. Происходящие из этого погребения фибулы позволяют датировать его I в. н.э., а расположение на территории, где известно много липичских памятников, и находка поблизости типично липичского сосуда с двумя ручками, скорее всего свидетельствуют о принадлежности погребения в Колоколине к липичской культуре [Smiszko M., 1935, S. 155—161].

На поселениях у Верхней Липицы найдено два серебряных денария Фаустины Младшей, относящихся к концу II в. н.э. Кроме того, на территории липичской культуры известны находки отдельных римских монет II в. н.э., которые, возможно, тоже связаны с населением этой культуры. К импортным предметам принадлежат обломки стеклянных сосудов и чаш типа *terra sigillata*, изготовлявшихся в Италии во II в. н.э. С поселения Верхняя Липица происходит гемма с изображением фигурки Гермеса.

Находки оружия не характерны для липичских памятников. В погребении 15 могильника Звенигород (урочище Гоева могила) типичная липичская урна и чаша на высокой ножке найдены вместе с изогнутым мечом и копьём, вбитым в землю, что явно указывает на влияние пшеворского погребального обряда [Свешников И. К., 1957]. В Звенигороде найдены шпory, имеющие сильно изогнутую высокую дужку. Такого типа шпory (Ян 46) были широко распространены на памятниках пшеворской культуры и датируются I в. н.э. На поселении Ремезовцы встречены шпory, имеющие в середине конический шип и датируемые II в. н.э., а также шпory с асимметричной дужкой и крючком, принадлежащие к типу, получившему распространение в конце II—III в. [Циглик В. М., 1975, С. 119]. В Чижикове обнаружены две бронзовые шпory с коротким фигурным основанием и тонкими, круглыми в сечении шипами, относящиеся к I в. н.э. и распространенные главным образом на германских памятниках Западной Европы и в Чехии (табл. XXXIV, 6, 7) [Смишко М. Ю., 1957, С. 239—242].

К орудиям сельского хозяйства относятся наральник, найденный на поселении Майдан-Гологорский. Он принадлежит к типу узколезвийных наральников с цилиндрической втулкой, имеющей такую же шпину, как и рабочая часть. Длина его 20 см., ширина — 7 см. В профиле наральник имеет чуть вогнутую, лугобразную форму, следовательно, в процессе работы наральник находился под острым углом к почве. Такой тип наральников был широко распространен в Карпато-Дунайском бассейне около рубежа нашей эры [Бидзія В. Л., 1971, С. 121]. В отличие от найденного на закарпатском поселении Галиш-Ловачка, наральник из Майдана-Гологорского более короткий и широкий (табл. XXXIX, 20).

Довольно многочисленны находки железных ножей со слегка дуговидной спинкой и плавным переходом от черенка к лезвию или с прямой спинкой и резко выделенным черенком (табл. XXXIX, 8—13). Найдены

шился с прямоугольным в разрезе черенком и круглым в поперечнике острием. К специализированным орудиям труда относится железный напильник из поселения Ремезовцы. Он изготовлен в виде четырехугольного в сечении стержня (длина 23 см) с поперечными насечками на рабочей части. Плоский черенок напильника крепился в деревянную ручку, прижатую на конце металлической обоймой. Инструмент связан, несомненно, с кузнечной мастерской по обработке металла. Из других орудий, имеющих преимущественно специальное назначение, известен обломок лезвия топора (ширина 6,5 см), происходящий тоже из поселения Ремезовцы. Втулка не сохранилась, но, судя по тонкому широкому лезвию, это был плотницкий топор небольших размеров для обработки дерева.

Немало найдено металлических вещей, которые характеризуют бытовую утварь. Среди них клич от замков в виде согнутого на конце стержня (табл. XXXIX, 15, 19), железные пластинчатые кресла с кольцом на конце (табл. XXXIX, 16—18), различные обоймы, костыли, крючки. На поселениях в Верхней Липице и Незвиско найдены жерновые камни, а их обломками иногда были прикрыты урны в погребениях могильника Болотня. Из камня изготовлялись точильные бруски прямоугольной формы. Они часто попадают на поселениях и сопровождают мужские погребения в могильниках (табл. XXXIX, 7). Из кости делали однопластинчатые гребни (табл. XXXIX, 14). На поселениях Верхняя Липица найден свиток из трубчатой кости, покрытый геометрическим орнаментом (табл. XXXIX, 6). Часто попадают костяные проколки и трубочки. С приданием и качеством связаны находки глиняных пряслиц и грузил для ткацкого станка. Пряслица имели биконическую, иногда усеченноконическую или округлую форму и небольшое отверстие для веретена (табл. XXXIX, 1—5). Встречаются отдельные экземпляры, сделанные из стенок сосудов и из мергеля (Верхняя Липица, Ремезовцы). Грузила пирамидальной, реже — конической формы имели сквозное отверстие и довольно большие размеры (высота 12—16 см при ширине основания 8—10 см). В тесте видны следы выгоревшей соломой.

**ХРОНОЛОГИЯ.** Вещи, найденные на Липицких памятниках, — фибулы, шпory, импортные бронзовые, серебряные и керамические сосуды, монеты Фаустины Младшей — хорошо датируют липицкую культуру I—II вв. до н. э. М. Ю. Смишко считал возможным отнести появление культуры к I в. до н. э. на основании находок в Колоколинне глазчатой фибулы раннего варианта, датированной I в. до н. э. — началом I в. н. э., и обломков кельтской крашеной посуды на поселении Новоселка-Костюковка [Смишко М. Ю., 1975. С. 42]. Но крашенная керамика найдена в шурфе и, возможно, не связана с липицким слоем, а глазчатая фибула происходит из комплекса с более поздними фибулами I в. н. э. (Альмгрен 67), что не дает возможности столь ранней датировки культуры. Верхнюю границу культуры М. Ю. Смишко и В. Н. Цыгылык отодвигают к середине III в. н. э., основываясь на находках обломков красноглиняных широкогорлых амфор на многослойном поселении Незвиско и шпор с асимметрич-

ной дужкой и крючком на поселении Ремезовцы [Цигилик В. М., 1975. С. 128, 129]. Шпory этого типа относятся ко времени около 200 г. н. э. и не могут служить надежным основанием для расширения датировки всей липицкой культуры. Тем более это относится к обломкам амфор, найденным на многослойном поселении Незвиско. На многих поселениях липицкие слои перекрыты черняховскими наслоениями (например, в Черепине) и в связи с этим должны относиться ко времени раньше III в. н. э.

Наиболее ранним памятником является погребение в Колоколинне, весь комплекс которого относится к началу I в. н. э. [Dąbrowska T., 1973. S. 208]. Но основная масса находок на липицких памятниках датируется серединой I—II вв. На наиболее поздние провинциально-римские фибулы с эмалью, датированные II в. н. э., найдены в Верхней Липице, а с поселения Ремезовцы происходит обломок провинциально-римской фибулы конца II — первой четверти III в. [Этнокультурная карта..., 1985. С. 39].

**ХОЗЯЙСТВО.** Найденные сельскохозяйственные орудия (железные наральники, ручные жернова) и характер липицких поселений, расположенных на плодородных черноземных почвах, свидетельствуют о земледельческом направлении хозяйства населения. Это подтверждается многочисленными ямами для хранения зерна, открытыми на поселениях. Стенки ям часто бывали обожжены, что способствовало хорошей сохранности зерна. В одной из таких ям на поселении Верхняя Липица обнаружены обгоревшие зерна проса. Отпечатки зерен и соломы встречаются на кусках глиняной обмазки стен, на грузилах и днищах сосудов.

Судя по остеологическим остаткам, в наибольшем количестве разводился рогатый скот, в меньшем числе были представлены свиньи и мелкий рогатый скот. Найдены также кости коня и диких животных (олень, косуля, дикая свинья, лисица, заяц).

О развитии железоделательного ремесла свидетельствуют мастерские на поселении Ремезовцы с остатками железоплавильных горнов и шлаков. Помимо черной металлургии, развивалось и гончарное ремесло, высокое качество продукции которого требовало определенной специализации. Гончарный круг и многие формы сосудов были, вероятно, принесены из Даккии. В большинстве случаев ремесла (ткачество, деревообработка, косторезное, кожевенное и т. п.) были кустарными промыслами.

Археологические находки показывают связи местного населения с римскими провинциями и прежде всего с Даккией, путь к которой пролегал через Поднепровье. На север попадали римские изделия — амфоры, сосуды типа *terra sigillata*, бронзовые и серебряные сосуды с рельефными изображениями, гема с фигуркой Гермеса, фибулы с эмалью, монеты, бусы.

Помимо липицких комплексов, римские монеты и вещи происходят из кладов и случайных находок, обнаруженных в ареале липицкой культуры.

Экономические успехи липицкого населения неизбежно порождали имущественную и социальную дифференциацию в среде местных племен, приводили к выделению и обособлению племенной верхушки, что засвидетельствовано упоминавшимися богатыми

погребениями в Чижикове и Колоколинне. Переселение из Подунавья и последующие тесные связи с Дакцией, население которой находилось на пороге классового образования и создавало мощные племенные союзы, должны были сказаться на уровне развития социально-экономических отношений липицкого населения.

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ.** Распространившиеся в начале нашей эры на территории Верхнего Поднепровья липицкие памятники представляли здесь совершенно новое явление, не имевшее местных корней [Цигилик В. М., 1975. С. 147]. Материалы непосредственно предшествующего времени на этой территории неизвестны, а предположение о генетических связях липицкой и местной культуры скифского времени, высказанное М. Ю. Смишко [1953в. С. 73], не подкреплено фактическими данными и опровергается большим хронологическим разрывом между этими культурами. Характерные черты липицкой культуры — формы и орнаментация керамики, обряд погребения, домостроительство — находят полные аналогии в культуре дакийского населения типа Пояна, жившего на территории современной Румынии. Несомненное родство этих культур привело большинство исследователей (М. Ю. Смишко, В. Д. Баран, В. Н. Цыгылык, Б. Митри, Г. Диакону и др.) к единодушному мнению, что липицкая культура в Поднепровье появляется в результате переселения части даков из Трансильвании. Другие мнения (например, о принадлежности могильника Верхняя Липица «поитийской» группе населения, ассимилированного германскими племенами [Antoniewicz W., 1928. S. 173, 174], или о том, что население липицкой культуры включало в себя и непосредственных предков славян [Смишко М. Ю., 1952в. С. 75], не находят подтверждения в археологическом материале.

Расселение гето-дакийских племен из их основной территории между Карпатскими горами и Дунаем происходило в конце I в. до н. э. — на рубеже нашей эры, когда эти племена были объединены в мощный союз во главе с Буребистой. По сообщению Страбона [VII, 3, 11], Буребиста покорил многие соседние племена. В это время дакийское влияние явно ощущается в материальной культуре междуречья Днестра и Прута, на территории современной Молдовы, на севере которой распространены памятники, близкие липицким [Федоров Г. Б., 1960б. С. 12—22]. В I в. до н. э. — I в. н. э. дакийские памятники занимали земли юго-восточной Словакии, где происходило смешение дакийского и кельтского населения. Здесь выделяют памятники липицкого типа [Tošić A., 1959. S. 871, 872; Kolník T., 1971. S. 525]. К этому же времени относятся дакийские памятники в Закарпатье. В частности, ведутся раскопки на дакийской крепости у с. Малая Романь, относящейся ко времени середины I в. до н. э. — начала II в. н. э. [Котляковский В. Г., 1979б. С. 349; 1980б. С. 228; 1981. С. 265; 1983. С. 273; 1984. С. 280]. Вполне закономерное появление дакийского населения, оставившего липицкие памятники, на территории Поднепровья. Движению дакийского населения к северо-востоку, возможно, способствовало вторжение в Поднепровье в I в. до н. э. сарматских племен [Рикман Э. А., 1975б. С. 30, 31], нарушивших политическую и этно-

географическую обстановку в Нижнем Подунавье. По словам Страбона [VII, 4, 5], из Малой Скифии множество людей переправлялись через Тирас и Истр, и фракийцы были вынуждены уступить им землю. Отток дакийского населения на север, возможно, был вызван борьбой с римлянами и завоеванием Дакции Римской империей.

На основании сведений Птолемея о племенах костобоков, живших за Карпатами в бассейне Днестра, большинство исследователей, начиная с К. Тахенберга и М. Ю. Смишко, связывает липицкую культуру с костобоками. Костобоки хорошо известны в письменных и эпиграфических источниках. Они боролись в составе варварских союзов племен против Рима во времена сарматских войн во второй половине II в. н. э., вторгались в балканские провинции Рима и проникали далеко на юг, вплоть до Элевсины [Кудрявцев О. В., 1957. С. 13, сл.]. Упоминаются костобоки до второй половины IV в. н. э. Немногочисленное липицкое население вряд ли могло играть такую существенную роль в истории, и, кроме того, оно прекратило свое самостоятельное существование в конце II в. н. э. Скорее всего это население можно рассматривать как часть большого племенного союза костобоков, которые, по Птолемею, делились на две группы, причем одна из них, жившая за горами, называлась костобики-трансмонтани.

Появившиеся в Поднепровье дакийские племена принесли с собой липицкую культуру уже в сложившемся виде. Но на новом месте они пришли в соприкосновение с соседями, возможно, и с зарубинецким населением и восприняли от него некоторые особенности культуры. Эти особенности проявляются главным образом в керамическом материале (распространение тюльпановидных форм, ребристых мисок, зашпцов по венчику) и орудиями лишь на самых северо-восточных памятниках липицкой культуры — Ремезовцы и Майдан-Гологорский [Цигилик В. М., 1975. с. 154—156]. Дакийское население стоклужско и с группами пшеворских пришельцев, что нашло свое отражение в распространении на липицких памятниках пшеворских элементов (орнаментация некоторых сосудов, шпоры с асимметричной дужкой). Но главным образом о взаимоотношениях липицкого и пшеворского населения свидетельствуют могильники, открытые около Звенигорода и Болотин. В могильниках встречены как липицкие, так и пшеворские погребения, и, кроме того, погребения со смешанным инвентарем.

Так же внезапно, как и появилась, липицкая культура исчезла с территории Верхнего Поднепровья. По мнению М. Ю. Смишко, липицкое население ушло под натиском пшеворцев [Смишко М., 1932. Р. 480, 181].

В более поздней статье М. Ю. Смишко [1952в. С. 74] высказался в пользу перерастания липицкой культуры в черняховскую, но затем опять вернулся к своему первоначальному мнению. О сложении черняховской культуры на территории Молдовы на основе местной дако-гетской культуры писал Г. Б. Федоров [1960б. С. 171]. Румынские исследователи также высказывались о липицкой и пшеворской культурах как о компонентах при сложении черняховской [Диакону Г., 1961. С. 413]. В противоположность этим точкам зрения В. Д. Баран рас-

считает липицкую и черняховскую культуры как хронологически последовательные, но резко отличные друг от друга и сменяющие одна другую группы [Баран В. Д., 1961. С. 94—97]. Такого же мнения придерживался В. Н. Цыгылык, указавший на отсутствие памятников со смешанным липицким и черняховским материалом и каких бы то ни было переходных форм между этими культурами. Липицкое население, по его представлению, ушло с земель Верхнего Поднепровья, возможно, под натиском именно племен «черняховцев» [Цигилик В. М., 1975.

С. 160—163]. В. Н. Цыгылык осторожно высказывается о близости в отдельных элементах липицкой керамики и керамики культуры карпатских курганов, что, возможно, было связано с переселением липицкого населения и некоторым влиянием его на культуру карпатских курганов [Цигилик В. М., 1975. С. 163]. При сравнении керамики этих культур, действительно, наблюдается много общих черт (распространение конических чаш с ручками, ваз на пустой ножке, характер орнаментации в виде налепов и валиков и прочие чисто дакийские особенности).



---

# ЧАСТЬ ВТОРАЯ

---

## Культуры III—начала V в.

Глава первая  
Киевская культура

Глава вторая  
Черняховская культура

Глава третья  
Культура  
карпатских курганов

Глава четвертая  
Вельбарская культура

# Глава первая

## Киевская культура

**ИСТОРИОГРАФИЯ.** Рассматриваемая группа памятников второй четверти I тысячелетия н. э. была выделена В. Н. Даниленко [1955, С. 27–29] в конце 40-х — начале 50-х годов нашего века на основе сравнительно небольшого материала из поселений и могильников на территории Киева и его окрестностей (Никольская Слободка, Бортничі, Новые Безрадиці, Ходосовка и др.). В 60-е годы подобные памятники в Верхнем и Среднем Подесенье обнаружила экспедиция П. Н. Третьякова. На Десне и ее притоках были зафиксированы следы десятков поселений и нескольких могильников. В 1966–1970 гг. на некоторых из них, в том числе на поселениях второй четверти I тысячелетия н. э. Лапирков Лес, Форостовичи в районе Новгорода-Северского и Киреевка у г. Сосница, были проведены раскопки [Третьяков П. Н., 1974, С. 40–118; Горюнов Е. А., 1981, С. 99, 100]. Одновременно ряд памятников киевской культуры в Подесенье был обнаружен А. А. Полко [Полко О. О., 1971, С. 129–140], Е. А. Горюновым [Горюнов Е. А., 1974а, С. 68–72], В. И. Неприной [Неприна В. И., Корпусова В. М., 1972, С. 347–352], О. Н. Мельниковой [Мельниковская О. М., 1977, С. 60–68]. В 70-е годы детальные разведки в Черниговской обл. были предприняты Н. В. Юрковой и В. П. Коваленко [Юркова Н. В., Коваленко В. П., 1975, С. 74–75], Г. А. Кузнецовым, А. В. Шевкуном и др. [Кузнецов Г. О., 1977, С. 107–109]. В 1974–1978 гг. работы в среднем течении Десны проводили Е. В. Максимов и Р. В. Терпиловский. В ходе раскопок были исследованы поселения Роище, Ульяновка, Киселевка 2, были близ Чернигова [Терпиловский Р. В., 1984а, С. 87, 90. Табл. 7–22]. Позднее А. В. Шевкуном были проведены раскопки на поселении Деснянка в окрестностях Чернигова, а А. М. Обломским — на поселении Мена 5. В результате Подесенье можно считать наиболее полно изученным регионом киевской культуры. В Среднем Поднепровье широкие исследования памятников киевской культуры начались в конце 60-х — начале 70-х годов. Были произведены раскопки поселений и могильников у сел Казаровичи и Новые Безрадиці [Максимов Е. В., Орлов Р. С., 1974, С. 11–21; Даниленко В. М., 1976, С. 67, 68], ряда поселений близ г. Обухов [Кравченко Н. М., Абашина Н. С., Гороховский Е. Л., 1975, С. 87–98; Кравченко Н. М., Гороховский Е. Л., 1979, С. 51–69], поселений Глеваха [Терпиловский Р. В., 1985а], Вишеньки (раскопки С. П. Пачковой), Сумки 2 (раскопки О. М. Приходнюка и Е. Л. Гороховского) и др. Изучение памятников второй четверти I тысячелетия н. э. на территории южной Белоруссии с 60-х годов проводит Л. Д. Пობоль. Осуществлены широкие раскопки поселений и могильников Абидна и Тайманово к югу от Могилева в бассейне р. Адаменка, результаты которых опубликованы в кратком изложении [Пობоль Л. Д., 1969, С. 105–108; 1970, С. 168–180; 1983, С. 37–42]. Древности, ве-

роятно родственные памятникам киевской культуры, были выявлены и исследованы в 70-х годах Э. А. Сымоновичем на территории Курской обл. в бассейне Сейма, преимущественно в поречье р. Тускорь [Сымонович Э. А., 1983б, С. 91–102]. Позднее подобные памятники были обнаружены А. М. Обломским в смежном районе, в верховьях Северского Донца.

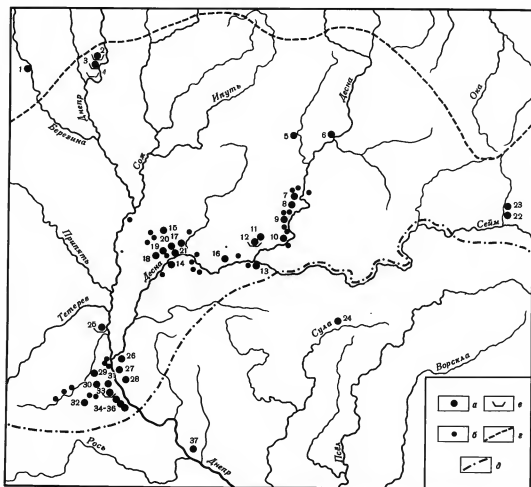
При публикации материалов новой группы археологических памятников были предложены две основные концепции: первая из них рассматривает памятники киевского типа как связующее звено между зарубицей и раннесредневековыми славянскими культурами; согласно второй, прямая связь киевской культуры со славянскими культурами V–VII вв. отрицается. Появление обеих концепций относится к периоду, когда в изучении многих раннесредневековых культур Восточной Европы, не говоря уже о памятниках киевского типа, были сделаны лишь первые шаги. Сравнительный анализ культур можно было осуществить в самых общих чертах. Все решал общий взгляд того или иного исследователя на истоки формирования раннесредневековых славянских культур. Так, В. Н. Даниленко отрицал участие в этом процессе черняховской культуры, считая главной «зарубицей» линию развития. Памятники киевского типа исследователь рассматривал как особый, поздний этап зарубицейской культуры, синхронный черняховской культуре. На его основе в IV–V вв. складывались древности типа Колочина, в свою очередь ставшие подосновой пеньковской культуры [Даниленко В. М., 1976, С. 89, 90]. Близких взглядов придерживался П. Н. Третьяков, считавший, что потомки зарубицейских племен, покинув лесостепные районы, продолжали обитать в северной части Среднего Поднепровья, в юго-восточной Белоруссии и Подесенье в первой половине I тысячелетия н. э. В середине I тысячелетия н. э. часть этого населения возвратилась в лесостепь, в результате чего здесь возникла пеньковская культура, в то время как в лесной зоне сформировалась на сходной основе близкая ей колочинская культура [Третьяков П. Н., 1970, С. 15–71; 1982, С. 51–83]. Таким образом, согласно взглядам В. Н. Даниленко и П. Н. Третьякова, сформировавшиеся на зарубицейской основе памятники киевского типа являются прямыми предшественниками раннесредневековых славянских культур — колочинской и пеньковской.

В настоящее время связь между указанными группами древностей представляется гораздо более сложной и неоднозначной. Все же взгляды всех современных исследователей, непосредственно изучающих киевскую культуру, можно в той или иной степени считать производными от концепций В. Н. Даниленко и П. Н. Третьякова [Пობоль Л. Д., 1969, С. 105–108; Кравченко Н. М., Гороховский Е. Л., 1979, С. 51–69; Горюнов Е. А., 1981, С. 35–43; Сымонович Э. А., 1983б, С. 91–102; Максимов Е. В., 1982, С. 133–154]. Подобная точка зрения выс-

а — поселения, известные по раскопкам; б — поселения, известные по разведкам; в — могильники; г — граница культур штрихованной керамики, днепро-двинской и мощинской; д — граница черняховской культуры;

- 1 — Шатково;
- 2 — Тайманово;
- 3 — Абида;
- 4 — Новый Быхов;
- 5 — Посудичи;
- 6 — Кастуль;
- 7 — Форостянчи;
- 8 — Дегтировка (Лавриков Лес);
- 9 — Мезин;
- 10 — Вишеньки;
- 11, 12 — Киреевка I, II;
- 13 — Долинское;
- 14 — Выбли;
- 15 — Роище;
- 16 — Мена 5;
- 17 — Ключков;
- 18 — Десяняка;
- 19 — Уляновка I, II;
- 20, 21 — Киселевка I, II;
- 22 — Букреевка II;
- 23 — Каменев II;
- 24 — Беседовка;
- 25 — Казаровичи;
- 26 — Погребы;
- 27 — Красный Хутор;
- 28 — Вишеньки;
- 29 — Белгородка;
- 30 — Глеваха;
- 31 — Ходосовка;
- 32 — Большая Салтановка (Хлепча);
- 33 — Новые Безралича;
- 34—36 — Обухов II, III, VI;
- 37 — Сушки II.

Составитель Р. В. Терпиловский



Карта 18. Распространение памятников киевской культуры (прономерованы памятники, на которых производились раскопки)

казана и Р. В. Терпиловским в единственной пока монографии, специально посвященной киевской культуре [Терпиловский Р. В., 1984б], в которой детально рассмотрен комплекс киевской культуры, определены ее локальные особенности и хронология, дан очерк социально-экономического развития и т. д.

Сторонники второго направления не видят в киевской культуре основу формирования раннесредневековых славянских древностей. Так, В. В. Седов рассматривает культуры южной окраины лесной полосы до VII в. н. э., в том числе зарубинецкую культуру, различные группы позднезарубинецких древностей и связанные с ними памятники типа Тушемля—Бацеровщины—Колочина как принадлежащие балтскому или родственному ему населению. Это положение В. В. Седов обосновывает отсутствием преемственности между древностями третьей четверти I тысячелетия н. э. и достоверно славянскими памятниками VIII—X вв., а также господством балтской гидронимии на территории Верхнего Поднепровья и Подесенья вплоть до начала II тысячелетия н. э. [Седов В. В., 1979. С. 74—78]. Основную роль в процессе формирования славянских раннесредневековых культур, в частности пеньковской, В. В. Седов отводит черняховской культуре правобережья Днепра. Последняя в свою очередь была образована пшеворско-зарубинецким населением, ассимилировавшим местные скифо-сарматские

группировки [Седов В. В., 1979. С. 78—100]. По мнению И. П. Русановой, в керамике археологических культур Киевщины, юго-восточной Белоруссии и Подесенья второй и третьей четвертей I тысячелетия н. э. заметно смещение зарубинецких округлобоких и ребристых форм с местными восточнобалтскими элементами [Русанова И. П., 1976. С. 72—75]. Керамика этой территории своими пропорциями существенным образом отличается от керамики пражской и пеньковской культур, из которых только пражскую можно считать славянской, поскольку на верхнеднепровской, ни даже раннепеньковская керамика не дали со временем древнерусских форм посуды [Русанова И. П., 1976. С. 197—198]. Сходную точку зрения высказал и А. Г. Митрофанов, изучавший памятники I тысячелетия н. э. на территории средней Белоруссии [Митрофанов А. Г., 1978. С. 117—124].

Указанные различия во взглядах на киевскую культуру коренятся прежде всего в недостаточной изученности памятников в пределах всего ареала, в слабой источниковедческой базе, небольшом числе подробных публикаций. Пока трудно объективно представить типологические, территориальные и хронологические особенности памятников киевского типа, возникают обобщенные, схематизированные представления о сути этих памятников, их месте

в системе других археологических культур Восточной Европы I тысячелетия н. э.

Памятники киевского типа известны на обширной территории: север Киевской, Черниговская и Сумская области Украины, восток Гомельской и юг Могилевской областей Белоруссии, юг Брянской обл. РСФСР (карта 18). Близкие киевским древности обнаружены на западе Курской и севере Белгородской областей РСФСР. Памятники синхронных культур на этой территории, за исключением контактной зоны с черняховской культурой, не обнаружены. На протяжении существования киевской культуры ее границы, естественно, не оставались неизменными. Так, киевско-черняховская граница приблизительно совпадает с северной линией распространения черноземов, однако самые ранние киевские поселения (Супики 2, Беседовка) известны и гораздо южнее [Терпиловский Р. В., 1985а. С. 52]. Крайние юго-западные пункты киевской культуры обнаружены пока в верховьях рек Стugna и Ирпень (Сосновка, Хлепча и др.). Не вполне ясна западная граница культуры, так как восточная часть бассейна Припяти из-за сильной заболоченности и заселенности исследована слабо. Отметим, что далее к западу, на территории Волины, известны отдельные черняховско-вельбарские памятники, а в верховьях Днестра и Западного Буга — отчасти близкие киевским поселения, обычно относимые к черняховской культуре, с полуземлянками, содержащими преимущественно лентную посуду [Баран В. Д., 1981. С. 18—151]. Наиболее северо-западные киевские пункты, соседящие с культурой штрихованной керамики, обнаружены в нижнем течении р. Березина (Шатково) и к югу от Могилева (Абдия, Тайманово). Нечетко определяется граница киевской культуры с днепро-двинской и мощиной культурами — киевские памятники известны в районе Трубчевска (Кветунь, Посудичи), к востоку от Десны они пока не выявлены. Наиболее восточные памятники, близкие киевским, исследованы в районе Курска по р. Тусурь (Букреевка 2, Камнево 2 и др.) и к северу от Белгорода по р. Северский Донец.

Памятники киевской культуры образуют три крупные территориальные группы: средние и верхнеднепровскую и деснянскую. Пространство между ними исследовано слабо, скорее всего указанные выше группы в значительной степени отражают уровень изученности территории. Средние, верхнеднепровские и деснянские памятники изучены неравномерно: в Среднем Поднепровье насчитывается около 50 памятников [Кравченко Н. М., Горюховский Е. Л., 1979. С. 60], в том числе два могильника и 13 поселений, на которых проводились раскопки. На территории Белоруссии Л. Д. Полюбова называет 517 поселений и 39 могильников [Полюбова Л. Д., 1983. С. 37—40], однако с уверенностью отнести к киевской культуре можно лишь поселения и могильники Абдия и Тайманово, а также, возможно, поселение Шатково и часть погребений Новобыховского могильника; в Подесенье известно около 100 поселений и могильников, на 16 памятниках произведены раскопки.

**ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА.** Поселения обычно располагались на краю первой или второй надпойменной таррасы, реже — на всхолмлениях в пой-

ме. Только в Среднем Поднепровье известен ряд поселений, расположенных на склонах обводненных балок высокого коренного берега (Глеваха, Белгородка, Обухов II, VII). Топография поселений отражает направленность хозяйственной деятельности: плодородные почвы на террасах использовались под поля, а пойма — для выпаса скота. Иногда поселения размещались в 1—2 км одно от другого, образуя достаточно компактные группы. Такие «гнезда» поселений известны в низовьях Стугны и Красной в Среднем Поднепровье [Кравченко Н. М., Горюховский Е. Л., 1979. Рис. 4], на притоках Десны Белоусе, Стрижне, Смячи, Малотечке [Терпиловский Р. В., 1984б. С. 8, 9] и в Верхнем Поднепровье [Полюбова Л. Д., 1983. С. 39]. «Гнезда» в истоках Стрижи и Белоуса близ Чернигова и к югу от Могилева насчитывают до десятка поселений каждое.

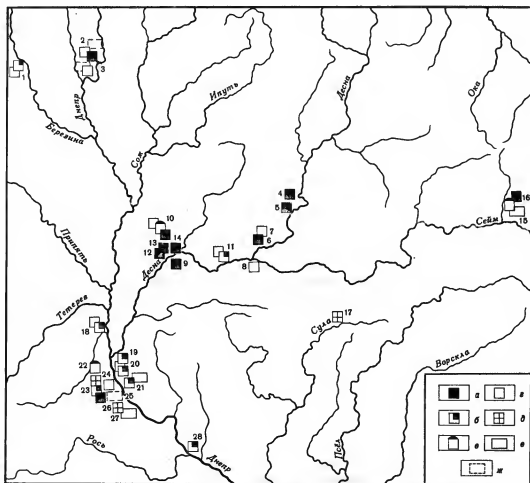
Площадь поселений Подесенья и Среднего Поднепровья обычно не превышает 1—2 га. Даже на поселениях протяженностью около 0,5 км (Ульяновка, Глеваха) обнаружено лишь несколько жилищ. Культурный слой таких поселений полностью или в значительной мере уничтожен распашкой, и находки концентрируются, как правило, только вблизи строительных объектов. Верхнеднепровские поселения иногда достигают значительных размеров: поселение и могильник Абдия занимают 6—7 га, известны поселения, площадь которых превышает 10 га. Сравнительно мощный (до 1 м) культурный слой свидетельствует о длительном существовании этих памятников.

Так как ни одно поселение киевской культуры не раскопано полностью, то об их планировке можно высказать только общие соображения. Постройки располагались компактной группой или же были вытянуты вдоль склона. Помимо жилых построек, на поселениях встречены различные хозяйственные и производственные сооружения: ямы для хранения припасов, очаги на открытом воздухе, домины, ямы для выжигания угля и др.

Об устройстве жилых построек можно получить достаточно полное представление, так как в Среднем Поднепровье раскопано около 30 жилищ, в Подесенье — столько же, а в Верхнем Поднепровье — не менее 50 полуземлянок [Полюбова Л. Д., 1983. С. 46]. Основную массу жилищ составляют однокамерные небольших размеров (средняя площадь 10—17 кв. м) квадратные в плане сооружения с углубленным на 0,5—1,2 м в землю полом и открытым очагом. Конструкция стен чаще всего была срубной или столбовой с использованием бревен, а также плах. В ряде случаев расположение столбовых ям позволяет установить, что крыша была двускатной. В слегка вытянутых постройках конек размещался по длинной оси. Иногда фиксируется вход в виде небольшого пандуса или ступенек, слегка выступающих за пределы котлована (табл. XI, 3, 10). Вход обычно располагался со стороны склона или с юга.

Некоторые особенности домостроительства имеют локальное распространение. Так, для Подесенья основным типом жилища была полуземлянка с ямой от мощного опорного столба в центре и располагавшимся рядом открытым очагом, устроенным на

- а — полуземлянки со столбом и очагом центре;  
 б — полуземлянки с очагом в углу или у стены;  
 в — полуземлянки с врезанной в стену печью;  
 г — полуземлянки не установленного типа;  
 д — каркасно-глиняные жилища;  
 е — удлиненные полуземлянки;  
 ж — наземные дома;  
 1 — Щатково;  
 2 — Тайманово;  
 3 — Абидия;  
 4 — Форостовичи;  
 5 — Дегтировка (Лавриков лес);  
 6, 7 — Киреевка I, II;  
 8 — Долгоское;  
 9 — Выбли;  
 10 — Роище;  
 11 — Мена 5;  
 12 — Десяняки;  
 13 — Ульяновка;  
 14 — Киселевка II;  
 15 — Букреевка II;  
 16 — Каменев II;  
 17 — Беседовка;  
 18 — Казаровичи;  
 19 — Почеп;  
 20 — Красный Хутор;  
 21 — Вишенки;  
 22 — Белогородка;  
 23 — Глеваха;  
 24 — Ходосовая;  
 25 — Новые Безрадицы;  
 26, 27 — Обухов II, VII;  
 28 — Сушки II.  
 Составители Р. В. Терпиловский,  
 Н. С. Абашица



уровне пола или в небольшом углублении (табл. XI, 3, 12). Столб для предохранения от огня иногда обмазывали глиной. Стены домов были деревянными, без применения глины. Особенность среднеднепровских жилищ — разнообразие их конструктивных схем. Здесь встречены жилища с центральным столбом, типичные для Подесенья (Глеваха, Новые Безрадицы), полуземлянки с очагами, расположенными в углу помещения (Вишенки, Глеваха, Красный Хутор и др.; табл. XI, 1, 2, 10, 11, 16, 17). В последнем случае вход обычно фиксируется в противоположной от очага стене. Кроме срубов на Киевщине известны также жилища каркасной конструкции с глиняной обмазкой (Обухов II, VII, Глеваха); помимо сильно углубленных сооружений, встречаются незначительно (0,1—0,3 м) углубленные. Очаги, поды которых вымощены черепками, наиболее типичны для Среднего Поднепровья (Казаровичи, Обухов II). Домостроительство Верхнего Поднепровья не может быть детально охарактеризовано из-за недостатка публикаций (табл. XL, 5, 20). Отметим лишь очаги, вымощенные камнем, встреченные на поселениях Абидия и Тайманово. На последнем памятнике некоторые постройки имели центральный столб. Видимо, кроме полуземлянок (площадь 10—16 кв. м), здесь получили распространение и наземные столбовые дома [Поболь Л. Д., 1983. С. 39]. В единичных случаях в Подесенье и Среднем Поднепровье встречаются полуземлянки удлиненной формы (Вишенки) и отопительные со-

Карта 19. Распространение основных типов жилищ киевской культуры

оружения в виде очагов или печей, врезанных в лѣсовую стену жилища (Белогородка, Роище, Мена 5; табл. XL, 13). В жилище 14 поселения Роище такой под был вымощен в два слоя черепками лепной киевской и гончарной черняховской посуды. Подобные очаги или печи выявлены также в верховьях Сейма (Букреевка 2), где известны памятники, близкие киевским по ряду признаков (карта 19).

Генезис домостроительных традиций киевской культуры определяется вполне отчетливо. Наиболее очевидна связь квадратных полуземлянок, имевших центральный столб, особенно характерных для Подесенья и известных также в Поднепровье и Курском Посеймье (Каменев II), с аналогичными жилищами I—II вв. на памятниках типа Почепа. Подобные сооружения позднее, в V—VII вв., широко распространены на поселениях колочинской культуры и известны на пенъковских поселениях [Горюнов Е. А., 1981. С. 23—26, 64; Хавлюк П. И., 1974б. С. 190]. Истоки домостроительства киевской культуры на Киевщине более сложны. Незначительно углубленные постройки и глиняная обмазка стен, как и расположение отопительного сооружения в углу, вполне характерны для зарубинецких памятников южной части среднего Поднепровья (Пилипенкова Гора и др.). На Киевщине в первых веках нашей эры были распространены полуземлянки

срубной конструкции с очагом в средней части (Оболонь). В это же время здесь были и расположенные в углу очаги с бортиком, поды которых иногда выступали черепки (Грини, Вовки). Таким образом, в сложении жилищ киевской культуры Среднего Поднепровья заметно участие различных зарубинецких и поздnezарубинецких групп.

Среди хозяйственных сооружений преобладают ямы-погребы, встреченные на каждом поселении киевской культуры. Они расположены поблизости от жилищ или несколько в стороне от них, ближе к пойме. Наиболее характерны круглые или овальные ямы (табл. XL, 6, 8), стенки которых вертикальные или несколько расширяются к ровному дну (колоколовидные). В некоторых случаях в ямах встречены развалы крупных корчаг (Обухов II, Новые Безрадицы, Глеваха, Роище), что свидетельствует об использовании ям для хранения зерна или других сельскохозяйственных продуктов. Обычные размеры ям-погребов: диаметр по горловине 1—1,4 м, глубина 0,6—1,4 м. В целом на одно жилище приходится весьма значительное количество ям. Так, в поселении Роище встречено более 200 ям-погребов и всего пять жилищ. Отметим, что и в предшествующее поздnezарубинецкое время ряд поселений также характеризуется значительным количеством таких хозяйственных сооружений: например, на Оболони в Киеве открыто 56 жилищ и 918 ям-погребов [Шовкоплас А. М., 1975. С. 35]. Некоторые ямы, более глубокие и просторные, вытянутой формы, имели производственное назначение.

На некоторых поселениях киевской культуры открыты следы наземных построек с глиняной обмазкой стен, иногда перекрывающих несколько ям-погребов. Их хозяйственное и производственное назначение не вызывает сомнений. Так, на поселении Обухов II рядом с остатками такого сооружения лежали запасы железной руды. В наземной постройке 5 поселения Ульяновка находились различные сельскохозяйственные продукты, и, судя по находкам таких орудий, как жернов, скобель, костяные орудия для выделки шкур, ножи, здесь производилась обработка зерна и шкур [Терпиловский Р. В., 1984б. С. 15. Табл. 13]. В хозяйственный комплекс входили и очаги на открытом воздухе, от которых обычно сохраняются массивные (диаметр до 1,5 м) поды (табл. XL, 7). В вымостках таких очагов использовались черепки и камни, обмазанные глиной. Очажный под из Обухова III состоял из девяти слоев, вымощенных черепками от 39 сосудов, перемежавшихся глиняными прослойками [Абашин Н. С., Гороховский Е. Л., 1975]. В Среднем Поднепровье очаги с вымосткой из черепков встречены также в Обухове II и Глевахе. На верхнем Днепре они сооружались с использованием камня. Остатки производственных или ремесленных комплексов киевской культуры представлены в поселениях Киевщины. Это остатки железодельного горна (Васильки) и крупная яма для выжигания угля (Глеваха).

**ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД.** Он может быть охарактеризован по небольшому количеству памятников, из которых в Среднем Поднепровье исследованы могильники в Казаровичах и Новых Безрадицах (около 30 погребений), в Подесне — в Ки-

реевке (пять погребений), а в Верхнем Поднепровье — в Абидне (26 погребений), Тайманове (около 100 погребений), Новом Быхове (количество неизвестно). При этом практически опубликованы только материалы из Казаровичей и Киреевки [Максимов Е. В., Орлов Р. С., 1974. С. 11—21; Третьяков П. Н., 1974. С. 115, 116].

Расположены могильники в тех же топографических условиях, что и поселения, — на краю террасы или на возвышениях в пойме, в непосредственной близости (до 100 м) от соответствующих поселений. Погребения с остатками трупосожжения, совершенного на стороне, размещены группами, которые отстоят одна от другой на расстоянии от 25 до 100 и даже 200 м (Казаровичи, Киреевка). Группировка погребений, возможно, отражает родственные связи. Специфической особенностью погребений, отличающей их от сожжений других культур, является захоронение остатков кремации в неглубоких ямах округлой формы (диаметр 0,4—1,5 м). На дне ямы обычно находится небольшое количество сильно пережженных костей умершего, иногда смешанных с остатками погребального костра в виде обгорелых поленьев, золы и угля (табл. XL, 9, 14, 15, 21, 22). Все это перекрыто прослойкой песка, выше которой встречаются следы тризны — кости животных, фрагменты разбитых и пережженных сосудов. В редких случаях имеется небогатый погребальный инвентарь: присаице, подвеска, фибула и др. Обожженные вещи, вероятно, принадлежали покойному, а предметы без следов пребывания в огне были последним даром сородичей. Иногда в могильниках бывают ямы с углем и фрагментами керамики, но без костей, что, возможно, связано с какими-то ритуальными действиями.

О региональных особенностях погребального обряда киевской культуры говорить преждевременно из-за его слабой изученности. Однако для Среднего Поднепровья, судя по могильнику Казаровичи, как будто типично помещение в захоронения многочисленных фрагментов повторно пережженных сосудов (табл. XL, 19). На территории Белоруссии, кроме округлых погребальных ям, встречены захоронения в больших удлиненных ямах (табл. XL, 22).

Истоки погребальной обрядности киевской культуры не вполне ясны, так как у населения, обитавшего на данной территории в предшествующий период, обряд трупосожжения отличался от киевского. Наиболее близок по типу к киевскому погребальный обряд милоградской культуры. В погребальном обряде киевских могильников как бы возрождаются основные черты милоградских захоронений. Обращает на себя внимание и тот факт, что около рубежа нашей эры подобные черты погребального обряда сохраняются прежде всего в могильниках верхнеднепровской группы зарубинецкой культуры [Обломский А. М., 1983а. С. 13]. Ряд особенностей киевских сожжений (например, помещение в могилы вторично пережженной керамики) находит аналогии в погребальном обряде могильников пшеворской и черняховской культур.

**КЕРАМИКА.** На памятниках киевской культуры распространена лепная посуда, иногда со следами формовки на поворотном столике. Орнаментация встречается весьма редко: лишь иногда местную

керамику украшают ямки или насечки по краю венчика, следы расчесов гребенкой или палочкой по корпусу. Попадает пластический орнамент в виде горизонтальных валиков под венчиком (Казаровичи, Абидия, Роище) и налечных подковок в верхней части сосуда (Обухов III). В Среднем Поднепровье и Подесенье в качестве отождествляющей примеси в составе керамической массы применяются шамот (толченая керамика) или песок, в Верхнем Поднепровье — древес (дробленный гранит). Наиболее часто встречаются сосуды с поверхностью красноватого или серо-желтого цвета, бугристой из-за крупных примесей. Столовая посуда аккуртно сглажена или подлощена, ее поверхность темно-серая или красноватая.

Во всех районах распространения киевской культуры основное место принадлежит кухонным горшкам и корчагам-хранилищам (табл. XLI). Гораздо реже встречаются миниатюрные горшочки, крышкисковородки в виде дисков и столовая посуда (миски и горшковидные сосуды). Классификация керамики киевской культуры предложена исследователями для двух регионов: Среднего Поднепровья [Даниленко В. М., 1976; Абашина Н. С., Горховский Е. Л., 1975; Кравченко Н. М., Гороховский Е. Л., 1979] и Подесенья [Горюнов Е. А., 1981; Терпиловский Р. В., 1984б].

Горшковидные сосуды (горшки и корчаги) как самый массовый материал в целом можно разделить на две группы: с плавным и с ребристым профилем. Каждая из них в свою очередь делится на ряд типов. Тип I, 1 — сосуды с широкой горловиной, относительно высокой и, как правило, плавно отогнутой шейкой, максимальным расширением корпуса в верхней его части и узким дном. Представлен преимущественно корчагами диаметром по венчику свыше 30 см (табл. XLI, 1, 10, 20, 25, 26, 32, 45, 52). Тип I, 2 — горшки средних размеров с максимальным расширением корпуса в верхней части, горловина сужена, шейка почти вертикальна (табл. XLI, 8, 12, 28). Тип I, 3 — банковидные сосуды средних размеров сравнительно вытянутых пропорций со слабовыделенной шейкой и незначительным расширением корпуса в средней части. Диаметр дна почти равен диаметру венчика (табл. XLI, 2, 22, 34, 47). Тип I, 4 — тюльпановидные сосуды с широкой горловиной и плавно переходящими к узкому дну стенками. Максимальный диаметр обычно приходится на середину высоты и незначительно отличается от диаметра венчика (табл. XLI, 3, 16, 24, 41). Представлен мисками и горшками средних размеров. Тип I, 5 — округлобкие горшки средних размеров с максимальным расширением корпуса в средней части (табл. XLI, 37, 48). Среди ребристых форм можно выделить тип II, 1 — биконические горшки и корчаги с узкой горловиной и переделом корпуса в верхней части (табл. XLI, 42, 51); тип II, 2 — биконические сосуды с ребром на середине высоты (табл. XLI, 6, 11, 15, 19, 23, 27, 30, 36, 39, 46, 53); тип II, 3 — широкогорлые цилиндрико-конические горшки средних и крупных размеров (табл. XLI, 21). Ребра бываю закругленными, резкими и резко оттянутыми. Предложенная типология достаточно приближительна, так как основана на визуальном сопоставлении форм. Иногда сосуды имеют признаки, общие для различных типов. В схему, естественно, не вошли некото-

рые единичные формы, изредка встречающиеся лишь на отдельных памятниках, тогда как горшки указанных типов постоянно попадают на памятниках, хотя в разном количестве и неодинаковых соотношениях, что отражает как хронологические, так и региональные особенности развития культуры.

Сравнительный анализ посуды из памятников различных районов показывает, что на ранних этапах развития культуры преобладали корчаги и горшки с широкой горловиной и максимальным расширением корпуса в верхней части (тип I, 1). Им, как правило, сопутствуют округлобкие горшки с расширением тулова на середине высоты (тип I, 5) или удлиненные биконические горшки (тип II, 1, реже — тип II, 2). Для Среднего Поднепровья более характерны горшки с узкой горловиной и высоким положением плеча (тип I, 2), для Верхнего Поднепровья — банковидные горшки (тип I, 3), для Подесенья — тюльпановидные горшки (тип I, 4). Можно констатировать, что сосуды типов I, 2; I, 5; II, 2 имеют прототипы среди горшков и корчаг зарубинецкой культуры Среднего и Верхнего Поднепровья, а сосуды типов I, 1 и I, 4 — среди керамики I–II вв. из поселений типа Гриней и Почена. Для заключительного этапа киевской культуры характерно широкое распространение призматических (по сравнению с ранними) биконических горшков с ребром на середине высоты (тип II, 2), а также банковидных (тип I, 3) и тюльпановидных (тип I, 4) форм. На основе биконических возникают цилиндрико-конические (тип II, 3) горшки. В целом керамический комплекс этого периода приобретает ряд черт, вследствие типичных для посуды колоческой и пеньковской культур [Кравченко Н. М., Гороховский Е. Л., 1979. С. 66, 67; Терпиловский Р. В., 1984. С. 73–81]. Лощеные и подлощенные остро-реберные миски и горшковидные сосуды киевской культуры наиболее отчетливо показывают эволюцию, идущую от зарубинецких и пшеворских форм рубежа нашей эры. Суть этого процесса сводилась к уменьшению количества лощеной посуды, упрощению ее форм, ухудшению качества лощения. [Даниленко В. М., 1976. С. 82]. К V в. н. э. лощеная посуда уже не встречается.

Повсеместно, хотя и в сравнительно небольшом количестве, на памятниках киевского типа встречаются небольшие сосудики (Лавриков Лес, Роище, Вишенки и др.), а также глиняные диски диаметром 15–30 см с невысоким бортиком или утолщением по краю (табл. XLI, 5, 9, 14, 15, 18, 31, 33, 36, 40, 53). Изготовленные из глиняной массы, обычной для горшков и корчаг, диски использовались как крышки для кухонных горшков и в качестве сковородок-лепешниц. Эта категория посуды на памятниках киевского типа, безусловно, отражает зарубинецкую традицию. На основе таких дисков в славянских культурах VII–VIII вв. возникают массивные сковородки с более высоким бортиком.

В отношении ранних комплексов Среднего Поднепровья (Сушки 2, Казаровичи, Обухов III и др.), Подесенья (Киреевка 2, Лавриков Лес) и Верхнего Поднепровья (Абидия) преобладают высокие миски ребристых форм, напоминающие позднезарубинецкие или пшеворские (табл. XLI, 4, 38, 49, 50). Ряд мисок (Абидия, Киреевка 2), как и лоще-

ный горшок из Тайманова, повторяет формы из поздних комплексов Чаплинского зарубицежского могильника или из Поческого селца. Позднее, с вытеснением лепной столовой посуды горнатым импортным черняховской культуры, на памятниках Среднего Поднепровья (Обухов III) и Подесенья (Роище) изредка встречаются остроеребренные лепные миски, подражающие горнатым изделиям черняховских мастеров (табл. XLI, 7, 17, 43). Миска из вымостки ога 2 поселения Обухова III даже украшена фризом из заштрихованных треугольников, типичным для провинциально-римской керамики. Некоторым мискам прямые прототипы указать затруднительно (табл. XLI, 13, 44).

Кроме местной лепной посуды, на памятниках киевской культуры, как правило, в небольшом количестве находят привозную черняховскую или античную керамику, которая рассмотрена ниже, в связи с вопросами импорта.

**ВЕЩЕВЫЕ НАХОДКИ.** Орудия труда и промыслов изготовлены главным образом из железа и стали (табл. XLII). Универсальными инструментами представлены ножами и шильями. Ножей известно не менее 50 [Гурин М. Ф., 1982. С. 43; Терпиловский Р. В., 1984б. С. 25]. Преобладают ножи с прямой спинкой и резкими уступами при переходе к черенку, типологически близкие древнерусским (табл. XLII, 13—15). Длина их в ряде случаев превышает 15 см. Несколько меньшими размерами отличаются ножи со спинкой в виде слабой дуги и плавным переходом от черенка к клинку, обычные для зарубицежской культуры рубежа нашей эры и ряда культур I тысячелетия н. э. лесной зоны Восточной Европы (табл. XLII, 11, 12). Широкий нож из Глевахи имеет выпуклую линию спинки и лезвия с резкими уступами (табл. XLII, 17). На черенки обычно насаживались цельные костяные или деревянные рукоятки, иногда схваченные для прочности железными кольцами (Абидия; табл. XLII, 16). Реже рукоятки были из двух пластин и крепились заклепкой через отверстие в черенке. Шилья (около 20) откованы из стержней длиной до 12 см. Рабочая часть обычно имеет круглое сечение, а черенок, на который набивалась деревянная рукоятка, — уплощенное или квадратное.

Земледельческий инвентарь представлен находками параллельки и серпов. Единственный небольшой узколезвийный параллельник шириной до 7 см встречен в хозяйственной постройке 5 поселения Ульяновка (табл. XLII, 10). Форма и размеры его находят аналогию в материалах черняховской культуры. Основными орудиями уборки зерновых культур служили серпы, встреченные в Среднем (Обухов VII, Бортничка) и Верхнем (Абидия, Тайманово) Поднепровье, а также в Подесенье (Мея 5, Роище). Длина целых экземпляров 17—26 см при ширине лезвия до 3 см (табл. XLII, 5—9). Это относительно слабо изогнутые орудия с черенковым креплением рукоятки или с крючком на конце пятки. У крупного сильно изогнутого серпа из Роища, конструктивно близкого черняховским изделиям, рукоятка, насаженная на крючок, дополнительно укреплялась железным кольцом (табл. XLII, 9).

Деревообрабатывающие инструменты неплохо известны по десинским находкам. Это железные до-

лота в виде стержней длиной до 17 см прямоугольного или круглого сечения. Шляпки долот расклепаны от длительного употребления (табл. XLII, 21). Аналогичное долото и ложкорез с изогнутым лезвием обнаружены на поселении Глеваха в Среднем Поднепровье (табл. XLII, 22). Употреблялись также сверла с первичной рабочей частью (Роище), указывающие в свою очередь на существование вращающегося приспособления (табл. XLII, 23). Для выполнения различных строгальных работ применялись двуручные скобели (Роище, Ульяновка). Лезвие целого скобеля из Роища имеет ширину захвата 8,4 см и оканчивается двумя штырями, изогнутыми под прямым углом к лезвию (табл. XLII, 18). На эти черенки набивались деревянные рукоятки, которые прочно удерживались крючками на концах черенков. Скобели такого устройства представляли собой универсальные высокопроизводительные орудия, использовавшиеся вплоть до недавнего времени. Орудия металлообработки встречаются редко. Известны небольшие зубила из Абидии и Ульяновки (табл. XLII, 20), а также миниатюрная наковаленка (табл. XLII, 19), возможно, предназначенная для выполнения ювелирных работ (Новые Безрадиичи).

Железные иглы встречены в немногих экземплярах (Глеваха, Ульяновка, Абидия), хотя применялись, видимо, широко (табл. XLII, 33). Единичными находками представлены также крупные пружинные ножицы длиной около 27 см для стрижки овец (Абидия) и колокольчики — ботала для скота (Ульяновка; табл. XLII, 26, 35). Известны также большие рыболовные крючки (Казаровичи, Тайманово; табл. XLII, 25). Предметы бытового назначения представлены несколькими бритвами с изогнутым (Тайманово) и прямым (Роище) лезвиями, двумя стержневидными кресалами с кольцами для подвешивания к поясу (Абидия, Глеваха), железным гребнем с полукруглой спинкой (Новые Безрадиичи), который, возможно, применялся при прядении (табл. XLII, 24, 32, 34, 36, 37).

Среди орудий труда, изготовленных из камня, наиболее часты точильные бруски и жернова. Жернова известны в Среднем (Вишеньки) и Верхнем (Абидия) Поднепровье, но особенно много их фрагментов оказалось в Подесенье, где они зафиксированы почти в каждой постройке, а также в ряде хозяйственных ям поселений Роище, Ульяновка, Киселевка 2, Выбли. Диаметр жерновов около 40 см при толщине до 10 см. Рабочий комплекс состоял из двух жерновов: верхний (бегун) имел в центре прямоугольное отверстие для засыпки зерна и крепления рукоятки (Ульяновка; табл. XLII, 2). На нижнем камне была лунка для установки оси (Роище; табл. XLII, 1). Такая конструкция ручных мельниц характерна для черняховской культуры [Минасян Р. С., 1978а. С. 104, 106]. О черняховском происхождении говорит и материал, из которого сделаны жернова: все они, за исключением одного, изготовлены из вулканического туфа, выходы которого на рассматриваемой территории неизвестны. Все это заставляет считать туфовые жернова своеобразной категорией черняховского импорта. Точильные бруски обычно изготовлены из мелкозернистого песчаника, реже — из сланца или кварцита. В сечении бруски прямоугольные, длина отдельных экземпляров достигает 27 см (Киселев-



ка 2). Некоторые изделия имеют следы заточки игло-лок и шильев или отверстие для подвешивания (табл. XLII, 3, 4). Сферические растриллиники из гранита, обычные для зарубинецкой культуры, на памятниках киевского типа встречаются редко (Роище). Из серого шифера выточено единственное прислеще (Лавриков Лес), аналогичное по форме глиняным прислещам киевской культуры.

Орудия труда из глины представлены тиглями, льячками, формами для литья, грузилами и прислещами. Тигли найдены в Верхнем Поднепровье (Абидня, Тайманово) и Подесенье (Киселевка 2, Роище). Это преимущественно небольшие конические сосудики для плавки бронзы. Реже встречаются тигли с узкой горловиной (Роище). Для разливы металла в формы использовались миниатюрные льячки (Ульяновка). Глиняные формы для отливки мелких украшений происходят из Абидни и Киева (Кирилдовские высоты). Грузила найдены в Подесенье (Роище), Среднем и Верхнем Поднепровье (Глеваха, Тайманово). Среди них преобладают конические или пирамидальные (табл. XLII, 47, 48). Некоторые грузила не обожжены, хотя вокруг отверстий имеются следы веревки. Очевидно, все эти изделия предназначались для оттяжки нитей основы вертикального ткацкого станка. Аналогичные предметы известны в зарубинецкой и особенно черняховской культурах. Уполющено-биконические прислещи встречены во многих экземплярах на каждом поселении киевской культуры (табл. XLII, 44, 45). Независимо от района расположения памятника их характеризует удивительное единообразие в форме, размерах и наличии сравнительно большого отверстия для веретена, что превращает прислещи в предмет, пригодный для этнографической характеристики культуры. В III—IV вв. такие прислещи точно очерчивают ареал памятников киевского типа, редко проникая за его пределы на север и северо-восток. Диаметр прислещи 2,5—3 см, высота и диаметр отверстия 1—1,5 см, ребро четкое. Прислещи изготовлены из глины с мелкими примесями. Поверхность их обычно сглажена или вылощена. Орнамент встречается редко, он имеет вид зигзагов, наковалей или насечек по граням (Абидня, Тайманово, Глеваха, Ульяновка, Роище). Эти изделия типологически сходны с биконическими уполющенными прислещами зарубинецкой культуры, впервые появившимися на поднепровских памятниках в I в. н. э. (Ходосовка), а в I—II вв. уже известными в северных и восточных позднезарубинецких поселениях от устья Березины до верховьев Псла. В единичных случаях прислещи имеют округлую форму (Ульяновка, Глеваха) или имитируют черняховские изделия (Роище). Отдельные прислещи из поздних комплексов Подесенья более вытянуты по вертикальной оси, что сближает их с предметами из колочинских и пеньковских памятников V—VII вв.

Кость применялась при изготовлении орудий, необходимых в различных домашних ремеслах, прежде всего — коженном. Большая часть костяных орудий происходит из памятников Подесенья. Наиболее распространены были так называемые туники, сделанные из ребер крупного рогатого скота и применяемые для очищения шкуры от мездры и шерсти. Средняя длина туников около 20 см, острый рабочий

край заполирован от длительного управления (табл. XLII, 39). Так называемые коньки делались из плюсовых или пястных лошадиных костей со срезаемыми и заполированными основанием (Роище). Ими работали, как утюжками, разминая кожи или разглаживая ткань, снятую с ткацкого станка (табл. XLII, 41). Аналогичные вещи типичны для черняховских памятников. Кочедыки делались из ребер овец или других мелких животных (Ульяновка, Роище). Длина их 16—18 см. Один конец заострен и слегка сработан. Кочедыки применялись для плетения сетей, лаптей и т. д. (табл. XLII, 38). Проколки или спицы веретенообразной формы (Роище) имели хорошо заполированное основание. Иголки представляли собой довольно крупные орудия толщиной 3—4 см с ушками (Лавриков Лес, Ульяновка; табл. XLII, 42, 43). Они использовались для плетения сетей.

Оружие и предметы воинского снаряжения встречаются как исключения. В Ульяновке найдены обломок обоюдоострого лезвия (фрагмент наконечника копья или кинжала) и наконечник стрелы (табл. XLII, 27, 28), в Абидне и Тайманове — несколько наконечников стрел и копий (табл. XLII, 29, 30). Наконечники стрел сравнительно небольшие (длина 3,5—5,3 см) черешковые четырехгранные, что обычно для памятников римского времени от Среднего Поднепровья до Прибалтики. В области памятников киевского типа обнаружены две шпоры провинциально-римских типов: железная с расширенной в середине душкой и массивным шипом (Новые Безрадицы; табл. XLII, 31) и бронзовая (Тайманово). При скромности этих находок особое внимание обращает на себя богатая конская сбруя из Роища — принадлежность снаряжения всадника, выполненная из серебра. Она была найдена в виде клада, в состав которого входили пять больших (ширина 9,1—10 см, высота 4,1—5 см) лунниц из тонкого листа и три проволочных кольца.

Предметы убора и украшения из цветного или черного металла в значительной степени близки к общеευропейским типам позднеримского времени. Поэтому не всегда можно определить, имели ли мы дело с изделиями местных мастеров или с импортом. Булавки чаще всего изготовлены из железа. Среди них значительно преобладают так называемые посоховидные — с петлевидной головкой из грагеного прута с завитком на конце. В Абидне и Тайманове встречено около двух десятков аналогичных железных и бронзовых булавок, в Киреевке и Лавриковом Лесу — по одной (табл. XLII, 23, 26, 29). Иногда попадают и булавки с головкой в виде замкнутого кольца (Абидня, Новые Безрадицы). Подвески обычно небольшие трапециевидной формы, изготовленные из тонкого бронзового листа (Роище, Ульяновка, Киреевка — Подесенье; Абидня, Тайманово — Верхнее Поднепровье). Реже встречаются пластинчатые бронзовые лунницы со слегка утолщенными концами (Тайманово, Глеваха), напоминающие подвески серебряной конской сбруи из Роища, но отличающиеся меньшими размерами (табл. XLII, 18). В состав ожерелья, вероятно, иногда входили и бронзовые спиральные прокизи (Киселевка 2, Абидня). Браслеты также изготавливались исключительно из цветных металлов. Известно несколько

браслетов из круглой или подграненной бронзовой проволоки (Ульяновка, Роище, Глеваха), а также фрагмент подобного серебряного изделия (Роище). Реже встречаются массивные браслеты (Киревежа, Ульяновка), причем один имел утолщенные концы с орнаментом «елочкой» (табл. XLIII, 3).

Среди предметов личного убора важное место принадлежит фибулам, хотя находки их и нечасты (известно около трех десятков). Все они двучленные. Преобладают арбалетные фибулы с подвижной ножкой. Ряд бронзовых изделий, вероятно, является черняховским импортом (Глеваха, Тайманово; табл. XLIII, 15), в то время как железные фибулы скорее всего были продукцией местных мастеров. Фибулы, характерны для ранних этапов развития киевской культуры, подвижные, выполнены из круглого или граненого, относительно узкого стержня с коленчатым или плавным изгибом спинки (Казаровичи, Новые Безрадиичи, Глеваха, Абидня; табл. XLIII, 17, 20, 27, 34, 35, 38). Позднее распространяются более массивные подвижные фибулы со спинками сложного сечения (Лавриков Лес, Деснянка, Мена 5), а также так называемые воинские фибулы со сплошным приемником (Тайманово; табл. XLIII, 14, 21, 22, 24). Для заключительного этапа киевской культуры характерна бронзовая фибула с ромбической ножкой из Тайманова (табл. XLIII, 12). Железных и бронзовых пряжек немного (около 15). К наиболее ранним относятся кованая бронзовая уплощенная пряжка с полукруглой дужкой из Новых Безрадиичи (табл. XLIII, 37), железная пряжка с двучастной полукруглой рамкой из Абидни (табл. XLIII, 42), имеющие аналогии в пшеворских и вельбарских комплексах, а также бронзовая несомкнутая пряжка с шпечками на концах (Казаровичи; табл. XLIII, 36). Большинство пряжек (Хлепча, Тайманово, Салтыкова Девица 2, Ульяновка) имеют небольшие или средние размеры и округлую рамку, что типично для поздне римского времени Центральной и Восточной Европы (табл. XLIII, 4, 11). Железные пряжки из поздних комплексов (Роище, Ульяновка) — крупные, с вытянутой рамкой и язычком, проходящим через короткую ось (табл. XLIII, 10).

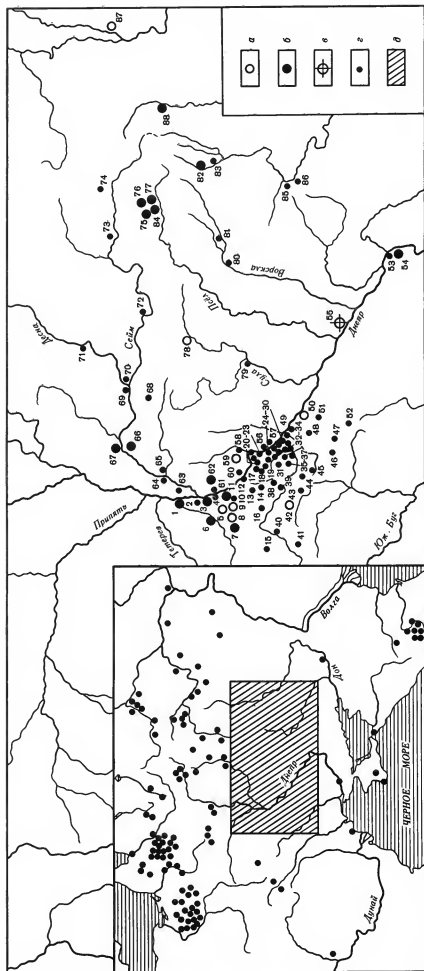
Необходимо остановиться на так называемых варварских изделиях с выемчатой эмалью. Хотя территория их распространения весьма обширна и охватывает среднюю полосу Восточной Европы от Прибалтики до Прикамья, большая часть таких находок — свыше 200 вещей — обнаружена в пределах ареала киевской культуры (карта 20). Основная масса украшений с выемчатой эмалью представлена случайными изолированными находками или происходит из кладов. Несмотря на сравнительно небольшие масштабы работ на памятниках киевского типа, интересующие нас предметы происходят из поселений Среднего (Хлепча, Новые Безрадиичи, Казаровичи, Бортнички) и Верхнего (Абидня, Тайманово) Поднепровья, Подесенья (Кветунь). В Тайманове обнаружено около десятка таких изделий, в Абидне — не менее четырех, в Кветуни — три, а в Новых Безрадиичах и Казаровичах — по два экземпляра (табл. XLIII, 19, 32, 33, 39, 40). Бронзовые литые украшения с гнездами для эмали геометрических очертаний и сквозными прорезями, найденные на

поселениях киевской культуры, представлены лунницами (Казаровичи, Новые Безрадиичи, Абидня), ажурными подвесками и накладками (Бортнички, Кветунь), нагрудной цепью из трех плоских ажурных звеньев (Хлепча), треугольной и перекладчатых фибулами (Новые Безрадиичи, Кветунь). Выполненные в том же стиле вещи, но в более богатом ассортименте, происходят из кладов, обнаруженных в пределах ареала киевской культуры. Среди них наиболее представительны Межгорский клад в Среднем Поднепровье и Борзинский — в Подесенье [Макаренко М., 1928]. Вопросы происхождения и хронология украшений с выемчатой эмалью вызывают острую полемику и имеют обширную историографию [Рыбаков Б. А., 1948б. С. 53; Даниленко В. М., 1976. С. 66; Корзухина Г. Ф., 1978]. На современном уровне исследований можно констатировать, что в пределах ареала киевской культуры (прежде всего в Среднем Поднепровье) находился один из центров производства вещей с эмалью. Период их бытования на этой территории охватывал, вероятно, в основном III—IV вв. [Гороховский Е. Л., 1982б. С. 436].

Предметы личного убора дополняются единичными глиняными и красными пастовыми бусами из Абидни и Ульяновки, а также амулетом — медвежьим котлом с прожженным отверстием из поселения Выбли (Подесенье).

Монеты на памятниках киевского типа, указывающие на контакты между местными племенами и населением более южных районов, встречаются крайне редко. Это римские бронзовые монеты императора Геты (209—212) из Абидни и Феодосия I (379—395) из Васильювка, а также серебряный денарий II в. из Глевахи. Последняя находка не имеет датировочного значения, так как и в комплексах черняховской культуры встречаются, как правило, полноценные серебряные денарии I—II вв., а «порченные» монеты III—IV вв. редки. Безусловно, «варвары» хорошо понимали разницу между благородным металлом и дешевым сплавом. Это обстоятельство, вероятно, свидетельствует в пользу предположения, согласно которому у племен Восточной Европы монетное серебро выполняло прежде всего функцию сокровища. Об этом же говорит и находка серебряных украшений с брусом из Роища, тождественных по составу металла римским серебряным монетам. Кроме того, в пределах киевского ареала известно несколько десятков местонахождений римских монет, в том числе весьма крупные клады [Кропоткин В. В., 1961]. Один из них, обнаруженный возле Климовичей, состоял из 1815 монет. Возможно, он связан с открытыми неподалеку поселениями киевской культуры [Поболь Л. Д., 1970. С. 180].

Предметы импорта говорят о широких обменных связях населения киевской культуры с южными областями, находившимися на периферии античного мира, в частности с черняховской культурой и в меньшей степени — с северными районами. В различные районы Поднепровья и Подесенья привозные вещи поступали неравномерно, причем наибольшее их число связано с расцветом киевской и черняховской культуры во второй половине III—IV в. (карта 21). Наиболее широк ассортимент и значителен ареал импортных изделий черняховской культуры. Самой

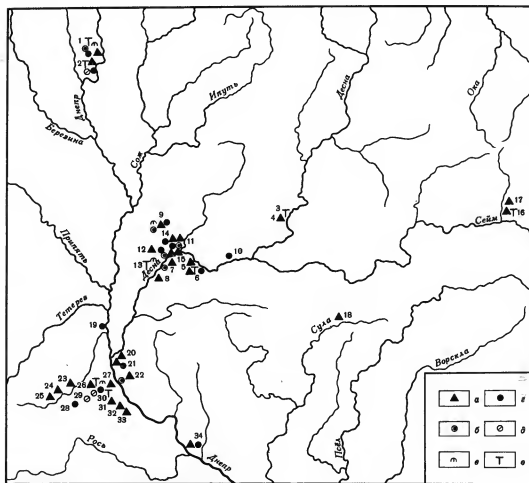


Карта 20. Распространение украшений с выемчатыми знаками в европейской части СССР (на разрезе — Подпирное)

- а — находки, локализуемые в пределах районов или областей, не связанные с конкретными пунктами;  
 б — находки на подпольно-бронзовых и княжеских памятниках;  
 в — находки в черниковском погребении;  
 г — находки на разрезе;  
 д — находки в черниковском погребении;  
 1 — Вальсдорф (быв. Мокшаторский монастырь);  
 2 — Киев, Оболонь;  
 3 — Киев;  
 4 — Киев;  
 5 — Киевская обл.;  
 6 — Игнатовка;  
 7 — Большая Салтановка, хут. Хлодз;  
 8 — Васильев;  
 9 — Васильевский р-н;  
 10 — побережье Ступин;  
 11 — Новые Безрадичи, урочище Митков Кут;  
 12 — Стейск;  
 13 — Черняхов;  
 14 — Каляев;  
 15 — Каляев;  
 16 — Волжский;  
 17 — Волжский Букрин;  
 18 — Малый Букрин;  
 19 — Пугачи;  
 20 — Грахтемиров;  
 21 — Монастырь;  
 22 — Зарубица;  
 23 — Троицкая;  
 24 — Пашанья;  
 25 — Грушица;  
 26 — Грушица;  
 27 — Грушица;  
 28 — Канев;

- 29 — Пензя;  
 30 — Пензя;  
 31 — Стелаша;  
 32 — Юмачи;  
 33 — Михайловка;  
 34 — Хмельня;  
 35 — Мокрица;  
 36 — Мокрица;  
 37 — Бочка;  
 38 — Савость;  
 39 — Тетюш;  
 40 — Михайловка;  
 41 — Тетюш;  
 42 — Тарановский р-н;  
 43 — Медань;  
 44 — Гута;  
 45 — Гута-Комаровская;  
 46 — Бурга;  
 47 — Мокшань;  
 48 — Староселье;  
 49 — Канев;  
 50 — Черкасский р-н;  
 51 — Юмачи;  
 52 — Пастырское;  
 53 — Волошское;  
 54 — урочище Сурская Загора;  
 55 — Уруцкий Остров;  
 56 — Дашава;  
 57 — Дашава;  
 58 — Пасебры;  
 59 — Пасебры-Хмельницкий;  
 60 — Койлов;  
 61 — Вышинец;  
 62 — Бортнян;  
 63 — Жуки;  
 64 — Воробейка;  
 65 — Старгородка;  
 66 — Голещи;  
 67 — Алисов, урочище Татарская Гора;  
 68 — Борзна;  
 69 — Прогна;  
 70 — Радичи;  
 71 — Новгород-Северский;  
 72 — Путивль;  
 73 — Воронцов;  
 74 — Борзна;  
 75 — Борзна;  
 76 — Чертыманово;  
 77 — Чертыманово;  
 78 — Ромашки р-н;  
 79 — Дубич, Остров Плятовец;  
 80 — Ахтыра;  
 81 — Шаха;  
 82 — Шахи;  
 83 — Дятровское;  
 84 — Голещи;  
 85 — Великая Гомелька;  
 86 — Нижняя Вышня;  
 87 — Воронежская обл.;  
 88 — Приосвельское.

Составитель Е. Л. Гороховский



Карта 21. Находки импортных предметов на памятниках киевской культуры

Составитель Р. В. Терпиловский

многочисленной категорией импорта является столовая посуда, изготовленная на гончарном круге. Фрагменты привозных столовых мисок, кувшинов и более грубых горшков встречаются на поселениях Среднего Поднепровья (Глеваха, Вишенки, Обухов VII, Красный Хутор и др.), Подесенья (Роище, Ульяновка, Киселевка 2, Выбли и др.) и Верхнего Поднепровья (Тайманово), причем количество их обычно не превышает нескольких процентов по отношению к местной посуде. Лишь в некоторых комплексах поселения Глеваха доля фрагментов гончарной посуды достигает 30–40%, что, впрочем, объясняется расположением этого памятника вблизи от черняховских поселений Среднего Поднепровья. Реже на памятниках киевского типа встречаются привозные фибулы и пряжки, изготовленные главным образом из бронзы (Глеваха, Новые Безрадничи, Салтыкова Девица 2, Ульяновка, Тайманово), а также бронзовые туалетные пинцеты (Тайманово). Некоторые ножи (Ульяновка) и крупный серп из Роища, судя по особенностям технологии, могли быть изготовлены черняховскими кузнецами. Выполненные из вулканического туфа жернова, особенно частые на поселениях Подесенья, также имеют черняховское происхождение: в IV в. н. э. на Южном Буге функционировал крупный центр по их производству [Хавлюк П. И., 1980]. Костяные

- а — гончарная керамика;
- б — туфовые жернова;
- в — костяные гребни;
- г — бусы;
- д — монеты;
- е — привозные фибулы, пряжки и др.
- 1 — Тайманово;
- 2 — Абидия;
- 3 — Куриловка;
- 4 — Мезин;
- 5 — Ковчин;
- 6 — Салтыкова Девица 2;
- 7 — Выбли;
- 8 — Золотинка;
- 9 — Роище;
- 10 — Мена 5;
- 11 — Клочков;
- 12 — Деснянка;
- 13 — Ульяновка;
- 14, 15 — Киселевка I, II;
- 16 — Букреева II;
- 17 — Каменев II;
- 18 — Беседовка;
- 19 — Казаровичи;
- 20 — Потребы;
- 21 — Красный Хутор;
- 22 — Вишенки;
- 23 — Яблунька;
- 24 — Черногородка;
- 25 — Сосновка;
- 26 — Глеваха;
- 27 — Ходосовка;
- 28 — Большая Салтановка (Хленча);
- 29 — Васильков;
- 30 — Новые Безрадничи;
- 31–33 — Обухов II, III, VII;
- 34 — Сутки II.

гребни, обычные для ряда средне- и восточноевропейских культур римского времени, также известны в киевской культуре. Четыре целых и фрагментированных экземпляра происходят из Подесенья (Роище, Ульяновка, Киселевка 2), два — из поселения Глеваха (Среднее Поднепровье) и один — из могильника Тайманово (Верхнее Поднепровье). Все они принадлежат к многочастым трехслойным изделиям, соединенным заклепками воедино. Гребни из Глевахи относительно ранние — они небольших размеров, с невысокой дуговидной спинкой (табл. XLIII, 16). Три экземпляра из Подесенья относятся к более позднему типу. Они более крупные, с прямыми плечиками и высокой полукруглой спинкой (табл. XLIII, 2). Учитывая многочисленность аналогичных находок в черняховской культуре, а также аккуратное изготовление этих технологически сложных вещей, костяные гребни из памятников киевского типа следует считать привозными.

Через посредство черняховских племен к населению киевской культуры попадали не только монеты, но и другие предметы провинциально-римского происхождения. Наиболее многочисленной их категорией были бусы, хотя часть из них могла изготавливаться и черняховскими мастерами. Это плоские четырехугольные бусы из красной пасты (Казаровичи, Мена 5, около 50 экз. из Абидии), небольшие округлые бусы синего, зеленоватого или белого стекла (Киселевка 1, 2, Ульяновка, Роище, Казаровичи, Салтыкова Девица 2), синие многочисленные про-

низи (Киселевка 2), позолоченные бусы (Абидия, Тайманово и др.; табл. XLIII, 7, 8, 25, 30, 31, 41). Крупная полихромная бусина из Роища имела орнамент в виде четырех белых полос и красного зигзага (табл. XLIII, 6). Античная керамика представлена фрагментами позднегреческих амфор и обломками столовой керамики. Все фрагменты амфор принадлежат изделиям из светлой глины с рифленой поверхностью (Роище, Ульяновка, Беседовка, Глеваха). Сосуд из Беседовки является небольшой амфорой танаисского типа. Обломки из Роища принадлежат амфоре более позднего типа с яйцевидным туловом и невысоким горлом. Такие амфоры известны в комплексах поднепровского времени из Танаиса, Херсонеса и Пантикалея. На ранних памятниках киевского типа (Беседовка, Сушки 2) встречаются также немногочисленные фрагменты провинциальнонормиской столовой керамики, в том числе краснолаковых мисок (Абидия). В некоторых провинциях, очевидно, были изготовлены и некоторые другие предметы из памятников Верхнего Поднепровья: две фибулы-броши (табл. XLIII, 43), части металлических сосудов (Абидия), бронзовая шпора и фрагменты стеклянных сосудов (Тайманово).

Предметы, поступающие к населению киевской культуры из других источников, единичны. Это фрагмент позднесарматского или гуниского зеркала из белого сплава с центральной петлей и рельефным орнаментом (Ульяновка; табл. XLIII, 1). Ряд металлических вещей, прежде всего предметов личного убора (пряжки из Абидии, Новых Безрадиич, Роища, Ульяновки, фибула и булавы из Лаврикова Леся, Киреевки, бронзовая фибула-брошь из Тайманово), безусловно, имеет аналоги в памятниках первой половины I тысячелетия н. э. Прибалтики и Повиселья, однако являются ли они производными или же изготовлены на месте, сказать трудно.

**ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ.** Хронология памятников киевского типа может быть определена на основании датированных предметов римского времени, в том числе импортных. Определенные основания для датировки киевской культуры дают и стратиграфические наблюдения. Так, объектами поселения Деснянка близ Чернигова частично перекрывают позднезарубинецкие комплексы; киевский слой поселения Глеваха частично перекрывается горизонтом черняховской культуры с материалами IV в. н. э.; на поселениях и в могильниках Тайманово, могильнике Новый Быхов (Верхнее Поднепровье), а также на поселениях Роище (Подсенье) и Обухов VII (Среднее Поднепровье) часть более поздних объектов относится ко второй половине I тысячелетия н. э. Радиокарбонный анализ угля из погребения 35 Новоыховского могильника определил дату около  $350 \pm 60$  г. н. э. Тесная связь специфически киевских находок с черняховскими, на что обратил внимание В. Н. Даниленко [Даниленко В. М., 1976. С. 66, 85], позволяла предположить, что в целом киевская культура синхронна черняховской. Соответственно временные границы памятников киевского типа были определены в пределах II—IV (V) или III—V вв. [Даниленко В. М., 1976. С. 63, 84, 85; Горюнов Е. А., 1981. С. 36, 37]. Опираясь на конкретный материал, в том числе на находки последних лет, хронологию культуры в целом, а также датировку отдельных

ее памятников можно уточнить [Терпиловский Р. В., 1985а. С. 54—57].

Наиболее ранние памятники киевской культуры, уже обладающие более или менее полным набором ее черт (что особенно заметно по составу керамического комплекса), еще не отмечены черняховским влиянием. К их числу можно отнести среднеднепровские поселения и могильники Казаровичи и Новые Безрадиичи, а также, вероятно, часть комплексов верхнеднепровского поселения с могильником Абидия. Памятники этого периода в Подсенье пока неизвестны. Недостаточно они изучены и в Днепровском лесостепном левобережье. Сюда, видимо, можно отнести только поселение Беседовка в верховьях Сулы. Для определения нижней даты киевской культуры существенна небольшая амфора танаисского типа (Беседовка). Подобные сосуды по многочисленным закрытым комплексам датируются первой половиной III в. н. э. или немного шире [Шелов Д. Б., 1978. С. 18, 19]. Ряд подвыянных фибул, изготовленных из узкого гладкого стержня, имеющих, как правило, асимметричный изгиб спинки (Казаровичи, Новые Безрадиичи, Абидия), характерен для конца II—III в. [Амброз А. К., 1966. С. 62, 63]. Тем же временем по северо-западным аналогиям датируются железная шпора с массивным граненым шипом и плоская бронзовая полукруглая пряжка [Prahistologia..., 1981. S. 174, 263], а также, возможно, железный гребень с сегментовидной спинкой (Новые Безрадиичи). Плоские красные пастовые бусы (Казаровичи, Абидия) типичны для II—III вв. [Алексеева Е. М., 1978. С. 69]. Из Абидии происходят бронзовая монета начала III в. н. э., обломки краснолаковой посуды и провинциальнонормиские фибулы — броши с эмалью II—III вв. [Амброз А. К., 1966. С. 32]. Таким образом, ранний период киевской культуры по сочетанию указанных вещей может быть датирован III в. н. э., не исключая и конец II в. н. э.

Следующий этап развития культуры в Среднем Поднепровье характеризуется поступлением черняховского импорта и в целом может быть отнесен ко второй половине III — первой половине IV в. К этому времени относятся редкие находки фибул и бус некоторых типов, обычных для ранней фазы, однако в сочетании с более поздними находками. Так, на поселениях Глеваха фибулы с подвыянной ножкой, изготовленные из узкого стержня, встречаются вместе с черняховским импортом (гончарная столовая посуда, бронзовая фибула и костяные гребни с невысокой дуговидной спинкой). Подобные гребни датируются в основном второй половиной III в. н. э. или несколько шире [Thomas S., 1960. S. 120]. Поскольку здесь верхний черняховский горизонт датируется в пределах IV в. н. э., то для киевских объектов из Глевахи наиболее вероятной датой будет вторая половина III в., возможно, начало IV в. н. э. [Терпиловский Р. В., 1985а]. Данный период развития культуры в Подсенье, в отличие от Киевщины, характеризуется почти полным отсутствием черняховского импорта. Черняховские предметы убора (фибула из Куряловки, пряжка из Салтыковской Девицы 2), встречающиеся здесь, относятся ко времени не ранее IV в. н. э. Крупные железные подвыянные фибулы местного производства имеют на корпусе площадки и фасетки (Деснянка, Мена 5, Лавриков Лес),

что типично для изделий второй половины III — первой половины IV в. Некоторым из них, как и посоховидным булавам как у Лаврикова Леса и Киревки, известны аналогии в Прибалтике. Характерно, что в Мение 5 наряду с фибулой встречена плоская красная бусина II—III вв. Многочисленные находки железных и бронзовых подвижных фибул позволяют датировать основные верхнеднепровские материалы III—IV вв. Из кратких публикаций складывается впечатление, что Абидна относится к несколько более раннему периоду, чем комплексы из Тайманова. Из Абидны происходят провинциально-римские вещи II—III вв. и подвижные фибулы, в то время как в Тайманове встречен черняховский импорт (костяной гребень, гончарная миска, бронзовые пинцеты и др.). Кроме подвижных фибул, обнаружены и воинские со сплошным приемником. Они, как и бронзовая фибула с ромбической ножкой, относятся к IV в. н. э. Верны ли эти наблюдения, покажут дальнейшие исследования.

На заключительном этапе развития киевской культуры наряду с черняховским импортом появляются предметы гуниного времени. Этот этап наиболее четко выражен в Подесенье, в частности, на таких сравнительно широко исследованных поселениях, как Роище и Ульяновка. Здесь повсеместно распространен разнообразный и обильный черняховский импорт, представленный не только различными украшениями и предметами личного убора, но и гончарной керамикой, орудиями труда и т. д. Верхняя дата культуры наиболее надежно может быть определена по находкам бронзового браслета с утолщенными концами и фрагмента зеркала с центральной петлей (Ульяновка), а также трехлопастного костяного гребня с прямыми плечиками и высокой арочной спинкой и фрагментированной светлоглиняной амфоры с яйцевидным корпусом (Роище). Сочетание таких вещей с гончарной черняховской керамикой может указывать на вторую половину IV — первую половину V в. [Thomas S., 1960. S. 112; Шелов Д. Б., 1978. С. 19]. К IV в. н. э. в целом относятся серебряные лунницы из клада предметов упряжи и крупная полихромная бусина из Роища, узкие железные пряжки (Роище, Ульяновка), синие и зеленоватые биконические бусы из Киселевки 2 и Ульяновки [Алексеева Е. М., 1978. С. 52, 68, 74, 75].

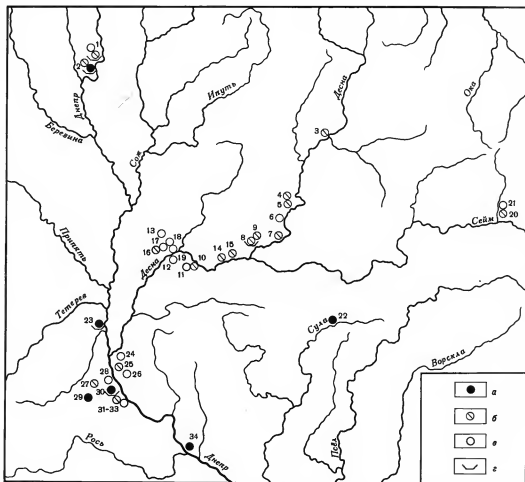
Таким образом, общие рамки киевской культуры можно определить в пределах от конца II — начала III до середины V в. н. э. Внутри этого отрезка выделяются три периода, немного перекрывающиеся друг друга, так как ряд датированных вещей имеет сравнительно широкие хронологические рамки (табл. XLIII). К раннему периоду (конец III в.), кроме указанных комплексов (Казаровичи, Новые Бездричи, Беседовка, Абидна), на основании сходных элементов материальной культуры, прежде всего близкого по составу керамического комплекса, можно также отнести среднеднепровское поселение Сушки 2 (карта 22). В Казаровичах и Абидне встречены украшения с выемчатой эмалью — преимущественно лунницы относительно простых форм с красными вставками. Аналогичные случайные находки, весьма многочисленные в Поднепровье, вероятно, отчасти соответствуют ареалу киевской культуры этого периода. Особенно обильно вещи с эмалью встреча-

ются в междуречье Стугны и Роси [Корзухина Г. Ф., 1978. Табл. 8; 9]. Поэтому, возможно, наиболее архаичные киевские памятники на юге достигали бассейна р. Рось, напротив устья которой расположены Сушки 2, и верховьев Р. Сула (Беседовка). Провинциально-римский импорт (керамика, бусы) поступал в пределы ареала киевской культуры в относительно редких случаях, достигая, однако, даже верхнеднепровских областей. В целом памятники киевской культуры раннего периода сосредоточены в Среднем и Верхнем Поднепровье.

На следующем этапе (вторая половина III — первая половина IV в.) черняховские памятники появляются в непосредственной близости от киевских. Последние в Среднем Поднепровье известны только к северу от Стугны. В результате торгово-обменных отношений керамика, украшения и орудия труда киевской культуры претерпевают определенные изменения. Средний этап в Среднем Поднепровье, кроме Глевахи, представлен материалами из очага 1 поселения Обухов III, а также, возможно, поселением Белгородка. Римский импорт в основном сменяется черняховским. В это же время киевские памятники впервые отчетливо фиксируются в Подесенье. Кроме Лаврикова Леса, Десянки и Мены 5, здесь можно назвать Киревку I, XII, Фороставичи, а также, вероятно, Посудичи и Кветунь [Горюнов Е. А., 1981. С. 30—32]. Возможно, заселение поречья Десны происходило в несколько этапов и из различных регионов: поселение Мена 4 принадлежало скорее всего выходцам из Верхнего Поднепровья. Черняховское влияние не достигло еще Подесеня, зато ряд вещей свидетельствует о связях с северными культурами. Аналогичную картину можно предположить для Верхнего Поднепровья, судя по материалам Абидны и Тайманова. Украшения с эмалью в этот период еще встречаются (Хлепча, Кветунь, Абидна и, возможно, Тайманов), причем на памятниках, где черняховский импорт отсутствует. На этом этапе памятники занимают весь ареал киевской культуры (карта 22).

Поздний этап культуры (IV — первая половина V в.) характеризуется в целом усилением киевско-черняховских связей. Как показывают материалы поселения Глеваха, кое-где в Среднем Поднепровье в начале IV в. н. э. киевское население было вынуждено оставить места своего обитания под нажимом черняховско-вельбарских племен [Терпиловский Р. В., 1985а]. Судя по керамическим материалам, к заключительному этапу относятся поселения Вишени, Красный Хутор, Обухов VII, очаг 2 поселения Обухов III, ряд комплексов многослойного поселения Обухова II в Среднем Поднепровье, многие поселения Подесеня и некоторые материалы поселения и могильника Тайманов в Верхнем Поднепровье (карта 22). В последнем случае обнаружены и разнообразно датированные вещи. Черняховский импорт, а также местные подражания украшениям, орудиям труда, изредка гончарной керамике говорят об интенсификации связей Подесеня с областью черняховской культуры в конце IV — первой половине V в. Видимо, в это время черняховское население, отрезанное гунами от причерноморских центров и римских провинций, значительно расширило свои контакты с киевскими племенами.

- а — поселения раннего этапа;  
б — поселения среднего этапа;  
в — поселения позднего этапа;  
г — могильники;  
1 — Тайманово;  
2 — Абдия;  
3 — Кветуль;  
4 — Форостовичи;  
5 — **Доггиревка (Лавриков**  
**Лес)**;  
6 — Мезин;  
7 — Вишеньки;  
8, 9 — Киреевка I, II;  
10, 11 — Салтыкова Деница  
I, II;  
12 — Выбли;  
13 — Роище;  
14 — Мена 3;  
15 — Макска;  
16 — Деслянка;  
17 — Ульяновка;  
18, 19 — Киселевка I, II;  
20 — Букреевка 2;  
21 — Каменино II;  
22 — Беседовка;  
23 — Казаровичи;  
24 — Погребь;  
25 — Красный Хутор;  
26 — Вишеньки;  
27 — Глеваха;  
28 — Ходосовка;  
29 — **Большая Салтановка**  
**(Хленча)**;  
30 — Новые Безрадничи;  
31—33 — Обухов II, III, VII;  
34 — Сумки II.



Предложенная хронология и периодизация киевской культуры отражают современное состояние изучения и, очевидно, будут меняться по мере расширения источниковедческой базы, основанной на исследовании новых памятников и введении материалов в научный оборот. Сказанное относится к первой очереди к верхнеднепровским памятникам.

**ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ.** Хозяйство носителей киевской культуры реконструируется на основании находок орудий, палеоботанических, палеозоологических, металлографических и других данных. Экономической основой киевской культуры являлось сельское хозяйство, которое характеризовалось земледелием и приселенным скотоводством. Такому направлению хозяйственной деятельности способствовали природно-географические условия. Поселения были приурочены к участкам плодородных почв, которыми в условиях южной окраины лесной зоны являлись серые лесные почвы или оподзоленные черноземы. Эти земли при достаточно теплом и влажном лете, а также мягкой и снежной зиме могли давать неплохие урожаи зерновых. Луга речных пойм, занимавших около 20% всего ареала культуры, создавали надежную базу для животноводства.

Основной системой землепользования был перелог, в какой-то степени — подсек. По мере истощения плодородия окружающих полей поселения переносились на новые места. Вероятно, так образовались некоторые «гнезда» поселений. Отведенные под посев

Карта 22. Распространение основных памятников, относящихся к разным этапам развития киевской культуры

Составитель П. В. Терпиловский

легкие почвы обрабатывались упругими деревянными пахотными орудиями типа рала, которые иногда снабжались железными паральниками, подобными найденному в Ульяновке. Как свидетельствуют этнографические данные, пользовались также вспомогательными почвообрабатывающими орудиями: суковатками, мотыгами и др. [Миролюбов М. А., 1976. С. 120—122]. Палеоботанический анализ (изучение отпечатков зерновок на керамике и обугленных остатков растений) материалов Подесенья (Ульяновка, Роище, Киселевка 2, Выбли) и Среднего Поднепровья (Глеваха, Казаровичи) показал, что в посевах основное место занимало просо. Культивировали также рожь, пшеницу (двузернянку, селуть) и ячмень. Такой ассортимент зерновых культур определялся уровнем агротехники, а также климатическими и почвенными особенностями региона [Пашкевич Г. А., Терпиловский Р. В., 1981. С. 93—113]. Жали серпами, а зерно размалывали на ручных мельницах, вытеснявших примитивные зернотерки, что косвенно свидетельствует о росте производства зерна. Сельскохозяйственные продукты хранили в корчагах и ямах-погребах, получивших широкое распространение. Земледелие киевской культуры по сравнению с зарубинецким было более производитель-

ным, здесь применялись более совершенные орудия труда, более урожайные растения (рожь). Постоянные контакты с высокоразвитой черняховской культурой приводили к некоторым изменениям в хозяйственной жизни киевских племен, что особенно заметно на примере поздних памятников Полесья (Роище, Ульяновка и др.). Ассортимент сельскохозяйственных орудий расширился за счет железных наральников, крупных серпов совершенных форм, ручных мельниц. Сочетание этих провинциально-римских орудий с зерновыми культурами, хорошо приспособленными к местным условиям, способствовало получению надежных урожаев, что в конечном итоге вызвало изменение структуры общества.

На развитие животноводства, помимо благоприятных природных условий, указывают многочисленные обломки костей, встречающиеся преимущественно на поселениях. Хотя материалы эти говорят в первую очередь о видах животных, употреблявшихся в пищу, косвенно они характеризуют и состав стада. Анализ остеологического материала показывает, что в Подесенье свыше  $\frac{2}{3}$  особей составляли коровы и свиньи и только  $\frac{1}{3}$  — козы и овцы, а также лошади [Терпиловский Р. В., 1984 б. С. 62—64]. Промыслы (охота, рыболовство и собирательство) в жизни киевского населения играли подсобную роль. Это хорошо видно на примере охоты, вклад которой (около 4% костей диких животных на десятичных памятниках) объективно отражает ее место в экономике. Охотились главным образом на мясные виды животных — лосей, оленей, туров, косуль, кабанов. О рыболовстве говорят встречающиеся на некоторых поселениях кости крупных рыб, а также находки железных крючков, колючиков и костяных игл для плетения сетей.

Обработка железа, как и его добыча, являлись наиболее важными и развитыми отраслями ремесла, поскольку от их состояния зависели ассортимент, количество и качество орудий, определявших производительность труда во всех остальных отраслях экономики. В киевской культуре, вероятно, использовались горны со шлаковывпуском (Васильков Іа), поэтому железо добывалось в большом количестве, чем на рубеже нашей эры. На это указывают и многочисленные находки железных и стальных изделий: из памятников Среднего Поднепровья и Подесенья происходит не менее 70 предметов, а из Верхнего Поднепровья — более 100 [Гурин М. Ф., 1982. С. 43], причем сюда входят предметы двух десятков наименований. Металлографические исследования готовых изделий показали, что основным материалом служило грубое кричное железо. Различные приемы сварки железа со сталью и термообработка применялись редко, главным образом при изготовлении ножей. Сравнительно высоким уровнем кузнечного ремесла отличается поселение Абидия, где большинство предметов сделано из сырьевой стали или железа, но с последующей цементацией [Гурин М. Ф., 1982. С. 101]. Уровень организации данных отраслей ремесла был все же невысоким: и производили, и обрабатывали железо одни и те же мастера. Вероятно, кузнецы-универсалы в большинстве случаев занимались и ювелирным делом. Обработка цветных металлов имела скромное место среди ремесел киевской культуры, сказывалось отсутствие сырьевой базы. Сырье поступало изда-

лека, и мастера во время работы использовали сломанные вещи. Известны тигли для переплавки бронзы, найденные в обычных жилых постройках (Роище, Киселевка 2). Возможно, только изготовление украшений с вымчатой эмалью требовало специальных навыков.

Керамическое ремесло, очевидно, еще не вышло из общинной стадии: все сосуды лепились вручную, хотя иногда использовался и поворотный стол — прообраз гончарного круга. Мелкие предметы (пряслица, грузила, тигли) формировались из одного куска глины. Стенки сосудов обычно наращивались из жгутов, свернутых кольцом или спиралью. Готовые изделия сглаживались пальцами или пучком травы, столовая посуда тщательно залащивалась. Обжиг производился на открытом огне, что тем не менее обеспечивало киевской керамике достаточную прочность. Ряд технологических особенностей производства керамики киевской культуры сближает ее с зарубинецким гончарством, а также с посудой ряда раннесредневековых культур Восточной Европы. Населению киевской культуры были известны и другие производства: деревообрабатывающее, камерное, кожевенное, ткацкое и т. д.

Торговля с соседними племенами, вероятно, носила обменный характер. Экспортировалась, очевидно, прежде всего продукция сельского хозяйства и промыслов, а возводили гончарная посуда, туфовые жернова, предметы личного убора. Определенное место при торговле с черняховскими племенами занимал также импорт цветных металлов (в том числе серебряных монет) для нужд ювелирного ремесла.

Общественная организация местных племен в определенной мере нашла отражение в структуре поселений киевской культуры. Смена крупных поселков первых веков нашей эры (Почеп, Оболюнь), сохранившиеся кое-где в лесной зоне и позднее (Абидия, Тайманово), небольшими, близко друг к другу расположенными поселениями может свидетельствовать об изменениях социальной организации, отразивших процесс развития первобытной общины. Новые общественные отношения соответствовали и более высокому уровню сельскохозяйственного производства, в котором начинался постепенный переход к пашенному земледелию. В первую очередь это касалось районов Подесенья и Среднего Поднепровья, расположенных по соседству с черняховскими памятниками.

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ.** Генезис киевской культуры может быть охарактеризован лишь в общих чертах. Главной причиной этого являются немногочисленность исследованных памятников I—II вв. на территории, где позднее распространилась киевская культура, и отсутствие детальных публикаций. Это замечание относится и к наиболее ранним памятникам киевской культуры, естественно обладающим более выразительными чертами культур предыдущего периода. Ареал киевской культуры в I—II вв. был заселен потомками носителей зарубинецкой культуры, оставшими так называемые позднезарубинецкие памятники типа Лютежа и Оболюни в Среднем Поднепровье, Почепе в Подесенье, поздних комплексов Чаплина в Верхнем Поднепровье. Подобные памятники



известны и южнее — от среднего течения Южного Буга (Рахны и др.) до верховьев Псла и Северского Донца (Картамышево 2 и др.). Все эти древности, подчас весьма различные, все же обнаруживают сохранение определенных зарубинецких традиций в керамическом комплексе и домостроительстве. Это небольшие квадратные полуземлянки с очагом и многочисленные ямы-погребя на открытых поселениях, расположенных в невысоких местах, различные варианты округлобоких, реже ребристых горшков и корчаг с отогнутой шейкой, иногда украшенных по венчику ямками или насечками, столовые лощеные миски и диски-жаровни [Максимов Е. В., 1982. С. 70–132; Третьяков П. Н., 1982. С. 55–59]. Эти черты облагоют поздnezарубинецкие памятники I–II вв. с киевской культурой. Однако разбор этих признаков показывает, что к III в. н. э. они претерпели определенную трансформацию. Кроме поздnezарубинецких памятников, в формировании киевской культуры, очевидно, участвовали и какие-то пшеворско-зарубинецкие группировки Волины и, возможно, более западных территорий — под их влиянием в киевской культуре на раннем этапе могли появиться некоторые формы сосудов (главным образом высокие ребристые миски) и инновации в погребальной обрядности (вторично пережитые черепки в погребениях). Существенную роль в сложении памятников киевского типа сыграли северные зарубинецкие племена, оставшиеся к северу от устьев Березины и Сожа, на границе с культурой штрихованной керамики, еще слабо изученные памятники типа Кистени—Чечерск [Обломский А. М., 1983а. С. 15–18]. Подальшее большинство керамических форм здесь продолжает зарубинецкую традицию, однако некоторые орнаментальные приемы (расчесы шейкой или гребнем) могли возникнуть под влиянием длительных контактов с северными соседями. Очевидно, во II в. н. э. часть обитателей памятников Кистени—Чечерск распространяется на юг, в результате чего здесь появляются поселения Грини, Вовки и др., не имеющие местных корней. Эти памятники, которые уже с определенным основанием можно назвать предкиевскими, фиксируют заключительный этап формирования культуры. Такова в основных чертах схема происхождения памятников киевского типа.

Выделение локальных вариантов киевской культуры возможно лишь в предварительном плане, поскольку широкое изучение самой культуры только начинается. Тем не менее, можно отметить в разных районах ее ареала определенные отличия в составе керамического комплекса, конструктивных особенностях жилищ и отопительных сооружений. Например, в Подесенях чаще, чем в других регионах, встречаются тюльпановидные горшки. На Киевщине известны горшки относительно вытянутых пропорций с размещением плечика в верхней трети высоты сосуда. В целом основные типы горшков и мисок на памятниках киевской культуры Среднего Поднепровья представлены большим числом разнообразных типов и вариантов. Для Верхнего Поднепровья более типичны банковидные и слабопрофилированные формы, чаще встречаются расчесы гребенкой по поверхности сосудов (около 10% керамики). Для Подесеня характерны полуземлянки со столбом в центре помещения и открытым очагом. Домостро-

тельство племен Среднего Поднепровья характеризуется смешением различных традиций. Так, кроме срубных полуземлянок здесь встречаются углубленные в землю каркасные сооружения, постройки с глиняной обмазкой. На Киевщине отопительные сооружения часто размещались в углу жилищ, встречаются очаги вне построек, известны многослойные поды, вымощенные черепками. Аналогичные поды в Верхнем Поднепровье обычно сложены из камней. Локальные особенности культуры, естественно, наиболее четко проявляются там, где памятники данной группы больше изучены. Так, среднеднепровские памятники исследованы преимущественно к югу от Киева, деснянские — в районе Чернигова и Новгорода-Северского, верхнеднепровские — к югу от Могилева. Проблематично выделение лесостепного левобережного варианта, так как в изучении памятников верховья Сейма и Северского Донца сделаны лишь первые шаги, не позволяющие еще достаточно четко определить их особенности.

Очевидно, ряд локальных особенностей средне- и верхнеднепровских и деснянских памятников III–V вв. коренится в субстратных группах древностей, а также связаны с воздействием соседей, в особенности черняховской культуры и культуры штрихованной керамики. Так, в Верхнем Поднепровье переход от памятников типа Чаплина и Кистеней к типу Абиди произошел, вероятно, сравнительно плавно — на новом этапе сохранилось много зарубинецких форм кухонной и столовой посуды; значительное распространение получили орнаментация керамики расчесами гребня и безуровневые погребения с сожжением, известные здесь и ранее. Памятники Подесеня унаследовали от почепских прежде всего полуземлянки с центральным столбом и очагом, а также, возможно, тюльпановидные горшки и цилиндроконические миски. Различные источники сложения памятников Среднего Поднепровья нашли свое отражение в значительном разнообразии форм посуды и типов построек, восходящих не только к местным, но и к верхнеднепровским, и к деснянским прототипам.

Таким образом, в процессе сложения киевской культуры произошла сложная перестройка традиций различных местных групп поздnezарубинецких древностей, осложненная инвазией отдельных западных и северных элементов. Новая культурная группа сохранила лишь отдельные черты классической зарубинецкой культуры и то же основное направление социально-экономического развития населения. Все это не дает оснований рассматривать ее в качестве простого продолжения зарубинецкой культуры, ее позднего этапа, как думают некоторые исследователи [Даниленко В. М., 1976. С. 65–66; Поболь Л. Д., 1969. С. 105–108]. Это специфический культурно-хронологический комплекс, основные элементы которого выразительно отличаются не только от соседних археологических культур, но и от предшествующих и последующих древностей той же категории, что позволяет рассматривать памятники киевского типа как самостоятельную археологическую культуру.

Дальнейшая ее судьба раскрывается при сравнительном анализе раннесредневековых культур южной части Восточной Европы. Здесь же коренится и решение проблемы этнической принадлежности ее носителей. В настоящее время генетическая связь между

киевской и колочинской культурами может считаться вполне доказанной [Даниленко В. М., 1976. С. 87, 88; Третьяков П. Н., 1982. С. 66—68; Горюнов Е. А., 1981. С. 63; Терпиловский Р. В., 1984б. С. 73—78]. Это подтверждается почти полным совпадением их ареалов, значительным сходством элементов материальной культуры и особенностей хозяйственной деятельности, а также наличием ряда переходных памятников конца IV—V вв. Особенно значительно сходство поздних памятников киевского типа Подесены с колочинскими. Последние унаследовали квадратные полуземлянки с центральным столбом и очагом, топографию поселений, тип пряслец и дисков-сковородок, основные черты погребального обряда. Для киевских поселений IV — первой половины V в., как и для колочинских, обычны тюльпаноovidные (тип I, 4) и биконические (тип II, 2) горшки. Изредка встречаются баночные и цилиндро-конические формы (типы I, 3 и II, 3), более характерные уже для V—VII вв. Обе группы посуды сближают не только общие формы, но также размеры, ряд технологических и орнаментальных приемов. Поэтому не случайно Е. А. Горюнов иногда называл деснянские материалы конца IV — первой половины V в. раннеколочинскими [Горюнов Е. А., 1981. С. 40]. Относительно плавный переход к колочинской культуре, очевидно, произошел и в Верхнем Поднепровье, где поселение и могильник Тайманово, а также могильник Новый Быхов продолжали существовать и во второй половине I тысячелетия н. э. Переходные памятники представлены рядом комплексов поселения Ходосовка в Среднем Поднепровье, поселениями Сенча на Суле и Курган Азак на Псле и, возможно, поселением Каменеве II в Курском Посеймье. Посуда из этих памятников, как правило, менее профилирована и ребриста, чем поздняя киевская (в основном горшки типов I, 3; I, 4 и II, 2; II, 4), однако и абсолютно колочинской ее назвать все еще трудно. В целом колочинская культура по сравнению с киевской выглядит несколько более примитивной, что, очевидно, объясняется усилением контактов с лесными областями Восточной Европы в послечерняховское время.

Если колочинскую культуру можно считать прямым продолжением киевской, то с памятниками пеньковского типа V—VII вв. дело обстоит сложнее. В лесостепных и степных районах, простирающихся от Молдовы до Северского Донца, где в третьей четверти I тысячелетия н. э. распространялись пеньковские памятники, в предыдущее время памятники киевского типа почти неизвестны. Тем не менее, основные черты поздних киевских памятников и пеньковской культуры, особенно на ранних этапах ее развития, совпадают или близки. Так, керамический комплекс Подесены второй половины IV — первой половины V в. представлен в основном биконическими сосудами (тип II, 2), а также другими формами горшков, по пропорциям и оформлению деталей близких пеньковским. В пеньковской культуре, как и в колочинской, находит продолжение и другие черты киевской культуры: расположенные в низких местах поселения, жилища с центральным столбом и очагом, биконические пряслица, диски-жаровни и, вероятно, погребальный обряд с трупосожжением, а также обшая структура хозяйства и общественной жизни. Наибольшая степень близости отмечена между деснянскими памятниками киевской культуры

и ранними пеньковскими памятниками Днепровского левобережья. Возможно, в середине I тысячелетия н. э. часть населения Подесены, переселившись в более южные районы, дала толчок формированию пеньковской культуры [Терпиловский Р. В., 1984б. С. 79—83]. Справедливости ради нужно, однако, отметить, что в пеньковской культуре имеются и другие культурные элементы, которые трудно непосредственно связать с киевскими: разнообразные формы лепных мисок, сосуды с загнутым внутрь краем и более профилированные, чем в киевской культуре, формы округлобоких горшков. Это предполагает сложение отдельных черт пеньковской культуры на основе черняховских традиций. Проблема эта, впрочем, требует дальнейшей разработки.

Таким образом, на основе киевской культуры в середине I тысячелетия н. э. возникает колочинская культура. Памятники киевского типа становятся также основным субстратом пеньковской культуры более южных регионов. В сложении пражской культуры, расположенной в лесостепной зоне Среднего Поднепровья и на среднем и верхнем Днестре, киевская культура, очевидно, непосредственного участия не принимала.

Этнос носителей киевской культуры можно попытаться определить, пользуясь ретроспективным методом, на основе близости к названным культурам раннего средневековья, так как прямых указаний на этническую принадлежность населения III—V вв. северных районов в письменных источниках не содержится. Однако единое мнение относительно указанных раннесредневековых культур у исследователей еще не вполне выработалось, что затрудняет решение этой проблемы. Элементы киевских древностей в какой-то мере отразились в пеньковской культуре, которую большинство исследователей связывает со славянским, антиским, населением. Более определенно прослеживается генетическая связь киевской и колочинской культур. Но этническую принадлежность колочинской культуры нельзя считать окончательно установленной. Эта культура входит в состав большой культурной области, охватывающей территорию Верхнего Поднепровья, Подвинья, Подесены, и представляет собой одну из групп, близкородственную памятникам типа Тушемли — Банцеровщины [Седов В. В., 1982. С. 29; Терпиловский Р. В., 1984б. С. 74]. Нет ни археологических, ни лингвистических оснований для отождествления всех этих родственных между собой групп памятников со славянским населением, что для колочинских памятников вынужден был признать и сторонник их славянской принадлежности Е. А. Горюнов [1981. С. 92, 94]. Однако значительная близость основных направлений социально-экономического развития и материальной культуры приводит многих исследователей — приверженцев концепции П. Н. Третьякова — к мысли, что славянский этнический компонент был основным в колочинской культуре.

Своеобразие киевской культуры на фоне, с одной стороны, археологических культур восточных балтов и с другой — таких культур провинциально-романского облика, как черняховская и пшеворская, ее генетическая связь с колочинской и в какой-то мере с пеньковской культурами позволяют сделать вывод о принадлежности киевской культуры одной из крупных группировок предков ранних исторических славян.

## Глава вторая

### Черняховская культура

Черняховская культура, занимавшая огромную территорию восточноевропейской лесостепи и степи от левобережья Днепра до Нижнего Подунавья, представляла собой одну из самых ярких культур второй четверти I тысячелетия н. э. Ее интенсивное изучение на протяжении более 80 лет привело к накоплению богатого и разнообразного материала, доскональное исследование которого требует колоссальных усилий многих исследователей. Восторженное обобщение материалов черняховских памятников имеет первостепенное значение, тем более что население, оставившее их, играло важную роль в истории славянских народов.

**ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ.** В изучении черняховской культуры выделяется несколько периодов, каждый из которых отличается особенностями в накоплении материалов и их интерпретации. Культура была открыта В. В. Хвойкой. В 1899—1900 гг. им были предприняты раскопки могильников у сел Ромашки и Черняхов в Среднем Поднепровье. Второй могильник и дал название всей культуре. В. В. Хвойка отметил отличительные черты открытых им памятников: биргуализм, гончарная серолощенная посуда тонкой выработки, западная, северо-западная, юго-западная ориентировка костяков, и предложил их датировку — II—V вв. [Хвойка В. В., 1901]. В этот период памятники первой половины I тысячелетия н. э., аналогичные Черняхову и Ромашкам, стали известны и в других регионах. На территории Верхнего Поднепровья профессором Львовского университета К. Гадачком были исследованы многослойное поселение у с. Неслухов и могильник у с. Псары [Hadaček K., 1900. S. 48—78; Баран В. Д., 1981. С. 6, 7]. В Подолии С. С. Гамченко проводил работы на поселениях Кринички и в могильнике Данилова Балка [Симонович Э. А., 1952б. С. 62—70; 1960б. С. 239—252]. Отдельные памятники черняховского типа (Сынтана де Муреш) были открыты и в Подунавье [Kovács J., 1912; Reinecke P., 1906].

Однако малочисленность этих разрозненных и разбросанных на значительной территории находок исключала в то время возможность их научного осмысления и даже отнесения их к единой культуре. Первые попытки исторической интерпретации черняховских памятников была предпринята В. В. Хвойкой. Исследователь отнес открытые им могильники ко второму этапу эволюции единой, по его мнению, культуры «полей погребений» в Среднем Поднепровье, первый этап которой был представлен заруби-нецкими памятниками. Как полагал В. В. Хвойка, «поля погребений» заруби-нецкого и черняховского типов принадлежали славянским племенам [Хвойка В. В., 1901]. В те же годы была высказана и другая точка зрения относительно происхождения черняховской культуры. Немецкий исследователь П. Райнеке выдвинул концепцию ее готской принадлежности [Reinecke P., 1906. S. 42—50]. В дальнейшем эта

концепция получила название «готской теории» и была поддержана многими немецкими и польскими учеными. Вместе с тем у авторов этого направления имелось довольно много существенных расхождений в оценке конкретных фактов. Так, Е. Блюме отмечал, что время возникновения черняховской культуры и появления готов в Северном Причерноморье не совпадает и, следовательно, черняховские памятники вряд ли могли быть оставлены готами. По мнению Е. Блюме, могильники в Черняхове и Ромашках принадлежали другой группе германских племен — гепидам [Blüme E., 1912. S. 197].

В 20—30-е годы XX в. был открыт целый ряд новых памятников, причем находки охватывали огромную территорию и вносили существенные поправки в представление об истинном ареале культуры, первоначально связываемом в основном со Средним Поднепровьем. Наибольшее значение имели раскопки, проведенные С. С. Гамченко и П. И. Смоличевым в могильнике у с. Маслово в междуречье Днепра и Южного Буга. В ходе работ было исследовано более 120 захоронений [Смоличев П. И., 1927. С. 154—166; Петров В. П., 1964а. С. 118—167]. В могильнике Дедовщина в Среднем Поднепровье было вскрыто 19 погребений, здесь же впервые обнаружено место кремации трупов [Козловская В. Е., 1930. С. 45—47; Симонович Э. А., 1964в. С. 38—39]. Новые памятники и отдельные материалы черняховской культуры стали известны и на левобережье Днепра: могильник Гурбицы, поселение в Пересеченом [Макаренко М. О., 1927; Симонович Э. А., 1964в. С. 27, 28; Луцкевич И. Н., 1948. С. 165—168]. У с. Кантемировка были открыты поджурганные захоронения, совершенные по сарматскому ритуалу с типичным черняховским инвентарем [Рудинский М. Я., 1930. С. 127—158].

В дальнейшем при проверочных раскопках Е. В. Махно обнаружила здесь обычный грунтовой могильник и черняховское поселение [Махно Е. В., 1952а. С. 231—241].

Значительный интерес представляли работы в зоне затопления Днепровской ГЭС, позволившие наметить по существу новый регион черняховской культуры, представленный такими памятниками, как Привольное, Августиновка, Ново-Александровка, Волошское, Никольское, раскопки которых проводились в последующие годы [Кухаренко Ю. В., 1955; Брайчевская А. Т., 1960; Симонович Э. А., 1975]. На черноморском побережье раскапывались так называемые поселения с каменным домостроительством (Киселово, Снегиревка, Ново-Кондаково) римского времени, культурная принадлежность которых длительные время оставалась весьма сомнительной. Их топографическое положение, вещевой комплекс, гончарная посуда и ведущие типы лепной керамики живо напоминали аналогичные черняховские элементы, однако исследователей смущали постройки из камня, ко-

торы традиционно связывались с эллино-скифским миром.

В 40-х — начале 50-х годов большинство исследователей по-прежнему придерживалось мнения о славянской (антской) принадлежности черняховской культуры. Однако конкретные пути ее формирования были далеко не ясны. Концепция В. В. Хвойки, рассматривавшего зарубище и черняховские памятники как два этапа развития единой культуры «полей погребений» в Среднем Поднепровье, не утратила своего значения и легла в основу многих новых работ [Кухаренко Ю. В., 1951; Третьяков П. Н., 1953. С. 156—160]. В этот период появился и несколько иной взгляд на проблему. А. А. Спицын еще раньше высказал мнение о том, что черняховская культура, «столкнувшаяся на Днепре с местной скифской уже в I в. н. э., основываясь здесь прочно во II—III вв., начиная оказывать влияние на сарматский мир и отрезанная на некоторое время от Черного моря и Востока иранцами», имела западные, средневропейские корни [Спицын А. А., 1948. С. 69].

Подлинный информационный взрыв произошел в 50—60-е годы. В этот период проводились широко масштабные разведки и раскопки крупных черняховских памятников, быстро увеличившие объем материала. Особо следует отметить полевые исследования Э. А. Симоновичем у с. Журавка в Среднем Поднепровье: здесь были полностью открыты сохранившаяся часть могильника, поселение, гончарный комплекс и святилище. Результаты работ пока не опубликованы. В этот же период подвергались исследованию такие крупные памятники, как Компанийцы, Косаново, Рыжевка, Викторково, Ранжевое, Коблево, Лепесовка, Гавриловка (овчария совхоза «Приднепровский») [Симонович Э. А., 1955; 1960б]. Большой научный интерес представляли открытия култовых и общественных сооружений, каменных идолов, связанных с черняховскими поселениями [Винокур И. С., 1967б. С. 136—143; Брайчевский М. Ю., Довженко В. И., 1967. С. 238—262]. В 1950 г. в результате работ Пруско-Днестровской экспедиции под руководством Г. Б. Федорова были открыты черняховские памятники в Молдове. В дальнейшем здесь раскапывались поселение Лопатна, могильники Малаешты, Балцаты I и II [Федоров Г. Б., 1960а; 1960б]. Итоги работ изложены в монографии Г. Б. Федорова [1960б], посвященной населению Пруско-Днестровского междуречья в первой половине I тысячелетия н. э. Широкие археологические исследования черняховских памятников в Молдове проводились под руководством Э. А. Рикмана. В 50-е годы им были раскопаны такие поселения, как Солончены, Лукашевка, Будаешты, Делакое, Загайчань и один из крупнейших по числу открытых погребений могильник Будаешты [Рикман Э. А., 1957; 1960б; 1967а; 1967б]. Таким образом, в этот период территория, отводимая черняховской культуре, заметно расширилась. Она включала всю лесостепь: Среднее Поднепровье, Воынь, Верхнее Поднепровье, Днестровско-Пруское междуречье, Надпорожье. Отдельные черняховские памятники стали известны в Румынии. Самым южным черняховским памятником в Нижнем Поднепровье оказался могильник Гавриловка (овчария совхоза «Приднепровский»).

Обилие новых материалов позволило сделать очередной шаг в интерпретации черняховской культуры, рассмотреть и наметить основные варианты решения важных вопросов о ее ареале, хронологических рамках, происхождении, этнической принадлежности. На совещании 1957 г., посвященном проблемам черняховской культуры и ее роли в ранней истории славян, довольно четко обозначились три основных направления в изучении культуры, существующие и по сей день. В основе первого направления лежала мысль о славянской принадлежности черняховской культуры. Однако по вопросам ее хронологии и генетических истоков существовали серьезные расхождения. М. Ю. Брайчевский и Е. В. Махно отрицали правомерность ограничения верхней даты культуры IV или V в. н. э., утверждая, что она просуществовала до конца VII в. н. э. и непосредственно связана с культурой Киевской Руси [Голубева Л. А., 1957. С. 276]. А. Т. Брайчевская более осторожно определяла верхнюю хронологическую границу черняховской культуры, относя ее к VI в. н. э., и не отрицала существования хронологического разрыва между черняховскими памятниками и памятниками Киевской Руси. В то же время исследовательница отмечала ряд общих элементов в этих культурных группах и указывала на возможность преемственности традиций в области домостроительства, погребального обряда, земледельческих орудий [Голубева Л. А., 1957. С. 276]. Э. А. Симонович предполагал, что зарождение черняховской культуры происходит на Воыньи, «где встречаются поселения I—III вв. н. э. и тут в это время сильны влияния пшеворской культуры» (Прижев, Викины Великие) [Голубева Л. А., 1957. С. 275]. Именно отсюда, с северо-запада, и началось, по мнению исследователя, распространение черняховской культуры на юг. Верхнюю хронологическую границу он отнес к V в. н. э.

Второе направление было связано с представлением о готском происхождении черняховской культуры. Основные положения этого направления развивал в эти годы М. И. Артамонов. Исследователь отмечал, что население на обширной территории, охваченной черняховской культурой, было разнотипным (славянские племена зарубище-корчеватовского типа, дако-фракийские племена липицкой культуры, сарматы и др.). Общность культуры этого населения возникла в результате миграции германских племен и создания державы Германариха. По мнению М. И. Артамонова, черняховская культура погибла под ударами гуннов в конце IV в. н. э. [Артамонов М. И., 1956; Голубева Л. А., 1957].

Третье направление, в отличие от первых двух, в основных чертах сформированных еще в начале XX в., было принципиально новым. Основополагающая идея его заключалась в возможности сложения культуры в разнотипной, гетерогенной, среде. Предполагалось, что многочисленные племена Среднего и Нижнего Поднепровья, Воыньи, Днестровско-Пруского междуречья являлись непосредственными участниками создания черняховской культуры, а не просто восприняли ее у какой-либо отдельной этнической группы (славяне, германцы) в результате тех или иных исторических событий. Эти точки зрения придерживались Г. Б. Федоров и Э. А. Рикман. И. И. Ляпушкин подчеркивал провинциальным-

ский характер черняховской культуры, полагая, что она являлась своеобразной оболочкой для местных разнотипных культур [Голубева Л. А., 1957. С. 274—277]. Закономерной предпосылкой возникновения подобного направления было не только открытие все новых и новых памятников черняховской культуры, за счет чего постепенно складывалось представление о колоссальных масштабах ее ареала, но и выявление достаточно ярких региональных особенностей. Первая попытка выделения локальных вариантов была предпринята М. А. Тихановой [1957]. Исследовательница наметила пять областей — Среднее Поднепровье, Порожистый Днепр, Волинь, Поднестровье, Молдова и Румыния, в которых наблюдались, по ее мнению, различия в погребальном обряде, традициях домостроительства, типах керамики и инвентаря. Формирование черняховской культуры в каждом из этих локальных вариантов было связано, по мнению М. А. Тихановой, с определенными этническими группами — скифо-сарматскими племенами на востоке, гето-фракийскими на западе, в Поднестровье, и славянскими на северо-западе. Этой концепции была близка точка зрения Г. Б. Федорова, который полагал, что «черняховская культура — культура оседлых земледельческих племен Северного Причерноморья (гето-даков, сармат, славян), имевших сходный тип хозяйства, находившихся в тесном общении друг с другом и испытывавших сильное влияние античной культуры». По мнению Г. Б. Федорова, готы не могли быть создателями черняховской культуры ввиду своей малочисленности и поэтому не могли ассимилировать местные племена. Кроме того, сами готы стояли на относительно более низком уровне культурного развития [Голубева Л. А., 1957. С. 277]. К концу 50-х годов от своей прежней позиции, признававшей славянскую принадлежность черняховской культуры, отошел и Ю. В. Кухаренко. В этот период исследователь придерживался мнения о том, что «черняховская культура по своей основе является культурой скифского населения» [Кухаренко Ю. В., 1968б. С. 64]. Известная роль в сложении культуры отводилась также славянам, готам и сарматам.

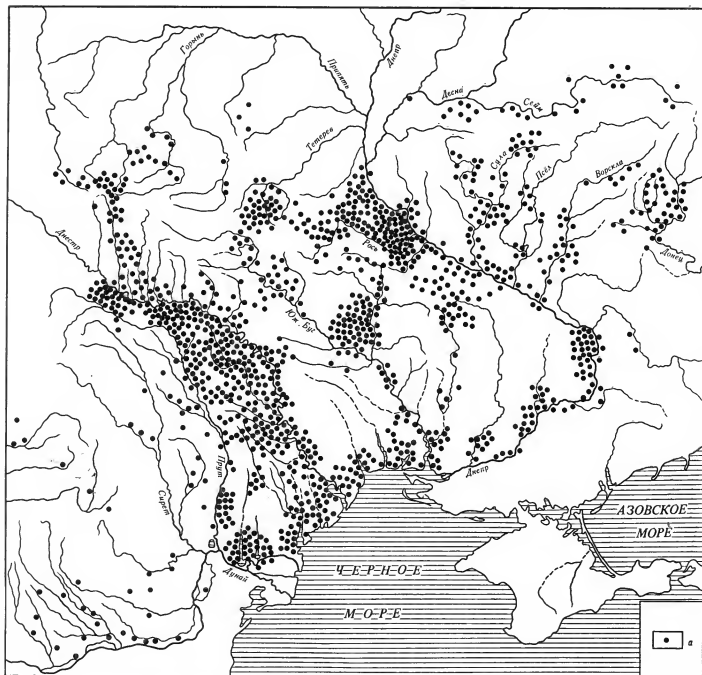
Проведение в 60-х годах сквозных разведок по обширным регионам, приведших к открытию огромного количества новых черняховских памятников, вызвало необходимость их картографирования. Первой крупной публикацией такого рода стала карта черняховских памятников, составленная Е. В. Махно и охватившая территорию Украины [Махно Е. В., 1960а]. Памятники северо-восточных областей черняховской культуры были картографированы Э. А. Сымоновичем [1964в]; памятники левобережного Днепра представлены в работах И. И. Ялпужника [1950; 1961]; материалы Курской обл. — на картах-схемах Ю. А. Липкинга и Э. А. Сымоновича [Липкинг Ю. А., 1963; Сымонович Э. А., Кравченко Н. М., 1983. С. 427]. Г. Е. Храбан провел археологическое обследование в районе Умани и составил карту выявленных здесь черняховских памятников [Храбан Г. Е., 1964]; памятники Молдовы, низовьев Днестра и Дуная картографированы Г. Б. Федоровым, Э. А. Рикманом, И. Т. Черняковым [Федоров Г. Б., 1960б; Рикман Э. А., 1975б; Черняков И. Т., 1967]. Основные результаты картографирования черняховских памятников

на территории СССР и Румынии сведены на карте О. А. Гей [1980б]. В максимальных границах культура охватывает огромную территорию — от Северского Донца на северо-востоке до Дуная на юго-западе, от верховьев Буга и притоков Припяти на северо-западе до нижнего Днепра на юго-востоке (карты 23; 24). Наиболее насыщенные памятниками области — Среднее Поднепровье, верхнее и среднее течение Южного Буга, междуречье Днестра и Прута, Северное Причерноморье, Надпорожье. Относительно редко памятники на левобережье Днепра, а также в степной полосе, разделяющей Среднее Поднепровье и Северное Причерноморье. Возможно, такое соотношение областей, густо насыщенных черняховскими памятниками, и регионов, в которых они встречаются значительно реже, отражает реальные закономерности, а не является простым следствием разной степени их изученности.

Распространение памятников черняховского типа на столь широкой территории, трудности в их интерпретации привели к некоторым разногласиям в представлениях об истинном ареале черняховской культуры. Так, еще в 1957 г. А. Т. Смиленко (Брайчевская) рассмотрела вопрос о южной границе черняховской культуры и пришла к выводу, что основной территорией культуры была украинская лесостепь, граница культуры на нижнем Днепре проходила в районе Никополя, а памятники, расположенные южнее, принадлежат другой археологической культуре, имеющей лишь отдельные черты сходства с черняховской [Брайчевська А. Т., 1957. С. 12, 13]. А. Т. Смиленко полагает, что Волинь, Прутско-Днестровское междуречье, Северное Причерноморье, Посеймье являлись зонами смешанного в этнокультурном отношении населения. По мнению автора, эти зоны следует рассматривать «не как локальные варианты черняховской культуры, а как соседние области, где черняховские памятники и элементы черняховской культуры существуют, но не составляют основного культурного типа» [Смиленко А. Т., 1975. С. 45—48. Рис. 12].

С совершенно иных позиций рассматривал периферийные области распространения черняховской культуры Э. А. Сымонович. В работах исследователя получили дальнейшее развитие идеи В. В. Хвойки о формировании черняховской культуры в Среднем Поднепровье и о генетических связях ее с предшествующей зарубинецкой культурой [Сымонович Э. А., 1967а. С. 235; 1970а. С. 22]. Распространение черняховских памятников в других регионах Э. А. Сымонович считал следствием миграции племен из лесостепной зоны. Однако, в отличие от А. Т. Смиленко, он не исключал периферийные области из черняховского ареала. Так, по его мнению, северо-черноморские памятники (Коблево, Ранжево, Викторка) нельзя рассматривать изолированно как какую-то своеобразную культурную группу, по всем основным деталям их следует относить к черняховской культуре и считать «оставленными мигрировавшим с севера населением» [Сымонович Э. А., 1967а. С. 235].

По мнению И. С. Винокура, ареал черняховской культуры включает в себя Волинь, Верхнее и Среднее Поднепровье, Днестровско-Прутское междуречье, Южное Побужье, Среднее Поднепровье. Такие зоны,



**Карта 23. Распространение памятников черняховской культуры**  
а — черняховские памятники

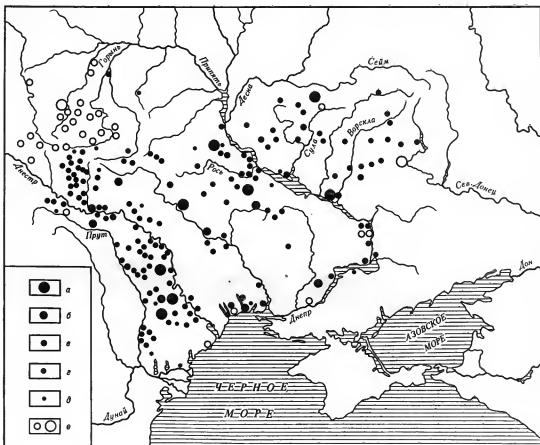
как верховья Сейма, Буга, Стири, Нижнее Поднепровье, остаются вне этого ареала [Винокур И. С., 1972. С. 35, Рис. 10].

М. Б. Шукин исключает из ареала черняховской культуры только узкую полосу северопричерноморского побережья, полагая, что позднеримские памятники этого региона следует выделить в особую культуру. Эта культура (исследователь предлагает именовать ее «киселовской»), по его мнению, генетически связана с предшествующей позднескифской: инновации отмечаются только в гончарной керамике и инвентаре, тогда как основные элементы погребального

обряда и домостроительства остаются прежними [Шукин М. Б., 1970б; 1979а. С. 71—74].

Материалы, полученные в ходе полевых работ последних лет, позволили еще раз обратиться к вопросу о северопричерноморской зоне и по-новому осветить многие ключевые моменты. Не только была показана специфика причерноморских памятников, но и выявлены истоки их своеобразия, вопросы механизма наследования разнородных традиций. Сделан вывод об отсутствии преемственности между позднескифским и черняховским погребальным обрядом; подчеркнуты другие яркие отличия памятников позднеримского времени Северного Причерноморья от позднескифских и сарматских; дано обоснование выделения северопричерноморской зоны в особую локальную группу черняховской культуры [Маго-

Карта 24. Распространение могильников черняховской культуры (по Г. Ф. Никитиной)  
 а — 100 и более погребений;  
 б — 50 и более погребений;  
 в — 20 и более погребений;  
 г — 10 и более погребений;  
 д — единичные погребения;  
 е — памятники, отношение которых к черняховской культуре ставилось под сомнение



медов Б. В., 19796; 1981; Гей О. А., 1980а; 19806; 1985].

Одним из важных направлений в изучении черняховской культуры в 60-е годы были исследования в области хронологии. Становилось все более очевидным, что без точного определения времени существования культуры невозможно и разрешение этнических проблем. В этот период выделилось три основных варианта датировки черняховской культуры. Первый (II—V вв.), предложенный еще В. В. Хвойкой, был принят многими исследователями [Березовец Д. Т., 1963; Симонович Э. А., 1971г. С. 31]. Второго варианта придерживалась группа украинских ученых (М. Ю. Смишко, М. Ю. Брайчевский, Е. В. Махно), которая полагала, что верхнюю дату черняховской культуры следует отнести к VII в. н. э. Таким образом, хронологические границы ее значительно расширились [Смишко М. Ю., 1947. С. 124; Махно Е. В., 1949. С. 163; Брайчевский М. Ю., 1950. С. 51—55]. Подобные попытки «омолодить» черняховскую культуру подверглись серьезной критике [Березовец Д. Т., 1963. С. 97—110; Шукин М. Б., 1967. С. 8], и в настоящее время это хронологическое определение фактически не имеет сторонников. Наконец, третий вариант — «узкая датировка» черняховской культуры в пределах III—IV вв. — был наиболее развернуто и убедительно аргументирован в работах М. Б. Шукина. Исследователь отмечал, что «на настоящем уровне наших знаний „узкая“ хронология представляется, если не более верной, то более строгой, поскольку она учитывает не только время бытования инвентаря, но и частоту его встре-

чаемости, его характерность для культуры» [Шукин М. Б., 1967. С. 13; 1968].

В 60-е годы появились и крупные обобщающие труды, посвященные социально-экономическим отношениям племен черняховской культуры. В. В. Кропоткин составил своды кладов римских монет и римских импортных изделий в Восточной Европе и на этой основе проследил направление экономических связей населения данной территории в первой половине I тысячелетия н. э. [Кропоткин В. В., 1961; 1967; 19706]. Фундаментальное исследование М. Ю. Брайчевского затронуло широкий круг социально-экономических вопросов: производство и ремесло черняховской культуры, демография, строительство, монетное обращение, вооружение, степень социального расслоения [Брайчевский М. Ю., 1964]. Однако выводы автора часто строились на явно ошибочных или слабо аргументированных положениях. Неоправданно была расширена территория черняховской культуры за счет отнесения к ней южной Польши и Словакии, отсутствовало серьезное обоснование ее датировки II—VII вв. и славянской принадлежности, допущено много фактических ошибок. Все это обусловило весьма противоречивые оценки книги [Симонович Э. А., 1968; Березовец Д. Т., 1968].

С 60-х годов планомерно издавались материалы раскопок черняховских памятников. В этот же период была осуществлена целая программа исследований, базирующихся на применении естественнонаучных методов: изделия из железа и стали изучались с помощью металлографии; украшения из цветных

металлов — путем спектрального анализа; керамика подвергалась петрографической и физико-технологической обработке; древние печи и горы датировались археомагнитным способом [Барцева Т. В., Вознесенская Г. А., Черных Е. Н., 1972; Бобринский А. А., 1970: 1978].

В 1967 г. состоялось совещание по проблемам черняховской культуры, которое подвело основные итоги работ за истекшее десятилетие и выявило новые направления и пути в решении вопросов датировки, происхождения культуры, социально-экономических отношений ее населения. Тематика докладов на совещании была чрезвычайно разнообразна. Одной из самых острых и волнующих проблем по-прежнему оставалась проблема происхождения черняховской культуры, ее связи со славянским миром VI—VIII вв. В. Д. Баран, основываясь главным образом на материалах своих раскопок в Верхнем Поднестровье, подразделил поселения черняховской культуры на две группы. Для первой группы, по его мнению, характерны полужемляночные жилища с очагами или печами, сложенными из глины или камня. В керамическом комплексе лепные сосуды преобладают либо составляют равную долю с гончарными. Вторая группа характеризуется наземными жилищами и отчетливым преобладанием гончарной посуды. Исследователь пришел к выводу, что памятники с обилием лепной керамики и полужемляночными постройками генетически связаны с раннеархаическими славянскими древностями Поднестровья [Баран В. Д., 1970. С. 7—12]. И. С. Винокур высказал предположение, что одним из районов формирования черняховской культуры было Волинско-Подольское пограничье. В этом регионе, по его мнению, в материалах черняховской культуры «присутствуют элементы зарубиной и пшеворской культур, которые составляли генетическую основу формирования черняховских племен» [Винокур И. С. 1970. С. 31]. При этом исследователь полагал, что миграция гото-гепидов не проявляется ощутимо в археологических материалах Волыни.

Ряд ученых выступил по вопросу о происхождении и этнической принадлежности черняховской культуры с совершенно иных позиций. Так, Д. Т. Березовец, сравнивая черняховские и раннеславянские памятники, утверждал, что между ними фактически нет ничего общего. Если какая-то часть черняховского населения и осталась на прежних местах обитания после бурных событий середины I тысячелетия н. э., она не могла сохранить традиций своей культуры [Березовец Д. Т., 1970. С. 17].

Новое обоснование в материалах совещания 1967 г. получила и концепция германского происхождения черняховской культуры. Ю. В. Кухаренко рассмотрел памятники II—IV вв. Волыни и выделил их особенности: преобладание наземных жилищ, среди которых имеются большие двучастные постройки, широкое распространение ямных трупосожжений и вещей нижневелинских типов. Подобные памятники хорошо известны также в Молдове. По мнению ученого, «мазовецко-волинская группа памятников и территориально, хронологически, и по всей сумме археологических признаков является промежуточным звеном между двумя культурами: нижневелинской, или так называемой гото-гепидской, и черня-

ховской» [Кухаренко Ю. В., 1970а. С. 58]. Таким образом, Ю. В. Кухаренко полагал, что сложение черняховской культуры происходило на основе мазовецко-волинской группы, которая в свою очередь генетически восходит к памятникам нижней Вислы.

Исследования М. А. Тихановой были также посвящены результатам раскопок памятников на Волыни. Спецификой поселений этого региона, таких как Лепесовка, Викины Великие, Костянец, Маркуши, являются большие наземные постройки, часто двухкамерные, совмещенные под одной крышей жилые помещения и хлев для скота, лепные сосуды яйцевидной формы с загнутым внутрь краем и ошершавленной поверхностью тулова. Эти выразительные элементы находят соответствие в археологических материалах Нижнего Повисленья, Мазовии, на северо-западе Европы, т. е. в культурах, принадлежавших германским племенам. Подобные факты позволяли М. А. Тихановой признать германское (а не только исключительно готское) происхождение черняховской культуры, к которой исследовательница относилась, в отличие от Ю. В. Кухаренко, и волинскую группу [Тиханова М. А., 1970].

Некоторые аспекты проблемы происхождения черняховской культуры были затронуты и в других докладах. Э. А. Рикман проследил черты сходства между карпо-дакийскими памятниками типа Поанешти—Виртешкой и черняховскими в топографии поселений, характере культурного слоя, погребальном ритуале, ряде категорий вещей. По мнению исследователя, эти факты свидетельствуют о том, что северные фракции входили в состав носителей черняховской культуры в междуречье нижнего Дуная и Днестра. Н. М. Кравченко рассмотрела вопрос о происхождении различных типов обряда трупосожжения черняховской культуры. Особенности погребений с сожжениями позволяли говорить об их различных этнокультурных корнях: зарубином, пшеворском, гето-дакийском. Распространение зарубиных и гето-дакийских признаков связывается в основном с территорией, на которой они известны в предшествующий период, тогда как пшеворские типы распространены по всему ареалу и не представляют собой локального явления [Кравченко Н. М., 1970. С. 50, 51].

Ряд выступлений на совещании 1967 г. был посвящен проблемам хронологии черняховской культуры. Так, В. В. Кропоткин уточнил датировку некоторых импортных римско-византийских вещей [Кропоткин В. В., 1970б]. А. Т. Смиленко сделала попытку проследить хронологию и эволюцию четырех типов гончарной черняховской керамики [Смиленко А. Т., 1970]. М. Б. Шукин рассмотрел вопрос о хронологии черняховских памятников Среднего Поднепровья. Он затронул важные методические вопросы, отметив, что в большинстве случаев датировка культуры в целом определялась по вещам, дающим крайние — верхнюю и нижнюю — даты. Такой подход затруднял разработку относительной хронологии, выделение ранних и поздних памятников, оставляя в стороне вопрос о соотношении особенностей разных регионов. Иными словами, исключалась возможность создания динамической картины исторических событий. М. Б. Шукин предложил разработку хронологии отдельных памятников на основе определения «узкой» даты каждого





Общий вид зарубинецкого городища Монастырек на Днепре  
Посуда из Пироговского могильника зарубинецкой культуры



Фибулы из зарубинецкого могильника у с. Пирогово



Фибулы из зарубицкого могильника Велемичи II  
(погребения 81, 85)

Раскопки К. В. Каспаровой

Бронзовая подвеска из погребения 84 могильника Велемичи II

Бронзовый поясной крючок и часть пояса из погребения 31  
могильника Отвержичи

Раскопки К. В. Каспаровой

Бронзовый браслет с подвесками из погребения 45 могильника  
Велемичи II

Бронзовая фибула из позднезарубицкого поселения Головно I

Раскопки А. М. Обломского

Бронзовые браслеты из клада на позднезарубицком поселении  
Шшино 5

Раскопки А. М. Обломского

Две бронзовые фибулы с амальмой из клада на поселении Шшино 5

Раскопки А. М. Обломского

Литой браслет из клада на поселении Шшино 5

Раскопки А. М. Обломского





Лепная посуда липицкой культуры



Гончарная посуда липицкой культуры



Лепная посуда культуры карпатских курганов



Гончарная посуда культуры карпатских курганов



Стеклнные сосуды из черняховского могиль-  
ника Оселивка  
Раскопки Г. Ф. Никитиной

Стеклнный сосуд из черняховского могиль-  
ника Горошецы  
Раскопки Г. Ф. Никитиной

Стеклнный сосуд из черняховского могиль-  
ника Романковцы  
Раскопки Г. Ф. Никитиной





Бусы из могильника Красный Маяк  
Раскопки О. А. Гей



Золотые серьги из могильника Красный Маяк  
Раскопки О. А. Гей



Фибулы из могильника Красный Маяк  
Раскопки О. А. Гей



Фибула и фибула-брошь из могильника Красный Маяк  
Раскопки О. А. Гей



Подвеска-луныца с эмалью из могильника Дитиничи  
Бронзовая оковка пояса из могильника Дитиничи

Глиняные сосуды из могильника Дитиничи



закрытого комплекса (погребения) — промежуток времени, в котором совпадает бытование всех его вещей. Он пришел к выводу, что «черняховская культура в том виде, как она представлена на могильниках в Черняхове и Маслове, оформилась не ранее, чем в середине — конце III в. н. э., и существовала до конца IV в.» [Шукин М. Б., 1970а. С. 104—110].

На совещании были также представлены итоги изучения черняховского металла и керамики с помощью естественнонаучных методов. А. А. Бобринский коснулся некоторых особенностей формовочной технологии сосудов [Бобринский А. А., 1970]. Г. А. Вознесенская провела металлографическую обработку железных изделий с памятников Среднего и Нижнего Поднепровья, Побужья, Молдовы. Эта работа позволила сделать несколько важных, хотя и предварительных, наблюдений. Стало ясно, что определяющим в развитии черняховского кузнечного ремесла было скифо-сарматское влияние, прослеживаются и кельтские традиции [Вознесенская Г. А., 1970. С. 38]. Спектроналитические исследования черняховских изделий из цветного металла также дали интересные результаты. По-видимому, население черняховской культуры восприняло и развило местную северопричерноморскую (позднесарматскую, позднескифскую, а для Подолля — липицкую) традицию металлообработки. Другой источник формирования черняховских металлургических схем находился на северо-западе, в прибалтийских областях [Черных Е. Н., Барцева Т. Б., 1970. С. 102, 103].

В 70—80-е годы появились новые исследования, посвященные проблемам интерпретации, хронологии, происхождения, этнической принадлежности черняховской культуры. В работах Б. А. Рыбакова развивается идея, что более или менее однородная черняховская культура, сильно нивелированная римским воздействием, рождается из недр днепровской зарубиной культуры и позднескифской культуры нижнего Днепра. Область черняховской культуры делится на две части незаселенной степной полосой, где находились сарматские чочевы и южнее которой жили разные земледельческие племена, среди которых могли быть и готы. Северная, лесостепная, часть территории черняховской культуры, совпадавшая с древней природной славян и с землями «скифов» — пахарей, древним праславянским скотским царством, по мысли автора, была заселена славянскими племенами [Рыбаков Б. А., 1982. С. 38]. Славяне во времена черняховской культуры (II—IV вв.) находились в благоприятных условиях, вели оживленную торговлю с Римской империей, что способствовало развитию у них хозяйства и социальных отношений, и этот счастливый период «тройковых веков» надолго сохранился в народной памяти [Рыбаков Б. А., 1979. С. 228].

В. В. Седов в серии статей, а затем в монографии обратил внимание на сложную картину расселения различных племен и миграционные процессы в Юго-Восточной Европе в первые века нашей эры. Большую часть будущего черняховского ареала заселяли ираноязычные скифо-сарматские племена; отдельную этническую группу составляли остатки зарубиной культуры в Полесье и Среднем Поднепровье, в Верх-

нее Поднестровье в этот период проникали носители пшеворской культуры. Выделяя различные субстратные элементы в черняховской культуре (скифо-сарматские, пшево-зарубиные), картографировал их и статистически обработав, В. В. Седов показал многокомпонентность и полиэтничность черняховского населения, основную массу которого составляли потомки местных ираноязычных племен и славяне, заселявшие Днепровско-Подольский регион черняховского ареала [Седов В. В., 1976. С. 93—99; 1978. С. 99—107; 1979. С. 78—98].

Сторонником полиэтничности черняховского населения выступал П. Н. Третьяков. По его представлениям, в состав этого населения входили различные местные племена, этнические особенности культуры которых были утрачены под нивелирующим влиянием позднеливийского Причерноморья. Он охарактеризовал черняховское население как «несложившуюся народность», процесс консолидации которой из разнородных элементов был прерван вторжением гуннов. Но все же он считал возможным дифференциацию черняховских древностей и выделение среди них специфических особенностей отдельных этнических групп. К восточнославянскому этногенезу, по его мнению, черняховская культура не имела прямого отношения, так как носила совершенно иной характер, чем раннесредневековая славянская культура [Третьяков П. Н., 1966. С. 203; 1982. С. 13—17].

М. Б. Шукин попытался представить археологические объекты первой половины I тысячелетия н. э. Северного Причерноморья в динамике и взаимосвязи. Исследователь создал своего рода «хронологический каркас» для культур этой эпохи. В результате был выделен пласт археологических объектов, непосредственно предшествовавших черняховской культуре: пшеворские памятники Верхнего Поднестровья; сарматские впускные погребения, курганные и бескурганные некрополи, распространенные на широкой территории западнее Дона; позднезарубиные памятники Среднего Поднепровья и Южного Побужья; позднескифские городища, неукрепленные поселения и грунтовые некрополи в низовьях Днепра, Южного Буга и Днестра; памятники культур Поянешти—Варшетской и Килия [Шукин М. Б., 1971. С. 14]. Племена, оставившие эти разнообразие и многочисленные объекты, можно считать потенциальными участниками формирования черняховской культуры. Динамичная картина археологических явлений, нарисованная М. Б. Шукиным, выявила своеобразные ситуации, возникшие в разных регионах накануне образования черняховской культуры. Так, в Среднем и Нижнем Поднепровье для II—III вв. отмечается hiatus, «отсутствие сколько-нибудь выраженного пласта памятников». В Верхнем Поднестровье и на Волыни не наблюдается хронологического разрыва, здесь в этот период были распространены пшеворские и вельбарско-цельские памятники, частично синхронные черняховским и несколько более ранние, тогда как черняховские существовали и дольше [Шукин М. Б., 1979б. С. 84]. Подобную «хронологическую лесенку» М. Б. Шукин считает симптомом генетической преемственности. Таким образом, формирование черняховской культуры происходило на Волыни и в Верх-

нем Поднестровье на вельбарской и пшеворской основе [Шукин М. Б., 1979б. С. 81—84].

В монографии Э. А. Рикмана, посвященной этнической истории населения Поднестровья и Нижнего Подунавья в первых веках нашей эры, рассмотрены вопросы черняховской культуры данного региона: погребальный обряд, социально-экономические отношения, влияние античного мира, этнический состав. Автор полагает, что основным населением Поднестровья и Нижнего Подунавья в предчерняховское время были сарматы. Продвижение оседло-земледельческих фракийских племен из Верхнего Поднестровья и восточного Прикарпатья и смешение их с местными сарматскими племенами и вызвали, по мнению Э. А. Рикмана, зарождение черняховской культуры. Таким образом, «в формировании черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья и прилегающих районов Нижнего Подунавья решающую роль сыграли сарматы и гето-дакийцы [Рикман Э. А., 1975б. С. 331, 332].

В монографии, посвященной черняховской культуре на верхнем Днестре и Буге, В. Д. Баран, осветив разные стороны материальной культуры, пришел к выводу, что черняховские памятники существовали в конце II—V в., и попытался выделить разновременные комплексы, относящиеся к трем этапам — III, III—IV и IV вв. Черняховская культура возникла, по мнению автора, путем интеграции всех местных культур предшествующего времени — липицкой, пшеворской, зарубинецкой, позднескифской, сарматской — и при взаимодействии с киевской и вельбарской культурами, при этом важную роль имело провинциально-римское влияние. Элементы субстратных культур по-разному проявились в отдельных областях, что привело к некоторому локальному своеобразию единой в социально-экономическом отношении и синкретичной в этническом плане черняховской культуры. Особое значение В. Д. Баран придает черняховским памятникам в верховьях Днестра и Буга, имеющих свои локальные особенности (распространение углубленных жилищ и преобладание лепной керамики) и возникших, по его мнению, на основе пшеворских, зарубинецких и киевских древностей. Локальные особенности черняховской культуры этой территории близки чертам раннесредневековой славянской культуры пражского типа, а связующим звеном между этими культурами являются открытые в последние годы поселения V в. н. э., которым уделено особое внимание [Баран В. Д., 1981. С. 130—177].

Серьезная работа по систематике черняховского погребального обряда была проделана в последние годы Г. Ф. Никитиной [1985]. Скрупулезному анализу были подвергнуты материалы 207 некрополей. Исследовательница составила подробный список четко сформулированных признаков, характеризующих погребальный обряд черняховской культуры, и провела их сравнительный анализ на основе статистической обработки данных. Это позволило ей смоделировать некоторые звенья погребального цикла, воссоздать отдельные черты ритуальных действий, костюма умерших, выделить разнообразные проявления социальной дифференциации населения, оставившего черняховские могильники [Никитина Г. Ф., 1985. С. 79—90].

Немаловажное значение для решения вопроса о происхождении черняховской культуры имеют данные антропологии. Т. И. Алексеева развивает положение о генетических связях черняховского населения с местным иранизированным населением лесостепной полосы, которое входило в состав скифского царства [Алексеева Т. И., 1973. С. 263; 1974. С. 65]. Исследовательница отмечает, что на юге европейской части СССР обнаруживается определенная линия преемственности: племена степной полосы эпохи бронзы (исключая трипольцев) — скифы лесостепной полосы — население черняховской культуры — поляне [Алексеева Т. И., 1973. С. 256]. Т. С. Кондукторова, изучившая большие краниологические серии из могильников Черняхов, Деревянное, Ромашки, Телешовка, Журавка, Ранжевое, Коблево, Викторка, также пришла к выводу о значительном сходстве черняховских черепов с объединенной скифской серией. В то же время исследовательница отметила четкие различия между населением черняховской культуры и сарматами [Кондукторова Т. С., 1972. С. 111; 1979а]. М. С. Великанова обработала остеологические материалы черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья из могильников Будешты, Малашты, Балцаты и показала, что молдавские серии выделяются среди остальных черняховских групп. Этот вывод оспаривает Т. И. Алексеева, которая полагает, что на общем фоне вариативности краниологического материала железного века Восточной Европы различия антропологических типов отдельных регионов черняховской культуры не выглядят значительными [Алексеева Т. И., 1973. С. 156—263]. В целом основную массу черняховского населения Днестровско-Прутского междуречья М. С. Великанова относит к средиземноморскому типу и по многим особенностям сближает с объединенными фракийскими сериями [Великанова М. С., 1975. С. 71, 74, 87]. Вместе с тем в будущей мезо-долихокранной серии обнаружено несколько брахиокранных черепов, ближайшей аналогии которым прослеживаются у астраханской группы сармат. Этот факт позволил М. С. Великановой сделать вывод о смешанном характере будештской серии, о незначительной механической примеси сармат в составе населения, оставившего этот могильник [Великанова М. С. 1961. С. 30—33, 51; 1975. С. 82].

Историографический обзор дает представление о чрезвычайной сложности и многогранности проблемы интерпретации черняховской культуры. Основные вопросы, связанные с ее происхождением, этнической принадлежностью, хронологией, социально-экономической структурой общества, еще далеки от исчерпывающего разрешения.

**ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА.** Основную массу поселений представляют неукрепленные селища, среди которых выделяются лишь три известных к настоящему времени городища. Селища обычно располагаются на склонах первых надпойменных террас, вблизи воды. Иногда территория селища бывает ограничена впадающим в пойму ручьем или оврагом. Размеры селищ различны: крупнейшие из них достигают в длину 2 км и более при ширине 150—200 м, но большинство имеет длину около 1 км и ширину 80—100 м. Известны и совсем небольшие поселки — например, около с. Лески Черкасской обл., где три селища, имевшие

в длину не более 250 м, расположены на близком расстоянии друг от друга [Смиленко А. Т., Брайчевский М. Ю., 1967. С. 35–61]. Размещение селищ группами наблюдается во многих местах, но не всегда входившие в группу селища были вполне синхронными [Сымонович Э. А., 1969б. С. 137–148].

Городища — Башмачка на Днепре, Городок на Южном Буге и Александровка на Ингульце — расположены в южной части черняховского ареала [Смиленко А. Т., 1975. С. 51–57; Смиленко А. Т., Мизин В. А., 1979. С. 402–403; Магомедов Б. В., 1980. С. 133–134]. Небольшое (40×60 м) городище Башмачка находится на мысу и ограничено с западной стороны рвом и валом, основу которого составляют две стены, сложенные из камней, и глиняная забутка между ними. На концах вала сохранились каменные фундаменты, возможно, от двух прямоугольных башен. Оборонительные стены проходили и кругом мыса, и по его склону. На площадке городища находились наземные постройки, стены которых имели каменную конструкцию. Большая (6×4 м) постройка в центре площадки, возможно, имела общественное назначение. Рядом с городищем расположено поселение и два могильника, где были две курганные насыпи. Такой же характер имело городище Александровка. Оно также расположено на мысу, ограничено рвом и валом с каменной стеной и, возможно, башнями, на его площадке также располагались большие наземные постройки с каменными стенами. Оба городища относятся к IV в. н. э., и в конструкции их оборонительных стен прослеживаются поднескифские и античные традиции [Магомедов Б. В., 1987а].

Внутренняя планировка черняховских селищ не может быть освещена достаточно подробно. Как уже говорилось, не так много поселений раскопано широкими площадями. Вытянутая форма селищ, расположение вдоль рек и ручьев обуславливают размещение домов параллельно береговой линии. На свежеспаханных склонах берегов прекрасно бывают видны тянувшиеся вдоль них развалы глиняной обмазки на тех местах, где когда-то стояли дома. Известны случаи размещения таких развалов в один, два и три ряда. В Ромашках на почве были отмечены овалы или прямоугольные пятна — следы жилищ (длина до 7 м, промежуток между домами 10–15 м). Однако по мере исследований стало ясно, что столь строгая уличная планировка для поселений отнюдь не обязательна. Большие площади, вскрытые в Лесках, Журавке, Черепине, Рипневе, на ряде поселений в Молдове, помогли установить кучное расположение построек жилищного и хозяйственного типов. Группы строений, сосредоточивавшиеся в разных местах вдоль берега, образовывали только некоторое подобие улиц. Размещавшиеся на разных расстояниях друг от друга поселения домов, надо думать, принадлежали лицам, связанным кровным родством. Э. А. Рикман связывал планировку в виде параллельных рядов, вытянутых вдоль склона берега, с определенными потребностями общины в землепользовании. Подобная планировка поселений типична для Карпат-Дунайского и Поднестровского регионов [Рикман Э. А., 1975б. С. 53].

На отдельных поселениях применялась более или менее одинаковая ориентировка построек — чаще

всего стены жилищ направлены по сторонам света (Рипнев II, Черепин, Чижиков), реже дома по сторонам света ориентированы углами (Бовшев). Хозяйственные и производственные постройки обычно расположены поблизости от жилищ. Особенно широко использовались хозяйственные ямы-хранилища, над которыми в некоторых случаях прослеживаются остатки деревянного навеса (например, в Рипневе) [Баран В. Д., 1959. С. 218]. Для хозяйственных нужд служили также очаги, расположенные вне жилищ. Жилые и хозяйственные помещения часто объединены под одной крышей, благодаря чему возникали большие многокамерные дома [Раевский К. А., 1955. С. 253; Сымонович Э. А., 1956б. С. 131–135].

Особенности конструкции жилищ позволяли выделить несколько их основных видов: жилища, углубленные в землю; наземные деревянные дома; наземные каменные дома. Доминировали полуземлянки (табл. XLIV) [Смиленко А. Т., 1975. С. 35]. Нижняя часть этих жилищ бывает вшита в землю в среднем на 0,6–1,5 м [Рикман Э. А., 1975а. С. 52; Баран В. Д., 1981. С. 24]. Наиболее характерны для них квадратно-прямоугольные помещения, но встречаются и округло-овальные, и неправильные в плане, с неровными стенами и выступами. Кроме того, среди полуземлянок могут быть отмечены одно- и двухкамерные постройки [Баран В. Д., 1981. С. 24, 25]. Обычные размеры полуземлянок 10–20 кв. м, хотя известны и достигающие по площади 40–50 кв. м [Винокур И. С., 1972. С. 56]. Столбовые ямы, расположенные по углам и посередине стен полуземлянок, помогают реконструировать наземную, возвышавшуюся над поверхностью часть жилища. Их стены, как и у наземных построек, опирались на вертикальные столбы и были слеплены из прутьев, обмазанных затем глиной. Крыша домов, очевидно, делалась двускатной. Пол был земляным, плотно утрамбованным. Вход часто никак не выделялся, иногда же выступал за основную контур постройки. Нередко он имел вид ступенек, вырезанных в материке. Прослежены выступы за пределы стен жилища, предназначенные для устройства ям-погребов, или, что является весьма своеобразной деталью домостроительства, печей. В таких случаях (Грушевска, Журавка, Бургунка, Букреевка и др.) в материковой стене полуземлянки выкапывали подбой с ровным подом и полусферическим сводом, обмазанным глиной [Брайчевский А. Т., 1955. С. 89. Рис. 2]. Две печи в Журавке с уцелевшим сводом позволили представить их внутреннее пространство, где на под можно было установить только средней величины горшок. Следы дымохода в таких печах не отмечены. Кроме таких печей, пользовались подковообразными печами, свод которых был выложен из глиняных вальков (Лука-Врублевская, Журавка). Но чаще всего жилища отапливались простыми очагами, помещенными в центральной части помещения или в его углу. Поды очагов были обмазаны глиной или выложены черепками, иногда небольшими камнями. Диаметры очагов и печей редко превышали 1 м. В некоторых случаях отмечены сочетания печей и очагов в одном жилище. В последний период существования черняховской культуры в западных областях Украины и на памятниках Поднестровья в полу-

земляночных жилищах появились печи, сложенные из камней [Баран В. Д., 1981. С. 31].

Сведения о меблировке черняховских построек крайне ограничены. Это следы земляных лежанок и скамеек вдоль стен, укрепленных на тонких столбиках, забитых в пол. Надо думать, что при двух уровнях пола в двукамерных постройках более углубленное помещение служило спальней как самая теплая часть жилища. Неотапливаемые углубленные в землю постройки использовались в хозяйственных целях, в качестве погребов и сараев, или служили летними жилищами. Есть углубления довольно правильной, квадратной, формы (например, в Колесовке), которые были подполом-погребом наземных сооружений.

В отличие от углубленных в землю, наземные постройки нередко имели большие размеры, о чем можно судить по развалам обожженной глиняной обмазки на местах домов и по расположению столбовых ям вдоль их стен (табл. XLV, 2). Средняя величина на наземных построек бывает около 30—40 кв. м (Черепин, Ружичанка, Прижев, Маркуши, Слободиче и др.). Известны совсем небольшие постройки, площадью 10—25 кв. м (Борзове, Иванковцы, Прижев, Черепин, у овчарни совхоза «Приднепровский» и т. д.). В особый тип обычно выделяют так называемые большие дома, занимавшие площадь 65—120 кв. м [Рикман Э. А., 1975в. С. 88—105], разделенную на жилую часть с одним или несколькими очагами и неотапливаемую хозяйственную (табл. XLV, 4). В таких домах могли жить большие патриархальные семьи, а некоторые из них предназначались для общественных собраний и церемоний. По планировке, размерам и конструкции «большие дома» на черняховских поселениях сходны с древнегерманскими жилищами, распространенными в Северной и Северо-Западной Европе [Рикман Э. А., 1975а. С. 104, 105]. По подсчетам В. Д. Барана, всего на территории черняховской культуры известно девять «больших домов», расположенных по одному на поселениях в окружении небольших наземных построек (Ягнятин, Сухоставы, Лески, Будешты, Загайканы, Делакеу, Собарь, Комрат, Русяны) [Баран В. Д., 1981. С. 59].

Конструктивные особенности наземных домов разных размеров в основном однотипны [Рикман Э. А., 1975в. С. 108, 113]. Земляной утрамбованный пол обыкновенно залегает под развалом обмазки стен на глубине 0,3—0,6 м ниже современной поверхности. Не исключено, что в древности он был немного углублен в землю, выровненную на месте строительства. Пол неоднократно подновляли, что было замечено в Якуповидах и Ягнятине [Махно Е. В., 1949. С. 154—164; 1952в. С. 154—165]. Отпечатки на обожженных кусках глиняной обмазки плетня и следы нетолстых столбов свидетельствуют о конструктивных особенностях стен и соломенных крыш построек, таких же, как у углубленных в землю строений. Столбы для поддержки стен, имевшие малый (7—10 см) диаметр, приходилось ставить довольно часто, на расстоянии 0,7—0,8 м. Угловые опорные столбы были массивными (диаметр 15—20 см). Наземные жилища бывают одно-, двух- и многокамерными (с сенями или камерой-хранилищем), с соответствующим количеством очагов (Максимовка, Остро-

вец и др.). В отдельных постройках замечены следы сводчатых печей (Ягнятин, Новоселка-Костюкова, Костянец, Будешты; табл. XLVI; XLVII) [Махно Е. В. 1952в. С. 155; Рикман Э. А. 1960а. С. 321].

Наряду с жилыми наземными домами зафиксированы прилегающие к ним или отдельно расположенные наземные постройки хозяйственного назначения, как в Лесках; мастерские, как в Ягнятине; общественные большие дома для собраний или молений, как в Иванковцах [Смиленко А. Т., Брайчевский М. Ю., 1967. С. 39—41; Махно Е. В., 1952в. С. 155; Брайчевский М. Ю., Довженко В. И., 1967. С. 261]. В двух случаях открыты мельницы, занимавшие наземные помещения (Синицка-Сабатинька, Иванковцы). Здесь на специальных площадках или вымостках были расположены ручные ротационные жернова. Э. А. Сымоновичем и И. С. Винокуром были сделаны попытки реконструировать мельничные сооружения [Сымонович Э. А., 1952а. С. 97—108; 1960б. С. 151—157; Винокур И. С., 1964. С. 181, 182; 1970. С. 238—244].

Каменные строения черняховской культуры представлены двумя типами: во-первых, жилищами малых и больших размеров со многими камерами; во-вторых, большими сараеобразными постройками-хранилищами (табл. XLVIII). Те и другие были достаточно четко прямоугольными. Пол построек земляной, ровный. Крыша, укрепленная на деревянных балках, очевидно, была покрыта смесью глины с половой, а столь характерная для близлежащих античных поселений и городов черепица употреблялась крайне редко. В основании стен построек укладывали большие камни без следов обработки, служившие своего рода фундаментом, чуть погруженным в землю. Стены аккуратно складывали из камней средних размеров (в поперечнике 0,25—0,40 м), образуя почти два панциря, между которыми находилась забутовка из более мелких камней. Кладка сделана всухую, без каких-либо следов раствора. Толщина основных стен построек 0,35—0,50 м, тогда как перегородки между помещениями делали более тонкими. Высота стен строений, судя по развалам камней, не превышала человеческого рост, вряд ли достигая 2 м. Кроме стен, из камня строили заборы (Ранжевое, Киселово). К заборам примыкали постройки — например, в Ранжевом подобный забор образовывал одну из стен сеней жилища [Сымонович Э. А., 1967а. С. 225, 226. Рис. 12; 13, 1].

Хотя на южных черняховских поселениях остатки древних построек часто повреждены выборками камня (Викторовка II, Коблево, Бургуна, Ингулецкие поселения и т. д.), все же некоторые сооружения удается восстановить полностью. Наиболее яркие примеры жилищ и хозяйственных построек типа сараев дали работы в селах Ранжевое и Капустино, расположенных на разных берегах Тилигульского лимана (табл. XLVIII). Ранжевское жилище, примыкавшее к каменному забору, состояло из двух помещений — узких сеней, выход из которых был обращен на юг, и жилой камеры, отделенной перегородкой с сохранившимся входом и каменным порогом (4,5×3,5 м). На утрамбованном земляном полу справа от входа помещалась печь, сложенная из больших каменных плит и топившаяся по-черному. Возле узкой стороны печи выкопана предпечная яма,

наполненная золой и обломками лепных и круговых сероглиняных сосудов. К внутреннему убранству помещения относится четырехгранный столпообразный жертвенник с чашеобразным углублением сверху и с прикипевшей к камню скорлупой ящ. Рядом с жилищем вдоль берега лимана была расположена большая хозяйственная постройка, состоявшая из трех смыкавшихся узкими сторонами помещений. Вход находился со стороны, противоположной лиману, и место его обозначал специально подтесанный камень порога [Сымонович Э. А., 1967а. С. 224, 225. Рис. 12].

В Капустине был расчищен дом из камней такой же кладки, как в Ранжевом. Он сохранился частично и представлял собой прямоугольную жилую постройку (длина 7 м), ориентированную вдоль лимана. В северном углу комнаты помещалась печь с подом, обмазанным глиной и выложенным по периметру черепками и плитчатыми небольшими камнями. Перегородка внутри дома отделила еще два помещения: квадратную каморку, служившую кладовой, и длинную камеру производственного назначения, посредине которой лежала каменная плита [Сымонович Э. А., 1956б. С. 132, 133].

В Киселове над самым морем были вскрыты остатки шести каменных прямоугольных наземных построек (табл. XLVIII, 2). Они были друкарными, и в их длинных стенах находились входы, порогами которых служили подтесанные камни. Жилые помещения отапливались печами из плит, поставленных на ребро, или глинобитными очагами. Внутри домов располагались хозяйственные ямы, погребка, места для хранения сосудов. Одна из построек, возможно, использовалась в качестве производственной мастерской [Раевский К. А., 1955. С. 250—267]. Три постройки были соединены лабиринтом из камней и самана, по-видимому, ограничивавшими дворы усадеб и загонные для кота. В более удаленных от моря районах, у с. Отбо-Васильевка на правом берегу р. Ингулец, раскопаны остатки каменных строений, расположенных группами. В группе, ближайшей к реке, пять построек были вытянуты вдоль берега и еще четыре расположены под углом к ним. Вторая группа, состоявшая из 17 строений, находилась на возвышенной части мыса [Добровольский А. В., 1950. С. 167—175; Махно Е. В., 1960а. С. 69]. Каменные постройки использовались и в западных районах, в областях Приднэвья и Буджакской степи, где есть и селища, лишенные каменного домостроительства [Кравченко Н. М., 1967а. С. 224—227; 1971. С. 63, 64].

В Среднем Поднепровье уникальные каменные домостроения обнаружены в с. Собарь. Здесь, кроме семи легких наземных построек и тончайшего горна, были открыты следы огромного П-образного каменного ограждения, ориентированного по линии север—юг (около 90×45 м). Развалы камней от стены имели ширину около 0,5 м. Кладка состояла из известняковых и гранитных камней, не имевших следов обработки. Внутри ограждения стояло каменное здание с мощными (толщина до 1 м) стенами из камней и кирпича, фундаментами их были вштыпаны в землю на 0,5 м. Размеры дома 18×10 м. Возле самого здания сохранились базы колонн и лежал прямоугольный плитчатый камень. Это сооружение было воздвигнуто на культурном слое черняховского сели-

ща. Э. А. Рикман, раскопавший сооружение, относит его к позднейшим этапам существования культуры полей погребений и предполагает связывать с проникновением римлян [Рикман Э. А., 1972. С. 192, 193].

Другое необычное для черняховской культуры сооружение, кое в чем близкое постройке в с. Собарь,— комплекс построек в с. Комаров, связанный со стеклоделанием. На территории уже существовавшего черняховского поселения из наземными и углубленными в землю сооружениями было выстроено здание со стенами, сложенными из камня. Оно было в плане почти точно квадратным и ориентировано с северо-запада на юго-восток. Толщина стен, сложенных в технике панцирной кладки с забутовкой в середине более мелкими камнями, была около 0,75 м. Фундамент их слегка вкопан в культурный слой селища. Пол местами был выложен плитчатыми камнями, их подстилала щебенка, ниже которой находился слой больших камней. Обломки обмазки с отпечатками дерева свидетельствуют о наличии потолка и перекрытий. Возможно, что крыша была черепичной. В каменном доме найдена большая амфора конца IV—начала V в. [Смишнюк М. Ю., 1964. С. 71—73]. Рядом с каменной постройкой было обнаружено углубленное в землю сооружение, где занимались стеклоделанием. Хотя римский Лимес находился от этих мест в 200—250 км, имеются доказательства того, что постройка была сооружена иноземным провинциальноримским населением, которое, видимо, и наладило тут производство стекла, впрочем, очень ненадолго, может быть, из-за недостатка производственного сырья [Шапова Ю. Л., 1978. С. 241, 242].

В распространении жилых сооружений различных видов по черняховской территории заметны некоторые, хотя и не совсем четкие, закономерности. Наиболее определенно выделяется ареал каменного домостроительства, который охватывал земли Северного Причерноморья между низовьями Днестра и Днестра, хотя и здесь в небольшом количестве известны полуземлянки (Бургунка, Тилигуло-Березанка, Викторовка, Приморское) [Сымонович Э. А., 1967а. С. 205—237; 1979б. С. 106—111; Сымонович Э. А., Яровая Б. З., 1968. С. 169—183]. В верховьях Днестра и Буга преобладают полуземляночные жилища, тогда как севернее, по притокам Припяти, между Бугом и Днестром, а также южнее, между средним Днестром и Прутом, господствуют наземные глинобитные постройки. Сочетание наземных и углубленных построек наблюдается на среднем Днестре, левобережье Днестра и в междуречье Прута и Дуная [Баран В. Д., 1981. С. 58—59]. Основная масса полуземляночных и наземных жилищ с глинобитными стенами на деревянном каркасе находит прототипы в местных более ранних культурах — зарубинецкой, липицкой, пшеворской, Поянешти—Лукашевка, тогда как каменное домостроительство имеет истоки в античном строительстве на юге Причерноморья, а распространение больших многокамерных домов скорее всего связано с проникновением населения из северо-запада [Баран В. Д., 1981. С. 59—61].

**МОГИЛЬНИКИ.** Наибольшее число могильников исследовано в бассейнах среднего Днестра и Южного Буга и на периферии культуры — в Причерноморье и

Молдове. Самые восточные погребения найдены на Харьковщине (Пересечное и Павлюковка), в Курской и Сумской областях (Замощанская Дюна, Сумы, Успенка). На севере они открыты в Черниговской обл. (Гурбицы) и Киеве. Для северо-западных областей Волины характерны Бавеский могильник под г. Луцк, Бережанка в Тернопольской обл. и Острог в Ивано-Франковской обл. На границе с зоной распространения культуры карпатских курганов черняховские могильники исследованы в Неполоковцах и Оселивке Черновицкой обл. На юго-западе, в Молдове, известны могильники Малаешты, Будешты, Балцаты, Фурмановка в Приднестровье и др. На юге, в Причерноморье, раскапывались могильники Викторовка II, Рапнжовое, Коблево. Таким образом, расстояние между крайними памятниками, наиболее ярко характеризующими культуру, до 800 км с запада на восток (не считая румынских памятников) и около 500 км с севера на юг (карта 24). Наиболее полно раскапаны могильники у с. Черняхов (273 погребения), в Данчанах (338 погребений), в Косанове (121 погребение), в Журавке (124 погребения), в Будештах (360 погребений). Всего имеются сведения более чем о 3500 погребениях [Никитина Г. Ф., 1985. С. 15].

Могильники, как правило, располагались на более высоких местах, чем поселения, и не у самой кромки берега. Большие кладбища занимали 5000—7000 кв. м (Компанийцы, Журавка, Маслово, Будешты). Обычно же площадь могильников не превышала 1000—1500 кв. м. Внешние признаки у черняховских могил отсутствуют, возможно, они не сохранились до настоящего времени. Предположение о том, что в древности погребения имели наземные признаки в виде небольших насыпей или каких-то деревянных легких сооружений, потом бесследно истлевших и разрушившихся, подкрепляется наблюдениями над стратиграфией могильников. Обычно в могильниках очень ограниченное количество могил перекрыто или разрушено другими могилами. Наибольшее число таких случаев оказалось в Ружичанском могильнике (четыре погребения из 73 вскрытых) и в Косанове (шесть перекрытых другими могилами погребений из 121) [Винокур И. С., 1979. С. 132, 133; Кравченко Н. М., 1967б. С. 80. Рис. 3]. В том и другом могильнике эти нарушения составляют не более 5%, обычно таких случаев гораздо меньше. При разрушениях или ограблениях могил современниками умерших или другим хронологически близким населением обращает на себя внимание прекрасное знание гробокопателями расположения и устройства могил. Как правило, яма перекопа лежит в пределах более ранней погребальной ямы, что свидетельствует о наличии в то время каких-то ориентировочных признаков — насыпей или деревянных обозначений. Возможно, делались ограждения какого-либо участка древнего кладбища или отдельных захоронений, о чем свидетельствуют следы древних канав, открытых в Ромашках и Коблеве. Одно из детских погребений в Журавке было окопано квадратной канавой.

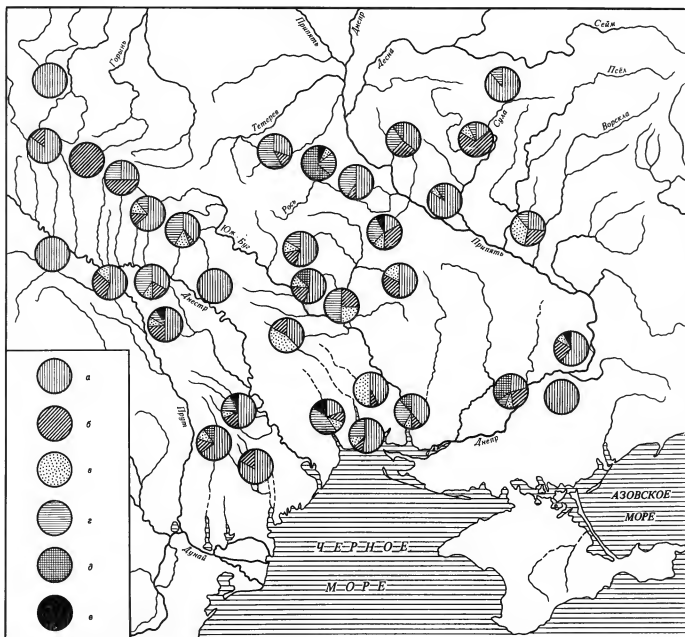
Погребения в могильниках обычно располагаются довольно свободно, в 1—3 м друг от друга. Представление о строгой рядности захоронений, основанное на работах В. В. Хвойки в Черняхове, потребовало существенных корректив. Современные работы пока-

зали кучно-рядное расположение могил. Отмеченные скопления могильных ям, видимо, отражают кровнородственную близость умерших, похороненных поблизости друг от друга. Такая планировка «поселка мертвых» соответствует тому, что наблюдается на селищах в расположении построек. Кроме того, замечена обособленная концентрация захоронений некоторых типов, особенно заметная на лесостепных памятниках. Это касается прежде всего отдельного размещения труположений двух основных типов (Гавриловка, Журавка, Будешты, Косаново), о которых речь пойдет ниже, а также обособления погребений с кремацией (Будешты, Косаново, Ружичанка и др.) [Кравченко Н. М., 1967б. С. 81, 82; Симонович Э. А., 1960в. С. 197; Винокур И. С., 1979]. Помимо погребений, в могильниках раскопаны культовые ямы и найдены следы тризны, от которых сохранились черепки посуды и другие вещи. В некоторых могильниках отмечены места сожжения умерших, своего рода крематории, представлявшие собой участки обожженной глины или каменные сооружения в виде печи. Они исследованы в Дедовщине, Пересечном и возле с. Окно [Козловская В. Е., 1930. С. 39—48; Луцкевич Г. Н., 1948. С. 168; Тимошук Б. А., Винокур И. С., 1964. С. 192. Рис. 6].

Характерной особенностью черняховских могильников является биритуальность, т. е. сочетание несожженных и сожженных погребений на одном памятнике. Известны, правда, и могильники только с ингумацией, но такие объекты в каждом случае требуют пристального рассмотрения: не имело ли здесь место разрушение неглубоко закопанных трупосожжений впашкой, размывом и т. д. (Журавка и др.).

В основу классификации несожженных погребений положена совокупность присущих им признаков. Взаимовстречаемость этих признаков показывает правильность выделения двух основных групп труположений в зависимости от ориентировки головами на север или запад. Кроме этих основных групп, известны труположения, ориентированные на юг и восток, но они очень редки. Основные группы труположений с северной и западной ориентировкой отличаются друг от друга рядом особенностей: разной глубиной захоронений («северные» менее глубоко захоронены, чем «западные»), количеством инвентаря (погребения первой группы, как правило, более богаты сопровождающим инвентарем, в частности глиняными сосудами, число которых превышает в отдельных случаях полтора десятка, тогда как костяки, обращенные черепа на запад, или вовсе лишены инвентаря или сопровождаются единичными вещами). Погребения каждой группы сосредоточены в отдельных местах могильников, при этом «северные» иногда встречаются на территории, где преобладают «западные», но не наоборот. В ряде случаев очевидно рост и развитие могильников с тех площадей, где преобладают костяки, обращенные черепа на север. Они обычно располагаются ближе к древнему поселению. Ориентированные в северную сторону костяки чаще, чем «западные», подвергались преднамеренному разрушению (табл. XLIX, 5, 6; Л, 8, 9).

Погребения обеих групп с теми же сочетаниями признаков встречаются на обширных пространствах черняховской культуры, подтверждая культурное



единообразие памятников (карта 25). Например, несмотря на некоторые локальные особенности, указанные закономерности одинаковы на широко распространенных могильниках, расположенных в разных районах: в Среднем Поднепровье (Журавка, 125 погребений), на нижнем Днестре (Гавриловка, 96 погребений), в Северном Причерноморье (Коблево, 58 погребений) [Симонович Е. О., 1973б. С. 9–23]. Но погребения с костяками, ориентированными на запад, составляют около 20% и значительно уступают в этом отношении погребениям с северной ориентировкой (около 80%). Однако в некоторых могильниках отмечается большой диапазон колебаний в соотношениях захоронений первой и второй групп. Так, погребения, ориентированные на запад, составляли около половины из всех распространенных в могильниках Данилова Балка, Ранжевое, Романковцы и т. д. [Никитина Г. Ф., 1985. С. 163]. Э. А. Симонович предполагал зависимость количества по-разному ориентированных

Карта 25. Распространение черняховских труположений различной ориентировки (по Г. Ф. Никитиной)

а — ориентировка на север; б — ориентировка на северо-запад; в — ориентировка на северо-восток; г — ориентировка на запад; д — ориентировка на юго-запад; е — ориентировка на восток

погребений от времени использования могильников, поскольку считал более поздним появление могил с западной ориентировкой погребенных [Симонович Е. О., 1973б. С. 9–23].

Труположения совершались в могильных ямах, для рытья которых употреблялись небольшие железные мотыжки, их следы иногда видны на земляных стенах ям (Кантемировка) [Рудинский М. Я., 1930. С. 127–158. Рис. 11; Федоров Г. Б., 1960б. С. 286]. По форме среди могильных ям выделяется несколько типов. Ямы при глубине 1–2 м были прямоугольными, овальными и эллипсовидными, более широки-

ми у головы погребенного. Нередко погребения с северной ориентировкой помещены в более широкие ямы, что связано с обилием в них инвентаря и сосудов. Захоронения, ориентированные на запад, иногда положены в продольные углубления (глубина 20—40 см), вырытые на дне могильной ямы по росту умершего и образующие своего рода земляной гроб. Сходство с гробовищем тем больше, что такие углубления иногда перекрыты деревом (Гавриловка; табл. XLIX, 1), а в Причерноморье — каменными плитами (Коблево, Ранжевое). Отмечается в некоторых могильниках ямы с заплечиками, возможно, связаны со вторичным раскрытием ямы и разрушением скелета [Никитина Г. Ф., 1985. С. 48]. На южных степных черняховских памятниках распространены подбойные могилы, а также встречаются склепы-катакомбы, которых насчитывается не более 10 (Коблево, Фурмановка; табл. XLIX, 6). Погребенные в этих могилах обычно ориентированы на север. Мало типичны для основных областей черняховской культуры погребения с применением камней в виде закладов и перекрытий, отмеченные на южном Днепре (овчарня совхоза «Приднепровский»), Днестре (Оселивка) и в Молдове (Будешты и др.), всего в 15 могильниках. Погребения в каменных ящиках вообще являются исключением (Глещева, Городица). Более широко известны случаи применения камня не в качестве конструктивной детали, а скорее символически, в засыпке могильной ямы. Обыкновенно костяк умершего лежал на земляном дне могильной ямы. Очевидно, перед погребением его завертывали в материю — специальный саван или плащ. Об этом свидетельствуют частые находки фибул с отпечатками тонкой ткани. Отмечены случаи, когда дно могильной ямы подмазано зеленоватой глиной. Это чаще встречается на южных памятниках Причерноморья, хотя наблюдается и в степном и лесостепном районах (овчарня совхоза «Приднепровский», Журавка). По отношению ко всем захороненным такие погребения составляют около 8—10%. Подобная подмазка дна ямы отмечена у погребений с северной и западной ориентировками, а также у погребений в подбоях и склепах-катакомбах в Коблеве [Сымонович Э. А., 1971а. С. 66. Рис. 1].

Особый тип могильных сооружений представляют захоронения знати. Их отличает необычная (до 3—3,5 м) глубина погребальных камер, обширные (около 2х3 м) размеры, тщательная отделка камеры деревом, а также обилие и богатство инвентаря, среди которого встречаются импортные предметы, прежде всего стеклянные кубки. В могильниках такие захоронения находятся в центре или расположены обособленно, в стороне от рядовых общинных погребений [Сымонович Э. А., Кравченко Н. М., 1983. С. 18]. К сожалению, большинство богатых, так называемых княжеских, погребений было разрушено и ограблено еще в древности, на что обратил внимание В. В. Хвойка при исследовании могильника в Черняхове [Хвойка В. В., 1901. С. 181]. Почти каждая могила такого рода являлась особым сооружением, отличавшимся величиной, конструктивными деталями, спецификой и количеством инвентаря. Известны попытки выделения захоронений такого рода из числа черняховских [Тиханова М. А., 1957. С. 191, 192. Рис. 17; Брайчевский М. Ю., 1964. С. 297;

Кухаренко Ю. В., 1980. С. 83—86]. Кроме того, встречаются необычайно богатые погребения, положенные на сосудах и, может быть, принадлежавшие представителям жреческого сословия. Они обнаружены в двух местах — в могильнике у овчарни совхоза «Приднепровский» и в Журавке. Оба захоронения относились к IV в. н. э. и были ориентированы головами на север [Сымонович Э. А., 1955. С. 304. Рис. 16].

Большинство черняховских погребений индивидуальные. Однако еще В. В. Хвойка привел на одном из рисунков три положенных в ряд костяка из Черняхова [Петров В. П., 1964б. С. 66. Рис. 2], а С. С. Гамченко проследил у с. Данилова Балка погребение женщины с ребенком [Сымонович Э. А., 1952б. С. 66]. Новейшие раскопки подтвердили существование в могильниках культуры полей погребений коллективных, прежде всего парных, захоронений. В Журавке оказалось два женских погребения, положенных одно поверх другого, и разделенных лишь земляной подсыпкой. Г. Ф. Никитиной описано разрушенное погребение с тремя черепами в Романковцах [Никитина Г. Ф., 1975. С. 331]. В таких коллективных захоронениях находят, по-видимому, отражение кровнородственные связи погребенных. Известны в черняховской культуре погребальные сооружения, лишенные костяков,— кенотавы, которые сооружались в память умерших на стороне взрослых и детей, о чем можно судить по размерам могильных ям.

Во всех черняховских могильниках и в обеих группах погребений с трупоположениями решительный перевес имеют погребения, уложенные на спине в вытянутом положении. Из поддающихся учету трупоположений (включая частично поврежденные, но позу которых можно установить) больше 60% лежало с вытянутыми ногами и положенными вдоль тела руками. Отклонения относятся к погребениям с северной ориентировкой — не более 1% костяков было повернуто на живот и около 9% положено на бок. Нельзя признать характерными трупоположения со скрещенными в голенях и согнутыми в коленях ногами. При учете даже слегка согнутой в колене одной из ног и костяков в «скрещенном» положении таких захоронений насчитывается всего 66 (12%). Изредка наблюдаются некоторые отклонения от обычного в положении рук — они бывают сложены на груди и животе.

Определения первоначального положения костяков затруднены не только из-за смещения костей под давлением земли, но и из-за значительной доли специально поврежденных в верхней части скелетов, в частности обезглавленных, или совершенно разрушенных в древности погребений. Среди первой группы погребений с трупоположениями, ориентированными на север, разрушенные захоронения в разных могильниках (Ранжевое, Романковцы, Коблево) составляют от 25 до 100%. Во второй группе погребений, обращенных головами на запад, число разрушенных костяков гораздо меньше — от полного их отсутствия (овчарня совхоза «Приднепровский») до небольшой части всех вскрытых могил [Сымонович Э. А., 1960в. С. 207, 1963в. С. 41—60], хотя в целом среди этой группы разрушенных захоронений тоже довольно много — больше 30% [Никитина Г. Ф., 1985. С. 40]. В этой



связи коснемся так называемых захоронений черепов. О них первым сообщил В. В. Хвойка, и они были выделены в специальную группу Э. А. Рикманом после раскопок Будештского могильника [Рикман Э. А., 1967а. С. 82]. Кроме того, на поселениях по крайней мере трижды были вскрыты ямы с человеческими черепами, скорее всего связанные с культовыми обрядами (Викторова П., Отбедо-Васильевка, Ломоватое 2) [Сымонович Э. А., 1966а. С. 21—26]. И тем не менее, вопрос о существовании специального обряда погребения отсеченных голов нельзя считать решенным. Так, среди 16 захоронений человеческих черепов Будештского могильника большая часть принадлежала детям [Рикман Э. А., 1967а. С. 82, 83]. Между тем, хорошо известно по массовым раскопкам полное ислетивание в лесовос почвах младенческих и детских костяков, от которых нередко сохраняются лишь тончайшие кости черепа или коронки молочных зубов.

Как уже отмечалось, в группе погребений, ориентированных на север, инвентарь — сосуды, украшения, предметы личного обихода, орудия повседневного труда (ножи, пряслица, иглы, шила и т. п.) — обнаружен в большинстве (до 80%) захоронений, тогда как среди погребений с западной ориентировкой почти половину составляют безынвентарные. Наиболее часто встречаемая категория погребального инвентаря — керамика. Как показало сопоставление далеко расположенных друг от друга памятников, наблюдается удивительная стабильность предметов, в том числе и керамики, сопровождавших умерших. Но в расположении погребального инвентаря в могилах четкого стандарта нет. Можно только заметить, что при труположениях с северной ориентировкой глиняные сосуды расположены по несколько штук в головах, в ногах или с одного из боков покойника. В ямах с уступами сосуды бывают именно на этих уступах (Данилова Балка, Могилыны-Хмельник) [Каспарова К. В., Шукин М. Б., 1979. С. 153. Рис. 6]. На юге выкапывали специальную нишу с узкой стороны могилы, возле головы погребенного, куда ставили сосуды (Викторова, Фурмановка). Существенное различие между могилами с северной и западной ориентировками наблюдается в количестве и категориях сосудов. Первую группу погребений сопровождали почти все употребляемые черняховскими племенами категории сосудов (горшки для варки пищи, миски открытого и закрытого типов, кувшины и кружки, миски-вазы и часто положенные в них кубки, как сделанные из глины, так и привозные, изготовленные из стекла). Редко, преимущественно на юге и в Молдове, встречаются в погребениях амфоры и светильники, повторяющие античные образцы, а также другие сосуды античного происхождения, сделанные из красной глины или покрытые лаком. В противоположность этой группе лишь отдельные захоронения с костями, ориентированными на запад, имеют в заполнении ям сосуды. При этом все сосуды предназначались в основном для жидкости — вина или масла. Среди многочисленных безынвентарных погребений этой группы изредка встречаются костяки, сопровождаемые глиняным или стеклянным кубком, поставленным в головах (например, Ранжеево). Очень редко в эти могилы ставили два сосуда: один — для питья, другой —

обычно кувшин или амфора (Косаново, Викторова, Каборга IV) [Кравченко Н. М., 1967б. С. 94, 95; Сымонович Э. А., 1967а. С. 105—109. Рис. 29; Магомедов Б. В., 1979а. С. 34. 35. Табл. VII, 11]. В двух случаях известно приношение умершему светильников (Коблево, Каменка-Анчокрак) [Сымонович Э. А., 1979а. С. 68. Рис. 46; Магомедов Б. В., 1978. С. 90]. Некоторые сосуды (например, большие лифосообразные зерновки — хранилища запасов) совсем не было принято ставить в могилы).

Детали одежды и украшения — такие, как бусы, ведркообразные подвески, фибулы, пряжки — обычно находятся на тех местах, где их носили при жизни, т. е. на шее, плечах и поясе, а туалетные принадлежности, прежде всего гребни, лежат поблизости от головы. Магические предметы — морские раковины, подвески или костяные «пальцы Геракла» — видимо, носили на концах поясов: их находят между бедренными костями. Железные ножи часто клали на землю возле костей животных — остатков жертвенной пищи. В редких случаях украшения и магический инвентарь, раковины или мелкие камушки были положены в шкатулки или накрыты черепком (Коблево, Ромашки) [Сымонович Э. А., 1979а. С. 67, 81; 1979в. С. 161, 162]. Наибольшую группу вещей в могилах составляют фибулы, бусы, пряжки, костяные многочастные гребни, глиняные пряслица и ножи. В составе украшений почти полностью отсутствуют браслеты. Они найдены только в Криничках, Косанове и Чернево-Русском. Почти нет височных колец и перстней. Даже простые проволоочные серезки встречаются довольно редко, а небольшое количество бус не идет ни в какое сравнение с находками в сарматских и позднескифских могилах. Если не считать повсеместно употребляемых в быту железных ножей, брусков для их затачивания и глиняных пряслиц (иногда по два-три в одной могиле), а также железных и бронзовых игл, в могилы с труположениями класть орудия труда фактически было не принято, как не помещали обыкновенно в могилы с несожженными костями и оружие.

Помимо деталей одежды и немногих украшений, вместе со скелетами находят вещи ритуального назначения — разного рода подвески. В их числе просверленные кости животных и птиц или зубы животных со сверлинами, набор раковин (Ранжеево) и пр. [Сымонович Э. А., 1979а. С. 103, 108. Рис. 7]. Астралады мелкого рогатого скота в женском погребении из Малеаштского селения могли служить для игры [Федоров Г. Б., 1960а. С. 283, 290. Рис. 16, 4]. В отдельных случаях в могилы клали явно малобленные вещи умершего, о чем можно судить, например, по погребениям «игроков». Так, в одном из погребений могильника Переяслава-Хмельницкого найден набор белых и черных стеклянных фишек-жетонов [Гончаров В. К., Махно Е. В., 1957. С. 133—136. Табл. II, 1; Сымонович Э. А., 1964а. С. 307—312]. Для игры использовали и костяные кубки (Кантемировка, Кабарга IV) [Рудинский М. Я., 1930. С. 145. Табл. II, 11; Магомедов Б. В., 1979а. С. 52. Табл. XVIII, 4]. Встречаются женские погребения с пиндетами [Винокур И. С., 1979. С. 119—122. Рис. 16, 5]. Миниатюрные сосудики и вещи находят в погребениях младенцев. В мужских погребениях встречаются роскошно орнаментированные кубки.

Профессиональными признаками захороненных можно считать несколько сот черепков и кремневые ложила для придания браска глиняным сосудам, обнаруженные в могиле «гончара» в Косанове [Кравченко Н. М., 1967б. С. 89—92. Рис. 10]. Воин со шпора был положен в могиле в Рудке [Тиханова М. А., 1957. С. 191]. Земледелец был, вероятно, похоронен в Чернелове-Русском, где в могилу были положены четыре железные косы и девять серпов [Герета И. П., 1979. С. 90]. Бронзовый ланцетовидный нож в погребении «хирурга» в Коблеве и бронзовый медицинский пинцет из Ружичанки свидетельствуют о зачатках медицинских навыков в черняховском обществе [Сымонович Э. А., 1971в. С. 83—87; Винокур И. С., 1967а. С. 229, 230]. Иногда в могилу клали ключи и замки, служившие признаком развития частнособственных представлений (Ружичанка, Каборга и др.) [Винокур И. С., 1979. С. 117; Магомедов Б. В., 1979а. С. 45. Табл. XIII, 7].

В черняховских могилах крайне редки предметы из драгоценных металлов, в особенности из золота. Среди этих предметов — золотая монета из Черняховского могильника, случайная находка золотой ведрокобразной подвески, украшенной зернью, из Рыжевского могильника, такие же подвески из могильников Грушевцы и Данчаны [Хвойка В. В., 1901. С. 147. Рис. 27; Кропоткин В. В., 1967. С. 228; 1972а. С. 264—269]. Иногда встречаются предметы, изготовленные из сплава металла, биллона. Биллоновые изделия весьма широко распространены в областях Северного Причерноморья. По утверждениям специалистов, серебро, олово, цинк и свинец в черняховских сплавах меди принадлежат к категории искусственных примесей [Барцева Т. Б., Вознесенская Г. А., Черных Е. Н., 1972. С. 55]. Несмотря на тесные связи с античным миром, черняховские могилы очень редко попадали серебряные денарины II—III вв., и то превращенные нередко в предмет украшения благодаря просверленной в них дырочке и найденные среди бус на шее [Сымонович Э. А., 1952б. С. 66].

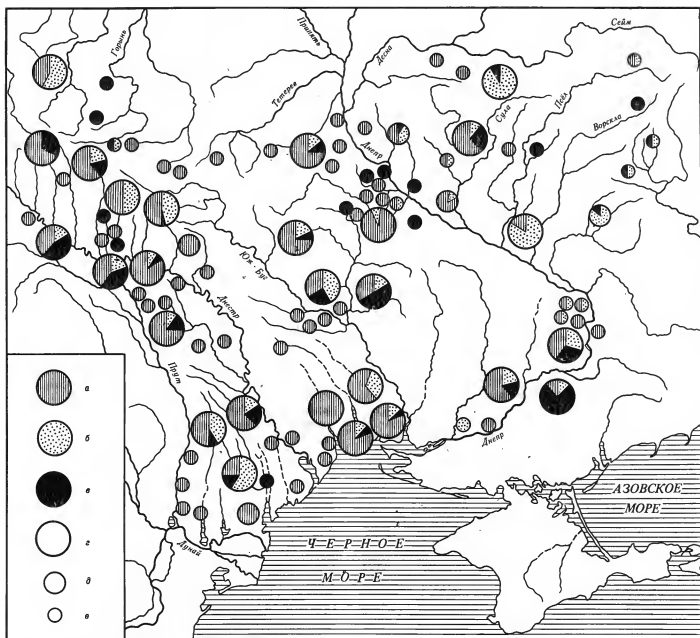
Вместе с погребенными в могилу часто помещали жертвенную пищу. Обычно сохраняются кости домашних, изредка диких (косуля, кабан, олень), животных, а также кости птиц и яичная скорлупа. Иногда в сосудах заметны следы органических остатков, возможно, от мучной или крупяной пищи [Сымонович Э. А., 1952б. С. 86].

Захоронения с сожжениями, хорошо исследованные и надежно зафиксированные, по количеству уступают труположениям (карта 26; табл. I; I I), хотя по наблюдениям В. П. Петрова около половины умерших подвергались кремации [Петров В. П., 1964б. С. 69]. Очень часто трупосожжения бываю потрогены или совершенно уничтожены в результате глубокой вспашки или при смыве верхних слоев распахиваемой почвы. Глубина залегания кремлеванных остатков редко достигает 0,8—1 м, обычно их находят на глубине 0,3—0,5 м. Вдобавок неглубокие могильные ямы, содержавшие трупосожжения, плохо прослеживаются в черноземе, а при сильном огне костра от умершего остается лишь ничтожная горсть косточек. Для черняховской культуры типичны «чистые» погребения, т. е. такие, где кальцинированные кости очищены от остатков кострища,

углей, золы. Погребения этого рода как мало эффективные при прежних раскопках фиксировались без учета деталей, как было, например, в начале раскопок Масловского могильника П. И. Смоличевым, который первоначально вообще пренебрег захоронениями с сожженными костями [Смоличев П. И., 1927. С. 154—166; Петров В. П., 1964а. С. 119]. Другая крайность состоит в том, что в двух-трех случайно попавших в слой могильника косточках видят следы захоронений, и тогда оказываются, что некоторые могильники Поднепровья (Новоселка, Писаревка, Переслав-Хмельницкий 2, Стецовка, Стулки, Сверликово, Компанийцы, Успенка) содержат тысячи трупосожжений [Махно Е. В., 1978. С. 94].

Трупосожжения производились на стороне, и в могильники приносили лишь их остатки в виде большего или меньшего количества пережженных косточек, обожженных вещей и иногда угля и золы. Остатки сожжения помещали обычно в небольшие круглые ямки, но их очертания плохо прослеживаются в темном почвенном слое, и о форме и размерах ям можно судить лишь по расположению костей и сопровождающего инвентаря. Иногда ямы перекрывались каменной плитой (Приольное, Августинówka) или вымосткой из камней (Косаново). В Завадовке над одним из сожжений отмечены следы шатрового перекрытия. Содержащаяся в трупосожжениях археологическая информация, естественно, уступает той, которую дают группы погребений с труположениями: уничтожение огнем останков умершего не дает возможности подробно охарактеризовать физический тип, пол и возраст человека, а остатки побывавшего в огне инвентаря иногда позволяют только догадываться о категориях и типах вещей, погребенных в могилу. В особенности огонь поражал столь важные для датировок стеклянные изделия, как кубки и бусы. От них в могилах сохраняются лишь ошавленные капли стекла. Сгорали дотла костяные гробы и раковины, остаются от них лишь металлургические скрепы или колючки для подшививания.

Среди погребений с сожженными скелетами В. Б. Хвойка предложил выделить два типа урновых и два типа безурновых погребений: кальцинированные кости и вещи в урне; кости в урне, инвентарь воме нее; кости в ямке, обставленные сосудами; кости в ямке без сосудов [Петров В. П., 1964б. С. 570]. Н. М. Кравченко наметила более дробное членение погребений с сожжением. В первом варианте своей типологии она выделила два отдела — урновых и безурновых погребений; затем в каждом из них в зависимости от положения урны (на боку, вверх дном) и наличия у нее крышки, а также по величине погребальных ям, расположению в них костей, наличию каменных вымосток и глиняных площадок выявила группы; окончательное определение типов она поставила в зависимость от наличия и характера инвентаря и керамики [Кравченко Н. М., 1970. С. 44—51]. Позднее Н. М. Кравченко на основу деления на группы положила отсутствие обрядового инвентаря (т. е. вещей, не связанных с одеждой покойного), наличие «приношений» и «тризны» и в каждой из групп выделила открытые и закрытые урны и ямы [Сымонович Э. А., Кравченко Н. М., 1983. С. 47—50]. На типологию Н. М. Кравченко как единственную специальную разработку по этому



вопросу часто ссылаются другие исследователи, и на ее основе иногда строятся далеко идущие выводы. Однако, если первый вариант типологии трупопожжений не был достаточно четким, и признаки, входящие в один типологический ряд, не были последовательными и взаимоисключающими (например, каменная вымостка может встречаться в урновых сожжениях, в ямах разной величины и т. п.), то в основу второго варианта были положены не совсем определенные признаки: очень трудно отличить личные вещи покойного от «приношений», а тем более выделить погребения с тризнами, наличие которых вообще пока не доказано. Кроме того, совсем не ясно, имели ли отличия в инвентаре то существенное значение, которое им придает исследовательница, делая на их основании выводы о происхождении типов погребального обряда черняховской культуры на основе зарубинецких, тето-дакийских и пшеворских традиций. Едва ли без учета других особен-

Карта 26. Распространение различных типов захоронений черняховской культуры (по Г. Ф. Никитиной)

а — безурновые захоронения; б — урновые погребения; в — трупопожжения; г — памятники с большим количеством погребений; д — памятники с небольшим количеством погребений; е — одиночные погребения

ностей обряда, типов вещей и керамики можно судить о зарубинецкой традиции для погребений в открытых урнах и ямах с «приношениями» или о пшеворских связях таких же погребений (в открытых урнах и ямах), но с «тризнами».

Наиболее детально и последовательно типология трупопожжений, подкрепленная статистическими данными, разработана Г. Ф. Никитиной. Она рассмотрела захоронения по двум основным группам — урновые и безурновые, и для каждой из них учитывала наличие или отсутствие остатков костра, каменных конструкций, местонахождение и состоя-

ние инвентаря (побывал в огне или нет), сопровождающих сосудов и черепков. Среди урновых трупосожжений выделены три типа: собственно урновые, в которых остатки кремации помещены в урну, урно-безурновые, когда остатки кремации находятся в урне и вне ее, и погребения во фрагменте сосуда. Учтены также положение урны, ее состояние и закрыта ли она крышкой. Для безурновых трупосожжений выделено два типа: помещение кальцинированных костей компактной кучкой или распродоточенным по относительно большой площади [Никитина Г. Ф., 1985. С. 60—77].

В черняховских могильниках иногда оказывается поровну урновых и безурновых захоронений, или одна из этих групп преобладает, но при общих подсчетах по всем могильникам, по данным Г. Ф. Никитиной, урновые погребения составляют 41,6% и безурновые — 58,4%. Большинство урновых и безурновых трупосожжений были без остатков костра и редко сопровождалась камнями (камень использован лишь в 5,3% захоронений), чаще в тех районах, где располагались большие запасы природного камня, — в Надпорожье и Причерноморье. Лишь в Оселивке камни довольно часты в погребениях — 48,5% [Никитина Г. Ф., 1985. С. 63].

В погребениях иногда помещались кости животных — мелкого рогатого скота и птицы, реже — крупного рогатого скота и рыбы. Кости бывают кальцинированы.

Урнами в большинстве погребений служили горшки и миски, в единичных случаях — деревянные шкатулки и ларцы (Косаново, Оселивка). В подавляющем большинстве случаев (около 80%) урны ставились на дно могильной ямы, нередко были перевернуты вверх дном или положены на бок. Урны обычно бывают раздавлены и часто собираются не полностью, что, возможно, связано с определенным ритуалом. Часть урн (43,1%) была накрыта черепком, целым сосудом, камнем или (в двух захоронениях могильника Малаешты) умбоилом щита. Урны, как правило, не сопровождали другие сосуды, но около них часто находят фрагменты разбитой посуды. Среди захоронений много (61,1%) безинвентарных, остальные сопровождают предметы одежды и туалета (часто побывавшими в огне или сломаанными), положенными внутрь урны или около нее. Только в урновых захоронениях встречается не типичное для черняховских могил оружие (наконечники копий и стрел, умбоны от щитов, ножи-кинжалы), иногда воткнутое в землю острым концом (Завадовка, Компанийцы, Косаново, Малаешты, Оселивка, Романювцы и др.).

В безурновых погребениях кальцинированные кости наиболее часто (92,3%) помещены компактной кучкой на дне ямы. Вопрос о послойных или распродоточенных по большой площади погребений, отмеченных в некоторых могильниках, пока неясен и требует дальнейших обоснований [Никитина Г. Ф., 1985. С. 72, 73]. Кости обычно ничем не покрыты, но иногда на них лежат черепки или перевернутые вверх дном миски и горшки. Сопровождающих сосудов чаще (88,7%) не бывает, хотя черепки разбитой посуды встречаются в 63,6% захоронений, но этот процент существенно колеблется в разных могильниках. Большинство погребений этой группы

не сопровождается инвентарем (62,9%), если же вещи присутствуют, то чаще всего они бывают поломаны и лежат среди кальцинированных костей.

Оба типа погребений — трупосожжения и ингумации — распространены по всей территории черняховской культуры и сопровождаются в основном одинаковыми формами посуды и однотипным набором вещей.

**КЕРАМИКА.** Создавшееся у первых исследователей представление о черняховской посуде как о сделанной исключительно с помощью гончарного круга, лощеной и богато орнаментированной, в настоящее время должно быть отвергнуто — на большинстве памятников встречаются как гончарные, так и лепные сосуды. Количественное соотношение той и другой керамики на поселениях различно, тогда как в могильниках обычно преобладает посуда, сделанная на круге. Разный процент лепной керамики на поселениях обусловлен рядом факторов, в числе которых имели значение близость к гончарным центрам и географическое расположение памятников, а также их хронология и, возможно, социально-политическая принадлежность жителей. По мнению В. Д. Барана, преобладание лепной посуды на поселениях, сочетающееся с полужемлячными жилищами, отражает этническую обособленность группы населения. Имеются селища, где лепная посуда составляет ничтожный процент, и такие, где ее насчитывается 30—50%. По подсчетам В. Д. Барана, в западных областях Украины на некоторых поселениях (Черепин, Бовшев II, Ракобуты, Г. пень II) было около 50% лепной посуды [Баран В. Д., 1969. С. 41, 42], а на поселениях Демьянов II ее доля доходила до 65% [Баран В. Д., 1981. С. 75]. Материалы из Поднепровья показывают, что даже близко расположенные памятники имеют одни до 50% лепной посуды (Ломоватое), другие — около 20% (Лески), а третьи — не более 5% (Червона Слобода); южнее, в Запорожской обл., в Грушевке, было 52% лепной керамики, а на поселениях Кут, расположенном на расстоянии до 2 км — около 9% [Симонович Э. А., 1967. С. 62—76; Симонович Е. О., 1969б. С. 137—148].

Как предполагают, происхождение гончарного круга следует связывать или с областями Причерноморья (М. А. Тиханова) или с землями, занятыми линийской культурой (Г. Диакону). Вполне возможно, что в изготовлении гончарной посуды использовались наваши, заимствованные еще от кельтов и проявившиеся в позднелепный период в результате своего рода «кельтского ренессанса» (М. Б. Шукли). В областях распространения культуры полей погребения на Украине и в Молдове насчитывается более 30 пунктов с гончарными печами, в которых обжигалась сделанная на круге посуда. Изучение гончарных черняховских мастерских, связанных с горнами, было проведено при раскопках в Журавке [Симонович Э. А., 1966а. С. 117—121]. Найденные там заготовки глиняного сырья и следы производства (табл. IIII) подверглись всестороннему изучению специалистами [Бобринский А. А., 1978. С. 35; Круг О. Ю., 1965. С. 269—277]. Открытие гончарных мастерских и горнов для обжига посуды несомненно указывает на ее местное производство.

Помимо техники изготовления, посуда подразделяется по внешним особенностям. Так, по харак-

теру обработки поверхности среди лепной посуды выделяется несколько групп: посуда с шероховатой поверхностью и выступающими на ней примесями; с нарочито ошершавленной поверхностью тулова и заглаженной верхней и нижней частями сосуда; с заглаженной поверхностью; менее многочисленна посуда с лощеной поверхностью. Для гончарных сосудов типичны незаглаженность круговых штрихов и щербин, образовавшихся при работе на гончарном круге в нижних частях сосудов, а также лощение поверхности.

Обе группы керамики — лепная и круговая — взаимосвязаны. Есть явные подражания и случаи воспроизводства в лепке посуды, сделанной на гончарном круге. В то же время гончары неизбежно должны были следовать традиционным формам лепной посуды. Вследствие этого многие формы лепной и круговой посуды оказываются близкими между собой, и некоторые исследователи считают возможным объединить в одной типологической схеме и лепную, и круговую керамику [Симонович С. О., 1981; 1983а, С. 39]. Предприняты попытки классификации отдельно лепной [Никитина Г. Ф., 1966] и гончарной [Магомедов Б. В., 1973; 1977] керамики. Все же приходится признать, что единой, детально разработанной типологии черняховской посуды пока нет, и это препятствует определению хронологии и выяснению локальных особенностей керамики.

Вся посуда по функциональным признакам делится на категории: горшки, корчаги и пифособразные сосуды, миски, кувшины, кружки, кубки и отдельные редкие формы. Самостоятельные категории составляют импортные светло- и красноглиняные сосуды и амфоры. Горшки — наиболее распространенная категория посуды. Они применялись как для приготовления пищи, так и в качестве ури или сопровождающих погребенного сосудов. Горшки лепились повсеместно вручную и в массовом количестве производились гончарами на круге. Наиболее характерной и широко распространенной формой лепных и круговых горшков можно считать сравнительно невысокие сосуды с округлым туловом, имеющим более или менее выделенные плечики и расширение в верхней трети или посредине высоты (табл. LIV; LV). Венчики у таких горшков бывают невыделенными и загнутыми внутрь сосуда, иногда почти вертикальными, а чаще отогнутыми наружу или раструбовидными. Орнаментированы горшки довольно бедно: горизонтальными линиями или валиками. Лепные горшки изредка покрыты защипами по всему тулову. Менее распространены низкие горшки с более или менее выраженным переделом тулова, называемые биконическими (табл. LV, 7). Наибольшее расширение тулова этих сосудов чаще приходится на середину высоты и реже бывает расположено в верхней части сосуда. Венчики, как правило, отогнуты наружу. Обобщенная характеристика этих двух ведущих форм горшков, конечно, не охватывает всего их разнообразия и массы разновидностей и деталей, выделение которых необходимо для решения многих вопросов, связанных с происхождением и датировкой черняховской культуры.

Корчаги и пифособразные сосуды типичны только для селищ. Они предназначались для хранения запасов, почему такого рода сосуды иногда назы-

вают «зерновиками». Назначение обуславливало большие размеры, и высота этих сосудов достигает иногда 1 м. Пифособразные сосуды обычно имеют широкий горизонтальный край, эллипсоидное тулово большей или меньшей объемности, сужающееся книзу (табл. LVI). Они были сделаны на круге из грубой глины и иногда украшены по плечикам или по краю валика вдавлениями, врезанными волнистыми линиями. Известны также обломки больших лепных слабопрофилированных сосудов, по-видимому, изготовленных для тех же целей. Это обломки горшков-хранилищ с валиком под слегка отогнутым краем или же типа находок из Бовшева II (табл. LVI, 5), явно подражающих сделанным на круге сосудам [Баран В. Д., 1981. С. 186]. Орнаментация и формы круговых пифособразных сосудов, одинаковые в ряде случаев на больших территориях бассейнов Южного Буга, Днестра и Днепра, заставляют предполагать существование определенных гончарных центров, специализировавшихся на их изготовлении [Симонович Э. А., 1956а, С. 262—270].

На втором месте по распространенности в черняховских комплексах стоят миски. Иногда они лепились от руки, но чаще изготавливались на гончарном круге. Миски были не только принадлежностью домашнего хозяйства, но и сопровождающим умерших инвентарем. В могилах миски использовались в качестве ури, их покрышек и просто столовой посуды, возможно, поставленной с пищей. Обычные миски средних размеров — диаметр края 15—25 см, высота 7—15 см. В серии не столь многочисленных лепных мисок, не являющихся простым повторением гончарных форм, есть усеченноконические миски с полого расширяющимися стенками и выделенным поддоном, среди которых бывают глубокие и мелкие, служившие, возможно, крышками. Немногочисленные глубокие биконические слабопрофилированные миски и широко открытые, тоже слабопрофилированные, тарелкообразные миски с округлыми или угловатыми плечиками. Иногда миски снабжены выступами-щипчиками и ручками-ушками (табл. LVII, 6—8). Основная масса сделанных на круге мисок разделяется на открытые, закрытые, глубокие и низкие. По форме выделяются миски полусферические и тарелкообразные открытого типа, другую группу составляют биконические острореберные более или менее глубокие и призматические (табл. LVII, LVIII). Миски, как правило, имеют выделенные или кольцевые поддоны. Гладкостенные и лощеные сосуды этого рода, в особенности биконической формы, бывают разнообразно и богато орнаментированы. Верхнюю часть тулова часто украшают горизонтальные валики, желобки, пунктирные и штампованные узоры, заштрихованные треугольники, зигзаги. По грани перегиба тулова — овалы срезы и косые каннелюры.

Особое место в описываемой категории посуды занимают миски-вазы больших размеров, чаще всего сделанные на гончарном круге. Они снабжены тремя ручками или псевдоушками Х-образной формы. Тулово их биконическое, с острым или сглаженным ребром и обычно широким горизонтальным венчиком, Т-образным в сечении. Вазы имели кольцевые поддоны (табл. LIX; LX, 8). В некоторых случаях такие сосуды близки обыкновенным мискам, лишненным

ручек. Может быть, миски-вазы играли роль кратеров, предназначенных для смешения воды и вина по античным рецептам. Орнаментация ваз имеет сложный символический характер. Их находят в могилах, при этом внутри миски-вазы довольно часто лежит тоже сложно орнаментированный кубок, явно ритуального назначения. На Лепесовском поселении уникальные по форме и орнаментации миски-вазы были найдены в основании очага-жертвенника [Тиханова М. А., 1960. С. 94, 95. Рис. 40]. Вазам и гончарным мискам подражали в технике ручной лепки по форме и орнаментации.

Наряду с общепотребительными в черняховской культуре мисками встречаются редкие формы сосудов — например, миски-цедилки со сквозными отверстиями в дне, предназначенные для приготовления творога. Выделяется своеобразная разновидность гончарных сосудов, близких по форме к глубоким мискам. Для них характерны максимальное расширение и биконический перегиб в нижней части тулова. Сосуды обычно лощеные, покрыты горизонтальными валиками или рифлением и украшены зигзаговидными или волнистыми продолженными линиями.

Серия кувшинов, предназначенных для жидкостей, по численности уступает мискам, а вылепленные из руки кувшины вообще представлены единичными экземплярами. Последние обычно подражают сосудам, сделанным на круге. Встречаются кувшины и на поселениях, и в могилах. Почти каждый сосуд имеет специфические черты. Я. Тейрал и Б. В. Магомедов попытались определить истоки и выяснить происхождение некоторых типов этих посуды [Teiral J., 1972. С. 87—102; Магомедов Б. В., 1973. С. 80—87]. В типологическом отношении выделяют кувшины, лишенные ручек, одноручные (численно преобладают) и двуручные. Кроме ручек, при подразделении кувшинов учитывается высота горла, от почти невыделенного иногда до весьма длинного и узкого, а также объем и форма тулова — от шаровидного до резко биконического (табл. LXI). Согласно типологии кувшинов, разработанной Б. В. Магомедовым, выделяют типы, характерные для двух больших зон: в первой из них, охватывающей Среднее Поднепровье, Надпорожье и Подолу, распространены преимущественно биконические формы кувшинов; во второй, занимающей земли Западной Украины и Молдовы, преобладают кувшины с округлым туловом [Магомедов Б. В., 1973. С. 84]. Удивительна изобретательность гончаров, варьиовавших формы кувшинов и наносивших на них узоры (табл. LXI). Лощеная и пластичная орнаментация, применение штампа и зубчатого колесика создавали нарядный декор. Установлено символическое значение некоторых орнаментальных сюжетов. Б. А. Рыбаков выявил календарные знаки на кувшине из Ромашек и кувшине из Малаешт [Рыбаков Б. А., 1962. С. 72—74].

Призмистые одноручные кувшины были переходной формой к кружкообразным сосудам, которые представлены двумя основными разновидностями, очевидно, имевшими разные истоки. Одни, преимущественно вылепленные от руки, часто с сильно выступающей ручкой, имеют северное происхождение; другие, как правило гончарные, встречаются

на южных черняховских памятниках и восходят к сарматской керамике, но без зооморфных мотивов в деталях оформления [Скалон К. М., 1941. С. 173—218; Виноградов В. Б., 1961. С. 36—46]. Не исключено, что некоторые лепные кружкообразные сосуды воспроизводят в глине ковши, вырезанные из дерева. Гончарные кружки находят истоки в областях сармато-меотского Кавказа [Симонович Э. А., 1955. С. 312; Корпусова В. М., 1973. С. 35—37. Рис. 57]. Известны большие сосуды этого рода, например, урна одного из погребений могильника у овчарни совхоза «Приднепровский» — диаметр ее края 27 см [Симонович Э. А., 1955. С. 297. Рис. 12, 17].

Кубки, очевидно, были гордостью их владельцев, о чем свидетельствуют разнообразие их типов и изощренность орнамента. По форме они в основном следовали античным глиняным и стеклянным сосудам, напоминали то мегарские чаши, то стаканообразные или призмистые полусферические чаши (табл. LXIII). Их использовали не только для питья, но с ними были сопряжены и какие-то магические действия. Об этом можно судить по частым находкам их в сакральных мисках-вазах и по солитарной орнаментации. Кубки делили от руки и делали на гончарном круге. Иногда не только воспроизводили формы античных сосудов, но и подражали их орнаментации шлифованными плоскостями, делали напелы, как на стеклянных сосудах с синими «глазками», наносили рифление и т. п. [Симонович Э. А., 1978б. С. 180—182. Рис. 2, 3, 7]. Кубки изготавливали из особо тонкой глины, цвет их чаще всего был черным или серым, реже коричневатым. У некоторых экземпляров толщина стенок достигала 2—3 мм. Маленькое донце подобных неустойчивых сосудов свидетельствует о хранении их на столах или полках в перевернутом виде, что делало доступными для обозрения покрывавшие их узоры.

Известен еще целый ряд редких сосудов. Их формы разнообразны: сковородки из грубой глины, флаги, прихотливые столовые сосуды — например, сделанная на круге биконическая миска, установленная на высоком полом коническом поддоне, найденная в Заячье [Хавлюк П. И., 1974а. С. 63. Рис. 1, 7]; зооморфный наконец глиняного водела в виде головы барана с инкрустацией на месте глаз, происходивший из Лепесовки [Тиханова М. А., 1964. С. 53. Рис. 19, 9]; лепные подражания античным светильникам, как в Гурбинцах [Симонович Э. А., 1979б. С. 68] и Каменке-Анчопрак [Магомедов Б. В., 1978. С. 89, 90]. Можно отметить такие уникальные сосуды, как кубки в виде саложок из могильника Каборга IV (табл. LX, 2) [Магомедов Б. В., 1979а. Табл. III, 12].

Многие категории черняховской посуды, особенно круговой, богато и разнообразно орнаментированы, что в древности имело не только декоративное, но и смысловое значение [Симонович Э. А., 1964б. С. 270, 271]. Наиболее часто орнаментировались миски различных типов, почти все кувшины и кубки, значительно реже — горшки. В целом оказывается, что орнаментированная посуда составляет около четвертой части всей найденной. По технике выполнения выделяется несколько групп орнамента. Орнаменты часто состоят из вдавленных и процерченных линий, в том числе и желобков, идущих го-

ризонально по тулову сосудов, чаще всего серых гончарных горшков. Горизонтальные линии обычно сочетаются с волнистыми, иногда те и другие проведены многорядной гребенкой, что особенно характерно для зерновиков. Вдавления и насечки были излюбленным способом орнаментации, особенно лепных горшков, у которых все тулово бывает покрыто беспорядочными вдавлениями пальцев или ногтей. К пластичным орнаментам относятся выпуклые узоры. Это всевозможные уступы, валики, рифление, идущие часто несколькими параллельными рядами кругом тулова сосуда и ограничивающие зоны орнамента других видов. Валики бывают покрыты наколами, вдавлениями, срезами. Поверхность кубков и кувшинов иногда расчленена вертикальными валиками, что напоминает напаянные нити на стеклянных сосудах.

Особую группу составляют пролощенные орнаменты. Сплошное лощение всей поверхности сосудов довольно редко и характерно только для некоторых кубков, богато ornamentированных штампованными узорами. Чаще встречаются залощенные полосы, покрывающие весь сосуд или чередующиеся с матовыми участками. Лощенные линии бывают расположены зигзагом, в один или несколько рядов опоясывающим сосуд, или заполняют площадь прочерченных треугольников, что обычно наблюдается на поверхности мисок и кувшинов. Широко распространены сетчатый орнамент из пролощенных линий, а также узор из наклонных параллельных линий, иногда образующих елочку. Встречаются залощенные круги и овалы, образующие вмятины на поверхности мисок, кувшинов и кубков, что, возможно, воспроизводит орнаментацию стеклянных сосудов.

Следующую группу составляют чеканно-штампованные орнаменты, встречающиеся на мисках, кувшинах и кубках. В эту группу входят чеканные орнаменты, сделанные наколами гребенки и зубчатого колесика и обычно сочетающиеся с другими видами орнаментации. Штампованные углубленные орнаменты имеют вид розеток или концентрических кружков, иногда треугольную и полулунную формы. Встречается обработка поверхности сосудов в виде каннелюр, овальных срезов по изгибу тулова. Следует обратить внимание на очень редкие способы оформления, когда в дне лепных сосудов были вмазаны стеклышки (Рыжевка) [Сымонович Э. А., 1962а. С. 69—72. Рис. 15, 1, 2], или немногочисленные примеры изображений животных и птиц (Ромашки, Каборга IV, Ромаш, Черепин и др.) [Сымонович Э. О., 1983а].

Основные группы орнаментации распространены по всей черняховской территории. Можно отметить, что для западных областей более характерен узор из многорядной волны и овальных углублений на кубках, тогда как в Надпорожье и на степных памятниках чаще встречается зигзаг из гирлянд [Сымонович Э. А., 1964б. С. 336].

**ВЕЩЕВЫЕ НАХОДКИ.** Категории вещей, найденных на памятниках черняховской культуры, многочисленны и разнообразны. Они представлены металлическими, костяными, глиняными, деревянными, каменными предметами и изделиями из некоторых других материалов. Многие вещи производились

на месте, но такие предметы, как бусы, морские раковины-подвески, стеклянные игрально-счетные жетоны, монеты и пр., попадали на черняховскую территорию в результате торговли.

В черняховской культуре довольно широко распространены застёжки-фибулы. Обычно их находят в могилах, на плечах погребенного. Две фибулы, скреплявшие плащ, по-видимому, можно считать этнографической особенностью костюма черняховского населения. Фибулы изготовлялись главным образом из бронзы, в некоторых случаях — из серебра и железа.

Наиболее часто встречаются прогнутые подвязные фибулы двучленной конструкции (табл. LXIV). Они составляют одну из наиболее массовых категорий инвентаря и весьма характерны для черняховской культуры. Эти фибулы имеют колечко или дуговидно изогнутый корпус, длинную или короткую пружину, которая иногда бывает надставлена, нижнюю или верхнюю тетиву. Корпус прогнутых подвязных фибул изготовляли из массивного, иногда уплощенного стержня, либо из пластичного. В большинстве случаев корпус бывает факетирован. Другие декоративные детали (наборы зеренных колец, кнопка на головке) встречаются значительно реже. Разные варианты прогнутых подвязных фибул бывали практически на всем протяжении черняховской культуры — от конца II или начала III до первой половины V в. [Амброз А. К., 1966. С. 61, 62].

Довольно часто на памятниках черняховской культуры встречаются и двучленные «воинские» фибулы. По большинству элементов конструкции они подобны прогнутым подвязным. Отличие заключается лишь в форме приемника — у «воинских» он сплошной, а не подвязной. Датируются эти фибулы в черняховской культуре в основном IV в. н. э.

Остальные типы фибул, представленных на памятниках черняховской культуры, значительно более редки и распространены, как правило, в пределах отдельных регионов. Это относится прежде всего к так называемым *Bügelknopffibeln* (с кнопкой на дужке или Т-образные) с массивной дуговидной спинкой, сплошным приемником, кнопкой на головке. Варианты, распространенные в черняховской культуре, снабжены двучленной пружинкой. Датируются они в основном поздним временем — IV — началом V в.

К этому же периоду принадлежат двупластинчатые фибулы, основными признаками которых являются два плоских щитка, соединенных массивной дуговидной спинкой, и сплошной приемник. Головка часто украшена кнопкой (табл. LXV). Двупластинчатые фибулы изготовлялись в основном из серебра. На черняховских памятниках Поднепровья встречаются двучленные фибулы с очень высоким приемником. Они довольно разнообразны по деталям декора, часто бывают украшены проволочными кольцами, как одинарными, так и целым их набором. Известны и другие декоративные детали (например, накладные диски), которыми снабжены фибулы так называемого чудовищного варианта (Моисруж), бытовавшие со второй половины II в. н. э. до середины III в. н. э.

Пряжки — довольно частая находка в черняхов-

ских захоронениях. В большинстве своем они изготовлены из бронзы, реже — из железа. Конструкция их проста: они состоят из литой рамки и язычка, иногда снабжены обоймой из кованой пластины (табл. LXVI). К одному из наиболее распространенных типов относятся пряжки с округлой тонкой рамкой. Язычки этих пряжек пластинчатые. Часто встречаются пряжки с удлиненно-овальной рамкой и калачиковидные с хоботовидным язычком. Последние характеризуются массивной, сильно утопленной передней частью рамки. К редким типам принадлежат железные квадратные пряжки, пряжки в виде буквы D, в виде спаренных овалов, типа Омега. Уникальной находкой остается восьмериковидная железная пряжка из Данчен.

Бусы изготовлялись из разных материалов, но находки бус на черняховских памятниках не столь обильны, как у античного, позднескифского и сарматского населения. Нет такого великого разнообразия типов бус и нет соответствующего набора камней и минералов, из которых их делали. Нехарактерно использование для изготовления черняховских бус халцедона, гагата, кораллов и прочего подобного сырья, употреблявшегося у других племен Причерноморья. По материалу бусы делятся на несколько групп. В большом количестве встречаются бусы, сделанные из стеклянной пасты, стекла, глины и мергеля, кости и бронзы. Сюда входят сложно орнаментированные мозаичные, глазчатые, пятнистые, полосчатые и другие бусы, среди них есть рельефно украшенные огранкой, рифлением и насечками рубчатые бусы и проианки (табл. LXVII). Излюбленными цветами бус были зеленые, синие, хотя попадаются также бусины черные, красные, белые и золотистые. На темные бусы-проианки наносили белые и желтые спиральные и зигзагообразные полосы. Кроме округло-уплощенных и шарообразных бус из цветного стекла делались небольшие кубические 14-гранные бусины. К редким бусам, изготовленным из египетского фаянса, относятся находки изделий с рубчатой поверхностью из Ружичанки, уникальная находка обломка биноклевидной бусы-подвески из Косанова. В исключительных случаях встречается соединение стеклянной бусы-подвески с металлическим стержнем для подвешивания (Журавка).

Можно отметить несколько случаев воспроизведения в стекле изображений котля или зуба животного (Черняхово, Коблево). Амulette-подвески из костей и зубов животных служили в черняховской культуре весьма популярными оберегами. Из кости вытачивали неправильно округло-уплощенные бусины (Лохвядский могильник). В составе некоторых ожерелий были, как это практиковалось и у поздних скифов, миниатюрные бронзовые колечки из проволоки с неспаянными концами. Среди бус встречаются изготовленные из цветных металлов лунцины-подвески, монеты с просверленным отверстием (Данилова Балка) или припаянным ушком, а также воспроизводящие их кружочки (Журавка).

Серия янтарных изделий не особенно велика, и формы бус довольно примитивны. Бусины редко достигали больших размеров, и ни разу пока не была найдена целая низка янтарных бус. Некоторые бусы близки по размерам и форме стеклянным

игрально-счетным жетонам — округлым, с одной стороны плоским и слегка выпуклым — с другой, которые много раз встречены на черняховских памятниках. Известны янтарные «грибообразные» бусы-подвески. Для изготовления бус использовали полудрагоценные камни. Из коричневого сердолика сделаны прямоугольные уплощенные, иногда граненные бусы, чаще всего попадаются призматические 14-гранные, квадратные и вытянутые. Были в употреблении и неправильно шарообразные бусы, имеющие форму дичи. Кроме женских погребений с трупоположениями, сердоликовые бусы обнаруживают и среди остатков трупоожжений, где бусы приобретают от дополнительного обжига белый или чуть розовый цвет, становятся хрупкими, и их поверхность часто покрыта трещинками. Ожерелье, целиком состоящее из сердоликовых бус, было редкостью. Низка сердоликовых бус в случайно открытой могиле из Самородни остается уникальной. Бусы из горючего хрусталя, небольшие неровно округлые, редко встречаются в могилах культуры полей погребений. Появившаяся в начале эпохи Великого переселения народов мода на использование красных камней (гранаты, рубины), связываемая с распространением алано-готского стиля, на памятниках черняховской культуры не прослеживается.

Особую серию составляют находки предметов, служивших магическим целям или использовавшихся для игры. Так, для игр употреблялись вырезанные из кости кубики (Кантемировка, Каборга IV, Данчаны) [Рудинский М. Я., 1930. С. 145. Табл. II, 5; Магомедов Б. В., 1979а. С. 52. Табл. XVIII, 4; Рафалович И. А., 1986. Табл. XLVI, 5]. Беспринципная связана с магией серия костяных подвесок. Среди них наиболее часты четырехгранные удлиненно-пирамидальные поделки, украшенные по границам кульчатыми кружочками, так называемые палицы Геракла. Подвески-обереги вместе с просверленными для подвешивания морскими раковинами часто находятся в погребениях около бедерных костей: по-видимому, их прикрепляли к свисающим концам пояса. Широко представлена группа подвесок из идьков животных или просверленных костей лисиц, куниц, бобров. В одном случае подвеской-амулетом служила петушиная нога со шпорой (Журавка). В Привольном явден обегер или талисман из клыка дикого животного, заключенный в бронзовую оправу [Кухаренко Ю. В., 1955. С. 137. Табл. II, 20]. Заслуживают внимания кольца из Журавского, Коблевского и Данченского могильников, выпиленные из оснований рогов оленей и, по всей видимости, входившие в состав магического инвентаря [Сымонович Э. А., 1979а. С. 80. Рис. 12; 14; Рафалович И. А., 1986. Табл. XXXIX, 3]. Найдена пластинка из кости в виде птицы (Слободиче) [Винокур I. С., 19606. С. 86. Табл. XI, 1].

Игрушками, а может быть, предметами для гадания служили астрагалы мелкого и крупного рогатого скота. Их находят часто в детских и женских (Малаешты) могилах и на поселениях. Большое скопление астрагалов оказалось в одной из ям причерноморского поселения в с. Тилигуло-Бережанка. Там находилось 21 «бабка» крупного рогатого скота и 11 лошадиных. Зафиксировано использование в магических целях небольших камешков непра-



вильной формы. Впервые они были замечены в Масловском могильнике, а затем подобные наборы камней встретились в погребениях в Ромашках и Коблеве [Петров В. П., 1964а. С. 142—144; Симонович Э. А., 1979а. С. 162, 163. Рис. 6, 15, 16; 1979в. С. 67. Рис. 3, 23, 24]. На поселениях попадаются глиняные кружки, выглаженные из черепков разбитых сосудов, с краями, заглаженными и сточенными не всегда ровно по кругу [Симонович Э. А., 1964а. С. 310. Рис. 2, 7—4]. Их обычно считают заготовками для прислиц, но не исключено, что их использовали в качестве фишек для настольных игр, распространенных в римское время у многих периферийных народов Империи.

Непонятны остаются изделия из глины в виде призматических или цилиндрических предметов, лишенных отверстий (Кут, Журавка) [Симонович Э. А., 1967г. С. 63. Рис. 1, 9, 10]. С каким-то ритуалом земледельцев были связаны найденные на водных поселениях глиняные «хлебцы», иногда украшенные по выпуклой стороне пересекающимися линиями [Винокур И. С., 1960а. С. 109, 110]. Упоминание также глиняную схематически трактованную антропоморфную статушку из причерноморского могильника Фрунзика [Кравченко А. А., 1967. С. 161. Рис. 1, 1], глиняные поперечники биконической формы, одна из которых (Рыжевка) покрыта орнаментом [Кропоткин В. В., 1966. С. 138].

К бытовым предметам относятся односторонние многочастные гребни — одна из самых распространенных и характерных находок черняховского времени (табл. LXVIII). Гребни сделаны из тончайших (около 1 мм) пластинок-накладок, соединенных бронзовыми и железными закрепами или миниатюрными трубочками. Гребни различают и классифицируют по формам их спинки, которые бывают полукруглыми, треугольными с одним или двумя выступами. Иногда наружные пластинки гребешков украшает орнамент в виде простых циркулярных концентрических кружков и их сочетаний или сложных композиций, выполненных зубчатом колесиком, как, например, на гребне из могильника у овчарни совхоза «Приднепровский» [Симонович Э. А., 1955. С. 300. Рис. 16, 7А, Б], или зооморфных сюжетов, как на поселении в Ромаше [Кропоткин В. В., 1974а. С. 295]. Только на ранних черняховских памятниках, наподобие Ружичанки и Лепесовки, встречены одночастные костяные гребни [Винокур И. С., 1979. С. 117. Рис. 6, 5; Тиханова М. А., 1963. С. 188. Рис. 7]. Типология костяных гребней разработана С. Томас [Thomas S., 1960. S. 54—216] и Г. Ф. Никитиной [Никитина Г. Ф., 1969. С. 152].

Орудия труда представлены прежде всего довольно разнообразным сельскохозяйственным инвентарем. В 10 пунктах найдены железные узколезвийные наральники, у которых ширина втулки и лопасти одинакова (табл. LXIX). Железное чересло происходит из поселения Рипнев II и является пока единственной документированной находкой, так как наральники из с. Коровичи Сумской обл. и с. Гринивцы Тернопольской обл. недостаточно надежно связаны с черняховским слоем. Сравнительно многочисленны находки серпов, имеющих слабоизогнутое лезвие, крючок или черешок для прикрепления рукоятки (табл. LXIX).

Орудиями для обработки дерева служили топоры, найденные всего в трех пунктах (Будешты, Сахновка, Бовшев II); долота с четырехугольным обухом и клиновидным острием, известные также из трех пунктов; тесло с клиновидным лезвием и четырехугольной втулкой из поселения Рипнев II; сверла, обнаруженные на шести поселениях; скобели с дуговидным лезвием и отогнутыми черешками, происходящие из нескольких поселений; уникальный железный резец от токарного станка (Бовшев II). На поселении Лука-Врублевская найден обломок пилы (об использовании пил свидетельствуют следы спилов на юстях и рогах). Универсальным орудием служили широко представленные почти на всех памятниках железные ножи. Они имели дуговидную спинку и плавный или (чаще) сделанный в виде уступов переход к черенку. Средние размеры ножей 5—7 см, но иногда их длина достигает 12—14 см. В домашнем быту широко применялись железные шилья и иглы, иногда сделанные из бронзы, пружинные ножицы, ключи, кресала, замки, металлические гребни (табл. LXX). Для специальных, возможно медицинских, целей служили миниатюрные бронзовые ножи и пинцеты.

Широко применялись орудия труда, изготовленные из кости. Наиболее распространенными были предметы типа «тупиков», сделанные из ребер крупного рогатого скота и предназначавшиеся для соскабливания мездры при обработке шкур. Из таранных костей лошадей делали заполнированные с одной стороны орудия, служившие ложилами для кож и разглаживания тканей и называемые «коньками» [Симонович Э. А., 1971а. С. 85. Рис. 1, 2, 5, 8; Винокур И. С., 1967а. С. 229]. Возможно применение «коньков» и для катания по льду, так как часть из них имеет заостренный и загнутый вверх конец (Лески) [Смиленко А. Т., Брайчевский М. Ю., 1967. С. 57]. Костяные иглы и проколки также обычны на черняховских поселениях. Повсеместно находят на поселениях обоюдоострые веретенообразные, хорошо заполнированные стержни длиной 10—12 см. На поселениях и в могильниках встречаются полые костяные трубочки — игольники (длина от 3—4 до 15 см). Иногда в них сохраняются остатки железных и бронзовых шпилец и игловок. В погребении «водья» (5) у овчарни совхоза «Приднепровский» такой футляр с шильцем обнаружили на груди умершего, где он скорее всего был пришит к одежде [Симонович Э. А., 1955. С. 300. Рис. 14, 5].

Подвешивающее большинство глиняных предметов в черняховской культуре, исключая посуду, связано с приданием и ткачеством. Из глины лепили многообразные прислицы для веретен (табл. LXXI) и формовали разного размера грузила конической и пирамидальной формы, снабженные сквозными отверстиями для подвешивания. Последние предназначались для вертикальных ткацких станков. Высота грузил обычно около 15 см, но есть и более крупные. Такие грузила находят на поселениях нередко в скоплениях, по несколько штук. Кроме того, известны грузила в виде бублика или овальные в плане, с перехватом посередине [Симонович Э. А., 1967б. С. 9. Рис. 3, 5, 6]. Глиняные прислицы были по преимуществу биконическими и округло биконическими. Иногда их делали из стенок сосудов. Поразительно разнообразна их орнаментация [Рикман Э. А., 1971б. С. 12-14]. Она в

значительной степени идентична узорам на гончарной посуде. На прислицах применялись дополнительные профилировка в виде овальных срезов по грани или косое рифление, врезанные зигзаги, в том числе выполненные отпечатками палочки, обернутой шнурком (гусеничный орнамент), наносились циркулярные кружки и т. д.

На поселениях обычно находки точильных брусков из песчаника. Бруски, как правило, четырехгранной формы, на их поверхности иногда видны штрихи и желобки — следы затачивания острых предметов. В Викторове обнаружены каменные грузила для рыболовных сетей. Применялись якоря из камня, сделанные по античным образцам, о чем можно судить по находкам на Киселевском поселении и в могиле моряка или рыбака, открытой в Ранжевом [Раевский К. А., 1955. С. 251. Рис. 1, 9; Симонович Э. А., 1967а. С. 227. Рис. 14]. Известны орудия труда гончаров — камень для дробления и растирания породы и кремневые лопатки. Они происходят из гончарной мастерской в Журавке, из культурного слоя в Тилигуло-Березанке и из погребения древнего горшечника в могильнике Косаново [Симонович Э. А., 1966а. С. 119, 120. Рис. 48, 1, 2, 4, 5; 1967а. С. 230, 231; Кравченко Н. М., 1967б. С. 92. Рис. 10]. На Тилигуло-Березанском поселении найден овальный каменный предмет, треугольный в сечении, с одной стороны гладкий, с другой — снабженный выступом в виде угловатого ребра. Он, по-видимому, служил утюгом (табл. LXVIII).

Широкое распространение получили вращающиеся жернова, изготовленные из крепкого известняка, гранита, сланца или вулканического туфа. Ротационные жернова появляются уже в эпоху Латена [Godowski K. 1981. S. 73, 74], а в римское время создаются первые водяные мельницы. Естественно, что народы, жившие по соседству с Империей, перенимали достижения античной цивилизации, создавая ручные мельницы по имеющимся уже образцам. Выделяются два основных типа ручных мельниц. Ротационная мельница состоит из двух типов жерновов: нижнего (постав, или нижник) и верхнего (верховод, бегун, или вышник). В отверстие нижнего жернова клинья наглухо закрепляется стержень, называемый веретеном, острое которого упирается в поперечину, вставленную в отверстие верхника. В качестве примера мельницы такого рода на черняховских поселениях может быть приведена находка в Журавке двух мельничных камней, лежавших один на другом. Оба жернова имели диаметр чуть более 0,45 м и круглые сквозные отверстия диаметром около 6 см. Нижний жернов был более массивным. По-видимому, близким журавскому типу устройство ручной мельницы в одном из жилищ Будештского селища, где найден нижний жернов со «штырем», на котором крепился верхний камень [Рикман Э. А., 1975в. С. 139]. При другом устройстве ручной мельницы стержень-веретено закреплялся в верхнем жернове и вращался вместе с ним. Соответственно нижний жернов не имел сквозного отверстия, а только ямку, в которую упирался конец веретена. Так были устроены жернова в Синицковке-Сабатиновке, Иванковцах и т. д. Последняя конструкция связана с кельтской традицией, а первая восходит к позднеримским устройствам. Имеется много вариантов ручных мельниц с вогнуто-выпуклыми жер-

новами и различным способом прикрепления ручки. Так, в одной из построек молдавского селища Кобука-Беке нашли массивный верхний жернов с двумя врезами на противоположных сторонах и с выступом для закрепления деревянной ручки на третьей стороне [Рикман Э. А., Сергеев Г. П., 1964. С. 229, 230. Рис. 1; Рикман Э. А., 1975в. С. 137—139]. На некоторых селищах продолжали использовать зернотерки, как это отмечают Ю. В. Кухаренко для Привольного и В. Д. Баран для западноукраинских черняховских селищ [Баран В. Д., 1981. С. 123]. В Молдове употребление зернотерки, видимо, было уже полностью изжито [Рикман Э. А., 1975в. С. 137].

Предметы из дерева, как правило, не сохраняются на черняховских памятниках. Прослеживаются лишь угли и, как исключение, остатки обгорелых изделий, прилипшие остатки дерева на железных предметах, металлические обкладки деревянных ларцов. Для устройства могильных камер использовались грубые доски и плахи. Изготавливали средней толщины доски для деревянных ведер, бочек, судя по их остаткам в Компанийцах, Пряжеве, Куте и Ранжевом и т. п., и тончайшие дощечки для деревянных шкатулок. В Лесках найдено долбленое деревянное корыто [Брайчевская А. Т., Брайчевский М. Ю., 1959. С. 52]. Вытачивали тонкие веретена, на которые надевались глиняные прислица. Многочисленны были разного рода рукоятки ножей, инструментов, топоров и предметов вооружения. Отмечены следы корзин в гончарной мастерской в Журавке, там же, кроме того, прослежены детали деревянного станка для формовки глиняных сосудов [Бобринский А. А., Гусакос М. Г., 1973. С. 152].

Предметы вооружения и снаряжения воинов составляют группу редких находок. Согласно черняховскому погребальному ритуалу в могилы не полагалось помещать оружие в качестве сопровождающего инвентаря. Лишь в виде исключения встречается оружие и на поселениях. Предметы вооружения и воинского снаряжения представлены наконечниками стрел (втульчатых и черешковых) и дротиков, имевшими листовидную форму, длинными мечами без наверший и перекрестий, сфероконическими уборами, шпорами, топорами (табл. LXXII; LXXIII). Все эти предметы изготовлены из железа. Находки шпор известны из «княжеского» погребения возле с. Рудка [Тиханова М. А., 1957. С. 191. Рис. 17, 4], а также из Переяслава-Хмельницкого, Гавриловки и западноукраинских селищ [Баран В. Д., 1981. С. 214]. Оружие черняховских памятников имеет прямые аналоги в пшеворской культуре. Вполне закономерно поэтому, что предметы вооружения происходят в основном из погребений с яркими пшеворскими чертами (Компанйицы).

**ХРОНОЛОГИЯ.** Проблема точного определения времени существования черняховской культуры и разработка ее периодизации относятся к числу наиболее актуальных и вместе с тем наиболее сложных. Исчерпывающее разрешение этих вопросов является необходимым условием правильной исторической интерпретации черняховской культуры. Эпоха Великого переселения народов создавала необычайно динамичную и пеструю картину размещения и передвижения разнообразных в этническом и культурном отношении племенных групп. В этой

ситуации даже незначительное, на первый взгляд, искажение последовательности археологических явлений может привести к неправильному их толкованию. Однако в определении хронологических границ различных регионов черняховской культуры и даже отдельных памятников до сих пор существуют значительные расхождения. Подобная ситуация в значительной мере объясняется характером самого археологического материала, привлекаемого в качестве основного источника при хронологических исследованиях, и возможностью различной его интерпретации. Для большинства категорий датирующих вещей — фибул, гребней, бус, стеклянных сосудов — в настоящее время определяется довольно длительный период бытования. Хронология этих находок разработана еще недостаточно подробно, возможны также существенные изменения в современных представлениях об их датировках. Кроме того, имеются и другие объективные обстоятельства, которые затрудняют хронологические изыскания и порождают массу разногласий. На них следует кратко остановиться.

В результате все усиливающегося стремления к более осторожному, критическому подходу к археологическим источникам в числе материалов, пригодных для датирования, остаются в основном погребальные памятники. Находки в закрытых комплексах на большинстве поселений позднеримского времени малочисленны и невыразительны, к тому же, результаты раскопок часто недостаточно полно освещены в полевых отчетах и публикациях, что создает дополнительные сложности в построении хронологии памятника. Датирование по находкам из слоев, не связанным с постройками или другими сооружениями, которые могут считаться закрытыми комплексами, часто бывает весьма рискованным. Так, например, единичные фрагменты амфор с двустовальными ручками, бытовавших в I в. до н.э.—I в. н.э., иногда служат доказательством возникновения поселения во II в. н.э., но безусловно, подобные случайные материалы нельзя привлекать для разработки хронологии. То же самое можно сказать и о находках монет в слое. Они могли находиться в обращении длительный период, и поэтому для черняховской культуры практически исключаются из круга датирующих вещей. В погребальных памятниках монеты определяют лишь *terminus post quem*, т. е. время, раньше которого захоронение не могло быть совершено. Некоторые исследователи полагают, что использование любых материалов поселений в качестве основы хронологических построений методически неверно [Шукин М. Б., 1970а. С. 105]. Однако такое ограничение источниковедческой базы имеет свои отрицательные стороны.

При работе над хронологией следует учитывать ряд обстоятельств. Прежде всего не стоит забывать о самом характере погребальных памятников. Могильник, как правило, начинал функционировать несколько позднее и прекращал существовать раньше, чем соответствующее ему поселение. Это чисто теоретическое положение находит подтверждение и на практике. Так, археологические источники фиксируют некоторую асинхронность поселения и могильника у сел Журавки и Викторова. Видимо, дискретность исторического процесса проявляется в материалах могильников сильнее, чем в материалах поселе-

ний. Некоторая асинхронность поселений и могильников может быть связана с тем, что набор инвентаря, который попадал в погребения, не соответствует в полной мере тем вещам, которые использовались жителями черняховских поселений в быту. Некоторые разновидности утвари, орудий труда по обычаю не полагалось помещать в могилу рядом с усопшим. На поселениях также представлены не все вещи, известные из погребений. Кроме того, датирующие вещи в большинстве случаев происходят из трупоположений с северной ориентировкой. Трупоположения с западной ориентировкой, как правило, содержат незначительное число вещей, часто безынвентарны. Инвентарь трупоположений нередко испорчен огнем и поломан, что ограничивает возможность привлечения его в качестве источника для датирования. В то же время закономерности в расположении погребений, совершенных по обряду ингумации и кремации, прослеженные в отдельных могильниках, свидетельствуют о возможности некоторой хронологической разницы между этими двумя обрядами погребений. Так, в Маслове трупоположения сосредоточены в центре, а трупоположения — на периферии. Вероятность возникновения обряда ингумации в ряде случаев на более позднем этапе давно отмечалась исследователями. Таким образом, не исключена возможность, что именно в наиболее ранних комплексах в могильниках и на поселениях отсутствуют датирующие материалы. Это также относится к числу причин, обуславливающих сложность установления нижней хронологической границы черняховских памятников.

Положение вещей осложняется отсутствием целостной системы хронологии Восточной Европы. Это обстоятельство заставляет исследователей опираться в основном на абсолютные даты ступеней европейской хронологии, разработанной Эггерсом и уточненной К. Годловским (рис. 5) [Eggers H. J., 1955; Godłowski K., 1970].

В настоящее время усилия разных исследователей, как советских, так и зарубежных, искавших свои пути разработки хронологии черняховской культуры, привели к существованию нескольких направлений в этой области. Наиболее оптимистичные результаты были достигнуты при анализе материалов погребальных памятников. Изучение сочетаний различных хронологически показательных вещей в закрытых комплексах позволило отказаться от определения времени функционирования могильников по всему диапазону бытования датирующих вещей и добиться максимального «сужения» дат захоронений. Этот метод «узких датировок», достоинства которого были всесторонне продемонстрированы М. Б. Шукным, дал возможность наметить хронологический диапазон черняховских памятников в отдельных регионах, а также, хотя и схематично, предположительную картину постепенного распространения культуры [Шукин М. Б., 1979].

Территория, на которой происходил процесс кристаллизации черняховской культуры, определяется пока недостаточно четко. Вероятно, она охватывает Подолью, Днестровско-Прутское междуречье, может быть, включает также Волинь и Верхнее Поднестровье. Некоторые захоронения могильников этого региона относятся к ранним стадиям позднеримского периода С<sub>1</sub> — началу С<sub>2</sub>, конец II—III в. При этом

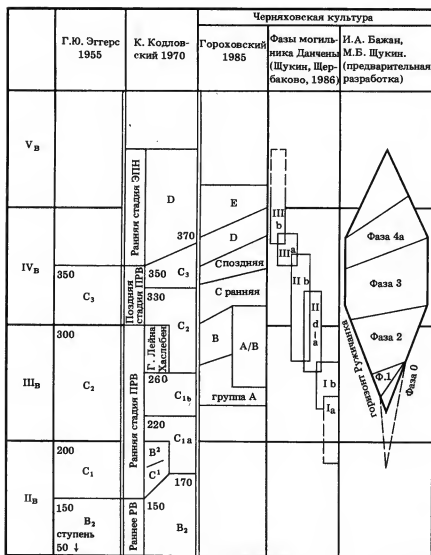


Рис. 5. Относительная и абсолютная хронология черняховской культуры в соотношении с европейской хронологической системой  
РВ — римское время;  
ПРВ — позднее римское время;  
ЭПН — эпоха переселения народов.  
Составитель М. Б. Шукин

с наибольшей вероятностью исследователи относят их к ступени С<sub>1</sub> (230—260 гг.) [Szczukin M., 1981; Гороховский Е. Ч., 1987].

Время возникновения могильника Данчены (Днестровско-Прутское междуречье) определяет группа захоронений с интересным вещевым комплексом. Погребение 122 содержало набор керамики, которая представлена ранними формами, имеющими вельбарско-пшеворское происхождение. Кроме того, в комплексе находилась железная прямоугольная пряжка. Подобные изделия на территории Средней Европы появляются еще в раннеримское время, в вельбарской культуре существуют до начала поздне-римского периода [Рафалович И. А., 1986. С. 53. Табл. XXVI, 11-14; Шукин М. Б., Шербакова Т. А., 1986. С. 202—209]. Погребение 326 также содержало фрагменты керамики вельбарско-пшеворского происхождения и, кроме того, бронзовую пряжку с рамкой в виде буквы Д [Рафалович И. А., 1986. С. 93. Рис. 3]. В Средней Европе эта категория пряжек, в отличие от предыдущей, распространена очень широко и бытовала на протяжении длительного времени — от финальной стадии раннеримского и почти до конца поздне-римского периодов. В могильнике Брест-Тришин, эталонном памятнике вельбарской культуры для

Восточной Европы, подобная пряжка встречена в комплексе начала III в. н. э. [Бажан И. А., Гей О. А., 1987. С. 16]. Еще один достаточно своеобразный предмет, диагностирующий ступень С<sub>1a</sub> (180—220 гг.), был найден в погребении 254. Это наконечник пояса J-IV-1 по классификации К. Радатца [Рафалович И. А., 1986. С. 82. Табл. XLII, 2; Шукин М. Б., Шербакова Т. А., 1986. С. 186]. В погребении 203 (табл. LXXIV) были обнаружены фрагмент бронзовой ручки, украшенной головками птиц, и не орнаментированное атташе с петлей. Эти находки М. Б. Шукин интерпретирует как детали бронзового сосуда типа Стара Загора, датирующегося концом II—началом III в. [Рафалович И. А., 1986. С. 72; Шукин М. Б., Шербакова Т. А., 1986. С. 194, 195, 209]. Комплекс погребения содержит также многогранную бронзовую втулку с диском на конце, которая могла служить наконечником рога для питья. Наконечники ритонов с многогранной втулкой характерны для III в. н. э. [Рафалович И. А., 1986. С. 203. Табл. XXXVII, 3, 4; Шукин М. Б., Шербакова Т. А., 1986. С. 195, 209]. В Данценах к ступени С<sub>1</sub> относится значительная серия захоронений. К<sub>1b</sub> числу наиболее выразительных принадлежит комплекс трупосожжений 371. В его состав входят

две парные серебряные фибулы типа Моиструозо, которые являются диагностирующими для данного периода, а также богатый набор керамики, украшений и предметов быта (табл. LXXV) [Рафалович И. А., 1986. С. 109—111]. Близким по времени, вероятно, было и захоронение 10 с сочетанием прогнутых подвязных фибул вариантов 1 и 2, а также костяного гребня с трапецевидной спинкой (табл. LXXIV, 5—19) [Рафалович И. А., 1986. С. 29; Шукли М. Б., Шербакова Т. А., 1986. С. 206].

Ранние материалы представлены также в могильнике Ханска-Лутария II. Здесь в погребениях 12 и 14 обнаружены обломки бронзовых сосудов с орнаментом в виде «ов», которые могут относиться еще к ступени  $S_{11}$  [Никулицэ И. Т., Рикман Э. А., 1973. С. 116, 117, 123]. В Подолии в могильнике Ружичанка открыто несколько комплексов с уникальными импортными вещами. К ним относятся фрагментированный стеклянный кубок, орнаментированный стеклянными нитями того же цвета, что и сам сосуд, бронзовая чернильница типа Интерция, бусы из египетского фаянса [Винокур И. С., 1979. С. 114, 118—120. Рис. 7, 16]. Исследователи единодушно включают эти материалы в самую раннюю фазу эволюции черняховской культуры, датируя их ступенями  $S_{10}$ — $S_{11}$  (конец II — первая треть III в.) [Szczukin M., 1981; Гороховский Е. Л., 1987. С. 62, 63]. Выразительное сочетание хронологических индикаторов зафиксировано в погребении 1 Ружичанки. Здесь вместе с двумя гончарными мисками (воронковидной и цилиндрико-конической формы) найдены бронзовая двучастная пряжка типа Омега и редкая бронзовая подвязная фибула с кнопкой на головке [Винокур И. С., 1979. С. 113. Рис. 114]. Комплекс датируется второй третью III — началом IV в. [Гороховский Е. Л., 1987. С. 64. Рис. 1, 5; 2, 5]. В комплексах могильника Ружичанка широко представлены прогнутые подвязные фибулы варианта 1 по классификации А. К. Амброза [1966. С. 61—63]. Суммарная их датировка охватывает довольно длительный временной интервал — конец II и большую часть III в. Однако вопрос о времени их появления на нашей территории еще неясен [Амброз А. К., 1966. С. 61, 62]. Очевидно лишь, что они встречаются в комплексах с монетами 30—40-х годов III в. н. э. [Амброз А. К., 1966. С. 61; Гороховский Е. Л., 1987. С. 63]. В Ружичанском могильнике эти фибулы сочетаются, как правило, с выразительными категориями инвентаря, диагностирующими ступень  $S_2$  в европейской системе хронологии, — ведровидными подвесками, янтарными грушевидными бусами, костяными многостачными гребнями с полукруглой низкой спинкой [Godowski K., 1970. Pl. II; III; VII; Thomas S. 1960. S. 120], а также с прогнутыми подвязными фибулами варианта 2, которые появляются, вероятно, уже в конце III в. н. э. [Амброз А. К., 1966. С. 61].

Характерны захоронения 30 и 50 Ружичанского могильника. Оба они совершены в простых грунтовых могилах по обряду труположения. В первом, кроме фибул, обнаружены литарные бусина и грушевидная подвеска, а также две гончарные миски: одна — открытого типа с плавным профилем и плоским дном, другая — цилиндрико-коническая на скрытом кольцевом поддоне [Винокур И. С., 1979. С. 121. Рис. 17, 12—16]. Погребение 50 содержало,

помимо фибулы, богатый набор керамики: две гончарные миски открытого типа, с плавным профилем, на скрытых кольцевых поддонах, гончарные и лепные горшки призматиче- ских пропорций с выпуклым бочком, сосуд тульпановидной формы [Винокур И. С., 1979. С. 123. Рис. 19]. Кроме того, в погребении находилась бронзовая ведровидная подвеска и янтарная бусина. Подпорожье и Воляно-Подольское пограничье — единственные регионы черняховской культуры, где распространены разновидности фибул с очень высоким приемником, диагностирующие ступени  $S_{10}$ — $S_{11}$  [Godowski K., 1970. Pl. II; Гороховский Е. Л., 1987. С. 62, 63. Рис. 2, 1, 2]. В погребении 24 Ружичанского могильника подобная фибула, украшенная набором зеренных проволочных колец, находилась в сочетании с костяным многостачным гребнем, имеющим полукруглую спинку [Винокур И. С., 1979. С. 118. Рис. 15].

Для установления нижней хронологической границы в таких регионах, как левобережье Днепра и Надпорожье, пока слишком мало надежных сведений [Шукли М. Б., 1979а. С. 70, 71]. Определение времени возникновения черняховской культуры в Среднем Поднепровье также относится к кругу самых сложных и спорных вопросов. Этот регион наиболее густо насыщен памятниками, именно здесь расположены классические, эталонные, могильники — Черняхов и Ромашки. К сожалению, раскопки этих объектов проводились еще в начале века и далеко не на самом высоком методическом уровне. В документации по Ромашкам сохранилось очень мало сведений о вещевых комплексах погребений, многие находки утрачены, некоторые имеют сомнительное происхождение [Брайчевский М. Ю., 1960. С. 102]. Погребения, раскопанные В. В. Хвойкой в Черняхове, также документированы довольно скудно, многие комплексы полностью не восстановлены [Петров В. П., 1964б. С. 117]. Однако исследования, проводившиеся в могильнике Э. А. Симоновичем, дополняют эти материалы. Достаточно достоверным источником для датировки могут служить материалы Масловского могильника, раскопанного только частично, так как значительная его часть разрушена. Наиболее полно раскопанным черняховским памятником в Среднем Поднепровье в настоящее время остается Журавка. Особенно ценно, что здесь исследованы и поселение, и соответствующий ему могильник. К сожалению, все, за исключением одного, труположения на этом памятнике подверглись позднепериодическим разрушениям. Кроме того, значительную часть составляют погребения с западной ориентировкой, в большинстве случаев безинвентарные. Определить дату этой группы захоронений не представляется возможным.

Все же некоторые данные для датировки памятников Среднего Поднепровья есть. Комплексы с прогнутыми подвязными фибулами варианта 1, которые диагностируют ступень  $S_{10}$ — $S_{11}$  в черняховских могильниках Среднего Поднепровья крайне немногочисленны. В материалах раскопок Э. А. Симоновича к ним относятся несколько погребений Журавки, погребение 25 Черняхова и погребение 41 Ромашек [Симонович Э. А., 1967в. С. 18. Рис. 7, 14, 15; 1979а. С. 162, 163. Рис. 6, 3, 4]. Последнее содержало выразительный набор керамики: две лепные миски — чаша с биконическим и округлобким туловом, разно-

образные гончарные миски — биконические и открытого типа. Кроме того, две такие же фибулы имеются в материалах Черняховского могильника из раскопок В. В. Хвойки [Петров В. П., 1964б. Рис. 11; 12]. Сейчас уже невозможно установить, с какими погребениями они были связаны. Так как подавляющее большинство материалов Черняхова, Ромашек, Маслово относится к IV в. н. э., то на этом фоне единичные комплексы с прогнутыми подвязными фибулами варианта 1 не являются убедительным доказательством существования в Среднем Поднепровье раннего горизонта. Отдельные экземпляры подобных фибул вполне могли несколько запаздывать по отношению к основному периоду их бытования и удерживаться до начала IV в. н. э. Эти данные позволяли М. Б. Шукину сделать вывод, что «черняховская культура в том виде, как она представлена на могильниках в Черняхове и Маслово, оформилась не ранее, чем в середине — конце III в. н. э.» [Шукин М. Б., 1970а. С. 110, 111].

Для Северного Причерноморья уже сейчас вырисовывается довольно ясная картина. В последние годы здесь проводились широкие раскопки черняховских могильников, давшие весьма интересные материалы. Захоронения с относительно ранним набором вещей открыты в Каборге (табл. LXXVII). Погребение 21 содержало бронзовую прогнутую подвязную фибулу варианта 1 и костяной многозастывший гребень с полукруглой спинкой [Магомедов Б. В., 1979а. С. 46]. В состав инвентаря входили также разнообразные стеклянные бусы, причем некоторые из них были особенно популярны во II—первой половине III в. [Гей О. А., 1986. С. 81, 82]. Исходя из этих данных, можно полагать, что наиболее вероятная дата погребения — середина III в. н. э. В погребении 9 Каборги обнаружена двулучная лучковая фибула с фасетированной спинкой, которая также указывает на III в. н. э., причем скорее на его середину или вторую половину [Амброз А. К., 1966. С. 49—52]. Кроме того, в могиле находилось несколько бусин: стеклянная призматическая (14-гранная) со срезанными углами, прозрачная, желто-зеленого цвета II—IV вв.; стеклянная плоская круглая бусицециальная, прозрачная, бирюзового цвета II—III вв.; стеклянная биконическая непрозрачная красно-коричневая I—III вв.; две сердоликовые бочковидные второй половины II—III вв.; хрустальная шаровидная округлая II в. до н. э.—III в. н. э. [Магомедов Б. В., 1979а. С. 39; Алексеева Е. М., 1978. С. 68, 70; 1982. С. 7, 16]. Можно заключить, что погребение было совершено в III в. н. э., но сузить эту дату пока не удастся.

Следовательно, в Северном Причерноморье отсутствуют черняховские комплексы, которые можно было бы датировать суммарно концом II—III в. Незвестны и достоверные материалы первой половины III в. н. э. Следует отметить также, что для этого периода не обнаружено никаких следов контакта с черняховской культурой на позднескифских и сарматских памятниках Северного Причерноморья (Молога I, Красный Маяк, Усть-Каменка) [Гей О. А., 1986]. В качестве доказательства раннего возникновения черняховской культуры этого региона иногда привлекаются материалы погребения 21 Ранкевоего [Баран В. Д., 1981. С. 148; Магомедов Б. В., 1983. С. 145]. Оно находилось несколько в стороне от ос-

тальных захоронений могильника, и инвентарь его составляли лепные сосуды, в том числе горшок с краем в виде раструба, аналогичный керамике позднескифского поселения Молога II, обломки красноглиняного гончарного кушана, две бусины. В могиле не обнаружено ни одной вещи, которую можно было бы связать именно с черняховской культурой, отсутствует характерная гончарная керамика. Дату определяют две бронзовые фибулы: лучковая серия I, варианта 2 по классификации А. К. Амброза и варианта 2 «лебяжьиной» серия [Сымонович Э. А., 1979а. С. 110; Амброз А. К., 1966. С. 48, 49, 56]. Обе они бытовали в основном в I в. н. э. Ясно, что к этому времени невозможно отнести период возникновения черняховской культуры ни в одном из регионов. Тем более нелогично привлекать материалы погребения 21 Ранкевоего для обоснования гипотезы о начальном этапе формирования культуры во II в. н. э. По всей вероятности, у с. Ранкевое существовали два некрополя — черняховский и скифо-сарматский более раннего периода. Этой точки зрения я придерживался и руководитель раскопок Э. А. Сымонович [1979а. С. 110].

Имеются также некоторые косвенные данные, которые помогают установить время возникновения черняховской культуры в Северном Причерноморье. В этом регионе известен целый ряд памятников, прекративших свое существование в начале III в. н. э. Это позднескифские некрополи и поселения Красный Маяк, Молога II, Волчья Балка, Холмское II, сарматские курганные могильники Маяки, Огородное, Усть-Каменка, Кисляца, Приморское [Гудкова А. В., Фокеев М. М., 1982. С. 103; Паламарчук С. В., 1982. С. 122; Фокеев М. М., 1982. С. 122; Патокова Э. Ф., Дагивский А. Н., Зыковский К. В., 1982. С. 134—136; Дагивский О. М., 1980. С. 92; Гей О. А., 1985. С. 10; 1986. С. 83—85].

Разрушение большинства античных центров Северного Причерноморья также происходило в этот период [Ремеников А. М., 1954; Шелов Д. Б., 1972. С. 304; Кругликова И. Т., 1966. С. 12—16]. В последнее время получены новые данные о поздней дате некоторых городищ Ольвийской хоры. В Широкой Балке, на территории, примыкающей к северной части городища Золотой Мыс, в заброшенной хозяйственной яме было открыто захоронение «варвара», совершенное, как полагают исследователи, в финальной стадии «готских» войн в Северном Причерноморье, а может быть, несколько раньше [Гороховский С. Л., Зубар В. М., Гаврилюк Н. О., 1985. С. 31—37]. Дата этого захоронения определяет верхнюю хронологическую границу городища. Примерно в это время (в середине или второй половине III в. н. э.) в приольвийской зоне появляется черняховский могильник Каборга, представляющий собой уже новое культурное явление. Картина довольно четко вырисовывается по археологическим данным, прекрасно совпадает со сведениями письменных источников. Именно в этот период происходило продвижение остготских племен к Меотию [Ремеников А. М., 1954; Буданова В. П., 1984. С. 167, 168] и совершались военные акции варваров, направленные против Рима. По-видимому, с этими событиями и была связана резкая смена культуры в Северном Причерноморье в середине III в. н. э.

Значительное число погребений в большинстве могильников черняховской культуры принадлежит к IV в. н. э., и установить более дробные хронологические диапазоны на основе «узкого» датирования далеко не всегда удается. Приведем отдельные примеры наиболее выразительных погребений этого времени.

Интересный вещевой комплекс был открыт в погребении 3 могильника Городок, которое представляло собой труположение с северной ориентировкой, помещенное в простой прямоугольной яме. Его дату — IV в. н. э. — определяют три одинаковые «воинские» фибулы с треугольной ножкой. У западной стенки могилы были поставлены шесть сосудов: лепной двуручный кувшин желто-серого цвета, лепная чернорощенная трехручная ваза, лепная полусферическая миска, лепной горшок желто-серого цвета, гончарная сероошпеченная миска открытого типа, такая же миска закрытого типа, орнаментированная по плечикам продолженным зигзагом. Кроме того, в состав инвентаря входили бронзовая булавка, костяной трехчастный гребень с полукруглой спинкой, янтарные и стеклянные бусы, приспиче, изготовленные из стенки амфоры [Магомедов Б. В., 1979б. С. 108, 109. Рис. 2]. В могильнике Косаново открыто множество выразительных комплексов IV в. н. э., содержащих разнообразный и выразительный материал. К их числу относится погребение 3, совершенное в простой грунтовой яме с остатками обугленной деревянной плахи и ориентированное на север с небольшим отклонением к западу.

В составе инвентаря — набор гончарной и лепной посуды, две бронзовые «воинские» фибулы с ромбической орнаментированной ножкой с короткой пружиной, бронзовая двучастная калачикопидная пряжка, а также железная с округлой рамкой, серебряная проволочная гривна, кольцо из двух бронзовых пластинок, бисер синего стекла, янтарная четырехгранная бусина, костяной многочастный гребень с полукруглой высокой спинкой [Кравченко Н. М., 1967б. С. 85, 86].

Вопрос о верхней хронологической границе черняховской культуры пока остается дискуссионным. Наиболее поздние ее материалы относятся к ступени D европейской системы хронологии (середина IV — середина V в.). Однако вещи этого времени немногочисленны, памятники, относящиеся только к этому времени, неизвестны. Комплексы, включающие категории инвентаря, диагностирующие ступень D в сочетании с другими находками, часто укладываются в рамки только IV в. н. э.

Погребальные памятники Поднестровья и Волины пока не дают полноценных материалов для установления их верхней хронологической границы. Наиболее поздние погребения зафиксированы в Увисле и Островце. Такие находки, как гребни с полукруглым выступом на спинке, Т-образная фибула с фигурным щитком, указывают на вторую половину IV — начало V в. [Баран В. Д., 1981. С. 146, 147]. На территории Днестровско-Прутского междуречья выразительные материалы позднего горизонта представлены в могильнике Малаешты. Именно отсюда, из погребения Б, совершенного по обряду труположения, происходит знаменитый стеклянный конический кубок с прошифованными овалами и греческой надписью

[Федоров Г. Б., 1960а. С. 260—262. Рис. 11]. Как уже отмечалось, суммарная датировка подобных сосудов очень широка — конец IV и V в. Известны комплексы с кубками такого типа, достоверно датированные второй половиной V в. н. э. [Шукки М. Б., 1979а. С. 20]. К сожалению, в малаештском захоронении не обнаружены какие-либо вещи, которые могли бы уточнить и сузить датировку. Погребения 3 и 20 с трупосожжениями Малаештского могильника содержали очень редкие для черняховской культуры сферокопические уборы шитов [Федоров Г. Б., 1960а. С. 258, 270. Рис. 13, 1, 2]. Предполагается, что они могли иметь позднюю дату — самый конец IV — начало V в. Известно изображение сферокопического канедированного убора на дитихе из собора в Мошце, созданного не ранее 385 г. и не позднее 30-х годов V в. [Gołdowski K., 1970. P. 110; Шукки М. Б., 1979а. С. 19]. К находкам, диагностирующим поздний горизонт в Малаештах, относятся также острокопический гладкий стеклянный кубок (погребение 33), бронзовая двупластинчатая фибула с ножкой, расширенной в нижней части (погребение 22), Т-образная фибула с пружиной (погребение 15) [Федоров Г. Б., 1960а. С. 268, 272, 278].

В Среднем Поднепровье ряд захоронений, относящихся к концу IV — началу V в., представлен в могильнике Журавка. Так, например, в погребении 4 полусферический кубок, украшенный напаянными стеклянными глазами, сочетался с двупластинчатой фибулой, имевшей укороченную массивную ножку, расширяющуюся посредине. Обе вещи бытовали в IV — начале V в. [Сорокина Н. П., 1971. С. 90; Амброз А. К., 1966. С. 83]. В Северном Причерноморье наиболее яркие и выразительные материалы позднего горизонта происходят из могильников Гавриловка и Ранжево. Здесь они представлены коническими кубками, гладкими и фасетированными, а также гребнями с полукруглым выступом на спинке, двупластинчатыми фибулами [Симонович Э. А., 1960а; 1979а]. В погребении 14 Ранжево находился кубок типа Косино с греческой надписью, аналогичный сосуду из Малаешты. В состав инвентаря входили также две одинаковые двупластинчатые фибулы с продолговатой ножкой, расширенной посредине (табл. LXXVIII). Датировку этого варианта двупластинчатых фибул А. К. Амброз ограничивает лишь IV в. н. э., без выхода в V в. [Амброз А. К., 1966. С. 83], хотя их орнаментация характерна для более позднего времени [Шукки М. Б., 1979а. С. 19].

Существование черняховской культуры в V в. н. э. для любого ее региона весьма проблематично. Отдельные находки или комплексы, достоверно датированные этим временем, всегда имеют сомнительную культурную атрибуцию. Так, ранневизантийская фибула, которая происходит из слоя поселения Рипнев II (Верхнее Поднестровье), может быть связана с раннеславянскими постройками, открытыми на этом памятнике [Баран В. Д., 1981. С. 142, 143. Рис. 47, 1]. Не вполне ясен вопрос о культурной принадлежности поселения Теремцы, где была найдена трехпластинчатая фибула конца IV — V в. [Баран В. Д., 1981. С. 148. Рис. 48]. Известен, однако, ряд поселений, на которых нет черняховского слоя, но в жилищах с раннесредневековой славянской посудой найдены, иногда в довольно значительном количестве, обломки

черняховских сосудов. Таковы Рашков II и III, Лука-Каветчинская, в одном из жилищ которой обнаружена железная двулучная фибула с узкой подвизной ножкой, датирующаяся V в. [Приходнюк О. М., 1983. С.20—22]. Такие памятники подтверждают доживание черняховских материалов по крайней мере до середины V в. н. э.

Наблюдения над закономерностями в сочетании вещей в закрытых комплексах дали материал для разработки относительной хронологии и периодизации культуры. Й. Тейрал выделил несколько последовательных фаз [Tejral J., 1986]. Первая — период кристаллизации культуры — характеризуется, по мнению ученого, вещами, которые, как правило, относятся к ступени C<sub>1</sub> или, в большей степени, к C<sub>2</sub>. Это прогнутые подвизные фибулы варианта 1 по классификации А. К. Амброза, фибулы с зернеными кольцами и типа Монструозо, постоянные трехчастные гребни с полукруглой спинкой, пряжки типа Омега. В дальнейшем эти вещи встречаются в комплексах с новыми формами, выпадающими из шкалы типов ступени C<sub>2</sub> — прогнутыми подвизными фибулами варианта 2 по А. К. Амброзу, трехчастными гребнями с трапециевидной спинкой, полусферическими стеклянными кубками, бронзовыми пряжками с овальной рамкой. Границу между периодом кристаллизации и развитой фазой черняховской культуры Й. Тейрал проводит по линии разделения ступеней C<sub>2</sub> и C<sub>3</sub> европейской системы относительной хронологии, что соответствует в абсолютных датах первой трети IV в. н. э. Время высшего расцвета черняховской культуры Й. Тейрал сопоставляет со ступенью C<sub>3</sub> (вторая треть IV в. н. э.). Эта фаза представлена ярким монументальным метакомплексом, детальное изучение которого, однако, выявляет его сложность. Наряду с продолжающими существовать архаичными формами появляются новые, определяющие черняховскую специфику, — двухпластинчатые фибулы небольших размеров с короткой ножкой, трехчастные костяные гребни со спинкой колоколовидной формы, стеклянные кубки типа Ковалек. Набор вещей, характеризующий финальную фазу черняховской культуры, составляют костяные стеклянные кубки, трехчастные костяные гребни с полукруглым выступом на спинке, различные варианты «воинских» фибул со сплошным приемником и короткой пружиной. Двупластинчатые фибулы имеют более крупные, чем раньше, размеры, удлиненную ножку с наибольшим расширением посредине или в нижней трети. Часто они снабжены двойной пружиной, ornamentированы. Среди прогнутых подвизных преобладают фибулы варианта 3 по классификации А. К. Амброза. Встречаются очень крупные (до 9 см) образцы, выделенные в вариант 4. Такой набор вещей характерен для шкалы типов начала ступени D (вторая половина IV в. н. э. [Tejral J., 1986. С. 179—195. Abb. 1—3].

На основе изучения взаимовстречаемости вещей в погребальных комплексах — импортных римских и северопричерноморских изделий (фибул, пряжек, гребней, некоторых типов бус) — Е. Л. Гороховский выделил шесть хронологических групп захоронений (рис. 5). Эта работа носит лишь предварительный характер и опубликована в краткой, тезисной, форме [Гороховский Е. Л., 1985. С. 21, 22]. Более под-

робно остановился Е. Л. Гороховский на характеристике ранней фазы черняховской культуры, которая, по его мнению, представлена комплексами с римскими импортными изделиями из металла и стекла эпохи позднего Лимеса. Наряду с фибулами типа Монструозо исследователь включает в раннюю фазу и другие типы фибул с высоким приемником, а также некоторые выделенные им разновидности прогнутых подвизных фибул и, кроме пряжек типа Омега, пряжки с овальными рамками [Гороховский Е. Л., 1987].

Изучение характера взаимовстречаемости отдельных вещей в комплексах, рассеянных по всему ареалу черняховской культуры и рассматриваемых в целом, неизбежно приводит к некоторой упрощенности и излишней жесткости полученной схемы. При таком подходе не учитывается возможность «скопления» дат, т. е. неодновременности бытования в разных регионах одних и тех же категорий инвентаря. Кроме того, из поля зрения исследователей выпадает значительный по объему материал — массовые находки, не имеющие дат. В первую очередь это относится к гончарной сероглиняной керамике, которая представлена большим количеством разнообразных форм и является одной из самых распространенных категорий погребального инвентаря, что открывает возможности для разработки относительной хронологии. В последние годы обозначилось стремление к более детальному и всестороннему изучению могильника как целостной системы закрытых комплексов, которая отражает закономерности его развития во времени. Выстраивая цепочки комбинаций различных категорий инвентаря, исследователь выявляет группы погребений, наиболее близких по набору хронологически показательных вещей. Абсолютные даты, которые определены для некоторых находок, позволяют установить временную последовательность этих групп. Таким образом, при выделении фаз функционирования могильника достигается возможность максимально дробного членения материала. Идеальное завершение картины могут дать наблюдения над размещением на территории могильника разновременных групп погребений. Выявление определенных закономерностей в планиграфии позволяет датировать практически каждую могилу.

Сопоставление результатов изучения основных, наиболее представительных погребальных памятников по описанному методу, синхронизация фаз разных некрополей создают необходимую основу для разработки периодизации культуры. Но исследование в этом направлении еще только начаты. Примером может служить корреляционный анализ материалов одного из крупнейших могильников на территории Румынии Тыргорш [Ionița I., 1986]. Подобные хронологические исследования проведены и для отдельных памятников черняховской культуры на территории СССР. В могильнике Данчаны М. Б. Шукин и Т. А. Шербакова выделили три основные группы погребений, каждая из которых в свою очередь подразделяется на две подгруппы, соответствующие фазам эволюции могильника [Шукин М. Б., Шербакова Т. А., 1986]. Фаза Ia характеризуется сочетанием в комплексах вещей западного происхождения, которые выпадают из шкалы типов, составляющих специфику развитой черняховской



культуры. Это пряжки квадратные, в форме буквы D, восьмерковидная, наконечник пояса типа IV-1 по Яну, обломки бронзового сосуда типа Стара Загора, наконечник рога, лепная керамика пшеворско-вельбарских форм. Находили обломков сосуда типа Стара Загора в Данчанах, бронзовой черняховицы в Ружичанке, кушину в Раковце, античных ключей М. Б. Шукни рассматривает как результат контактов с провинциально-римским миром, указывая на возможность участия носителей сформировавшейся черняховской культуры в балканских войнах 230—270 гг. Время возникновения могильника исследователи относят к концу ступени С<sub>1а</sub> [Шукни М. Б., Шербакова Т. А., 1986. С. 203, 210]. Комплексы фазы Ib включают такие хронологические индикаторы, как согнутые подвижные фибулы варианта 1 по классификации А. К. Амброза, фибулы Монструозо и ранний вариант фибулы с кнопкой на дужке (Bügelknopf fibeln), гробы с полукруглой и трапециевидной спинкой, керамика вельбарского происхождения. Погребения этой группы датируются авторами ступенью С<sub>1</sub> (230—260 гг.). Период наиболее интенсивного функционирования могильника падает на вторую фазу. В это время наблюдается заметная трансформация культуры, происходит смена многих типов вещей, что соответствует общему процессу сложения развитого черняховского комплекса. Появляются согнутые подвижные фибулы вариантов 2 и 3 по классификации А. К. Амброза, пряжки с удлиненооформленной рамкой, а затем и калачиковидные, гробы с выступом на спинке, кубки с профилированными овалами. Эту фазу Данченского могильника исследователи соотносят со ступенями С<sub>2</sub> — С<sub>3</sub> (середина III — середина IV в.) европейской хронологической системы. Достаточно условно выделена фаза III, представляющая погребения с незначительным числом встречающихся вещей, причем большинство их появилось еще в предыдущей фазе. Вопрос об абсолютной датировке этой фазы пока неясен — могильник мог прекратить функционирование в любой момент ступени D (350—450 гг.) [Шукни М. Б., Шербакова Т. А., 1986. С. 211, 212].

К сожалению, изучение планиграфии Данченского могильника не дало определенных результатов. Выяснилось, что некрополь состоял из нескольких небольших кладбищ, которые развивались самостоятельно и, возможно, принадлежали родовым группам населения [Шукни М. Б., Шербакова Т. М., 1986. С. 207, 208].

Более выразительная картина получалась по могильнику Ружичанка. Здесь четко выявляются три участка концентрации могил. И. Йоичица предпринял попытку проследить, как размещаются различные датированные вещи на плане некрополя, и пришел к заключению, что все три группы разновременны [Йоичица И., 1986]. Однако он оперирует лишь отдельными категориями находок, что снижает убедительность полученных выводов. Результаты этого исследования вступают в некоторые противоречия с данными, полученными И. А. Бажаком и М. Б. Шукниным при разработке относительной хронологии могильника Ружичанка. Корреляционный анализ хронологических индикаторов позволил выделить три фазы эволюции могильника, которые соотносятся

со ступенями С<sub>1б</sub>—С<sub>2</sub> (табл. LXXIX)<sup>1</sup>. При этом погребения разных фаз располагаются равномерно по двум участкам могильника (на третьем участке представлены лишь безымянные трупосожжения). Относительная хронология разработана также для могильников Косаново и Журавка (табл. LXXX; LXXXI).

Попытки хронологических исследований на материалах черняховских поселений пока не дали существенных результатов. Разнообразный набор индивидуальных находок представлен на некоторых поселениях Среднего Поднепровья, Верхнего Поднепровья и Волыни (Журавка, Лепесовка, Черепин, Ракобуть). Это позволяет определить приблизительную датировку памятника, однако хронологические границы его существования остаются размытыми из-за отсутствия в большинстве случаев закрытых комплексов и невозможности изучения взаимосвязанности вещей. На некоторых поселениях можно предполагать разнокультурные горизонты (Лепесовка), и не всегда удается установить, к какому из них относится та или иная датированная вещь. Большое значение для хронологии черняховской культуры поселений в юго-западных регионах имеют амфорные материалы. На большинстве памятников здесь широко представлены обломки узкогорлых светлоглиняных амфор — «неапольских» и «танаисских» (группы Балцаты и Оленешты по терминологии Э. А. Рикмана), которые датируются II и первой половиной III в. [Рикман Э. А., 1972. С. 87—90]. Интересно, что на селенце Балцаты амфоры группы 1, целая и в обломках, происходили из ям-хранилищ [Рикман Э. А., 1972. С. 87]. Эти находки послужили основанием для вывода о возникновении черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья уже во II в. н. э. [Рикман Э. А., 1975в. с. 238]. Однако в настоящее время происходит корректировка существующих классификаций амфор, а также изменение представлений о датировке различных их типов на основе анализа разных источников [Сазанов А. В., 1989; Kazanski M., Legoux R., 1988].

Объективные сложности, связанные с интерпретацией материалов, которые служат источником для хронологических изысканий, привели к тому, что основные усилия специалистов были направлены на разрешение проблем абсолютного датирования черняховских памятников. Вопросам эволюции отдельных элементов культуры уделялось меньше внимания. Хронологические горизонты, выделяемые на основании наблюдений над характером взаимовстречаемости различных категорий инвентаря, отражают объективную картину развития культуры, однако все же их нельзя считать этапами. Пока еще не вполне ясно, насколько каждому из этих горизонтов присуща определенная специфика в традициях погребального обряда, домостроительства, керамики.

<sup>1</sup> В таблицах LXXIX и LXXX показаны данные корреляции материалов могильников Ружичанка и Косаново, которые дают возможность выделять хронологические фазы существования этих памятников. Такого рода работа над черняховскими могильниками проводится И. А. Бажаком и О. А. Гей, а ими выделены хронологические индикаторы, которым даны общие для всего материала номера. Работа только начала и пока не опубликована, но уже дала ощутимые результаты.

Некоторые попытки проследить закономерности изменения во времени отдельных черт культуры все же предпринимались, но они корректируются новыми материалами. Э. А. Симонович предложил следующую схему эволюции погребального обряда: для II-III вв. характерны урновые трупосожжения и трупоположения с северной ориентировкой; в более позднее время намечается тенденция к преобладанию обряда ингумации, причем преобладают погребения с западной ориентировкой. В III-IV вв. по мнению исследователя, происходит изменения и в обряде трупосожжения: урновые погребения постепенно сменяются ямными [Симонович Э. А., 1958. С. 248]. Все эти наблюдения были сделаны на ограниченном материале, и поэтому с большой вероятностью отражают локальные различия. За последние годы накопилось значительное количество фактов, противоречащих предложенной схеме. Так, в ранних могильниках Ружичаника и Ханска-Лутэрия II явственно преобладают безурновые трупосожжения. По этому же обряду совершена большая часть захоронений самой ранней фазы могильника Данчены [Винокур И. С., 1979; Никулицэ И. Т., Рикман Э. А., Рафалович И. А., 1986. С. 72, 82]. Во многих могилках зафиксированы трупосожжения, вполне достоверно датированные IV в. н. э. (Гавриловка, Малаешты), и вряд ли поэтому можно с уверенностью говорить о тенденции к преобладанию обряда ингумации на поздней стадии черняховской культуры для всех ее регионов. Тезис о поздних погребениях с западной ориентировкой основан на материалах раскопок могильника Гавриловка, которые показали, что в древности здесь подвергались разрушениям исключительно захоронения, ориентированные на север. Среди трупосожжений с западной ориентировкой повреждений не было зафиксировано. Этот факт давал косвенное указание на некоторую асимметричность обеих групп погребений — разрушения скорее всего производились «ближним по времени, но все же позднее жившим населением» [Симонович Э. А., 1966б. С. 238]. Дальнейшие исследования внесли некоторые коррективы в эти данные. Оказалось, что в группе трупосожжений с северной ориентировкой доля разрушенных погребений в Среднем Поднепровье составляет 50%, а в группе с западной ориентировкой — 20% [Гей О. А., 1980б. С. 47]. Кроме того, известны погребения с западной ориентировкой, достоверно относящиеся к раннему горизонту. В настоящее время можно говорить лишь о том, что довольно определенно выделяется группа захоронений, обладающих некоторыми общими признаками: глубокие могилы (в большинстве случаев с запялниками), западная ориентировка, отсутствие или немногочисленность инвентаря, которые диагностируют обычно поздний горизонт.

Э. А. Симонович сделал также попытку выделить признаки ранних черняховских поселений II—III вв. По его мнению, для этого времени характерны распространение земляных построек и заметное преобладание лепной посуды. К поселениям такого типа исследователь отнес Грушевку, Никольское, Привольное в Нижнем Поднепровье, Ломовате II в Среднем Поднепровье. Однако основанием для их датировки служат лишь немногочисленные фрагменты светлоглиняных узкогорлых амфор, найденных в

культурном слое [Симонович Э. А., 1958. С. 249]. Напротив, В. Д. Баран поселения с преобладанием лепной посуды, известные в западной Волыни, относит к IV—V вв. [Баран В. Д., 1981. С. 147, 148].

Некоторые наблюдения сделаны и относительно эволюции форм гончарной керамики. Э. А. Симонович отметил, что для ранней стадии черняховской культуры типичны полусферические кубки, кувшины с цилиндрическим горлом и округлобким туловом, «миски и горшки без изопрожности в профилировке». В более позднее время происходит заметное усложнение форм, появляются «кубки удлиненной формы, художественно украшенные кувшины и миски с разнотипным орнаментом и дополнительной профилировкой тулова» [Симонович Э. А., 1958. С. 250]. Однако эта схема лишь в самых общих чертах намечает направление развития гончарной черняховской керамики. Предстоит еще детальная систематизация всей посуды по хронологическому принципу, с привязками к абсолютным датам. Разработка подобного рода была проделана пока лишь для могильника Журавка, где удалось проследить изменение форм сосудов по четырем фазам (табл. LXXXI).

В заключение следует более четко вычленить некоторые актуальные проблемы черняховской хронологии. Установлению точных границ времени существования культуры препятствует ряд обстоятельств — прежде всего необходимость опираться на абсолютные даты ступеней хронологии Центральной Европы или на данные античной археологии. Экстраполяция выводов, возникающая из-за отсутствия целостной хронологической системы, привнося к разным точкам отсчета, естественно, могут привести к искажениям реальности. Кроме того, недостаточно даже таких условных выходов на абсолютные даты. Несомненно, на черняховских памятниках существуют материалы горизонтов, сопоставимых со ступенью  $C_2$  (260—330 гг.). Но абсолютная дата ранних захоронений, известных в таких некрополях, как Данчены, Ружичаника, Ханска-Лутэрия, устанавливается пока весьма условно. Они могли быть совершены на любом отрезке времени ступеней  $C_{1a}$ ,  $C_{1b}$  и начала ступени  $C_2$ . Иногда их выделяют в особую раннюю фазу и датируют рубежом ступеней  $C_{1a}$  и  $C_{1b}$  [Шуклин М. Б., Щербакова Т. А., 1986. С. 209]. Однако немногочисленность этих погребений указывает на то, что они могли и не составлять единого горизонта и примыкали непосредственно к последующему периоду, датирующемуся ступенью  $C_2$ , который характеризуется целым рядом выразительных хронологических индикаторов (ранняя фаза Е. Л. Гороховского и И. Тейрала) и датируется ступенями  $C_{1b}$ — $C_2$ .

Положение усложняется также недостаточной расчлененностью материалов этих ступеней европейской хронологии. В то же время нельзя окончательно исключать возможность возникновения отдельных черняховских могильников еще на ступени  $C_{1a}$ . Находясь в комплексах выразительных вещей, которые диагностируют эту ступень и выпадают из шкалы типов развитой черняховской культуры, — факт достаточно показательный и требующий своего объяснения. Таким образом, вопрос о нижней хронологической границе черняховской культуры не имеет однозначного решения, и, следовательно, ее возникновение нельзя связывать с конкретными историческими событиями.

Это могло происходить накануне «готских войн» или в их процессе (230–270 гг.). В конце этого периода (259–274 гг.) была предпринята попытка создания в Галлии самостоятельного государства. В этом эпизоде участвовала и часть германских племен, оставшихся, как полагает И.Вернер, горизонт «квяжских погребений» Лейна-Хаслебен [Werner J., 1973. С. 1–30]. Эти события имели широкий резонанс и могли отразиться на формировании и развитии черняховской культуры.

Краткий обзор главных аспектов изучения черняховской хронологии показывает, как много еще нерешенных проблем. Одной из самых актуальных задач является создание единой хронологической шкалы, которая включала бы все хорошо раскопанные и достаточно представительные черняховские памятники. Такой путь позволил бы синхронизировать отдельные комплексы и хронологические горизонты разных регионов, что необходимо для создания научной периодизации культуры.

**ХОЗЯЙСТВО, ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ.** Основой хозяйства черняховского населения являлось земледелие. Употребление пашенных орудий подтверждается находками железных наральников и чересла, т.е. использовались легкие и тяжелые плуги, способные не только разрыхлять, но и переворачивать верхние пласты почвы [Краснов Ю.А., 1971. С.3–11]. На сосудах имеются изображения коня и вола, запряженных в плуги [Черепин, Ромашки] [Брайчевский М.Ю., 1961. С. 183, 184]. Уборка урожая производилась железными серпами, разными по форме и происхождению, что, возможно, связано со специализированным назначением орудий. Есть находки кос, мотыжек. Отмечены во многих случаях отпечатки половы и зерен злаков на глине. Сеяли, по данным, собранным Э.А.Рикманом, преимущественно пшеницу, ячмень и просо. Реже встречаются следы зерен овса, гороха, чины. Для хранения урожая использовались ямы-погребки и сосуды-хранилища. Одна из ям на поселении во Флорештах могла вмещать до 12 центнеров пшеницы. Таким образом, она одна могла содержать запас, которого было довольно для пропитания шести человек в течение года, исходя из нормы потребления 200 кг в год на человека. Другие памятники Молдовы также подтверждают изобилие зерна на черняховских поселениях [Рикман Э.А., 1975в. С.126–136]. Распространение огородных культур, посевы льна и конопли, известные еще зарубежникамому населению, имели место и в черняховскую эпоху.

Для помола зерна использовались ротационные жернова. Наряду с применением ручных жерновов одной семей создавались сооружения, использовавшиеся целым коллективом. Об этом свидетельствуют два мельничных сооружения, обнаруженных и исследованных в Синициеве-Сабадиноке и Иванковцах. В специально построенных наземных сооружениях устраивались общественные мельницы. На поселении Синициева-Сабадинока в наземном помещении была обнаружена округлая площадка, выложенная камнями и фрагментами толстостенных черепков от сосудов-хранилищ (диаметр площадки около 1,5 м), в центре которой находился жернов-лежак [Симонович Е. О., 1952а. С. 97–107; Сымонович Э. А., 1960а. С. 151–157]. На поселении Иванковцы в двухкамер-

ном наземном помещении с глинобитной печью мельничное сооружение было более сложной конструкции. В неотопляемой камере на двух возвышениях, обмазанных глиной, помещались в древности два жернова. Возвышения располагались в 0,7 м друг от друга с углублением между ними. От жерновов к углублению шли две канавки с бортиками, куда сыпалось молотое зерно. Рядом с углублением находился яма оваловой формы, выложенная в основании камнями и обмазанная глиной, служившая хранилищем [Винюков И. С., 1964. С. 180–182; 1970. С. 238–244].

Приселищное разведение скота и, по-видимому, его бестойловое содержание зафиксированы в черняховской культуре неоднократно. На черняховских поселениях и в могильниках найдены кости домашних и диких животных (до 90% всех находок). Характерно безусловное преобладание домашних животных. В.И.Цалкин отмечал господствующую роль в хозяйстве крупного рогатого скота (35–40%), кроме того, разводили мелкий рогатый скот (25–30%), свиней (15–20%) и лошадей (10%) [Цалкин В. И., 1962. С. 70, 71; 1964. С. 25–29]. Небольшой процент костей лошади не противоречит заключению о развитом хлебопашестве, так как при вспашке основную роль играли вола [Цалкин В. И., 1962. С.92; 1964. С.97]. Стенные просторы должны были способствовать разведению мелкого рогатого скота и уменьшению числа свиней, но где бы ни селилось черняховское сельскохозяйственно-скотоводческое население, там сказывались прочные, сложившиеся традиции в ведении скотоводческого хозяйства: в частности, свиней продолжали разводить даже на самых южных памятниках.

К числу домашних животных относятся также повсеместно использовавшаяся собака. Она не только охраняла стада и жилища, но имела значение в некоторых ритуальных действиях. Зафиксированы также кости осы и кошки [Брайчевский М.Ю., 1964. С.62–64]. Часто попадаются кости птиц, среди которых были куры, судя по находке в Малаештах, — гуси, а в Балицах, — утки [Федоров Г.Б., 1960а. С.302. Рис.17, 2]. Находят также яичную скорлупу [Рикман Э.А., 1975в. С.143].

Породы крупного рогатого скота и свиньи были другими, чем в лесной полосе, и отличались от пород скота скифских племен, тогда как лошади из культурных слоев черняховских памятников Северного Причерноморья и скифов по размерам и строению скелета обнаруживают определенное сходство [Цалкин В.И., 1964. С. 89].

Характерен очень низкий (не выше 5–10%) процент костей диких животных среди всей массы остеологического материала — один из самых небольших, если сравнивать с прочими культурами эпохи железа Восточной Европы. Находят кости и рога оленей, косуль и лосей, кости и клыки диких кабанов. Имеются остатки костей зайца, хорька, бобра, медведя и волка. Охотились также на дикую птицу [Брайчевский М.Ю., 1964. С. 72–74; Рикман Э.А., 1975в. С.144, 145].

В земле плохо сохраняются остатки ихтиологического фауны. Обычно отмечают остатки крупных рыб — сома, осетра, судака, щуки. Иногда встречается рыба чешуя. На поселениях вблизи больших водоемов находят глиняные и каменные грузила

для сетей. Возможны использование удочек и ловля с помощью острог. Яркий пример успешного рыболовного промысла дают находки на поселении Осокорь. Там в ямах были обнаружены кости рыб, причем в яме 2 выявлено 12 рыбных черепов, принадлежавших сом и щукам (сома — по 20–80 кг) [Пешанов В.Ф., Сымонович Э.А., 1964. С.170].

Вопрос о специализации ремесла и отделения его в той или иной степени от земледелия чрезвычайно важен для социально-экономической характеристики местного общества. Как уже отмечалось, не вызывает сомнений переход ряда производств в руки соответствующих специалистов, снабжавших более или менее широкий круг заказчиков и, очень вероятно, работавших на рынок. Такие заключения, сделанные М.Ю.Брайчевским и А.Т.Смиленко, правда, вызвали возражения у В.В.Кропоткина, который настаивал на земледельческом характере черняховской культуры и считал возможным говорить лишь об общинном ремесле, т. е. о «первых этапах отделения ремесла от земледелия» [Кропоткин В.В., 1970а. С.146–154].

Вещевые находки на черняховских памятниках и в особенности орудия труда, происходящие с поселений, свидетельствуют о широком развитии домашних ремесел, производивших множество изделий, необходимых в повседневном быту. Применение дерева при жилищном строительстве и для изготовления бытовых предметов, многочисленные орудия для его обработки указывают на широкое распространение навыков деревообработки. М.А.Тиханова считала, что одно из жилищ на поселении Лука-Врублевская, в котором были найдены пилка-ножевка, тесло и долото, принадлежало древоделу [Тиханова М.А., 1977. С.69–76]. Несомненно местным было производство разнообразных изделий из камня, кожи, кости. Очевидно, одежду изготавливали из льняных и шерстяных тканей, отпечатки которых сохранили окислы, покрывавшие металлические предметы. Но несомненно использование в одежде также кожи. Мужчины и женщины обычно носили поясные ремни, свидетельством чего служат многочисленные поясные металлические пряжки и редкие наконечники ремней. Мягкую кожаную обувь в отдельных случаях (погребение 5 могильника у овражка совхоза «Приднепровский», Чернелов-Русский) удерживали на ногах ремешки с пряжками. Умение обрабатывать шкуры подтверждают орудия труда из кости типа упомянутых «тупиков», металлических и костяных шильев, игл и проколов, костяных предметов для заглаживания швов и пр. Вероятно предположение об использовании мешочков из кожи, прикрепляемых к поясам и употребляемых для ношения и хранения в них пряслиц и других вещей. Для изготовления некоторых бытовых предметов использовался токарный станок, что подтверждают находки токарного резца в Бовшине II и выточенных на станке пряслиц из мергеля в Рипшине II и Ракобутах [Баран В.Д., 1981. С.102].

Чуть ли не на каждом черняховском поселении отмечаются находки шлаков, свидетельствующих о выплавке или кузнечной обработке черных металлов. В с. Непоротово была открыта железоплавильная печь — круглое в плане сооружение с продухами в нижней части, кусками железного шлака в заполнении [Крушельницкая Л.И., Мовша Т.Г., Павлов Д. Ю. 1977. С. 317]. Технологически установле-

но применение разнообразных приемов обработки железа и переработки его в сталь [Вознесенская Г.А., 1970. С. 34–38; 1972. С. 8–32]. По-видимому, производство было достаточно специализировано, но не выходило за рамки общины, находясь в руках деревенского кузнеца [Брайчевский М. Ю., 1964. С.100–102]. Железо выплавляли из болотных руд в сравнительно небольших количествах. Это обусловило относительно редкость находок железных изделий, обычно маломмерных по сравнению с последующим раннесредневековым периодом [Довженко В. И., 1970. С. 41].

Шлаки, льячки, тиглы на черняховских памятниках служат доказательством умения обработки цветных металлов [Петров В.П., Кравченко Н.М., 1961. С.87, 88], хотя местное производство большинства категорий вещей все еще не доказано. Намечаются следы концентрации ювелирного производства, которое, по предположениям А.Т.Смиленко, явилось одной из первых специализированных ремесленных отраслей [Брайчевская А.Т., 1953. С.21, 22; 1962. С.82–85]. Состав сплавов, применявшихся мастерами, прежде всего свидетельствует о связях с причерноморскими центрами производства. Это не исключает использования северных рецептов приготовления сплавов для некоторых вещей [Черных Е. Н., Барцева Т.Б., 1972. С.50–71; Барцева Т. В., Черных Е. Н., 1968. С.93–102]. Естественно, что сырье для производства вещей из цветных металлов было привозным. Подавляющая часть предметов изготовлена из бронзы и белого металла — биллона. Редкостью являлись вещи из свинца или олова, изделия из драгоценных металлов, украшения из серебра. Монета из Черняхова, ведрокобразная подвеска из Рыжевки и находки в Данчанах, по сути дела, исчерпывают черняховские находки из золота. Некоторые фбулы и пряжки, покрытые зеленоватыми окислами, такими же, как на бронзовых изделиях, после очищения оказываются серебристого цвета. Однако сходство состава их металла и металла римских серебряных монет, во множестве проникших на территорию черняховской культуры, не доказывает использования монет главным образом в качестве сырья.

Высокого совершенства и специализации достигло гончарное ремесло. Пока не прослежена концентрация ремесленного производства, даже гончарного, в той мере, в какой это было достигнуто, например, в Малопольше (Иголюма, Зофиноль и пр.). На черняховских селищах выявлены сравнительно небольшие гончарные мастерские, зафиксированные более чем в 30 местах [Брайчевская А.Т., 1956. С.143–150]. Так, на поселении Журавка обнаружены две гончарные печи и рядом с ними мастерская гончара, представлявшая собой довольно большое углубленное в материк помещение, внутри которого находились запасы глины, а в полу сохранились ямы от ножек мебели и, возможно, от оси гончарного круга. В мастерской найдены орудия труда гончара — ложило из камня, камень для растиранья и дробления примесей к глине, ребро животного, по-видимому, употреблявшееся при формовке сосудов на гончарном круге. В мастерской изготавливались только гончарные сосуды, обломки которых в большом количестве найдены в мастерской, и среди них часть была уже сформована, но еще не обожжена [Сымонович Э.А., 1966а. С.117—

121]. Сельские гончары обладали выработанными приемами производства, отбора сырья и т.д. Тем не менее они обслуживали лишь близлежащие расположенные пункты, работая главным образом на односельчан. Только в некоторых случаях фиксируются признаки транспортирования и продажи определенных видов керамики, а монеты быт, и ювелирных изделий, в удаленных районах [Сымонович Э. А., 1956а. С. 268—270].

Характеристика торговых связей черняховского населения важна прежде всего для понимания уровня экономического развития общества. Не исключено зарождение внутриплеменной торговли и обмена среди черняховского населения. Об этом свидетельствует широкое распространение гончарной посуды, производство которой было сосредоточено в руках специалистов-ремесленников и было обусловлено покупательной способностью населения, т.е. наличием у него какого-то прибавочного продукта. Местный рынок сбыта имели, вероятно, и другие изделия общинных ремесленников.

Среди черняховского инвентаря большое место занимают предметы, привнесенные с других территорий. Особенно быстро перепахивают культурные и этнические границы предметы вооружения, сельскохозяйственный инвентарь, модные украшения, не противоречащие традиционному костюму, предметы роскоши.

Особое значение имели сношения с позднеантичной цивилизацией. Не только носители черняховской культуры, но и многие другие народы Европы, торгуя и нападая на дряхлеющую рабовладельческую Римскую империю, перенимали ее технические и военные достижения, а знать варваров стремилась быть похожей на патрицию.

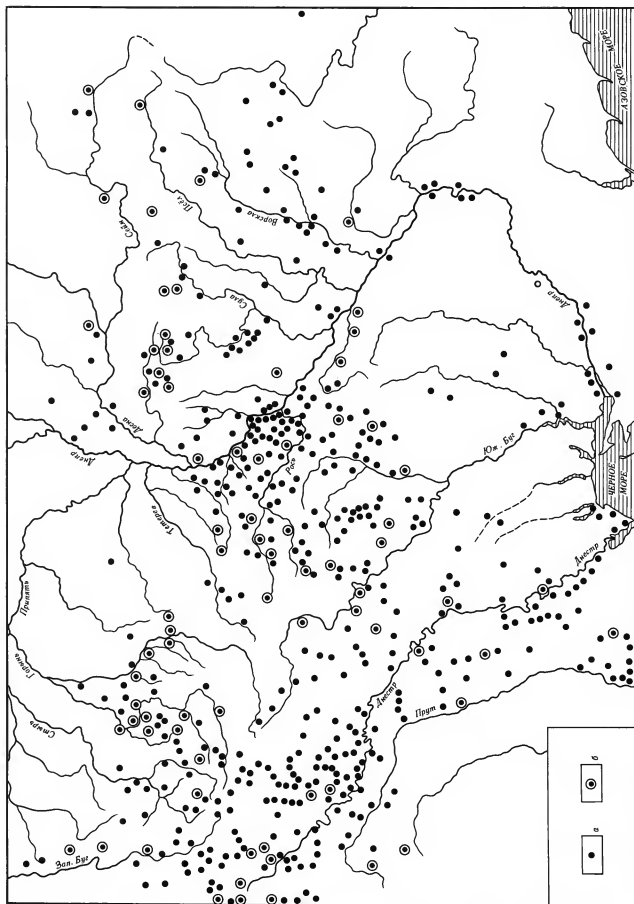
В черняховской культуре имеются категории находок, обязанные своим происхождением позднеантичной цивилизации. Это римские монеты, амфоры, краснолаковая и красноглиняная столовая посуда, стекло, металлическая посуда и др. (табл. LXXXII).

Давно уже было отмечено изобилие монет римского времени, преимущественно серебряных или биллоновых, и совпадение их распространения с зоной, занятой памятниками черняховской культуры (карта 27) [Брайчевский М. Ю., 1959; Кропоткин В. В., 1961; 1967]. Это важное свидетельство развития связей с Империей в тот период, когда римляне преодолели Дунай и, освоив Дакию, вплотную приблизились к землям нынешних Молдовы и Украины [Кропоткин В. В., 1954. С. 156 и след.]. Особая концентрация римских денариев характерна для лесостепной полосы, т.е. для территории основного распространения черняховской культуры [Брайчевский М. Ю., 1959. С. 8]. В степи монет меньше, и только область Надпорожья отличается обилием монетных находок. Левобережье Днепра дает в четыре раза меньше монет, чем правобережье. Общее число пунктов, в которых были найдены монеты на Украине и в Молдове, превышает 1100, при этом преобладают отдельные находки монет, а кладов с монетами насчитывается до 140.

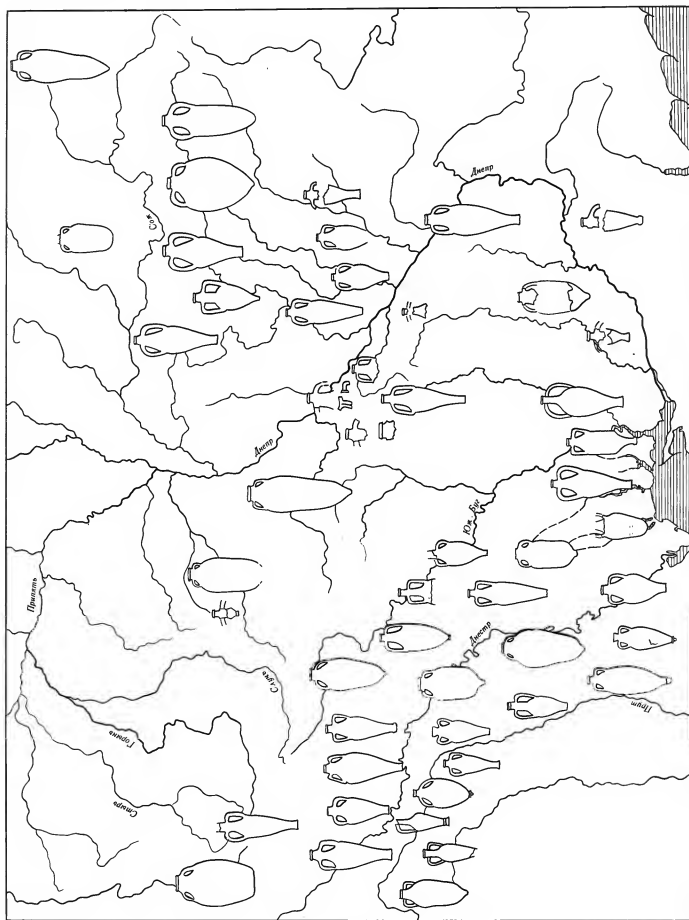
Монеты происходят, как правило, с поселений, так как у черняховского населения не было обычая класть в могилы «бобы Харона», хотя все же отдельные случаи находок монет в захоронениях отмечены

(Черняхов). Встречаются в черняховской культуре и просверленные монеты, использовавшиеся в качестве украшений-подвесок. Среди монет наибольшее количество составляют чеканенные в период с I—II до первой половины III в. н.э. Монет III в. н.э. гораздо меньше [Кропоткин В. В., 1970б. С. 32]. Причина уменьшения количества монет связана с их порчей; в результате ряда реформ императоров позднеимперского времени в денариях оставалось все меньше и меньше серебра, и они теряли свою ценность. Аналогичное отношение к монетам у германцев описывает Тацит [С. 355, 5]: «Они ценят некоторые виды наших монет и отдают им предпочтение», «они больше всего одобряют старинные и давно известные — серраты и битаты», т.е. добротные серебряные монеты. Золотые монеты на черняховской территории крайне редки и встречаются преимущественно на землях Украины и Молдовы на памятниках конца IV в. н.э. Клады монет состоят обычно из серебряных денариев. Для юго-западных областей Э. А. Рикман отмечает некоторый подъем денежного обращения в середине IV в. н.э. Монеты IV в. н.э. в Молдове составили 44% всех находок [Рикман Э. А., 1971а. С. 101, 102]. Наряду с серебряной иногда употребляли и медную монету. Итерсен Борчицкий клад, содержащий до 9 кг монет I—III вв. и наградной медальон с изображением императора Иовиана (363—364) [Тиханова М. А., 1956. С. 301—307; Пастернак Я., 1931. С. 11—17]. Имеются сведения о находках двух медальонов на Волыни и одного — в Киеве [Брайчевский М. Ю., 1964. С. 301, 302].

О значении монетных находок на землях Украины и Молдовы высказаны разные мнения. В противоположность М. Ю. Брайчевскому и Э. А. Рикману, В. В. Кропоткин предположил, что монеты распространялись по лесостепи не в порядке внутреннего обращения, но лишь выполняя функцию сокровища. Допускалась возможность использования монет в качестве денег лишь во внешней торговле, в основном в западных пограничных областях [Кропоткин В. В., 1954. С. 156]. По В. В. Кропоткину, в обмен на монеты и предметы роскоши от местных племен поступали рабы, скот, шкуры, кожи, меха, продукты лесных промыслов. М. Ю. Брайчевский указывал на развитую торговлю хлебом [Брайчевский М. Ю., 1959. С. 27—37; Рикман Э. А., 1975в. С. 230, 237]. Важными доводами в пользу внутреннего денежного обращения в среде черняховского общества служат «варварские подражания», встречающиеся среди прочих монет. Изготовление фальшивых денег, очевидно, было нужно для того, чтобы использовать именно покупательную способность монеты. Однако В. В. Кропоткин считал, что фальшивомонетчики были не из местной среды, а «подражания» проникли извне, с потоком других монет [Кропоткин В. В., 1961. С. 17]. Неправдоподобно большим выглядит поток серебра, если предположить, что в нем нуждались лишь как в металле для изготовления ювелирных украшений. Масса монет, попавших в клады или найденных порознь, отличается сильной потертостью. Это доказывает, что они прошли через множество рук [Рикман Э. А., 1975с. С. 237]. Трудно представить, что усилия для добычи монет предпринимались лишь для укрепления престижа, для далеко не всегда возможной внешней торговли, или чтобы закопать сотни



Курта 27. Распространение отдельных монет и кладов, датированных временем не позже II в. н. э.  
(по М. Ю. Брайчевскому, В. В. Кропоткину и А. А. Нудельману)  
а — места находок кладов, б — места находок отдельных монет; Составитель Э. А. Самонович



Карта 28. Распространение важнейших мест находок амфор на территории черняховской культуры  
Составитель О. А. Савицкий

денариев в землю в качестве сокровищ. Во всей Восточной Европе монеты обращались задолго до создания ранних государственных образований. Привозные монеты создали основу местной весовой и денежной систем. Распространение римских монет в варварской среде — это показатель глубоко запавшей дифференциации черняховского общества.

Почти нет черняховских поселений, на которых бы не находили обломков глиняной тары античных городов — амфор (табл. LXXXII; карта 28). В них приносили вино и масло. Не исключено, что из лесостепи и степи в них же в обмен вывозили зерно, мед и т. д. Доля обломков амфор по отношению к местной лепной и крутовой посуде, как правило, только в отдельных случаях составляет 20—30%. Они никогда не преобладают. Обычно лишь в могильниках, ближайших к берегам Черного моря, находят целые амфоры, хотя и на поселениях есть целые сосуды (Кринички, Киселово и др.) [Симонович Э. А., 1960б. С. 247. Рис. 6, 10]. Вероятно, из-за трудностей транспортировки на черняховские земли привозили обычно амфоры средних размеров (светло- и красноглиняные). Они попадали и далеко на север, как свидетельствуют раскопки на поселениях Курской обл., в Посеймье. Хронологический диапазон привезенных амфор — I—II—IV—V вв. Чаще всего использовали амфоры типа танаисских второй половины II—III вв., инкерманские, типичные для IV в. н. э. на поздних этапах — амфоры типа Делакеу, которые выходят за рамки IV в. н. э., встречающиеся на памятниках первой половины V в. н. э. К раннему времени относятся обломки двустовальных амфор из Луки-Врублевской, Лесок и амфоры типа Балцаты с высоким, почти цилиндрическим горлом [Рикман Э. А., 1972. С. 88. Рис. 1, 2, 3]. Интерес представляют разновидности амфор с левобережья, датируемые III—IV вв. [Симонович Э. А., 1964а. С. 28. Рис. 3] и более западные находки из Поднестровья [Кропоткин В. В., 1970б. С. 43—47]. На многих амфорах имеются граффити, знаки или греческие буквы, нанесенные красной краской до их продажи северным «варварам» [Рикман Э. А., 1972. С. 89. Рис. 2].

По численности и по частоте встречаемости на черняховских селищах красноглиняная и краснолаковая посуда намного уступает амфорам (табл. LXXXII). Этой античной, в основном столовой, посудой пользовались мало, так как мастерство местных гончаров делало в общем неудобным привоз издалека кубков, мисок, употребляемых в повседневном быту. Самый большой набор красноглиняной античной керамики из Ромашек и Звенигорода вызвал у В. В. Кропоткина сомнения в их черняховской принадлежности [Брайчевский М. Ю., 1960. С. 115. Табл. III; Сміленко А. Т., 1952. С. 59. Табл. II; Кропоткин В. В., 1967. С. 71]. Естественно, что античная посуда чаще всего встречается на черняховских памятниках степи и Причерноморья (Викторова II, Каменка-Днепровская, Каборга IV, Коблево, Ранжево, Михайловка и др.). Однако известна привозная столовая посуда и в более северных областях распространения культуры: фрагмент краснолакового сосуда из Кантемировка, кубшин из Раковца, кубшин из Черняхова. В могильниках целиком сохранившиеся сосуды редки, но в заполнениях могил и культурных слоях поселений встречается значительное количество

мелких фрагментов красноглиняной и краснолаковой керамики. Только для Молдовы В. В. Кропоткин приводит до десятка пунктов с материалами такого рода [Кропоткин В. В., 1970б. С. 84]. Глиняные античные изделия типа Terra sigillata найдены в четырех черняховских жилищах Черепинского поселения [Баран В. Д., 1981. С. 100, 101]. Небезынтересно, что на черняховских памятниках Юга иногда встречаются не только круговые, но и выделенные от руки античные сосуды. Сюда можно отнести светильники из Коблева и Гурбинцев [Симонович Э. А., 1964в. С. 25, 26; 1979а. С. 68. Рис. 4, 6, 7].

В первые века нашей эры в Римской империи широкое распространение получила стеклянная посуда. Известны многие провинциально-римские стеклоделательные мастерские и центры производства, из которых шел поток импорта. Для населения вне границ Империи сосуды такого рода представляли большую ценность и не являлись предметом массового употребления. Очевидно, черняховской знатью особо ценились кубки для питья (табл. LXXXII), о чем можно судить и по попыткам воссоздать их в глин [Симонович Э. А., 1978б. С. 179—186]. Известны остатки стеклоделательных мастерских в античных городах Северного Причерноморья. По-видимому, были сделаны попытки перенести производство стекла на земли, занятые черняховскими племенами. Свидетельство тому — открытие остатков стеклоделательного производства в с. Комаров. Однако там после непродолжительного периода производства стекла его пришлось прекратить. По предположению Ю. Л. Шаповой, это произошло из-за отсутствия соответствующего специального сырья и трудностей его доставки [Смیشко М. Ю., 1964. С. 67—80; Шапова Ю. Л., 1978. С. 242]. Об ограниченном количестве стекла, поступавшего на черняховские селища, выразительно говорят материалы Журавки. На поселениях на тысячах фрагментов керамики насчитывается 17 фрагментов стеклянных сосудов и пять стеклянных кубков [Симонович Э. А., 1964г. С. 8—12]. Даже на причерноморских памятниках черняховской культуры стеклянных сосудов не намного больше. Так, в Коблеве в 58 исследованных погребениях найдено два фрагмента таких сосудов, а в наиболее богатом стеклом Ранжевском могильнике в 20 могилах было три кубка. В удаленном от морской береговой полосы могильнике у овчарни совхоза «Приднепровский» на 96 захоронений пришлось три реконструированных стеклянных сосуда. Стеклянные кубки лучшего качества происходили из богатых могил. Есть случаи находок кубков в детских погребениях. Могила 35 у овчарни совхоза «Приднепровский», хотя и принадлежала младенцу, но отличалась большой величиной и глубиной и брошенными в нее в ритуальных целях панцирями черепах [Симонович Э. А., 1960в. С. 204. Рис. 12. Табл. 14]. Стеклянные сосуды обычно изготовлены из желтоватого или зеленоватого полупрозрачного стекла, иногда (как в Фурмановке) насыщенного пузырьками воздуха.

Как исключение отмечено цветное стекло — например, кубок с греческой надписью под венчиком из погребения 14 Ранжевского могильника. Сосуд был сделан из почти непрозрачного стекла вишневого цвета [Симонович Э. А., 1966в. С. 105—109]. Полозостовальную структуру стекла имел кубок из



Переяслава-Хмельницкого, а другой оттуда же был полихромным [Гончаров В. К., Махно Е. В., 1957. С. 133—136. Табл. II, 70, 15]. Неоднократно встречены кубки, украшенные синими напаянными «глазками» (табл. LXXXIII, 1, 2; Журавка, Будешты, Данилова Балка, Тилигуло-Бережанка), характерные в основном для IV в. н. э. и последующих десятилетий [Сорокина Н. П., 1971. С. 101]. Известны кубки, украшенные напаянными нитями, иногда полихромные, как в Журавке [Симонович Э. А., 1977. С. 77. Рис. 1, 14; Кропоткин В. В., 1970б. С. 235. Рис. 78, 3]. Одноцветные кубки украшали также вертикальными напаянными ребрами и каннелюрами (Косаново, Черняхов). Особую группу составляют толстостенные массивные кубки, украшенные врезанными линиями, овальными и ромбообразными шифованными плоскостями [Rau G., 1972. S. 171—214]. Им сопутствуют удлиненнокопические кубки, более тонкостенные, украшенные горизонтальным линейным орнаментом (Данилова Балка) [Симонович Э. А., 1952б]. Представление о стеклянных сосудах в черняховской культуре далеко не полно из-за плохой сохранности тонкостенных кубков. Вследствие недостаточного хорошего качества стекла тонкостенные кубки часто встречаются рассыпавшимися на мельчайшие кусочки и не поддаются реконструкции.

Знакомство черняховского населения с сосудами из цветных металлов подтверждают не только сами вещи, но и подражания им в глине. Черняховские гончары в ряде случаев явно воспроизводили формы металлических мисок и кувшинов. Блестящая поверхность таких сосудов с серым или черным отливом должна была напоминать металлическую. О подражании свидетельствуют такие детали, как глиняные кольца, вдетые в ушки лепесовских сакральных мисок-ваз [Тиханова М. А., 1960. С. 94, 95. Рис. 40, 1, 2], или прикрепление ручек сосудов к фигурному горизонтальному краю так же, как это делалось в металле [Симонович Э. А., 1964б. С. 324. Рис. 25, 1, 4]. С полным основанием сравнивает В. В. Кропоткин глиняный кувшин из Чистилковского могильника (погребение 3) с серебряными кувшинами провинциально-римской работы [Кропоткин В. В., 1973. С. 240, 241. Рис. 2, 1]. Находки самих металлических сосудов на черняховских памятниках крайне редки. В этом отношении выделяется погребение в Рудке с бронзовым котлом и миской (табл. LXXXII, 32) [Кропоткин В. В., 1970б. Рис. 55, 5, 6; Кухаренко Ю. В., 1980. Табл. II]. В Чернищах на Житомирщине при случайных обстоятельствах был обнаружен примитивный бронзовый котел, содержавший клад римских монет I—II вв. [Кропоткин В. В., 1961. С. 56. Рис. 13]. Борочичский клад дал два серебряных сосуда [Тиханова М. А., 1956. С. 302, 224. Рис. 7, 1]. Уникальная бронзовая цилиндрическая туалетная коробочка из Ружичанского могильника со сложной закрывающейся при помощи поворота крышкой [Винокур И. С., 1979. С. 121, 130. Рис. 16, 5]. Из погребений Черняховского могильника было извлечено бронзовое ситечко, видимо, укрепленное на какой-то деревянной основе [Петров В. П., 1964б. С. 115, 116. Рис. 15, 9].

К черняховскому населению попадали не только металлические импортные сосуды. Примечательна находка миниатюрной бронзовой скульптуры коня

из с. Кринички, датированной началом или серединой III в. н. э. [Симонович Э. А., 1958. С. 23—25. Рис. 1]. Фигурку-подвеску в виде льва из Черепинского поселения В. В. Кропоткин вслед за В. Д. Бараном считает римским привозным изделием [Баран В. Д., 1956. С. 136, 137; Кропоткин В. В., 1970б. С. 130. Рис. 40, 4]. Вполне вероятно связь бронзового изображения руки из Мышкова, фаллических подвесок и других случайных находок из западных областей Украины с черняховской культурой [Кропоткин В. В., 1970б. С. 257. Рис. 80, 5; Smiszko M., 1936. S. 130].

Достоянием черняховского общества явились три наиболее важных производственных достижения: плуг с железным наральником, ротационные жернова и гончарный круг. Они показывают существенный прогресс в развитии хозяйства местных племен, приведший к повышению производительности земледелия и к выделению некоторых ремесел, прежде всего гончарного, в специализированную отрасль производства. Отмечается совершенствование приемов и технических навыков в обработке металлов, кости, камня. Успехи земледелия, скотоводства, появления ремесел создали материальную базу для расцвета экономики черняховской культуры. Выделение гончарного ремесла, распространение дорогих импортных изделий и монет свидетельствуют о развитии местного обмена и внешней торговли. Предметом экспорта из Причерноморья, по мнению Б. А. Рыбакова, был прежде всего хлеб [Рыбаков Б. А., 1948б. С. 42, 43].

Исследованию экономического и социального развития черняховских и соседних с ними племен посвящен ряд работ, авторы которых пришли к выводу, что общество в первой половине I тысячелетия н. э. стояло на грани появления классов и принадлежало к этапу военной демократии [Брайчевский М. Ю., 1964; Wielowiejski J., 1960; Godłowski K., 1960]. Имеются основания говорить о социальном расслоении, происходившем в среде черняховского общества. На материалах могильников уже были отмечены захоронения вождей и жрецов, вооруженных дружинников, гончаров-ремесленников, возможно, кузнеца с кладом серпов и кос [Герета И. П., 1978. С. 310, 311. Рис. на с. 311]. В то же время имеются погребения беднейшего населения, почти лишенные всякого инвентаря.

Черняховские материалы и прежде всего богатая и разнообразная орнаментация на посуде, имевшая безусловно сложную семантику, дают ценные сведения для реконструкции языческого мировоззрения населения. Б. А. Рыбаков, изучив знаки на трехручых вазах-чахах, найденных на жертвеннике, помещенном в центре специального сооружения-святынища на поселении Лепесовка, и сопоставив их с изображением на кувшинах, происходящих из могильников Малаешты и Ромашки, пришел к выводу, что эти сосуды несомненно служили ритуальным целям (рис. 6). Лепесовская чаша, изображения на которой разделены на 12 секций с неповторяющимися рисунками, отражающими специфику сельскохозяйственных работ и промыслов каждого из 12 месяцев в году, использовалась, вероятно, для священной воды при новогодиных обрядах и гаданиях. Изображения на кувшине из Ромашек, расположен-

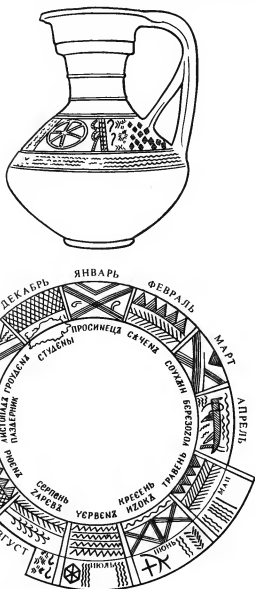


Рис. 6. Сосуды-календарь IV в. н. э.

Наверху — кувшин из Ромашков;  
внизу — сводная схема календарей из Ромашков и Лепесовки

ные двумя горизонтальными поясами, образуют определенную систему и представляют собой календарь, в котором отмечены дни языческих праздников, связанных с аграрной магией, фазы развития хлеба и наиболее благоприятные для их развития периоды дождей и солнечных дней. Календарь отражает довольно высокий уровень агротехнических знаний того времени и подтверждает деление года на 12 месяцев по 30 дней в каждом из них [Рыбаков Б. А., 1962. С. 66—82].

Рассмотрев погребальные обычаи, Э. А. Симонович пришел к выводу, что погребения с северной ориентировкой разрушались специально из страха перед мертвыми и для их обезвреживания. Этот обычай, по его мнению, был вызван изменением идеологических представлений населения, что привело к появлению новой ориентировки погребенных — головой к запа-

ду. Исследователь предположил, что появление погребений, ориентированных к западу и лишенных инвентаря, было связано с принятием христианства некоторыми племенами, находившимися под влиянием провинциально-римских центров, хотя прямых данных для доказательства распространения христианства у черняховских племен нет [Симонович Э. А., 1963в. С. 49—60].

На некоторых черняховских поселениях открыты каменные изваяния-идолы. Около с. Иванковцы Хмельницкой обл. найдены три изваяния. Одно из них представляло собой четырехгранный столб, на трех сторонах которого грубо высечены человеческие лица. Другое изваяние, также в виде четырехгранного уплощенного столба, было снабжено грубо сделанной головой с бородой и усами, двумя руками, сложенными на груди и держащими меч. Небольшие раскопки в Иванковцах не выявили определенных сооружений, связанных с изваяниями, и не доказали принадлежность идолов к собственно черняховскому слою — помимо находок черняховской керамики, на поселении встречались посуда второй половины I тысячелетия н. э. и времени Киевской Руси [Брайчевский М. Ю., Довженко В. И., 1967. С. 238—262]. Каменное изваяние из с. Ставчаны представляло собой фигуру бородатого мужчины в коническом головном уборе, держащую в руках рог для питья. На тыльной стороне изваяния выбито изображение коня [Винокур И. С., 1967б. С. 136—143]. Имеются сведения о многих находках антропоморфных идолов, сделанных из местного песчаника и обнаруженных в Поднестровье. Но места их обнаружения до сих пор не обследованы в должной мере, и нет достаточных оснований для связи их именно с племенами черняховской культуры.

#### ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ.

Вопросы о том, с какими конкретными историческими событиями связано возникновение черняховской культуры, чем объясняются ее монолитность и единообразие на гигантской территории, какие племена входили в состав носителей черняховской культуры, какова была ее роль в сложении раннесредневековых славянских культур, пока не имеют достаточно ясного и однозначного ответа. Практически все возможные варианты решения этих вопросов в общей форме были предложены еще на начальном этапе изучения черняховской культуры, однако они и сейчас остаются лишь гипотезами, почти в равной степени подкрепленными научной аргументацией. Сложность и неоднородность этноструктуры населения, оставившего черняховскую культуру, сейчас серьезно не оспариваются никем. Разногласия касаются в основном вопроса о том, каким племенам принадлежала доминирующая роль в процессе сложения черняховской культуры. Не исключается и возможность ее формирования в гетерогенной среде.

До последнего времени ученые различных направлений применяли практически одни и те же методы исследования и схемы доказательств. На начальной ступени проводилось выделение тех или иных этнических элементов в метакомплекс черняховской культуры, затем следовал вывод о ее этнической принадлежности, что и служило основой для привязки к определенным историческим событиям, известным по письменным источникам. Однако вопросы

сложения и этнической принадлежности черняховской культуры много сложнее, чем выяснение происхождения ее отдельных признаков. Поэтому сама правомерность подобного подхода во многих случаях вызывает сомнение. Кроме того, отсутствие строгой периодизации, а также точного определения хронологических границ черняховской культуры, опирающихся на надежные абсолютные даты, исключало возможность зафиксировать время появления, период развития и момент исчезновения того или иного признака. В целом картина складывалась чересчур упрощенная и статичная. Несовершенство методики приводило к тому, что ни одна из гипотез не могла быть исчерпывающе доказана или полностью опровергнута. Дискуссия зашла в тупик, и это вызвало необходимость переосмысления уже известных фактов, поисков новых путей исследования. В последние годы наметилось несколько перспективных направлений, сфокусированных на разных сторонах многогранной проблемы исторической интерпретации черняховской культуры и базирующихся на определенном круге материалов и приемах работы с источниками. По-прежнему основное внимание уделяется вопросам происхождения черняховской культуры, выявлению ее истоков, а также ее позднейшим судьбам и связям с раннесредневековым миром. Но при этом исследования последних лет основаны на гораздо большем количестве материалов, которые непрерывно пополняются, и это в ряде случаев коренным образом меняет старые устоявшиеся положения. Более строгие критерии и требования, применяемые при сопоставлении культур для выявления генетических связей между ними, предполагают не сравнение отдельных разрозненных признаков культур, а их комплексов в целом. И самое главное, в современных работах выдвигается требование по возможности установить наиболее точные датировки, которые должны выделить достоверно синхронные комплексы или хронологически последовательные, что делает правомерным их сравнение.

\*\*\*

Этническая ситуация в Юго-Восточной Европе накануне возникновения черняховской культуры была крайне сложной. Значительную территорию — от Поднепровья до Дуная — занимали сарматы. Археологические объекты, оставленные сарматским населением, весьма многочисленны и разнообразны. К ним принадлежат отдельные впускные погребения в курганах, курганные и грунтовые могилы (Усть-Каменка, Дзинлор, Маяки), своеобразный некрополь Галантаево в Среднем Поднепровье. Эти памятники не представляют собой единой монойтной группы, они принадлежали разным племенам, продвигавшимся несколькими миграционными потоками с востока на запад [Махно Е. В., 1960б; Шукин М. Б., 1976а; 1979б; Дзиговский О. М., 1980]. На северо-черноморском побережье сохранились небольшие островки позднескифского населения. Вдоль нижнего Днепра тянулась цепочка так называемых малых городищ, здесь же располагались три больших грунтовых некрополя: Николаевка, Золотая Балка, Красный Маяк (б. Бизюков монастырь). Известны позднескифские поселения и могильники в Нижнем Поднепровье — Холмское, Волчья Балка, Молога II

[Гудкова А. В., Фокеев М. М., 1982; Фокеев М. М., 1982; Паламарчук С. В., 1982].

В первые века нашей эры происходит активное продвижение пшеворских и вельбарских племен в районы Верхнего Поднепровья и Волыни. На этой территории в период, непосредственно предшествовавший образованию черняховской культуры, складывается очень пестрая и во многом далеко еще не ясная картина. Прежде всего следует подчеркнуть, что весьма далек от исчерпывающего разрешения вопрос об этнической принадлежности пшеворской культуры. Большинство исследователей в последних работах подчеркивает многокомпонентность, неоднородность этой культуры, связанную, по-видимому, со сложностью ее происхождения и этнического состава. К. Голдовский выдвинул тезис о различных германских племенах, создавших эту культуру [Gołdowski K., 1985]. В. В. Седов выделяет в ареале пшеворской культуры два региона — восточный и западный, в которых преобладали славянские или германские племена [Седов В. В., 1979. С. 60—70]. И. П. Русанова выделяет различные компоненты — славянский, кельтский и германский, расположенные чересполосно на территории пшеворской культуры [Русанова И. П., 1988]. В Верхнем Поднепровье и западном Побужье, т. е. на территории, где пшеворские памятники непосредственно соприкасались с черняховскими и предшествовали последним по времени, распространены пшеворские захоронения с оружием, которые можно связывать с германскими воинскими отрядами. Но здесь же, по данным Д. Н. Козака, известно множество поселений, среди населения которых, судя по особенностям керамического материала и деталям домостроительства, существенное место могли занимать славяне [Козак Д. Н., 1984а]. Вельбарские племена, скорее всего в своей основе германские, постепенно продвигались вдоль Вислы на Волынь и на своем пути, по-видимому, впитали в себя часть пшеворского населения и поэтому также не были однородны в этническом отношении. Ситуация осложнялась присутствием на территории Верхнего Поднепровья еще одной культурной группы — липицкой, памятники которой располагались в значительной мере чересполосно с пшеворскими. Липицкая культура представляет собой, по мнению большинства исследователей, «северное ответвление большого дако-гетского... массива» [Этнокультурная карта..., 1985. С. 40]. По современным данным, основная масса липицких поселений и могильников прекращает существование уже в начале II в. н. э. Вероятно, к этому времени немногочисленное дакийское население было в значительной мере ассимилировано или вытеснено пшеворскими племенами. Однако липицкие элементы сохраняются в культуре этого региона и позднее. Об этом свидетельствуют, в частности, материалы поселения Ремезовцы, верхняя дата которого — конец II — начало III в. н. э.

Наиболее сложен вопрос о населении лесостепной полосы в междуречье Днестра и Днепра в предчерняховское время. До сих пор не вполне ясно, когда прекращает свое существование классическая зарубинецкая культура, однако вполне очевидно, что это происходит не позднее середины I в. н. э. [Шукин М. Б., 1979б. С. 68; Каспарова К. В., 1976б].

Таким образом, между классической зарубинецкой и черняховской культурами существует значительный хронологический разрыв (не менее 100 лет), что и ставит вопрос о правомерности их прямого сопоставления. Этот разрыв в некоторой степени заполняется так называемыми позднзарубинецкими (или постзарубинецкими) памятниками. Пока неясно, являются ли они завершающим этапом собственно зарубинецкой культуры, образуют самостоятельную культуру или составляют хронологический горизонт относительно близких между собой памятников. Изучены позднзарубинецкие памятники еще крайне слабо, в основном по материалам поселений. Большинство исследователей проводит линию генетической связи между позднзарубинецкими памятниками и культурой киевского типа [Этнокультурная карта..., 1985. С. 58, 59], при этом вопрос о роли позднзарубинецкой группы в формировании черняховской культуры ставился в литературе лишь в самой общей форме [Баран В. Д., 1980. С. 158].

Черняховскую культуру невозможно рассматривать как результат простой эволюции из одной из предшествующих культур, хотя ее комплекс и включает скифо-сарматские, пшеворо-зарубинецкие, вельбарские и фракийские элементы. Выделение этих элементов, определение их значимости, удельного веса, районов концентрации дает возможность в самых общих чертах наметить картину расселения различных этнокультурных групп, входивших в состав черняховского населения. Ясно, что объективная картина может получиться лишь в том случае, если группы общих элементов выделены верно. Любая ошибка в этом вопросе неизбежно приводит к серьезным искажениям исторической действительности. Каждый из выделенных признаков должен обладать обязательно двумя качествами: определенностью происхождения и достаточно высокой степенью информативности. В большинстве работ по черняховской культуре в той или иной степени затрагивается вопрос о ее соотношении с памятниками предшествующего времени, так как обойти эту тему невозможно. Однако чаще всего дело ограничивается лишь проведением довольно поверхностных параллелей без глубокого и всестороннего анализа. В литературе рассеяно множество слабо обоснованных суждений по этому поводу, которые принимаются на веру, постепенно вытесняя в традицию, и служат основанием для различных, весьма ответственных выводов. Специальные исследования по этому вопросу крайне немногочисленны и, как правило, невелики по объему [Симонович Э. А., 1970а; Федоров Г. Б., 1957; Кравченко Н. М., 1970; Рикман Э. А., 1970б; Кухаренко Ю. В., 1954; Седов В. В., 1978]. Целенаправленное и развернутое исследование было предпринято лишь в отношении одного круга проблем, связанных с выявлением роли скифо-сарматского населения в сложении черняховской культуры [Гей О. А., 1985].

К настоящему времени сложилось достаточно устойчивое представление о группе скифо-сарматских признаков в черняховской культуре. К ним обычно относят: 1) подкурганные захоронения; 2) обряд трупоположения; 3) северная ориентировка погребенных; 4) положения костяка — скорченное на боку, с перекрещенными ногами, руками, уложен-

ными на бедра или живот; 5) захоронения в подбоях, катакомбах, ямах с запелюсками; 6) обряд ставить вокруг погребенного множество сосудов; 7) куски туш мелкого и крупного скота в могилах; 8) куски мела и уголь в захоронениях с трупоположениями; 9) деформация черепов; 10) отдельные формы лентной и гончарной посуды; 11) каменные домостроительств; 12) некоторые разновидности инвентаря — костяные пирамидальные подвески, чечевицеобразные бусы (табл. LXXXIV) [Кухаренко Ю. В., 1954; Рикман Э. А., 1975в. С. 319, 320; Седов В. В., 1972. С. 121, 122; 1978; 1979. С. 81—84; Федоров Г. Б., 1957. С. 234—243; Diaconi G., 1966. S. 444—446].

Между тем происхождение многих из этих признаков еще до конца выяснено, во всяком случае не все из них можно связывать именно со скифо-сарматскими племенами. Некоторые признаки не характерны для самой черняховской культуры и поэтому обладают минимальной информативностью, другие могут свидетельствовать лишь о культурных связях и не представляют собой надежный источник для решения этногенетических проблем. Так, например, подкурганные захоронения встречаются в черняховской культуре чрезвычайно редко, и во всех случаях их культурная принадлежность сомнительна. Подкурганные сожжения у с. Войсковое принадлежат скорее всего к кругу памятников, имеющих северо-западное (пшеворское или вельбарское) происхождение. То же самое можно сказать и о погребениях у с. Башмачка [Смиленко А. Т., Мизин В. А., 1979]. Надо отметить также, что в первые века нашей эры скифы уже утратили обряд соорудить курган над погребенным и хоронили умерших в простых грунтовых могилах.

Вопрос о происхождении северной ориентировки погребенных в черняховской культуре представляется довольно сложным и пока, вероятно, не имеет однозначного решения. Обычай укладывать мертвых головой на север характерен для позднесарматского населения. На территории Северного Причерноморья весьма ощутимо возрастает с конца I в. н. э. число сарматских захоронений, ориентированных в северном полушарии, — с 28,5 до 72,6% [Костенко В. И., 1980. С. 12—14]. Однако северная ориентировка погребенных была широко распространена и у других народов в этот период на территории Восточной и Средней Европы. Она зафиксирована у поздних скифов, у населения античных городов [Арсеньев Т. М., 1977. Табл. I, 2], в культурах западной части Балтийского региона. В пшеворской культуре именно в позднеримское время наблюдается тенденция к преобладанию северной ориентировки [Никитина Г. Ф., 1974. С. 71]. Обычно северную ориентировку погребенных в позднескифских и античных некрополях объясняют (и не без основания) сарматским влиянием [Абрамова М. П., 1962. С. 280; Шелов Д. Б., 1972. С. 249]. Но вряд ли подобным образом можно объяснить наличие этого признака в пшеворской и вельбарской культурах. В. В. Седов полагает, что «сарматские погребальные особенности свойственны прежде всего черняховским трупоположениям с северной ориентировкой» [Седов В. В., 1979. С. 83]. Однако в приведенной им корреляционной таблице лишь два признака — подобные могилы и катакомбы — можно считать неоспоримо

скифо-сарматскими. Кроме того, труположения с северной ориентировкой доминируют в черняховских могильниках — их почти в три раза больше, чем погребений с западной ориентировкой. Поэтому абсолютные цифры, приведенные в таблице, не всегда дают реальное представление о соотношении количества скифо-сарматских признаков, свойственных погребениям с северной и западной ориентировкой. Все это приводит к выводу, что вопрос о происхождении обычая укладывать умерших головой на север в черняховской культуре не находит однозначного решения. Видимо, мы здесь имеем дело со сложным синтезом разнородных традиций: южной (скифо-сарматской) и северо-западной (вельбарской, пшеворской).

Подробный анализ всех приведенных выше элементов черняховской культуры, предположительно имеющих скифо-сарматское происхождение, позволял разбить их на три группы. Первая группа включает в себя элементы бесспорно скифо-сарматского происхождения. К ним относятся прежде всего типы каменных погребальных сооружений — могилы с подлобами и катакомбы. В литературе вопрос об обычаях совершать захоронения в подлобах всегда решался вполне однозначно — было совершенно очевидно, что он имеет в черняховской культуре сарматские истоки [Кухаренко Ю. В., 1954; Семенов В. В., 1976. С. 95; Рикман Э. А., 1975а. С. 318]. Напротив, интерпретация черняховских катакомб вызывала серьезные сомнения. Наиболее естественным представлялось в первую очередь привести позднескифские аналогии [Сымонович Э. А., 1971а. С. 66—69]. Действительно, спецификой позднескифского погребального обряда являются именно катакомбные захоронения. Позднескифские катакомбы представляют собой весьма устойчивую разновидность погребального сооружения, их отличительная особенность состоит в том, что камера расположена перпендикулярно входной яме [Визьмитина М. И., 1972. С. 158—160]. Конструкция черняховских катакомб принципиально иная. Камера этих сооружений представляет собой как бы непосредственное продолжение входной ямы — их длинные оси лежат на одной прямой. Бросятся в глаза еще одно существенное отличие: позднескифские катакомбы предназначены для многократных захоронений, тогда как черняховские — исключительно для одиночных. По всем основным элементам катакомбы, открытые на черняховских памятниках, очень близки аналогичным сарматским могилам, которые распространены в Поволжье, Подоенье, Крыму, на Северном Кавказе и фиксируют пути сарматской экспансии с востока на запад.

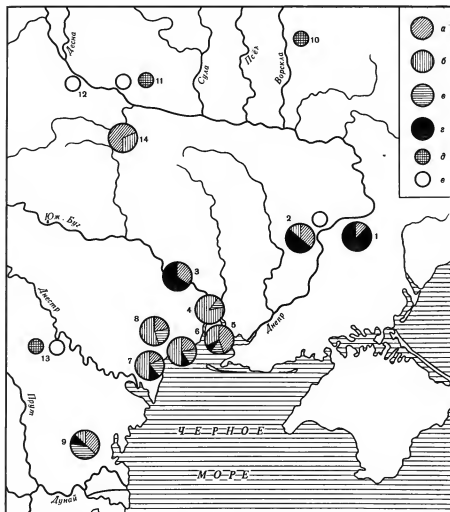
К первой группе скифо-сарматских признаков в черняховской культуре относятся также отдельные формы лепной керамики. Они представлены четырьмя основными типами. В первый тип объединены горшки с низким сферическим туловом, высоким горлом и широким дном (табл. LXXV). Они имеют многочисленные аналогии в сарматских погребениях первых веков нашей эры на территории Северного Причерноморья. Ко второму типу принадлежат сосуды вытянутых пропорций с краем в виде раструба, пологими, плавни изогнутыми плечиками. Наибольший диаметр у них находится на сере-

дине высоты. Такие сосуды также широко распространены у сарматских племен Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Третий тип включает сосуды вытянутых пропорций с краем в виде раструба. Наибольший диаметр находится в верхней части сосуда. Подобные сосуды являются специфической особенностью позднескифских памятников. Четвертый тип охватывает горшки с очень высоким, почти прямым венчиком и наибольшим диаметром, расположенным на середине высоты сосуда. Подобные горшки зафиксированы у сармат Среднего Поднепрорья и Днестровско-Прутского междуречья.

К первой группе скифо-сарматских элементов черняховской культуры следует отнести и некоторые виды построек из камня — многокамерные дома и строительные комплексы (усадьбы), состоящие из большого числа помещений, сгруппированных вокруг обширного внутреннего двора и объединенных каменной стеной. Такие постройки по всем признакам (типы кладок, планировка, устройство отопительных сооружений, внутреннее оформление помещений) очень близки к каменному домостроительству позднескифских городищ и поселений [Смilenко А. Т., 1975. С. 47; Магомедов Б. В., 1980. С. 133].

Изучение признаков первой группы и подсчет их процентного соотношения по отдельным памятникам показали, что они сосредоточены главным образом в Северном Причерноморье (карта 29). Именно здесь локализуется ряд могильников (Викторовка II, Коблево, Ражнево, Фурмановка) с устойчивым набором выразительных черт: резким преобладанием обряда ингумации, высоким процентом таких типов погребальных сооружений, как могилы с подлобами, катакомбы. Для этой зоны весьма характерна также лепная керамика сарматских форм. Каменное домостроительство, зафиксированное на некоторых памятниках (Борислав, Александровка, Городок), восходит к позднескифскому архитектурным традициям. Элементы первой группы, имеющие бесспорно скифо-сарматское происхождение, отражают идеологические представления, традиции домашнего производства, домостроительства. Их концентрация в северопричерноморской зоне черняховской культуры свидетельствует о присутствии в этноструктуре населения именно этого региона скифо-сарматского компонента. Следует отметить, что преобладают именно сарматские черты. По-видимому, к середине III в. н. э., после бурных событий периода «готских» войн, позднескифская культура в Нижнем Поднепрорье угасала, и черняховское население не унаследовало ни специфику позднескифского погребального ритуала, ни форм лепной скифской посуды, восприняв лишь некоторые традиции местного домостроительства.

Вторая группа включает элементы, которые также имеют скифо-сарматское происхождение, однако встречаются в черняховской культуре лишь как исключение: 1) выразительные проявления культа огня в могилах с труположениями (обоженные части деревянных конструкций и скелета, остатки кострищ; Раковец); 2) деревянные сооружения в могилах (гробы, колоды; Черняхов); 3) кости барана с ножом в могилах; 4) деформированные черепа (Черняхов, Спанцов); 5) кусочки мела в могилах (Будешты, Маслово).



Карта 29. Скифо-сарматские элементы в памятниках черняховской культуры

- а — труположения в простых ямах;  
 б — труположения в ямах с уступами;  
 в — труположения в подбоях;  
 г — трупосожжения;  
 д — одиночные ямы с уступами;  
 е — одиночные подбоя;  
 1 — Каменка-Днестровская;  
 2 — Гавриловка;  
 3 — Городок;  
 4 — Каменка-Анчерак;  
 5 — Каборга;  
 6 — Викторка II;  
 7 — Коблево;  
 8 — Ранжеево;  
 9 — Фурмаявка;  
 10 — Кантемировка;  
 11 — Переяслав-Хмельничский;  
 12 — Черняхов;  
 13 — Буденты;  
 14 — Журавка.
- Составитель О. А. Гей

Третья группа содержит элементы, вопрос о происхождении которых не имеет однозначного решения: 1) обряд труположения (в некоторых случаях показателем присутствия в составе населения скифо-сарматского компонента может быть преобладание этого обряда); 2) северная ориентировка погребенных; 3) обычай обставлять погребенного многочисленными сосудами; 4) невыразительные скопления угольков рядом со скелетом и в заполнениях могил; 5) положение костика — скорченное на боку, с согнутыми и перекрещенными ногами; 6) некоторые типы гончарной посуды; 7) обилие бус в погребении, некоторые виды украшений. Первые пять элементов третьей группы не являются спецификой позднескифской и сарматской культуры, они распространены очень широко и встречаются у разных этносов. Отдельные разновидности инвентаря и гончарной керамики, вероятнее всего, были привнесены в черняховскую культуру путем многоступенчатых заимствований. Так, например, ведркообразные подвески появляются сначала у позднескифского и сарматского населения, затем вместе с сарматами попадают в Подунавье и Среднюю Европу. Затем, в связи с миграциями шеворских и вельбарских племен на юго-восток, ведркообразные подвески распространяются на территории черняховской культуры [Баян И. А., Каргапольцев С. Ю., 1989]. Довольно сложная цепочка за-

имствований предшествовала и появлению в черняховской культуре многих характерных типов гончарной посуды. Наиболее близкие аналогии открытым остроресерным мискам обнаружены в комплексе меотской серолощенной керамики. Продукция меотских гончарных мастерских распространялась широко в степных регионах в сарматской среде. В сарматских захоронениях встречаются серолощенные остроресерные миски с отогнутым венчиком на кольцевом поддоне, аналогичные меотским. По-видимому, под влиянием процесса сарматизации массовое изготовление серолощенной керамики начинается на рубеже нашей эры в античных городах северо-западного Причерноморья, на Боспоре [Кравченко Н. М., Корпусова В. М., 1975. С. 40—42; Магомедов Б. В., 1977]. Не исключено, что гончарное производство было воспринято черняховским населением из ремесленных центров северопонтийских городов, причем вместе с общими навыками к нему проникли и отдельные формы сосудов, в частности остроресерные миски. Не вполне определенные по происхождению элементы третьей группы рассеяны равномерно по всему ареалу черняховской культуры.

Основным источником для выделения в черняховской культуре зарубинецких, шеворских, вельбарских и фракийских элементов служат материалы обряда трупосожжения и лепная керамика. Н. М. Кравченко провела классификацию черняхов-

ских трупосожжений, подразделив их на 28 типов; некоторые из них, по ее мнению, имеют выразительные черты, указывающие на их происхождение. Так, захоронения в урнах и ямках, сопровождаемые сосудами-приношениями, она связывает вслед за Э. А. Симоновичем с зарубинецким обрядом [Кравченко Н. М., 1970. С. 47; Симонович Э. А., 1959а. С. 88; 1970а]. Шшевюрскими по происхождению считаются сожжения, сопровождающиеся фрагментами вторично обожженной, ритуально разбитой посуды, а также погребения в обширных ямах, где остатки кремации лежат рассредоточенно, вперемишку с землей. Отсутствие обрядового инвентаря, ямы и урны под крышками выделяются как тето-дакийские признаки [Кравченко Н. М., 1970. С. 49]. Эта схема различных по происхождению элементов обряда трупосожжения в черняховской культуре принимается (или во всяком случае не оспаривается) большинством исследователей и используется во многих работах [Седов В. В., 1979. С. 89, 90].

Прежде всего надо отметить, что до сих пор методика изучения обряда кремации разработана крайне слабо. Погребение представляет собой систему взаимосвязанных элементов, каждый из которых отражает конкретные действия, совершаемые в общем процессе погребального ритуала. Для трупосожжений характер связей в целой системе еще совершенно не ясен, не определена значимость признаков. Поэтому, оперируя отдельными признаками, вне системы, исследователь ступает на скользкую почву. Сосуды-приставки и разбитая керамика в сожжениях распространены на очень широкой территории, буквально во всех латинизированных культурах Восточной и Центральной Европы. Вряд ли правомочно связывать эти элементы с определенным этносом. Для классической зарубинецкой культуры характерны безурновые захоронения с целыми сосудами. Однако такой тип сожжения — обычное явление и для вельбарско, и для шшевюрских могильников [Кухаренко Ю. В., 1980], тогда как в черняховской культуре он зафиксирован в единичных случаях [Никитина Г. Ф., 1985. С. 73, 74]. Как уже отмечалось, более корректно в методическом отношении проведение параллелей с памятниками позднезарубинецкими. Однако здесь сразу же возникает ряд сложностей. К настоящему времени раскопкам подвергался лишь один позднезарубинецкий могильник — Рахны, расположенный в верховьях Южного Буга. Датирован он концом I — началом II в. н. э., следовательно, не относится к периоду, непосредственно предшествующему возникновению черняховской культуры. Однако в материалах этого памятника хорошо прослеживается перерождение основных характерных черт зарубинецкого обряда и возникновение новых признаков. В частности, появляются сожжения с фрагментами обожженной посуды. Типы сожжений шшевюрской и вельбарской культур по сути дела идентичны. Однако распространены разные типы внутри ареалов этих культур отнюдь не равномерно, значительно видоизменения обряда погребений и во времени. Так, на разных стадиях развития шшевюрской культуры соотношение урновых и безурновых захоронений сильно варьировало: со II в. н. э. прослеживается явная тенденция к преобладанию урновых сожжений, которая продол-

жается и в III в. н. э., с конца III в. н. э. возрастает доля безурновых погребений [Никитина Г. Ф., 1974. С. 64]. Подсчеты, проведенные суммарно по большим регионам и довольно длительным отрезкам времени, выявляют лишь самые общие закономерности. Очень важно проследить колебания элементов обряда по отдельным могильникам в течение коротких периодов, соответствовавших смене поколений. Такое исследование позволило бы определить изменчивость различных признаков, а следовательно, и их значение для определения специфики обряда.

Такая работа проделана пока только по материалам одного памятника — могильника Брест-Тришин, который может считаться эталонным для ранней стадии вельбарской культуры на территории Восточной Европы. Ю. В. Кухаренко предложил общую датировку всего могильника — 170—270 гг., которая до сих пор принимается без изменений. Исследование взаимовстречаемости хронологически показательных вещей в погребениях позволило выделить три горизонта в могильнике, приблизительно равных по продолжительности. Сопоставление типов сожжений внутри этих горизонтов дало весьма любопытные результаты. В могильнике выделяется четыре основных типа сожжений: 1. Урновое чистое. Захоронение совершается в толще чистого песка. Обломки костей сложены в урну и тщательно очищены от остатков погребального костра. Довольно часто внутри сосуда, сверху на костях, находится миниатюрный сосудик (миска, кубок). 2. Урна с остатками костра. Захоронение совершается в яме, заполненной золой. Обломки костей, заполняющие урну, тщательно очищаются от остатков погребального костра. Поверхности сосуда-урны не носит следов вторичной обожженности. 3. Безурновое чистое. В яме нет следов погребального костра. Кости тщательно очищены. Довольно часты в яме (на костях, под костями, среди костей) фрагменты керамики и целые сосуды. 4. Безурновое с остатками костра. Яма заполнена золой, перемешанной с обломками человеческих костей. Среди золы и костей — фрагменты поврежденной огнем керамики, ритуально разбитые и целые сосуды, поверхность которых также носит явные следы вторичной обожженности. В целом по могильнику значительно преобладают безурновые погребения [Кухаренко Ю. В., 1980. С. 25], но удельный вес разных типов трупосожжений меняется со временем. На начальной стадии функционирования могильника представлены все выделенные типы, которые довольно полно отражают разнообразие форм обряда кремации вельбарской культуры. Интересно, что урновые сожжения составляют здесь 50%. На второй стадии господствуют чистые безурновые погребения, которые вообще в могильнике составляют лишь незначительную часть [Кухаренко Ю. В., 1980. С. 25]. И наконец, на третьей стадии происходит новое видоизменение обряда: совершенно исчезают чистые безурновые сожжения, подавляющее число погребений совершается в ямах с остатками костра. Этот факт весьма показателен и при сравнении с черняховским обрядом позволяет сделать интересные выводы.

Существует несколько черняховских (или прото-черняховских) могильников, ранние горизонты которых могут быть синхронизированы с комплек-

сами Брест-Тришина. Прежде всего это относится к могильнику Ружичанка, начальная фаза которого относится ко времени ступени С<sub>1</sub>. Основная часть материалов Ружичанки укладывается в пределы периода С<sub>2</sub>, т. е. синхронна и несколько моложе финальной стадии Брест-Тришина. В обоих могильниках совпадают некоторые категории довольно характерных вещей, широко представлены фибулы с зерну, диагностирующие период С<sub>2</sub>. Третий горизонт Брест-Тришина характеризуется, кроме того, исчезновением старых, типично вельбарских форм керамики и появлением новых. В первую очередь это высокие открытые миски с наметившимся ребром, широко представленные и в погребениях первого горизонта Ружичанки. Единственный тип сожжений в Ружичанке — безурновые погребения с остатками костра, что характерно и для третьего периода могильника Брест-Тришин. Этот тип погребений не типичен для черняховской культуры в целом и численно преобладает лишь на самых ранних памятниках (Ханска-Лутэрия). Подобное совпадение — общность погребального обряда, многих категорий вещей и керамики в позднем горизонте Брест-Тришина и ранней фазе Ружичанки — безусловно, не может быть случайным. Вероятно, сожжения в ямах с остатками костра, по крайней мере для раннего этапа западных регионов черняховской культуры, следует выделить как вельбарскую черту.

Необходимо отметить еще несколько важных моментов. Для пшеворской культуры Волыни и западного Побужья характерны захоронения в урнах с остатками костра, при этом часто их сопровождает оружие. Трупосожжения с оружием не составляют большого числа в черняховской культуре. Они зафиксированы в таких могильниках, как Малаешты, Компанийцы, Ханска-Лутэрия. По-видимому, истоки этой специфической черты обряда в черняховской культуре следует связывать именно с пшеворской культурой, причем, вероятнее всего, с германским ее компонентом. Каменные конструкции в трупосожжениях также явно имеют северо-западное происхождение, хотя пока неясно, какой группой племен они привнесены в черняховскую культуру.

Использование гончарной посуды в качестве источника для изучения этноструктуры населения черняховской культуры еще не дает ощутимых результатов. Главным препятствием для этого является отсутствие детальных типологических разработок, а также неясность вопроса о происхождении гончарной керамики. Безусловно, некоторые выразительные типы сосудов имеют аналогии в соседних и предшествующих культурах. Это относится прежде всего к трехручным вазам. В первых веках нашей эры подобные вазы, но лепные, а не гончарные, были широко распространены на территории Польши и восточной Германии [Магомедов Б. В., 1977. С. 113, 114]. Узкогорлые кувшины с биконическим туловом, близкие по форме черняховским, известны в Дакки [Магомедов Б. В., 1977. С. 115. Табл. I]. Перечень аналогий можно было бы продолжить, однако, по-видимому, создание разнообразных форм в каждом отдельном случае имело длительную и сложную предисторию, как это было показано выше на примере остросеребряных открытых мисок.

Значительно более широкие возможности уже в

настоящее время открываются при изучении лепной керамики черняховской культуры. Можно выделить несколько хорошо отличимых форм, которые генетически восходят к пшеворским, вельбарским и гето-дакийским прототипам. На большинство памятников представлена группа сосудов, имеющих пшеворское или вельбарское происхождение. К ним относятся: 1) яйцевидные горшки с загнутым внутрь краем; 2) разнообразные биконические миски закрытой формы; 3) биконические призмистые кружки; 4) воронковидные миски и некоторые другие типы (табл. LXXXVI). Достаточно четко выделяется также группа сосудов баночной формы, имеющих гето-дакийское происхождение. Эти сосуды встречаются в основном на памятниках юго-западного региона черняховской культуры (Фурмановка).

По-видимому, следы проникновения населения с северо-запада все же не ограничиваются лишь кругом вельбарских и пшеворских древностей. К настоящему времени накопились сведения о своеобразных, стоящих особняком погребениях, принадлежащих воинам или всадникам и разбросанных на очень широкой территории. К ним относится захоронение под каменным закладом, совершенное в слое одного из приольвийских городищ. К счастью, оно достаточно надежно датируется третьей четвертью III в. н. э. [Гороховский Е. Л., Зубар В. М., Гаврилюк Н. О., 1985]. Вероятно, к этой же группе следует отнести и известное богатое погребение в Рудке, которое по набору содержавшегося в нем инвентаря ближе всего стоит к вельбарской культуре [Кухаренко Ю. В., 1980. С. 83—86]. Однако оно совершенно по обряду ингушским, что сразу выделяет его из круга вельбарских памятников Волыни. Эти разрозненные данные пока не укладываются в единую картину. Возможно, они как-то связаны с горизонтом княжеских захоронений Средней Европы (Лейна-Хаслебен), относящимся к началу фазы С<sub>2</sub> (третья четверть III в. н. э.), но какова их роль в сложении черняховской культуры, — пока остается загадкой.

Очень интересные находки, во многом меняющие современные представления, сделаны в Нижнем Поднепровье (раскопки О. А. Гей 1986 г.). В позднескифском могильнике Красный Маяк открыт целый ряд захоронений, совершенных по обряду северо-западных культур (безурновое трупосожжение, могилы со стелами, черепа под каменными закладами). В одном из них (парное детское захоронение) обнаружен богатый набор прибалтийских бронзовых украшений, включавший налобный венчик с подвесками, составленным из колечек и проножек, кольца, браслеты, колокольчики. Комплекс датируется второй половиной II — началом III в. н. э. Новые находки в Красном Маяке не могут быть соотнесены ни с одной из культур северо-западного круга (вельбарская, пшеворская, черняховская), памятники или элементы которых до сих пор были известны в Северном Причерноморье. Это совершенно новое явление, достоверно фиксирующее миграции из Прибалтики на рубеже II и III вв. В дальнейшем предстоит выяснить, какую роль сыграло это население в событиях середины III в. н. э. или их предисторию.

Одно из самых настоятельных задач остается определение зон, где, вероятнее всего, могло



происходить формирование черняховской культуры. В самом подходе к решению этого вопроса наблюдаются резкие разногласия. Группа киевских ученых (В. Д. Баран, Б. В. Магомедов) полагает, что территория, на которой локализируются наиболее ранние черняховские памятники, включает Поднестровье, Среднее и Нижнее Поднепровье, Молдову, и относит процесс сложения черняховской культуры к рубежу II—III вв. [Баран В. Д., 1981. С. 153, 154; Этнокультурная карта..., 1985. С. 47]. В границах этого широкого ареала расположены разнородные памятники предшествующего времени. Часть их относится к кругу культур десоптевой зоны (позднезарубинецкие, пшеворские). К этому же кругу принадлежат поселения, материалы которых имеют смешанный характер — Ремезовцы, Подберезцы. Другие памятники — позднескифские и сарматские — представляют собой совершенно иной мир степного Причерноморья, находившийся под интенсивным воздействием античной цивилизации. По представлениям В. Д. Барана, все эти памятники доживают до черняховской культуры, а некоторые существуют и позднее, являясь не только ее предшественниками, но и соседями. Эта посылка позволяет нарисовать картину интеграции разнородных этнокультурных групп, которая и привела к сложению черняховской общности. Киевские специалисты предполагают участие в этом процессе германских племен, представленных археологически вельбарскими памятниками, однако лишь на более позднем этапе [Баран В. Д., 1981. С. 159—161; Магомедов Б. В., 1979а. С. 62; Этнокультурная карта..., 1985. С. 50]. По мнению В. Д. Барана, памятники типа Дитиничей появились на Волыни не раньше начала второй четверти I тысячелетия н. э., т. е. они в основном синхронны черняховским древностям [Баран В. Д., 1981. С. 159]. Таким образом, на Волыни наблюдается типичная картина стыка и взаимодействия двух этнокультурных групп. Иллюстрацией к подобному выводу служат факты черепоселного расположения хорошо отличимых по характеру инвентаря и погребального обряда могильников — черняховских (Бережанка, Чернелов-Русский) и вельбарских (Дитиничи, Машев, Любомль). Все это, по мнению В. Д. Барана, заставляет считать неудачными попытки связать возникновение черняховской культуры с распространением вельбарских древностей [Баран В. Д., 1981. С. 160, 161].

Особое место в исторической интерпретации черняховской культуры украинские исследователи уделяют заключительному этапу ее развития. Широкие полевые работы в Поднестровье привели к интересным открытиям. Прежде всего было выявлено много общих черт раннеславянских и черняховских памятников этого региона — в лепной керамике и домостроительстве. Выяснилось также, что на этой территории между теми и другими памятниками не существует хронологического разрыва. На некоторых поселениях найдены вещи, датирующиеся IV—V вв., — железная фибула со сплошным приемником из Черепина, обломок стеклянного сосуда и фрагмент узкогорлой светлоглинной амфоры из Сокола, бронзовая трехпальчатая фибула из Теремцов [Вакуленко Л. В., 1983. С. 169, 170; Баран В. Д., 1981. С. 148]. Наряду с обычной лепной керамикой здесь обнаружена и гон-

чарная посуда, аналогичная черняховской. Отмечены и другие важные обстоятельства. Одной из выразительных черт культур ранних славян, неизвестной за пределами славянского мира, является печь-каменка. Подобные печи обнаружены на многих поселениях со смешанным — черняховским и раннесредневековым славянским — материалом на Днестре и Пруте (Черепин, Теремцы, Сокол, Бакота) [Баран В. Д., 1981. С. 172]. Все эти факты, по мнению В. Д. Барана, свидетельствуют о том, что раннеславянская культура с керамикой пражского типа унаследовала традиции той части черняховской общности, которая сложилась на позднезарубинецкой и пшеворской основе [Баран В. Д., 1981. С. 173—175].

Однако в этой схеме предистории, происхождения, развития и позднейшей судьбы черняховской культуры далеко не все звенья оказываются достаточно надежными. Прежде всего из ареала наиболее ранних черняховских памятников, очерченного В. Д. Бараном, должны быть исключены Северное Причерноморье и Среднее Поднепровье. Как было показано в последних работах, самые ранние северо-причерноморские комплексы можно отнести лишь к середине или второй половине III в. н. э. [Гороховский Е. Л., Зубар В. М., Гаврилюк Н. О., 1985. С. 37; Гей О. А., 1986]. Предположение о возможности возникновения черняховской культуры в Среднем Поднепровье на рубеже II—III вв. базируется главным образом на материалах отдельных поселений (Ломоватое). Однако убедительных фактов для обоснования этой датировки пока не существует.

Хронология большинства культурных групп, существовавших накануне сложения черняховской общности, разработана еще крайне слабо. Разногласия по поводу датирования конкретных памятников препятствуют созданию единой и непротиворечивой в целом картины расселения и миграций племен — носителей культур I—III вв. В последних работах М. Б. Шукина все настойчивее звучит мысль о том, что горизонт Рахны—Почеп (позднезарубинецкие памятники) относится ко времени не позднее первой половины II в. н. э. [Шукин М. Б., 1979б. С. 69]. Если это так, то между черняховской и позднезарубинецкой культурами существует незначительный хронологический разрыв, который, однако, пока нечем заполнить. Во всяком случае на территории Волыни, Подолки, Поднестровья в настоящее время неизвестны памятники горизонта Рахны—Почеп, которые могли бы стать связующим звеном этой цепи.

Недостаточно убедительно обоснована и идея о прямой генетической преемственности между черняховскими и раннеславянскими памятниками в верховьях Днестра и Буга. Поселения со смешанными материалами интерпретируются как переходные. Однако многие из них (Черепин, Сокол, Бакота, Теремцы, Риппен II) содержат и более ранние, чисто черняховские слои, поэтому вполне возможно, что при постройке на месте черняховского поселения раннесредневековых полуземлянок с печами-каменками в них оказался смешанный материал, относящийся к разным культурам. Такое смешение прослеживается на поселении Бакота, где черняховская керамика найдена даже в древнерусских жилищах, и хорошо видно на поселении Черновка I, где черняховские материалы встречены во всех

жилищах VII—VIII вв. [Русанова И. П., Тимошук Б. А., 1984б. С. 19]. В то же время открытие на некоторых поселениях хорошо датированных комплексов V в. н. э., содержащих черняховские и раннесредневековые славянские материалы, еще не доказывает генетическую преемственность между этими группами памятников, а может свидетельствовать лишь о каком-то периоде их синхронного существования.

Ленинградская группа ученых продолжает развивать идею о том, что проникновение вельбарских племен на юго-восток явилось причиной сложения черняховской культуры. М. Б. Шукин на основе детального хронологического анализа памятников Волины выделил в процессе миграции гото-гепидского населения два потока. Первый из них представлен такими памятниками, как Брест-Тришин, Пересыпи, Величковичи, Могилыны-Хмельник, Любомль, Городок, и фиксируется в археологических материалах со стадии  $C_1$  (около 200 г. н. э.) до второй половины III в. н. э. По мнению М. Б. Шукина, в формировании черняховской культуры принимало участие германское население, пришедшее на Волину именно с этим потоком, и фиксируется это на стадии  $C_1 - C_2$  (220—330 гг.). В это время происходило проникновение второй волны вельбарских племен, оставивших такие памятники, как могильник у с. Дитиничи и поселение Ромаш [Szczukin M., 1981].

Обоснованность датировок и логичность построения придать концепции М. Б. Шукина стройную доказательность. Однако и эта схема не решает всех вопросов и не снимает всех противоречий. Разница во времени возникновения могильников Брест-Тришин и Дитиничи по сути дела очень невелика — на протяжении всего периода  $C_{1b}$  (230—260 гг.) они сосуществуют. Не совсем понятно, почему новые пришельцы с северо-запада не включились в процесс формирования черняховской культуры. Не вскрыт механизм наследования вельбарских элементов и зарождения новых, чисто черняховских. Удалось проследить эволюцию погребального обряда могильника Брест-Тришин, выявить периоды бытования отдельных категорий инвентаря. Выяснилось, что на протяжении столетия облик культуры населения, оставившего могильник, претерпевает значительные изменения. На заключительном этапе преобладает тип погребений, который на ранней стадии встречался лишь как исключение, появляются новые формы керамики [Бажан И. А., Гей О. А., 1987]. Однако все это отнюдь не позволяет говорить о качественном скачке, о формировании здесь новой культуры.

Характерно отсутствие гончарной посуды, обряда ингумации, которые присущи раннечерняховским памятникам типа Ружичанка, Оселинка, Чернелов-Русский. Если современные датировки точны, то для начала фазы  $C_2$  (третья четверть III в. н. э.) на Волини и в Подоллии наблюдается довольно сложная картина: еще функционируют могильники, оставленные первым потоком вельбарской миграции; памятники, принадлежащие ко второму потоку, находятся в состоянии расцвета, сохранения самобытной культуры; возникают черняховские некрополи и поселения. Все эти факты еще ждут своего толкования.

Черняховская культура занимает значительную территорию. Вполне естественно поэтому, что, несмотря на удивительную ее монолитность, отдельные памятники обладают и некоторым своеобразием. Так, например, бросаются в глаза яркие отличительные черты могильника Компанийцы на левобережье Днестра — обилие сожжений, захоронения с оружием, керамика вельбарских и пшеворских форм. Весьма специфичны материалы Ружичанки, Чернелова-Русского и других некрополей. Однако попытки выделить локальные варианты черняховской культуры пока не увенчались успехом. Исследователи очень условно и в значительной мере интуитивно намечают большие зоны, имеющие разные подосновы. В. Д. Баран разбивает черняховский ареал на три крупных региона — Среднее Поднепровье, Северное Причерноморье, Днестровско-Прутское междуречье [Баран В. Д., 1981]. В. В. Седов выделяет Подольско-Днестровскую группу памятников [Седов В. В., 1979. С. 95. Рис. 17]. Однако на сегодняшний день достаточно убедительно выделяется лишь северо-причерноморская зона, где сконцентрированы основные скифо-сарматские элементы.

Главная причина спорности и незавершенности решений многих вопросов, касающихся происхождения черняховской культуры, этнического состава ее носителей, заключается в том, что черняховская культура отражает чрезвычайно сложные исторические явления. В ней удивительно переплелись разнородные черты, смешались разнообразные традиции, что проявилось в распространении различных типов построек, форм посуды, и в то же время происходила широкая унификация погребальных обрядов, особенностей костюма — все это создало весьма своеобразную, с трудом поддающуюся осмыслению картину. Лишь накопление новых материалов и применение строго разработанной методики приведут к достоверному решению этих вопросов.

## Глава третья

### Культура карпатских курганов

Культура карпатских курганов в основном синхронна черняховской и непосредственно соседствует с ней на северо-западе. Граница между этими культурами проходит по р. Прут и верховьям Днестра. Основная масса памятников культуры тянется довольно узкой полосой вдоль северо-восточного склона Карпат, от верховьев р. Серет до р. Стрый. Вторая группа памятников, очень немногочисленная, расположена в верховьях р. Тиса и отделена от первой Карпатскими хребтами. К этой группе близки однотипные могильники восточной Словакии и несколько курганных могильников, находящихся в Трансильвании, в Карпатской котловине, ограниченной Южными Карпатами (карта 30).

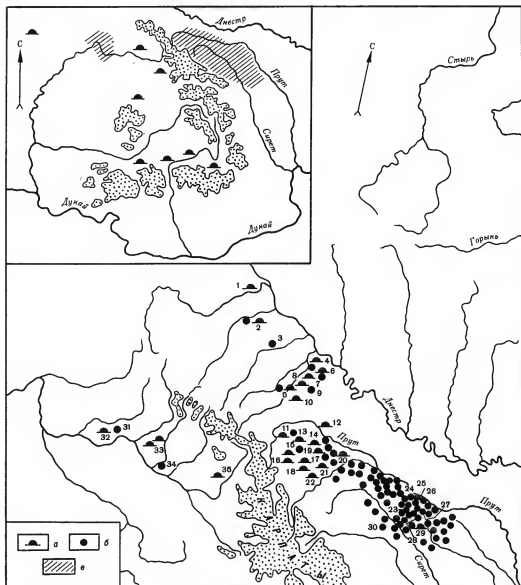
Все памятники расположены в предгорьях Карпат, и среди них характерны погребения под курганными насыпями, с чем и связано название культуры карпатских курганов.

**ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ.** Сведения о курганах с групопожениями первой половины I тысячелетия н. э., распространенных в Карпатских предгорьях, были собраны и систематизированы сравнительно недавно, в 50-х годах, М. Ю. Смишко, который выделил эти памятники в особую культуру и дал ей название [Смишко М. Ю., 1948. С. 107—109; 1953. С. 153]. В последующие годы памятникам культуры карпатских курганов было посвящено две монографии. В книге М. Ю. Смишко, изданной в 1960 г., собраны все сведения о карпатских курганах, как опубликованные, так и хранящиеся в музеях и архивах. Анализируя эти материалы, автор установил их хронологию (первые века нашей эры — VI в.), очертил область распространения, выяснил особенности материальной культуры, внешние связи и, привлекая данные письменных источников, сделал попытку определить этническую и племенную принадлежность населения, связав его с карпами [Смишко М. Ю., 1960]. В книге Л. В. Вакуленко собраны новейшие материалы из курганов и главным образом поселений, раскопанных уже после выхода в свет книги М. Ю. Смишко. Ученый уточняет хронологию культуры (конец II — первая половина V в.) и дает свою интерпретацию ее происхождения и этнической принадлежности, связывая с дакийским и праславянскими компонентами [Вакуленко Л. В., 1977].

Раскопки курганов были начаты еще в конце XIX в., когда О. Чоловский раскопал шесть насыпей у с. Рожнова (Ивано-Франковская обл.), а И. Сомбати исследовал два кургана в могильнике у г. Глыбокая (Черновицкая обл.). В 1912 г. один курган был раскопан И. Коперничком у с. Нижний Струтинь (Ивано-Франковская обл.). Более широкие исследования памятников этого типа были проведены в 1934—1938 гг. львовскими археологами К. Журовским, Я. Пастернаком, М. Ю. Смишко и Т. Сулямирским, которые в 18 могильниках раскопали около 100 подкурганных погребений [Смишко М. Ю., 1948.

С. 107—109]. В послевоенные годы интенсивность археологических исследований в Прикарпатье значительно возросла. В 1948 г. в двух могильниках у с. Иза Закарпатской обл. было раскопано 15 курганов [Смишко М. Ю., 1952а. С. 315—355], в 1960 г. в тех же могильниках исследовано еще пять насыпей [Цигилик В. М., 1962. С. 71—77], а в 1975—1976 гг. — 16 курганов [Котигорошко В. Г., 1980а. С. 229—247]. В результате в могильнике Иза I оказались раскопанными все сохранившиеся насыпи (табл. LXXVIII, 2). В могильнике Глыбокая в 1951 г. было раскопано пять курганов [Тимощук Б. А., 1953. С. 54—58], в 1966 г. здесь же исследовано еще два кургана [Вакуленко Л. В., 1977. С. 36, 37]. В 1973 г. три кургана было раскопано у с. Печенежин Ивано-Франковской обл. [Вакуленко Л. В., Шукин М. Б., 1974. С. 254]. Новый курганный могильник, возможно, относящийся к тому же кругу памятников, был открыт в 1977 г. у с. Русское Поле в Закарпатье, и в нем исследовано три насыпи [Балагури Э. А., Котигорошко В. Г., Ковач К. И., Петров С. Г., 1978. С. 294]. Здесь же раскопан курган у с. Братово, захоронения которого имеют черты, свойственные как курганам карпатского типа, так и пшеворской культуры [Котигорошко В. Г., 1979а. С. 153—163]. Всего на нашей территории исследовано около 150 курганов, хотя не о всех из них сохранились исчерпывающие сведения.

Основным достижением последних десятилетий являются открытие и исследование поселений, связанных с карпатскими курганами. Первые такие поселения были найдены Б. А. Тимощуком еще в 1951 г. В дальнейшем в пределах только Черновицкой обл. было выявлено около 100 поселений культуры карпатских курганов и благодаря сплошному обследованию территории установлена граница по р. Прут между памятниками этой культуры и черняховскими [Тимощук Б. А., 1984а. С. 86—91]. Систематические исследования поселений культуры карпатских курганов были начаты в середине 60-х годов, когда Л. В. Вакуленко провела раскопки на поселении Глыбокая Черновицкой обл. Ею же исследованы поселения Волосов, Грабовец, Печенежин Ивано-Франковская обл. [Вакуленко Л. В., 1968. С. 169—172; 1969. С. 45—50; 1971. С. 205—207; 1974. С. 242—251; 1977]. В нескольких пунктах Черновицкой обл. (Великий Кучуров, Гореча I и II, Кодыи II, Кут, Михальча, Черепковцы, Черновцы-Рогатка) жилища культуры карпатских курганов раскопаны Б. А. Тимощуком [Тимощук Б. О., 1956. С. 205—208; 1970. С. 27, 28; 1976; Тимощук Б. О., Винокур I. С., 1962. С. 85—87; Тимощук Б. А., Вакуленко Л. В., 1971. С. 208—211]. Раскопки на многих поселениях первой половины I тысячелетия н. э. проводились и на территории Закарпатской обл. [Балагури Э. А., Котигорошко В. Г., 1975. С. 257], в частности, на поселении около г. Виноградов [Ци-



Карта 30. Распространение памятников культуры карпатских курганов (на врезке — территория СССР; пронумерованы памятники, на которых проводились раскопки)

- а — курганы;
  - б — поселения;
  - в — карпатские курганы на территории СССР;
  - 1 — Добрыни;
  - 2 — Нижний Струтинь;
  - 3 — Голынь;
  - 4 — Подгородье;
  - 5 — Грабовец;
  - 6 — Марковцы;
  - 7 — Каменка;
  - 8 — Щуцлав;
  - 9 — Волосов;
  - 10 — Переросль;
  - 11 — Печенежин;
  - 12 — Корач;
  - 13 — Малин;
  - 14 — Грушев;
  - 15 — Шаны;
  - 16 — Стопчатов;
  - 17 — Щуцели;
  - 18 — Трач;
  - 19 — Дебеславцы;
  - 20 — Ганов;
  - 21 — Пикун;
  - 22 — Рожново;
  - 23 — Михальча;
  - 24 — Коровия;
  - 25 — Черновиц-Рогатка;
  - 26 — Гореча;
  - 27 — Коды;
  - 28 — Кут;
  - 29 — Глыбокая;
  - 30 — Черешков;
  - 31 — Виноградов;
  - 32 — Братово;
  - 33 — Иза;
  - 34 — Вербовец;
  - 35 — Русское Поле.
- Составитель И. П. Русанова

гилик В. М., 1962. С. 77—79]. Материалы этих поселений не опубликованы, и их культурная принадлежность пока не совсем ясна.

**ПОСЕЛЕНИЯ.** Наибольшее число поселений культуры карпатских курганов известно на правобережье Прута и в верховьях Сирета в пределах Черновицкой обл., что связано с тщательным обследованием этой территории. В верховьях Прута и на притоках верхнего Днестра в пределах Ивано-Франковской обл. поселения открыты главным образом около уже исследованных здесь курганных могильников (карта 30). В Закарпатье известно несколько селищ, пока еще слабо изученных. Наиболее систематические раскопки проводились на поселении Глыбокая, где на разных участках и в траншеях вскрыта площадь около 2000 кв. м и раскопано 16 жилищ. На поселении Гореча II около Черновиц исследовано 13 жилищ. На многих поселениях расчищены единичные жилые и хозяйственные постройки. Часто в обрывах берега и при земляных работах на территории селищ зафиксировано большое количество сооружений (например, на поселении Рогатка выявлено около 80 жилищ).

Все известные поселения не укреплены и располагаются на пологих склонах речных террас, обращенных обычно на юг или восток. Довольно часто селища занимают мысовидные выступы берега или оба берега небольших ручьев. Площадь селищ обычно не превышает 2—3 га, в некоторых случаях достигает 5—7 га, простираясь вдоль ручьев от 200 м до 1 км. Обычно поверхность селищ распахивается, и культурный слой толщиной 0,2—0,4 м бывает поврежден, и в нем видны пятна жилищ. Фрагментарные раскопки пока не позволяют судить о планах расположения жилищ на поселениях.

Как и на селищах других культур позднеримского времени, на поселениях открыты наземные и углубленные в землю жилища. От наземных жилищ сохраняются развал глиняной обмазки с отпечатками плетня и иногда ямки от небольших столбиков, стоявших по контурам жилища. В плане наземные жилища бывают квадратными и прямоугольными площадью от 12 до 40 кв. м. Внутреннее пространство жилища не расчленено и обгравено одним очагом, находящимся на утрамбованном полу. Очаги обычно сдела-

ны из глины или камней, овальной формы, диаметром около 1 м (табл. LXXXVII, 1, 2, 7, 8). В некоторых жилищах открыты глинобитные печи куполообразной формы. В полу жилищ бывают выкопаны причажные и хозяйственные ямы.

Полуземлянки встречаются на тех же поселениях, но в значительно меньшем количестве. Так, на поселении Глыбокая рядом с 14 наземными домами находились две полуземлянки, на поселении Рогатка среди 80 наземных жилищ оказалась одна полуземлянка. Полуземлянки, небольшие (9–12 кв. м) и прямоугольные или квадратные в плане, были незначительно углублены в землю — на 0,5–0,9 м от современной поверхности. Отапливались они глинобитными и каменными очагами или печами такого же устройства, как и в наземных постройках. Стены этих жилищ также обмазывались глиной (табл. LXXXVII, 3–5).

Л. В. Вакulenko допускает, что полуземлянки на поселениях появились несколько позже, чем наземные дома, но полностью их не вытеснили [Вакulenko Л. В., 1977. С. 16]. Относительная хронология культуры еще не разработана, и пока можно считать, что оба типа жилищ существовали с раннего до позднего времени. Об этом свидетельствует хотя бы хронология полуземлянок в Глыбокой, одна из которых относится к III в., а другая — к началу V в. [Вакulenko Л. В., 1977. С. 68]. Однако можно предположить, что со временем количество углубленных жилищ возрастает. Особенно это заметно на заключительном этапе развития культуры карпатских курганов, когда в V в. н. э. происходит ее соприкосновение со славянской раннесредневековой культурой пражского типа, для которой полуземлянки типичны. На поселениях, где открыты сооружения обеих культур (Кодын II, Гореча II), заметны их взаимовлияние и смешение материала. На поселении Кодын II в наиболее стратиграфически ранних славянских полуземлянках, датированных находками фибул V в. н. э., найдена посуда пражского типа и культуры карпатских курганов. В то же время в жилищах с материалами культуры карпатских курганов появляются печи-каменки того же типа, что и в жилищах пражской культуры. Два таких жилища открыты на поселении Кодын II наряду с обычными для культуры карпатских курганов наземными и углубленными жилищами с очагами [Русанова И. П., Тимошук Б. А., 1984а. С. 36]. То же самое наблюдается на поселении Гореча II, которое существовало до V в. н. э., так как в ранних славянских полуземлянках с печами-каменками еще «доживает» посуда культуры карпатских курганов. На этом поселении среди жилищ культуры карпатских курганов представлено почти равное число наземных и углубленных построек (соответственно шесть и семь).

Помимо жилищ, на поселениях встречены хозяйственные сооружения, ямы для хранения продуктов, очаги вне построек. На поселении Печенежин открыты два гончарных двухъярусных горна и примыкающие к ним углубленные сооружения. Такого же типа горны раскопаны на поселениях в Глыбокой, Печенежине и Голыни. В горнах найдены керамические шлаки и обломки преимущественно гончарной посуды (табл. LXXXVII, 9).

**ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ.** На территории Прикарпатья известно около 20 курганных могильников, особенно густо расположенных в верховьях Прута, в пределах Ивано-Франковской обл., тогда как южнее, на территории Черновицкой обл., хорошо известны лишь один могильник у г. Глыбокая. В Закарпатье пока выявлено четыре скопления курганов (карта 30). Обычно курганы расположены на возвышенных местах, в отдалении от поселений на 0,5–2 км. В большинстве могильников насчитывается от 10 до 20 курганов, а в более крупных могильниках курганы концентрируются в нескольких таких же небольших группах. Так, в могильнике Глыбокая 86 курганов располагались тремя группами, в Переросли среди 66 курганов выделяются три группы из 24 и 21 насыпи, в Мышине две группы содержат по шесть и восемь курганов, около с. Иза в четырех группах насчитывалось около 80 насыпей. Такое расположение курганов, по мнению М. Ю. Смишко, отражает социальную организацию населения, еще сохраняющего родо-племенные традиции [Смишко М. Ю., 1960. С. 61].

Небольшие курганные насыпи имели куполовидную форму и высоту от 0,2 до 1 м, лишь в единичных случаях достигая 1,5–2 м. Диаметры курганов, как правило, колеблются от 5 до 12 м. Курганы в могильниках обычно располагаются без определенного порядка на расстоянии 2–6 м друг от друга (табл. LXXXVIII, 1, 2). Вокруг некоторых из них прослеживаются мелкие заплывшие ровики, откуда брали землю для насыпи. В некоторых случаях на вершине кургана находился большой камень. Обычно насыпи курганов бывают земляными, но иногда при их сооружении использовались камни. Так, в могильниках в Мышине и Переросли вокруг основания двух курганов были положены камни. В том же могильнике Переросль на горизонте под насыпью находилась стена, выложенная из крупной гальки и окружавшая погребение. В двух курганах этого же могильника слой гальки перекрывал погребальный костер и погребение. Такое же скопление гальки покрывало насыпь кургана в Подгородье и в Нижнем Струтине. Применение камня при сооружении курганов зафиксировано всего лишь в 14 случаях, что составляет не более 10% раскопанных насыпей. По мнению М. Ю. Смишко, каменные конструкции сооружались при погребениях наиболее выдающихся членов общин, но это положение не подтверждено иными данными об особенностях погребального обряда и инвентаря в этих курганах.

Во всех раскопанных курганах на горизонте обнаружены остатки трупосожжений. Как одну из важнейших особенностей погребального ритуала карпатских курганов обычно отмечают сожжение умерших на костре, сооруженном непосредственно на месте будущей насыпи [Смишко М. Ю., 1960. С. 63–65; Вакulenko Л. В., 1977. С. 35; Котигоршко В. Г., 1980а. С. 236]. О таком обряде свидетельствуют большие кострища в основании насыпей, имеющие площадь 10–12 кв. м, иногда до 50 кв. м, и занимающие почти всю подкурганную площадку. Грунт под кострищем бывает прожжен на глубину 2–10 см. В то же время в ряде курганов в Нижнем Струтине, Изае кострища в основании курганов не выявлены или оказались такими небольшими, что бы-

ли явно недостаточными для трупосожжения (табл. LXXXVIII, 4, 5, 8). Часто в курганах грунт пережжен не под всем кострищем, а лишь небольшими пятнами, что тоже указывает на сравнительно слабую силу огня, горевшего в основании кургана. По-видимому, сожжение иногда производилось где-то на стороне, а на месте кургана лишь разводился огонь. Довольно часто погребальные кострища окружены кольцевым ровиком, ограничивающим площадку диаметром 4—7 м (табл. LXXXVIII, 8, 10). Ровики неглубокие (глубина и ширина их 0,2—0,3 м) и заполнены углем и пережженными косточками. Это свидетельствует о том, что ровики были выкопаны до разведения погребального огня. Такую же роль ограды вокруг погребения выполняло кольцо из камней в кургане могильника Мышин (табл. LXXXVIII, 9).

Пережженные кости погребали под курганом разными способами. Чаще всего их складывали в одну или несколько ямок, вырытых в основании кургана и перекрытых кострищем (табл. LXXXVIII, 6, 8—13). Кости в ямках находятся с остатками погребального костра или тщательно очищены от угля. Ямок с пережженными костями иногда насчитывается под курганами до шести (например, курган 9 могильника в Глыбокой). Помимо небольших (диаметр и глубина 20—50 см) ямок, в некоторых курганах открыты большие ямы. Так, в кургане 3 могильника в Подгородье находилась яма площадью 5,5×2,4 м и глубиной до 2 м, заполненная землей с углем, неполом и пережженными костями. Приблизительно в трети раскопанных курганов пережженные кости находились на кострище в непотревоженном виде или были собраны в отдельные скопления. Наряду с такими захоронениями встречаются и урновые погребения. Урны с очищенными костями ставились с ямки, вырытые под кострищем, обсыпавшись углем и прикрывавшиеся каменной плиткой или крышкой. Под одним курганом встречалось иногда по две или четыре урны, и кроме того, здесь же находились еще ямы с костями. Урновые захоронения особенно характерны для могильников в Изе Закарпатской обл.

М. Ю. Смышко считал, что под каждым курганом находилась одна основная погребальная яма с костями, которая сопровождалась дополнительными ямками, куда вместе с остатками погребального костра попадали и пережженные кости. Соответственно захоронения в курганах, как правило, были одиночными. Парные погребения он допускал только для трех курганов, где было найдено по две урны с костями [Смышко М. Ю., 1960. С. 74—77]. Однако новейшие раскопки и антропологический анализ костных остатков из могильника Иза засвидетельствовали наличие нескольких погребений под курганами, служившими, по-видимому, семейными усыпальницами [Котигорошко В. Г., 1980а. С. 239].

Одной из характерных особенностей погребального ритуала является обилие черепков посуды, разбросанных по кострищу в основании курганов и иногда вторично обожженных. Приблизительно в половине всех раскопанных курганов были найдены целые сосуды-приставки — от одного до 11 сосудов под курганом. В нескольких случаях сосуды были поставлены один в другой. Так, в Грушеве

в большом гончарном сосуде находился глиняный стаканобразный кубок, в Нижнем Струтинне стеклянный кубок был положен в гончарную миску, в Мышине маленький гончарный кувшин был вставлен в большой. Вещей в курганах найдено мало, к тому же, они часто побывали в огне и плохо сохранились. Многие курганы содержат только обломки сосудов или урну с несколькими сосудами-приставками. Обычно в курганах встречается не больше одной-двух вещей: нож, фибула, овальная или прямоугольная пряжка, железный ключ, железный растер, обломок серебряной гривны, железное удило, единичные бусинки из стекла, янтра, сердолика.

Исключительный по богатству инвентаря курган раскопан у с. Братов Закарпатской обл. [Котигорошко В. Г., 1979а. С. 155—162]. Этот самый большой в могильнике курган (42×34 м, высота 1 м) расположен в отдалении (400 м) от остальных насыпей. На горизонте под насыпью находилось огромное кострище мощностью 10—13 см, грунт под которым на некоторых участках обожжен. На кострище найдены вторично обожженные черепки посуды и отдельные кальцинированные косточки. Погребения — две урны и две ямки с остатками трупосожжения — находились в большой (8,8×4,8 м, глубина 0,3 м) яме, примыкающей к кострищу с востока. Около урн лежали два ножа, стрела, два наконечника копий, рукоятка и умбон щита. В ямке с пережженными костями были положены еще наборы вещей — рукоятка и умбон щита, пружинные ножницы, две шпory, ключ, фибулы. Еще одно скопление костей вместе с массивным ножом, согнутым в три раза, и сердоликовыми бусами, было помещено в отдельной ямке под кострищем. Всего в кургане были погребены останки пяти человек, что подтвердили и данные антропологических исследований. Обряд погребения в этом кургане вилот от отдельных деталей аналогичен погребальному ритуалу карпатских курганов — мощное кострище на горизонте, очищенные пережженные кости в урнах и ямках, наличие большой ямы. Отличие состоит только в размерах насыпи и составе вещевых находок, характерных по типам и набору для пшеворских погребений.

В Закарпатье около поселения в с. Солонцы открыто необычное культовое сооружение, которое служило местом жертвоприношений и сожжения умерших. Сооружение представляло собой прямоугольную площадку (22,8×16,5 м), окруженную рвом, частично обожженную до красного цвета и перекрытую слоем угля и кальцинированных костей. Угольный слой содержал огромное количество обломков посуды и многочисленных вещей, побывавшие в огне. Обломки посуды принадлежали не менее чем 100 лепным горшкам и 500 гончарным сосудам (миски, вазы, кувшины, кубки), покрытым богатым орнаментом в виде разнообразных солирных знаков, геометрических и растительных узоров. Многочисленные вещи, найденные в слое, относятся к принадлежностям одежды (фибулы, пряжки, бусы, разнообразные прериски) и бытовым предметам (ножи, преслища, молоток). Здесь представлены дорогие импортные вещи — стеклянные сосуды, золотые подвески цилиндрической и конической формы, круглые и сферические медалионы, украшенные зерну. Жертовник использовался северофракийским населением в те-

ние III—IV вв., и на нем, по подсчетам В. Г. Котигорошко, было сожжено около 120—170 человек [Котигорошко В. Г., 1987. С. 176—191].

**КЕРАМИКА.** В комплексах культуры карпатских курганов встречается как лепная, так и сделанная на гончарном круге посуда. Есть и специфически местные формы, и сосуды, имевшие широкое распространение в синхронных культурах на соседних территориях. Состав керамических форм в комплексах является одним из основных признаков для выделения культуры.

Лепная посуда резко преобладает в жилых комплексах на поселениях: хранилища она составляет не менее 90% всех керамических находок, лишь в единичных случаях ее доля бывает около 60% [Вакуленько Л. В., 1977. С. 29]. Лепные сосуды сделаны из глины с примесью крупного песка или шамота. Стенки их толстые с бугристой или слегка заглаженной поверхностью. Цвет сосудов коричневый или серый, иногда с пятнами от неравномерного обжига. Таким способом изготавливались горшки разных форм, миски, кружки, иногда миниатюрные, а также большие корчаги для хранения продуктов (табл. LXXXIX). Наиболее характерны горшки с округлобким туловом, расширяющимися посредине высоты, имеющие прямое или расширяющееся раструбом горло и иногда — выделенное дно (табл. LXXXIX, 1—5). Были распространены также горшки с высоким расположенными округлыми плечиками и такими же выделенным горлом и дном (табл. LXXXIX, 6, 10). Все эти формы сосудов широко известны в гетодакийских памятниках первых веков нашей эры на территории Румынии и сохранялись здесь среди материалов культуры Сынтана-де-Муреш — Черняхов [Mitrea B., Preda C., 1966. P. 383; Diaconu G., 1965. P. 289—293]. Раструбовидная шейка характерна на этой территории и для раннесредневековых сосудов культуры Ипотешти — Кындешти — Чурел [Федоров Г. Б., Полевой Л. Л., 1973. С. 301]. Близкие по форме лепные горшки с округлым туловом и расширенным горлом и дном распространялись в позднеримское время на территории юго-восточной Словакии [Kolník T., 1971. S. 533. Rys. 34, 6; Lamiová-Schmiedlová M., 1969. S. 419, 463]. В юго-восточной Словакии известны аналоги и некоторым редким сосудам культуры карпатских курганов — горшку с угловатым перегибом плечиков из Нижнего Струтиня (табл. LXXXIX, 12) и сосуду с широким дном и цилиндрическим горлом из Глыбокой (табл. LXXXIX, 16) [Kolník T., 1971. Rys. 34, 3; Lamiová-Schmiedlová M., 1969. Rys. 37, 10].

Второй очень характерной для керамического комплекса культуры карпатских курганов формой сосудов являются конические миски-чаши иногда с выделенным дном или на высоком поддоне (табл. LXXXIX, 25—28, 30, 31). Часто встречаются также конические кружки с массивной ручкой (табл. LXXXIX, 32—35). Эти формы сосудов также типичны для дакийской культуры на территории Румынии, начиная с раннего железного века. Они же широко распространены на территории юго-восточной Словакии, куда проникало дакийское влияние. Столь же характерны конические чаши и кружки в комплексе липицкой культуры первых веков нашей эры

[Цигилик В. М., 1975]. Среди материалов этой же культуры есть протоны высокие почти непрофилированные сосуды из Печенежина и сосудам с цилиндрическим верхом и угловато изогнутым туловом из Нижнего Струтиня (табл. LXXXIX, 11, 13) [Цигилик В. М., 1975. С. 81. Рис. 20, 4, 5].

Очень типичны для дакийского круга культуры территории Румынии, юго-восточной Словакии, Верхнего Поднестровья орнаменты, распространенные на лепной посуде культуры карпатских курганов. Здесь известны пластичные украшения в виде горизонтально расположенных под шейкой или на тулове сосуда валиков, покрытых пальцевыми вдавлениями или заплатами, иногда встречаются только отрезки таких валиков, пластичные дужки или налпы-шипечки (табл. LXXXIX, 14, 15, 18, 21). Довольно часто венчики сосудов украшены вдавлениями или косой насечкой (табл. LXXXIX, 13). На стенках сосудов встречается и волнистый орнамент, иногда в сочетании с налпыми шипечками (табл. LXXXIX, 13, 20).

Гончарная посуда в большей степени представлена в погребальных памятниках культуры карпатских курганов. По технике изготовления она делится на две группы: к первой относятся тонкостенные сосуды серого цвета с лощеной или заглаженной поверхностью, сделанные из хорошо отмученной глины; вторую группу составляет посуда с большим количеством примесей в тесте, которые выступают на поверхности стенок и делают их шершавыми.

Среди посуды первой группы особенно многочисленны миски разных форм, чаще всего с острым перегибом стенок (табл. XC, 1—4, 8, 9) или с мягким профилем (табл. XC, 6, 7, 10). Миски обычно сделаны на кольцевом поддоне и украшены горизонтальными валиками или пролощенными линиями. Аналогичные миски широко представлены на памятниках первой половины I тысячелетия н. э. в Поднестровье и в Среднем Подунавье. Встречаются миски с двумя и тремя ручками (табл. XC, 12, 13), хорошо известные среди материалов черняховской культуры. Характерной формой в комплексах культуры карпатских курганов являются вазы на высокой полной ножке (табл. XC, 17, 18). Такие формы широко представлены среди дакийской посуды рубежа нашей эры и особенно типичны для комплексов липицкой культуры [Цигилик В. М., 1975. С. 108—111]. Из такой же глины изготовлены биконические сосуды, украшенные горизонтальными валиками или волнистыми линиями (табл. XC, 20—22), и округлобкие горшки с утолщенным плоским венчиком (табл. XC, 24, 30), часто венчик бывает изогнут для установки на нем крышки (табл. XC, 28, 32). Не совсем обычный горшок найден в могильнике Иза I (табл. XC, 27). У него изогнутый для крышки венчик, четко выделенная шейка, уступом переходящая в выступающее плечико, дно на кольцевом поддоне. Этот сосуд имеет ближайшие аналоги в кельтских памятниках [Filip J., 1956. Tab. LIX, 12]. К первой группе гончарной посуды относятся также кувшины с округлым или биконическим туловом, часто украшенные горизонтальными валиками (табл. XC, 35, 37). Небольшой кувшинчик с двумя ручками, украшенный волнистым узором (табл. XC, 14), найденный на поселении в Горече, имеет прямые аналоги в мате-

риалах из юго-восточной Словакии [Lamiova-Schmidlova M., 1969. S. 461. Rys. 38, 8]. В целом посуда, относящаяся к первой группе, распространена в Карпато-Дунайском бассейне, что связано с влиянием гончарства придунайских римских провинций, где были сильны традиции кельтского производства.

Гончарная посуда второй группы представлена в основном горшками с округлым туловом, украшенным линейным и волнистым узором (табл. ХС, 23, 25, 26, 31). К этой же группе относятся большие сосуды для хранения продуктов — зерновки. Они имеют горшкообразную форму с низкой шейкой, иногда уплощенным венчиком, покрытым волнистым орнаментом (табл. ХС, 38, 40, 41). Посуда этой группы встречается в основном на поселениях, а в погребальных комплексах почти не представлена. Эта керамика относится к типично провинциально-римскому производству, она широко распространена среди материалов Подунавья и на территории черняховской культуры в Поднепровье.

В карпатских курганах и на поселении Глыбокая найдены привозные позднеантичные амфоры (табл. ХС1, 1, 5, 11, 13), имеющие существенное значение для датировки культуры. Среди амфор выделяют несколько типов [Зеест И. Б., 1960; Шелов Д. Б., 1978]. В Глыбокой найдена светлоглиняная остроногая амфора с расширенным низу горлом и раздутым туловом, относящаяся к разновидности тананских. Четыре амфоры, найденные в курганах у Ганова и Глыбокой, также остроногие, с трубчатой шейкой, высоко поднятыми плечиками и двумя ребристыми ручками относятся к типу «инкерманских». В могильнике Каменка остроногая амфора имела грушевидную форму и высокоподнятые колечатые ручки. Близкая по форме, но не имеющая ручек амфора происходит из могильника Грушев. Кроме того, в могильнике в Нижнем Струтинке найдена плоскодонная амфора, имеющая яйцевидное тулово и слегка расширенную вверх шейку с утолщенным краем.

**ВЕШЕВЫЕ НАХОДКИ.** На поселениях и в могильниках инвентарь немногочислен и часто встречается в фрагментарном состоянии. К орудиям труда относится обломок мотыжки — втулка с отверстием для прикрепления к рукоятке, найденная на поселении Глыбокая. Мотыжка была небольшой, так как диаметр втулки всего 3 см. С этого же поселения происходит железный серп, обломанный с двух сторон, железное зубило в виде круглого стержня с заостренным концом (табл. ХСIII, 17). Ножи с горбатой и прямой спинкой найдены во многих комплексах (табл. ХСIII, 8, 9).

На поселениях частой находкой являются прислища и глиняные грузила для сетей и ткацкого станка. Глиняные прислища бывают биконической, уплощенной, круглой и цилиндрической формы, иногда они сделаны из обломков гончарной посуды (табл. ХСIII, 1—5). Грузила имеют форму конуса или усеченной пирамиды, одно из них круглое. На поверхности грузил иногда видны отпечатки зерен и солом, пальцевые вдавления, орнамент крестиками, в корпусе продолано отверстие для подвешивания (табл. ХСIII, 16). На поселении в Глыбокой найдены два обломка жерновов, сделанных из песчаника и кварцита (табл. ХСIII, 15, 17). Один из них пред-

ставлял собой верхнюю часть жернова, имел диаметр 40 см и высоту 10 см. В его верхней части сделано линзовидное углубление для засыпки зерна, переходящее в сквозное прямоугольное отверстие. В боковой части жернова есть отверстие диаметром 4 и глубиной 5 см, предназначенное для деревянной рукоятки. Подобные жернова известны в кельтских и провинциально-римских памятниках. Довольно часто встречаются точила из песчаника. На некоторых из них виден желобок, служивший, возможно, для заточки стрел и игловок.

К бытовым предметам принадлежат железный ключ из могильника Иза I, сделанный в виде якоря с загнутыми под прямым углом концами (табл. ХСIII, 12), и костяные гребни, найденные в обломках. Один из них, происходящий из того же могильника Иза I, был сделан из трех пластин, соединенных бронзовыми заклепками, и имел дуговидную спинку (табл. ХСIV, 15). На поселении Грабовец найден обломок железного игольника.

Оружие встречается крайне редко. В могильнике Иза I на Волосовском поселении найдены наконечники копья и дротика с острием, ромбическим в сечении (табл. ХСIII, 10, 13). Известны еще вток копья и заготовка наконечника стрелы с листовидным острием. Предметы конского снаряжения обнаружены только в могильнике в Стопчатове. Это двусоставные удила с двумя кольцами, часть бронзовых удил, состоящих из восьмигранного стержня и псаля, к которому прикреплены две оковки для трензеля удил (табл. ХСIII, 6; ХСIV, 3).

Среди украшений самой частой находкой являются фибулы. Они сделаны из железа и бронзы и относятся к разным типам — двулучные арбалетные фибулы с одной и двумя пружинами, дужки которых украшены проволоочными кольцами и шишечками, однолучные подвязные с узкой ножкой, двулуччатые с выгнутой пятигранной дужкой (табл. ХСIV, 1, 6, 10, 14, 19—22). В могильнике Иза I найдена железная ведроконидная привеска (табл. ХСIV, 13). Распространены пряжки обычно полукруглой или овальной формы, сделанные из железа, иногда из серебра (могильники Добряны и Стопчатов; табл. ХСIV, 4, 7—9, 12). Из могильника в Мышине происходит бронзовая пряжка с изогнутой передней частью и прямой осью, на концах которой помещены шишечки (табл. ХСIV, 5). К пояному набору относится бронзовая прорезная бляшка четырехугольной формы, найденная в могильнике в Переросле (табл. ХСIV, 2). Найдено два железных браслета, сильно испорченных ржавчиной (табл. ХСIV, 16), и небольшой обломок серебряной гривны, сделанной из круглого стержня, обвитого лентой. Изредка встречаются бусины, имеющие круглую или прямоугольную со срезанными углами форму и изготовленные из янтаря, сердолика, стекла фиолетового или светло-зеленого цвета (табл. ХСIV, 18).

**ХРОНОЛОГИЯ.** Датировочные вещи в комплексах культуры карпатских курганов встречаются крайне редко. Так, из 17 раскопанных курганов могильника Переросль они найдены лишь в двух погребениях, а из исследованных 18 курганов могильника Нижний Струтинь — в трех погребениях, в могильнике Иза II их нет совсем. Основой для датировки могут служить главным образом фибулы, позднеантичные амфоры и



некоторые единичные вещи — пряжки, бусы, костяной гребень, стеклянный кубок.

Пронализировав материалы курганов, М. Ю. Смишко датировал культуру III—VI вв., но учитывая некоторую архаичность материалов из могильника Иза II, а именно отсутствие здесь гончарной посуды, склонен был отнести этот могильник ко времени от конца I тысячелетия до н. э. вплоть до двух первых веков нашей эры [Смишко М. Ю., 1960. С. 115—129]. Такая датировка могильника Иза II не обоснована, так как датирующие вещи в этом могильнике не найдены, а лепная посуда распространена и в более поздних комплексах, к тому же, при последующих раскопках в этом могильнике, помимо лепных, встречены и гончарные сосуды [Цигилик В. М., 1962. С. 76]. При определении верхней хронологической границы культуры М. Ю. Смишко опирался на находку в кургане 2 Мышинского могильника бронзовой двуплостчатой фибулы, которую он отнес к VI — началу VII в. [Смишко М. Ю., 1960. С. 110]. Против такой поздней датировки фибулы выступила Л. В. Вакуленко, которая датировала ее временем не позднее V в. н. э. [Вакуленко Л. В., 1977. С. 66, 67]. По ее мнению, культура карпатских курганов существовала с конца II — начала III по V в. Раннюю датировку она обосновывает находками однодольных подвязных фибул в могильнике Иза I и некоторых амфор [Вакуленко Л. В., 1977. С. 76; 1985. С. 61—63]. Эти же фибулы из могильника Иза I В. Г. Котигорского относит к III—IV вв. [Котигорский В. Г., 1980а. С. 245, 246].

Однодольные прогнутые подвязные фибулы с короткой пружиной и узкой ножкой (в могильнике Иза I их найдено девять, одна происходит из могильника Марковцы; табл. XCIV, 19—22) относятся к началу позднеримского периода — концу III — началу III в. [Godhowsky K., 1970. P. 83; Praehistoria..., 1981. S. 96—98]. Их вариант с круглопроволочной дужкой по А. К. Амбрузу появляется с конца II — III в. [Амброз А. К., 1966. С. 59]. Относительно ранним временем — первой половиной III в. н. э. — датируется светлоглиняная остродонная амфора с расширенным низу горлом и раздутым корпусом (табл. XCIV, 27), найденная на поселении Глыбокая [Шелов Д. Б., 1978. С. 19]. Основная масса датирующих находок культуры относится к III—IV вв. Двудольные фибулы с высоким приемником, украшенные проволочными колечками (табл. XCIV, 10, 14), были широко распространены в Поднестровье и на территории Центральной и Северной Европы в основном на стадии С<sub>2</sub> позднеримского периода — в III в. н. э. [Praehistoria..., 1981. S. 99]. Обломок бронзовой двудольной подвязной фибулы из тонкой проволоки и такая же фибула с пластинчатым корпусом из поселения Королевка (табл. XCIV, 6) датируются IV в. н. э. [Амброз А. К., 1966. С. 64]. Светлоглиняные амфоры с узким горлом и коническим рифленным корпусом, относящиеся к «инкерманскому» типу (табл. XCIV, 25), найденные на многих памятниках, амфора с высоко поднятыми ручками из Каменки (табл. XCIV, 26) и амфора без ручек, обнаруженная в могильнике в Грушеве (табл. XCIV, 24), относятся к концу III—IV в. [Шелов Д. Б., 1978. С. 19]. Стеклянный кубок цилиндрической формы со слегка расширяющимся горлом и округ-

лой нижней частью, украшенный эмалевым узором (табл. XCIV, 17), происходит из провинциально-римских мастерских и, вероятно, датируется III в. н. э. [Вакуленко Л. В., 1985. С. 64]. К наиболее позднему времени — концу IV—V в. — относится двуплостчатая фибула с сильно выгнутой дужкой из кургана 2 могильника в Мышине (табл. XCIV, 1), принадлежащая к развитому варианту фибул этого типа [Вакуленко Л. В., 1977. С. 66, 67]. Подобная фибула найдена на территории Румынии в комплексе с пряжкой и стеклянным кубком конца IV в. н. э. [Ionita J., 1974. P. 83—87]. Этим же временем могут датироваться некоторые другие вещи, обнаруженные в комплексах культуры карпатских курганов: бронзовая округлая бляшка с прорезным орнаментом из Переросля (табл. XCIV, 2), удила, сделанные из бронзы и железа (табл. XCIV, 3), и маленькая серебряная пряжка овальной формы (табл. XCIV, 4), найденные в кургане 1 могильника Стопчанов [Вакуленко Л. В., 1985. С. 65, 66]. Из кургана 15 могильника Нижний Струтинь происходит двуручная амфора с плоским дном (табл. XCIV, 23), которую Л. В. Вакуленко по ряду аналогий датирует концом II в. н. э. [Вакуленко Л. В., 1985. С. 63], а М. Ю. Смишко — III—IV вв. [Смишко М. Ю., 1960. С. 104]. Аналогю этой амфоре можно найти среди позднеантичных материалов IV в. н. э. [Античные государства..., 1984. С. 261. Табл. XXIV, 20] и соответственно связать ее с поздними находками культуры карпатских курганов, тем более что урной в том же кургане служил гончарный сосуд.

Л. В. Вакуленко выделяет два этапа существования культуры. В первом из них (конец II — первая половина III в.), по ее мнению, преобладает лепная посуда, в том числе и столовая, которая позднее вытесняется гончарной, тогда как на позднем этапе (до первой половины V в.) господствует посуда, сделанная на гончарном круге [Вакуленко Л. В., 1985. С. 66]. Действительно, в комплексах с самыми ранними фибулами (курганы 9, 11, 13, 20, 23 могильника Иза I) преобладает лепная посуда, но встречается и гончарная (в кургане 21 того же могильника обнаружены два лепных и два гончарных сосуда).

В комплексах с поздними вещами (Нижний Струтинь, курган 15; Мышин, курган 2; Переросль, курган 8) в основном найдена гончарная посуда. По-видимому, наблюдается тенденция к постепенному преобладанию в погребальных комплексах гончарной керамики, но в то же время пока не разработана относительная датировка культуры, не выяснены эволюция типов посуды и изменения по этапам других сторон материальной культуры (особенности погребального обряда, детали домостроительства и т. д.), говорить о существовании отдельных этапов культуры преждевременно.

В целом памятники культуры карпатских курганов можно датировать III — началом V в. Определенных комплексов конца II в. н. э. и вещей, узко датированных только этим временем, пока нет. Поэтому столь раннюю дату сложения культуры нельзя считать достаточно обоснованной.

Предположение о доживании культуры карпатских курганов до середины V в. н. э. было подкреплено

в последние годы вескими данными о сосуществовании материалов этой культуры с памятниками раннесредневековой славянской культуры пражского типа. Хронологическое соприкосновение между этими более ранней и поздней культурами было выявлено при раскопках поселений Кодын и Гореча в бассейне Прута в пределах Черновицкой обл. [Русанова И. П., Тимошук Б. А., 1984а]. В жилых комплексах на этих поселениях, остатки которых часто были перекрыты слоем пожара, находились вместе сосуды ранних вариантов пражского типа и лепная и гончарная посуда культуры карпатских курганов. Комплексы хорошо датируются железными арбалетовидными фибулами V в. н. э. Эта датировка подтверждается стратиграфическими данными поселений в Кодыне, так как в следующий период их обитания, в начале VI в. н. э., смещение материалов этих двух культур полностью прекратилось. Совместное проживание носителей обеих культур на одних и тех же поселениях в течение какого-то, вероятно не продолжительного, времени привело к взаимовлияниям и в других сторонах материальной культуры, в частности в домостроительстве. Так, жилище 21 на поселении Кодын II первоначально отоплялось открытым очагом, что продолжало обычай более раннего времени, но позднее очаг был заменен типично славянской печью-каменкой. На этом же поселении печикаменки распространились и среди населения культуры карпатских курганов (жилища 23, 24), замещавшего эти более совершенные отопительные сооружения у славян — носителей пражской культуры.

Все эти данные позволяют выделить наиболее поздние материалы культуры карпатских курганов, относящиеся к V в. н. э. Их сопоставление с более ранними комплексами будет способствовать в дальнейшем выделению характерных черт керамики позднего периода культуры карпатских курганов.

#### ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ.

Стационарные поселения и довольно большие могильники, расположенные на ровных террасах рек или на пологих склонах, свидетельствуют об оседлом образе жизни населения, занимавшего места, пригодные для земледелия и скотоводства. О земледелии говорят и отпечатки зерен злаков и половы на керамике и глиняной обмазке стен. Среди отпечатков выявлены следы зерен пшеницы, ячменя, овса, проса, ржи, а также сорняков, сопровождающих обычно яровые посевы. На поселениях в Черепковцах в хозяйственной яме, находившейся в сгоревшей постройке, найдены большие зерновки и обгоревшие зерна овса, ячменя и пшеницы. Из орудий обработки почвы найдены только обломок мотыги, но разнообразие выращиваемых злаков, возможно, свидетельствует о пашенном земледелии, для чего могли применять деревянные рала [Краснов Ю. А., 1965. С. 61]. Урожай собирали при помощи серпов и хранили в вырытых в помещении жилищ и за их пределами ямах, а также в больших сосудах-зерновиках. На поселении Глыбокая раскопано мельничное сооружение, находившееся внутри жилого дома. В доме было выделено квадратное помещение, огороженное столбами, и в его центре, возможно на подставке, стоял жернов, а рядом с ним была вырыта яма и лежали обломки большого зерновика.

О составе стада можно судить по остеологическому материалу поселения Глыбокая. Среди костей домашних животных почти половина принадлежит крупному рогатому скоту, на втором месте находятся кости лошади, в меньшем количестве найдены кости овцы и свиньи. Несомненно подсобное значение в хозяйстве имели охота и рыболовство.

Кроме повседневных домашних промыслов — ткачества, деревообработки, изготовления предметов из камня, глины и кости, развивалась и ремесленная деятельность. Возможно, выделялись специалисты по добыче железа и его ковке. На ряде поселений найдены железные шлаки, на поселении Глыбокая обнаружена часть глинобитного горна для плавки железа. Но в ремесленное производство выделялось прежде всего изготовление гончарной посуды, требующее известных навыков, приспособлений и возможностей для сбыта продукции. О местном производстве гончарной посуды свидетельствуют довольно широкое ее распространение (она найдена на всех известных в настоящее время памятниках), некоторые своеобразные формы сосудов, не имеющие аналогий на других территориях, и гончарные горны, открытые на ряде поселений (Гольцы, Печенежин, Глыбокая). Горны имели двухъярусную конструкцию. Нижняя камера-топка была отделена от верхней глиняным черемом с отверстиями для жара. Черень в центре поддерживался глиняным столбиком. В верхней камере, имевшей полусферическую форму, происходил обжиг керамики. Горны такой конструкции были широко распространены в римских провинциях.

Гончарное производство в сравнительно высокой развитой форме появляется в культуре карпатских курганов с самого начала ее существования. Высокое качество продукции, сделанной на тяжелом гончарном круге и обожженной в специальных горнах, и отсутствие посуды, изготовленной более примитивной техникой, заставляют считать, что в Прикарпатье гончарный круг был принесен в развитом виде скорее всего из приднуднских римских провинций [Смишко М. Ю., 1960. С. 107]. Столовую парадную посуду, вероятно, изготавливали в специальных мастерских, откуда она широко распространялась. Это свидетельствует о зарождении товарного производства, для которого необходимо наличие некоторого прибавочного продукта у местного населения. Однако для дальнейшего развития гончарного ремесла еще не было соответствующих условий, и оно не смогло полностью вытеснить домашнее изготовление лепной посуды.

Благодаря торговле с римскими провинциями, у населения культуры карпатских курганов появились привозные амфоры для вина и масла. Таким же путем сюда попали стеклянный кубок, разные виды бус. Римская монета императора Траяна найдена лишь однажды — в комплексе культуры карпатских курганов на поселении Волосово. Но на территории культуры римские монеты найдены более чем в 80 пунктах, в том числе известно 15 кладов, в некоторых из них насчитывалось по несколько сотен монет [Брайчевский М. Ю., 1959; Кротокий В. В., 1961]. Монеты в большинстве случаев относятся к двум первым векам нашей эры и, вероятно, служили эквивалентом при торговле с про-

винциями Рима. В целом импортных предметов на территории культуры сравнительно немного. Как внешняя, так и внутренняя торговля была развита еще слабо.

О развитии общественных отношений у населения, оставившего культуру карпатских курганов, пока судить трудно. По-видимому, это население, ведущее почти натуральное хозяйство, для которого было характерно только зарождение ремесленного производства, находилось на стадии первобытнообщинных отношений. Разложение первобытнообщинного строя еще не ощущается ни в погребальных, ни в жилых комплексах, в которых не заметны признаки имущественного неравенства. Не следует иметь в виду, что изменения общественных отношений находят отражение в материальных памятниках, особенно в погребениях, с большим опозданием. На выделение особой прослойки воинов указывает лишь один курган у с. Братово, в котором по обряду, типичному для культуры карпатских курганов, было захоронено пять воинов с оружием и вещами, характерными для соседней пшеворской культуры [Котигоршко В. Г., 1979а. С. 153—162]. Основная масса жителей, вероятно, сохраняла родовые отношения, и именно родственными связями между умершими можно объяснить отдельные скопления курганов в могильниках [Смишко М. Ю., 1960. С. 141] и захоронения нескольких человек под одной курганной насыпью.

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ.** М. Ю. Смишко рассматривал культуру карпатских курганов как автохтонную, сложившуюся на основе местных традиций. Обряд погребения под курганами, содержащими трупосожжение на месте, он связывал с местными обычаями, характерными для куштановицкой культуры Закарпатья и для западнодольской скифской культуры. Хронологический разрыв между памятниками скифского времени и карпатскими курганами, по его мнению, вызван лишь недостаточной изученностью памятников этого времени. Курганы, аналогичные карпатским, появились на территории Семиградья в Румынии, в Венгрии, в Словакии около рубежа нашей эры, т. е., по мнению М. Ю. Смишко, одновременно с карпатскими на нашей территории, что опровергает предположение о приходе новых групп населения на земли Прикарпатья [Смишко М. Ю., 1960. С. 131]. В целом все памятники с близким обрядом погребения под курганами, относящиеся приблизительно к одному времени и распространенные в сходных природных условиях предгорий, были оставлены, по предположению М. Ю. Смишко, родственными племенами. В более ранней работе М. Ю. Смишко относил эти племена к позднедакийским [Смишко М. Ю., 1948. С. 109]. Позднее он, основываясь на данных письменных источников о распространении племен в начале I тысячелетия н. э. и привлекая археологические материалы, пришел к выводу, что в северо-восточных предгорьях Карпат и в Семиградье жили родственные между собой племена карпов, оставившие культуру с близкими по обряду погребения курганами. Разбирая вопрос об этнической принадлежности карпов, М. Ю. Смишко учитывал две возможности: карпы могли входить в состав или дакийской или славянской этнических групп. В Семиградье

племена карпов были разбиты в 247 г. римлянами и затем переселились в Паннонию. Племена же карпов, живших на нашей территории, к северо-востоку от Карпат и в Закарпатья, даже если они являлись дакийцами, были ассимилированы славянами и стали предками восточной части летописных хорват. Доказывая славянскую принадлежность культуры карпатских курганов, М. Ю. Смишко указывал на сходство в обряде их погребения со славянскими средневековыми курганами Червенев и Зиячево в Закарпатья и курганами Словакии и Польши, относящимися к VIII—X вв. [Смишко М. Ю., 1960. С. 129—152]. Мнение М. Ю. Смишко о происхождении культуры карпатских курганов и об ассимиляции славянами местного дакийского населения в процессе развития культуры разделял и Э. А. Сымонович [1978а. С. 197—209].

Другой точки зрения о происхождении культуры придерживается Л. В. Вакулenco. Прежде всего она отрицает непосредственную связь культуры карпатских курганов с куштановицкой культурой Закарпатья и западнодольской скифской из-за большого, не менее четырех столетий, хронологического разрыва между ними и территориального несовпадения. Она не согласна и со сближением карпатских курганов и курганов Трансильвании, так как последние имеют ряд отличительных особенностей и в погребальном обряде, и в инвентаре (преобладание гончарной посуды, обычай класть в погребение монету, отсутствие урновых захоронений, отсутствие гетодакийских элементов в культуре). Она считает, что курганы в Трансильвании, возможно, оставлены не дакийским, а каким-то пришлым населением, так как их культура не имеет местных корней. Близость подкурганного погребального обряда по обе стороны Карпат, на землях Словакии, Трансильвании и украинского Прикарпатья, по мнению Л. В. Вакулenco, может быть связана с каким-то общим источником его происхождения, который пока неизвестен. По ее мнению, население, оставившее культуру карпатских курганов, не могло называться карпами, так как по современным археологическим данным и по письменным источникам с культурой карпов отождествляются памятники типа Поянешти—Виртешеро конца II—III в. По мнению Л. В. Вакулenco, на территории культуры карпатских курганов нельзя поместить ни один из народов, известных по письменным источникам. Исследовательница отмечает сильный гетодакийский элемент в культуре карпатских курганов и близость с линией культуры, оставленной гетодакийским населением, жившим в верховьях Днестра. Линия культуры существовала до конца II в. н. э., когда на ее территории продвинулось пшеворское население и часть местных жителей могла переселиться в Прикарпатья. Здесь образовалась новая культура карпатских курганов, в состав которой, помимо гетодакийского элемента, вошел другой компонент, особенности культуры которого сходны с культурой раннесредневековых славян. Эти общие со славянской культурой черты, по мнению Л. В. Вакулenco, проявляются в близости некоторых лепных горшков, в сходных топографических условиях расположения поселений, в особенностях погребального обряда под курганами, содержащими трупосожжения на месте или на стороне, в ямах или урнах, в рас-

пространении жилищ-полуземлянок. Все это приводит Л. В. Вакуленко к выводу, что при возникновении культуры карпатских курганов имело место смешение двух разных компонентов — гето-дакийского и славянского. По мере развития культуры славянские черты становятся преобладающими и связывают эту культуру со славянскими культурами последующего времени [Вакуленко Л. В., 1977. С. 72—89].

Противоположное мнение высказал В. Г. Котигоршко. Корни курганного погребального обряда он вслед за М. Ю. Смишко видит в местной куштано-вицкой культуре, которая по некоторым данным продолжала существовать до рубежа нашей эры, т. е. до времени появления могильника культуры карпатских курганов Иза II по датировке М. Ю. Смишко. Таким образом, основные черты погребального обряда — подкурганные трупосожжения, совершенные на месте или на стороне, помещенные в ямки и в урны, по мнению В. Г. Котигоршко, существовали в Закарпатье без особых изменений с VI в. до н. э. по IV в. н. э. Сюда же в первых веках нашей эры проникает гончарная посуда кельтского образца и распространяется дакийская керамика, что было связано с продвижением сюда гето-дакийского населения. Позднее сказывается влияние римских провинций. Но в основном в Закарпатье жило местное коренное население, относящееся к одной из групп северофракийской этнической общности [Котигоршко В. Г., 1980а. С. 239—247].

В изучении культуры карпатских курганов еще много пробелов. Не выяснена относительная датировка культуры, не доказаны наличие раннего периода и появление культуры в первых веках нашей эры, не вполне ясен заключительный этап развития культуры и недостаточно обоснована связь с раннеславянскими памятниками. Для решения всех этих вопросов необходимо накопление новых археологических источников, пока же все выводы могут быть только предположительными.

По имеющимся в настоящее время данным существование культуры карпатских курганов можно отнести ко времени не раньше III в. н. э. Соответственно, как бы ни завывалась дата окончания куштано-вицкой культуры, между ней и временем появления культуры карпатских курганов существовал разрыв в несколько сотен лет. К тому же, куштано-вицкая культура была распространена только на территории Закарпатья, и предполагаемая связь с ней еще не решает проблему происхождения всей культуры карпатских курганов. Кроме того, сближение с куштано-вицкой культурой устанавливается только на основании сходства общих черт погребального обряда, которые не являются строго специфическими и имеют широкое распространение в разные периоды.

Гораздо больше оснований для сближения культуры карпатских курганов с местной липницкой культурой, существовавшей по II в. н. э. Между этими культурами нет хронологического разрыва, и наблюдается территориальная близость. Липницкие памятники хорошо известны по верхнему течению Днестра, но они открыты и в пределах Черновицкой обл. по Пруту, где их насчитывается около 20, и в могильнике в Неполодовцах раскопано три липницких погребения [Тимошук Б. О., 1984б. С. 215; Тимошук Б. А., Никитина Г. Ф., 1978. С. 89—94]. На юге памятники

липницкой культуры доходят до северных областей Молдовы, где они располагаются в Прутско-Днестровском междуречье [Федоров Г. Б., 1960б. С. 20, 21]. Находки близкой культуры распространены в юго-восточной Словакии, где наблюдается кельтско-дакийское смешение [Kolnik T., 1971. S. 525]. Вполне возможно продвижение липницкого населения под воздействием пшеворских пришельцев с Берхнего Поднестровья к юго-западу, на р. Прут, где складывалась культура карпатских курганов, как считает Л. В. Вакуленко [1977. С. 72—75]. Между липницкой культурой и культурой карпатских курганов много соответствий в домостроительстве (наземные и углубленные жилища с очагами) и в керамическом комплексе. Для обеих культур характерны горшки с расширенным горлом и дном, округлобокие сосуды, конические чаши, часто имеющие массивные ручки, гончарные вазы на пустой ножке, трехручьи и двуручьи вазы, кувшин [Цигляк В. М., 1975. Рис. 20—48], широко представлен орнамент в виде налечных заливок, дужек, шишечек и т. п. Различия между этими культурами в значительной мере может быть объяснено хронологическими изменениями (например, распространение гончарной провинциально-римской посуды в культуре карпатских курганов).

Но в то же время культуру III—V вв. нельзя рассматривать как простое продолжение предшествующей, между ними есть такое существенное отличие в погребальном обряде, как распространение курганного обряда захоронений, которое могло появиться лишь в результате какого-то нового импульса со стороны. Таким новым компонентом, содействующим возникновению культуры карпатских курганов, могла быть группа населения, продвинувшаяся на север из Трансильвании, где курганный обряд погребения был известен в I—II вв. На самом известном там могильнике Кашольц насчитывалось около 300 курганов, большинство которых к настоящему времени раскопано. Размеры курганов и обряд погребения в них очень сходен с ритуалом в карпатских курганах: трупосожжение на месте и изредка на стороне, кости собраны на горизонте, иногда под кострищем вырыта большая яма, на кострище масса черепков битой посуды, много сосудов-приставок, причем характерно помещение меньшего сосуда в больший. Керамика в курганах Кашольца преимущественно гончарная провинциально-римская, но есть много местной посуды с дакийскими чертами, в том числе большие конические чаши [Mascia M., 1959. С. 407—416]. В большем количестве дакийская посуда представлена на находящемся рядом поселении того же времени. Курганы в Кашольце имеют ряд особенностей, несвойственных карпатским курганам. Так, в них нет погребений в урнах, встречаются, хотя и очень редкие, каменные ящики под насыпью, попадаются римские монеты, но в целом эти отличия не нарушают общей близости памятников Трансильвании и Прикарпатья. Передвижение населения к северу могло быть вызвано римским завоеванием в начале II в. н. э. и созданием провинции Дакия. Свободные земли появились в это время и в Словакии, где еще с I в. до н. э. был силен дакийский компонент. В римское время здесь известны курганные погребения, несомненно родственные карпатским (например, могильник Земплин). В них также открыты трупосожжения.

сожжения на месте, кости оставлены на горизонте или собраны в урны, иногда погребальный костер окружен правильной кольцевой канавкой. В кургане могильника Стреде над Бодрогом оказалось скопление неправильно уложенных камней, образующих как бы ограду кругом погребения, как это бывает и в карпатских курганах. Керамика из курганов юго-восточной Словакии типично дакийская и находит полные аналогии среди материалов культуры карпатских курганов — это чаши на высокой ножке, массивные конические чаши с ручкой, сосуды, украшенные валиком с вмятинами, наlepными шишечками [Budinský-Krička V., 1960. S. 217—223; 1965. S. 309—338].

Таким образом, по современным данным наиболее правдоподобным кажется предположение о том, что культура карпатских курганов сложилась в Прикарпатье на основе местной липицкой культуры и продвинувшихся сюда групп населения из римской Дакии. В целом все предгорья Карпат на северо-востоке, востоке, юго-западе и юге были заняты родственными между собой дакийскими племенами. Все они испытывали сильное влияние римской цивилизации, что отчасти нивелировало местные особенности. Кроме того, во II в. н. э. в Закарпатье так же, как в Словакию, проникают пшеворские памятники, влияние которых ощутимо в местной культуре. Пшеворское воздействие видно на составе инвентаря в кургане Братово в Закарпатье и курганов в Земпли-

не в Словакии, в которых встречены оружие и остро-реберная пшеворская посуда [Kolník T., 1971. S. 525—529].

Раскопками последних лет открыты новые материалы, проливающие свет на судьбу культуры карпатских курганов в V в. н. э. Установлено, что рядом с поселениями этой культуры в Горече и Кодыне II в середине V в. н. э. появились славянские поселки, и с этого времени главенствующими становятся черты славянской культуры, сохранявшей ряд традиционных особенностей культуры карпатских курганов. Местные традиции сказались в наличии очагов в ранних жилищах, замененных вскоре печами-каменками; в столбовой конструкции стен хозяйственных построек, сделанных из плетня, обмазанного глиной; в профилировке некоторых сосудов; в обилии конических мисок с массивным дном [Русанова И. П., Тимошук Б. А., 1984а]. Вклад местного дакийского (северофракийского) населения в развитие славянской культуры Прикарпатья был достаточно весом, и в таком смысле это население можно рассматривать как непосредственных предков средневековых хорват. О смешении и ассимиляции местного дакийского населения славянами можно с полной достоверностью говорить с середины V в. н. э. Для более раннего времени славянский компонент в местной культуре пока не выявлен.

## Глава четвертая

### Вельбарская культура

Вельбарская культура получила свое наименование, предложенное Р. Вологневичем и ставшее общепринятым с конца 70-х годов, по большому могильнику Вельбарк-Госцишево в низовьях Вислы. До этого культуру называли то гото-гепидской, то восточно-поморско-мазовецкой, то включали в состав предшествующей оксывской. Памятники вельбарской культуры хорошо известны на землях Польши, где они разделены на две фазы. Первая фаза — любовидзская — относится ко времени с середины I до конца II (фазы B<sub>1</sub>—B<sub>2</sub>/C<sub>1</sub>) в., и ее памятники занимают территорию среднего и восточного Поморья и северную часть Великой Польши, т. е. земли, почти полностью совпадающие с ареалом более ранней оксывской культуры, некоторые традиции которой сохранились на этой стадии вельбарской культуры. Памятники второй фазы — цецельской — относятся к концу II—IV в., распространены по Висле и Бугу, занимают Мазурию, восточную Мазовию и Волынь, достигают в Белорусском Полесье низовьев Горыни. При этом восточная часть Нижнего Повисленя была заселена вельбарскими племенами на протяжении обеих фаз, тогда как западная часть Повисленя и Поморья была оставлена этими племенами в связи с переселением к юго-востоку.

Для вельбарской культуры на протяжении обеих фаз был характерен брутализм в погребальном обряде — распространены труположения с северной ориентировкой погребенных и трупосожжения урновые и безурновые. До начала III в. н. э. встречались курганы с каменными конструкциями, каменные круги и стелы, имеющие явные аналогии в Скандинавии. Особенностью вельбарских погребений, отличающей их от пшеворских и оксывских, является состав их инвентаря: отсутствие оружия, малое количество сосудов и преобладание предметов из бронзы, в частности, были распространены поясные зсвидные скрепы и браслеты, редкие для пшеворской культуры категории находок. По составу и форме вещей вельбарские памятники обнаруживают близость с кругом культур Центральной и Северной Европы, в том числе с Позльбем, Данией, Скандинавией [Prähistoria..., 1981. S. 143—191]. Очень характерен набор посуды вельбарской культуры на фазе цецельской — это в основном низкие мисковидные сосуды, часто имеющие угловатый излом профиля или закругленный профиль с наибольшим расширением в нижней части тулова. Сосуды украшались геометрическим узором, прореченным зигзагом или сочетанием гладкой и «хропаватой» поверхности [Schindler R., 1940. Tab. 1—21]. Заняв земли к востоку от Вислы, вельбарское население постепенно вытеснило местные пшеворские племена, но в какой-то мере и смешалось с ними, заимствуя некоторые пшеворские формы посуды [Dąbrowska T., 1981. S. 117—120].

Вельбарская культура имеет узловое значение для истории Средней и Восточной Европы, так как она

связана с готской проблемой. Сведения о расселении готов содержатся в труде Иордана, написанном в середине VI в. н. э.: «С этого самого острова Сканды, как бы из мастерской, изотворяющей племена, или вернее, как из утробы, порождающей племена, по преданию вышли некогда готы с королем своим по имени Бериг. Лишь только сойдя с кораблей, они спустились на землю, как сразу же дали прозвание тому месту. Говорят, что до сего дня оно так и называется Готисканда».

Вскоре они продвинулись оттуда на место ульмеругов, которые сидели тогда по берегам океана; там они расположились лагерем и, сразившись с ульмеругами, вытеснили их с их собственных поселений. Тогда же они подчинили их соседей вандалов, присоединив и их к своим победам.

Когда там выросло великое множество людей, а правя всего только пятый после Берига король Филмер, сын Гадрига, то он постановил, чтобы войско готов вместе с семьями двинулось оттуда. В поисках удобнейших областей и подходящих мест для поселения он пришел в земли Скифии, которые на их языке назывались Ойум» [Иордан, 25—27. С. 70].

Далее Иордан пишет: «Мы читали, что первое расселение готов было в Скифской земле, около Меотийского болота; второе — в Мизии, Фракии и Дакии; третье — на Понтийском море, снова в Скифии» (Иордан, 38. С. 72). Несмотря на легендарность некоторых сообщений Иордана, многие современные исследователи, как историки (Г. Ловмянский, Г. Лябуда и др.), так и археологи, признают возможность появления готов на нижней Висле в I в. н. э. и их дальнейшее продвижение к Черному морю. В III в. н. э. готы включились в борьбу варварских племен Подунавья с Римской империей.

Проблемы переселения готов, пути их продвижения и связи с археологическими памятниками по-разному освещаются в литературе и вызывают жаркие дискуссии. В 20—40-х годах XX в. в основном немецкие исследователи (Г. Косина, Е. Блюме и др.) строго следовали за сведениями Иордана и относили переселение готов из Швеции или острова Готланд к рубежу нашей эры, когда появившиеся на нижней Висле готы победили германские племена вандалов и бургунов, принесли сюда свою культуру и обряд ингуляции, заимствовав и местные особенности культуры. Р. Шиндлер, основываясь на керамических материалах, пришел к выводу, что готы в начале нашей эры расселились к западу от низовьев Вислы, а в середине II в., когда прослеживаются изменения керамики, число памятников и количество населения резко возрастает, земли к востоку от Вислы были заняты гепидами [Schindler R., 1940]. И. Костешевский, признавая переселение готов на рубеж нашей эры в Нижнее Повисленье, считал, что они здесь встретились со славянским населением, которому принадлежали лужицкая, поморская и венедская (оксыв-

ская) культуры [Kostrzewski J., 1949a. S. 200]. Напротив, К. Тыменецкий рассматривал сведения Иордана как легендарные и связывал путь готов к югу не с Вислой, а с Эльбой [Tymieniecki K., 1952. S. 112—122]. Е. Кмединский картографировал элементы культуры Нижнего Повисленья, относящиеся к раннеримскому времени (каменные курганы, круги и стелы, эвиденные скрепы, браслеты, сосуды с орнаментом в виде дощечек и «хроповатых» треугольников), и пришел к заключению, что все эти элементы имели широкое распространение в Поморье и на нижней Эльбе, были характерны для разных культур и нет оснований связывать их с готами и гепидами, прибывшими из Швеции. Раннеримская культура восточного Поморья, по его мнению, являлась продолжением оксвийской культуры позднелатенского периода [Kmieciński J., 1962. S. 141—155].

Сложную картину становления и развития вельбарской культуры рисует Р. Волонгевич. Он различает семь регионов, где вельбарские памятники появились и исчезали неодновременно и имели разную местную подоснову. Если в низовьях Вислы, на Дравском поозерье и Словинском побережье наблюдается трансформация оксвийской культуры в вельбарскую в одних и тех же могильниках, то в Кашубско-Крайнем поозерье вельбарские могильники типа Одры-Венсёры были заложены заново. Здесь зафиксированы намогильные каменные круги со стелами, аналогичные скандинавским. На цетельской стадии, с фазы В<sub>2</sub>/С<sub>1</sub>, т. е. с конца II — начала III в., Кашубско-Крайнем поозерье, Словинское побережье и Дравское поозерье запусевают, но зато вельбарские памятники появляются в Мазовии и Подлясье, где часть пшеворских могильников забрасывается, а часть трансформируется в вельбарские. В низовьях Вислы могильники продолжают функционировать непрерывно на обеих стадиях [Wołgiewicz R., 1981. S. 79—102].

Продвигаясь к юго-востоку, вельбарская культура достигла территории западного Полесья и Волыни, где ее памятники относятся в основном к поздней, цетельской, фазе развития (карта 31).

**ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВЕЛЬБАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ СССР.** Памятники вельбарской культуры на нашей территории известно сравнительно немного, к тому же, часть материалов происходит из случайных находок и разрушенных могильников, что приводит к различной их культурной атрибуции у исследователей. Кроме того, некоторые вельбарские материалы близки пшеворским, на цетельской фазе развития наблюдается смешение черт вельбарской и пшеворской культур, и это значительно затрудняет определение культурной принадлежности памятников.

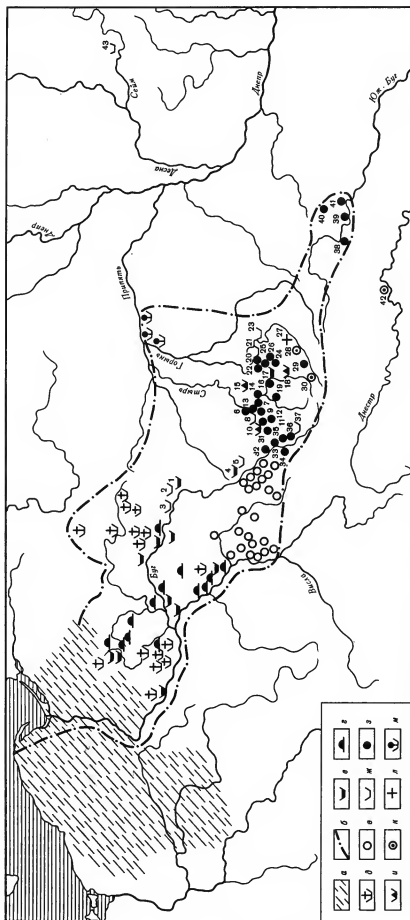
Первый собственно вельбарский памятник был систематически исследован в 1957 г. М. Ю. Смишко и И. К. Свешниковым. Это могильник Дитиничи, сильно разрушенный при позднейших земляных работах. В могильнике удалось вскрыть 21 погребение с трупосожжениями, из них три урновые. Погребения содержали характерный материал и керамику, что дало основание всю группу аналогичных памятников отнести к типу Дитиничей. Авторы датировали могильник IV в. н. э., подчеркивали его близость с погребениями в Деревянном и случайными наход-

ками в Городище (Ровенская обл.), отмечали отличие этих памятников от синхронных комплексов пшеворской и черняховской культур и пришли к выводу о появлении в это время на западной Волыни новой группы населения, вероятнее всего гепидов, связанных с южной Прибалтикой [Смишко М. Ю., Свешников И. К., 1961. С. 89—114].

Большую работу по изучению могильников вельбарской культуры проводил Ю. В. Кухаренко. Еще в 1957 г. он обобщил материалы типа Деревянного и отнес их тогда к волынской группе полей погребений [Кухаренко Ю. В., 1958a. С. 219—226]. Он же опубликовал материалы этого могильника и данные о погребении в с. Рудка [Кухаренко Ю. В., 1980. С. 80—86]. В Деревянном могильник был случайно обнаружен еще в 1935 г. Тогда же здесь были проведены небольшие раскопки, при которых и во время позднейших земляных работ были открыты пять погребений с трупосожжениями в урнах и одно трупосожжение. В 30-х годах было исследовано «княжеское» погребение в Рудке, содержащее скелет взрослого человека, помещенного в глубокую яму, ориентированного головой на север и сопровождавшегося богатым набором вещей и посуды. К вельбарским памятникам Ю. В. Кухаренко относил случайно обнаруженное в 1936 г. у с. Пересынки под Путивлем трупосожжение в урне, характерной для этих памятников [Кухаренко Ю. В., 1970b. С. 33—35]. С 1960 до 1977 г. (с перерывами) Ю. В. Кухаренко вел раскопки могильника Брест-Тришин, находящегося на окраине г. Брест. Здесь выявлены 75 урновых и безурновых трупосожжений и восемь больших ям [Кухаренко Ю. В., 1965; 1980]. Он же исследовал в 1967, 1968 и 1970 гг. могильник в Любомле, открытый случайно, где в 1963 г. проводили небольшие раскопки В. Д. Баран и В. Н. Цыгылки. Всего в могильнике вскрыто 12 погребений с трупосожжениями в урнах и в ямах и большое число ям, заполненных золой и камнями [Кухаренко Ю. В., 1980. С. 77—80].

В низовьях Горыни, на территории зарубинецких могильников Велемичи I и II, обнаружено 12 захоронений вельбарской культуры [Кухаренко Ю. В., 1961. Табл. 45; 46]. Десять таких погребений располагалось в западной части могильника I, среди зарубинецких могил; два погребения находилось на северной окраине могильника II. По особенностям погребального обряда (кальцинированные кости сыпаны в яму с остатками погребального костра) и по инвентарным комплексам (поврежденные огнем и фрагментированные вещи, оплакованные, разбитые сосуды) эти погребения отличаются от зарубинецких и характерны для вельбарской культуры. Отдельные вещи (фибула и пряжка), аналогичные вельбарским, были обнаружены в зарубинецком могильнике в Отвержицах, вне погребений [Каспарова К. В., 1976a. С. 52].

Проводились исследования и на поселениях. С 1957 по 1962 г. велась раскопка на большом поселении у с. Лепесовка в верховьях р. Горынь [Тиханова М. А., 1960. С. 93—95; 1963. С. 178—191; 1964. С. 48—56]. Поселение имело смешанный характер: среди керамики 79% составляла гончарная черняховская посуда, а среди лепной преобладала вельбарская и пшеворская. На поселении вскрыта широкая площадь (8500 кв. м), обнаружены остатки 20 больших наземных домов, нескольких гончарных печей.



Карта 31. Основные памятники вельбарской культуры

- а — ареал на любовидской фазе;  
 б — ареал на цесловской фазе;  
 в — наиболее исследованные могильники;  
 г — курганы с измененными конструкциями;  
 д — наиболее исследованные шпоровые могильники, продолжающие существовать на цесловской фазе как вельбарские;  
 ж — памятники на Люблинские;  
 з — могильники на территории Украины и Белоруссии;  
 и — вельбарско-черняховские могильники;  
 к — вельбарско-черняховские поселения;  
 л — клад вещей вельбарско-черняховский (?);  
 м — вельбарские погребения из зарубицких могильников;

Составитель К. В. Каспарова

- 1 — Брест-Трищина;  
 2 — Сторбичи;  
 3 — Вельбарские;  
 4 — Люблин;  
 5 — Маша;  
 6 — Луцк-Гиддава;  
 7 — Боратин;  
 8, 9 — Горская Полона;  
 10, 11 — Баян;  
 12 — Залач;  
 13 — Ровача;  
 14 — Новоса;  
 15 — Дерешинское;  
 16 — Берега;  
 17 — Датиничи;

- 18 — Рудав;  
 19 — Боромель;  
 20 — Велький Олексин;  
 21 — Городище;  
 22 — Городок;  
 23 — Могилы-Хмельник;  
 24 — Остров;  
 25 — Зоза;  
 26 — Осади;  
 27 — Осади;  
 28 — Дланин;  
 29 — Барсука;  
 30 — Викина Великие;  
 31 — Ливия;

- 32 — Лесниц;  
 33 — Махале;  
 34 — Федоровичи;  
 35 — Роман;  
 36 — Савтава;  
 37 — Истрибичи;  
 38 — Демелова;  
 39 — Гуляка;  
 40 — Сабодка;  
 41 — Зельковичи;  
 42 — Большая Сабодка II;  
 43 — Паси;  
 44, 45 — Вельбар I, II;  
 46 — Отвержичи.



Полностью материалы поселения не опубликованы. Возможно, вельбарские материалы есть на многослойном поселении Викины Великие, где открыты остатки больших наземных домов и имеются фрагменты во всяком случае пшеворской посуды [Смишко М. Ю., 1947. С. 114—122]. К вельбарским поселениям относится селище Ромаца, на котором раскопаны углубленные в землю жилища и найдена типично вельбарская керамика [Крушельницкая Л. И., Оприк В. Г., 1975. С. 75—80; Кропоткин В. В., 1974а. С. 294, 295]. В 80-е годы проводились раскопки на поселении Великая Слобода, в результате которых исследованы три слетка углубленные большие постройки [Козак Д. Н., Журко О. И., 1983. С. 62—71; Козак Д. Н., 1984а. С. 55—60]. Вельбарские элементы обнаружены среди керамики поселения в Боратине на р. Стырь [Козак Д. Н., Протас Л. О., 1984. С. 96—99]. На Южном Буге известны поселения в Шеринях и ряд других вельбарских памятников, открытых П. И. Хавлюком, но материалы пока не опубликованы.

Ю. В. Кухаренко обобщил все известные к началу 80-х годов материалы, относящиеся, по его мнению, к вельбарской культуре, и установил два колонизационных потока, шедших из Помория и Нижнего Повисленя на Волынь и Подоллю. В результате первого потока колонизации, происходившего в конце II — начале III в., памятники расположились сравнительно узкой полосой вдоль Буга. Вторая волна колонизации, охватывавшая середину и вторую половину III в. н. э., привела к расширению территории культуры и появлению новых памятников. В это время, по Ю. В. Кухаренко, вельбарские памятники доходили уже до Поднепровья, охватывали Южное Побужье и проникали на земли Молдовы. Их следует рассматривать как завершающую стадию развития вельбарской культуры и как самые ранние памятники черняховской культуры. Ю. В. Кухаренко считал, что нет принципиальной разницы между черняховской и вельбарской культурами, а различия между ними (преобладание гончарной посуды и погребений с трупосожжениями на черняховских памятниках) объясняются хронологическими изменениями и другим уровнем экономического развития. По Ю. В. Кухаренко, население, занимавшее первоначально небольшую область в Поморье и низовьях Вислы, в позднеримское время распространилось вплоть до Причерноморья и Подунавья, и его можно считать восточногерманским, состоящим из ряда племен, в том числе из готов и гепидов [Кухаренко Ю. В., 1980. С. 64—77].

М. Б. Шуклин также выделяет две волны передвижения населения из восточных районов Польши на Волынь и Верхнее Поднепровье, уточняя их хронологию. Первая волна относится ко времени второй половины II — начала III в. (B<sub>2</sub>/C<sub>1a</sub>). Она отразилась в появлении могильника Брест-Тришин и синхронных ему памятников, распространившихся далеко на восток, вплоть до Сейма (погребение в Пересычках) [Кухаренко Ю. В., 1970б]. По М. Б. Шуклину, вторая волна относится к фазе C<sub>2</sub>, т. е. приблизительно к 30—60-м годам III в. н. э. В это время был заложен могильник Дитиничи, основано поселение в Ромаше, носители вельбарской культуры проникли вплоть до Ясса в Молдове. Автор отмечает, что почти на всех

раннечерняховских памятниках, возникновение которых приходится на фазу C<sub>2</sub>, есть вельбарско-пшеворские элементы. В каких случаях это результат наследия первой волны вельбарского населения, включившегося в формирование черняховской культуры, а в каких — результат взаимодействия уже возникшей черняховской культуры с пришельцами второй волны, пока решить невозможно. В черняховских могильниках, заложенных в конце фазы C<sub>2</sub>, т. е. в начале IV в. н. э., вельбарские элементы уже не прослеживаются. По мнению М. Б. Шуклина, первая волна передвижения носителей пшеворской и вельбарско-цесельской культур хронологически соответствует движению готов к берегам Черного моря, тогда как вторая волна могла бы отражать переселение гепидов, но в передвижение могли быть вовлечены разные племена, в том числе и не германские [Шуклин М. Б., 1979б. С. 77—84; Szczukin M., 1981. S. 135—160].

Другой точки зрения придерживается В. Д. Баран. Он считает, что вельбарские памятники появились на Волыни и проникли на черняховскую территорию лишь во второй четверти I тысячелетия н. э., когда черняховская культура уже существовала. Памятники обеих культур различаются, по мнению В. Д. Барана, по обряду погребения, специфическим чертам домостроительства и составу инвентаря, особенно по преобладанию в вельбарских комплексах лепной, а в черняховских — гончарной посуды. Разнокультурные памятники располагались чересполосно, на небольшом расстоянии друг от друга. Так, вельбарское поселение Боруки на Горыни находится в 6 км от черняховских поселения и могильника в Бережанке, в Ромаше на Буге вельбарское и черняховское поселения разделены только оврагом. Вельбарское население, пришедшее с Нижнего Повисленя, по В. Д. Барану, оставило на Полесье и Волыни ряд могильников и поселений и затем передвинулось через междуречье Днепра и Южного Буга на юг, к Черному морю. Следы этого движения являются погребения с трупосожжениями и характерны для северо-западных культур инвентарем в ряде могильников (Раковец-Чесновский, Косаново, Рыжевка, Журавка, Компанийцы) и перемены в материальной культуре могильников Северного Причерноморья (Коблево, Каборга, Викторовка) [Баран В. Д., 1981. С. 159—162]. По мнению Д. Н. Козака, вельбарско-пшеворские племена, проникшие в конце II — III в. на земли западной Волыни и Подолля, приняли участие в формировании черняховской культуры, но вскоре полностью растворились в ней и в IV в. н. э. исчезли, не оставив какого-либо следа в последующих культурах. Второй переселенческий поток вельбарского населения, по Д. Н. Козаку, не был массовым и не сыграл существенной роли в истории племен Днепровского правобережья [Этнокультурная карта..., 1985. С. 73—75].

**ПОСЕЛЕНИЯ.** Материалы многих поселений до сих пор не опубликованы. По имеющимся данным, открытые селища с вельбарскими находками располагаются на невысоких надпойменных террасах и изредка (Лепесовка) — на сравнительно высоком коренном берегу реки. Селища бываю очень маленькими (в Ромаше оно имело площадь всего около 250 кв. м) или занимают несколько большую

площадь (до 1,5—2 га — Великая Слобода). На огромном (до 9 га) поселении в Лепесовке пшеворские и вельбарские материалы концентрируются, по-видимому, лишь в западной части селища, на участках, удаленных от берега р. Горынь [Тиханова М. А., 1963. С. 182].

Один из участков поселения Лепесовка был густо застроен жилыми и хозяйственными сооружениями, возможно, имевшими производственное назначение, так как в них найдены куски железных и стеклянных шлаков. Одно из жилищ, большое и прямоугольное в плане (12,5×6 м), разделено на две части — жилую и хлев. Жилая часть имела глинобитный пол, и в ее центре был расположен прямоугольный в плане очаг (табл. XCV, 3). Здесь найдены типичные для жилищ сооружений вещи — скопление грузил от ткацкого станка, жернов, костяной гребень и раздавленные лепные сосуды, в том числе чернолощевая миска. Во второй части помещения, в хлеву, пол был земляным, по нему разбросаны зерна, видны отпечатки соломы. Возможно, помещение хлева было разделено деревянными перегородками на стойла для скота. Стены жилища были сделаны из плетня, обмазанного глиной, от которого сохранились небольшие ямки, расположенные на равном расстоянии друг от друга. Крыша сооружения, вероятно, опиралась на столбы, стоявшие в центре торцовых стен. Постройки такого типа, совмещающие под одной крышей жилое помещение и хлев, хорошо известны на германских поселениях [Тиханова М. А., 1963. С. 182, 183; 1970. С. 89—94]. Дома, разделенные на две части, открыты на поселениях северного Повиселья [Любешово, Поцвентне] [Prahistoria..., 1981. S. 384, 385].

На поселения Ромаш встречены наземные и слегка углубленные в материк жилища. Одно из углубленных жилищ имело неправильно четырехугольную форму и площадь 44 кв. м [Кропоткин В. В., 1974а. С. 294, 295; Крушельницкая Л. И., Оприск В. Г., 1975. С. 75, 76]. На поселения Боратин на р. Стырь, относящемся в основном к пшеворской культуре, в конце его существования появились, вероятно, новое население, принесшее с собой вельбарскую посуду. Жилища на этом поселении небольшие, углубленные, прямоугольной в плане формы [Козак Д. Н., 1984б. С. 56]. На поселении Великая Слобода, где наблюдается смещение элементов черняховской, пшеворской и вельбарской культур, были открыты прямоугольные в плане дома (2,5—3×4—5 м), пол которых был незначительно (0,1—0,3 м) углублен в материк. Очаги в этих домах были помещены на подсыпках и выложены из мелких камней [Козак Д. Н., Журко О. И., 1983. С. 62; Козак Д. Н., 1984б. С. 57].

Не совсем обычное сооружение открыто на поселении Великая Слобода. Это большое (14,8×4,8 м) прямоугольное в плане строение, вдоль стен которого и по центральной оси прослежено до 50 м от столбов (табл. XCV, 5). Пол постройки ровный, хорошо утрамбованный, слегка углублен в материк, и одна его часть (2,8×6,2 м) опущена еще ниже на 0,2 м. Расположение столбовых ям и углубления позволяет предполагать, что помещение было разделено на несколько частей. Постройка не была жилой, так как отопительного сооружения в ней не было, скорее всего ее можно рассматривать как здание общественного характера [Козак Д. Н., 1984б. С. 57—59]. Подобные обществен-

ные здания известны на территории Польши (например, на поселении Вудька Лясецкая).

**МОГИЛЬНИКИ.** Могильники вельбарской культуры располагаются на пологих склонах у берега реки (Брест-Трипши) или на склонах песчаных дюн (Дитиничи, Любомль). Лишь могильник в Деревянном открыт на довольно крутом спуске к большой балке. Ни один из них не исследован полностью, только в могильнике в Дитиничах вскрыта, по-видимому, вся उत्तेщающаяся от позднейших повреждений площадь [Смишч М. Ю., Свежніков І. К., 1961. С. 90. Рис. 1].

Подавляющую часть погребений составляют трупосожжения. В могильнике Брест-Трипши трупосожжения заделаны на глубине до 1 м и располагались на расстоянии 2—3 м друг от друга (табл. XCV, 1). Захоронения были совершены в небольших (диаметр 30—70 см) округлых ямах и подразделяются на урновые и безурновые (табл. XCVI). Преобладают трупосожжения в ямах без урн (в 52 погребениях из 72 вскрытых), в которых кости часто перемешаны с остатками погребального костра. Таких остатков костра (угли и зола), не было лишь в 14 погребениях. В безурновых погребениях вещи, сопровождающие покойников, обычно повреждены огнем, сосуды фрагментированы, но встречаются и целые. В одном погребении целый сосуд был положен на костях и опрокинут вверх дном (табл. XCVI, 7). Урновые погребения также бывают с остатками погребального костра или без них. Урнами служили горшки, реже — миски и вазовидные сосуды. Урны, как правило, ничем не закрывались, за исключением одного погребения, где урна была сверху прикрыта миской, и еще одного, в котором урна была перевёрнута вверх дном. Пережженные кости обычно находятся в урне и бывают очищены от остатков погребального костра. Вместе с костями в урне лежат и сопровождающие погребение вещи.

Вещей при захоронениях немного — от одной до восьми, а обычный набор погребального инвентаря состоит из сосуда, бронзовой фибулы и костяного гребня. Довольно часто встречается пряслица и гораздо реже иглы, бусы, замки. Оружие полностью отсутствует. По количеству найденных вещей урновые погребения несколько богаче ямных, но состав вещей в погребениях этих типов одинаков. И в тех и в других иногда попадают камни-валуны. Трупосожжения разных типов располагались вперемежку по всей площади могильника. Замечена одна закономерность в расположении разных по устройству погребений — захоронения без остатков погребального костра занимали центральную часть могильника.

Трупосожжения тех же типов — урновые и безурновые — обнаружены в могильниках Любомль, Дитиничи, но в последнем преобладают безурновые захоронения, сопровождаемые остатками погребального костра (здесь раскопано 19 безурновых и два урновых сожжения). Напротив, по имеющимся данным в могильнике в Деревянном обнаружены только урновые сожжения [Кухаренко Ю. В., 1980. С. 80—83]. В могильниках Брест-Трипши, Любомль и Машев, помимо захоронений, обнаружены еще жертвенные ямы, заполненные золой и камнями. В Брест-Трипши раскопано восемь таких ям, расположенных между погребениями. Кроме того, в Любомле расчищена вымостка из камней, плотно уложенных

в один ярус и образующих округлую в плане площадку диаметром около 1 м.

В некоторых могильниках обнаружены труположения. В Деревянном при земляных работах найден скелет, обращенный черепом на север. Находки скелетов известны в Горькой Полонке, Городище, где погребения сопровождались типично вельбарскими сосудами, фибулами прибалтийского типа и костяными гробницами. По обряду ингумации совершено захоронение в «княжеском» погребении у с. Рудка (табл. XCVI, 11). Захоронение бескурганное, помещено в глубокой прямоугольной яме (глубина 2,10 м, размеры 2,50×1,10 м). Скелет взрослого человека лежал на дне ямы в вытянутом положении, черепом на север. У головы погребенного стояла бронзовая миска, в которой находился глиняный кубок, у правого плеча и справа и слева около кистей рук стояли кувшины и три миски, здесь же находились два игральные жетона из стекла и серебряная фибула. У ступней ног лежали две серебряные шпоры, глиняная миска, кости свиньи, серебряный нож, большой глиняный сосуд с помещенной внутри него миской, бронзовый котел, внутри которого был положен стеклянный кубок [Кухаренко Ю. В., 1980. С. 84, 85].

**КЕРАМИКА.** Целые или фрагментированные глиняные сосуды встречаются почти во всех погребениях, в редких случаях бывает до шести сосудов в одном погребении. На вельбарских памятниках резко преобладает ланная посуда, и лишь при взаимодействии с черняховской культурой распространяется керамика, сделанная при помощи гончарного круга.

Ленные сосуды изготовлены из глины с примесями песка, дресвы, реже — шамота и иногда — органических остатков. Поверхность сосудов часто бывает нарочно ошершавлена — на нее дополнительно нанесен слой разжиженной глины с крупными примесями песка и дресвы. Обычно такой слой покрывает только тулово сосуда, тогда как верхняя и придонная его части тщательно выглажены или залощены. Часть посуды — кувшины, миски, маленькие сосудики — изготовлена из хорошо отмученной глины, и их поверхность выглажена или залощена. Цвет сосудов по преимуществу коричневый.

Типология сосудов, найденных в могильнике Брест-Тришин, разработана Ю. В. Кухаренко [1980. С. 30—43]. Такие же формы сосудов характерны и для других могильников вельбарской культуры [Schindler R., 1940]. Для вельбарских памятников типичны невысокие приземистые горшки яйцевидной или округлой формы с загнутым внутрь или отогнутым венчиком (табл. XCVII, 9, 13, 14). Обычно тулово этих горшков ошершавленное («хоропватое»), тогда как горло и придонная часть подлощены. Иногда встречаются несколько более вытянутые горшки с плечиком, расположенным в верхней части сосуда. Эти формы сосудов распространены не только на вельбарских, но и на шпешворских памятниках. В могильнике Брест-Тришин два горшка имели угловатый перегиб тулова. У одного из этих горшков край венчика загнут внутрь, другой сосуд имеет отогнутый венчик и небольшую ручку.

Распространены глубокие миски, или вазовидные сосуды. Они обычно имеют округлые плечики, расположенные в верхней или средней части сосуда. Некоторые вазовидные сосуды украшены чередую-

щимися пролощенными и «хоропватыми» треугольниками (Брест-Тришин). Часто такие сосуды снабжены небольшими Х-видными ручками, их поверхность залощена и украшена полосами косых или образующих треугольники бороздок (табл. XCVII, 2), иногда рельефными валиками с косой насечкой. Встречаются выпуклобокие вазы с симметрично расположенными тремя Х-образными ручками. Они также лощенные и бывают украшены рельефными валиками (Брест-Тришин, Дитиничи; табл. XCVII, 12). Некоторые вазовидные сосуды имеют почти биконическое тулово с переломом посредине высоты. Венчик у таких сосудов отогнут наружу или загнут внутрь.

Известны ситуловидные сосуды с высоко расположенным изломом тулова. Такой сосуд, найденный в могильнике Брест-Тришин, имел чернолощеную поверхность и небольшое Х-образное ушко, ниже которого расположено горизонтальный рельефный валик (табл. XCVII, 7). Второй сосуд из того же могильника имел близкую форму, но значительно меньшие размеры и был лишен ручки. Ситуловидный сосуд из Дитиничей также не имеет ручки (табл. XCVII, 17). Разнообразны по форме кубки. Некоторые из них слабопрофилированы и снабжены большим, оттянутым в сторону ушком. Встречаются выпуклобокие кубки с суженной горловиной и небольшим ушком, украшенные рельефными валиками, горизонтальными и косыми бороздками (табл. XСП, 10). В Брест-Тришине и Дитиничах найдены почти конической формы кубки, орнаментированные по тулову канцелюрами.

Довольно многочисленны кувшины, имеющие выпуклое тулово, высокую почти цилиндрическую шейку и длинное плоское ушко. Шейка у них отделена от тулова небольшим уступом или рельефным валиком. Кувшины тщательно сделаны, их поверхность залощена и украшена косыми и образующими треугольники бороздками (табл. XCVII, 5). В Дитиничах найден выпуклобокий сосуд, снабженный тремя ручками, прикрепленными к высокому цилиндрическому горлу. В основании горла и по тулову проходят горизонтальные валики и орнамент в виде косых борозд, образующих треугольники (табл. XCVII, 12).

Миски встречаются часто и имеют разнообразную форму. Среди них есть почти усеченноконические, с прямыми стенками, по которым проведены желобок или горизонтальная бороздка. Некоторые из этих мисок имеют маленькое Х-образное ушко (табл. XCVII, 16). Биконические миски иногда также снабжены маленькими ушками или шипковидными выступами, украшены уступами и горизонтальными валиками, треугольниками из прочерченных линий. Встречаются небольшие глубокие мисочки с округлым профилем и отогнутым краем. Изредка у них бывает почти округлое дно.

Обломки гончарных сосудов встречены лишь в одном погребении могильника Брест-Тришин — это кусок большой вазы с широким горизонтальным венчиком и обломок выпуклобокого горшка со слегка отогнутым наружу венчиком. В Деревянном обнаружено семь гончарных сосудов. Среди них имеются две миски с высоко поднятыми и остро изогнутыми плечиками, отогнутым и утолщенным венчиком и дном на кольцевой подставке (табл. XCVII, 3, 6.). Третья миска биконической формы обведена по перегибу го-

ризонтальным валиком. Все образцы гончарной посуды из вельбарских памятников находят себе аналогии среди гончарной керамики черняховской культуры. В могильнике Велемичи I (погребение 65) найден гончарный кубок, тонкостенный, светло-коричневого цвета, с отогнутым венчиком и неглубоким омфалом на дне. Поверхность кубка покрыта продольными бороздками и штампованным орнаментом (розетки, чередующиеся с мелкими квадратными углублениями). Кубок также имеет аналогии в черняховских памятниках (например, в Данчанах) [Рафалович И. А., 1986. С. 17. Табл. XIX, 3, 10].

**ВЕЩЕВЫЕ НАХОДКИ.** В погребениях часто встречаются фибулы, иногда по две. Известны фибулы и на поселениях. Все найденные фибулы сделаны из бронзы и относятся к двум группам — гребенчатым и подвязным. К группе гребенчатых принадлежат фибулы трех типов: 1) с тремя гребнями, трубчатый футлором для пружины и кнопкой на конце пятки (по Альмгрену серия V, тип 96); 2) с гребнем на головке и расширенной пяткой (Альмгрен V-128); 3) с гребнем на спинке и покрывками-закраниями на пружине (Альмгрен II-41). Фибулы этой группы происходят из могильников Брест-Тришин, Любомль, Машев, Вельковичи, Урля и с поселения Лепесовка (табл. XCVIII, 4, 12, 13). Подвязные фибулы все арбалетовидные с дуговидной спинкой (Альмгрен, группа VI, или, по А. К. Амброзу, «прогнутые подвязные с дуговидной спинкой»). Эти фибулы были распространены в юго-восточной Прибалтике. Характерны они и для пшеворской культуры. Иногда фибулы этой группы имеют на спинке декоративные зеренные колечки, некоторые экземпляры снабжены еще кнопкой на головке. Фибулы последних типов найдены на вельбарских памятниках в Любомле, Дитиничах, Рудке, Скорбичах, Окнинах. Из Лепесовки происходит большая серебряная фибула с фигурной тетивой. В могильнике Велемичи I недалеко от погребения 113 обнаружена бронзовая подвязная двучленная фибула, относящаяся к серии I по А. К. Амброзу, скорее всего к варианту 2, для которого характерна загнутая пластина вместо завязки с имитацией витков проволоки [Амброз А. К., 1966. Табл. II, 9, 10].

Поясной набор представлен пряжками, оковками и наконечниками пояса (табл. XCVIII, 10, 11, 14, 16, 17). Из железа сделана одна прямоугольная пряжка из Брест-Тришина. Бронзовые пряжки бывают с полукруглой дугой, соединенной стержнем или обоймой. Бронзовые литые пряжки с овальной рамкой, круглой в сечении, и с полукруглым в сечении язычком обнаружены в разрушенных вельбарских погребениях могильников Велемичи I и Отвержичи [Кухаренко Ю. В., 1961. Табл. 46, 11]. Встречаются двучастные пряжки с прямоугольной рамкой и обоймой для прикрепления к ремню. Обоймы бывают прямоугольными (Брест-Тришин) и пятиугольными (Дитиничи) и имеют отверстия для соединяющих штырей. В могильнике Велемичи I вне погребения найдена бронзовая пряжка с двучастной рамкой из прямоугольной дуги, сделанной из свернутой в трубочку пластины, концы ее соединены осяю, на которую надет язычок, изготовленный таким же образом. Подобные пряжки широко представлены в вельбарских памятниках. Наконечники ремня имеют форму

треугольников, заканчивающихся кольцом, к которому прикреплена небольшая шишечка. В Дитиничах найдена железная оковка пояса, состоящая из двух прямоугольных пластин, по краям которых выступают четыре зубчика с колечками на концах. Вторая оковка из того же погребения в Дитиничах имеет аналогичную форму, но бляшки соединены между собой дополнительной пластиной (табл. XCVIII, 16, 17). Такие оковки поясов римских легионеров были распространены у народов Северной Европы и Скандинавии.

К характерным для вельбарской культуры украшениям относится обломок серебряного браслета, найденный в могильнике Брест-Тришин. Браслет представляет собой пластинку, имеющую сужение-перехват и украшенную зернистыми продольными валиками, и относится к типу браслетов с прямыми или полукруглыми окончаниями («замеинными головками»). Привесками служили римские монеты (одна из них — денарий Траяна) с отверстиями для подвешивания, железные миниатюрные ножи, ключик и топорик (Брест-Тришин), а также бронзовая лунница с выемчатой эмалью (Дитиничи). Лунница имеет довольно сложную форму, верхнюю и нижнюю дужки, украшенные крестовидными выступами. Бус в погребениях найдено сравнительно немного. Стеклённые бусы синего, голубого и зеленого цвета сильно оплавлены. В погребении 26 могильника Велемичи II находилась овальная бусина из матового стекла, покрытого позолотой. Янтарные бусины представлены экземплярами жерновидной и конусовидной формы. Серебряная биконическая бусина, найденная в могильнике Брест-Тришин, сделана из тонкой проволоки, украшенной зернью. Из могильника Дитиничи происходит разрозненное ожерелье, в состав которого, вероятно, входили две бронзовые лунницы с квадратными бляшками на концах, две железные миниатюрные чашечки со сквозным отверстием, трубочка и железное колечко [Смишко М. Ю., Свешников И. К., 1961. С. 109].

Из бытовых предметов часто встречаются костяные гребни разных типов (табл. XCVIII, 1, 2). В Брест-Тришине чаще всего находят однопластинчатые гребни с дуговидной спинкой (по классификации С. Томас, тип А-1), треугольной спинкой (тип А-II по С. Томас), рельефной спинкой (типа D по С. Томас). Гребень с дуговидной спинкой найден и на поселении Лепесовка. Известны многопластинчатые однослойные гребни, сделанные из трех пластин, расположенных в одной плоскости и скрепленных железными стерженьками. Спинки гребней бывают украшены горизонтальными бороздками и кружками (тип В-1 по С. Томас). Гребни этого типа найдены в Брест-Тришине, Лепесовке, Могиланах. Многопластинчатые трехслойные гребни, снабженные с двух сторон дополнительными пластинками (тип I-1 по С. Томас), происходят из Брест-Тришина, Любомля, Горькой Полоники, Деревяного, Ромаха, Лепесовки, Дитиничей. Костяная булавка с конусовидной головкой, украшенной перекрещивающимися бороздками, найдена в могильнике Брест-Тришин. В могильнике Дитиничи найдены оковки костяного рога для питья. Оковка нижней части рога имеет вид цилиндра с расширенной круглой подставкой, оковка верхней части рога представляет собой сложенную вдвое пла-

стинку, украшенную мелкими зубчиками и имеющую дырочки для крепления (табл. ХСVII, 15). Части замков в виде пластин с отверстиями для ключа и заклепок, а также бронзовые железные оковки от деревянных шкатулок найдены в Брест-Тришине и Дитиничах. Остатки стеклянных сосудов, видимо кубков, оплавившихся в огне, обнаружены в Брест-Тришине. Встречены также точильные камни из мелкозернистого песчаника.

Из орудий труда изредка встречаются железные ножи с прогнутой спинкой (Брест-Тришин) и прямой спинкой, отделенной уступом от узкого черенка (Дитиничи, Могиляны). Частой находкой являются глиняные прислзда биконической формы, иногда орнаментированные точечными углублениями, бороздками и треугольниками из ямок, а также шаровидные и плоские прислзда, покрытые точечными углублениями. Оружие на вельбарских памятниках Волины не встречено. Лишь в кладе, обнаруженном у с. Окнины Хмельницкой обл., найден бронзовый наконечник, который скорее всего являлся миниатюрной моделью наконечника боевого копья [Каспарова К. В., 1972б. С. 347]. Копье с рунической надписью было случайно найдено в Сущино на Волины еще в XIX в.

**ХРОНОЛОГИЯ.** Наиболее ранними фибулами на вельбарских памятниках Подесья, Волины и Подолии являются гребенчатые разных типов (Альмгрен V-96, V-128, II-41), хорошо датированные по польским аналогиям концом II — началом III в. [Godłowski K., 1974. S. 103]. Так же датируются однослойные гребни типов А, В, D по С. Томас, часто встречающиеся с гребенчатыми фибулами в одних комплексах. В комплексах этого времени находится змеиноголовые браслеты, двучастные и одночастные прямоугольные пряжки, оковки пояса, филенчатые полые бусы. Такие же комплексы хорошо известны на территории Польши к востоку от средней Вислы, где они относятся к фазам В<sub>2</sub>/С<sub>1</sub> и С<sub>2</sub> (170—220 гг.) [Szczukin M., 1981. S. 140, 141]. К более позднему времени, к III—IV вв., относятся прогнутые подвязные фибулы с дуговидной спинкой, позднейший «северный» вариант которых был украшен на спинке «зерненными кольцами» [Амброз А. К., 1966. С. 67, 94]. В комплексах с этими фибулами встречены многопластинчатые трехчастные гребни, и этим же временем датируются подвязная фибула с изогнутой тетивой из Лепесовки и ажурная подвеска с эмалью из Дитиничей.

На основании находок датируемых вещей и их взаимовстречаемости в комплексах Ю. В. Кухаренко датировал могильник Брест-Тришин в пределах 170—270 гг. и выделил два периода функционирования могильника — комплексы с гребенчатыми фибулами (С<sub>1а</sub>) и комплексы с прогнутыми подвязными фибулами (С<sub>2б</sub>) [Кухаренко Ю. В., 1980. С. 60—63]. При дальнейшей работе с материалами этого могильника О. А. Гей и И. А. Бажан определили три хронологических горизонта на основании корреляции хронологически показательных вещей в комплексах погребений [Бажан И. А., Гей О. А., 1987]. Авторы наметили 17 типов вещей, имеющих определенную хронологическую позицию в системе Эггерса — Годловского. По взаимовстречаемости этих вещей все погребения могильника распались на три группы, которые отражают, по-видимому, фазы развития могильника во времени. Начальный этап суще-

ствования могильника определен целым рядом хронологических индикаторов: это двучастные прямоугольные пряжки, одночастные костяные гребни, наконечники поясов типа К. Раддига VII. Все эти вещи бытовали в фазе В<sub>2</sub>/С<sub>1</sub>, т. е. в последней трети II в. н. э. В погребениях этого горизонта представлены гребенчатые фибулы разных типов (с тремя гребнями и трубчатым футляром для пружины, с гребнем на спинке и закраинами на пружине), которые соответствуют типу 96 серии I группы V и типу 41 серии III группы II по классификации Альмгрена [Almgren O., 1923. S. 17—19, 50, 51. Taf. II; IV]. Для этого горизонта характерны также одночастные гребни с треугольной спинкой, двучастные щитковые пряжки, прогнутые подвязные фибулы с дуговидной спинкой. Эти категории находок диагностируют в целом фазу С<sub>1а</sub>, т. е. начало III в. н. э. В погребениях третьей группы встречаются трехчастные костяные гребни, фибулы с зерненными кольцами, продолжают использоваться прогнутые подвязные фибулы с дуговидной спинкой. На этом этапе исчезают старые типично вельбарские формы керамики и появляются новые (открытые миски с наметившимся ребром). Эти вещи характерны для начала фазы С<sub>2б</sub>—С<sub>2</sub>, т. е. для середины III в. н. э.

Реальность этих групп в могильнике подтверждается хронологическими изменениями в деталях погребального обряда. Первая, наиболее ранняя, группа погребений могильника Брест-Тришин содержит практически все виды сожжений. Наиболее характерны чистые урны, которые в целом по некрополю не составляют значительного числа. Интересно, что на ранней фазе был распространен обычай помещать сопровождающие сосуды внутрь урны. Отличительная черта второй фазы — безурновые сожжения без остатков костра. В целом по могильнику они составляют менее 20% и практически отсутствуют в более раннее и более позднее время. Выразительной деталью, присущей сожжениям этого вида, являются целые сосуды-приставки. В третьей фазе преобладают безурновые погребения с остатками костра и фрагментированной, вторично обожженной керамикой.

Одновременно с могильником Брест-Тришин в конце II — начале III в. на Волины появились памятники, которые Ю. В. Кухаренко и М. Б. Щукин отнесли к первому потоку переселения с северо-запада. Это могильник Любомль, где найдены гребенчатая фибула типа 41 по Альмгрену, подвязные фибулы типа 168 по Альмгрену; разрушенные погребения в Машеве, Урле, Новоселках, где обнаружены фибулы того же времени и однослойный костяной гребень; погребение в Могилянах-Хмельных, откуда происходит обломок однослойного гребня; поселение в Лепесовке, где встречены такой же гребень и наряду с другими фибулами также и гребенчатая (Альмгрен, 129). Возможно, этим же временем датируется ряд поселений, открытых П. И. Хавлюком на Южном Буге, материалы которых еще не опубликованы [Этнокультурная карта..., 1985. С. 71]. Материалы, связанные с переселением вельбарских племен именно этого времени, предшествуют появлению черняховских памятников и встречаются в самых ранних черняховских могильниках [Кухаренко Ю. В., 1980. С. 64—76; Szczukin M., 1981. S. 140—144].

Со вторым потоком колонизации связываются па-

мятники, появившиеся в середине III в. н. э. (по М. Б. Шукину, в фазе  $C_b$  — около 220 г.) и существовавшие до первой четверти IV в. н. э. (фаза  $C_2$ ). К ним относятся могильник в Деревянном, откуда происходят бронзовые подвязные фибулы, бронзовые пряжки; разрушенные погребения в Скорбичах, где наряду с подвязными фибулами найдена бронзовая булава, имеющая аналогии среди материалов поздиремского времени Повисленя; погребение в Горькой Полонке, откуда известен подвязная фибула прибалтийского типа и многочастный гребень; погребение Рудки, многочисленные находки которого хорошо датируются III в.; разрушенные погребения в Городище; поселения в Ромаше, где обнаружен многочастный гребень; в Викинах Великих, Боратине, могильник в Дитиничах. В последнем могильнике есть и более ранние вещи — оковки рога, поясные накладки, имитация в глине стеклянного кубка, но по сочетанию этих находок с более поздними подвязными фибулами, ажурной подвеской с эмалью могильник Дитиничи может быть датирован фазой  $C_1$ — $C_2$ , т. е. 220—230 г. [Szczukin M., 1981. S. 145—147]. На многих памятниках этого периода встречается гончарная черняховская посуда, что подтверждает правильность их датировки.

Хронологические рамки вельбарских погребений, совершенных на площади зарубинецких могильников Велемичи I и II, по инвентарным комплексам и отдельным вещам определяются фазой  $C_1$  — концом фазы D. Наиболее раннее из этих погребений (Велемичи I, 72) датируется фазой  $C_1$  по фрагменту гребня типа I по С. Томас и по одночастной округло-овальной пряжке. К фазе  $C_2$  относится погребение 68 того же могильника с коническим сосудиком и двумя фрагментированными мисками, аналогии которым известны в хорошо датированных вельбарских комплексах. В конце фазы  $C_2$  — фазе D было совершенно погребение 65, в инвентаре которого сочлелись кубок со штампованным орнаментом и фрагменты сосудов с бугристой «хрповатой» поверхностью, характерные для всего цедельского периода. Погребение 111 этого же могильника с типично вельбарским биконическим сосудом датируется широко — от  $B_2/C_1$  до конца фазы D. Вещи, найденные вне погребений в Велемичах и Отвержичах, относятся к тому же времени: подвязная двучленная фибула варианта 2 по А. К. Амброзу из Велемичей датируется в основном IV в. н. э.; подвязная фибула с дуговидной спинкой из Отвержичей наиболее характерна для первой половины III в. н. э.; удлиненно-овальные одночастные пряжки из Велемичей I и Отвержичей были распространены главным образом в фазе  $C_2$  и начале фазы D; длительное время — от фазы  $B_2/C_1$  до начала фазы D — бытовали пряжки двучленные с овально-прямоугольной рамкой [Каспарова К. В., 1989. С. 265—280].

К середине III в. н. э. многие ранние вельбарские памятники прекращают свое существование. Лишь некоторые из них продолжали функционировать во втором периоде. Так, в могильнике Брест-Тришин, хотя и в небольшом числе, но есть погребения фазы  $C_b$  — начала  $C_2$  (до 270 г.). Поселение Лепесовка, судя по находкам фибул с высоким приемником, высокой тетливой, «воинской» со сплошным приемником и др., было заселено в основном в III—IV вв., хотя возникло в фазе  $B_2/C_1$  и  $C_a$  (150—220 г.), о чем

можно судить по находкам фибулы Альмгрен 129 и одночастных роговых гребней.

Представители второй переселенческой волны, появившиеся в середине III в. н. э., вероятно, частично осели на землях Волины, частично уходили дальше к югу и юго-востоку, оказывая дополнительное влияние на процесс кристаллизации черняховской культуры.

В фазе  $C_b$ , таким образом, складывается довольно сложная ситуация. Сосуществуют памятники раннечерняховские с выраженными в разной степени вельбарскими элементами (могильники Ружичанка, Черелов-Русский, Данчаны), продолжают функционировать (во всяком случае до начала  $C_2$ , до 260—270 гг.) могильники Брест-Тришин, появляются новые вельбарские памятники дитиничской волны, на которых в свою очередь в разной мере выражены черняховские элементы (в частности, гончарная керамика). Исследователи зачастую оказываются перед дилеммой, отнести ли памятники к черняховской или к вельбарской культуре. Это касается, в частности, поселений Лепесовка, Пражев, Викины Великие и других таких волыньских памятников, как Деревяное, Рудка и т. д. В настоящем томе они фигурируют в главах, посвященных как черняховской культуре, так и вельбарской. М. Б. Шукин считает, что в связи с продвижением готов к югу, в III в. н. э. образовался «мост» культурных связей на диагонали Балтика — Черное море [Шукин М. Б., 1977], вдоль которого существовала своего рода «культурная непрерывность». Если крайние точки весьма различны, то все соседние демонстрируют ту или иную степень сходства [Szczukin M., 1981. S. 156—160]. Поэтому и возникают трудности с определением культурной принадлежности памятников, расположенных в средней части цепочки. Вероятно, их следует называть вельбарско-черняховскими. Ситуация осложняется еще и тем, что наряду с черняховскими памятниками вельбарской традиции возникают памятники и пшеворской или воляно-подольской традиции, типа поселений в Черепине, Рипневе II и др. Все это интегрируется нарастающим провинциально-римским воздействием — распространением гончарной керамики, выработкой собственных форм фибул, пряжек и т. д.

**ЭТИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ.** Рассмотренные в главе памятники по всем показателям принадлежат к вельбарской культуре, к ее поздней, цедельской, фазе. На них так же, как и в Повисленье, распространены погребения по обряду ингумации и кремации, пережженные кости помещены в урны или сыпаны в ямки, сопровождаются остатками погребального костра или очищены от них. Легкая глиняная посуда имеет прямые аналогии среди вельбарских сосудов Польши. В могильнике Брест-Тришин из 18 групп сосудов, выделенных Р. Шиндлером для земель Нижнего Повисленя и Поморья, найдено 16 групп [Кухаренко Ю. В., 1980. С. 31; Schindler R., 1940. Taf. 21; 22]. Призмевидные и округлобкие горшки широко представлены на памятниках вельбарской и пшеворской культур и в северогерманских землях. Вазовидные сосуды, в том числе украшенные залощенными и «хрповатыми» треугольниками, хорошо известны на нижней Висле и в Мекленбурге. На этой же территории распространены сосуды с X-видными маленькими ушками и ситуловидные

сосуды, появившиеся на нижней Эльбе еще в позднелатенское время. Кубки с ручками и кувшины разных форм многократно найдены на памятниках вельбарской, пшеворской культур и культур, распространенных на Эльбе. Разнообразные миски тех же форм, что и на нашей территории, встречены на нижней Висле и в Поморье. Гребенчатые фибулы были широко распространены на территории Польши, восточной Германии, острове Балтийского моря и проникали на земли Чехо-Словакии. Поднязные фибулы, в том числе и с колечками на спинке, имели тот же ареал, что и пряжки, оковки поясов и браслеты. Характерно для Нижнего Повисленья и большее распространение бронзовых предметов, чем железных. Такая типичная для могильников Северной Европы (Повисленья, Поморья, Поздьяе, южная Скандинавия) черта, как распространение жертвенных ям, заполненных золой и камнями, встречается и в могильниках Брест-Тришин, Любомль, Машев. Все эти соответствия не раз отмечали исследователи, занимающиеся вельбарской культурой [Смійко М. Ю., Свешніков І. К., 1961; Кухаренко Ю. В., 1980; Шукін М. Б., 19796]. Карты распространения многих характерных для вельбарской культуры вещей приведены в работах Ю. В. Кухаренко и Е. Кмеціньского [Кухаренко Ю. В., 1980. Рис. 6—13; 15; 17; 18; Kmieciński J., 1962. Map. 1—4].

Таким образом, характерные особенности вельбарских памятников были распространены в Поморье, от низовой Эльбы до Вислы, т. е. на землях, занятых различными германскими племенами. Две последовательные волны переселения вельбарских племен по Висле и Бугу на Волынь и в Припятское Полесье хронологически соответствуют движению готов и гепидов к Черному морю. С проникновением германских племен связаны находки на Волыни предметов с руническими надписями (сосуды в Лепесовке, копье из Сушично). В то же время в передвижения были вовлечены разные группы населения, среди которого сами готы составляли и небольшую часть. О смешанном составе пришедшего на Волынь населения свидетельствует присутствие в его культуре не только вельбарских, но и пшеворских черт. В свою очередь среди пшеворского населения могли быть также разнотипные группы — германцы и славяне, хотя археологически последних среди массы вельбарских древностей выделить не удастся.

На нашей территории вельбарские памятники появились в конце II в. н. э., еще до сложения черняховской культуры. По наблюдениям М. Б. Шуккина, на территории ранних (первая половина III в. н. э.) черняховских памятниках (Ружичанка, Раковец, Данчаны и др.) всегда присутствует слой с вельбарско-пшеворскими особенностями. Черняховская культура, по М. Б. Шуккину, что подтверждается фактическими данными, сложилась на месте, по начало ее формирования связано с постоянным и неоднократным притоком нового населения, главным образом пшеворского и вельбарско-цельского [Шукін М. Б., 19796. С. 77]. Вельбарские элементы, связанные с последующим проникновением населения с северо-запада, прослеживаются на многих черняховских памятниках

как III—IV вв. Это проявляется в распространении специфических вельбарских лепных сосудов (призматические яйцевидные и вазовидные горшки, различные миски, часто снабженные X-видными ушками), некоторых типов украшений, имевших северное происхождение (например, поднязные фибулы с дугообразной спинкой, иногда украшенной колечками). По Ю. В. Кухаренко, вельбарские черты охватывали огромную территорию черняховской культуры, вплоть до Поднепровья, земель Молдовы и Румынии [Кухаренко Ю. В., 1980. С. 74]. Особенно отчетливо вельбарские черты видны в материалах могильников Косаново, Компанийцы, Рыжевка, Журавка, Данчаны, Ромашки и др. (карта 31). Своеобразие Косановского могильника, выделяющее его из среды черняховских и, напротив, сближающее с вельбарскими могильниками, состоит в значительном преобладании безурновых трупосожжений; сравнительно большом количестве лепной посуды (32%), среди которой много вельбарских форм (горшки с округлым профилем и загнутым внутрь венчиком, миниатюрные горшочки с вертикальным венчиком и биконическим туловом, кружка с большим ушком, миски с биконическим туловом и наленными ушками, орнамент из косых углублений и каннелюр и т. п.) [Кравченко Н. М., 19676. Табл. I; VI]; находках типично вельбарского и пшеворского инвентаря (поднязные фибулы, украшенные на спинке колечками, ключи, остатки деревянных шатулок) [Кравченко Н. М., 19676. С. 77—114]. Но при этом следует отметить, что вельбарские лепные сосуды и характерные вещи найдены в этом могильнике в основном в погребениях с труположениями, ориентированными на север и часто снабженными богатым инвентарем, в том числе и типично черняховской гончарной посудой (погребения 1, 3, 9, 21 и т. д.). В этом могильнике, таким образом, наблюдается смешение черняховских, вельбарских и пшеворских черт.

Проследивается не только проникновение вельбарских особенностей на черняховскую территорию, но и обратное влияние, проявляющееся в распространении черт черняховской культуры, в основном гончарной посуды, на вельбарских памятниках, расположенных на северо-западной окраине черняховского ареала (Лепесовка, Викнины Великие, Великая Слобода, Дитиничи, Деревяное, Рудка и т. п.).

В результате многократных передвижений население западной части Полесья и Волыни в III—IV вв. имело сложный состав: с позднелатенского времени на протяжении нескольких столетий здесь жили пшеворские племена; с конца II и в III в. сюда продвигались переселенцы из Повисленья — носители пшеворской и вельбарской культуры; с юга в обратную сторону, вероятно, двигалось население, уже обладавшее черняховской культурой. Каждая новая волна пришельцев отчасти вытесняла прежнее население, отчасти смешивалась с ним и, прожив некоторое время на месте, по-видимому, уходила далее к югу и юго-востоку. К V в. н. э. вельбарские элементы на Волыни полностью исчезают.

## Заключение

В данном томе обобщены все известные к настоящему времени археологические материалы рубежа и первой половины I тысячелетия н. э., полученные при многочисленных исследованиях на территории Северного Причерноморья, от Поднепровья до Закарпатья. Рассматриваемый период на этой территории слабо освещен древними письменными источниками, сведения которых отрывочны, порой неясны и противоречивы, поэтому восстановление истории народов Восточной Европы, что является целью каждого археологического исследования, в значительной степени основано на археологических материалах. Археологические источники дают возможность с достаточной полнотой охарактеризовать материальную культуру изучаемого времени, составить карту памятников, показывающую размещение различных общностей, относительную густоту заселенности в разные периоды и выявляющую пустые пространства, наличие которых связано с действительной картиной расселения или вызвано недостатками исследований. Только по археологическим данным можно выяснить характер хозяйства и общественной жизни населения, его торговые и культурные связи. На основе этих же источников возможно восстановление этнической истории народов, что связано с рядом сложных и дискуссионных проблем, как методических, так и источниковедческих, и приводит к существованию многих, часто противоположных друг другу концепций, которые по возможности также изложены в томе.

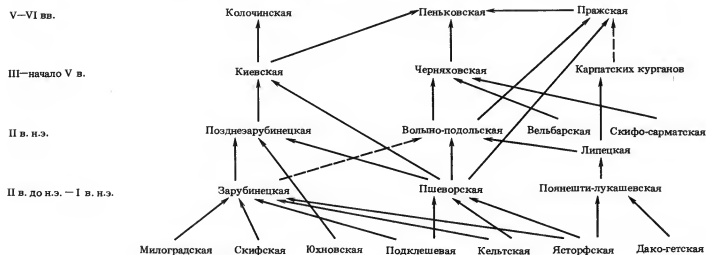
Для решения исторических задач необходимо заполнение всех хронологических и территориальных лакун в материалах. С наибольшими трудностями улавливаются данные переходных периодов, наступивших после упадка таких ярких и сильных цивилизаций, как скифская, кельтская, римская, существование которых приводило к определенной стабилизации и которые оказывали влияние на культуру огромной территории. Так, после упадка скифской культуры в III в. до н. э. наблюдается, хотя и небольшой, но вполне определенный перерыв до появления зарубинецкой культуры, находившейся под сильным латенским влиянием так же, как и ряд других европейских культур, в том числе и пшеворская. После исчезновения классической зарубинецкой культуры период конца I и II вв. н. э. долгое время казался временем запустения и хронологическим хаотизмом, и лишь в последние годы выявляются пока еще разрозненные позднезарубинецкие (или постзарубинецкие) памятники, утратившие многие характерные черты зарубинецкой культуры. Затем в Верхнем и Среднем Поднепровье происходило относительно постепенное развитие к киевской и раннесредневековой культуре Колочина. Но на более широкой территории от Поднепровья до Подкарпатства памятники I—II вв., которые должны были бы непосредственно предшествовать распространению черняховской культуры, почти неизвестны, за исключением

редких сарматских погребений, нескольких позднейших постзарубинецких пунктов на Южном Буге. Лишь западные области по верхнему Днестру и Бугу были относительно плотно заняты в это время липицким и пшеворским населением. После упадка римской цивилизации и исчезновения черняховских и пшеворских памятников также пока наблюдается относительное запустение, лишь в очень малой степени заполняющееся в последнее время отдельными поселениями V в. н. э.

Перерывы в заселении, даже если они будут постепенно заполняться новыми открытиями, все же свидетельствуют об относительном запустении и уходе части населения. Нестабильность заселения и уходящая отражение в археологических материалах, являясь одной из характерных черт рассматриваемой эпохи. Так, на IV—III века до н. э. приходится волна «исторической экспансии» кельтов, в III—II вв. до н. э. сарматское расселение захватывает Скифию и одновременно начинается движение к югу жителей Северной Европы (бастарны, скиры, кимвры и тевтоны из числа только упомянутых в письменных источниках). На рубеже эр различные племена германцев-свевов выходят к пограничью Рейна и Дуная и сталкиваются с Римской империей. В I в. н. э. происходит новое продвижение сармат, тоже достигающих Подунавья. Во II—III вв. германские племена усиливают натиск на Римскую империю, а готы и гепиды проникают в Причерноморье. В конце рассматриваемого периода, в 375 г. н. э., происходит вторжение гуннов, положившее начало новым волнам передвижений кочевников с востока и вызвавшее перемещение многих племен Европы. Рабовладельческая Римская империя, ставшая объектом устремлений коалиции варварских племен, была разгромлена. При такой исторической обстановке, когда миграции и завоевания становятся повсеместным явлением, когда создаются союзы как родственных, так и разнотнических племен, неизбежно происходили процессы смещения населения, ассимиляции, в результате которых многие народы исчезли с лица земли и в то же время создавались новые этнические общности.

Другой важной особенностью рассматриваемого периода является сложение новых культур из целого ряда компонентов, что отражает историческую ситуацию. Так, зарубинецкая культура складывается на основе подклешевых памятников, и в ней, хотя и в меньшей степени, ощущаются включения милоградской и скифской культур, прослеживаются элементы ясторфские и кельтские, сближающие зарубинецкую культуру с культурой Поишестьи—Лукашевка. Точно так же пшеворская культура сложилась при взаимодействии подклешевых, кельтских и различных германских включений. Интеграция элементов разных культур происходила и в следующие периоды. В конце I—II в. появляются позднезарубинецкие





памятники, возникшие на основе зарубинецких при воздействии западных, скорее всего пшеворских, племен, а в вольно-подольской группе памятников ощущается смещение пшеворских, липецких и, возможно, зарубинецких черт. В III в. н. э. культуры складывались из целого ряда различных основ: при создании киевской культуры взаимодействовали позднезарубинецкие элементы среднеднепровского происхождения с продвинувшимися с севера памятниками типа Череск—Кистени, и опять-таки наблюдаются какие-то проникновения с северо-запада. Черняховская культура, наиболее сложная по своему составу, включила в себя черты позднескифских и сарматских культур, что особенно ярко проявляется в южных, степных, районах ее ареала, а также некоторые традиции северо-западных пшеворской и вельбарской культур. В раннем средневековье, в V—VI вв., появляются колочинские памятники, являющиеся наиболее чистым продолжением киевской культуры, возникают пенковские памятники, представляющие собой, вероятно, результат взаимодействия киевской и черняховской культур, распространяются памятники пражской культуры, при создании которой ведущую роль, по-видимому, играли отдельные группы пшеворской культуры и оказывали влияние местные культуры черняховская и карпатских курганов (рис. 7).

Происхождение любой культуры, часто появляющейся внезапно и как будто в уже сложившемся виде, одна из основных и наиболее сложных проблем в археологии. Для ее разрешения необходимо установление четкой датировки культур и определение характера внутреннего их развития. В этом направлении сейчас ведется интенсивная работа, и периодизация многих культур выяснена уже в достаточной степени. Хуже всего обстоит дело с одной из ведущих культур рассматриваемого периода — черняховской. Более или менее точно установлены пределы существования этой культуры от III до начала V в., но динамика развития культуры, ее внутренняя периодизация, время появления в ней новых особенностей до сих пор не выяснены. Удается пока определить узкую датировку лишь некоторых погребений и привести примеры более ранних и поздних комплексов, что далеко не достаточно для изуче-

Рис. 7. Схема взаимодействия различных компонентов при сложении археологической культуры  
Составитель И. П. Русанова

ния основных вопросов, связанных с черняховской культурой, процесса и места ее сложения, времени и характера появления новых черт на черняховских памятниках и судьбы ее населения. Детальная периодизация черняховских памятников представляет собой одну из основных задач исследователей.

При изучении культур, среди материалов которых содержатся различные элементы, принципиально важно выяснение вопросов, могли ли новые черты культуры возникнуть в результате внутреннего развития, или смещение связано с приходом нового населения, или оно вызвано лишь внешними влияниями и торговыми связями. Приход чуждого населения должен отражаться во внезапном появлении инородных черт в культуре, эволюционно не связанных с ее прежними характерными особенностями и охватывающих все стороны жизни населения (распространение другой посуды, нового погребального обряда, особого домостроительства). Критерием при решении этих вопросов может быть и характер инноваций — путем заимствований и обмена распространялась обычно мода на некоторые украшения, проникали предметы роскоши или технические полезные новшества и изобретения, как пахотные орудия, гончарный круг, новая технология металлообработки, тогда как вещи повседневного быта, успешно изготовлявшиеся на месте в домашних условиях, такие, как, например, денная посуда, сохраняли длительное время свой традиционный облик, и их коренное изменение указывает, как правило, на появление пришлого населения.

Эпоха конца I тысячелетия до н. э. — первой половины I тысячелетия н. э. характеризуется удивительно широким распространением импортных вещей и единообразием типов фибул, бус, пряжек, стеклянных и бронзовых сосудов и т. д., подверженных более или менее синхронным изменениям на обширных пространствах. Это свидетельствует о включении различных народов в общие сферы влияний и о создании огромных областей, охваченных приблизительно одинаковой модой. Особенно глубоко

технические новшества, в частности гончарный круг, внедрились в среду черняховского населения, что привело, вероятно, к выделению специалистов-ремесленников. Это стало возможным только при достаточно высоком уровне развития социально-экономических отношений, когда население получало уже какой-то реальный прибавочный продукт в хозяйстве, позволявший приобретать ремесленные изделия. В более ранний период высокие гончарные навыки кельтов не были усвоены большинством народов Восточной Европы, находившихся еще на недостаточном уровне развития.

Население, оставившее археологические культуры, рассмотренные в томе, было оседлым и вело почти натуральное хозяйство, основой которого были земледелие и скотоводство. Наибольшего развития земледелие достигло у племен черняховской культуры, которые осваивали пахотные орудия, использовали ротационные жернова и целые мельничные сооружения. У них появилась тенденция к выделению некоторых видов ремесла в самостоятельную отрасль хозяйства.

Гораздо хуже обстоит дело с изучением общественных отношений в этот период, так как материалов для этого еще недостаточно (нет полностью раскопанных поселений и могильников, нет достаточно разработанной хронологии, которая позволила бы рассмотреть данные по непродолжительным хронологическим срезам). Все же, исходя из характера поселений, можно сделать вывод, что основной микроструктурной единицей общества являлась большая патриархальная семья, которая в это время могла вести самостоятельное хозяйство, но для обеспечения таких семей всем необходимым, в том числе и ремесленными изделиями, а также для защиты земельных угодий требовалось объединение в более крупные коллективы. Такими коллективами уже не могли быть большие роды, что было в это время пройденным этапом развития общества. Скорее всего объединения больших патриархальных семей происходило в рамках общины, состоявшей из нескольких родственных семей. Такая структура общества больше, чем родо-племенная, допускала возможность включения в нее инородцев, что способствовало смешению населения. Поселения больших патриархальных семей, относящихся к пшеворской культуре, известны на территории Польши (Пивониче, где насчитывается пять фаз заселения, Вулька Лясецкая и др.). Для них характерны планировка жилищ вокруг общей хозяйственной площади и наличие больших общинных домов. [Prahistoria..., 1981. S. 306—310]. Существование общины, постепенно видоизменявшейся от кровнородственной к соседской, установлено у германских племен, история которых более детально освещена в римских письменных источниках. Племена германцев состояли из совокупности общинных поселений, имели самоуправление и объединялись в более или менее прочные союзы, характер которых также менялся со временем [Неусыхин А. И., 1956]. Вероятно, на разных стадиях такой же общественной организации типа военной демократии находились и народы Восточной Европы.

Этнические общности — исторически сложившиеся совокупности людей, имеющих общие самосозна-

ние, культуру и традиции, говорящих на одном языке, — формируются при условии совместного длительного проживания на общей территории и при достаточных внутренних связях. Этнические общности непрерывно развиваются: «На всем протяжении истории человечества шел, идет и еще долго будет идти процесс образования, развития, исчезновения различных этнических общностей, смена одних общностей другими» [Чебоксаров Н. Н., 1964]. Для первобытнообщинного строя основными формами этнических общностей считаются племя и группа родственных племен, у которых самосознание и собственное имя появляются уже на поздних этапах развития, при выражении предпосылок классового общества [Крюков М. В., 1972. С. 59—62]. Этнические особенности культуры также меняются со временем, но в каждом периоде они создают индивидуальное и неповторимое сочетание, которое придает культуре этническую специфику и отличает ее от культур других народов [Чистов К. В., 1972. С. 73—80]. В то же время культурные традиции живут очень долго и при благоприятных условиях обычно меняются постепенно, что дает возможность проследить историю народа и определить этническую принадлежность древних археологических культур.

Сравнительно точно определяется этническая принадлежность тех археологических культур, которые представляются довольно однородными по своему составу и характеризуются единообразием памятников и признаков. Так, хорошо выделяются культуры скифов и сармат, имевших длительную историю развития, ярко выраженные особенности украшений, оружия, погребального обряда. Письменные источники подтверждают распространение скифов и сармат на нижнем Днестре, в Крыму и в степях правобережной Украины. Ряд культур лесной зоны, расположенных к северу от рассматриваемой в этом томе территории (культуры штрихованной керамики, южновская, днепро-двинская), развивавшихся в сравнительно спокойной обстановке, вдали от интенсивных передвижений племен, отождествляется с различными балтскими племенами, что подтверждается эволюционным изменением их культуры в течение многих столетий, параллелями с культурами Прибалтики и, кроме того, вполне определенными данными гидроимики. Также достаточно надежно определяется принадлежность вельбарской культуры германским племенам, продвижение которых с нижней Вислы к юго-востоку хорошо фиксируется и археологическими, и письменными источниками. Липницкая культура сохранила определенные фракийские черты, что позволяет отождествлять ее носителей с одним из дакийских племен, переселившихся на север в результате борьбы с Римской империей.

Более спорно отождествление с определенными этносами тех культур, в которых проследиваются особенности разных этнических общностей. Все же, когда скрещиваются культуры с ярко выраженными характерными чертами и разнотипные комплексы сохраняются на протяжении всего существования культуры, можно говорить о смешанном составе населения. В области Закарпатья, населенной местными фракийскими племенами, оставившими куштановицкую культуру, в последние века до нашей эры

распространяются памятники латенской культуры, образующие комплексы, свидетельствующие о проникновении на эту территорию кельтов. В культуре Поянешти—Лукашевка обнаруживается сочетание черт дако-гетского населения и явно пришедших с севера народов, принадлежавших к историческому (германскому) кругу культур, что дает основание исследователям отождествлять население этой культуры с бастарнами — разнородным союзом племен, известным по письменным источникам. В области распространения культуры карпатских курганов, несмотря на широко употреблявшуюся здесь гончарную посуду, что сближает эту территорию с черняховской, ярко представлены фракийские черты, и это заставляет приписывать культуру одному из фракийских племен — карам или костобокам.

Многие культуры — латенская, вельбарская, липицкая, карпатские курганы — расположены в зоне контактов между кельтским, северофракийским и германским миром. Каждая из них представляет собой периферийное ответвление больших этнокультурных массивов, с которыми они связаны генетически, а на нашей территории эти культуры выступают как пришлые. Несмотря на то что на их развитие оказали существенное влияние местные и синхронные соседние культуры, сохранение характерных комплексов, присущих их основному массиву, делает достаточно надежной этническую атрибуцию пришлых племен. Активные переселения племен вдоль Днестра и Карпат к северу и к югу, к границам Римской империи, создали в этом регионе сложную картину переплетения разнородных культур.

Начало нашей эры связано с тем древним периодом истории славян, когда они под собирательным именем «венеды» впервые упоминаются в трудах античных авторов. Но отрывочность письменных сведений допускает разные толкования о местах обитания венедов. Сложная историческая обстановка — миграции племен, войны, формирования разнородных союзов, влияние античной цивилизации нарушили плавное развитие культур, затруднили поиски генетических связей между ними и применение ретроспективного метода при выяснении этнической принадлежности населения. Такое состояние источников привело к появлению нескольких, иногда диаметрально противоположных теорий об истории славян в это время.

По мнению сторонников одного направления, славянская общность — очень позднее образование, сложившееся лишь в середине I тысячелетия н. э., подтверждением чего они считают появление наименования «славяне» лишь в VI в. н. э. При таком представлении оказывается, что славянская общность сложилась необыкновенно быстро, создала сразу же довольно прочную и своеобразную культуру и распространилась на огромную территорию, при этом археологическая культура славян кристаллизировалась из нескольких совершенно различных культур — киевской, черняховской и пшеворской, заимствовал от каждой из них какой-либо один элемент (посуду или жилища). Столь быстрое сложение огромной этнической общности, выступившей в середине I тысячелетия н. э. уже в сформировавшемся виде, кажется неправдоподобным. Эта общность

должна была пройти длительный путь развития на определенной территории, внутри которой должны были иметься сильные внутренние связи и стимулы, приведшие к консолидации различных племен. Такой мощной объединяющей силой, которая действовала бы на всей заселенной славянами территории, в середине I тысячелетия н. э. неизвестно. Появление наименования славян у византийских авторов в VI в. н. э. вызвано продвижением массы славян на Дунай и их нападениями на Византию, в результате чего славяне стали хорошо известны византийцам.

Второе направление в исследованиях основано на том, что прямыми истоками славянских раннесредневековых культур VI—VII вв. в предшествующее время найти не удается, следовательно, надо искать истоки славянских культур не типологическим методом ретроспекции, а структурно-типологическим, т. е. искать соответствие модели славянской культуры. В раннем средневековье для славян были характерны лепная посуда, жилища-полуземлянки, обряд трупосожжения почти без сопровождающих вещей. Подобную модель имели северные лесные культуры, в частности культура штрихованной керамики, в которой сторонники этого направления иногда и видят древних славян. Но, во-первых, такой же характер имели и другие северные культуры, например, днепро-двинская, которую в таком случае с тем же правом можно связывать со славянами и соответственно отождествлять славянскую территорию еще дальше к северу; во-вторых, балтская принадлежность культур лесной зоны в Верхнем Поднепровье имеет вполне определенные археологические и лингвистические обоснования; в-третьих, именно «модель» культуры меняется довольно быстро в зависимости от конкретных условий, в основном от развития социальных и экономических отношений. Так, модель пражской культуры отличается от структуры культур роменской и Луки-Райковецкой и тем более не похожа по уровню развития на культуру Киевской Руси, но это ни в коем случае не свидетельствует о неславянской принадлежности всех этих археологических общностей. Таким образом, одного сходства моделей культур недостаточно для вывода об этнической преемственности между ними.

Сторонники третьего направления в изучении истории древних славян исходят из того, что славянская этническая общность складывалась постепенно на протяжении длительного времени. Если в V—VI вв. славяне не только имели общий язык и вполне самобытную культуру, распространенную по огромной территории, но были уже при этом разделены на несколько групп со своими этнографическими особенностями, то во всяком случае к рубежу нашей эры их предки должны были представлять собой группу родственных племен, обладающую вполне определенными самобытными чертами. Искать праславян в этот период, основываясь на возможной интерпретации письменных источников и исходя из исторической обстановки, можно на пространстве между Одером, Вислой и Днестром. Именно эта территория была окружена землями, заселенными инородными племенами — балтами с севера, сарматами с востока и юга, дакийскими и гер-

манскими племенами с юго-запада и запада, археологические культуры которых поддаются этнической интерпретации. На этом же пространстве расположены зарубинецкая, пшеворская и черняховская культуры, которые традиционно связываются со славянами. Археологические доказательства этнической принадлежности этих культур до сих пор не разработаны, и их славянская атрибуция вызывает протесты у ряда исследователей. Все эти культуры складывались, как уже отмечалось, из нескольких культурных и соответственно этнических компонентов, и неясно, какой из этих компонентов преобладал. Среди керамики, вещевых находок, домостроительства, погребального обряда черняховской и пшеворской культур так велико многообразие, что это дает основание считать эти культуры полиэтническими. Для того чтобы это положение было доказано, необходимо выделить в массиве этих культур разнотипные комплексы, а не только различные элементы. Если этого сделать не удастся и процесс слияния разных компонентов в этих культурах зашел настолько далеко, что образовались комплексы, не поддающиеся дифференциации по признаку их происхождения, то, вероятно, так же далеко продвинулся и процесс этнической интеграции, т. е. уже сложилось или шло образование новых этносов внутри каждой из рассматриваемых культурных общностей.

На территории черняховской культуры не удастся выделить локальные группы, лишь в южных степных областях выявляются определенные сарматские черты. На остальной территории исследователи отмечают лишь отдельные зарубинецкие признаки, а также элементы, свойственные германским и фракийским культурам. Никто не пытался выделить целые инородные комплексы и этим обогатить присутствие разных этнических групп в составе культуры. Лишь в Верхнем Поднестровье известны поселения, существенно отличающиеся от основной массы черняховских и имеющие общие черты с пшеворскими. По некоторым элементам они сопоставимы с раннесредневековыми славянскими древностями. Отсутствие ярко выраженных локальных особенностей (кроме Северного Причерноморья и Верхнего Поднестровья), унификация культуры на широкой территории указывают на внутренние экономические и культурные связи между жителями удаленных районов, что в конце концов могло привести к сложению единого этноса. Но спокойное развитие черняховской археологической общности было прервано в конце IV в. н. э. гуннским нашествием, что привело к уходу части населения. Судьба оставшихся на месте жителей пока еще неясна. Часть из них могла войти в состав носителей пенковской культуры. Исследованные в последние годы поселения в Поднестровье, относящиеся к V в. н. э., на которых наряду с черняховскими материалами открыты жилища-полуземлянки с печами-каменками и лепная славянская керамика, еще не решают проблему связи черняховской и славянской культур, так как в черняховской культуре не прослежены эволюционные изменения, которые могли бы привести к появлению этих новых черт культуры, и новые комплексы V в. н. э. кажутся

чуждыми черняховской культуре и привнесенными со стороны.

Зарубинецкая культура, хотя и делящаяся на локальные варианты, в целом представляется довольно единой, и лишь на раннем ее этапе видны различные компоненты, из которых эта культура складывалась. В дальнейшем некоторые традиции зарубинецкой культуры прослеживаются в поздней или постзарубинецких памятниках и в киевской культуре. Развитие последней привело к распространению колочинских памятников, этническое лицо которых пока не выяснено: не определено, насколько эти памятники отличаются от верхнеднепровских балтских древностей типа Тушемли и какова связь этих памятников с более поздними славянскими. Связь киевской культуры с пенковской основывается главным образом на сопоставлении лишь отдельных элементов, а не на сравнении всех особенностей культур. Большим препятствием для доказательства зарубинецкой линии развития является недостаточная изученность позднзарубинецких и киевских памятников: не выяснены границы их распространения, не заполнены территориальные лакуны между известными сейчас группами поселений, не решен вопрос о локальных вариантах, почти неизвестны могильники.

Несколько определеннее можно судить об этническом составе носителей пшеворской культуры, хотя и этот вопрос дискусионен и многие его конкретные разработки еще не опубликованы. Среди разнородных материалов пшеворской культуры можно выделить однотипные комплексы, сопоставимые с традициями различных культур: на раннем этапе выделяются комплексы погребений и жилищ с характерными чертами культуры кельтов, затем появляются комплексы, связывающиеся с германскими культурами, и на всем протяжении пшеворской культуры существуют комплексы, сохраняющие традиции местной более ранней подклешевой культуры. Традиции подклешевой культуры прослеживаются и в раннем средневековье в культуре славян (формы лепной неорнаментированной посуды, отсутствие специфических украшений, почти безинвентарные трупосожжения). Изменения в рамках этих традиций вполне могут быть объяснены эволюционным развитием. Этнические группы, выделяющиеся среди населения пшеворской культуры, жили по всей территории чересполосно и, конечно, оказывали влияние друг на друга, что затрудняет их четкое разграничение. Особенно интенсивно шло слияние и взаимодействие славян и кельтов. Последние с их высокоразвитым ремесленным производством оказывали существенное влияние на местное население, но со временем, по-видимому, растворились в местной среде. Сближение славян и германцев происходило в гораздо меньшей степени, что было, вероятно, связано с нестабильностью германского заселения — германские племена были очень подвижны и, вероятно, проходили через пшеворскую территорию отдельными волнами. Иноточинское окружение могло способствовать консервации форм праславянской культуры и выбрательное постепенное у славян этническое самосознание. Особенно четко славянские культурные традиции выявляются на

поселениях, в том числе на территории Западной Волыни и Подолии.

В настоящее время можно считать, что культуры конца I тысячелетия до н. э. и первой половины I тысячелетия н. э. складывались из многих разнородных компонентов. Наиболее перспективным направлением при изучении этнического состава носителей этих культур может быть вычленение внутри них однородных комплексов, сохраняющих традиции отдельных этнических групп. Лишь после этого возможно сопоставление выделенных компонентов с другими культурами, синхронными, предшествующими и последующими, т. е. применение ретроспективного метода исследований.

Этнические процессы происходят непрерывно, и все представленные в томе археологические культуры, оставленные славянским или неславянским населением, имели большее или меньшее отношение

к сложению славянских раннесредневековых общностей, внося при этом свой определенный вклад в создание физического типа славян, в развитие их материальной, духовной и производственной деятельности.

Археологами проделана большая работа по накоплению материалов, их историко-культурному и хронологическому определению, выяснению взаимоотношений разных групп памятников и их этнической интерпретации. Остается еще много спорных и нерешенных вопросов, особенно в изучении этнической истории. Дальнейшее накопление фактов, что происходит ежегодно и является спецификой археологической науки, и совершенствование методов исследования источников позволят устранить многие пробелы в ранней истории славян и их соседей, отбросить одни из высказанных гипотез и подтвердить другие.

## Источники

- Агафий. О царствовании Юстиниана // Пер. М. В. Левченко. М.; Л., 1958.
- Акимий Марцелин. История // SC, 2. Ч. 2.
- Геродот. История в девяти книгах // Пер. Г. А. Стратановского. Л., 1972.
- Иордан. О происхождении и деяниях гетов // Пер. Е. Ч. Скрижинский. М., 1960.
- Плиний Гай Секунд. Естественная история // SC, 2. Ч. 1.
- Повест временных лет. М.; Л., 1958. Т. 1.
- Полибий. История // SC, 1. Ч. 2.
- Помпоний Мела. Землеописание // SC, 2. Ч. 1.
- Прокл из Кесари. Тайная история // Пер. С. П. Кондратьева // ВДИ. 1938. № 4.
- Прокл из Кесари. Война с готами // Пер. С. П. Кондратьева. М., 1950.
- Птолемей. География // SC, 1. Ч. 2.
- Страбон. География в 17 книгах // Пер. Г. А. Стратановского. М., 1964.
- Тацит Корнелий. О происхождении германцев и местоположении Германии // Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. М., 1970. Т. 1.
- Феофилакт Симокатта. История // Пер. С. П. Кондратьева. М., 1957.
- Юлий Цезарь. Записки о галльской войне // Записки Юлиана Цезаря и его продолжателей о галльской войне. М.; Л., 1962.

## Исследования и публикации

- Абаев В. И., 1965. Скифо-европейские изоглоссы.
- Абашина Н. С., Горозовский Е. Л., 1975. Кераміка пізньозарубицького поселення Обухів III // Археологія. Київ. № 18.
- Абрамова М. П., 1961. Сарматские погребения Дона и Украины // СА. № 1.
- Абрамова М. П., 1962. Взаимоотношения сарматов с населением подкарпатских степных городищ нижнего Днестра // МИА. М., 1962. № 115.
- Алексеев А. Ю., 1984. О месте Чертомлыцкого кургана в хронологической системе погребений скифской знати IV—III вв. до н. э. // АСРЗ. Л. Вып. 25.
- Алексеев А. Ю., 1986. Греческая керамика из Александропольского кургана // Сообщения ГЭ. Л. Вып. 51.
- Алексеев В. П., Бромлей Ю. В., 1968. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей // СЭ. № 2.
- Алексеева Е. М., 1975. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. М. Вып. Г1-12. Т. 1.
- Алексеева Е. М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. М. Вып. Г1-12. Т. 2.
- Алексеева Е. М., 1982. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. М. Вып. Г1-12. Т. 2.
- Алексеева И. Л., 1971. Раскопки Беляевского кургана в 1966 г. // МАСИ. Одесса. Вып. 7.
- Алексеева И. Л., 1973. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М.
- Алексеева Т. И., 1974. Славяне и германцы в свете антропологических данных // Вопросы истории. № 3.
- Алексеева Т. И., 1975. Антропологический анализ костных остатков на могильниках с трупосожжениями черняховской культуры // СА. № 1.
- Алишова А. Е., 1951. Авдеевское селище // КСИИМК. М. Вып. 38.
- Алишова А. Е., 1963. Авдеевское селище и могильник // МИА. М. № 108.
- Амброз А. К., 1964а. К истории Верхнего Подонья в I тысячелетии н. э. // СА. № 1.
- Амброз А. К., 1964б. Экономические связи и передвижения народов на юге европейской части СССР в I в. до н. э.—IV в. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Амброз А. К., 1966. Фигулы юга европейской части СССР (II в. до н. э.—IV в. н. э.) // САИ. М. Вып. Д1-30.

- Амброз А. К., 1978. Длинные дома Полужского городища IV—III вв. до н. э. // Древняя Русь и славяне. М.
- Анохин В. А., Цушкарев В. П., 1965. Античные монеты на Тире // Numismatika и сфрагистика. Киев. Вып. 2.
- Анохин Г. И., 1967. К проблеме заселения и возникновения поселений общины в древней Норвегии // Культура и быт народов зарубежной Европы. Л.
- Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. Сер. Археология СССР.
- Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашута Л. Л., Кадеев В. И., Романчук А. И., 1971. Средневековые амфоры Херсонеса // Уч. зап. Уральского ун-та. Свердловск. Сер. историческая. № 112. Вып. 22.
- Арсеньева Т. М., 1963. Некрополь римского времени у д. Ново-Отрадного // СА. № 1.
- Арсеньева Т. М., 1977. Некрополь Танаиса. М.
- Артамонов М. И., 1946. Венеды, негры и будины в славянском этногенезе // Вестник ЛГУ. Л. №2.
- Артамонов М. И., 1951. Венеды и лужицкая культура // Вестник ЛГУ. Л. № 1.
- Артамонов М. И., 1955. Археологические исследования в южной Подонье в 1952—1953 гг. // КСИИМК. М. Вып. 59.
- Артамонов М. И., 1956. Славяне и Русь // Научная сессия ЛГУ 1955—1956 гг.: Тез. док. Л.
- Артемонов М. И., 1967. Вопросы расселения восточных славян и советская археология // Проблемы всеобщей истории. Л.
- Археология УРСР. Київ, 1971. Т. 2; 1975. Т. 3.
- Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. 3: Раннеславянский и древнерусский периоды.
- Бажан И. А., Гел О. А., 1987. Хронология и эволюция погребального обряда могильника Брест-Тришин // Актуальные проблемы историко-археологических исследований: Тез. док. VI республиканской конференции молодых археологов. Киев.
- Бажан И. А., Карпозольцев С. Ю., 1989. Об одной категории украшений-амuletов римского времени в Восточной Европе // СА. № 3.
- Балагури Э. А., 1975. Исследования археологических памятников Закарпатья за годы советской власти // МА. Bratislava. Т. 23. с. 2.
- Балагури Э. А., Видяла В. И., Пеняк С. И., 1978. Давні металургі Українських Карпат. Ужгород.
- Балагури Э. А., Котигорощко В. Г., 1975. Работы Закарпатской экспедиции // АО 1974 г. М.
- Балагури Э. А., Котигорощко В. Г., Кошак К. И., Петров С. С., 1978. Работы экспедиции Ужгородского университета // АО 1977 г. М.
- Балагури Э. А., Пеняк С. И., 1976. Закарпаття — земля слов'янська. Ужгород.
- Баран В. Д., 1965. Бронзовая подвеска из с. Черепин // КСИИМК. М. Вып. 65.
- Баран В. Д., 1958. Результати вивчення матеріалів з розкопок на поселенні першої половини I тисячоліття н. е. в с. Черепин Лівської обл. // Дисертаційний сб. Київ.
- Баран В. Д., 1959. Розкопки на поселенні I тисячоліття н. е. в с. Ринівці (Ринів II) Лівської обл. в 1957 г. // МДАІВ. Київ. Вып. 2.
- Баран В. Д., 1961. Поселения первых столетий нашей эры были с Черепин. Київ.
- Баран В. Д., 1964. Памятники черняховской культуры бассейна Западного Буга: Раскопки 1957—1960 гг. // МИА. М. № 116.
- Баран В. Д., 1967. Раскопки раннеславянского поселения в с. Зелено-Гай на Днестре // АО 1966 г. М.
- Баран В. Д., 1969. Дослідження дослідження поселень черняхівського типу у верхній Дністрі та Західного Бугу // Слов'яно-руські старожитності. Київ.
- Баран В. Д., 1970. Черняхівська культура в межах верхнього Дністра і Західного Буга в світте новітніх досліджень // КСІА. М. Вып. 121.
- Баран В. Д., 1972. Рівні слов'ян між Дністром і Прип'яттю. Київ.
- Баран В. Д., 1976. До питання про підґрунтя черняхівської культури // Дослідження з слов'яно-руської археології. Київ.

- Баран В. Д., 1978. Славяне в середині I тисячеліття н. з. // Проблеми этногенезу славян. Київ.
- Баран В. Д., 1980. Славянские древности V в. н. з.: По материалам Подпестровья // Тез. докл. советской делегации на IV международном конгрессе славянской археологии. М.
- Баран В. Д., 1981. Черняхівська культура: За матеріалами верхнього Дніпра і Західного Бугу. Київ.
- Баран В. Д., 1983. Сложение славянской раннесредневековой культуры и проблема расселения славян // Славяне на Днестре и Дунае. Київ.
- Баран В. Д., Максимов Є. В., 1978. Достижения и проблемы раньославянской археологии в УРСР // Археология. Київ. № 26.
- Баран В. Д., Цигилки В. М., 1971. Дослідження поселення I тисячеліття н. з. у верхніх Золоті Липи // Середні віки на Україні. Київ.
- Барцева Т. В., Вознесенская Г. А., Черныш Е. Н., 1972. Металл черняховской культуры. М.
- Барцева Т. В., Черныш Е. Н., 1968. О спектроналитических исследованиях цветного металла черняховской культуры // СА. № 2.
- Белобородов М. А., Побыль Л. Д., 1957. Наместники в Чангинского магдальна // Весты АН БССР. Минск.
- Белое Г. Л., 1948. Херсонес. М.
- Белашевский Н., 1904. Поля погребальных урн эпохи латена в Радомышльском уезде Киевской губернии // АЛЮР. Киев. № 1/2.
- Березанская С. С., 1972. Средний период бронзового века в северной Украине. Киев.
- Березовец Д. Т., 1960. Розкопки курганного могильника эпохи бронзи та скіфського часу в с. Кут // АП УРСР. Київ. Т. 9.
- Березовец Д. Т., 1963. О датировке черняховской культуры // СА. № 3.
- Березовец Д. Т., 1968. [Рецензія] // СА. № 3/Реп. на кн.: Буряков М. Ю., 1961. Социально-экономический развитие черняховских племен. Київ, 1964.
- Березовец Д. Т., 1970. Черняховская культура и культура славянских племен VI—VIII вв. // КСИА. М. Вып. 121.
- Березовец Д. Т., 1973. Поселения уличей на р. Тасмие // МИА. М. № 108.
- Березовец Д. Т., Петров В. П., 1960. Лохвицкий могильник // МИА. М.; Л. № 82.
- Бернакович К. В., 1955. Исследования поселений эпохи раннего железа в Ужгороде // Науч. зап. Ужгородского гос. ун-та. Сер. историко-археологическая. Т. 13.
- Бібіля В. Л., 1964. Поселення Галич-Ловачка // Археологія. Київ. Т. 17.
- Бібіля В. Л., 1970а. З історії чорної металургії Карпатського Угоря рубежу нашої ери // Археологія. Київ. Т. 24.
- Бібіля В. Л., 1970б. Латенские традиции в черняховской культуре // КСИА. М. Вып. 121.
- Бібіля В. Л., 1971. Історія культури Закарпаття на рубежі нашої ери. Київ.
- Бібіля В. Л., Вознесенская Г. А., Недополо Д. П., Паньков С. В., 1983. История черной металлургии и металлообработки на территории УССР (III в. до н. з. — III в. н. з.). Киев.
- Бібіля В. Л., Пачкова С. П., 1969. Зарубинецкое поселение у с. Лютяж // МИА. М. № 160.
- Блаватский В. Д., 1961. Античная археология Северного Причерноморья. М.
- Бломкест Е. Э., 1956. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // ТИЭ. М. Т. 31.
- Бобринский А., 1910. Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губернии в 1908 г. // ИАН. СПб. Вып. 35.
- Бобринский А. А., 1970. О некоторых особенностях формочной технологии керамики из памятников черняховской культуры // КСИА. М. Вып. 121.
- Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. М.
- Бобринский А. А., Гусаков М. Г., 1973. Реконструкция гончарной мастерской III—IV вв. // СА. № 1.
- Богусевич В. А., Линка Н. В., 1959. Зарубинецкое поселение на Подпестровье близ г. Канева // МИА. М.; Л. № 70.
- Бодиский А. В., 1962. Скіфське погребення в латенским мечом в Середньому Подпестров'ї // СА. № 1.
- Брайчевська А. Т., 1953. К вопросу о ремесле культуры полей погребений // КСИА АН УССР. Киев. Вып. 2.
- Брайчевська А. Т., 1955. Поселення черняхівського тину в с. Микольське на Дніпрі // АП УРСР. Київ. Т. 5.
- Брайчевська А. Т., 1956. Найдавніші гончарські горни на східнослов'янських землях // Нариси з історії техніки. Київ. Вып. 3.
- Брайчевська А. Т., 1957. Південна межа черняхівської культури на Дніпрі // Археологія. Київ. Т. 11.
- Брайчевська А. Т., 1960. Черняхівские памятники Надпорожья // МИА. М.; Л. № 82.
- Брайчевська А. Т., 1962. До вивчення ковірного ремесла у населенні Середнього Подпестров'я в першій столітті нашої ери // Археологія. Київ. Т. 14.
- Брайчевська А. Т., Брайчевський М. Ю., 1959. Раскопки в с. Лесках близ Черкасс // КСИА АН УССР. Київ. Вып. 8.
- Брайчевський М. Ю., 1950. Археологічні матеріали до вивчення культури східнослов'янських племен IV—VIII ст. // Археологія. Київ. Т. 4.
- Брайчевський М. Ю., 1953. Об антих Псевдо-Маврикия // СЭ. № 2.
- Брайчевський М. Ю., 1959. Римська монета на території України. Київ.
- Брайчевський М. Ю., 1960. Ромашки // МИА. М.; Л. № 82.
- Брайчевський М. Ю., 1961. Зображення коня з с. Черепина в Середньому Подпестров'ї // Археологія. Київ. Т. 12.
- Брайчевський М. Ю., 1963. На захист Псевдо-Маврикия // Археологія. Київ. Т. 15.
- Брайчевський М. Ю., 1964. Білі джерел слов'янської древності: Соціально-економічний розвиток черняхівських племен. Київ.
- Брайчевський М. Ю., 1968. Походження Русі. Київ.
- Брайчевський М. Ю., Доженков В. И., 1967. Поселення в с. Іванківці в Середньому Подпестров'ї // МИА. М. № 139.
- Брайчевський М. Ю., Кравченко Н. М., 1961. Дослідження ранньослов'янської культури на Україні // УІЖ. Київ. № 4.
- Браун Ф., 1889. Размещение в области гото-славянских отношений. СПб.
- Бромей Ю. В., 1973. Етнос и этнография. М.
- Буданова В. П., 1984. Этнический состав «государства Германариха»: По данным письменных источников // КСИА. М. Вып. 178.
- Буряков М. Ю., 1899. Журнал раскопок по части водораздела Волги и Днестра. М.
- Буряков А. В., 1976. Козырьское городище рубежа и первых столетий н. з. Киев.
- Вакученко Л. В., 1968. Памятник культуры карпатских курганов у с. Глубоке // Археологические исследования на Украине в 1967 г. Киев.
- Вакученко Л. В., 1969. Дослідження гончарної майстерні на Глибкому поселенні // Слов'янсько-руські старожитності. Київ.
- Вакученко Л. В., 1971. Поселение первой половины I тысячелетия н. з. у с. Глибком // Археологические исследования на Украине в 1968 г. Киев.
- Вакученко Л. В., 1972. Про землеробство на Прикарпатті в першій половині I тисячеліття н. з. // Тез. пленарних і секційних дог. XV наукової конференції ІА АН УРСР. Одеса.
- Вакученко Л. В., 1974. Раньославянське поселення у с. Глубокого в Прикарпатті // Раннесредневековые восточнославянские древности. М.
- Вакученко Л. В., 1975. Поселения римского времени в Прикарпатті // Тез. докл. советской делегации на III Международном конгрессе славянской археологии. М.
- Вакученко Л. В., 1977. Памятник підгір'я українських Карпат першої половини I тисячеліття н. з. Київ.
- Вакученко Л. В., 1983. Поселение позднеримского времени у с. Сокол и некоторые вопросы славянского этногенеза // Славяне на Днестре и Дунае. Киев.
- Вакученко Л. В., 1985. Культура карпатских курганов // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тысячелетии н. з. Киев.
- Вакученко Л. В., Винокур И. С., 1967. Киселевский могильник I—II вв. н. з. // КСИА. М. Вып. 112.
- Вакученко Л. В., Пачкова С. П., 1979. О культурной принадлежности поселения позднеримского времени у с. Сокол // Славяне в Русь. Киев.
- Вакученко Л. В., Приходнюк О. М., 1984. Роль черняховской культуры в формировании раннесредневековых древностей Среднего Подпестровья // КСИА. М. Вып. 178.
- Вакученко Л. В., Тимошук Б. О., 1972. Розвідки в Прикарпатті // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Київ.
- Вакученко Л. В., Шуким М. Б., 1974. Исследования в Печенижии // АО 1973 г. М.
- Великанова М. С., 1961. Палеоантропологический материал из могильника черняховской культуры Молдавии // Антропологический сб. М. Т. 3.
- Великанова М. С., 1975. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М.
- Вернер И., 1972. К происхождению и распространению авто и склавнов // СА. № 4.
- Виноградов В. Е., 1961. К вопросу об изображениях животных на

- сарматської кераміки // Археологічний сб. Научного студенческого об-ва інста МГУ. М.
- Виконур І. С., 1960а. Волоські «хлебці» // Научний ежегодник Чернівецького гос. ун-та за 1958 г. Исторический факультет. Чернівці.
- Виконур І. С., 1960б. Старожиттєві скіфної Волині першої половини I тисячоліття н. е. Чернівці.
- Виконур І. С., 1964. Пам'ятники волоської групи культури полів погребення у сел Маркуші та Іванковці // МИА. М. № 116.
- Виконур І. С., 1967а. Черняхівський могильник і поселення у с. Рушанівці // АО 1966 г. М.
- Виконур І. С., 1967б. Язическі названня Середнього Подніпров'я // МИА. М.; Л. № 139.
- Виконур І. С., 1968а. Некоторые вопросы духовной культуры черняхівских племен // СА. № 1.
- Виконур І. С., 1968б. Бережанський скарб // Слов'яно-руські старожиттєві. Київ.
- Виконур І. С., 1970. Опыт реконструкции мельничного сооружения III—IV вв. н. э. (у с. Іванковці Житомирской обл.) // СА. № 2.
- Виконур І. С., 1972. История та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського меєркіа II—V ст. н. е. Київ.
- Виконур І. С., 1979. Рушанівський могильник // Могильники черняхівської культури. М.
- Виконур І. С., 1983. Черняхівські племена на Дністрі та Дунаї // Славяне на Дністрі та Дунаї. Киев.
- Виконур І. С., 1984. Черняхівська культура лесостепної низови правобережжя України та її традиції в ранньсередньовічних славянських древностях // КСИА. М. Вип. 178.
- Виконур І. С., Гуца А. Ф., Якубовський В. І., 1984. Хмельницька обл. // Довідник з археології України. Київ.
- Виконур І. С., Острозька М. І., 1967. Раковецький могильник // МИА. М.; Л. № 139.
- Виконур І. С., Пригоднюк О. М., 1968. Работы славянского отряда Каменец-Подольского пединститута // Археологические исследования на Украине в 1967 г. Киев.
- Вознесенская Г. А., 1970. Обработка железа у племен черняхівської культури // КСИА. М. Вип. 121.
- Вознесенская Г. А., 1972. Техника обработки железа и стали // МИА. М. № 187.
- Вознесенская Г. А., 1984. Металлообработка на подзаселеном поселении Галиш-Ловачка // СА. № 4.
- Воякив В. К., 1974. Могильник черняхівської культури у верхніх р. Горинь Тернопільської обл. // Археологія. Київ. № 13.
- Воякив В. К., 1978. Населення Волині першої половини I тисячоліття н. е.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
- Воякив В. К., 1979. Пам'ятки черняхівської культури на Волині // Археологія. Київ. № 29.
- Высотская Т. М., 1964. Про виробництво скла в пізнюантичному Криму // Археологія. Київ. Т. 16.
- Высотская Т. М., 1979. Неполь — столица государства поздних скифов. Киев.
- Вьяльмита М. І., 1953. Вивчення сарматів на території Української РСР // Археологія. Київ. Т. 8.
- Вьяльмита М. І., 1954. Сарматские погребения у с. Ново-Филиппово // Волоські сарматської археології. М.
- Вьяльмита М. І., 1960. Сарматські поховання в долині р. Молочної // АП УРСР. Київ. Т. 8.
- Вьяльмита М. І., 1962. Золота Балка. Київ.
- Вьяльмита М. І., 1969. Фракційні елементи в культурі населення городищ вказного Дніпра // МИА. М. № 150.
- Вьяльмита М. І., 1972. Золотобалковський могильник. Киев.
- Гайдюкевич В. Ф., 1949. Боспорское царство. М.; Л.
- Гайдюкевич В. Ф., 1958. Кризис рабовладельческой системы в Северном Причерноморье // Очерки истории СССР: Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III—IX вв. М.
- Ганина О. Д., 1965. Поселення скіфського часу в с. Іваніе Пусте // Археологія. Київ. Т. 19.
- Ганина О. Д., 1984. Поселення рильськофіфської доби поблизу с. Злісень // Археологія. Київ. № 47.
- Гей О. А., 1980а. Середньодніпровська та Северопричорноморська зони черняхівської культури: По матеріалам погребального обряду // Археологія. Київ. № 34.
- Гей О. А., 1980б. Черняхівські пам'ятники Северного Причорномор'я // СА. № 2.
- Гей О. А., 1985. Черняхівська культура та скіфо-сарматський мир: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Гей О. А., 1986. О времени возникновения черняхівської культури в Северном Причерноморье // СА. № 1.
- Гей О. А., 1987. Погребальный обряд поздних скифов из нижнего Днестра // СА. № 3.
- Герета И. П., 1977. Новый памятник черняхівської культури // АО 1976 г. М.
- Герета И. П., 1978. Новые исследования в Чернилево-Русском // АО 1977 г. М.
- Герета И. П., 1979. Исследования могильника в Чернилево-Русском // Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг. Киев.
- Голубева Л. А., 1957. Сочинение, посвященное проблемам черняхівської культури и ее роли в ранней истории славян // СА. № 4.
- Гончаров В. К., 1950. Райковецкое городище. Киев.
- Гончаров В. К., Мазно Е. В., 1957. Могильник черняхівського типу біля Переслава-Хмельницького // Археологія. Київ. Т. 11.
- Гонка В. Д., 1976. Кузнечное ремесло славян Днепровско-Днестровского лесостепного междуречья в VI—VIII вв. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
- Горнук Б. В., 1963. Из предмостри образования общеславянского языкового единства. М.
- Городище А. В., 1926. Дано-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве // Тр. ГИМ. М. Вип. 1.
- Гороховский Е. Л., 1981. Хронология прижек черняхівської культури: По матеріалам могильників території України // Тез. докл. симпозиума. «Позднейшие судьбы черняхівської культури». Каменец-Подольский.
- Гороховский Е. Л., 1982а. О группе фибул с анематой эмалью из Среднего Поднепровья // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев.
- Гороховский Е. Л., 1982б. Хронология украшений с эмалью культуры Среднего Поднепровья // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев.
- Гороховский Е. Л., 1985. Хронология могильников черняхівської культури // Тез. докл. советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. М.
- Гороховский Е. Л., 1987. Ранний этап черняхівської культури. К проблеме хронологической дефиниции // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim: Streszenia referatów. Lublin.
- Гороховский Е. Л., 1988. Хронология черняхівських могильников лесостепной Украины // Тр. В. МКАС. Киев. Т. 4.
- Гороховский Е. Л., Зубар В. М., Гаериялов Н. О., 1985. Про пізню добу давніх вітчих городищ Олівійської хори // Археологія. Київ. № 49.
- Горюнов Е. С., 1974. Древности I тысячелетия н. э. нижнего Днестра // МИА. М. Вип. 140.
- Горюнов Е. А., 1976. Небольшие древности I тысячелетия н. э. на Черниговщине // Рильсьсередньовічне восточнославянське древнство. Л.
- Горюнов Е. О., 1975. Про періодизацію денських старожитностей другої та третьої чверті I тисячоліття н. е. // Археологія. Київ. № 18.
- Горюнов Е. А., 1977. К истории Днепровского левобережья в середине и третьей четверти I тысячелетия н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Горюнов Е. А., 1980. Исследования в Курской обл. // АО 1979 г. М.
- Горюнов Е. А., 1981. Ранние этапы истории славян Днепровского левобережья. Л.
- Горюнов Е. А., 1984. Разведочные работы в верхних Пела // АО 1982 г. М.
- Гонкевич В. В., 1913. Древние городища на берегах язового Днепра // ИАК. СПб. Вип. 47.
- Граков Б. Н., 1954. Каменское городище на Днестре // МИА. М.; Л. № 36.
- Гришак І. М., Балазурі Е. А., 1972. Археологічні дослідження в зонах меліоративних робіт Закарпатської обл. // Дослідження стародавньої історії Закарпаття. Ужгород.
- Гросу В. И., 1974. Краснолаковая чаша сарматского погребения с с. Талмазы // Археологические исследования в Молдавии. Кишинев.
- Гросу В. И., 1982. Периодизация памятников сарматской культуры Днепровско-Прутенского междуречья // Археологические исследования в Молдавии, 1977—1978. Кишинев.
- Гудюка А. В., 1979. Классификация сероглиняной столовой керамики из Тир II—IV вв. // Античная Тира и средневековая Белгород. Киев.
- Гудюка А. В., 1987. Каменное домостроительство на черняхівських поселеннях Причорномор'я // Дністро-Дунайське междуречье в I—II тысячелетиях н. э. Киев.
- Гудюка А. В., Новицкий Е. Ю., Паламарчук С. В., Гошев Г. Н., Фокеев М. М., Станко В. Н., Черняков И. Г., 1979. Раскопки Измайловской экедесии // АО 1978 г. М.
- Гудюка А. В., Фокеев М. М., 1982. Поселение и могильник римско-



- го времени Мольго П // Памятники римского и средневекового времени в северо-западном Причерноморье. Киев.
- Гудкова А. В., Фокеев М. М., 1984. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I—IV вв. н. э. Киев.
- Гурин М. Ф., 1982. Древнее железо Белорусского Подпесовья. Минск.
- Гущина И. И., 1966. Памятник подпесовской культуры в Подпесовье: По фондам ГИМ // Археологический сб. ГИМ. М. Вып. 40.
- Даниленко В. Н., 1953. Памятники ранней поры железного века в южной части Полесья УССР // Доклады VI Научной конференции ИА АН УССР. Киев.
- Даниленко В. Н., 1956. Славянские памятники I тысячелетия н. э. в бассейне Днепра // КСИА АН УССР. Киев. Вып. 4.
- Даниленко В. М., 1976. Палеозарубинецкие памятники киевского типа // Археологія. Київ. № 19.
- Дашевская О. Д., 1958. Ленган керамика Неволя и других скифских городищ Крыма // МИА. М.; Л. № 64.
- Дедюх В. В., Карапетянц А. М., 1970. Некоторые принципы описания применительно к возможностям статистического анализа // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.
- Дизювский О. М., 1980. Сарматские похороны поблизу гирла Дуная // Археологія. Київ. № 34.
- Дизювский А. Н., 1982. Сарматские памятники степей северо-западного Причерноморья. Киев.
- Дяченко Г., 1961. К вопросу о культуре Сытана—Черныков на территории РНР в свете исследования могильника в Тырговище // Dacia. Bucaresti. N V.
- Дяченко А. А., 1936. Русская глиняная группа. Л.
- Добровольский А. В., 1925. Загрозки стародавнього селенця проти міста с. Обідно-Васильків на р. Інгулець (Сінгурівського р-ну) // Архив ИА АН УССР. Ф. 12. № 31.
- Добровольский А. В., 1950. Землеробские поселения первых столетий нашей эры на р. Ингулец // Археологія. Київ. Т. 3.
- Добровольский А. В., 1952. Материалы до археологической карты Днепровского Надпорожья в межах Запорізької обл. // Археологія. Київ. Т. 7.
- Дожанов В. И., 1970. Черняховская культура в истории Среднего Подпесовья // КСИА. М. Вып. 121.
- Дожанов В. И., Липка Н. В., 1959. Раскопки раннеславянских поселений в нижнем течении р. Рось // МИА. М.; Л. № 70.
- Довідник археології України: Хмельницька, Чернівецька, Закарпатська області. Київ, 1984.
- Древние германцы: Сб. документов. М., 1937.
- Дьяков В. П., 1940. Пути римского проникновения в Северное Причерноморье // ВДИ. М. № 1.
- Еремченко В. Е., 1986. Процесс латенизации и сложение зарубинецкой культуры [Рукопись. Кафедра археологии ЛГУ].
- Ефанов Ю. П., 1968. Кобыковский грунтовой могильник и вопрос о его этнической принадлежности // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л.
- Журко А. И., 1984. К вопросу об углубленных жилищных черняховской культуры // КСИА. М. Вып. 178.
- Журко А. И., 1988. О соотношении наземных и углубленных жилищ черняховской культуры // Тр. V МКАС. Киев. Ч. 4.
- Заверняев Ф. М., 1954. Археологические находки возле г. Почина // КСИИМК. М. Вып. 53.
- Заверняев Ф. М., 1969. Починское селение // МИА. М. № 160.
- Заверняев Ф. М., 1974. Селенце и устье р. Гасомы // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.
- Зест И. В., 1960. Керимская чаша Боспора // МИА. М.; Л. № 83.
- Зеленецкая И. Б., 1980. Новые поселения зарубинецкого типа в Подесини // Археологія. Київ. № 33.
- Зильманович И. Д., 1967. Гончарные печи Луки-Врублевской // КСИА. М. Вып. 112.
- Златогорская Т. Д., 1951. Мезия в I и II вв. н. э. М.
- Зубарь В. М., 1982. Некрополь Херсонеса Таврического I—IV вв. н. э. Киев.
- Невнова А. П., 1955. Художественные надписи на дереве и кости // Литические города Северного Причерноморья. М.; Л.
- Невнова С. А., 1949. Техника обработки кости в дьяковское время // КСИИМК. М. Вып. 30.
- Налиська В. О., Тереножко О. Г., 1957. Племена скифского часу // Нариси стародавньої історії Української РСР. Київ.
- История Молдавской ССР. Кишинев. 1965. Т. 1.
- Каменецкий И. С., 1969. Опыт изучения массового черняховского материала из Тананса // МИА. М. № 154.
- Капошина С. И., 1965. Итоги работ Кобыковской экспедиции // КСИА. М. Вып. 105.
- Каршиковский П. О., 1956а. Денежное обращение Ольвии в конце II и в первой половине I в. до н. э. // Нумизматика и эпиграфика. М. Т. 5.
- Каршиковский П. О., 1956б. Находки монет Римской империи в Ольвии // Нумизматика и эпиграфика. Киев. Вып. 2.
- Каршиковский П. О., 1968. До питання про дату Ольвійського декрету на честь Протогена // Археологія. Київ. № 21.
- Каспарова К. В., 1967. Могильник и поселение зарубинецкой культуры у д. Отвержичи // КСИА. М. Вып. 112.
- Каспарова К. В., 1969. Могильник и поселение у д. Отвержичи // МИА. М.; Л. № 160.
- Каспарова К. В., 1972а. Зарубинецкий могильник Велемичи II // АСТГ. Л. Вып. 14.
- Каспарова К. В., 1972б. Новый комплекс черняховского времени на Хмельницкой обл. // СА. № 3.
- Каспарова К. В., 1973. Зарубинецкий могильник в с. Могилыни на Ровенщині // Археологія. Київ. № 10.
- Каспарова К. В., 1976а. Новые материалы могильника Отвержичи и некоторые вопросы относительной хронологии зарубинецкой культуры Полесья // АСТГ. Л. Вып. 17.
- Каспарова К. В., 1976б. О верхней хронологической границе зарубинецкой культуры Припильского Полесья // СА. № 3.
- Каспарова К. В., 1977. О фиблах зарубинецкого типа // АСТГ. Л. Вып. 18.
- Каспарова К. В., 1978. Некоторые типы фибл зарубинецкой культуры: К вопросу о ранней дате и юго-западных связях // Проблемы археологии. Л. Вып. 2.
- Каспарова К. В., 1980. К вопросу о формировании зарубинецкой культуры // Этногенез славян. Киев.
- Каспарова К. В., 1981. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры // СА. № 2.
- Каспарова К. В., 1984. Зарубинецкая культура в хронологической системе культур эпохи латена // АСТГ. Л. Вып. 25.
- Каспарова К. В., 1987. Зарубинецкое поселение Ремель в Польше // АСТГ. Л. Вып. 28.
- Каспарова К. В., 1988. Об одном из возможных компонентов зарубинецкой погребальной обряды // СА. № 1.
- Каспарова К. В., 1989. Соотношение вельбарской и зарубинецкой культур в Припильском Полесье // Kultura wielbarska w podkaszubskim okresie gzymskim. Lublin.
- Каспарова К. В., Щукин М. Б., 1979. Могильник Могилыни-Хмельник в Ровенской обл. // Тр. ГЭ. Л. Т. 20.
- Княпович Т. Н., 1952. Краснославянская керамика первых веков нашей эры на раскопках Белостерской экспедиции 1935—1940 гг. // МИА. М.; Л. № 25.
- Княпович Т. Н., 1968. К вопросу о датировке ольвийского декрета в честь Протогена // ВДИ. М. № 2.
- Ковалев А. З., Шугай С. С., 1930. Материалы к датировке Тарашчинны // Прац. Археологічної комісії БАН. Мекс. Т. 2.
- Козак Д. Н., 1977. Некоторые проблемы изучения пшеворской культуры // Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев.
- Козак Д. Н., 1978а. Могильник початку нашої ери у с. Звенигород на Львівщині // Археологія. Київ. № 25.
- Козак Д. Н., 1978б. Пшеворская культура в междуречье Днестра и Западного Буга // Проблемы этногенеза славян. Киев.
- Козак Д. Н., 1982. Пшеворская и черняховская культуры у Верхнему Подпесов'ї та Західному Побужж'ї // Археологія. Київ. № 37.
- Козак Д. Н., 1983. Памятники рубежа и первых веков нашей эры в Подпесовье и Западном Побужье // Славяне на Днестре и Дунае. Киев.
- Козак Д. Н., 1984а. Пшеворская культура у Верхньому Подпесов'ї та Західному Побужж'ї. Київ.
- Козак Д. Н., 1984б. Поселение у с. Велика Слобода: К вопросу о памятниках вельбарской культуры на Волыни и в Подолии // КСИА. М. Вып. 178.
- Козак Д. Н., 1985а. Поселение пшеворской культуры в с. Подберези Львовской обл. // СА. № 1.
- Козак Д. Н., 1985б. Могильник пшеворской культуры у с. Гринів на Верхньому Подпесов'ї // Археологія. Київ. № 52.
- Козак Д. Н., 1985в. Вельбарская культура // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тысячелетии н. э. Киев.
- Козак Д. Н., 1989. Поселение вельбарской культуры Борятин I на Волыни // СА. № 2.
- Козак Д. Н., Журко А. И., 1983. Поселения поблизу с. Велика Слобода пізньоримського часу в Середньому Подпесов'ї // Археологія. Київ.
- Козак Д. Н., Орош Р. С., 1980. Памятка стародавньої міфології // Народна творчість та етнографія. Київ. Вип. 1.
- Козак Д. Н., Прогас Л. О., 1984. Охоронні роботи у с. Борятин на Волыні // Археологія. Київ. № 45.

- Козак Д. Н., Терпиловский Р. В., 1983. Этнокультурные связи племен северной Украины в первой половине I тысячелетия н. э.: К выделению праславянской культурной области // *Полюсье и этногенез славян*. М.
- Козак Д. Н., Терпиловский Р. В., 1986. Про культурно-історичний процес на території України в першій чверті I тисячоліття н. е. // *Археологія*. Київ. № 56.
- Колодєська В. Е., 1930. Нові археологічні досліді на терені Білоцерківщини // *ІРАМ*. Київ. Т. 2.
- Колосовська Ю. К., 1973. Памятники в I—III вв. М.
- Кондаторова Т. С., 1958. Палеоантропологический материал из могильника у оврагов савхоза Приднепровского Херсонской обл. // *Советская антропология*. № 2.
- Кондаторова Т. С., 1972. Антропология древнего населения Украины. М.
- Кондаторова Т. С., 1979а. Антропологические материалы черняховской культуры Украины // *Могильники черняховской культуры*. М.
- Кондаторова Т. С., 1979б. Физический тип людей Нижнего Поднепровья на рубеже нашей эры. М.
- Кондаторова Т. С., 1982. Антропологический тип людей линийской культуры // *Археологія*. Київ. № 38.
- Корсакина Г. Ф., 1978. Предметы убора с выемчатыми эмалью // *САМ* — первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье // *САМ*. М. Вып. Е1-43.
- Королюк В. Д., 1976. Перемещение славян в Подунавье и на Балканы: Славяне и воляхи в VI — середине VII в. // *Советское славяноведение*. № 6.
- Корпусова В. М., 1973. Сильское население палеоантичного Боспора // *Археологія*. Київ. № 8.
- Костенко В. И., 1980. Хронология и периодизация сарматских памятников междуречья Орел и Самара // *Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг.* Днепропетровск.
- Косакино В. М., 1987. Бронзовые фибулы из некрополя Кобыякова городища // *СА*. № 2.
- Котлярошенко В. Г., 1979а. Курганы первой половины III в. н. э. у с. Братово // *СА*. № 2.
- Котлярошенко В. Г., 1979б. Раскопки памятников I тысячелетия н. э. в Закарпатье // *АО* 1978 г. М.
- Котлярошенко В. Г., 1980 а. Итоги изучения могильника Иза I в Закарпатье // *СА*. № 1.
- Котлярошенко В. Г., 1980б. Раскопки в Закарпатской обл. // *АО* 1979 г. М.
- Котлярошенко В. Г., 1981. Раскопки дакийского городища у с. Малая Копаня // *АО* 1980 г. М.
- Котлярошенко В. Г., 1983. Раскопки памятников рубежа — первых веков нашей эры в Закарпатье // *АО* 1981 г. М.
- Котлярошенко В. Г., 1984. Исследования Ужгородского университета // *АО* 1982 г. М.
- Котлярошенко В. Г., 1987. Жертвенник III—IV вв. н. э. у с. Солони // *СА*. № 2.
- Котлярошенко В. Г., 1988. Этнокультурная принадлежность населения Верхнего Потисья рубежа — первых веков нашей эры // *Тр. В. МКАС*. Киев. Т. 4.
- Кравченко А. А., 1967. Могильник черняховской культуры в с. Фрунзовке // *МИА*. М. № 139.
- Кравченко Н. М., 1967а. Памятники черняховского типа в Буднянской степи // *Археологические исследования на Украине в 1965—1966 гг.* Киев.
- Кравченко Н. М., 1967б. Косаковский могильник: По материалам раскопок В. П. Петрова и Н. М. Кравченко в 1961—1964 гг. // *МИА*. М. № 139.
- Кравченко Н. М., 1970. К вопросу о происхождении некоторых типов обряда трупосожжения на черняховских могильниках // *КСИА*. М. Вып. 121.
- Кравченко Н. М., 1971. К изучению памятников черняховского типа в степях северо-западного Причерноморья // *МАСП*. Одесс. Вып. 7.
- Кравченко Н. М., 1973. Памятники черняховской культуры на Порохосе (Черкаская обл.) // *Археологія*. Київ. № 8.
- Кравченко Н. М., Абашина Н. С., Горозовский Е. Л., 1975. Новые памятники I тысячелетия в Киевском Подпиррові // *Археологія*. Київ. № 13.
- Кравченко Н. М., Горозовский Е. Л., 1979. О некоторых особенностях развития материальной культуры населения Среднего Поднепровья I тысячелетия н. э. // *СА*. № 2.
- Кравченко Н. М., Корпусова В. Н., 1975. Некоторые черты материальной культуры позднеримской Тире // *Археологія*. Київ. № 18.
- Краснов Ю. А., 1965. К истории раннего земледелия в лесной полосе европейской части СССР // *СА*. № 2.
- Краснов Ю. А., 1967. О системах и технике раннего земледелия в лесной полосе Восточной Европы // *СА*. № 1.
- Краснов Ю. А., 1971. К вопросу о существовании плуга у племен черняховской культуры // *КСИА*. М. Вып. 128.
- Крис Х. И., Черный И. Л., 1980. Городища дьякова типа Борцева и Селезюк // *КСИА*. М. Вып. 162.
- Кропоткин В. В., 1954. Топография римских и раннеантичных монет на территории СССР // *ВДИ*. М. № 3.
- Кропоткин В. В., 1961. Клады римских монет на территории СССР // *САИ*. М. Вып. Г4-4.
- Кропоткин В. В., 1964. Археологические раскопки в Кировоградской обл. в 1961 г. // *КСИА*. М. Вып. 102.
- Кропоткин В. В., 1967. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М.
- Кропоткин В. В., 1966. Новые находки римских монет в СССР // *Нумизматика и эпиграфика*. М. Т. 6.
- Кропоткин В. В., 1968. Исследование черняховских памятников в Среднем Побужье и Среднем Поднепровье // *АО* 1967 г. М.
- Кропоткин В. В., 1970а. К вопросу о развитии товарного производства и денежных отношений у племен черняховской культуры // *Ленинские идеи в изучении истории непроизводительного общества, рабодления и феодализма*. М.
- Кропоткин В. В., 1970б. Римские импортные изделия в Восточной Европе // *САИ*. М. Вып. Д1-27.
- Кропоткин В. В., 1972а. Золотая подвеска из Рыженки // *СА*. № 1.
- Кропоткин В. В., 1972б. Новый могильник поморско-мазовецкой культуры у с. Горюк Ровенской обл. // *СА*. № 4.
- Кропоткин В. В., 1973. О датировке кувшины из Чистовского могильника // *СА*. № 3.
- Кропоткин В. В., 1974а. Раскопки поселения у с. Ромов // *АО* 1973 г. М.
- Кропоткин В. В., 1974б. Штеворское погребение I в. н. э. из с. Звенигород // *КСИА*. М. Вып. 140.
- Кропоткин В. В., Кропоткин А. В., 1979. Раскопки Думановского могильника // *АО* 1978 г. М.
- Кропоткин А. В., Кропоткин В. В., 1988. Северная граница распространения амфор римского времени в Восточной Европе // *Могильники черняховской культуры*. М.
- Круг О. Ю., 1965. Некоторые особенности технологии керамического производства на черняховском поселении Журавка // *СА*. № 3.
- Круг О. Ю., 1972. Датировка светлоглиняных амфор Лепесовки по данным петрографии // *Материалы XIII конф. ІА НА УРСР*. Київ.
- Круг О. Ю., Ваханов Э., 1967. Классификация и хронология светлоглиняных амфор II—IV вв. н. э. // *СА*. № 1.
- Кружальская Л. Т., 1947. К вопросу о романизации Дакия // *ВДИ*. М. № 3.
- Кружальская Л. Т., 1955. Дакия в эпоху римской оккупации. М.
- Кружальская Л. Т., 1966. Боспор в позднеантичное время. М.
- Кружальская Л. Т., 1964. Дослідження верхніх шарів поселення біля с. Бовшів у 1961 р. // *МДАПВ*. Київ. Вып. 5.
- Кружальская Л. Т., 1965. Кельтский памятник в Верхнем Поднепровье // *КСИА*. М. Вып. 105.
- Кружальская Л. Т., Мошан Т. Г., Павлов Д. Ю., 1977. Исследования в Неперотове // *АО* 1976 г. М.
- Кружальская Л. Т., Оприс В. Г., 1975. Поселения схиопо-морско-мазовецкой культуры у верхів'ях Західного Бугу // *Археологія*. Київ. № 8.
- Крюков М. В., 1976. Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза // *Расы и народы*. М. Вып. 6.
- Крюков М. В., 1986. Едва раз об исторических типах этнических общностей // *СЭ*. № 3.
- Кубишев А. I., 1976. Деякі підсумки дослідження Пироговського могильника // *Дослідження з слов'яно-руської археології*. Київ.
- Кубишев А. I., Максимов Е. В., 1969. Пироговский могильник // *МИА*. М. № 160.
- Кубишев А. I., Скиба Л. Е., 1989. Пироговский могильник // *Археологія*. Київ. № 2.
- Кудрявцев О. В., 1954. Залиские провинции Балканского полуострова во II в. н. э. М.
- Кудрявцев О. В., 1957. Исследования по истории балканско-дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М.
- Куза А. В., Кубишев А. I., 1971. Нові зарубинецькі пам'ятки на Середньому Придніпрові // *Археологія*. Київ. № 3.
- Кузнецов В. А., 1962. Алаские племена Северного Кавказа // *МИА*. М. № 106.
- Кузнецов В. В., Пудовин В. К., 1961. Алавы в Западной Европе в эпоху «великого переселения народов» // *СА*. № 2.

- Кузнецов Г. О., 1977. Дослідження пам'яток раннього залізного віку на Чернігівщині // Археологія. Київ. № 21.
- Кулаковський Ю., 1899. Карта Европейской Сарматии по Птолемею. Киев.
- Кунина Н. З., Сорокина Н. П., 1972. Стекланные бальзамарии Боспора // Тр. ГЭ. Л. Т. 13.
- Кударенко Ю. В., 1951. Юго-восточная граница расселения раннеславянских племен: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Кударенко Ю. В., 1952. Новоопольский могильник и поселения // Археологія. Київ. Т. 6.
- Кударенко Ю. В., 1954. К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях: По данным погребального обряда // СА. М. Т. 19.
- Кударенко Ю. В., 1955. Поселение и могильник в с. Привольном: По материалам Днепротетровской археологической экспедиции // СА. М. Т. 22.
- Кударенко Ю. В., 1958а. Волынская группа полей погребений // СА. № 4.
- Кударенко Ю. В., 1958б. Экономический строй и быт восточных славян // Очерки истории СССР: Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. Ч. IX. М. Т. 1.
- Кударенко Ю. В., 1959а. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы // СА. № 1.
- Кударенко Ю. В., 1959б. Чаплинский могильник // МИА. М.; Л. № 70.
- Кударенко Ю. В., 1960. К вопросу о происхождении зарубицкой культуры // СА. № 1.
- Кударенко Ю. В., 1961. Памятники железного века на территории Подлясы // САИ. М. Вып. Д1-29.
- Кударенко Ю. В., 1964. Зарубицкая культура // САИ. М. Вып. Д1-19.
- Кударенко Ю. В., 1965. Могильник Брест-Тришны // КСИА. М. Вып. 100.
- Кударенко Ю. В., 1969а. Археология Польши. М.
- Кударенко Ю. В., 1969б. Могильник у д. Величовичи // КСИА. М. Вып. 119.
- Кударенко Ю. В., 1970а. Волынская группа полей погребений и проблема так называемой готто-гепидской культуры // КСИА. М. Вып. 121.
- Кударенко Ю. В., 1970б. Погребение у с. Перемычки // Древние славяне и их соседи. М.
- Кударенко Ю. В., 1971б. Могильник II—IV вв. н. э. в г. Любомле // КСИА. М. Вып. 128.
- Кударенко Ю. В., 1975. Байский могильник: За материалами В. П. Петрова и А. П. Калущука // Археологія. Київ. Т. 18.
- Кударенко Ю. В., 1978а. Могильник у г. Городище // Проблемы археологии. Л. Вып. 2.
- Кударенко Ю. В., 1978б. О памятниках пойнентской культуры на Украине // Prace i materialy Muzeum archeologicznego i etnograficznego w Łodzi. Ser. archeologiczna. Łódź. № 25.
- Кударенко Ю. В., 1978в. О так называемых зарубицких памятниках в Подольи // Проблемы советской археологии. М.
- Кударенко Ю. В., 1980. Могильник Брест-Тришны. М.
- Кударская Е. Н., Терпиловский Р. В., 1981. Некоторые типы лунниц III—V вв. в Среднем Поднепровье // Древности Среднего Поднепровья. Киев.
- Лапушкин В. Л., Якуличев И. Т., Романовская М. А., 1974. Памятники культуры Лунавецко-Пойнентцы (III—I вв. н. э.) // Археологическая карта Молдавской ССР. Кишинев. Вып. 4: Памятники раннего железного века.
- Латышев В. В., 1887. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб.
- Латышев В. В., 1893—1900. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб. Т. 1: Греческие писатели.
- Латышев В. В., 1904. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб. Т. 2: Латинские писатели.
- Латышев В. В., 1948. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. М. № 2—4.
- Латышев В. В., 1949. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. М. № 3.
- Лейдунская Н. О., 1984. Ливарии форм у Ольвии // Археологія. Київ. № 45.
- Либеров П. Д., 1950. К вопросу о связи культуры полей погребений с культурой скифского времени на Киевщине // КСИИМБ. М. Вып. 34.
- Липинский Ю. А., 1963. Очерки древнейшего прошлого Курской обл. // Краеведческие зап. Курского обл. Краеведческого музея. Курск. Вып. 2.
- Липинский Ю. А., 1969. Раннеславянские памятники у с. Лебяжье // АО 1968 г. М.
- Липинский Ю. А., 1979. Замощанский могильник // Могильники черняховской культуры. М.
- Луцкевич И. Н., 1948. Материалы до карти поширення пам'яток культури полей поховань на території Харківської обл. // Археологія. Київ. Т. 2.
- Луцкевич И. Н., 1952. Сарматські кургани у с. Щеретове в Воронезькій обл. // Археологія. Київ. Т. 7.
- Ляпушкин И. И., 1950. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного левобережья // СА. М. Т. 13.
- Ляпушкин И. И., 1961. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа // МИА. М. № 104.
- Магомедов Б. В., 1973. До вивчення черняхівського гончарного посуду // Археологія. Київ. № 12.
- Магомедов Б. В., 1977. О происхождении форм черняховской гончарной керамики // Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев.
- Магомедов Б. В., 1978. Могильник Каменка-Апчакрак в Николаевской обл. // Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг. Ужгород.
- Магомедов Б. В., 1979а. Кагорда IV: Раскопки 1973—1974 гг. // Могильники черняховской культуры. М.
- Магомедов Б. В., 1979б. Могильник у городища Городок на Южном Буге // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев.
- Магомедов Б. В., 1980. Городища черняховской культуры // Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг. Днепротетровск.
- Магомедов Б. В., 1981. Черняховские племена северо-западного Причерноморья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
- Магомедов Б. В., 1983. О культурно-хронологическом соотношении черняховских памятников Причерноморья и лесостепи // Славяне на Днестре и Дунае. Киев.
- Магомедов Б. В., 1984. Черняховские памятники причерноморского типа // КСИА. М. Вып. 178.
- Магомедов Б. В., 1987а. Черняховское городище у с. Александровка // Днестро-Дунайское междуречье в I—начале II тысячелетия н. э. Киев.
- Магомедов Б. В., 1987б. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Киев.
- Макаренко М. О., 1927. Археологічні досліди та розкопки на Прилучччя // КЗ ВУАК. Київ.
- Макаренко М., 1928. Борзенські емоли та старі емали України загалом // Чернігів та Північне лівобережжя. Київ.
- Максимов Е. В., 1960. Памятники зарубицкой культуры в с. Субботове // КСИА. М. УССР. Киев. Вып. 9.
- Максимов Е. В., 1963. Античный импорт на Среднем Поднепровье в зарубицкий час // Археологія. Київ. Т. 15.
- Максимов Е. В., 1969а. Новые зарубицкие памятники в Среднем Поднепровье // МИА. М. № 160.
- Максимов Е. В., 1969б. Землеробство і скотарство на Середньому Придніпров'ї на рубежі нової ери // УІІІВ. Київ. № 8.
- Максимов Е. В., 1969в. Про походження зарубицкої культури // Археологія. Київ. Т. 22.
- Максимов Е. В., 1971. Зарубицкіе городища Пилипенкова Гора // Археологія. Київ. № 4.
- Максимов Е. В., 1972. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев.
- Максимов Е. В., 1978. Взаемовідносини зарубицких та стенових племен Подніпров'я // Археологія. Київ. № 28.
- Максимов Е. В., 1979. Хронология древностей зарубицкой культуры в Среднем Поднепровье // МИА. М. № 160.
- Максимов Е. В., 1982. Зарубицкая культура на территории УССР. Киев.
- Максимов Е. В., Орол Р. С., 1974. Поселение и могильник второй четверти I тысячелетия н. э. у с. Каравичи близ Киева // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.
- Максимов Е. В., Терпиловский Р. В., 1978. Поселение киевского типа близ Чернигова // Проблемы этногенеза славян. Киев.
- Максимов Е. В., Терпиловский Р. В., 1979. Поселение киевского типа у с. Ульяновка на Десне // Славяне и Русь. Киев.
- Максимов Е. К., 1956. Позднейшее сармато-славянские погребения V—VIII вв. на территории Нижнего Поволжья // Археологический сб. Саратов. Вып. 1.
- Материалы к Всесоюзному археологическому совещанию. М., 1945.
- Мазно Е. В., 1949. Поселения культуры «полей погребений» на Північно-Західному правобережж'ї // АП УРСР. Київ. Т. 1.
- Мазно Е. В., 1950. Пам'ятки культури полей поховань черняхівського типу // Археологія. Київ. Т. 4.

- Мазно Е. В.*, 1952а. Кантемирівське поселення та могильник культури поліс поховань // АП УРСР. Київ. Т. 7.
- Мазно Е. В.*, 1952б. Ягінтиська археологічна експедиція // АП УРСР. Київ. Т. 3.
- Мазно Е. В.*, 1955. Раннеславянские (зрубнично-корчеватские) памятники в Среднем Поднепровье // СА. Т. 23.
- Мазно Е. В.*, 1959. Раскопки зарубицких поселений в Киевском Приднепровье в 1950 г. // МИА. М.; Л. № 70.
- Мазно Е. В.*, 1960а. Памятники черняховской культуры на территории СССР // МИА. М.; Л. № 82.
- Мазно Е. В.*, 1960б. Раскопки памятников бронзы та сарматського часу в с. Усть-Кам'янка // АП УРСР. Київ. Т. 9.
- Мазно Е. В.*, 1967. Раскопки на Компанієвському могильнике (Податська обл.) // Археологические исследования на Украине в 1965–1966 гг. Киев.
- Мазно Е. В.*, 1970а. Зовну про локальні варіанти черняхівської культури // Археологія. Київ. № 24.
- Мазно Е. В.*, 1970б. Об основных задачах картографирования черняховской культуры в связи с выделением локальных вариантов // КСИА. М. Вып. 121.
- Мазно Е. В.*, 1971а. Раскопки Успенского могильника // Археологические исследования на Украине в 1968 г. Киев.
- Мазно Е. В.*, 1971б. Типи поховань та планувальня Компанієвського могильника // Середні віки на Україні. Київ.
- Мазно Е. В.*, 1972. Нові розкопки Успенського могильника // Археологічні дослідження на Україні в 1969 г. Київ.
- Мазно Е. В.*, 1978. Раскопки могильника у с. Успенки в погребальний обряд черняховської культури // Археологические исследования на Украине в 1976–1977 гг. Ужгород.
- Мазно Е. В.*, 1984. К вопросу о времени существования и судьбы черняховской культуры // КСИА. М. Вып. 178.
- Мазно Е. В., Рутковский Л. М.*, 1967. Разведка 1966 г. в Полтавской обл. // Археологические исследования на Украине в 1965–1966 гг. Киев.
- Мачинский Д. А.*, 1963. О хронологии некоторых типов вещей зарубицкой и одновременно ей культур // КСИА. М. Вып. 94.
- Мачинский Д. А.*, 1966а. К вопросу о датировке, происхождении и этнической принадлежности памятников таща Поляныш — Лукашевка // Археология Старого и Нового Света. М.
- Мачинский Д. А.*, 1966б. К вопросу о происхождении зарубицкой культуры // КСИА. М. Вып. 107.
- Мачинский Д. А.*, 1971. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГ. Л. Вып. 13.
- Мачинский Д. А.*, 1973а. Гельты на землях в Востоку от Карпат // АСГ. Л. Вып. 15.
- Мачинский Д. А.*, 1973б. О культуре Среднего Поднепровья на рубеже скифского и сарматского периодов // КСИА. М. Вып. 133.
- Мачинский Д. А.*, 1974. Некоторые проблемы этнографии восточно-европейских степей во II в. до н. э. — I в. н. э. // АСГ. Л. Вып. 6.
- Мачинский Д. А.*, 1976. К вопросу о территории обитания славян в I–VI вв. // АСГ. Л. Вып. 17.
- Мачинский Д. А.*, 1981. Миграция славян в I тысячелетии н. э. по письменным источникам с привлечением данных археологии // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М.
- Мельникозская О. Н.*, 1962. Могильник милоградской культуры в д. Горохов в южной Белоруссии // СА. № 1.
- Мельникозская О. Н.*, 1967. Племена южной Белоруссии в раннем железном веке. М.
- Мельникозская О. Н.*, 1977. Могильник южнорусской культуры та ранньосередньовічне поселення на Чернігівщині // Археологія. Київ. № 24.
- Мелюкова А. И.*, 1962а. Сарматское погребение из кургана у г. Олошети // СА. № 1.
- Мелюкова А. И.*, 1962б. Скифские курганы Тараспольщины // МИА. М. № 115.
- Мелюкова А. И.*, 1979. Скифия и франкский мир. М.
- Минасян Р. С.*, 1978а. Классификация ручного керамического состава: По материалам Восточной Европы I тысячелетия н. э. // СА. № 3.
- Минасян Р. С.*, 1978б. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья // АСГ. Л. Вып. 19.
- Миролюбоев М. А.*, 1976. Орудия вторичной обработки почвы и уборки урожая на Старой Ляди // АСГ. Л. Вып. 17.
- Митрофанов А. Г.*, 1978. Железный век средней Белоруссии. Минск.
- Митрофанов В. I.*, 1965. Памятники зарубицского часу на Дніпці // Археологія. Київ. Т. 18.
- Мишулин А. В.*, 1941. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э. // ВДИ. М. № 1.
- Мозильников В. А.*, 1974. Погребальный обряд культур III в. до н. э. — III в. н. э. в западной части Балтийского региона // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н. э. — I тысячелетия н. э. М.
- Небодако Д. П., Паньков С. В.*, 1982. О масштабах производства железа в Лютекомском центре металлургии первой четверти I тысячелетия н. э. // Новые методы археологических исследований. Киев.
- Неприва В. I., Корпусова В. М.*, 1972. Розвідки по Десні та Сейму // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Київ.
- Неусыгин А. И.*, 1956. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI–VIII вв. М.
- Нидерле Л.*, 1956. Славянские древности. М.
- Никитина В. Б.*, 1964. Новые открытия памятники поморской культуры // КСИА. М. Вып. 102.
- Никитина Г. Ф.*, 1964. Ленная керамика Масловского могильника // СА. № 4.
- Никитина Г. Ф.*, 1966. Классификация лепной керамики черняховской культуры // СА. № 4.
- Никитина Г. Ф.*, 1969. Гребни черняховской культуры // СА. № 1.
- Никитина Г. Ф.*, 1974. Погребальный обряд культур полей погребений в Средней Европе в I тысячелетии до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н. э. — I тысячелетия н. э. М.
- Никитина Г. Ф.*, 1975. Могильник черняховской культуры у станции Романовцы // АО 1974 г. М.
- Никитина Г. Ф.*, 1976. Работы Среднеднепровской экспедиции // АО 1975 г. М.
- Никитина Г. Ф.*, 1985. Систематизация погребального обряда племен черняховской культуры. М.
- Никитина Г. Ф.*, 1988. Могильник у с. Оселивка Кельменецкого р. на Черновицкой обл. // Могильники черняховской культуры. М.
- Никущий И. Т.*, 1977. Геты IV–III вв. до н. э. // Днепровско-Карпатские земли. Кішинев.
- Никущий И. Т., Рукман Э. А.*, 1973. Могильник Ханска-Лутария II первых столетий н. э. // КСИА. М. Вып. 133.
- Обломский А. М.*, 1983а. Верхнеднепровский вариант зарубицкой культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Обломский А. М.*, 1983б. О хронологии некоторых типов фибул зарубицкой культуры // СА. № 1.
- Обломский А. М.*, 1985. Классификация керамики верхнеднепровского варианта зарубицкой культуры: По материалам Чаплинского могильника // СА. № 1.
- Обломский А. М.*, 1986. Опыт классификации и хронологии фибул с треугольным штифом на ножке (так называемых зарубицких) // КСИА. М. Вып. 186.
- Обломский А. М.*, 1987. О фазале среднеднепровского варианта зарубицкой культуры // СА. № 3.
- Онако Н. А.*, 1962. Античный импорт на территории Среднего Приднепровья IV–III вв. до н. э. // СА. № 1.
- Онако Н. А.*, 1970. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н. э. // САИ. М. Вып. Д1–27.
- Паламарчук С. В.*, 1982. Поселение первых веков нашей эры Волчьей Балки // Памятники римского и средневекового времени в северо-западном Причерноморье. Киев.
- Патокоев Э. Ф., Дзюковский А. Н., Зиньковский К. В.*, 1982. Сарматские погребения Маяновского могильника // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев.
- Пастернак Я.*, 1931. Нововідкриті пам'ятки а Галичині і Волині // Зап. НТШ. Львів. Т. 151.
- Пастернак Я.*, 1932. Коротка археологія західноукраїнських земель. Львів.
- Пачкова С. П.*, 1874. Господарство східнослов'янських племен на рубежі нашої ери. Київ.
- Пачкова С. П.*, 1976. Землеробство племен культури Поляныш — Лукашевка // Дослідження з слов'яно-руської археології. Київ.
- Пачкова С. П.*, 1977. Поселення поблизу с. Круляки на Буковині // Археологія. Київ. № 23.
- Пачкова С. П.*, 1978. К вопросу о памятниках позднелатвийского времени на среднем Днестре // Проблемы этногенеза славян. Киев.
- Пачкова С. П.*, 1979. Уровне поховання в с. Гринчук на середньому Дністрі // Археологія. Київ. № 29.
- Пачкова С. П.*, 1983. Археологические исследования многослойного

- поселения у с. Горошева Тернопольской обл. // Археологические памятники Среднего Поднепровья. Киев.
- Пачкова С. П., 1984. О культурной принадлежности могильника возле Долины в северной Буковине // Археологія. Київ. № 47.
- Пачкова С. П., 1985. Культура Понешти-Лукашевка // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тысячелетии н. э. Киев.
- Пачкова С. П., Петрашко В. Я., Яковенко Э. В., 1976. Работы на среднем Днепре // АО 1975 г. М.
- Пачкова С. П., Рокоссовская М. А., 1983. Памятники Карпато-Днестровского региона конца I тысячелетия до н. э. // Славяне на Днепре и Дунае. Киев.
- Пачкова С. П., Якушевский В. В., 1969. Землеробство племен зарубицкой культуры // Слов'янсько-руські старожитності. Київ.
- Пашкевич Г. А., Терпиловский Р. В., 1981. Сельское хозяйство деснянских племен III—V вв. // Использование методов естественных наук в археологии. Киев.
- Пеняк С. И., 1972. К вопросу о времени заселения Карпатского бассейна // Исследования по истории славянских и балканских народов. М.
- Пеняк С. И., 1984. Закарпатська обл. // Довідник з археології України. Київ.
- Петренко В. Г., 1967. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. // САИ. М. Вып. Д1-4.
- Петренко В. Г., 1978. Украшения Скифия // САИ. М. Вып. Д1-5.
- Петров В. П., 1940. Культура полів поховань на Україні // Архив ИА АН УССР. Ф. 12. № 96.
- Петров В. П., 1959. Зарубицкі могильник // МИА. М.; Л. № 70.
- Петров В. П., 1961. Зарубицко-корчуватська культура Середнього Подніпров'я і сиринхорій культури суміжних територій // Археологія. Київ. Т. 12.
- Петров В. П., 1963. Давні слов'яни та їх похоронки // УІЖ. Київ. № 4.
- Петров В. П., 1964а. Масловский могильник на р. Товмач: По материалам раскопок П. И. Смолдичева и С. С. Гамченко в 1926, 1928 и 1929 гг. // МИА. М. № 116.
- Петров В. П., 1966. Черняховский могильник // МИА. М.; Л. № 116.
- Петров В. П., Калитчик А. Л., 1964. Скарб срібних речей з с. Качин Волинської обл. // МДАПБ. Київ. Вып. 5.
- Петров В. П., Краченко Н. М., 1961. Тигли черняховской культуры // КСИА АН УССР. Київ. Вып. 11.
- Петровська Е. О., 1971. Подгірські пам'ятки Київського Придніпров'я // Археологія. Київ. № 2.
- Пешанов В. Ф., Сымонович Э. А., 1964. Южнеднепровское поселение черняховской культуры у с. Осоковка // МИА. М. № 116.
- Пиоро И. С., Герцен А. Г., 1974. Клад антининанов из с. Долиное Крымской обл. // Нумизматика и сфрагистика. Киев. Вып. 5.
- Поболь Л. Д., 1969. Итоги изучения древностей железного века Белорусского Поднепровья // Древности Белоруссии: Докл. к конференции по археологии БССР. Минск.
- Поболь Л. Д., 1970. Памятники южной Белоруссии // Очерки по истории Белоруссии. Минск. Ч. 1.
- Поболь Л. Д., 1971. Славянские древности Белоруссии. Минск.
- Поболь Л. Д., 1973. Славянские древности Белоруссии. Минск.
- Поболь Л. Д., 1974. Славянские древности Белоруссии. Минск.
- Поболь Л. Д., 1983. Археологические памятники Белоруссии: Учебный вид. Минск.
- Позеребова И. В., 1958. Поддесневские городища на нижнем Днепре // МИА. М.; Л. № 64.
- Покровская Е. Ф., Коваленко Г. Т., 1961. Могильник близ с. Кантатово // Археологія. Київ. Т. 12.
- Полко О. О., 1971. Слов'янські археологічні пам'ятки у низькій течії Десни // Середні віки на Україні. Київ.
- Потушняк Ф. М., 1958. Археологічні знахідки бронзового та залізного віку на Закарпатті. Ужгород.
- Приздишюк О. М., 1980. Археологичні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI—IX ст. н. е. Київ.
- Приздишюк О. М., 1983. Формування слов'янських старожитностей раннього середовища в Середньому Подніпров'ї // Археологія. Київ. № 42.
- Пронин Г. Н., 1979. Некоторые вопросы изучения памятников прутского типа // СА. № 1.
- Прудов В. И., 1966. Подскалярические боспорские терракоты, изображающие воинов // Культура античного мира. М.
- Равский Д. С., 1971. Скифы и сарматы в Неолите: По материалам некрополей // Проблемы скифской археологии. М.
- Равский К. А., 1955. Наземные сооружения земледельцев междуречья Днестра и Днестра в I тысячелетии н. э. // СА. М.; Л. Т. 23.
- Рафалович И. А., 1980. Романизация населения Нижнего Подунавья накануне славянской колонизации // Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы до середины XIX в. Кишинев.
- Рафалович И. А., 1986. Данчеш: Могильник черняховской культуры III—V вв. н. э. Кишинев.
- Рафалович И. А., Лапушняк В. Л., 1974. Работы Реутской экспедиции // Археологические исследования в Молдавии. Кишинев.
- Рафалович И. А., Лапушняк В. Л., Бейкевич В. С., Дергачев В. А., 1977. Исследования Дачинской могильника // АО 1976 г. М.
- Ремеников А. М., 1954. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. М.
- Рихман Э. А., 1957. Раскопки селовых первых веков нашей эры в Поддестровье // КСИИМК. М. Вып. 68.
- Рихман Э. А., 1958. Могильник первых столетий нашей эры у с. Будешты в Молдавии // СА. № 1.
- Рихман Э. А., 1960а. Жилища Будештского селца: О домостроительстве в черняховскую эпоху // МИА. М.; Л. № 82.
- Рихман Э. А., 1960б. Раскопки у с. Будешты // Материалы и исследования по археологии юго-запада СССР и Румынской Народной республики. Кишинев.
- Рихман Э. А., 1962. К вопросу о «больших домах» на селцах черняховского типа // СЗ. № 3.
- Рихман Э. А., 1964. Потребительские обряды Будештского могильника // Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР. Кишинев.
- Рихман Э. А., 1966а. О фракийском элементе в черняховской культуре Днестровско-Дунайского междуречья // Фракийская культура на территории СССР. М.
- Рихман Э. А., 1966б. Погребальные сарматы Днестровско-Дунайского междуречья // СЗ. № 1.
- Рихман Э. А., 1967а. Памятник эпохи Великого переселения народов: По раскопкам могильника черняховской культуры у с. Будешты. Кишинев.
- Рихман Э. А., 1967б. Черняховское селце Делаке // МИА. М. № 139.
- Рихман Э. А., 1970а. Поселение первых столетий нашей эры Сабарь в Молдавии // СА. № 2.
- Рихман Э. А., 1970б. О влиянии поддестровской культуры на черняховское в Днестро-Прутском междуречье // КСИА. М. Вып. 124.
- Рихман Э. А., 1971а. Денежное обращение у племен Днестровско-Прутского междуречья в первых веках нашей эры // Нумизматика и эпиграфика. М. Т. 9.
- Рихман Э. А., 1971б. Приращение и качество у племен черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья // КСИА. М. Вып. 128.
- Рихман Э. А., 1972. Вопрос датировки импортных вещей в памятниках племен черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья // СА. № 4.
- Рихман Э. А., 1975а. Жилища племен черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья // Древнее жилище народов Восточной Европы. М.
- Рихман Э. А., 1975б. Памятники сарматов и племен черняховской культуры. Кишинев.
- Рихман Э. А., 1975г. Этническая история населения Поддестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры // М.
- Рихман Э. А., 1981. О начале расселения этнических контактов праславян в Карпато-Дунайских землях // СЗ. № 2.
- Рихман Э. А., 1988. Раскопки могильника черняховского типа Балзты II в 1963—1964 гг. // Могильники черняховской культуры. М.
- Рихман Э. А., Рафалович И. А., 1965. К вопросу о соотношении черняховской и раннеславянской культур в Днестровско-Дунайском междуречье // КСИА. М. Вып. 105.
- Рихман Э. А., Рафалович И. А., Холкуй И. Г., 1971. Очерки истории культуры Молдавии, II—XIX вв. Кишинев.
- Рихман Э. А., Сергеев Г. П., 1964. Селце первых веков нашей эры у с. Кубука Веке (Молдавия) // Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР. Кишинев.
- Романова Г. А., 1988. Вилы Яругские — могильник IV в. // Могильники черняховской культуры. М.
- Романовская М. А., 1962. Селце Лукашевка II // СА. № 3.
- Романовская М. А., 1964. Раскопки в Бранештах в 1962 г. // КСИА. М. Вып. 102.
- Романовская М. А., 1968. Население Карпато-Днестровского района во II—I вв. до н. э. Авторфр. дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Романовская М. А., 1969. Об этнической принадлежности насе-

- ления, оставившего памятники типа Лукашевка // Древние фракции в Северном Причерноморье. М.
- Романюк С. А., 1974. Памятники культуры Лукашевка — Пояншты // Археологическая карта Молдавской ССР. Кишинев. Вып. 4.
- Ростовцев М. И., 1925. Скифия и Боспор. Л.
- Русанова М. Я., 1930. Китемирские могилы римской доби // Зап. ВУАК. Полтава. № 1.
- Русанова И. П., 1976. Славянские древности VI—VII вв. М.
- Русанова И. П., 1985. Компоненты пшеворской культуры // Тез. докл. советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. М.
- Русанова И. П., 1988. Компоненты пшеворской культуры // Тр. V МКАС. Киев. Т. 4.
- Русанова И. П., 1990. Этнический состав носителей пшеворской культуры // Раннеславянский мир: Материалы и исследования. М.
- Русанова И. П., Тимошук Б. А., 1984а. Кодья — славянские поселения V—VIII вв. на Пруте. М.
- Русанова И. П., Тимошук Б. А., 1984б. Гнездо славянских поселений у с. Черновка Черновицкой обл. // КСИИ. М. Вып. 179.
- Рутковский Л. М., 1972а. До питання про найдавніші болгарські племена на території України // Вісник АН УРСР. Київ. № 10.
- Рутковский Л. М., 1972б. Дослідження поклазу с. Жовни Черкаської обл. // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Київ.
- Рыбаков Б. А., 1939. Анты и Киевская Русь // ВДИ. М. № 1.
- Рыбаков Б. А., 1948а. Древние элементы в русском народном творчестве: Женское божество и владыки // СЭ. № 1.
- Рыбаков Б. А., 1948б. Ремесло древней Руси. М.
- Рыбаков Б. А., 1958а. Славяне в Европе в эпоху крушения рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III—IX вв. М.
- Рыбаков Б. А., 1958б. Славяне и Византия в VI в. // Очерки истории СССР: Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III—IX вв. М.
- Рыбаков Б. А., 1962. Календарь IV в. из земли полян // СА. № 4.
- Рыбаков Б. А., 1964. Первые века русской истории. М.
- Рыбаков Б. А., 1978. Исторические судьбы славян // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М.
- Рыбаков Б. А., 1979. Геродотовы Скифия. М.
- Рыбаков Б. А., 1981а. Новая концепция предистории Киевской Руси // История СССР. № 1.
- Рыбаков Б. А., 1981б. Язычество древних славян. М.
- Рыбаков Б. А., 1982. Киевская Русь и русские князства. М.
- Рыбаков Б. А., 1987. Язычество древней Руси. М.
- Савосский Г. И., 1977. Нови сарматські поховання на Запоріжжі // Археологія. Київ. № 23.
- Савчук А. П., 1969. Поселения зарубиной культуры в поречье р. Трубеч // МИА. М. № 160.
- Сазонов А. В., 1989. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. № 4.
- Самойловский И. М., 1959. Корчеватовский могильник // МИА. М.; Л. № 70.
- Савиных И. К., 1957. Могильник липицкой культуры во Львовской обл.: Раскопки у сел Звенигород и Болотное // КСИИМК. М. Вып. 68.
- Седов В. В., 1970. Славяне Верхнего Поднепровья и Подляны. М.
- Седов В. В., 1972. Формирование славянского населения Среднего Поднепровья // СА. № 4.
- Седов В. В., 1976. Ранний период славянского антропогена // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М.
- Седов В. В., 1978. Скифо-сарматские элементы в погребальном обряде черняховской культуры // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.
- Седов В. В., 1979. Происхождение и ранняя история славян. М.
- Седов В. В., 1982. Восточные славяне в VI—XIII в. М. Сер. Археология СССР.
- Седов В. В., 1983. Славяне и кельты // История, культура, этнография и фольклор славянских народов / IX Международный съезд славистов. М.
- Семенов С. А., 1959. О назначении «копчиков» и костей с надрезами из Саркела — «Белой Вежи» // МИА. М.; Л. № 75.
- Сергеев Г. П., 1956. Находка медных сосудов в Молдавии // Изв. Молдавского филиала АН СССР. Кишинев. № 4(31).
- Симоненко А. В., 1981. Сарматы в Среднем Поднепровье // Древности Среднего Поднепровья. Киев.
- Симоненко А. В., 1982. О подзаспектиках ялалобиях // Древности степной Скифии. Киев.
- Синицын И. В., 1946. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья // СА. М.; Л. Т. 8.
- Синицын И. В., 1956. Памятники Нижнего Поволжья скифо-сарматского времени // Археологический сб. Саратов.
- Скалон К. М., 1941. Изображения животных на керамике сарматского периода // Тр. Отд. истории первобытной культуры. ГЭ. Л. Т. 1.
- Скрябинская Е. Ч., 1957. О скелетах и антах, о Мурсыновском озере и городе Новеиступе // Византийский вестник. М. Т. 12.
- Скрябинская М. В., 1974. Перші писемні свідчення про слов'ян // УІЖ. Київ. № 6.
- Скрябинская М. В., 1977. Сельское Причерноморье в описании Паняна Старшего. Киев.
- Скрипкин А. С., 1977. Фибулы Нижнего Поволжья: По материалам сарматских погребений // СА. № 2.
- Слонов В. И., 1989. К проблеме хронологии и локализации места производства эмалевых подвесок-луниц // СА. № 1.
- Смелко А. Т., 1952. Про деякі латуючі речі в культурі полів поховань // Археологія. Київ. Т. 6.
- Смелко А. Т., 1970. К хронологии гончарной керамики черняховского типа // КСИИ. М. Вып. 121.
- Смелко А. Т., 1975. Слов'яни та їх ісудня в степовому Подліп'я. Київ.
- Смелко А. Т., 1984. Особенности памятников черняховской культуры степного Поднепровья // КСИИ. М. Вып. 178.
- Смелко А. Т., Брайчевский М. Ю., 1967. Черняховские поселения в с. Леськи близ г. Черкассы // История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры. М.
- Смелко А. Т., Мизин В. А., 1979. Раскопки на городище и поселке в с. Башмак // АО 1978 г. М.
- Смирнов К. Ф., 1954. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии // Вопросы скифо-сарматской археологии. М.
- Смирнов К. Ф., 1971. О начале проникновения сарматов в Скифию // МИА. М. № 177.
- Смирнова Г. И., 1957. Работа Запонукаринской экспедиции в 1954 г. // КСИИМК. М. Вып. 67.
- Смирнова Г. И., 1959. Підступні дослідження верхніх шарів Независимости // МДАВБ. Київ. Вып. 2.
- Смирнова Г. И., 1966. Поселение у с. Независимости в первые века нашей эры // МИА. М. № 116.
- Смирнова Г. И., 1979. Куштановские курганы у с. Черный Поток в Закарпатье // АСГЛ. Л. Вып. 20.
- Смирнова Г. И., 1981. Могильник типа Пояншты — Лукашевка у с. Долыны на Буковине // СА. № 3.
- Смирнова Г. И., Берлякович К. В., 1965. Пронхождение и хронология памятников куштановского типа Закарпатье // АСГЛ. Л. Вып. 7.
- Смishko M. Ю., 1947. Селіще доби полів поховань у Вікінах Великих // Археологія. Київ. Т. 1.
- Смishko M. Ю., 1948. Доба полів поховань в західних областях УРСР // Археологія. Київ. Т. 2.
- Смishko M. Ю., 1952а. Дослідження пам'яток культури полів поховань в західних областях УРСР в 1947 р. // АП УРСР. Київ. Т. 3.
- Смishko M. Ю., 1952б. Два кургани могильника в околицях в Ізні Закарпатської обл. // АП УРСР. Київ. Т. 3.
- Смishko M. Ю., 1952в. Раннеславянская культура Поднепровья в свете новых археологических данных // КСИИМК. М. Вып. 44.
- Смishko M. Ю., 1953. Ранньослов'янська культура Карпатського підгір'я // Наук. зап. Ін-ту суспільних наук АН УРСР. Київ. Т. 1.
- Смishko M. Ю., 1957. Богатое погребение начала нашей эры во Львовской обл. // СА. № 1.
- Смishko M. Ю., 1959. Археологічні дослідження в західних областях України за роки радянської влади // МДАВБ. Київ. Вып. 2.
- Смishko M. Ю., 1960. Карпатські кургани першої половини I тисячоліття нашої ери. Київ.
- Смishko M. Ю., 1961. Відносно концепції про германську належність культури полів поховань // МДАВБ. Львів. Вып. 3.
- Смishko M. Ю., 1962. Сарматські поховання біля с. Острівця Станиславської обл. // МДАВБ. Київ. Вып. 4.
- Смishko M. Ю., 1964. Поселення III—IV ст. н. е. із слідами скляно-виробництва біля с. Комарів в Чернівецькій обл. // МДАВБ. Київ. Вып. 5.
- Смishko M. Ю., 1969. Исследования черняховского могильника в Верхнем Поднепровье // АО 1968 г. М.
- Смishko M. Ю., 1975. Липицка культура // Археологія УРСР. Київ. Т. 3.
- Смishko M. Ю., 1976. Племена культури карпатських курганів //

- Населення Прикарпаття і Волині за добу розкладу першого загального ладу та в давньоруський час. Київ.
- Смілько М. Ю., Сешіков І. К., 1961. Могилики III—IV століть п. н. е. в Дитинці Ровенської обл. // МДАПВ. Київ. Вип. 3.
- Смолічев П. І., 1927. Археологічні дослідження в околицях Златополя на Черкащині року 1926 // КЗ ВУАК за 1926 р. Київ.
- Сова-Гутирош П., 1958. Новые латенские находки в Закарпатье // SIA. Bratislava. Т. 6, № 4.
- Сова-Гутирош П., 1961. Могильногарадовский клад аварских монет // Studijné zvesti AU SAV. Nitra. С. 4.
- Сорокина Н. П., 1971. О стеклянных сосудах с канлами синего стекла из Причерноморья // СА. № 4.
- Сорокина Н. П., Гушина И. Н., 1980. Стекланные изделия из могильников первых веков нашей эры юго-западного Крыма // Тр. ГИМ. М. Вип. 51.
- Спачина А. А., 1904. Памятники латенской культуры в России // ИАК. СПб. Вип. 42.
- Спачина А. А., 1948. Поля погребальных урн // СА. М.; Л. Т. 10.
- Субботин Л. В., Заиняло А. Г., Шмагил Н. М., 1970. Курганы у с. Огородное (Одесской обл.) // МАСП. Одесса. Вип. 6.
- Сымакович Э. О., 1951. Про культуру полі поховань на Подоллі (в зв'язку з розкопками в с. Лупі-Врублівській) // Археологія. Київ. Т. 5.
- Сымакович Э. О., 1952а. Млинове спорудження перших століть п. н. е. на Шпеденово Бузії // Археологія. Київ. Т. 6.
- Сымакович Э. А., 1952б. Погребения V—VI вв. н. э. с. Данилова Балка // АО 1978 г. М.
- Сымакович Э. А., 1955. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья // СА. М.; Л. Т. 24.
- Сымакович Э. А., 1956а. Глиняная тара для хранения запасов на поселениях черняховской культуры // СА. М.; Л. Т. 6.
- Сымакович Э. А., 1956б. О некоторых типах поселений первых веков нашей эры в Северном Причерноморье // КСИА. М. Вип. 65.
- Сымакович Э. А., 1957. Лепная посуда памятников черняховской культуры нижнего Днестра // КСИИМК. М. Вип. 67.
- Сымакович Э. А., 1958. Две статуэтки коня из Побуля // КСИА. М. Вип. 72.
- Сымакович Э. А., 1959а. Об единстве и различии памятников черняховской культуры // СА. М.; Л. Т. 29/30.
- Сымакович Э. А., 1959б. Раннечерняховское поселение у с. Ломоватого на Днестре // КСИА АН УССР. Киев. Вип. 8.
- Сымакович Э. А., 1960а. К вопросу об этнической принадлежности викиндчерняховских памятников рубежа и начала нашей эры // ЗОАО. Одесса. Т. 1(34).
- Сымакович Э. А., 1960б. Памятники черняховской культуры в с. Кричица: По материалам С. С. Гамченко и раскопкам 1957 и 1958 гг. // МИА. М.; Л. № 60.
- Сымакович Э. А., 1960в. Раскопки могильника у овчарни совхоза Приднестровского // МИА. М.; Л. № 82.
- Сымакович Э. А., 1960г. Раскопки поселения Ломоватое 2 // КСИА. М. Вип. 79.
- Сымакович Э. О., 1960д. Спроби реконструкції млина перших століть нашої ери // Нариси з історії техніки. Київ. Вип. 6.
- Сымакович Э. А., 1962а. Инкрустированные стеклянные изделия из Черкаской обл. // КСИА. М. Вип. 90.
- Сымакович Э. А., 1962б. К вопросу о скифской принадлежности черняховской культуры // СА. № 2.
- Сымакович Э. А., 1962в. Фибула с нижнего Днестра с надписью // КСИА. М. Вип. 80.
- Сымакович Э. А., 1963а. Городище Колодичі І на Гомельщині // МИА. М. № 108.
- Сымакович Э. А., 1963б. Магия и обряд погребения в черняховскую эпоху // СА. № 1.
- Сымакович Э. А., 1963в. Работы на черняховских памятниках в Приднепровье // КСИА. М. Вип. 94.
- Сымакович Э. А., 1963г. Раскопки могил возле с. Кошары на Тигляульском лимане // МАСП. Одесса. Вип. 4.
- Сымакович Э. А., 1963д. Фибулы Неполю скифского // СА. № 4.
- Сымакович Э. А., 1964а. Игральные-счетные жетоны на памятниках черняховской культуры // СА. № 3.
- Сымакович Э. А., 1964б. Орнаментация черняховской керамики // МИА. М. № 116.
- Сымакович Э. А., 1964в. Северная граница памятников черняховской культуры // МИА. М. № 116.
- Сымакович Э. А., 1964 г. Стекланные кубки из Журавки // КСИА. М. Вип. 102.
- Сымакович Э. А., 1966а. Гончарная мастерская III—IV вв. н. э. в Журавке // КСИА. М. Вип. 107.
- Сымакович Э. О., 1966б. Перший черняхівський могилиник в Північному Причорномор'ї // Археологія. Київ. Т. 20.
- Сымакович Э. А., 1966в. Стекланный кубок с надписью из-под Одессы // ВДИ. М. № 1.
- Сымакович Э. А., 1967а. Итоги исследований черняховских памятников в Северном Причерноморье // МИА. М. № 139.
- Сымакович Э. А., 1967б. Новые находки эпохи бронзы на Тигляульском лимане // КСИА. М. Вип. 112.
- Сымакович Э. А., 1967в. Новые работы в Чернихове // МИА. М. № 139.
- Сымакович Э. А., 1967г. Поселения культуры полей погребений в районе г. Николая // МИА. М. № 139.
- Сымакович Э. А., 1968. [Рецензия] // СА. С. 3 — Рец. на кн.: Брайтшвейский М. Ю. Біля джерел слов'янської древності: Соціально-економічний розвиток черняхівських племен. Київ, 1964.
- Сымакович Э. А., 1969а. Забытая коллекция В. В. Хвойка // СА. № 2.
- Сымакович Э. О., 1969б. Порівняльні вивчення пам'яток черняхівської культури в районі м. Черкас // Археологія. Київ. Т. 22.
- Сымакович Э. А., 1969г. Раскопки Николаевского могильника на впадение Днестра // КСИА. М. Вип. 119.
- Сымакович Э. А., 1970а. Зарубищенка и черняховская культуры в Поднепровье // Древние славяне и их соседи. М.
- Сымакович Э. А., 1970б. Культуры полей погребений и готская проблема в первой половине I тысячелетия н. э. // Скандинавский сб. Таллина. Вип. 15.
- Сымакович Э. А., 1970в. Страницы истории отечественных исследований памятников культуры полей погребений после Великого Октября // КСИА. М. Вип. 121.
- Сымакович Э. А., 1971а. Культура поздних скифов и черняховские памятники в Нижнем Поднепровье // Проблемы скифской археологии. М.
- Сымакович Э. А., 1971б. Находка поднеаптантической амфоры из Курской обл. // СА. № 4.
- Сымакович Э. О., 1971в. Хірургія в черняхівську епоху // Середні віки на Україні. Київ.
- Сымакович Э. А., 1971г. Племена Поднепровья в первой половине I тысячелетия нашей эры: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.
- Сымакович Э. О., 1972. Девять типов раннеосредневековой керамики // Археологія. Київ. № 7.
- Сымакович Э. А., 1973а. Древности Скандинавии и Прибалтики на территории культуры полей погребений // КСИА. М. Вип. 133.
- Сымакович Э. О., 1973б. Черняхівські племена Подніпров'я: Культура і етнос // Археологія. Київ. № 10.
- Сымакович Э. А., 1974а. Новые открытия в селдзах Адедео и Воробейка 2 возле Курска // Раннесредневековые восточно-славянские древности. Л.
- Сымакович Э. А., 1974б. Погребения эпохи бронзы на черняховских могильниках // КСИА. М. Вип. 142.
- Сымакович Э. А., 1975. Черняховские материалы из с. Ново-Александровки на нижнем Днестре // СА. № 1.
- Сымакович Э. А., 1977. Стеклянная посуда из поднепровско-причерноморских памятников черняховской культуры // СА. № 1.
- Сымакович Э. А., 1978а. Культура карпатских курганов и ее роль в этногенезе славян // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: VIII международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М.
- Сымакович Э. А., 1978б. Некоторые наблюдения над датировкой черняховских памятников // Древний Русь и славяне. М.
- Сымакович Э. А., 1979а. Копальня і Раннєскифський могилиник около Одессы // Могильники черняховской культуры. М.
- Сымакович Э. А., 1979б. Памятник поднеаптантического типа в районе древней Тире // КСИА. М. Вип. 159.
- Сымакович Э. А., 1979г. Ромашковский могильник — первый черняховский памятник Поднепровья // СА. № 3.
- Сымакович Э. А., 1980. Черняховское селение Бургуна на нижнем Днестре // КСИА. М. Вип. 162.
- Сымакович Э. О., 1981. Черняхівські горшки Подніпров'я // Археологія. Київ. № 36.
- Сымакович Э. О., 1983а. Черняхівська кераміка Подніпров'я // Археологія. Київ. № 43.
- Сымакович Э. А., 1983б. Черняховская культура и памятники киевского и колочинского типов // СА. № 1.
- Сымакович Э. А., 1984. Развитие культуры черняховских племен довербейка Днестра: По материалам лепной керамики // КСИА. М. Вип. 178.
- Сымакович Э. А., 1988а. Придунайский могильник Фурмановка // Могильники черняховской культуры. М.
- Сымакович Э. А., 1988б. Могильник Сабдан-Охматово в Среднем Поднепровье // Могильники черняховской культуры. М.
- Сымакович Э. А., Голенко К. В., 1960. Монеты из некрополя Неполю скифского // СА. № 1.
- Сымакович Э. А., Краченко Н. М., 1983. Обряд погребения и могильники черняховской культуры // САИ. М. Вип. Д1-22.

- Сымонович Э. А., Яровой А. З., 1968. Поселение Викторовки II в устье Сосницко-Бережанского лимана: По материалам раскопок М. Ф. Богатко // СА. № 2.
- Телесин Д. Я., Беляева С. О., 1975. Памятник раннеславянского часу на Оресь // Археологія. Київ. № 18.
- Терещук А. И., 1961. Предскафийский период на Днепровском правобережье. Киев.
- Терещук А. И., 1962. Праводна славян и дуклянка культуры // КСИА АН УССР. Киев. Вып. 14.
- Терещук П. Р., 1977. Новые памятники III—IV вв. н. э. в Черниговском Подесье // Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев.
- Терещук П. Р., 1978. Памятники киевского типа Подесья в черняховской культуре // Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг. Ужгород.
- Терещук П. Р., 1979. Население Нижнего и Среднего Подесья III—IV вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
- Терещук П. Р., 1981. О характере контактов киевской и черняховской культур // Тез. докл. симпозиума «Позднейшие судьбы черняховской культуры». Каменец-Подольский.
- Терещук П. Р., 1984а. О характере контактов киевской и черняховской культур // КСИА. М. Вып. 178.
- Терещук П. Р., 1984б. Ранние славяне Подесья III—V вв. Киев.
- Терещук П. Р., 1985а. Новые исследования памятников III—IV вв. в Среднем Поднесье // Тез. докл. советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. М.
- Терещук П. Р., 1985б. Киевская культура // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тысячелетии н. э. Киев.
- Тимошук Б. А., 1953. Подкарпатские курганы III—V вв. н. э. // КСИА. М. Вып. 52.
- Тимошук Б. О., 1956. Археологические исследования Чернивецкого музея в 1949—1951 гг. // АП УРСР. Київ. Т. 6.
- Тимошук Б., 1969. Північчя Буковина — земля слов'янська. Ужгород.
- Тимошук Б. О., 1970. Археологічні пам'ятки Чернівецької обл. Чернівці.
- Тимошук Б. О., 1976. Слов'яни Північної Буковини V—IX ст. Київ.
- Тимошук Б. А., 1984а. Черняховская культура и древности культуры карпатских курганов: По материалам Черновицкой обл. // КСИА. М. Вып. 178.
- Тимошук Б. О., 1984б. Черновицкая обл. // Довідник з археології України. Київ.
- Тимошук Б. А., Вакуленко Л. В., 1971. Новые поселения культуры карпатских курганов // Археологические исследования на Украине за 1968 г. Киев.
- Тимошук Б. О., Винокур И. С., 1961. Слов'янські пам'ятки Буковини // Наукова зап. Чернівецького держ. ун-та. Чернівці. Сер. історич. наук. Т. 54, вип. 3.
- Тимошук Б. А., Винокур И. С., 1962. Памятники эпохи полей погребений на Буковине // КСИА. М. Вып. 90.
- Тимошук Б. А., Винокур И. С., 1964. Памятники черняховской культуры на Буковине // МИА. М. № 116.
- Тимошук Б. А., Дикитин Г. Ф., 1978. Памятники первых веков нашей эры у с. Неполокомы // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.
- Тизанова М. А., 1956. Бороничинский клад // СА. М.; Л. Т. 25.
- Тизанова М. А., 1957. О локальных вариантах черняховской культуры // СА. № 4.
- Тизанова М. А., 1960. Днестро-Волынский отряд Галицко-Волынской экспедиции // КСИИМК. М. Вып. 79.
- Тизанова М. А., 1963. Раскопки на поселении III—IV вв. у с. Лесновка 1957—1959 гг. // СА. № 2.
- Тизанова М. А., 1964. Днестро-Волынская экспедиция 1960—1961 гг. // КСИА. М. Вып. 102.
- Тизанова М. А., 1970. Еще раз к вопросу о происхождении черняховской культуры // КСИА. М. Вып. 121.
- Тизанова М. А., 1977. Жилище ремесленника-древотеса на поселении у с. Лука-Врублевская на Днестре // КСИА. М. Вып. 148.
- Топоров В. Н., Трубачев О. Н., 1962. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.
- Третьяков П. Н., 1953. Восточнославянские племена. М.
- Третьяков П. Н., 1959. Чалынский городище // МИА. М.; Л. № 70.
- Третьяков П. Н., 1960. Мокховское второе городище // КСИА. М. Вып. 81.
- Третьяков П. Н., 1966. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Воге. М.; Л.
- Третьяков П. Н., 1970. У истоков древнерусской народности. Л.
- Третьяков П. Н., 1974. Древности второй и третьей четверти I тысячелетия н. э. в Верхнем и Среднем Подесье // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.
- Третьяков П. Н., 1982. По следам древних славянских племен. Л.
- Третьяков П. Н., Шмидт Е. А., 1963. Древние городища Смоленщины. М.; Л.
- Трубачев О. Н., 1968. Названия рек Правобережной Украины. М.
- Трубачев О. Н., 1974. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян // Вопросы языкознания. № 6.
- Удальцов А. Д., 1946. Племена Европейской Сарматии II в. н. э. // СЭ. № 2.
- Федорова Г. Б., 1956. К вопросу о сарматской культуре в Молдавии // Иав. Молдавского филиала АН СССР. Кишинев. № 4(31).
- Федорова Г. Б., 1957. Лукавский могильник // КСИА. М. Вып. 68.
- Федорова Г. Б., 1960а. Малаештский могильник // МИА. М.; Л. № 82.
- Федорова Г. Б., 1960б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. // МИА. М.; Л. № 89.
- Федорова Г. Б., 1960в. Об обряде погребения как историческом источнике // Историко-археологический сб. М.
- Федорова Г. Б., 1969. Подсарматский могильник Криничное // Древности Восточной Европы. М.
- Федорова Г. Б., Полосов Л. Л., 1973. Археологизм Румынии. М.
- Фокеев М. М., 1982. Поселение первых веков нашей эры Холмское II // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев.
- Фокеев М. М., 1987. Памятники первых веков нашей эры в Буднакской степи // Днестро-Дунайское междуречье в I — начале II тысячелетия н. э. Киев.
- Фролов И. К., 1979. О домостроительстве первой половины I тысячелетия н. э. на территории Подесья и Полюч // СА. № 1.
- Фурманская А. Л., 1958. Ливийи форма а раскопок Олмай // АП УРСР. Київ. Т. 7.
- Хавалюк П. Л., 1971. Памятник зарубиной культуры на Побужжии // Археологія. Київ. № 4.
- Хавалюк П. Л., 1974а. Занявский могильник на Винничині // Археологія. Київ. № 14.
- Хавалюк П. Л., 1974б. Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.
- Хавалюк П. Л., 1975. Зарубиная культура Паденого Побужжия и Альбонского Среднего Днестра // Археологія. Київ. № 18.
- Хавалюк П. Л., 1976. Исследования Южнобугской экспедиции // АО 1975 г. М.
- Хавалюк П. Л., 1980. Про виробництво юзер на черняхівських поселеннях Побужжя // Археологія. Київ. № 34.
- Хазанов А. М., 1975. Социальная история скифов. М.
- Ханенко Б. И. и В. Н., 1900. Древности Приднепровья и побережья Черного моря. Киев. Вып. 4.
- Ханенко Б. И. и В. Н., 1904. Древности Приднепровья и побережья Черного моря. Киев. Вып. 6.
- Хвойка В. В., 1901. Поля погребений в Среднем Поднесье // ЗРАО СПб. Нов. сер. Т. 12, Вып. 1/2.
- Хвойка В. В., 1913. Древние обитатели Среднего Поднесья и их культура в доисторические времена. Киев.
- Храбан Г. Е., 1964. Черняховские памятники в Уманском р-не Черкасской обл. // МИА. М. № 116.
- Цаплин В. И., 1962. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе // МИА. М. № 107.
- Цаплин В. И., 1964. Домашние животные Восточной Европы в раннем железном в. // Бюл. Московского общества испытателей природы. Отд. биологии. М. Т. 19(3).
- Цаплин В. И., 1966. Древнее животноводство племен Восточной Европы в Средней Азии. М.
- Цицилик В. М., 1962. Новые материалы до изучения культуры карпатских курганов у Закарпатской обл. // МДАПВ. Київ. Вып. 4.
- Цицилик В. М., 1975. Населения Верхнего Поднестровья первых столетий нашей эры. Київ.
- Цицилик В. М., 1976. Племена линдичей культуры // Населения Прикарпатья та Волині за доби розпаду періодизаційного ладу та в давньоруський час. Київ.
- Цыгаль В. Н., 1977. Работы Хотинского отряда на Днестре // АО 1976 г. М.
- Цыгаль В. Н., 1987. Могильник I в. н. э. у с. Болоти Львовской обл. // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тез. докл. М.
- Циндровская Л. О., 1982. Про деякі типи фібул перших століть нашої ери в Середньому Подніпр'ї // Археологія. Київ. № 37.



- Цидоревская Л. О., 1984. Могильник в урочище Дівич Гора // Археология. Київ. № 47.
- Чебоксаров Н. Н., 1964. Проблемы происхождения древних и современных народов // Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М.
- Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А., 1971. (1-е изд.); 1985 (2-е изд.). Народы, расы, культуры. М.
- Челобартенко Г. Ф., Щербакова Т. А., Щукин М. Б., 1987. Две случайные находки в Молдавии // СА. № 4.
- Черненко Е. В., 1968. Скифский доспех. Киев.
- Черныш Е. Н., Барцева Т. Б., 1970. Спектроналитические исследования цветного металла черняховской культуры // КСИА. М. Вып. 121.
- Черныш Е. Н., Барцева Т. Б., 1972. Сплавы цветных металлов // Барцева Т. Б., Вознесенская Г. А., Черныш Е. Н. Металл черняховской культуры. М.
- Черняков И. Т., 1967. Памятники черняховской культуры в прибрежной части междуречья Дуная и Днестра // МИА. М. № 139.
- Чистов К. В., 1972. Этнические общности, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры // СЭ. № 3.
- Шафарик И., 1837. Славянские древности. М.
- Шахматов А. А., 1918. К вопросу о древнейших славяно-кельтских отношениях. Казань.
- Шелов Д. Б., 1953. Денежная реформа Левкоша II // ВДИ. № 1.
- Шелов Д. Б., 1954. Чеканка монет и денежное обращение на Боспоре в III в. до н. э. // МИА. М.; Л. № 33.
- Шелов Д. Б., 1965. Античные государства Северного Причерноморья и их место в истории народов СССР // Вопросы истории. № 11.
- Шелов Д. Б., 1972. Танаис и нижний Дон а первые века нашей эры. М.
- Шелов Д. Б., 1978. Уакогорале светлазональные аформы первых веков нашей эры: Классификация и хронология // КСИА. М. Вып. 156.
- Шмагил И. М., Черняков И. Ф., 1970. Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра // МАСП. Одесса. Вып. 6.
- Шмидт Е. А., 1976. Археологические памятники Смоленской обл. Смоленск.
- Шовкелас А. М., 1972. Дослідження на берегах Почайни в Києві // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Київ.
- Шовкелас А. М., 1974. Раскопки раннеславянского поселения на Оболони в Киеве // АО 1973 г. М.
- Шовкелас А. М., 1975. Исследования на Оболони в Киеве // Новейшие открытия советских археологов. Киев. Ч. 3.
- Шрамко Б. А., 1962. Древности Северского Донца. Харьков.
- Шрамко Б. А., 1964. Древнейший деревянный плуг на Сергеевского торфяника // СА. № 4.
- Шульц П. Н., 1957. Исследования Неаполя скифского, 1945—1950 гг. // История и археология древнего Крыма. Киев.
- Шпапова Ю. Л., 1978. О древнерусском стеклоарении // Древняя Русь и славяне. М.
- Щербакова Т. А., 1987. Жилые и хозяйственные сооружения на поселениях воиризмского армени в зоне Бужацкой степи // Днестро-Дунайское междуречье в I — начале II тысячелетия н. э. Киев.
- Щукин М. Б., 1967. О трех датировках черняховской культуры // КСИА. М. Вып. 112.
- Щукин М. Б., 1968. Вопросы хронологии черняховской культуры и находки афор // СЭ. № 2.
- Щукин М. Б., 1970а. К вопросу о хронологии черняховских памятников Среднего Поднепровья // КСИА. М. Вып. 121.
- Щукин М. Б., 1970б. К истории Нижнего Поднепровья в первые века нашей эры // АСГЭ. Л. Вып. 12.
- Щукин М. Б., 1971. «Европейская Сарматия: в черняховская культура: Хронологические соотношения». Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Щукин М. Б., 1972а. Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубичной культурой // АСГЭ. Л. Вып. 14.
- Щукин М. Б., 1972б. К хронологии и стратиграфии поселения первых веков нашей эры. у с. Незвиско // АСГЭ. Л. Вып. 35.
- Щукин М. Б., 1973. Черняховская культура и явление кельтского Речесаса: К проблеме этногенеза // КСИА. М. Вып. 133.
- Щукин М. Б., 1975. О некоторых проблемах черняховской культуры и происхождения славян // СА. № 4.
- Щукин М. Б., 1976а. О начальной дате черняховской культуры // Prace archeologiczne. Kraków. Z. 22.
- Щукин М. Б., 1976б. Археологические данные о славянах II—IV вв.: Перспективы ретроспективного метода // АСГЭ. Л. Вып. 17.
- Щукин М. Б., 1977. Современное состояние готской проблемы и черняховская культура // АСГЭ. Л. Вып. 18.
- Щукин М. Б., 1978а. К вопросу о верхней хронологической границе черняховской культуры // КСИА. М. Вып. 158.
- Щукин М. Б., 1978б. К предистории черняховской культуры: Тринадцатый секвенция // АСГЭ. Л. Вып. 20.
- Щукин М. Б., 1980. Некоторые проблемы хронологии черняховской культуры и истории ранних славян // Rapports du III Congrès International d'archéologie slave. Bratislava. T. 2.
- Щукин М. Б., 1987. О трех путях археологического поиска предков раннеисторических славян: Перспективы третьего пути // АСГЭ. Л. Вып. 28.
- Щукин М. Б., 1989. Сарматы на землях к западу от Днепра в некоторые события I а. в Центральной и Восточной Европе // СА. № 1.
- Щукин М. Б., Щербакова Т. А., 1986. К хронологии могильника Дачены // Дачены: Могильник черняховской культуры III—IV вв. н. э. Киев.
- Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тысячелетии н. э. Киев, 1985.
- Юркова И. В., Коваленко В. П., 1975. Пизноархейные поселения на Черниговщине // Археология. Київ. № 18.
- Якимович М. К., 1904. Дольные стоянки неолитической эпохи в Радомськом уезде Киевской губернии // АЛЮР. Киев. № 3/4.
- Almgren O., 1923. Studien über Nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provincialrömischen und südrussischen Formen // Mannus-Bibliothek. Leipzig. № 32.
- Antoniowicz W., 1928. Archeologia Polski. Warszawa.
- Antoniowicz W., 1934. Study kultury góckiej na ziemiach słowiańskich do najdla Hunnów // Słownik starożytności słowiańskich. Warszawa. Z. 2, 1936.
- Babes M., 1969. Noi date privind arheologia i istoria bastarnilor: O «fibulă pommeraniana» descoperită în România // ŞCIV. Bucureşti. V. 20.
- Babes M., 1970. Dacia şi bastarnii // Memoria antiqua 11.
- Babesch M., 1973. Germanische latenezeitliche Einwanderungen in Räume östlich der Karpaten // Actes du VIII Congrès UTSP. Beograd. Bd. 3.
- Babes M., 1978. Moldova centrală şi de nord în secolele II—I e. n. c.: Cultura Poinesti-Lukasevka // Rezultatul tezei de doctorat. Bucureşti.
- Babes M., 1983. Pafalele Latene tirzi din sud-estul Europei // SCIVA. Bucureşti. T. 34, N. 3.
- Babes M., 1985. Date arheologice şi istorice privind partea de nord-est a Daciei în ultimele secole înainte erii noastre // SCIVA. Bucureşti. T. 36, N. 3.
- Babes M., Mihallesc-Birbiba M., 1972. Germanische latenezeitliche «Feuerböcke» aus der Moldau // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission 1970—1971. Frankfurt a/M.
- Babes M., Miriţă M., Sozman Ch., 1980. Raport preliminar privind reluarea săpăturilor de la Poinesti // Anuarul muzeului judeţean Vaslui. Vaslui. T. 2.
- Baran V. D., 1973. Siedlungen der Cernjachov-Kultur am Bug und obersten Dnestr // ZIA. Berlin. N. 7.
- Becker C. J., 1961. Föromersk Jernalder i Syd- och Midtjylland. Köbenhavn.
- Benadik B., 1962. Chronologicke vzťahy keltiskih pohrebisk na Slovinci // SL. Bratislava. T. 23, S. 2.
- Benadik B., 1965. Die spätlatenezeitliche Siedlung von Zemplin in der Ostslowakei // Germania. Berlin. Bd. 43.
- Benadik B., Vlček E., Ambros C., 1957. Keltské pohrebiská na juhozápadnom Slovensku. Bratislava.
- Bieleń P. K., 1974. Starożytne górnictwo i hutnictwo żelaza w górach Świętokrzyskich. Kraków.
- Bieleń P. K., 1986. Stan i potrzeby badań nad świętokrzyskim okresem starożytnego hutnictwa żelaza // Stan i potrzeby badań nad młodszym okresem przedrzymskim i okresem wpływów prymitywnych w Polsce. Kraków.
- Blüme E., 1912. Die germanischen Stämme und die Kulturen zwischen Oder und Passarge zur römischen Kaiserzeit // Mannus-Bibliothek. Leipzig. Bd. 8.
- Böhm J., Jankovsch, 1936. Skythyna na Podkarpatské Rusi: Mohylove pohrebisť v Kušanoviciach // Carpatica. Praha. T. 1.
- Budinský-Kříčka V., 1960. Výskum r. 1958 na vrchu Bakhedy v strede nad Bordogem // SIA. Bratislava. T. 8, č. 1.
- Budinský-Kříčka V., 1965. Staromladarský náčelnícky hrob zo Zemplína // AR. Praha. T. 17, č. 3.
- Bujna J., 1982. Spiegelung der Sozialstruktur auf latenezeitlichen

- Gräberfeldern im Karpatenbecken // *Památy archeologické*. Praha. R. 73, č. 2.
- Castelin K., 1958. Keltové na počátku druhého století pred n. e. // *Nimuzmatické Listy*. Praha. R. 13.
- Chmielewska A., 1971. Grzebień starożyte i wczesnośredniowieczne z ziem polskich // *Acta Archaeologica Lodziensia*. Łódź. N. 20.
- Christlein R., 1964. Datierungsfrage der spätlatenezeitlichen Brandgräber Südbayerns // *Bayerische Vorgeschichtsblätter*. Lg. 29, H. 1/2.
- Chropczyński B., 1958. Laténske pohrebisko v Nebojsi okr. Galanta // *SlA*. Bratislava. T. 6, č. 1.
- Cichodarski C., 1937—1938. Pienestri-Tamasidava // *Acta Archaeologica*. Budapest.
- Cirmat M., 1970. Zur relativ-chronologischen Stellung der jüngsten Horizontes keltischer Gräberfelder in Mähren // *AR*. Praha. T. 22, č. 5.
- Collis J., 1972. The Dacian Horizont — Settlements and Chronology // *SlA*. Bratislava. T. 20, č. 2.
- Collis J., 1975. Defended Sites of the Late La Tène // *BAR*. London. Suppl. Ser. 2.
- Cykalowski A., 1961. *Materiały do pradziejów Wołynia i Polesia Wotynskiego*. Warszawa.
- Dąbrowska T., 1973. Wschodnia granica kultury przeworskiej w późnym okresie lateńskim i w wczesnym okresie rzymskim // *MSW*. Warszawa. T. 2.
- Dąbrowska T., 1976. Początek okresu wpływów rzymskich w Polsce wschodniej // *Prace archeologiczne*. Warszawa. T. 22.
- Dąbrowska T., 1981. Kultura przeworska a kultura wielbarska na Mazowszu i Podlasiu // *Problemy kultury wielbarskiej*. Szupsk.
- Dąbrowska T., 1982. La Tène III: Dans le Nord est de la Pologne // *Inventaria Archaeologica*. Warszawa. T. 48.
- Dąbrowska T., Godowski K., 1970. Grób kultury przeworskiej z Hromówki na Ukrainie // *Prace archeologiczne*. Warszawa. T. 12.
- Dąbrowska T., Liana T., 1963. Sprawozdania z prac wykopaliskowych i *Werkkovich-Kotorowie pow Hrubieszów in 1960 r.* // *WA*. Warszawa. T. 29, z. 1.
- Dąbrowski K., 1958. Osadnictwo z okresów późnolateńskiego i rzymskiego na stanowisku I w Piwonicach, pow. Kalisz // *MS*. Włrszawa. T. 4.
- Déchelette J., 1908—1914. *Manuel d'archéologie préhistorie celte et gallo-romaine*. Paris.
- Demetriewicz W., 1898. *Vorgeschichte Galiziens* // *Österreichische Monarchie in Wort und Bild*. Wien.
- Demetriewicz W., 1904. *Fund aus Ostgalizien* // *Jahreshefte der Österreichischen archäologischen Institut*. Wien. Bd. 7.
- Diaconu G., 1963. *Archäologischen Angaben über die Taifalen* // *Dacia*. Bucuresti. T. 8.
- Diaconu G., 1965. *Tirgor: Necropola din secolele III—IV e. n.* Bucuresti.
- Diaconu G., 1966. *Spätsarmatische Elemente in der Sintane-Mures, Tschernjachow // Dacia*. Bucuresti. N. S. T. 10.
- Diaconu C., Constantinescu M., 1965. *Breve historie de la Transylvanie*. Bucuresti.
- Dicușescu C., 1922. *Die Gepiden*. Halle (Saale).
- Domanski G., 1975. *Studia z dziejów środkowego Nadodrza w III—I wieku p. n. e.* Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk.
- Duval P.-M., 1977. *Les Celtes*. Paris.
- Ebert M., 1913. *Die Ausgrabungen bei dem «Gorodok Nikolajewka» am Dnjepr*. Gouv. Cherson // *Prachistorische Zeitschrift*. Leipzig. Bd. 5.
- Ebert M., 1923. *Südrussland in Altertum*. Bonn; Leipzig.
- Eggers H. J., 1951. *Der römische Import im freien Germanien*. Hamburg.
- Eggers H. J., 1955. *Zur absoluten Chronologie der römischen Kaiserzeit im freien Germanien* // *Jahrbuch der Römisch-Germanischen Zentralmuseums*. Mainz. T. 2.
- Ejnar J., 1922. *Laténski památky na Slovensku a u Podkarpatski Rusi*. Praha.
- Filip J., 1956. *Keltové ve Střední Evropě*. Praha.
- Fruger-Guntli A., 1982. *Der «Goldfund von Saint-Louis» bei Basel und ähnliche keltische Schatzfunde* // *Zeitschrift für Schweizerische Archäologie und Kunstgeschichte*. Basel. Bd. 39, H. 1.
- Gajewski L., 1959. *Badania nad organizacją produkcji pracowni garmarskich z okresu rzymskiego w Igołni* // *Archeologia Polski*. Warszawa; Wrocław. T. 3.
- Die Germanen, 1976. *Geschichte und Kultur der germanischen Stämme in Mitteleuropa: Ein Handbuch in zwei Bänden*. Berlin. Bd. 1.
- Glusing P., 1964—1965. *Frühe Germanen südlich der Donau: Zur ethnische Deutung der spätlatenezeitlichen Grabfunde von Uttenhofen und Kronwinkle in Niederbahrn* // *Offa*. Bd. 21/22.
- Godłowski K., 1960. *Studia nad stosunkami społecznymi w okresie późnolateńskim i rzymskim w dorzeczu Ordy i Wisły*. Warszawa; Wrocław.
- Godowski K., 1969a. *Budownictwo, rozplanowanie i wielkość osad kultury przeworskiej na Górnym Śląsku* // *WA*. Warszawa. T. 36.
- Godowski K., 1969b. *Kultura przeworska na Górnym Śląsku*. Katowice; Kraków.
- Godowski K., 1970. *The Chronology of the Late roman and early migration periods in Central Europe*. Kraków.
- Godowski K., 1971. *Ukraina w okresie późnolateńskim i wpływów rzymskich* // *Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagellońskiego*. Kraków. T. 247. *Prace historyczne*. Z. 32.
- Godowsky K., 1974. *Chronologie okresu późnorzymskiego i wczesnego okresu wędrowek ludów w Polsce północno-wschodniej* // *Rocznik Białostocki*. Białostok. T. 12.
- Godowski K., 1977. *Okres lateński w Europie* // *Archeologia pierwotna i wczesnośredniowieczna*. Kraków. T. 4.
- Godowski K., 1979. *Z badań nad zagadnieniem rozprzestrzenienia słowian w V—VII w. n. e.* Kraków.
- Godowski K., 1981. *Kultura przeworska* // *Prahistoria ziem Polskich*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk. T. 5.
- Godowski K., 1982. *Północni barbarzyńcy i wojny markomańskie w świetle archeologii* // *Scripta archaeologica*. Warszawa. T. 2.
- Godowski K., 1985. *Przemiany kulturowe i osadnicze w południowej i środkowej Polsce w młodszych okresach przedrzymskim i w okresie rzymskim*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź.
- Goldshätze der Thraker: *Thrakische Kultur und Kunst auf bulgarischen Boden*. Katalog der Ausstellung. Wien, 1975.
- Graue J., 1974. *Die Gräberfelder von Ornavasso* // *Hamburger Beiträge zur Archäologie*. Hamburg. Beiheft 1.
- Hachmann R., 1957. *Jastorf-Funde ausserhalb der Jastorf-Kultur* // *Die Kunde*. Hannover. N. F. Bd. 8.
- Hachmann R., 1961. *Die Chronologie der jüngeren vorrömischen Eisenzeit* // *41. Berichte der Römisch-Germanischen Kommission*. 1960. Frankfurt a/M.
- Hachmann R., 1970. *Die Goten und Skandinawien*. Berlin.
- Hadacek K., 1900. *Grabarka Niesuchowska* // *Teka Konserwatorska*. Lwów. T. 6.
- Hadacek K., 1909. *Album przedmiotów wydobytych z grobów cmentarzyska ciapalnego koto Przeworska* // *Teka Konserwatorska*. Lwów. T. 3, z. 2.
- Hadacek K., 1912. *Kultura dorzecza Dniestru w epoce cesarstwa rzymskiego* // *Materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne*. Kraków. T. 12.
- Haffner A., 1974. *Zum Ende des Latenezeit im Mittelrheingebiet unter besonderer Berücksichtigung des Trier Landes* // *Archäologisches Korrespondenzblatt*. Mainz. Jg. 4, H. 1.
- Haffner A., 1979. *Zur absoluten Chronologie der Mittellatenezeit* // *Archäologisches Korrespondenzblatt*. Jg. 9, H. 4.
- Hensel W., 1971. *Szkice wczesnodziejowe* // *Slavia antiqua*. Kraków. T. 12.
- Hensel W., 1973. *Polska starożytna*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk.
- Hensel W., 1984. *Skad przyszli Stowianie*. Wrocław.
- Hodson F. R., 1964. *The Late Chronology*. Continental and British // *Bulletin of the Institute of Archaeology: University of London*. N. 4.
- Hodson F. R., 1968. *The La Tene Cemetery of Münsingen-Rhein*. Bern.
- Horedt K., 1967. *Zur Herkunft und Datierung der Kessel von Gundestrop* // *Jahrbuch des Römisch-Germanisches Zentralmuseums*. Mainz. Jg. 14.
- Ionița J., 1966. *Cultura Sintane de Mures-Cerneachov pe teritorial Rominej* // *Arheologia Moldovei*. Bucuresti. N. 4.
- Ionița I., 1974. *Necropola din secolul IV e. n. de la Miorcani (jud Botosani)* // *Cercetări istorice: Muzeul de istorie a Moldovei*. Iasi.
- Ionița I., 1975. *The socioeconomic structure of society during the Coths migration in Carpatho-Danubian area*. Bucuresti.
- Ionița I., 1986. *Chronologie der Sintane de Mures-Cerneachov-Kultur* // *Archaeologia Bulgarica*. Łódź. T. 7. *«Peregrinatio Gothica»*.
- Jacobsthal P., 1944. *Early Celtic art*. London.
- Jadczykowska I., 1981. *Budownictwo mieszkalne ludności kultury przeworskiej na obszarze Polski* // *Prace i materiały muzeum archeologicznego i etnograficznego w Łodzi*. Łódź. Ser. archeologiczne. N. 28.
- Jahn M., 1916. *Die Bewaffnung der Germanen in älteren Eisenzeit* // *Mannus-Bibliothek*. Würzburg. N. 16.
- Jahn M., 1921. *Die Reiterspora, seine Entstehung und früheste Entwicklung*. Lipsk.
- Jahn M., 1940. *Die Wandalen* // *Vorgeschichte der deutschen Stämme*. Berlin. Bd. 3.

- Jamka R., 1933. Gmentarzysko w Kopkach (pow. Nizki) na tle okresu rzymskiego w Małopolsce Zachodniej // *Przegląd archeologiczny*. Poznań. T. 5, z. 1.
- Janusz B., 1924. *Przedhistoriczna pracownia garnczarska w Holyniu pod Kaluszem. Lwów.*
- Jaskanis I., 1972. Cmentarzysko z okresu rzymskiego w Cecelach, pow. Stomiatyńskie w świetle badań z lat 1966–1977 // *Sprawozdania archeologiczne*. Wrocław. T. 24.
- Jajdowski K., 1948a. Kujawskie przyznaki do zagadnienia tubiltości Słowian na ziemiach Polskich // *WA*. Warszawa. T. 26.
- Jajdowski K., 1948b. Atlas do pradziejów Słowian // *Acta praehistorica Universitatis Lodzensis*. Łódź.
- Jajdowski K., 1968. Z problematyki początku słowiańszczyzny i Polski // *Acta Archaeologica Lodziensis*. Łódź. N 16.
- Kazanski M., Legoux R., 1988. Contribution à l'étude de témoignages archéologiques des goths en Europe Orientale à l'époque des Grandes Migrations: La chronologie de la culture de Cernjahov recente // *Archéologie médiévale*. Paris. T. 18.
- Keiling H., 1969. Die Vorrömische Eisenzeit im Elbe-Karthane-Gebiet. Schwerin, 1969.
- Keiling H., 1977. Zur Kulturgeschichtlichen Bedeutung des Fürstengraves von Lalendorf. Kr. Güstow // *Symposium Ausklang der Latene-Zivilisation und Anfänge der Germanischen Besiedlung im Mittleren Donaubereich*. Bratislava.
- Keiling H., 1979. Glöviz: Ein Urnenfriedhof der vorrömischen Eisenzeit im Kreis Perleberg. Berlin.
- Kempisty A., 1965. Obrządek pogrzebowy w okresie rzymskim na Mazowszu // *Światowit*. Warszawa. T. 26.
- Klindt-Jensen O., 1961. *Gundestrupkedelo*. København.
- Kmitciński J., 1962. Zagadnienie ied. kultury Gocko-Gepidzkiej na Pomorzu Wschodnim w okresie wczesnorzymskim // *Acta Archaeologica Lodziensis*. Łódź. N 11.
- Kokowski A., 1983. Stosunki kulturowe na Liubelszczyźnie od II w. p. n. e. do schyłku starożytności // *Archeologiczne listy*. Lublin. N 4.
- Kolendo J., 1981. Źródła pisane w badaniach nad strefami kulturowymi i etnicznymi Europy środkowej w okresie rzymskim // *Problemy kultury wielbarskiej*. Stupsk.
- Kolnik T., 1961. Pohrebnik w Besenove: Prispevek studií dobu rímskej na Slovensku // *SIA*. Bratislava. T. 9, č. 1/2.
- Kolnik T., 1965. K typologii i chronologii niektórych spon z młodszej doby rzymskiej na juhozápadnem Slovensku // *SIA*. Bratislava. T. 13, č. 1.
- Kolnik T., 1971. Pěhlád a stav bádaní o době římské a šťahování národov // *SIA*. Bratislava. T. 19, č. 2.
- Kossak G., 1962. Frühe römische Fieln aus dem Alpenland und ihre Bedeutung für die germanische Kultur verhältnisse // *Aus Bauerns Frühzeit*. München.
- Kostrzewski J., 1919. Die ostgermanische Kultur der Spätlatenezeit // *Mannus-Bibliothek*. Leipzig. N 48/19.
- Kostrzewski J., 1935. *Prsłowiańszczyzna* // *Biblioteka słowiańska*. Warszawa. Ser. 1. N 2.
- Kostrzewski J., 1949a. *Pradzieje Polski*. Poznań.
- Kostrzewski J., 1949b. *Dzieje polskich badań prehistorycznych*. Poznań.
- Kostrzewski J., 1961. Zagadnienie ciągłości zaludnienia ziem polskich od połowy II tys. przed n. e. do wczesnego średniowiecza. Poznań.
- Kostrzewski J., 1965. Zur Frage der Siedlungsstetigkeit in der Urgeschichte Polens von der Mitte des II Jahrtausens v. u. Z. bis zum frühen Mittelalter. Wrocław; Warszawa; Kraków.
- Kostrzewski J., Chmielewski Z., Jajdowski K., 1965. *Pradzieje Polski*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk.
- Kovács J. A., 1942. Marosszentannai népvándorláskori temető // *Dolgozatok*. Kolozsvár. K. 3.
- Kozak D. N., 1982. Eine Bestattung aus dem ersten nachchristlichen Jahrhundert am Oberlauf des Dnjestr // *Germania*. Berlin. Bd 62, H. 2.
- Kozłowski L., 1939. *Zarys pradziejów Polski południowo wschodniej. Lwów.*
- Kruszelnicka L., 1981. Osiedle kultury wielbarskiej w Ramoszu nad Bugiem // *Problemy kultury wielbarskiej*. Stupsk.
- Kruta V., 1979. Duchovno-Münsginen: Nature et diffusion d'une phase laténienne // *Colloque International "Les Mouvements celtiques du Ve au I<sup>er</sup> siècle avant notre ère"*, Nice, 1976. Paris.
- Kruta V., 1980. Les Boiens des Cispadane: essai de paléothnographie celtique // *Études Celtiques*. Paris. T. 20.
- Kruta-Poppi L., 1975. Les Celtes à Marzabotto (Province de Bologne) // *Études Celtiques*. Paris. T. 14.
- Kruta-Poppi L., 1979. La sépulture de Ceretolo (Province de Bologne) // *Études Celtiques*. Paris. T. 19.
- Kucharenko I., 1967. Le problème de la civilisation Gotho-Gepide en Polesie et en Volhynie // *Acta Baltico-Slavica*. Białystok. N 5.
- Kunias A., 1969. Chronologia napływu pieniądza rzymskiego na ziemię Małopolski // *Polskie Towarzystwo Archeologiczne*. Wrocław.
- Lamiova-Schmiedlová M., 1961. Spony z doby rzymskiej na Slovensku // *Studijné zvesti Archeologického Ústavu*. Nitra.
- Lamiova-Schmiedlová M., 1969. Römerzeitliche Siedlungskeramik in der Südoslowakei // *SIA*. Bratislava. T. 17, č. 2.
- Lehoczki T., 1982. Adatok hazánk archeológiaiához különös tekintettel Beregmegyére és környékére. Munkacs.
- Lehoczki T., 1988. Vaskori emlékekül Munkacs környékén // *Archaeologiai Értesítő*. Budapest. K. 28.
- Lehoczki T., 1912. Adatok hazánk archeológiaiához különös tekintettel Beregmegyére és környékére. Munkacs. K. 2.
- Lehr-Splawinski T., 1946. O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian. Poznań.
- Lehr-Splawinski T., 1956. Kilka uwag o stosunkach językowych celtyko-prasłowiańskich // *Rocznik slawistyczny*. Warszawa. T. 18, z. 1.
- Leski Z., 1936. Prace archeologiczne na Wolyniu // *ZOW*. Poznań. N 4/5.
- Liana T., 1970. Chronologia względna kultury przeworskiej we wczesnym okresie rzymskim // *WA*. Warszawa. T. 35, z. 4.
- Łowmiański H., 1963. *Początki Polski*. Warszawa. T. 1.
- Macrea M., 1959. Santierul arheologic Casolt-Boita // *Materiale si cercetari arheologice*. Bucuresti. T. 6.
- Madgda R., 1977. Sprzeczki i okucia pasa na ziemiach Polskich w okresie rzymskim // *MSW*. Warszawa. T. 4.
- Mainardi-Pandžić N., 1970. Keltsko-latenska kultura u Slavoniji i Srijemu. Vinkovci.
- Marciniak J., 1957. Cmentarzysko ciałopalne z okresu późnolateńskiego w Wilanowie k/o Warszawy // *MS*. Warszawa. T. 2.
- Marić Z., 1963. Keltski elementi u mlodem željeznom dobu Bosne i Hercegovine // *Glasnik zemaljskog Museja u Sarajevu*. Sarajevo. N 5, sv. 18.
- Marinescu-Bilcu S., 1963. Noi urne Bastarne in Moldova de Nord-Vest // *SCIV*. Bucuresti. V. 2, an. 14.
- Meduna J., 1970. Das keltische Oppidum Staré Hradisko in Mähren // *Germania*. Berlin. Bd 48.
- Megaw J. V. C., 1970. Art of the European Iron Age: A Study of the Elusive Image. Bath.
- Michalescu-Birliba V., 1980. Un nouveau groupe culturel sur le territoire de Roumanie les fouilles de Bratiste-Nemisor // *Dacia*. Bucuresti. N. s. T. 24.
- Müller K., 1888. *Weltkarte des Castorius genannt die Peutingerische Tafel*. Ravensburg.
- Mitrea B., Predač, 1966. Necropole din secolul al IV-lea e. n. in Muntenia. Bucuresti.
- Mócsy A., 1959. Die Bevölkerung von Pannonien bis zu den Markomannen Kriegen. Budapest.
- Motyková-Snědrová K., 1963. Die Anfänge der römischen Kaiserzeit in Böhmen // *Fontes Archaeologici Pragenses*. Praha. V. 6.
- Motyková-Snědrová K., 1965. Zur Chronologie der ältesten römischen Kaiserzeit in Böhmen // *Berliner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte*. Berlin. Bd. 5.
- Müller R., 1985. Die Grabfunde der Jastorf- und Laténezeit an unterer Saale und Mittelbelle. Berlin.
- Niederle L., 1901. *Slovanské starožitnosti*. Praha.
- Nowogwowski A., 1981. Obrządek pogrzebowy ludności kultury przeworskiej na przełomie er. Wrocław; Warszawa; Kraków.
- Okulicz J., 1971. Cmentarzysko z okresu późnolateńskiego i rzymskiego w miejscowości Dobrzankowo, pow. Przasnysz // *MSW*. Warszawa. T. 1.
- Okulicz J., 1973. *Pradzieje ziem pruskich od póżnego paleolitu do VII w. n. e.* Wrocław; Warszawa; Kraków.
- Parducz M., 1944. *Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns* // *Archaeologia Hungarica*. Budapest. Bd 28.
- Páron V., 1926. *Galien*. Bucuresti.
- Páron V., 1928. *Dacia*. Cambridge.
- Peschek C., 1939. Die frühwandalische Kultur in Mittelschlesien. Leipzig.
- Peschek K., 1968. Der Horizont von Grossromstedt in Rahmen der Eisenzeit der südlichen Mitteleuropa // *ZfA*. Berlin. Jg. 2.
- Peschek K., 1972. Fibel mit Spiralfuss // *ZfA*. Berlin. Jg. 6.
- Petka-Dubrowska T., 1966. Przyczynki do znaności okresu od I do VI w. n. e. z międzyrzecza Dniepru i Bugu // *WA*. Warszawa. T. 27, z. 2.
- Plener R., 1962. *Staré europejské kovárství*. Praha.
- Pokorny J., 1938. *Urgeschichte der Kelten und Ylliren*. Halle.
- Polenz H., 1971. Mittel- und spätlatenezeitliche Brandgräber aus

- Dietzenbach, Landkreis Offenbach am Main // Studien und Forschungen. Landen. H 4.
- Polenz H., 1978. Gedanken zu einer Fibel von Mittellatenseschema aus Käyserli in Anatolien // Bonner Jahrbücher. Bonn. Bd 178.
- Prähistoria ziem Polskich: Późny okres lateński i okres rzymski. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1981. T. 5.
- Protase D., 1966. Problem continuității în Dacia în lumina arheologică și numismatică. București.
- Raddatz K., 1957. Der Thorsberger Moorfund: Gürtelteile und Körperschmuck // Offa-Bücher. Bd 13.
- Raeu B. A., 1986. Roman imports in Lower Don Basin // Bar International Series. Oxford.
- Range-Borchling A., 1963. Das Urnengraberfeld von Hornbek in Holstein // Offa-Bücher. Bd 18.
- Rau P., 1928. Die Hügelgräber römischer Zeit an der unteren Wolga. Pskrowsk.
- Rau G., 1972. Körpergräber mit Claspbeigaben des 4. nachchristlichen Jahrhunderts im Oder-Weichsel-Raum // Acta Praehistorica et Archaeologica. T. 3.
- Reinecke P., 1902. Zur Kenntnis der La Tene-Denkmal der Zone nordwärts der Alpen. Mainz.
- Reinecke P., 1906. Aus der russischen archäologischen Literatur // Mainzer Zeitschrift. Mainz. N 1.
- Richtchofen B., 1928. Germanische Krausgefäße des 4. Jahrhunderts n. u. z. aus der Provinz Oberschlesien und ihre weitere Verbreitung // Mannus Ergänzungsband. Leipzig.
- Rieckhoff S., 1975. Münzen und Fibeln aus dem Vicus des Kastelles Hüfingen // Saalburg Jahrbuch. Bd 32.
- Rosen-Przeorowska J., 1946–1947. Zabytki celtyckie na ziemiach Polski // Światowit. Warszawa. T. 49.
- Schuchkin M. B., 1989. Rome and Barbarians of the East and Central Europe in 1 cent. B. C. — 1 cent. A. D. // BAR International Series. Oxford.
- Schlering W., 1975. Zeitstellung und Herkunft der Bronzezeitula von Waldalgesheim // Hamburger Beiträge zur Archäologie. Hamburg. Bd 5. H 1.
- Schindler R., 1940. Die Besiedlungsgeschichte der Goten und Gepiden, in unteren Weichselraum auf Grund der Tongefäße. Leipzig.
- Schlitz A., 1943. Die Schädel aus dem Nekropol von Nikolajewka // Praehistorische Zeitschrift. Leipzig. Bd 5.
- Schmidt B., 1961. Die späte Völkerwanderungszeit in Mittel Deutschland // Veröffentlichungen des Landesmuseums für Vorgeschichte. Halle. H. 18.
- Schmidt-Thielbeck E., 1967. Das Gräberfeld von Wahlitz. Berlin.
- Schmitz S., 1922. Sprawozdanie z poszukiwań archeologicznych w Hryniewiczach Wielkich koło Bielska Podlaskiego // WA. Warszawa. T. 7.
- Seyer H., 1982. Siedlung und archaische Kultur der Germanen im Havel-Spree-Gebiet in den Jahrhunderten vor Beginn u. Z. Berlin.
- Šimek E., 1953. Velká Germanie Klaudia Ptolemea. Brno. T. 4.
- Šimek E., 1958. Poslední Keltové na Morave. Brno.
- Smiszko M., 1932. Kultury wczesnego okresu epoki cesarstwa rzymskiego w Małopolsce Wschodniej. Lwów.
- Smiszko M., 1934. Osady kultury lipieckiej // Przyczyniki do poznania epoki cesarstwa rzymskiego w południowoschodniej Polsce. Lwów.
- Smiszko M., 1935. Znaleziiska wczesnorzymskie w Kolokolimie, pow. Rohatyński // WA. Warszawa. T. 13.
- Smiszko M., 1936. Stan i potrzeby badań nad okresem cesarstwa rzymskiego w Południowo-Wschodniej Polsce // WA. Warszawa. T. 14.
- Sova-Gmitrov P., 1958. Nové lateńské nálezy na Zakarpatske Ukraïne // SLA. Bratislava. T. 6. č. 1.
- Sulmistrski T., 1934. Kultura wysoka. Kraków.
- Sulmistrski T., 1970. Zagadnienie starożytnych Wenetów-Wenedów na ziemiach słowiańskich // Kongres społecznej nauki i kultury polskiej na Ojcziźnie. London.
- Svoboda B., 1965. Čechi v době stěhování národů. Praha.
- Szabó M., 1971. The Celtic Heritage in Hungary. Budapest.
- Szczukin M., 1981. Zabytki wielbarskiej i kultury czerniachowska // Problemy kultury wielbarskiej. Słupsk.
- Szombathy J., 1894. Prähistorische Recognoscierungsentwurf nach der Bukowina im Jahre 1893 // Jahrbuch des Bukowiner Landes-Museums. Czernowitz.
- Szosa-Gmitrov P., 1942. Ungvár őskora. Hajnal.
- Tackenberg K., 1930. Zu den Wanderungen der Ostgermanen // Mannus. Leipzig. N 22.
- Tackenberg K., 1962–1963. Zu den Funden von Lukaschewka un Bezirk Kischenew Moldav Republik // Alt-Thüringen. Weimar. T. 6.
- Tejral J., 1969. Zur Chronologie der älteren römischen Kaiserzeit im Lichte mährischen und westslowakischer Bodenfunden // Zborník filozofickej fakulty univerzity Komenského. Bratislava. R. 20(9).
- Tejral J., 1972. Die Donauländische Variante der drehscheiben Keramik mit eingedellter Verzierung in Mähren und ihre Beziehung zur Tachernjachower Kultur // Vznik a počátky Slovanů. Praha. T. 7.
- Tejral J., 1982. Morava na sklonku antiky. Praha.
- Tejral J., 1986. Fremde Einflüsse und kulturelle Veränderungen nördlich der mittleren Donau zu Beginn der Völkerwanderungszeit // Archaeologia Baltica. Lódz. T. 7: «Peregintio Gothica».
- Teodor S., 1967. Contribuții la cunoașterea ceramicii din sec. III–II e. n. din Moldova // SCIV. București. V. 1.
- Teodor S., 1984. Descoperiri din epoca Latene în zona Neamului // Thraco-Dacia. București. T. 5.
- Thomas S., 1960. Studien zu den germanischen Kämnen der römischen Kaiserzeit // Arbeit und Forschungsgeschichte zur sächsischen Bodendenkmalspflege. Leipzig. Bd 8.
- Tischler O., 1885. Über Gliederung der La-Tene Periode und über die Dekoration der Eisenwaffen in dieser Zeit // Korrespondenzblatt der deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. Jg 16.
- Točik A., 1959. K otazke osídlenia juhozápadného Slovenska na zlome letopočtu // AR. Praha. R. 11. č. 6.
- Todorović J., 1968. Kelti u Južnoistočnoj Evropi. Beograd.
- Todorović J., 1972. Pratorijaska Karaburma. Beograd.
- Todorović J., 1974. Skordisci. Novi Sad; Beograd.
- Tymieniecki K., 1952. Droga Gotów na południe // Archeologia. Warszawa. T. 3.
- Váná Z., 1980. Poznámky k etnogenezi a diferenciácii Slovanů z hľadiska poznatkov archeologie a jazykovedy // Památky archeologické. Praha. T. 71.
- Viollier D., 1916. Les sepultures du second âge du fer sur plateau Suisse. Genève.
- Vulpe R., 1953. Săpăturile de la Poienesti din 1949 // Materiale arheologice privind istoria veci a RPR. București. T. 5. an. 1.
- Vulpe R., 1955. Le problème des Bastarnes à la lumière des découvertes archéologiques en Moldavie. București.
- Vulpe R., 1957. Izvoare: Săpăturile din 1938–1948. București.
- Vulpe R. et E., 1924. Les fouilles de Tinosul // Dacia. București. T. 1.
- Vulpe R. et E., 1927. Les fouilles de Poiana // Dacia. București. T. 3/4.
- Werner J., 1956. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München.
- Werner J., 1973. Bemerkungen zur Mitteldeutschen Skelettgräbergruppe Hasleben-Leuna // Festschrift für Walter Schlesinger. Köln; Wien. Bd 1.
- Wielowiejski J., 1960. Przemiany gospodarczo-społeczne ludności południowej Polski w okresie późnolateńskim i rzymskim // MS. Warszawa. T. 6.
- Woląiewicz R., 1970. Napływ importów rzymskich do Europy na północ od środkowego Dunaju // Archeologia Polski. Warszawa. T. 15. z. 1.
- Woląiewicz R., 1974. Zagadnienie stylu wczesnorzymskiego w kulturze wielbarskiej // Studia Archaeologica Pomeranica. Koszalin.
- Woląiewicz R., 1984. Kultura wielbarska: Problemy interpretacji etnicznej // Problemy kultury wielbarskiej. Słupsk.
- Woźniak Z., 1970. Osadnictwo celtyckie w Polsce. Wrocław; Warszawa; Kraków.
- Woźniak Z., 1974. Wschodnie pogranicze kultury lateńskiej. Wrocław; Warszawa; Kraków.
- Zakhaas G., 1971. Der Bronzezeit von Waldalgesheim // Hamburger Beiträge zur Archäologie. Hamburg. Bd 1, H. 2.
- Zatlukl J., Zatlukl E., 1937. Adatok Podkarpatzka Rusz praehistoriajához. Munkács.
- Zeman J., 1961. Severní Morava v mladší době římské. Praha.
- Zigbea M., 1962. Fibule din sec. III și VI e. n. des copierito în săpăturile arheologice de la Militari // Cercetări arheologice în București. București.
- Zirra V., 1967. Un cimitir celtic în nord-vestul României. București.
- Zirra V., 1971. Beiträge zur Kenntnis des keltischen Latene in Rumänien // Dacia. București. T. 15.

## Список сокращений

- АЛЮР — Археологическая летопись Южной России  
 АО — Археологические открытия  
 АП УРСР — Археологічні пам'ятки УРСР  
 АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа  
 БАН — Белорусская академия наук  
 ВДИ — Вестник древней истории  
 ГИМ — Государственный Исторический музей  
 ГЭ — Государственный Эрмитаж  
 ЗРАО — Записки Русского археологического общества  
 ИА — Институт археологии АН СССР  
 ИАК — Известия Археологической комиссии  
 КЗ ВУАК — Короткі звідомлення Всеукраїнської археологічної комісії  
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР  
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии  
 АН УССР    АН УССР  
 КСИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры  
 ЛГУ — Ленинградский государственный университет  
 МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья  
 МДАПВ — Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині  
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР  
 МКАС — Международный конгресс археологов-славистов  
 НТШ — Наукове товариство ім. Т. Шевченка  
 САИ — Свод археологических исследований  
 СЭ — Советская этнография  
 ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР  
 УІЖ — Український історичний журнал  
 ХРАМ — Хроніка археології та мистецтва  
 AR — Archeologické rozhledy  
 MS — Materiały starożytne  
 MSW — Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne  
 SC — *Latyšev B. B. Scythica et Caucasia*: Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1893—1900. Т. 1: Греческие писатели; СПб., 1904. Т. 2: Латинские писатели.  
 SIA — Slovenská archeológia  
 SCIV — Studii și cercetări de istorie veche  
 SCIVA — Studii și cercetări de istorie veche și arheologia  
 WA — Wiadomości archeologiczne  
 ZOW — Z otchłani wieków  
 ZFA — Zeitschrift für Archäologie

## Подписи к таблицам

**Таблица I. Хронология полевского варианта зарубиной культуры**

1—24 — фибулы; 2—51 — сосуды; 1, 2, 17, 23, 32, 35, 41, 46, 48, 50 — Воронино; 3—11, 13—16, 19—21, 24, 26, 29—31, 36—38, 47, 51 — Велемичи; 11; 12, 18, 22, 25, 27, 28, 33, 34, 40, 45, 49 — Велемичи; 1; 39 — Рубель; 42—44 — Отвержики. Составитель К. В. Каспарова

**Таблица II. Относительная хронология керамики и вещей Чаплинского зарубиной культуры**

1—3, 10, 11, 13, 14, 21, 22, 25—33, 36—41 — сосуды; 4—9, 12, 15—19, 34 — фибулы (4, 5 — вариант Н; 6 — вариант П/Р; 7 — вариант Ф; 8 — вариант С; 9 — вариант О; 12 — вариант Л; 18 — вариант Д; 19 — вариант М; 34 — вариант Г2; с треугольным щитком на ножке: 15 — вариант 1, 16 — переходный вариант ГП/III, 17 — вариант ГП; 20 — игла; 23, 42, 43 — браслеты; 24 — поясная скрепа; 35, 48 — наконечники копий; 44 — проножи; 45, 46 — кольца; 47 — сольгамы; 49 — нож; 50—52 — гистограммы процентного соотношения лощенной и грубообработанной посуды по периодам относительной хронологии могильника (а — лощенная керамика; б — керамика с шероховатой поверхностью). Составитель А. М. Обломский

**Таблица III. Планы зарубиных городищ и раскопанных участков на поселениях**

1 — городище Бабин Гора; 2 — городище и могильник у с. Чаплин; 3 — городище Пилипенкова Гора; 4 — развал укреплений городища Бабин Гора; 5 — план центрального раскопа на поселении Оболнов; 6 — план восточного раскопа на городище Пилипенкова Гора; а — жилища; б — гумус; в — насыпь вала; г — заполнение рвов; д — каменные вымостки; е — очаги; ж — контуры раскопок; з — вал; и — обрыв; к — деревья. Составитель И. П. Русанова

**Таблица IV. Планы жилищ и хозяйственной имы зарубиной культуры**

1, 2 — городище Чаплин; 3 — городище Горонков; 4 — поселение Велемичи; 5 — поселение Отвержики; 6, 8, 9 — городище Пилипенкова Гора; 7 — поселение Великие Дятровичи; а — ямы в материке; б — очаги; в — камия. Составитель И. П. Русанова

**Таблица V. Планы зарубиных могильников**

1 — Велемичи; 2 — Дедов Шиль; 3 — Пирогов; 4 — Отвержики; 5 — Корчеватое; 6 — Чаплин; а — погребения безуровневые в круглых ямах; б — погребения в урнах; в — погребения безуровневые в длинных ямах; г — кенотафы; д — труположения; е — погребения черепом; ж — случайные находки; з — погребения кони; и — жилища; к — выкладки из глея; л — ямы; м — обрывы. Составитель И. П. Русанова

**Таблица VI. Погребения зарубиной культуры**

1, 5, 6 — Чаплин (погребения 45, 268, 277); 2, 7—9 — Воронино (погребения 2, 3, 32); 3, 9 — Велемичи (погребения 7, 92); 4 — Отвержики (погребения 17); 10 — Дедов Шиль (погребения 1); 11, 12 — Пирогов (погребения 6, 26); а — пережженные кости; б — обожженное дерево; в — пахотный слой; г — предметный слой; д — материк; е — череп; ж — уголь. Составители Е. В. Максимов, И. П. Русанова

**Таблица VII. Посуда зарубиной культуры на Среднего Поднепрорья**

1 — Межиричи; 2, 15, 17 — Зарубичи; 3, 5, 8—10, 14, 16 — Пирогов; 4 — Пилипенкова Гора; 6, 7 — Лютен; 11 — Князов; 12 — Пыляльнички; 13, 19 — Корчеватое; 18 — Вишени; 20 — Субботов. Составитель Е. В. Максимов

**Таблица VIII. Посуда на зарубиных могильниках Полесья**

1, 2, 7—10, 12, 18, 19, 25, 26, 28—30, 34, 38, 40, 41, 44, 46 — Велемичи; 3, 5, 6, 11, 13, 15, 16, 20, 23, 24, 27, 32, 36, 42, 49—51 — Отвержики; 4, 14, 17, 21, 22, 31, 33, 35, 37, 39, 43, 45, 47, 48 — Велемичи. Составитель К. В. Каспарова

**Таблица IX. Орудия труда и оружие зарубиной культуры**

1, 4, 5, 11, 13, 14, 16, 20, 21, 24—28 — Чаплин; 2 — Таценки; 3,

7, 31 — Ходосовка; 6 — Субботов; 8, 17, 22, 30 — Пилипенкова Гора; 9, 15, 18, 19 — Оболнов; 10, 12 — Бабин Гора; 23 — Корчеватое; 29 — Марьяновка; 1, 2 — топоры; 3 — лопатки; 4—7, 9 — рыболовные крючки; 8 — игла; 10 — коса; 11—13 — серпы; 14—16 — приседа; 17 — глиняный тигель; 18, 19 — шпору; 20, 21 — наконечники стрел; 22 — гвозди; 23 — 27 — наконечники копий; 28—30 — ножи; 31 — точильный брусок. Составитель Е. В. Максимов

**Таблица X. Фибулы зарубиной культуры (типологии и хронологии)**

Проволочные и узкопластинчатые фибулы по модифицированной классификации Ю. В. Кухаренко: Тип 2: вариант Б — 25; вариант В — 19, 24; вариант Г1 — 21; вариант Г2 — 11, 15, 20; вариант Г3 — 9; вариант Д — 8, 10; Тип 3: вариант Л — 12; вариант М — 13; вариант Н — 2; вариант П — 5; вариант Р — 6; вариант О — 4; вариант С — 7; вариант Т — 3; Тип 4: вариант Ф — 1. По классификации А. К. Амброза: Группа 1 — «фибулы среднеазиатской схемы»; подгруппа 1 — «расчлененные фибулы» — 19, 24, 25; подгруппа 3 — «гладкие проволочные фибулы» — 8—11, 15, 20, 21; Группа 2 — «фибулы поволжско-каспийской схемы» («расчлененные») — 2, 12, 13 («прямая и прогнутым корпусом»); Группа 4 — «однолопастные поперечные фибулы»; подгруппа 2 — «с прогнутым корпусом» — 5, 6; подгруппа 1 — «с почти прямым корпусом» — 4; подгруппа 3 — «фибулы бойев» — 3; Группа 6: вариант щитовые фибулы — 7; Группа 16 — «протупые подвешиваемые фибулы: однолопастные фибулы верхнеднепровской серии — 1. Фибулы с треугольным щитком на ножке по А. М. Обломскому: вариант I — 22, 26; вариант П — 23; вариант III — 16—18; вариант IV — 14, 1, 2, 7, 8, 10, 12, 13 — Чаплин: 1 — погребение 25, 2 — погребение 129; 7 — погребение 152, 8 — погребение 246, 10 — погребение 7, 12 — погребение 89, 13 — погребение 216, 3, 21, 23, 25 — Велемичи: 1 — погребение 47, 21 — погребение 89, 23 — погребение 88, 25 — погребение 108; 4, 5, 11, 14, 17, 18 — Велемичи: 11 — 4 — погребение 93, 5 — погребение 85, 11 — погребение 59, 14 — погребение 58, 17 — погребение 84, 18 — погребение 23; 6 — Отвержики, погребение 1; 9 — Витачев, погребение 2; 15, 19, 20, 22, 26 — Воронино: 15 — погребение 29, 19 — погребение 25, 20 — погребение 16, 22 — погребение 9, 26 — погребение 4; 16, 24 — Пирогов: 16 — погребение 24, 24 — погребение 26. Составитель А. М. Обломский

**Таблица XI. Украшения с памятников зарубиной культуры**

1, 2, 6, 9, 14 — булавки; 3, 4, 11, 12, 24 — кольца; 5, 17 — стиральки; 7, 8, 10, 13, 16 — привески; 15, 26, 28 — принадлежность пояса; 18, 19 — бусы; 20, 21, 25, 27 — браслеты; 22 — сольгамы; 23 — бляшка; 1, 6, 14 — Велемичи; 11; 2, 7—10, 17, 26 — Велемичи; 1; 3, 11, 15, 22, 24, 25, 27 — Чаплин; 4, 5, 21 — Воронино; 12, 18 — Субботов; 13, 16, 28 — Отвержики; 23 — Горшков. Составитель И. П. Русанова

**Таблица XII. Датированные вещи финала классической зарубиной культуры и подзарубиной культуры периода**

1, 2, 4—15, 17—28, 30—40 — фибулы; 3 — подвеска-луныца; 16 — шпору; 29 — пряжка; 1 — Пасечное; 2 — Новки; 3 — Осиповка; 4 — Лютен; 5 — Коржи; 6 — Оболнов; 7, 8, 10 — Корчеватое; 9 — Сахиовка; 11, 12 — Девич Гора; 13 — Рахми, селище; 14, 15, 17, 18, 20, 21 — Рахми, могильник; 16, 19 — Марьяновка; 22—27 — Чаплин; 28, 29, 31, 32, 34 — Почен; 30, 33 — Сынково; 35, 36, 38 — Велемичи; 1; 37, 39 — Велемичи; 40 — Семурадки. Составитель А. М. Обломский

**Таблица XIII. Грубообъемные сосуды подзарубиной культуры периода**

1—4, 6 — Марьяновка; 5 — Рахми, могильник; 7—14 — Лютен; 15 — Партизанское; 16, 17, 19 — Сынково; 18 — Киселева; 3; 20 — Почен; 21 — Железное; 22, 24—26, 29 — Приоскольское; 23 — Терновка; 27 — Осиповка (Пляж); 28 — Жерновец. Составитель А. М. Обломский

**Таблица XIV. Миски на памятниках подзарубиной культуры периода**

1, 2, 4—7 — Марьяновка; 3 — Носовки; 8 — Рахми, могильник; 9—19 — Лютен; 20, 26 — Сынково; 21—23, 25, 28 — Почен; 24 — Колодезный Бугор; 27 — Чулатова; 29—31 — Картамышево; 2;

32 — Картамышево; 41 — Приоскольское; 34 — Оспенка (Пляж). Составитель А. М. Обломский

**Таблица XV. Жилые и хозяйственные постройки подзонару- рических памятников**

1 — реконструкция горня 4 поселения Лютеж; 2 — яма для выжигания древесного угля; 3 — сыроступильные горни; 4 — 6 — ямы-погребы; 7, 8 — небольшие постройки с очагами; 9 — постройки-хранилища; 10—19 — жилища; 1—3, 10, 11 — Лютеж; 4, 7, 17 — Почен; 5, 6, 9 — Терновка II; 12, 13, 14 — Приоскольское; 13 — Бовки; 15 — Гриня I; 16 — Киселевка; 3, 18, 19 — Сивьково. Составитель А. М. Обломский

**Таблица XVI. Грубообделанная посуда памятников типа Гриней**

1 — Решетки; 2, 4, 10 — Гриня I; 3, 9 — Гриня II; 5—8 — Бовки. Составитель А. М. Обломский

**Таблица XVII. Орудия труда, предметы вооружения и некоторые украшения подзонару- рического периода**

1—8 — присидки; 9, 10 — наконечники стрел; 11, 15, 16 — подвески; 12—14 — кольца; 17, 18, 22, 23 — браслеты; 19 — гривна; 20, 21 — скальпы; 24 — обломок пилы; 25 — рыболовные крючки; 26, 29 — булавы; 27 — крок от багра; 28 — игла; 30 — пробойник; 31 — зубило; 32 — мотыга; 33, 34, 41—43 — серпы; 35, 38, 44 — серповидные ножи; 36, 37, 39, 40, 45, 46 — ножи; 1, 32, 35, 38 — Сивьково; 2, 12, 15, 41, 45 — Марьяновка; 3, 9, 10, 13, 14, 20, 21, 22, 28, 33, 34, 36, 37, 40, 44 — Почен; 4, 6, 29, 39 — Приоскольское; 5, 7, 46 — Терновка II; 8, 26 — Гриня I; 11 — Селдиче; 16 — Корж; 17—19, 22, 23 — Рахна (могиляник); 24, 25, 30, 31, 42, 43 — Лютеж. Составитель А. М. Обломский

**Таблица XVIII. Жилища и погребения шневорской культуры**

1—5, 7, 9 — Подберезы; 6 — Зубры; 8 — Горышка Полонка; 10 — Пасеки-Зубрецы; 11—13 — Гриня; а — развал глиняной обмазки; б — очаг на камнях; в — глиняный очаг; г — ямы в материке; д — гумусный слой; е — материк; ж — черепки сосудов. Составитель И. П. Русанова

**Таблица XIX. Посуда из могильников и поселений шневорской культуры**

1, 8 — Давыдов; 2, 3, 5, 25, 29, 31, 33, 34, 36 — Подберезы; 4, 9, 37, 39 — Пасеки-Зубрецы; 6 — Криспиды; 7, 11—13 — Соколы; ножи; 10 — Капустинцы; 14, 17, 21, 22, 32, 38 — Горышка Полонка; 15, 19 — Хоров; 16, 22, 24, 27 — Борати; 18 — Зубры; 20, 28, 30, 35 — Гриня; 26 — Моастариха; 40 — Бендоты; 2, 7, 12, 13, 28 — гончарная; остальная — лепная. Составитель И. П. Русанова

**Таблица XX. Посуда с памятников шневорской культуры**

1, 2 — Гриня; 3—6 — Подберезы; 7 — Звенигород; 8 — Зубры; 9 — Моастариха. Составитель Э. А. Симоненчик

**Таблица XXI. Орудия труда и бытовые предметы с памятников шневорской культуры**

1—9, 18, 25 — глиняные присидки; 10, 11 — ключи; 12 — железная оковка; 13 — кресало; 14 — игла; 15, 17 — тесла; 16 — топор; 19, 20, 23 — ножи; 21 — долото; 22 — костяная игла; 24 — лычка; 26 — пружинные ножики; 1—9, 11, 21, 22 — Подберезы; 10, 13, 19, 23, 26 — Гриня; 12 — Добрыстан; 14 — Сокалы; 15—18, 24, 25 — Соколы; 20 — Загайя. Составитель И. П. Русанова

**Таблица XXII. Украшения с памятников шневорской культуры**

1, 4, 6—9, 12, 13, 19, 20, 23 — фибулы; 5, 14—18, 21, 25 — пряжки; 10 — поясная застежка; 11 — костяная гребень; 22 — шпильчатый пояс; 24 — поясный крючок; 26 — бронзовая булава; 27 — наконечник ножа; 1, 2, 7 — Подберезы; 3, 11 — Соколы; 4, 20 — Звенигород; 5, 10 — Добрыстан; 6 — Пасеки-Зубрецы; 8 — Сокалы; 9 — Иване-Золотое; 12—19, 21, 22, 24, 27 — Гриня; 23, 25 — Лучка; 26 — Горышка Полонка. Составитель И. П. Русанова

**Таблица XXIII. Оружие с памятников шневорской культуры**

1—4, 13, 14, 16, 23 — наконечники копий; 5—7, 17, 21, 22 — шпоры; 8 — рукоятки щитов; 10, 18, 19, 20, 24 — мечи; 11, 12 — умбоны щитов; 15 — наконечник древка копья; 1, 2, 9 — Переводы; 3, 6, 8, 10, 17 — Добрыстан; 4 — Капустинцы; 5, 20 — Петровы; 7 — Криспиды; 12, 19 — Перельники; 13—16, 22—24 — Гриня; 17, 18 — Звенигород; 21, 23 — Лучка. Составитель И. П. Русанова

**Таблица XXIV. Орудия труда с поселения Галин-Ловачка и рабочая площадка с «чужками» Новоляновского центра черной металлургии**

1 — рабочая площадка в Ново-Клянове; 2 — косы; 4, 8 — серпы; 5, 6 — ножи-секачи; 7 — ножи; 10 — пружинные ножи-

пм; 11 — молоток; 12 — тесло; 13, 14 — наковальня; 15, 16 — на- ральник; 17 — щипцы; 18 — кизы; 19 — топор-колот; 20 — цепь для подвешивания котла; а — глиняная обмазка; б — металлур- гические «чужки»; в — уголь; г — материк. Составитель И. П. Ру- санова

**Таблица XXV. Оружие и предметы конского снаряжения с посе- ления Галин-Ловачка и кургана XI Куштавоны**

1, 2 — мечи; 3, 5, 10, 11, 17 — наконечники копий; 6—9 — на- конечники стрел; 12—15 — удила и псалии; 16 — чека оси повоз- ки; 18 — наконечник дробки; 1—16, 18 — Галин-Ловачка; 17 — Куштавоны. Составитель И. П. Русанова

**Таблица XXVI. Украшения с латесных памятников Закарпатья**

1, 15—17 — цепи; 2, 4—7, 13 — фибулы; 3, 18 — поясные крючки; 8—11 — бусины; 12 — бронзовый идол; 14 — поясной крючок в ви- де головы быка; 19—22 — браслеты; 1, 5, 6, 8—11, 15—22 — Галин-Ловачка; 2—4, 7 — Куштавоны, курган XI; 12 — Мало- битанский клад; 13 — Бобовое; 14 — Мукачьево. Составитель М. Б. Шуклин

**Таблица XXVII. Латесные вещи на находках к востоку от Кирпэт**

1, 7, 8 — художественные фибулы; 2, 3 — чеканные пластины; 4 — бронзовая фибула; 5 — браслет на свирепости; 6 — фибула, пере- ходная от художественных к «лаукновидным»; 9 — гривна с мале- чными печатными окончаниями; 10 — «лаукновидная» фибула; 11 — фибула типа Говора Сад; 12, 14 — художественные фибулы с «гусиной» спинкой; 13 — «волнистая» гривна; 14 — Каляфа; 2, 3 — Бобуны; 4 — Городица; 5 — Горохово; 6 — Биевцы; 7 — Липля; 8 — Залесье; 9 — Макаров Остров; 10, 11 — Надо- ровье; 12 — Долиняны; 13 — Пекари; 14 — Тростяница. Составитель М. Б. Шуклин

**Таблица XXVIII. Посуда из латесных памятников Закарпатья**

1—6, 20, 24 — гончарная; 7—19, 21—23 — лепная; 1, 2, 4, 7 — Бобовое; 3, 6, 8—20, 23, 24 — Галин-Ловачка; 5 — Куштавоны, курган XI; 21, 22 — Верхние Реметы. Составитель И. П. Русанова

**Таблица XXIX. Жилища и погребения культуры Поиншти-Лу- кашевка**

1 — план поселения Лукашевка II; 2, 4 — жилища на поселении Лукашевка II; 3 — жилище на поселении Ульма; 5 — жилище на поселении Крутки; 6 — жилище на поселении Борошты; 7 — план могильника Лукашевка; 8 — погребение в Крутках; 9 — Поиншти, погребение 163; 10—12 — Борошты; 10 — погребения 113, 114, 17 — погребение 7, 12 — погребение 79; 13—17 — До- лияны; 13 — план части раскопанной территории, 14 — погреб- ление 9, 15 — погребение 18, 16 — погребение 22, 17 — погреб- ление 2; а — обожженная глина; б — пережженные кости; в — погребения урновые; г — погребения урновые, закрытые крышками; д — безурновые погребения; е — керамика; ж — бусы; з — присидки; и — браслет; к — фибула; л — нож; ж — камни; и — почва; о — материк; п — сврати; р — раскопанные участки на поселении; с — дерн; т — материк. Составитель И. П. Русанова

**Таблица XXX. Периодизация и хронология культуры Поиншти- Лукашевка**

1—7, 9, 16—20, 52—56 — фибулы; 8, 32, 36, 88 — браслеты; 10 — наконечник римского глдиуса; 11, 12 — ножи; 13 — на- конечник футляра ножа; 14, 15, 24—28, 39—47, 58, 59, 61—65, 68—86 — сосуды; 21—23, 34, 35, 48—50, 66 — поясные крючки; 29, 30, 37, 60 — бусины; 31, 38 — кольца с бусинами; 33, 51, 67 — спиральки; 37, 87, 89 — ручки амфор с клеймом; 1—8, 9а, 10—14, 17, 20, 32, 35—39, 42 — Долиняны, могильники; 9, 15 — Крутки; 16, 19, 22—31, 48—56, 58—65, 69—71, 75 — Поиншти, могильники; 18, 32, 34, 40, 41, 43—47, 66—68, 74, 78 — Лукашевка, могильники; 21, 57 — Борошты, погребение; 72, 73, 76, 77, 79 — 83—85—87, 89 — Лукашевка, погребение; 84 — Гринчук, погреб- ление; 88 — Горохово, погребение. Составитель К. В. Каспарова

**Таблица XXXI. Находки на памятниках культуры Поиншти- Лукашевка**

1, 17 — часть поясного крючка; 2 — пряжка; 3—11 — фибулы; 12—14 — браслеты; 15 — булава; 16 — бусина; 18 — серпы; 19 — цепочка; 20 — кольцо-амulet; 21 — очковая подвеска; 22 — недоразвитая привиска; 23 — бронзовый идол; 24 — бритва; 25—30 — ножи; 31—32 — наконечники стрел; 33—35 — серпы; 36—41, 45—56 — сосуды; 42—44 — присидка; 1, 7, 12, 18, 21, 27 — Лукашевка, могильники; 2, 46, 56 — Крутки; 3, 10, 11, 14, 15, 20, 22, 25 — Долиняны (раскопки) И. И. Смирновой 1977—1987 гг.; 4, 8, 9, 19, 24, 26, 36—41, 54 — Поиншти; 5 — Спите- ны; 6, 16, 17, 23, 28—35, 42—44, 47—50 — Лукашевка, погребение; 51—53 — Борошты; 55 — Горохово. Составитель К. В. Каспа- рова

**Таблица XXXII. Жилые и хозяйственные сооружения жилищной культуры**

1, 3, 5 — жилища на поселениях Ремезовцы; 2 — жилище на поселении Черепни; 4, 6 — жилища на поселении Верхняя Лишница; 7 — мастерская на поселении Ремезовцы; 8 — мастерская на поселении Бошье; 9 — разрез ямы 3 на поселении Верхняя Лишница; 10 — яма 11 на поселении Ремезовцы; а — остатки очагов и печей; б — камин. Составитель И. П. Русанова

**Таблица XXXIII. Личное погребение 15 могильника в Звенигороде с шпоровскими особенностями в инвентаре**

1 — профиль погребения; 2, 3, 7 — пряжки; 4 — наконечник коня; 5 — прислани; 6 — обломок фбула; 8 — меч; 9 — нож; 10—12 — глиняные сосуды

**Таблица XXXIV. Вещи из богатых погребений жилищной культуры**

1—7, 9, 10 — Чижиков; 8 — Колоколин; 1 — бронзовая чаша; 2, 5, 10 — бронзовый сосуд и его детали; 3 — бронзовая ручка с изображением головы барана; 4, 9 — глиняные сосуды; 6, 7 — шпору; 8 — реконструкция ритуального сосуда

**Таблица XXXV. Грубая лепная посуда жилищной культуры**

1, 7—11, 13, 14, 16 — Верхняя Лишница; 2, 6, 12 — Черепни; 3, 5 — Ремезовцы; 4 — Залески; 15 — Независко. Составитель И. П. Русанова

**Таблица XXXVI. Лепная столовая посуда жилищной культуры**

1, 3, 4, 6—9, 13—15 — Ремезовцы; 2, 5, 10, 11 — Верхняя Лишница; 12 — Звенигород. Составитель И. П. Русанова

**Таблица XXXVII. Гончарная посуда из могильника Верхняя Лишница. Составитель И. П. Русанова****Таблица XXXVIII. Украшения жилищной культуры**

1—17 — фбулы; 18—20 — бусы; 21—31 — пряжки; 1, 3—7, 12, 13, 18—20, 22—24, 27, 28 — Верхняя Лишница; 2, 11, 14, 15 — Звенигород; 8—10, 21, 26 — Грика; 15—17, 29—31 — Колоколин. Составитель И. П. Русанова

**Таблица XXXIX. Орудия труда и бытовые предметы из памятников жилищной культуры**

1—5 — прислани; 6 — костиков саисток; 7 — каменное точило; 8—13 — ножи; 14 — костиков гребень; 15, 19 — клучки; 16—18 — кресала; 20 — наральники; 1—5, 7—13, 16—18 — из разных памятников; 6, 19 — Верхняя Лишница; 14, 15, 20 — Майдам-Гологорский. Составитель И. П. Русанова

**Таблица XL. Жилые и хозяйственные постройки, погребения и планы поселений киевской культуры**

1, 6 — Вишени; 2 — Красный Хутор; 3, 4, 8 — Рошце; 5, 23 — Таймаково; 7 — Обухов III; 9 — Ноаий Выхоло; 10, 11 — Глеваха; 12 — Лавриков Лес; 13 — Мена 5; 14, 15 — Киреаха 1; 16 — Сушки; 17—19, 25 — Казаровичи; 20—22, 24 — Абидия; а — обожженный участок пола; б — глиняный под очага; в — скопление угля и пепла; ж — кости животных; д — обгоревшее дерево; е — кальцинированные кости; ж — керамика; з — поселения; и — могильники; к — жилище. Составитель Р. В. Терпиловский

**Таблица XLI. Посуда киевской культуры**

1, 3, 6, 8, 9 — Обухов II; 2, 5 — Вишени; 4, 7 — Обухов III (под очага 2); 10, 11, 13, 14, 17 — Рошце; 12 — Киселева; 15, 16, 18 — Глеваха; 19—24, 43, 44 — Таймаково; 25, 27, 30, 31 — Обухов III (под очага 1); 26, 28, 29 — Глеваха; 32 — Десянка; 33, 34, 36—40 — Лавриков Лес; 35, 41, 42 — Мена 5; 45—48 — Казаровичи; 49 — Сушки; 50—54 — Абидия. Составитель Р. В. Терпиловский

**Таблица XLII. Орудия труда, предметы быта и вооружения киевской культуры**

1, 2 — зерноха; 3, 4 — точила; 5—9 — серпы; 10 — наральники; 11—17 — ножи; 18 — скобели; 19 — наковальня; 20 — зубило; 21, 22 — долота; 23 — сверла; 24 — железный гребень; 25 — рыболовный крючок; 26 — ботало; 27 — наконечник коня; 28—30 — наконечники стрел; 31 — шпора; 32, 34 — бриту; 33 — игла; 35 — пружинные ножики; 36, 37 — кресала; 38 — кочеды; 39 — костяной тулик; 40 — костяная проколка; 41 — костяной конек; 42, 43 — костяные иглы; 44, 45 — прислани; 46 — лычка; 47, 48 — глиняные грузила; 1, 9, 13, 18, 21, 23, 34—41, 46—48 — Рошце; 2, 10—12, 14, 20, 26—28, 42, 43 — Ульиновка; 3 — Киселева 2; 4, 17, 22, 37 — Глеваха; 5 — Обухов VII; 6—8, 15, 16, 29, 30, 33, 35, 36 — Абидия; 19, 24, 31, 44, 45 — Ноаие Беариди; 25, 32 — Таймаково. Составитель Р. В. Терпиловский

**Таблица XLIII. Украшения и предметы личного убора киевской культуры**

1 — зеркала; 2, 16 — костяные гребки; 3 — бронзовый браслет; 4, 10, 11, 36, 37, 42 — пряжки (4, 36, 37 — бронза, остальные — железо); 5—8, 25, 30, 31, 41 — стеклянные бусины; 9 — серебряная амуниция; 12, 14, 15, 27, 28, 35, 38 — бронзовые фбулы; 13, 18 — бронзовые подвески; 19—24, 34 — железные фбулы; 19, 32, 33, 39 — подвески с амальгой; 26, 29 — железные булавы; 43 — фбула-брошь; 1, 3—5 — Ульиновка; 2, 6, 7, 9, 10 — Рошце; 8 — Киселева 2; 11—14, 26 — Таймаково; 15—18, 20 — Глеваха; 19, 35, 37 — Ноаие Беариди; 21, 25 — Мена 5; 22 — Десянка; 23—24 — Лавриков Лес; 27—29, 38—43 — Абидия; 30—34, 36 — Казаровичи. Составитель Р. В. Терпиловский

**Таблица XLIV. Схема распространения черняховских углубленных построек и планы полуземлинок**

1 — схема распространения углубленных построек: 1 — Ракобуты, 2 — Неслухов, 3 — Рипеве, 4 — Кляже, 5 — Черепни, 6 — Чижиков, 7 — Кучче, 8 — Демьянов, 9 — Бошье, 10 — Коростовичи, 11 — Луцины, 12 — Независко, 13 — Верхний Иаков, 14 — Лука-Врублевская, 15 — Соколя, 16 — Баколя, 17 — Макаровичи, 18 — Рушани, 19 — Журавка, 20 — Червона Слобода, 21 — Ломовате, 22 — Ломоно-Камени, 23 — Волосское, 24 — Никольское, 25 — Башмачка, 26 — Ильянка, 27 — Приапольное, 28 — Грушевка, 29 — Пересечное, 30 — Букреевка, 31 — Колосовка, 32 — Слагодост, 33 — Приморское, 34 — Викторовка II, 35 — Березанка, 36 — Бургунка; 2 — аксонометрия реконструированной полуземлины с с. Солокочен; 3 — план и разрез той же землянки (по Э. А. Рикману); 4 — Демьянов, постройка 4; 5—7 — Рипеве II, постройка 14, 17, 32; 8 — Бошье II, постройка 10; 9 — Рипеве II, постройка 11; 10 — Ракобуты, постройка 7; 11 — Демьянов, постройка 1; 12 — Бошье II, постройка 15; 13 — Ракобуты, постройка 1; 14 — Рипеве II, постройка 4; 15 — Лески, полуземлинка на прибрежном участке 2; 16 — Делавке, полуземлинка 4; 17 — Бошье II, углубленное в землю сооружение 3 — погреб; 18 — Рипеве II, яма 3 хозяйственного назначения со следами покрытия; 19 — Рипеве II, план и разрез гончарной печи. Составитель Э. А. Симонович

**Таблица XLV. Схема распространения черняховских наземных построек и их планы**

1 — схема распространения: 1 — Костеке, 2 — Сенцины, 3, 7 — Максимовка, 4 — Бережанка, 5 — Сухостая, 6 — Голотрады, 8 — Новоселка-Костюкова, 9 — Киселев, 10 — Лука-Врублевская, 11 — Звяничин, 12 — Иаковичи, 13 — Баколя, 14 — Макаровичи, 15 — Вороноца, 16 — Оселянка, 17 — Собор, 18 — Флорешти, 19 — Малавенти, 20 — Затайники, 21 — Буденцы, 22 — Балцаты, 23 — Галавентицы, 24 — Делавке, 25 — Кобуска-Веке, 26 — Комрат, 27 — Кодова, 28 — Иаковичи, 29 — Лысотарка, 30 — Маркуши, 31 — Слободчане, 32 — Нягити, 33 — Жуковцы, 34 — Новоляповское, 35 — Лески, 36 — Степанка, 37 — Башмачка, 38 — Кут, 39 — Смишница-Сабатковна, 40 — Короваичи, 41 — Букреевка, 42 — Колосовка, 43 — Слагодост; 2 — постройка с мельничным сооружением с с. Иаковичи; 3 — постройка на поселении в Гларидовке; 4 — постройка 1 а с Буденцы; 5 — остатки жилища 1 а с Киселев; 6 — постройка 1, окруженная канавой, в с. Кут; а — глиняная обмазка; б — остатки глинобитного пола; в — камин; ж — утль; д — глина; е — яма; ж — фрагменты керамических; з — поселения с наземными и углубленными в землю постройками; и — поселения с наземным домостроительством. Составитель Э. А. Симонович

**Таблица XLVI. Остатки наземных построек и реконструкция большого наземного дома на Делавке (по Э. А. Рикману)**

1 — остатки наземных построек 2 и 3 в Киселев; 3 — жилище на поселении Маркуши; 3 — жилой наземный дом в Делавке (реконструкция аксонометрической проекция, виды с боковых сторон к особенностям столбовой конструкции, по Э. А. Рикману); 4 — план усадьбы а с Лески с расположенными вокруг жилого дома хозяйственными постройками и ямами; а — яма; б — обожженная глиняная обмазка стен; в — под печи; ж — скопление черепков; д — обугленное дерево. Составитель Э. А. Симонович

**Таблица XLVII. Остатки наземных сооружений черняховской культуры**

1 — мельничное сооружение на Смишница-Сабатковна; 2 — развал глиняной обмазки на месте постройки а с Черняхов; 3, 4 — очаг и след наземной постройки а с Лески; 5, 6 — очаг и развал глиняной обмазки стен постройки а с Иаковичи. Составитель Э. А. Симонович



Таблица XLVIII. Схема распространения каменных построек на поселения черняховского типа и планы построек

1 — схема распространения построек: 1 — Идилья, 2 — Киселово, 3 — Одесса, 4 — Овидиополь, 5 — Уткинское, 6 — Фурмановка, 7 — Рапцего, 8 — Атамановка, 9 — Апатальево, 10 — Капустино, 11 — Кобелево, 12 — Викторова II; 13 — Мыс, 14 — Лиманы, 15 — Новый Городок, 16 — Трихаты, 17 — Тилигуло-Бережанка, 18 — Петрово-Солонина, 19 — Кушмыра, 20 — Петуховка, 21 — Погореловка, 22 — Пересадка, 23 — Калитина, 24 — Евгеньевка, 25 — Отбело-Васильевка (Васильевка), 26 — Снегиревка, 27 — Афанасьевка, 28 — Ново-Кондаково, 29 — Павлово, 30 — Тарасовка, 31 — Галагановка, 32 — Ивань-Кенне, 33 — Аластасовка, 34 — Дунай, 35 — Берестав, 36 — Бургуля, 37 — Дарькава, 38 — Камыра, 39 — Днепровское, 40 — Майорка, 41 — Башмачка, 42 — Знаменка, 43 — Комаров, 44 — Собарь; 2 — общий план работ в Киселове; 3 — 5 — Рапцего: 3 — постройка 2, 4 — постройка 1, 5 — схема расположения объектов на поселении; 6 — Тилигуло-Бережанка, ползуменский 1 в каменный фундамент постройки 3. Составитель Э. А. Симонович

Таблица XLIX. Черняховские погребения по обряду труположения

1 — Гавриловка; 2, 9, 10 — Журавка; 3, 4 — Будешты; 5, 12, 13 — Рапцего; 6, 8 — Фурмановка; 7 — Косаново; 8 — Зячичанка; 11 — Кобелево. Составитель О. А. Гей

Таблица L. Черняховские труположения с северной и западной ориентировкой

1, 7, 8 — Кобелево, погребения 30, 26, 43; 2 — Викторова II, погребения 3, 4, 6 — Рапцего, погребения 14, 11, 8 — Маслово, погребения 72; 9 — Телешовка, погребение 1. Составитель Э. А. Симонович

Таблица LI. Погребения черняховской культуры с трупосожжением

1 — Викторова II, погребение 2; 2, 4, 5, 8, 20, 23, 24 — Косаново, погребения 40, 42, 43, 47, 53, 119; 3, 11 — Малаешты, погребения 15, 20, 6, 18, 19, 21 — Ружичанка, погребения 22, 32, 39, 45; 7 — Каменка-Днепровская, погребения 21; 9 — Фурмановка, погребения 15; 10, 12—17 — Маслово, погребения 2, 7—9, 52, 54, 60; 22 — Каборга IV, погребения 5; а — кальцийсодержащие кости; б — алая; в — уголь; г — керамика; д — камень. Составитель Э. А. Симонович

Таблица LII. Урновые и безурновые трупосожжения черняховской культуры

1, 5, 6 — Каменка-Днепровская, погребения 7, 38, 39 (под урной, в двух урнах и в урне-аае); 2 — Башмачка, погребение под кострищем кургана, накрытое урной; 3 — Рапцего, погребения 9, накрытые миской; 4, 8, 10 — Гавриловка, погребения 31 в урне-кубке, безурновые погребения 77, 107, сопровождаемые черепками сосудов; 7 — Маслово, погребения 5 в урне, накрытой обломками сосудов; 9, 11 — Кобелево, погребения 1, 10, сопровождаемые обломками сосудов. Составитель Э. А. Симонович

Таблица LIII. Гончарные горны черняховской культуры

1 — Будешты, гонимы и развалы гонимой печи; 2 — Тарасовка, профиль гонимой горны; 3 — Журавка, производственный комплекс, включающий гонимый горн 2 и помещение мастерской, где хранились глины разного сорта; а — пережженная глиняная обломка горны; б — материк; в — дерновой и культурный слой; г — алава красной глины; д — белая глина; е — куски обожженной глиняной обломки; ж — столбовые ямы; з — вкопанные в землю глиняные круглые сосуды. Составитель Э. А. Симонович

Таблица LIV. Гончарные черняховские горшки

1—3, 5, 7 — Косаново: 1 — погребение 11, 2 — погребение 7, 3 — погребение 11, 5 — погребение 5, 7 — погребение 2; 4—9 — Каборга: 4 — погребение 12, 9 — погребения 5; 6, 8, 10—12, 14—17 — Данчаны: 6 — погребения 285, 8 — погребения 110, 10 — погребения 274, 11 — погребения 177, 12 — погребения 285, 14 — погребения 177, 15 — погребения 278, 16 — погребения 276, 17 — погребения 272; 13 — Фурмановка. Составитель О. А. Гей

Таблица LV. Лепные сосуды с черняховскими наметниками

1, 13 — Команьяны; 2 — Заваловка; 3, 5, 12, 15 — Косаново; 4 — Смыта-де-Муреш; 6 — Волюнское; 7 — Каменка; 8 — Воронино; 9 — Привольное; 10 — Ломоватое, поселение; 11 — Малаешты; 14 — Гавриловка. Составители Г. Ф. Никитина, О. А. Гей

Таблица LVI. Пифособразные сосуды-хранилища, выделенные от руки (1, 2, 5) и сделанные на гонимом круге (3, 4, 6—15)  
1, 5 — Бовиле II; 2 — Журавка; 3, 7 — Риние II; 4 — Кут; 6 — Кантемировка; 8 — Ягитин; 9 — Сааран; 10 — Тилигуло-Бережанка; 11 — Новолиповское; 12 — Стедовка; 13 — Ломоватое; 14 — Комрат; 15 — Кринички. Составитель Э. А. Симонович

Таблица LVII. Черняховские лепные миски и кружки

1, 4, 5, 10, 15 — Данчаны: 1 — погребения 160, 4 — погребения 239; 5 — погребения 122, 10 — погребения 363, 15 — погребения 361, 2, 3, 11 — Команьяны; 2 — погребения 139, 3 — погребения 164; 3 — Привольное; 7 — Деревянко; 8, 9 — Журавка; 12, 17 — Гавриловка; 13 — Каменка; 14 — Ломоватое (поселение); 16 — Косаново; 18 — Маслово. Составители Г. Ф. Никитина, О. А. Гей

Таблица LVIII. Черняховские гонимые миски

1, 9, 23, 25, 27, 28 — Данчаны: 1 — погребения 363; 9 — погребения 337, 23 — погребения 23, 25 — погребения 366, 27 — погребения 161, 28 — погребения 285; 2, 8, 17, 21, 22, 24 — Каборга: 2, 8, 17, 24 — погребения 5, 21, 22 — погребения 4; 3—5, 7, 10—16, 18, 20, 26 — Косаново; 7 — погребения 21, 4 — погребения 13, 5 — погребения 30, 10, 15 — погребения 8, 11, 20 — погребения 1, 12, 13 — погребения 22, 14 — погребения 29, 16, 26 — погребения 26, 18 — погребения 2; 6 — Черняхов, погребения 87; 19 — Заваловка, погребения 5; 29 — Ружичанка, погребения 50. Составители А. Мултоен, О. А. Гей

Таблица LIX. Черняховские трехручные вазы

1 — Данчаны, погребения 337; 2, 3 — Малаешты; 2 — погребения 33, 3 — погребения 35; 4, 5, 8, 9 — Каборга: 4 — погребения 4, 5 — погребения 5, 8, 9 — погребения 1; 6 — Зячичанка, погребения 9; 7, 11 — Заваловка, погребения 2; 10 — Каменка-Днепровская. Составители А. Мултоен, О. А. Гей

Таблица LX. Черняховские сосуды

1 — Рапцего; 2 — Каборга IV; 3, 7 — Незаяско; 4 — Журавка; 5 — Кодыма; 6 — Риние; 8 — Лесосова; 9 — Черенин. Составитель Э. А. Симонович

Таблица LXI. Черняховские гонимые кушники

1 — Пражес; 2, 5, 17, 20—22 — Каборга: 2, 20 — погребения 5, 5 — погребения 12, 17, 21 — погребения 1, 22 — погребения 4; 3, 19 — Черняхов: 19 — погребения 275; 4 — Заваловка, погребения 6, 6, 10—12, 14—16, 23 — Косаново: 6 — погребения 1; 10 — погребения 5, 11, 16 — погребения 30, 12 — погребения 26, 14 — погребения 29, 15, 23 — погребения 9; 7, 18 — Маслово, погребения 91; 8 — Ромашки; 9 — Остров Хортица; 13 — Зячичанка, погребения 9; 24 — Гавриловка. Составители А. Мултоен, О. А. Гей

Таблица LXII. Черняховские гонимые кружки

1, 7, 9, 11 — Фурмановка: 9 — погребения 25; 2—5 — Данчаны: 2 — погребения 371; 8, 4 — погребения 187, 5 — погребения 161; 6, 8 — Журавка: 6 — погребения 24, 8 — погребения 5; 10 — Ново-Александровка. Составитель О. А. Гей

Таблица LXIII. Черняховские глиняные кубки

1, 2, 5, 8, 9, 15, 17, 19, 22—25 — Данчаны: 1 — погребения 32, 2, 19 — погребения 371, 5 — погребения 361, 8 — погребения 39, 9 — погребения 136, 15 — погребения 242, 17 — погребения 259, 22 — погребения 118, 23 — погребения 137, 24 — погребения 158, 25 — погребения 159; 3, 4 — Зячичанка: 3 — погребения 3, 4 — погребения 9; 6, 18 — Журавка, погребения 29; 7 — Клипичи; 10 — Ново-Александровка; 11, 14, 20 — Команьяны: 11 — погребения 9, 14 — погребения 139; 12 — Кантемировка; 13 — Рыжачка; 16 — Каборга, погребения 4; 21 — Ружичанка, погребения 50; 26 — Фурмановка, погребения 23. Составитель О. А. Гей

Таблица LXIV. Фибулы черняховской культуры

1—19, 22—28 — двулучные прогнутые подпоясные с узкими ножками: 1, 7 — с головками-киноками, 2 — «кримский вариант», 3—5, 8—19, 23 — с фасетированными спинками (серия В черняховской подгруппы с колец для асимметрично микто-полюсными спинками), 6 — с накладными кольцами «нодольского варианта», 22 — с накладными кольцами «волдырьского варианта», 24—28 — с гладкими спинками серия А; 20, 21 — двулучные прогнутые подпоясные с расширенными ножками: 1—6, 9—11, 13, 24, 27 — Косаново; 7 — Градчик; 8 — Деревянко; 12, 26 — Ромашки; 14, 15, 17, 19, 20, 22, 23, 25, 28 — Ружичанка; 16, 18 — Команьяны; 21 — Думаев. Составитель Е. Л. Гороховский

## Таблица LXXV. Фибулы черняховской культуры

1, 2 — полуфабрикаты двупластинчатых фибул; 3, 4, 6 — двупластинчатые; 5 — двупластинчатая «воинская» с головной пластиной; 7, 8 — с головными кнопками; 9—18, 22 — двупластинчатые «воинские»; 19—21 — с высоким приемником группы VII Альтмюна; 1 — Пастырское; 2 — Лебедевка; 3 — Сумы, урочище Сад; 4 — Курянка; 5, 10, 12 — Косаново; 6, 20, 22 — Журавка; 7 — Приязнь; 8 — Рыжовка; 9, 11, 14 — Градлык; 13, 15, 16 — Обухов; 17 — Лески; 18 — Черняхов; 19, 21 — Ружаньчанка. Составитель Е. Л. Горюховский

## Таблица LXXVI. Пряжки черняховской культуры

1—9, 11, 13, 16—25, 30, 31, 38, 41 — одночастные с округлыми в сечении рамками; 10 — асимметричные; 12, 14, 15 — одночастные «щитковые»; 26, 29 — двухчастные типа D; 27 — «двойная»; 28 — прямоугольная одночастная; 32, 34, 37, 40, 42 — двухчастные типа «омета»; 33, 35, 39 — одночастные с трапециевидными рамками; 36 — одночастная с утолщенной рамкой; 1, 7, 11, 13, 14, 16, 21, 23—25, 30, 38, 40, 42 — Косаново; 2, 6, 8, 9 — Кантемировка; 3 — Черняхов; 4, 5 — Журавка; 10, 22, 33, 36, 39 — Рыжовка; 12, 29 — Ново-Александровка; 15 — Раковец; 17, 18 — Сумы, урочище Сад; 19 — Компанийцы; 20, 26, 32, 37 — Ружаньчанка; 27 — Ромашки; 28 — Деревятины; 31, 41 — Сосновка; 34, 35 — Завадовка. Составитель Е. Л. Горюховский

Таблица LXXVII. Бусы из стекла и стекловидной пасты, янтаря, кости, бронзы и сердолика из разных черняховских памятников 6, 7, 20, 29—31, 47, 48, 56, 68, 100 — янтарь; 18 — кость; 78 — бронза; 84—100 — сердолик; остальное — стекло и паста. Составитель Э. А. Симонович

## Таблица LXXVIII. Костяные гребни черняховской культуры

1, 6 — Раковец; 2 — Волоховское (Бабка Довжик); 3 — Чернорудка; 4, 10 — Лешесовка; 5, 14, 20 — Ковболо; 7 — Привольное; 8, 12 — Переслав-Хмельницкий; 9, 13, 17 — Журавка; 11 — Ружаньчанка; 15 — Гавриловка; 16 — Черняхов-Ромашки; 18 — Киев; 19 — Стретовка; 21 — Раковец. Составитель Э. А. Симонович

## Таблица LXXIX. Железные орудия труда черняховской культуры

1 — Чернелов-Русский; 2 — Кринички; 3 — Остров; 4 — Раковец; 5, 8, 10, 11—14, 16, 25, 26 — Журавка; 6 — Викины Великие; 7 — Русская-Поречная; 9, 22, 24, 27 — Лески; 15 — Гринешанка; 17 — Сепяры; 18, 20 — Риплов; 19 — Лохвица; 21 — Майорка; 23 — Ломоватое; 1, 28 — Волоховское; 29 — Глягуло-Бережанка; 30 — Приязнь. Составитель Э. А. Симонович

## Таблица LXXX. Подделки из черного металла с памятников черняховской культуры

1—5, 27 — пробойники; 6, 12, 13, 21, 38, 43—46 — ключи; 7, 8, 10, 11, 33 — привески; 9 — фибула; 14—16 — гребни; 17—20 — кресала; 22—26, 35, 36, 40 — пряжки; 28, 29 — гвозди; 30—32 — пластины и втулки; 34, 37, 41 — замки; 39, 42 — спиральные стержни; 1, 5, 9, 12—14, 17, 18, 20, 22, 24, 27, 29, 30, 32, 40, 45 — Журавка; 2 — Ломоватое; 1, 3, 10 — Лохвица; 4 — Ледовицкая; 6 — Маркуши; 7, 8, 11, 38, 41, 43 — Каборга IV; 15 — Пересосное; 16 — Лешесовка; 19, 37 — Гавриловка; 21 — Чершин; 23, 33 — Ружаньчанка; 26, 35 — Ковболо; 28, 39, 46 — Раковец; 31 — Каменка-Днепровская; 34 — Будешты; 36 — Привольное; 42 — Приязнь; 44 — Лески. Составитель Э. А. Симонович

## Таблица LXXXI. Прислания из глин, стекла (25), со стеклянной инкрустацией (26) с памятников черняховской культуры

Составитель Э. А. Симонович

## Таблица LXXXII. Оружие и предметы конского снаряжения с памятников черняховской культуры

1 — 4 — шпоры; 5, 6, 11 — наконечники копий; 7, 8 — наконечники дротиков; 9, 10 — топоры; 12, 15 — кинжалы; 16—18 — мечи; 1, 13, 17 — Будешты; 2 — Переслав-Хмельницкий; 3 — Гавриловка; 4 — Рудка; 5 — Балатты; 6 — Червоная Слобода; 7 — Жуковцы; 8 — Ромашки; 9, 11 — Журавка; 10 — Августиньков; 12 — Лохвица; 14 — Раковец; 15 — Кринички; 16, 18 — Яглытин. Составитель Э. А. Симонович

## Таблица LXXXIII. Предметы вооружения и сбруи с памятников черняховской культуры

1, 2 — удила; 3, 5 — рукоятки щита; 4 — умбо щита; 6—8, 10, 14 — наконечники стрел; 9, 15 — голыши; 11, 18 — лопы; 12 — мечи; 13, 16 — наконечники копий; 17 — шпора; 1 — Кантемировка; 2—6, 9, 11—13, 15 — Компанийцы; 7, 8, 10 — Лески; 16, 18 — Журавка; 17 — Стретовка. Составитель Э. А. Симонович

## Таблица LXXXIV. Могильник черняховской культуры Данчаны

1—4 — инвентарь погребения 203; 1, 2 — перстни-ключи; 3 — «втулка»-наконечник рога для питья; 4 — обломок атташе и ручки бронзового сосуда типа Стара Загора; 5—19 — план и инвентарь погребения 10; 5 — сербратная фибула; 6 — бронзовая фибула; 7—10 — бусы; 11 — план погребения 10; 12 — керамическое прислание; 13 — сердоликовая 14-гранная бусина; 14 — костяной гребень; 15 — фрагмент лещной кружки; 16 — гончарный кубок; 17, 19 — гончарные миски; 18 — лещная миска. Составители О. А. Гей, В. М. Дунявина

## Таблица LXXXV. Могильник Данчаны. Комплекс погребения 371

1 — сербратная фибула типа Монструоз; 2 — обломок донца стеклянного сосуда; 3 — обломок бронзовой трубочки; 4 — железный нож с бронзовой рукояткой; 5—9 — бронзовые височные кольца; 10 — сербратная спираль; 11 — бронзовая витая булава; 12 — сербратное височное кольцо; 13, 14 — бронзовые иголки; 15 — план и разрез погребения 371; 16 — керамический кубок; 17 — ожерелье из бус; 18 — костяная проколка; 19 — сербратный перстень; 20 — два бронзовых боковых/внутренних кольца; 21, 22 — керамические прислания; 23 — гончарная миска с орнаментом; 24 — лещной кубок; 25 — гончарная миска на колышковом поддоне; 26 — гончарная миска; 27 — гончарная кружка; 28 — лещной горшок; 29 — гончарная миска на плечиковом поддоне; 30 — грубогончарный горшок. Составители О. А. Гей и В. М. Дунявина

## Таблица LXXXVI. Могильник Данчаны. Инвентарь погребения 176

1 — план и разрез погребения; 2 — керамическое прислание; 3 — бронзовая фибула; 4 — подвеска на раковины каури; 5 — костяной игольник; 6 — ожерелье; 7 — подвеска в виде молоточка Тора; 8 — костяной гребень; 9—12 — глиняные сосуды. Составители О. А. Гей, В. М. Дунявина

## Таблица LXXXVII. Комплексы могильника Каборга

1—5 — погребение 9; 6—14 — погребение 21; 1, 8, 14 — гончарные миски; 2, 12, 13 — бронзовые фибулы; 3 — бронзовая серьга; 4 — кольцо; 5, 6 — бусы на сердолика, стекла и хрусталя; 7 — план погребения 21; 9 — глиняное прислание; 10 — костяной гребень; 11 — грубогончарный горшок. Составитель О. А. Гей

## Таблица LXXXVIII. Комплексы погребений могильников Хомаево, Раковец

1—13 — Хомаево, погребения 14; 14—18 — Раковец, погребения 14; 1 — сербратная пряжка; 2 — бронзовая пряжка; 3 — костяной гребень; 4 — стеклинный конический кубок коричневого цвета; 5, 9, 10 — гончарные миски; 6 — сероглиняный гончарный кубок; 7, 8, 11 — гончарные горшки; 12 — серолощенная кружка; 13, 18 — планы и разрезы погребений; 14, 16 — серебряные двупластинчатые фибулы; 15 — стеклянный кубок; 17 — бронзовая пряжка в обломках. Составитель О. А. Гей

## Таблица LXXXIX. Корреляция хронологических индикаторов в погребениях могильника Ружаньчанка

1 — синхронистическая таблица (№п — №погребения; ХИ — хронологические индикаторы); 11 — находки, служащие хронологическими индикаторами: 1, 9—11, 17, 35 — фибулы, 2, 19, 28, 29 — пряжки, 3—5, 15, 16, 18, 20—26, 30—34, 37 — сосуда; 6 — пирамидальная привеска; 7, 8, 12, 27 — гребни; 13, 36 — бусы; 14 — ведровидная привеска; 1 — индикатор 20; 2, 17, 18, 27, 35 — индикаторы синхронизации; 3 — индикатор 17; 4, 5 — индикатор 18; 6 — индикатор 21; 7 — индикатор 14; 8 — индикатор 64; 9 — индикатор 10; 10 — индикатор 11; 11 — индикатор 19; 12 — индикатор 14; 13 — индикаторы 12, 13; 14 — индикатор 16; 15 — индикатор 15; 19 — индикатор 38; 20 — индикатор 9; 22—24 — индикатор 6; 25, 26 — индикатор 7; 28, 29 — индикатор 8; 30, 31 — индикатор 5; 32—34 — индикатор 4; 36 — индикатор 2; 37 — индикатор 3; 38 — индикатор 1. Составители И. А. Баял, О. А. Гей

## Таблица LXXX. Корреляция хронологических индикаторов в погребениях могильника Косаново

1 — синхронистическая таблица (№п — № погребения; ХИ — хронологические индикаторы); 11 — находки, служащие хронологическими индикаторами: 1, 15, 24, 28, 37 — гребни, 2, 11, 13, 16, 33, 46 — пряжки, 3—10, 14, 19—23, 25, 27, 34—36, 42—44 — сосуды, 12, 17, 29, 30, 39 — фибулы, 18, 31 — стеклянные сосуды, 26 — кольцо, 32 — ведровидная подвеска, 33 — бусы, 40, 41, 45 — стеклянные привески; 1, 11—14, 24—28, 36, 37, 44—46 — синхронистические индикаторы; 2 — индикатор 51; 3 — индикатор 47; 4 — индикатор 50; 5 — индикатор 49; 6 — индикатор 48; 7 —

индикатор 56; 8, 9 — индикатор 52; 10 — индикатор 55; 15 — индикатор 45; 16 — индикатор 46; 17 — индикатор 31; 18 — индикатор 43; 19 — индикатор 44; 20 — индикатор 42; 21 — индикатор 41; 22 — индикатор 39; 23 — индикатор 38; 29 — индикатор 40; 30 — индикатор 20; 31 — индикатор 37; 32 — индикатор 28; 33 — индикатор 29; 34 — индикатор 36; 35 — индикатор 35; 38 — индикатор 18; 39 — индикатор 17; 40 — индикатор 32; 41 — индикатор 23; 42 — индикатор 34; 43 — индикатор 33. Составители И. А. Байан, О. А. Гей

#### Таблица LXXXI. Эволюция керамических форм из могильника Журавка

1, 4 — погребение 43; 2 — погребение 102; 3 — погребение 36; 5 — погребение 105; 6 — погребение 5; 7 — погребение 2; 8 — погребение 102; 9, 10 — погребение 36; 11, 16 — погребение 5; 12 — погребение 43; 13 — погребение 11; 14 — погребение 32; 15 — погребение 1; 17, 18, 21, 24 — погребение 8; 19 — погребение 31; 20, 25 — погребение 18; 26 — погребение 24; 27 — погребение 21; 28, 30 — погребение 20; 29, 31, 34 — погребение 34; 32, 33 — погребение 21; 1—10 — фаза IV; 11—15 — фаза III; 16—25 — 26—34 — фаза I. Составители И. А. Байан, О. А. Гей

#### Таблица LXXXII. Предметы импорта из черняховских памятников

1—21 — стеклянные сосуды; 22, 33—35 — краснолаковая керамика; 23—31 — амфоры; 32 — металлический сосуд; 1, 4, 9, 11 — Журавка; 2 — Красный Маяк; 3 — Фурмановка; 5, 29 — Малаешты; 6, 7, 28 — Раннеево; 8, 13, 16 — Гавриловка; 10 — Киев, Фроловская ул.; 12 — Николаевка-Казацкое; 14 — Косаново; 15 — Переяслав-Хмельницкий; 17 — Черняхов; 18 — Привольное; 19, 32—34 — Рудка; 20, 21 — Данченко; 22 — Викторонка; 23 — Виниговича; 24 — Янгития; 25 — Васильевка; 26 — Холодный Хутор; 27 — Коровинцы; 30 — Беседовка; 31 — Балнаты II; 35 — Черенин. Составители Э. А. Симонович, О. А. Гей

#### Таблица LXXXIII. Стеклянные кубки из погребений могильника Журавка

Таблица LXXXIV. Погребения черняховской культуры, совершенные по обряду урноположения в могильниках Северного Причернозья

1—3 — Ковболо: 1 — погребение 53, 2 — погребение 39, 3 — погребение 12; 4, 5 — Фурмановка: 4 — погребение 8, 5 — погребение 2. Составитель О. А. Гей

#### Таблица LXXXV. Сосуды из черняховских памятников, имеющие скифо-сарматское происхождение

1—6 — черняховские сосуды; 7, 8, 10, 11 — сарматские сосуды; 9 — позднескифские сосуды. Составитель О. А. Гей

#### Таблица LXXXVI. Глиняная посуда из пшеворского слоя поселения Незвиско и сосуды пшеворского типа с черняховских памятников

1—3, 6, 7 — Незвиско; 4 — Раковец; 5 — Ковболо; 8 — Федоровка; 9 — Ромашки; 10 — Лохвица. Составитель Э. А. Симонович

#### Таблица LXXXVII. Жалища культуры карпатских курганов и гончарный горн

1, 2, 6 — Грабовац, жалища 2, 3, 1; 3, 4, 7, 8 — Глыбокая, жалища 7, 9, 20, 10; 5 — Кодыч II, жалища 33; 9 — Гольцы, гончарный горн; а — под очком; б — камин, в — столбовый ямы; г — развал глиняной обкладки. Составитель И. П. Русанова

#### Таблица LXXXVIII. Планы курганных групп и разновидности обряда погребения в карпатских курганах

1, 4, 7 — Иза II; 2, 5 — Иза I; 3, 9, 12 — Мышин; 6, 11 — Марковцы; 8, 10, 13 — Нижний Струтин; а — кострище; б — обожженный грунт под кострищем; в — скопление пережженных костей; г — ямки в материке; д — урны; е — камин; ж — ровик под насыпью кургана; з — раскопанные курганы на планах могильников. Составитель И. П. Русанова

#### Таблица LXXXIX. Лепная посуда культуры карпатских курганов

1—3, 6—9, 14, 18—20 — Иза I; 4, 5, 16, 17, 21, 23, 24, 26—28, 30—34 — Глыбокая; 10 — Иза II; 11, 12 — Нижний Струтин; 13 — Печенежцы; 15 — Горечай; 22, 35 — Рогатка; 25 — Виноградово; 29 — Михальца. Составитель И. П. Русанова

Таблица XC. Гончарная посуда культуры карпатских курганов 1, 11, 24 — Трап; 2, 38 — Печенежцы; 3, 7, 30 — Глыбокая, 4, 34, 36, 39 — Мышин; 5, 8—10, 12, 16, 18—22, 26—29, 32, 33 — Иза II; 6, 15, 31 — Марковцы; 13 — Дебеславцы; 14 — Горечай; 17, 35 — Переросы; 23 — Нижний Струтин; 25 — Корнава; 37 — Ганновка; 40 — Добромислы; 41 — Цуцулия. Составитель И. П. Русанова

#### Таблица XCI. Посуда культуры карпатских курганов

1—3, 8—10 — Нижний Струтин; 4 — Марковцы; 5 — Ганновка; 6, 15 — Мышин; 7 — Грушев; 11 — Каменка; 12 — Цуцулия; 13 — Глыбокая; 14 — Стопчат. Составитель Э. А. Симонович

#### Таблица XCII. Лепная (1—3, 8), сделанная на круге (4—6) и стеклянная посуда (7) культуры карпатских курганов

1—6, 8 — Глыбокая; 7 — Нижний Струтин. Составитель Э. А. Симонович

#### Таблица XCIII. Оружие, орудия труда и бытовые предметы культуры карпатских курганов

1—5 — глиняные присека; 6 — удила; 7—9 — ножи; 10 — конь; 11 — зубило; 12 — ключ; 13 — дротик; 14 — железная крышка; 15, 17 — жернова; 16 — глиняные грузило; 1—5, 15, 17 — Глыбокая; 6 — Стопчат; 7—9, 10, 12 — Иза I; 11 — Грабовац; 13, 14 — Волосово; 16 — Рогатка. Составитель И. П. Русанова

#### Таблица XCIV. Украшения и датирующие предметы из памятников культуры карпатских курганов

1, 6, 10, 14, 19—22 — фибулы; 2 — бронзовая бляшка; 3 — составные удила; 4, 5, 7—9, 12 — пряжки; 11 — наковенчик пояса; 13 — ведековидная привиска; 15 — костяной гребень; 16 — железный браслет; 17 — стеклянный кубок; 18 — сердоликовые бусины; 23—27 — глиняные амфоры; 1, 5, 14, 16 — Мышин; 1, 5, 16 — курган 2 — курган 3, 14 — курган 5; 2, 15 — Переросы; 2 — курган 8, 15 — курган 1; 3, 4 — Стопчат, курган 1; 6 — Королевка, поселение; 7—9, 11—13, 18—22 — Иза I; 7, 8 — курган 15, 9, 19 — курган 13, 11—13, 18 — курган 12, 20 — курган 19, 21, 22 — курган 23; 10, 17, 23 — Нижний Струтин; 17 — курган 4, 23 — курган 15; 24 — Грушев, курган 3; 25, 27 — Глыбокая; 25 — курган 11, 27 — поселение; 26 — Каменка, курган 2. Составитель И. П. Русанова

#### Таблица XCV. Планы могильников и жилищ вельбарской культуры

1 — Брест-Тришья; 2 — Дитиничи; 3 — Лесновка; 4—6 — Великая Слобода. Составитель О. А. Гей

#### Таблица XCVI. Погребения вельбарской культуры

1—10 — Брест-Тришья: 1 — погребение 31, 2 — погребение 44, 3 — погребение 43, 4 — погребение 1, 5 — погребение 11, 6 — погребение 7, 7 — погребение 34, 8 — погребение 28, 9 — погребение 27, 10 — погребение 36; 11 — погребение в Рудке; а — кальцинированные кости; б — слой над сожжениями; в — заполнение могилы; г — материк. Составитель О. А. Гей

#### Таблица XCVII. Посуда с памятников вельбарской культуры 1—3, 6, 11 — Деревянное; 4, 5, 7—10, 13, 14, 18, 19 — Брест-Тришья; 12—15—17 — Дитиничи. Составитель О. А. Гей

#### Таблица XCVIII. Находки на памятниках вельбарской культуры

1, 2 — гребни; 3—5, 12, 13 — фибулы; 6—9 — привески; 10, 11, 14 — пряжки; 15 — оковка рога для иглы; 16, 17 — детали повозного набора; 1, 3 — Ромаш; 2 — Любомль; 4, 13, 14 — Брест-Тришья; 5, 10, 11 — Деревянное; 6—9, 15—17 — Дитиничи; 12 — Машев. Составитель И. П. Русанова

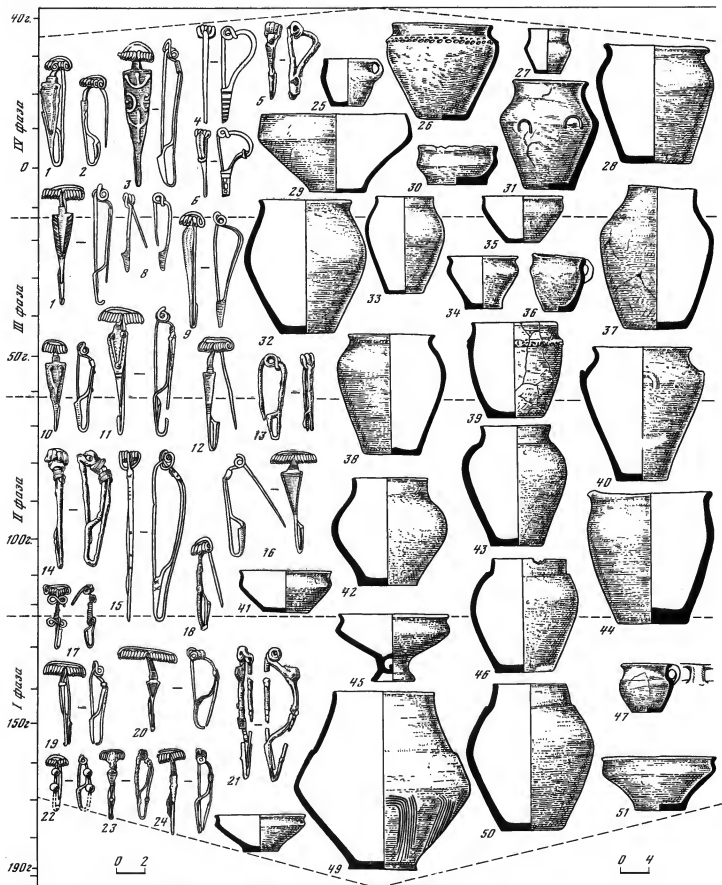


Таблица I. Хронология полесского варианта зарубицкой культуры



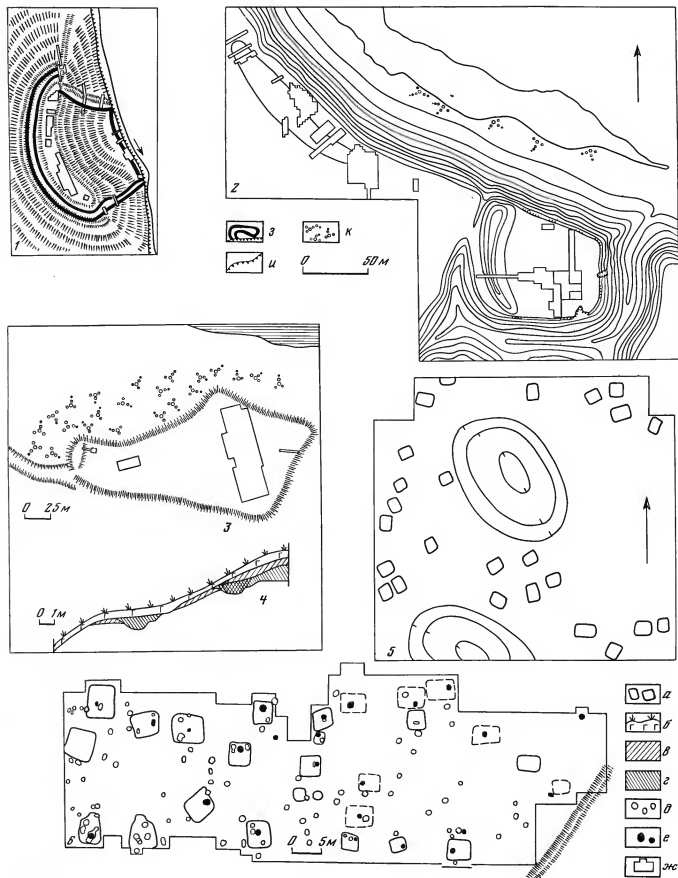


Таблица III. Планы зарубинецких городищ и раскопанных участков на поселениях

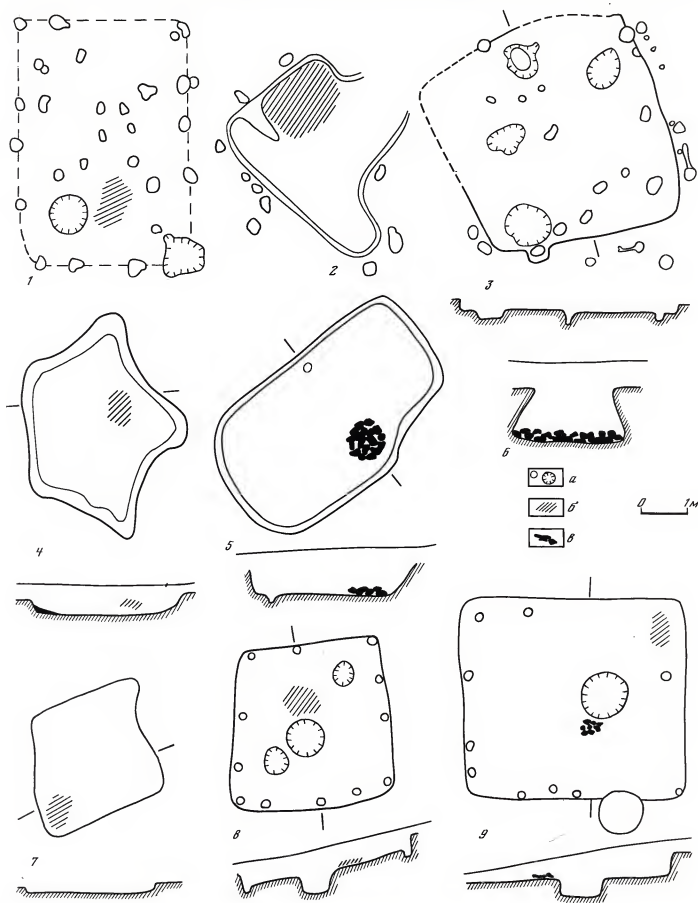


Таблица IV. Планы жилищ и хозяйственные ямы зарубинецкой культуры



Таблица V. Планы зарубинецких могильников



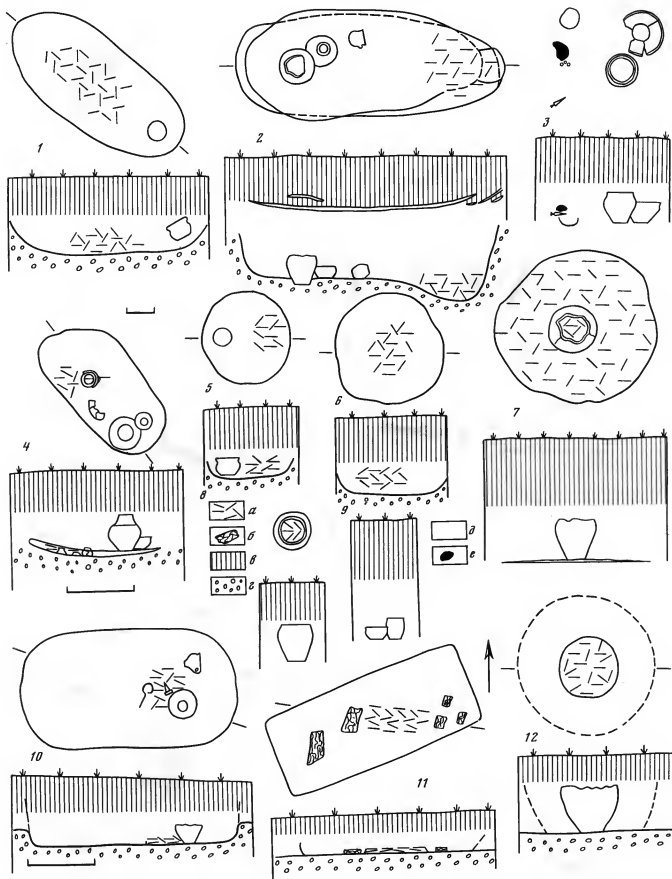


Таблица VI. Погребения зарубинецкой культуры

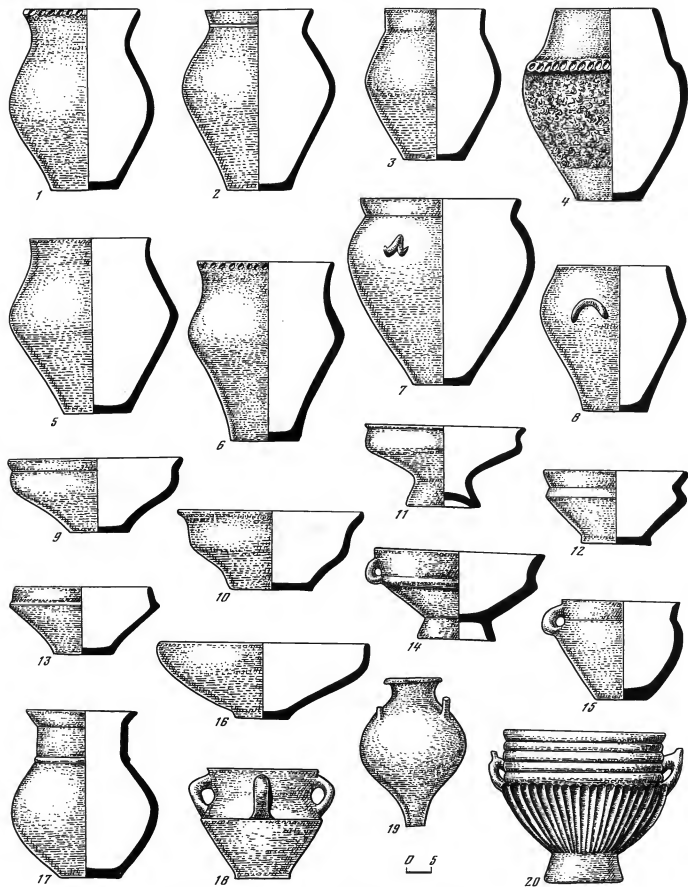


Таблица VII. Посуда зарубинецкой культуры из Среднего Поднепровья

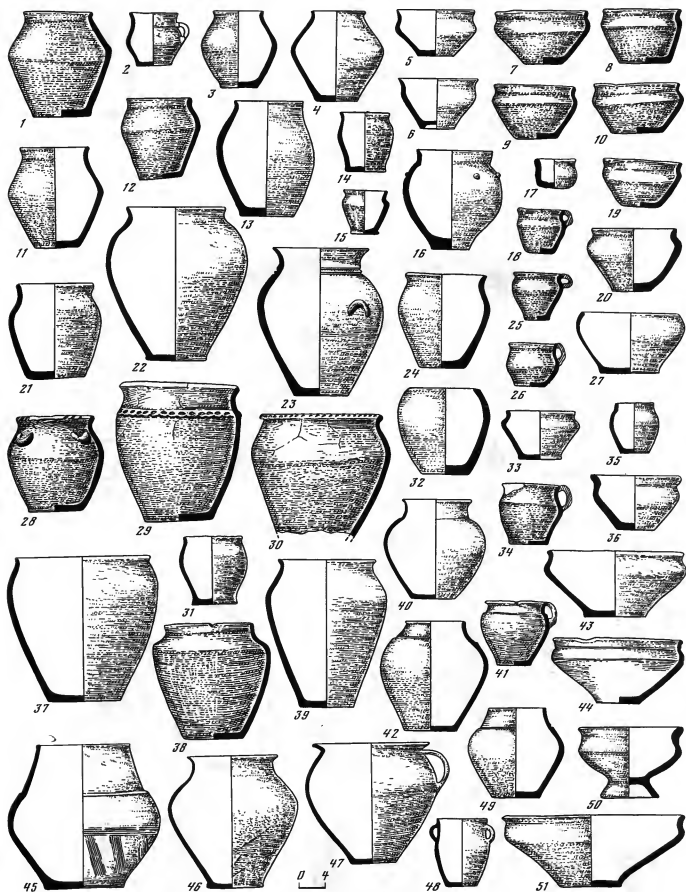


Таблица VIII. Посуда из зарубинецких могильников Полесья

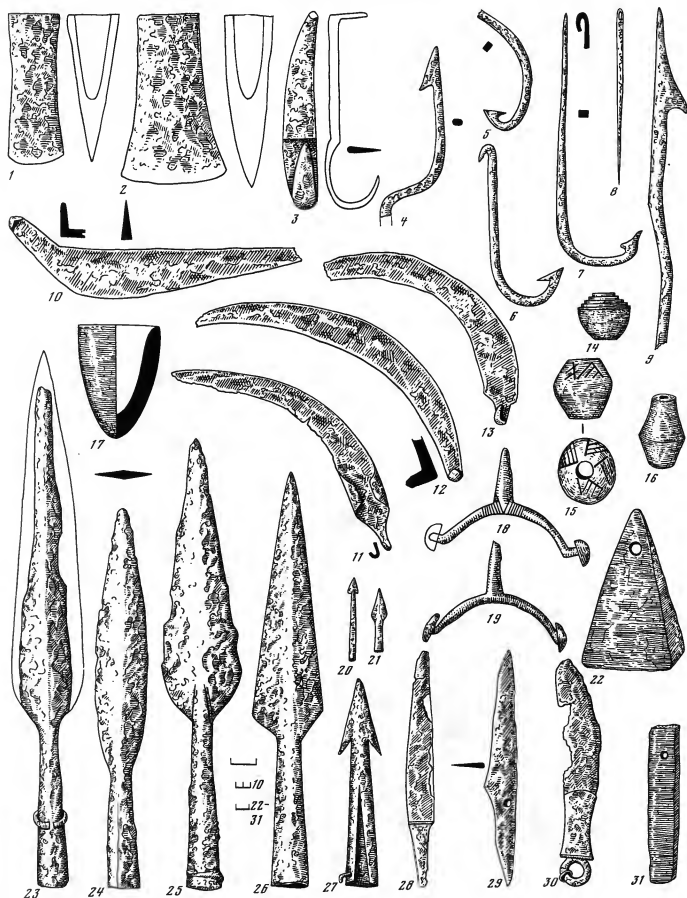


Таблица IX. Орудия труда и оружие зарубинецкой культуры

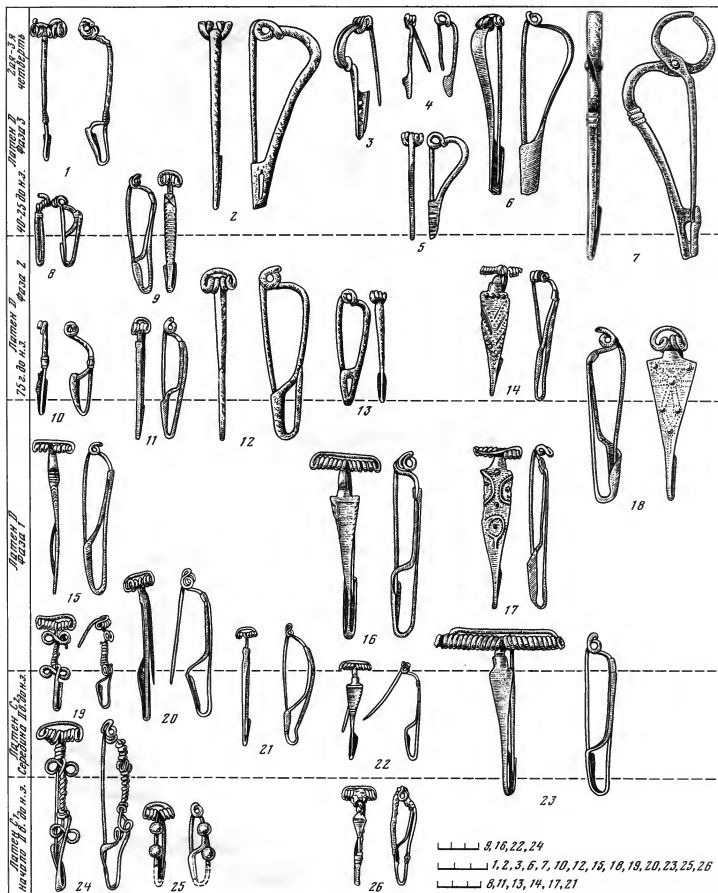


Таблица X. Фибулы зарубинецкой культуры (типология и хронология)

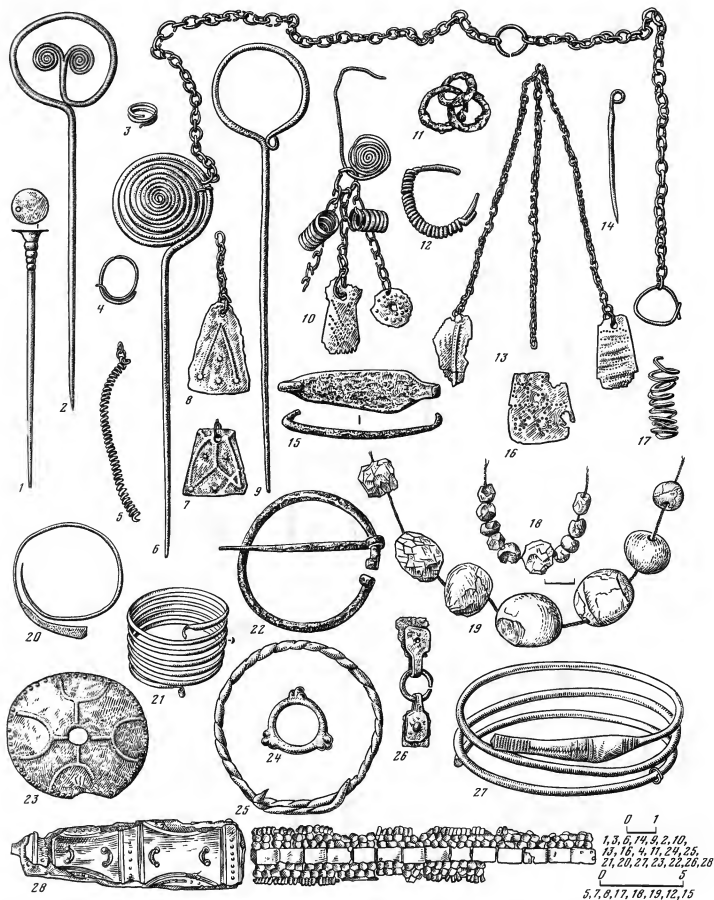


Таблица XI. Украшения с памятников зарубинецкой культуры

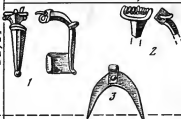
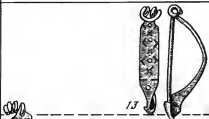
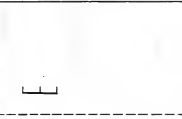
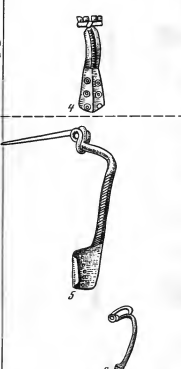
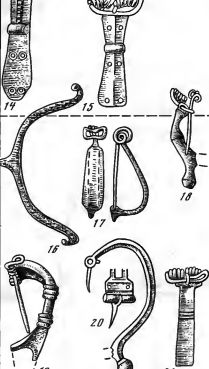
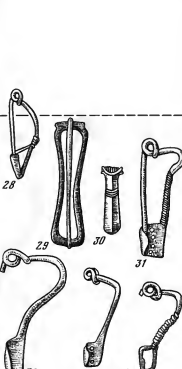
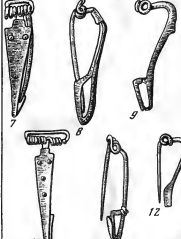
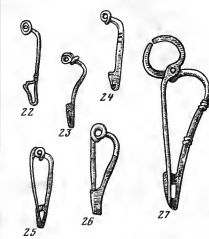

		Среднее Поднепрорье и Лесостепное Левобережье	Верховья Южного Буга	Подесенье		
в. I ст.  раннеримский период в I  раннеримский период в I  в I  раннеримский период в I					культура  позднезарубинецкая  культура	
						
						
		Среднее Поднепрорье	Верхнее Поднепрорье	Припятские Полесье		

Таблица XII. Датированные вещи финала классической зарубинецкой культуры и позднезарубинецкого периода

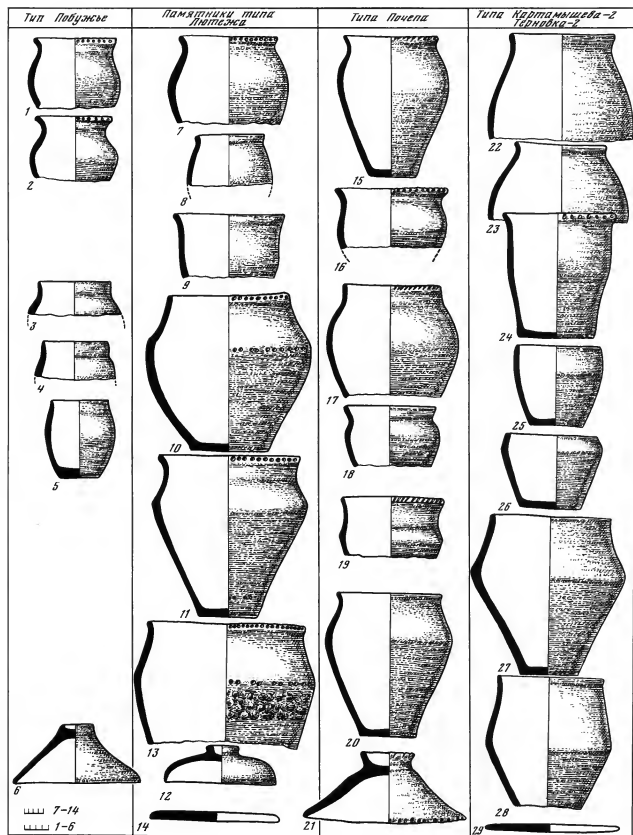


Таблица XIII. Груболепные сосуды позднерубинского периода



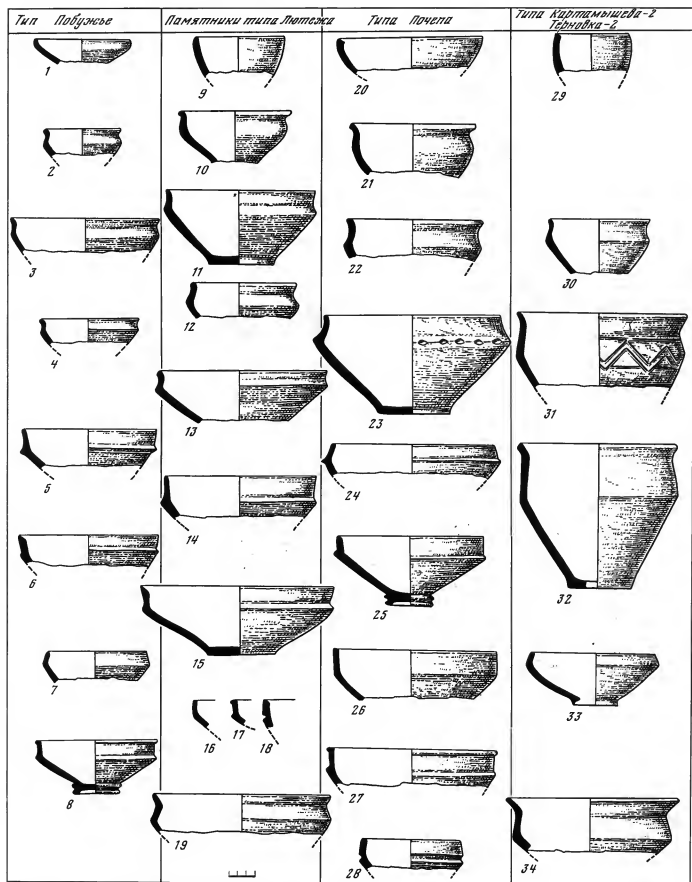


Таблица XIV. Миски из памятников позднезарубинецкого периода

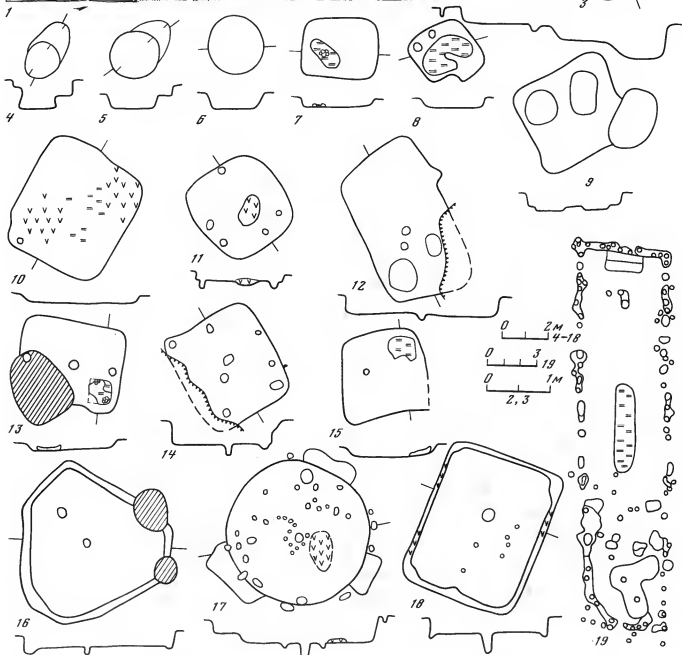


Таблица XV. Жилые и хозяйственные постройки позднезарубинецких памятников

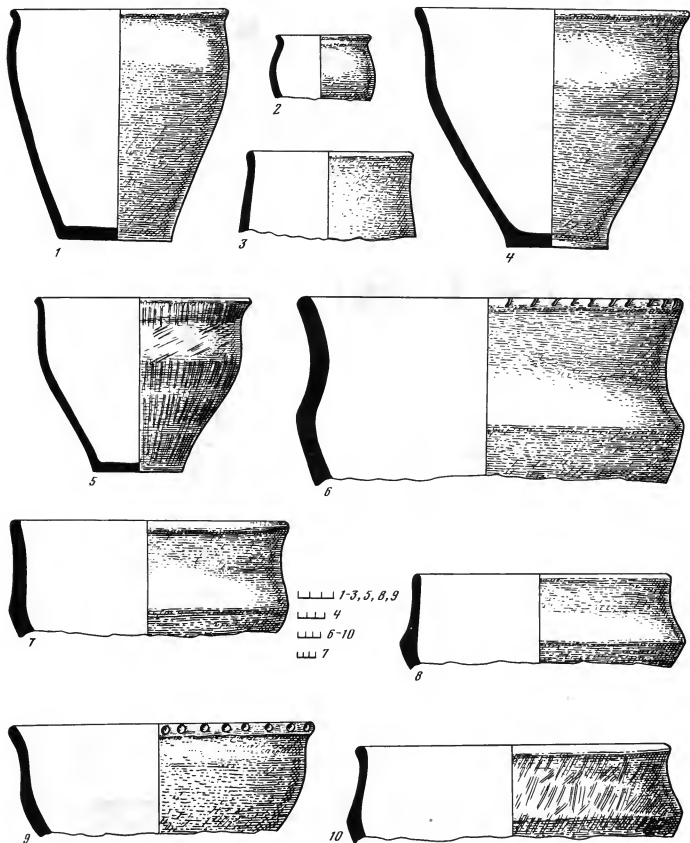


Таблица XVI. Груболепная посуда памятников типа Гриней

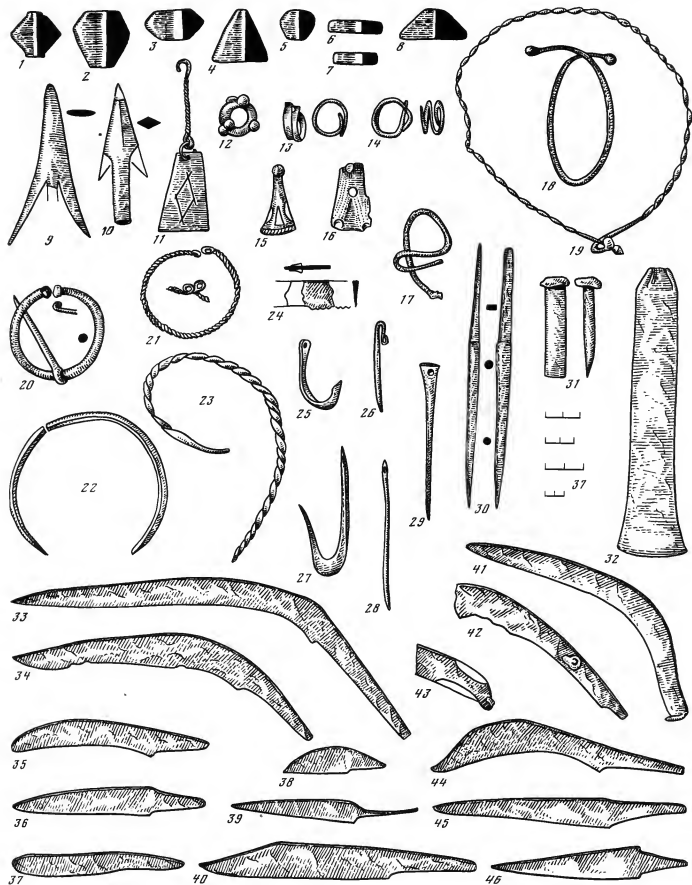


Таблица XVII. Орудия труда, предметы вооружения и некоторые украшения позднесарматского периода

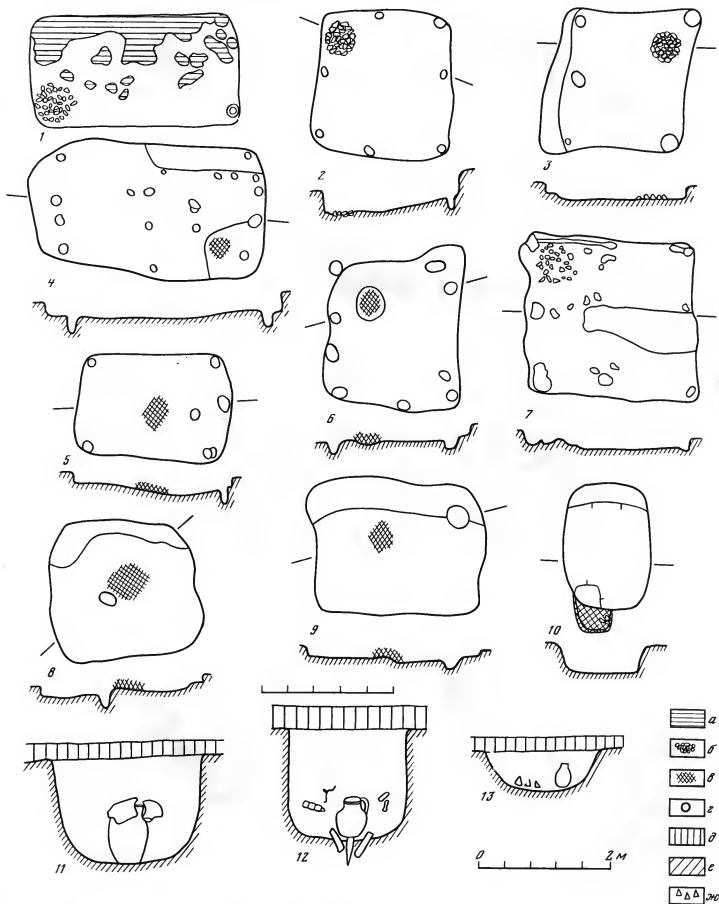


Таблица XVIII. Жилища и погребения пшеворской культуры

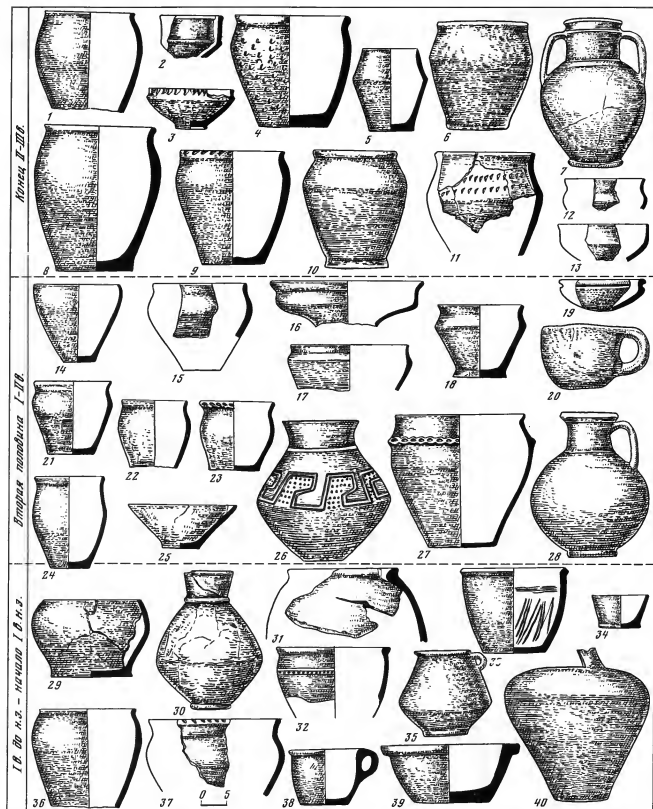


Таблица XIX. Посуда из могильников и поселений пшеворской культуры



Таблица XX. Посуда с памятников пшеворской культуры

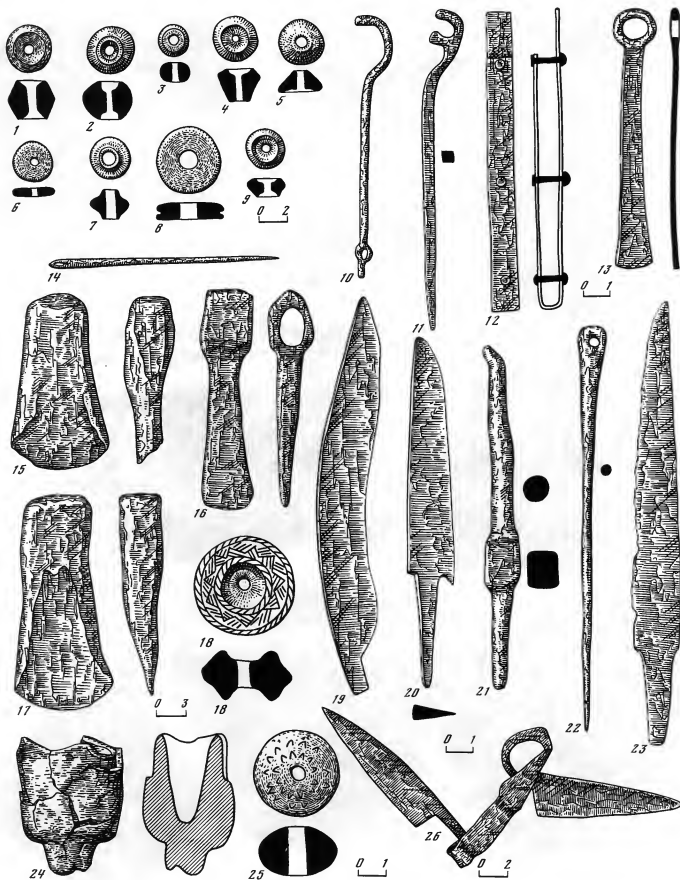


Таблица XXI. Орудия труда и бытовые предметы с памятников пшеворской культуры



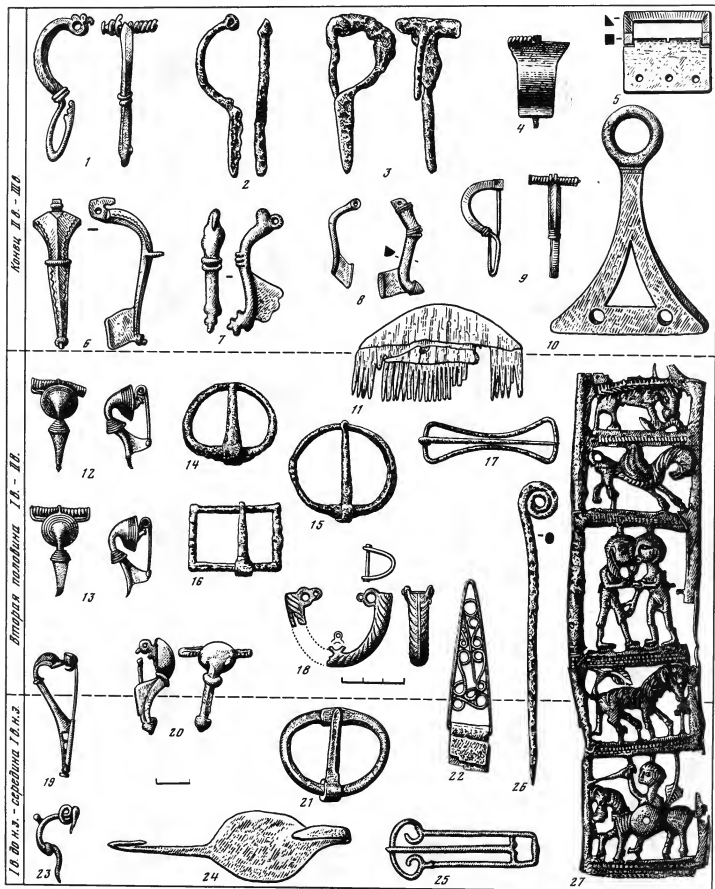


Таблица XXII. Украшения с памятников пшеворской культуры

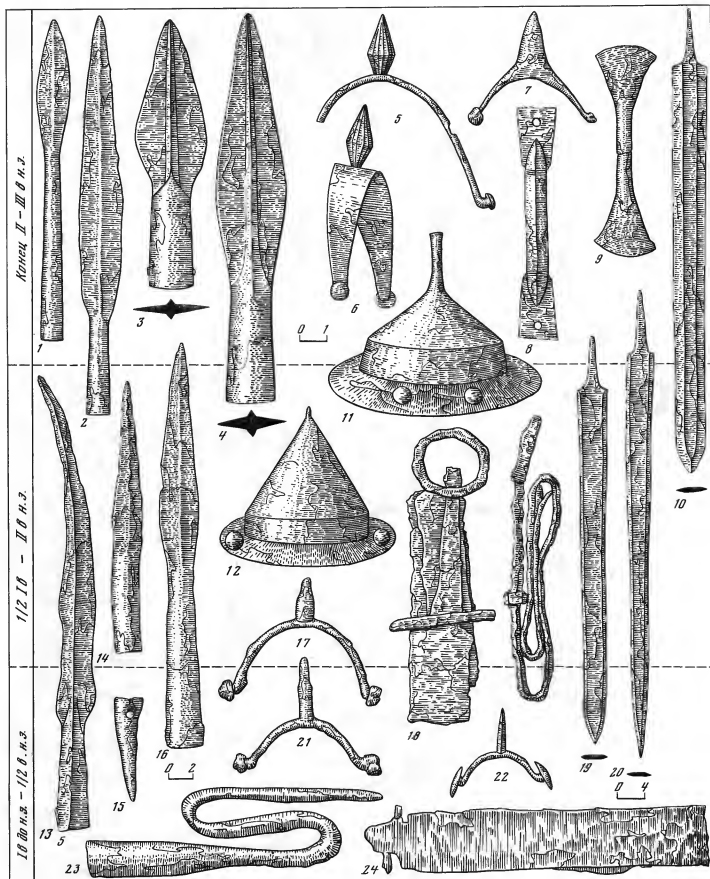


Таблица XXIII. Оружие с памятников пшеворской культуры

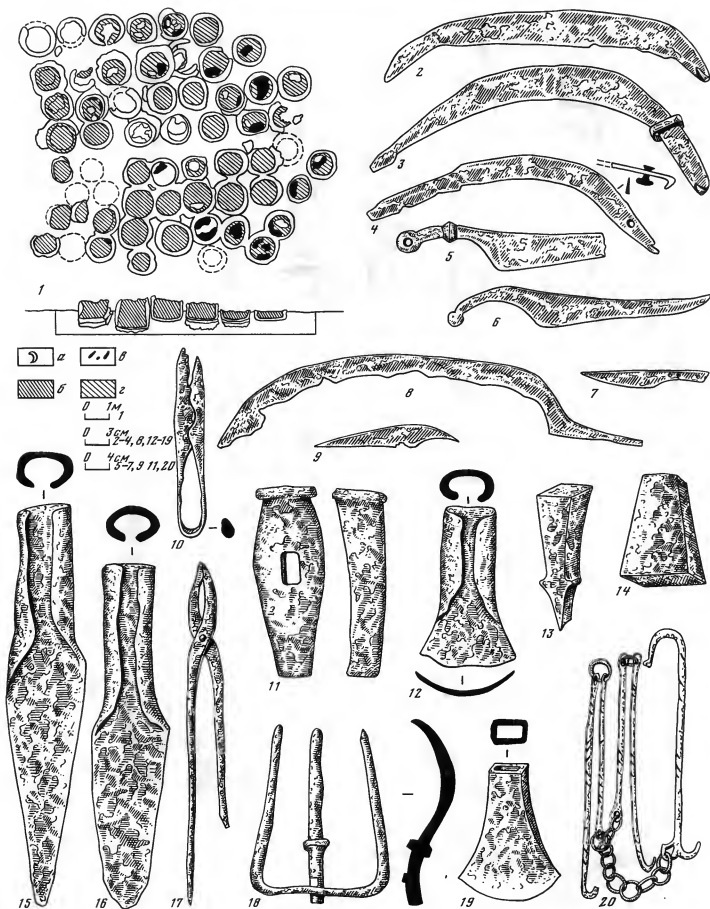


Таблица XXIV. Орудия труда с поселения Галиш-Ловачка и рабочая площадка с «чушками» Новоклиновского центра черной металлургии

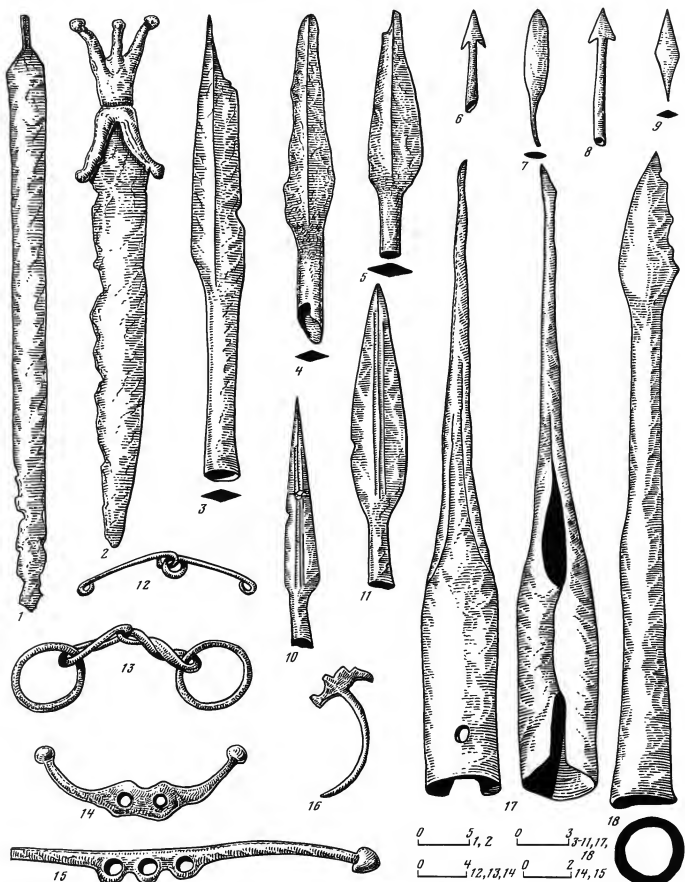


Таблица XXV. Оружие и предметы конского снаряжения с поселения Галиш-Ловачка и кургана XI Куштановицы

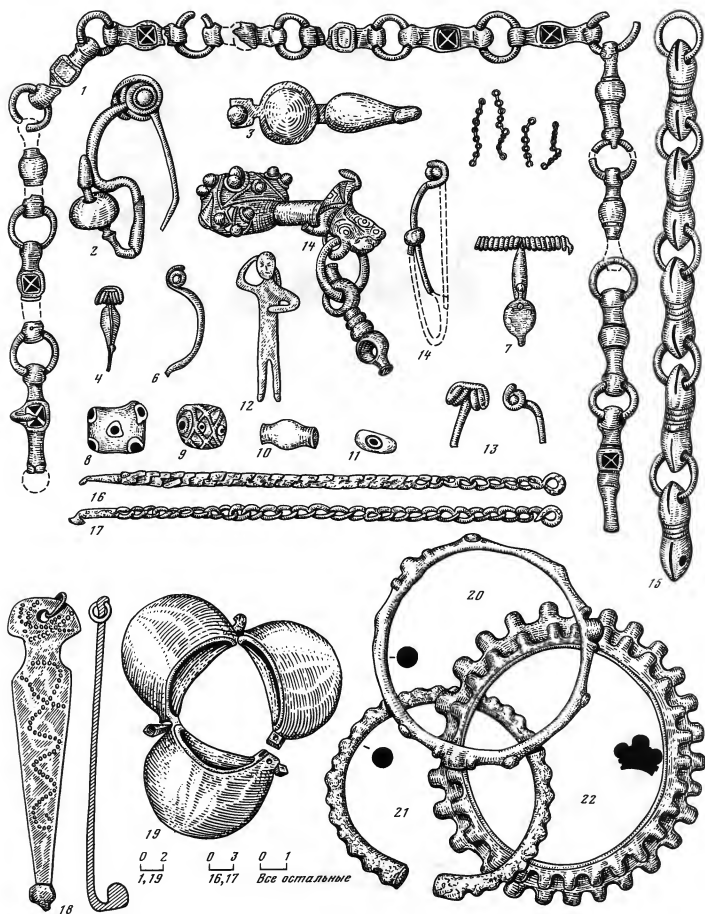


Таблица XXVI. Украшения с латенских памятников Закарпаття

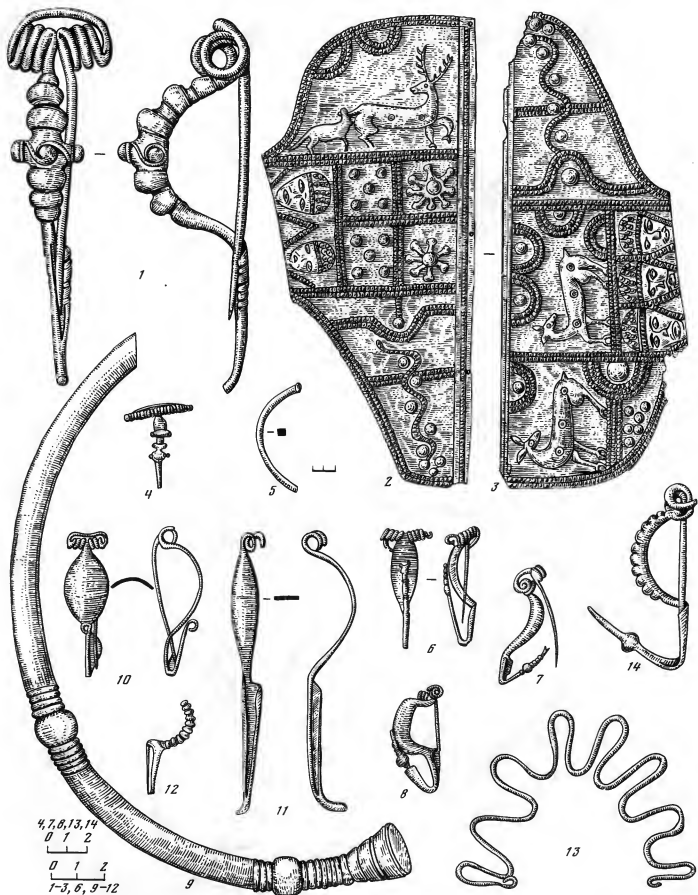


Таблица XXVII. Латенские вещи из находок к востоку от Карпат

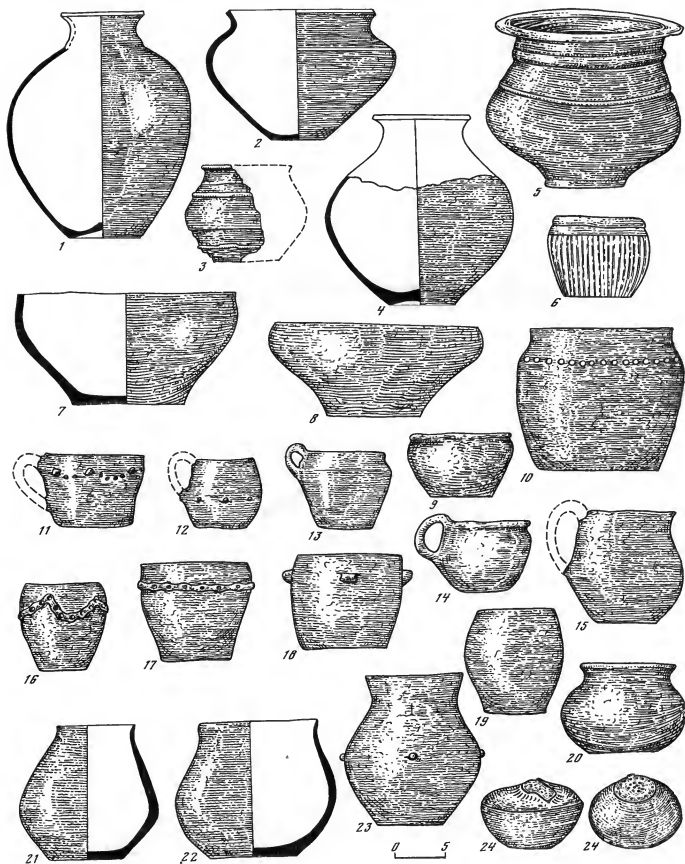


Таблица XXVIII. Посуда из латенских памятников Закарпатья

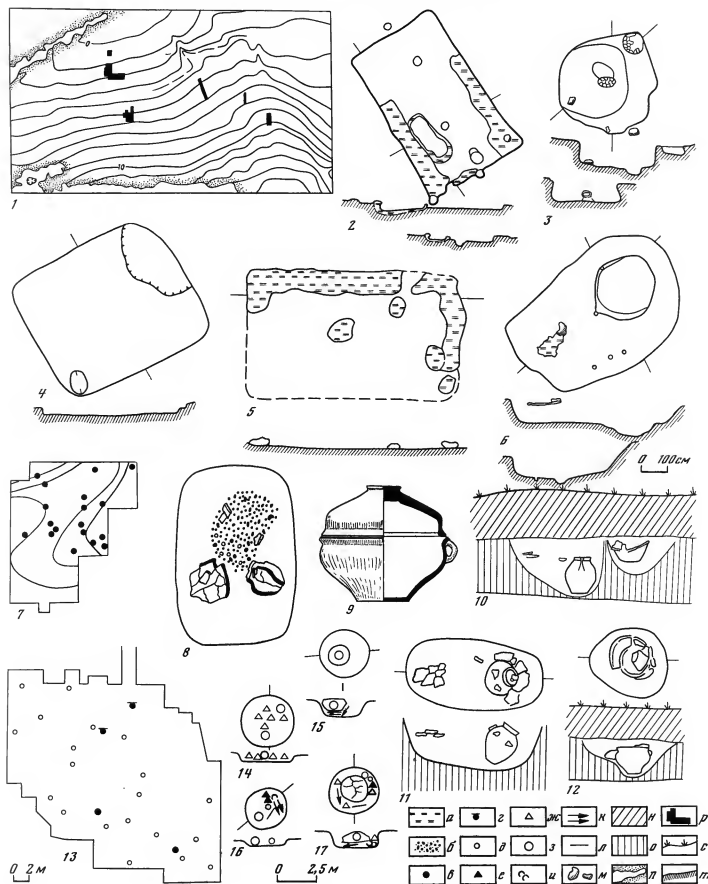


Таблица XXIX. Жилища и погребения культуры Поянешти—Лукашевка



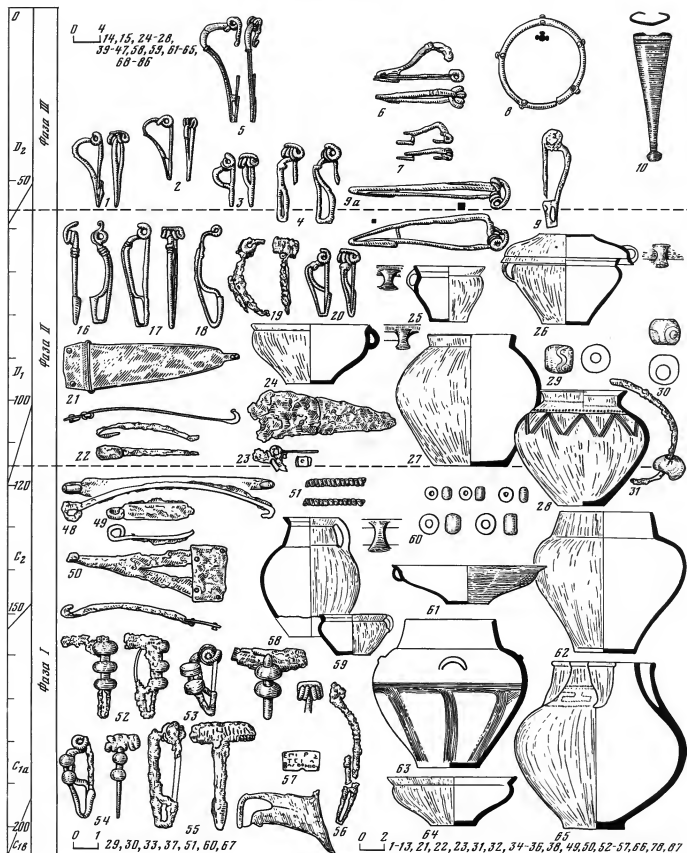


Таблица XXX. Периодизация и хронология культуры Поянешти—Лукашевка

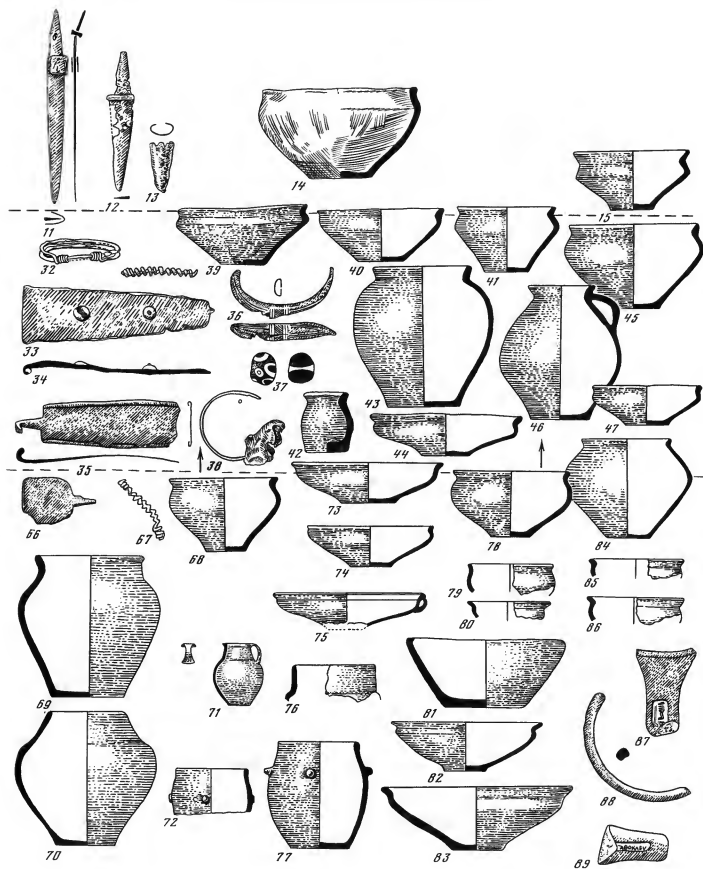


Таблица XXX (окончание)

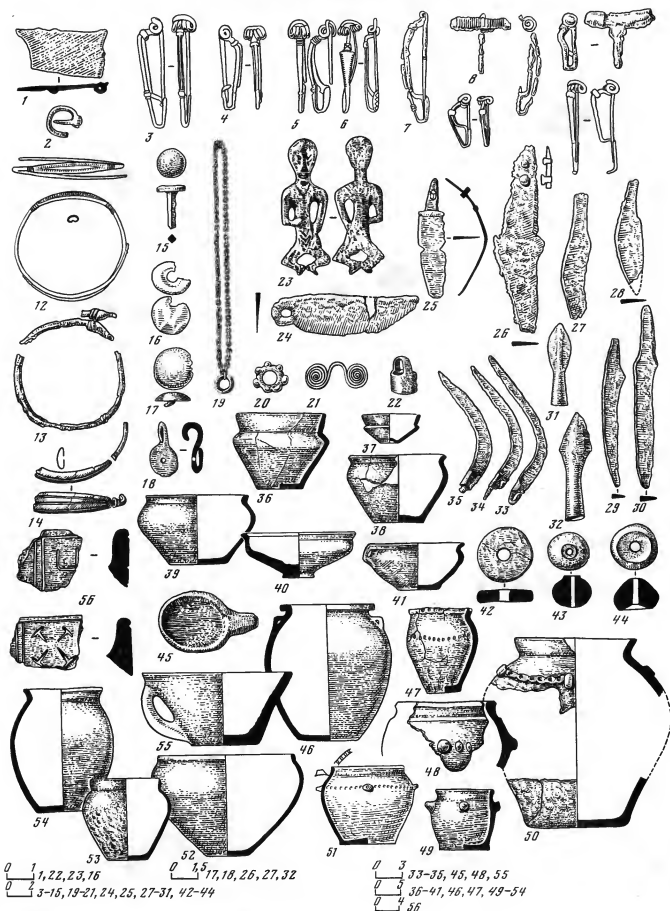


Таблица XXXI. Находки на памятниках культуры Поянешти — Лукашевка

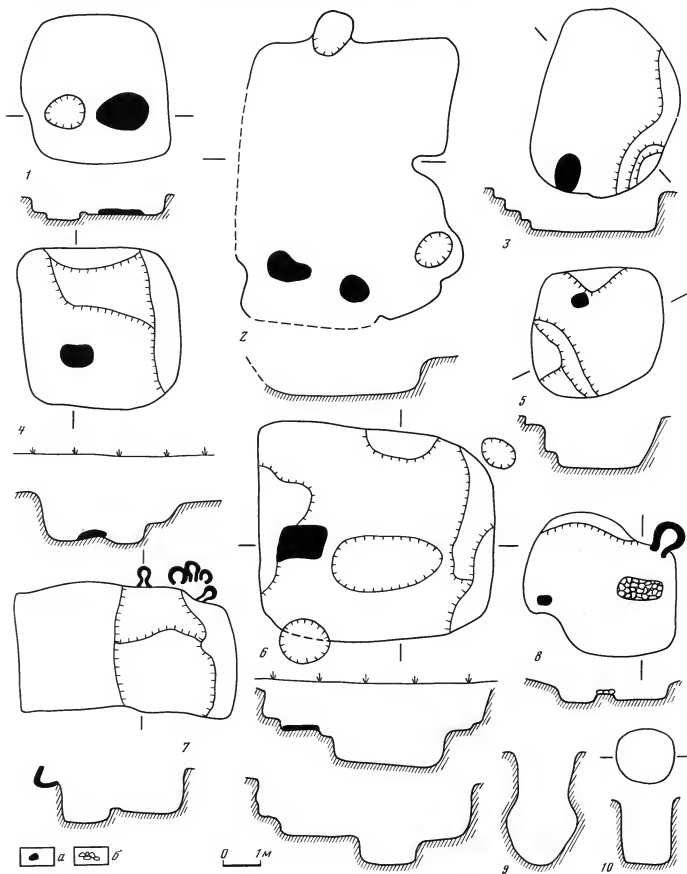


Таблица XXXII. Жилые и хозяйственные сооружения липиçкой культуры

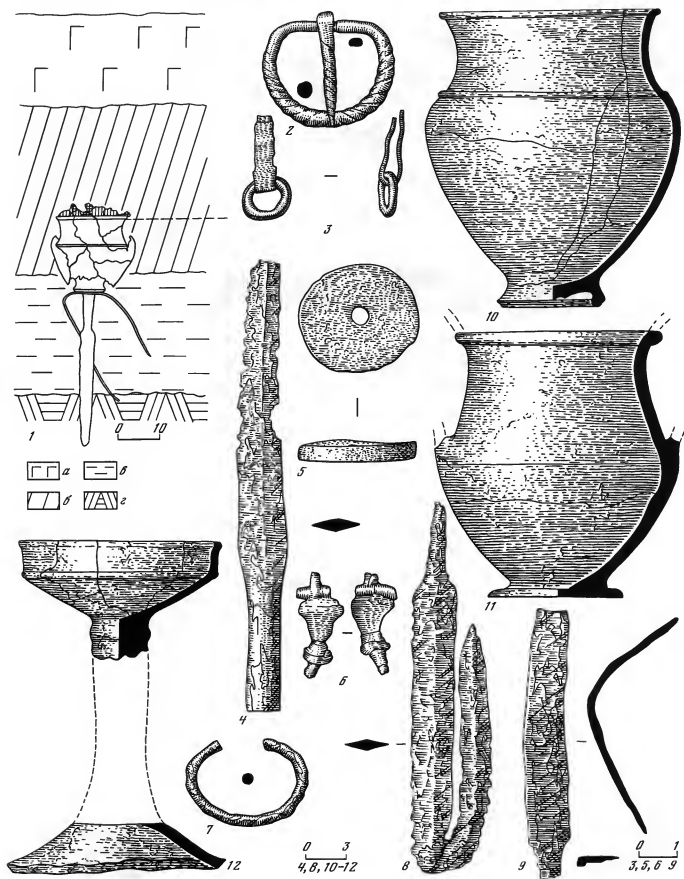


Таблица XXXIII. Липицкое погребение 15 могильника в Звенигороде с пшеворскими особенностями в инвентаре

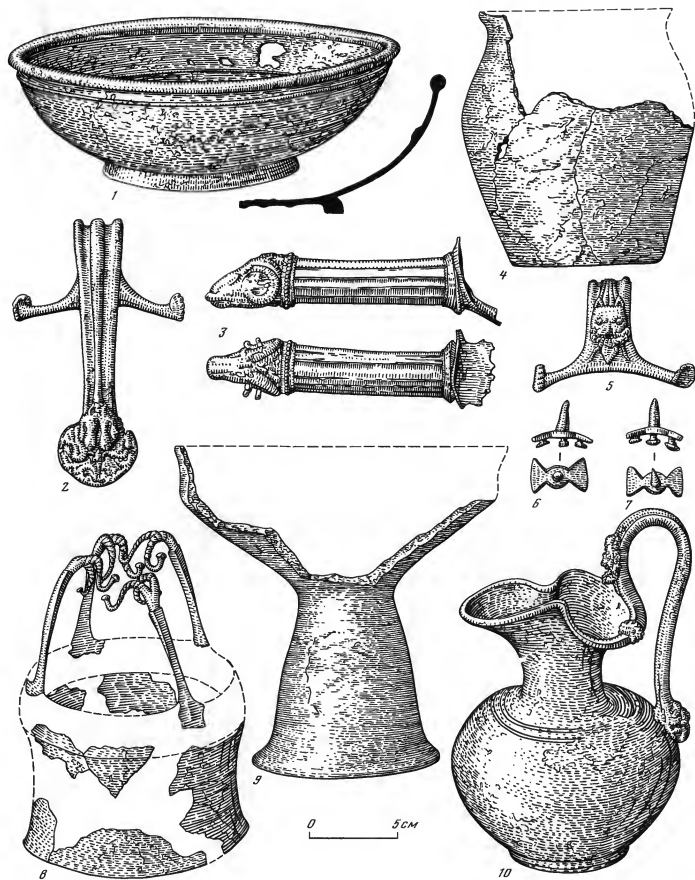


Таблица XXXIV. Вещи из богатых погребений липицкой культуры



Таблица XXXV. Грубая лепная посуда липицкой культуры

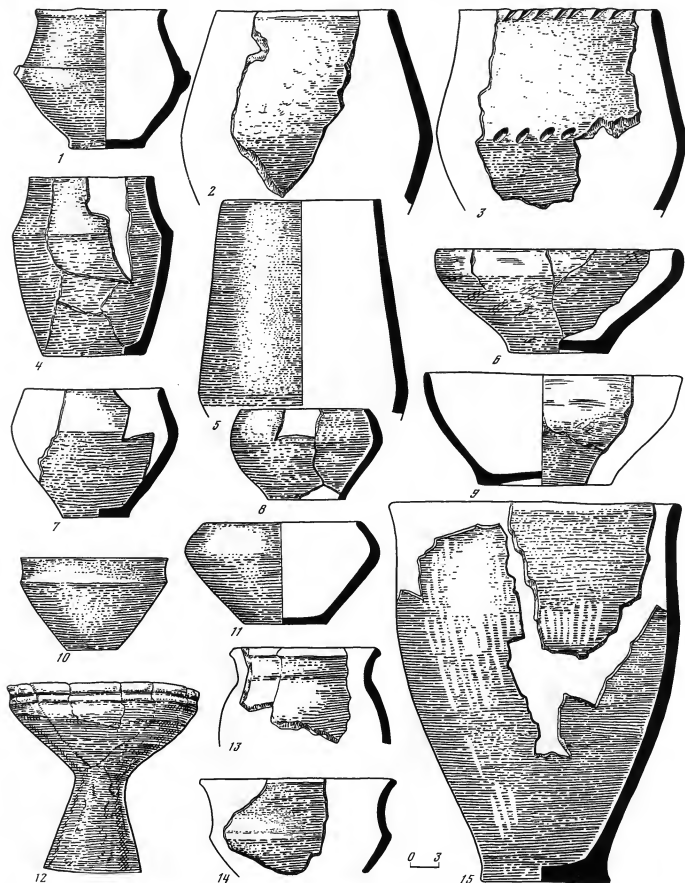


Таблица XXXVI. Лепная столовая посуда липницкой культуры



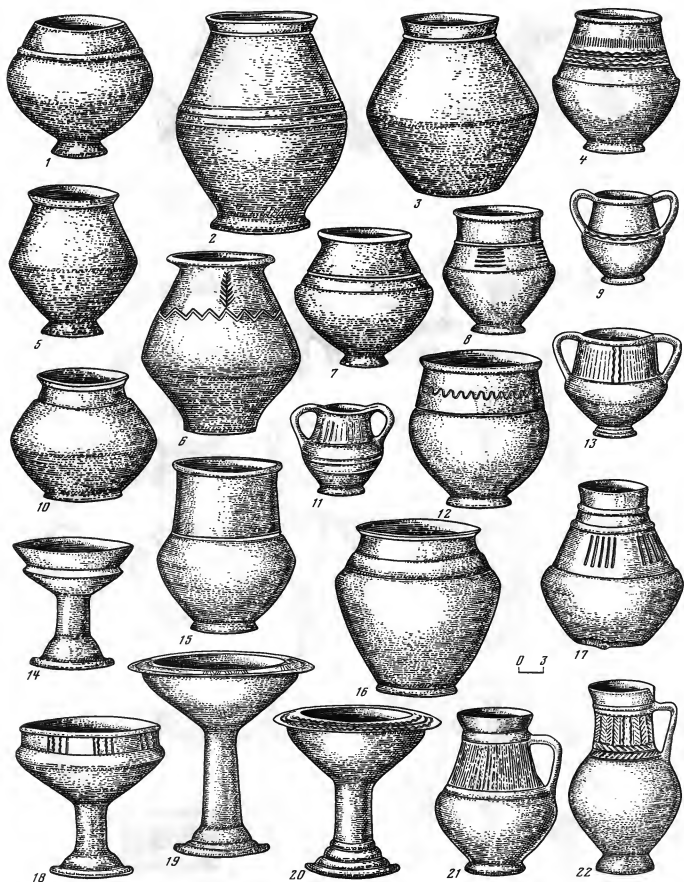


Таблица XXXVII. Гончарная посуда из могильника Верхняя Липица

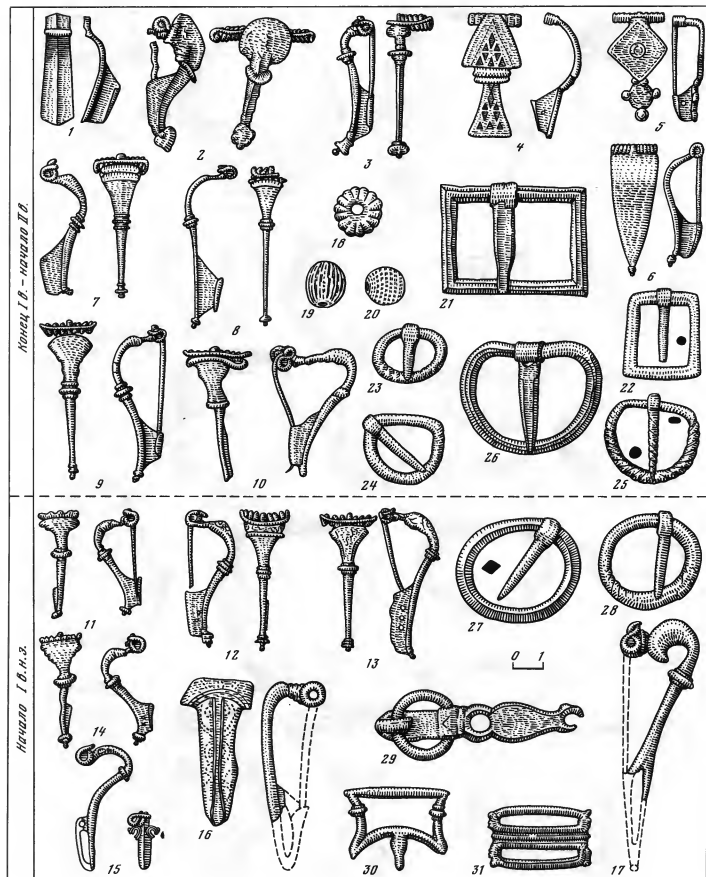


Таблица XXXVIII. Украшения липицкой культуры

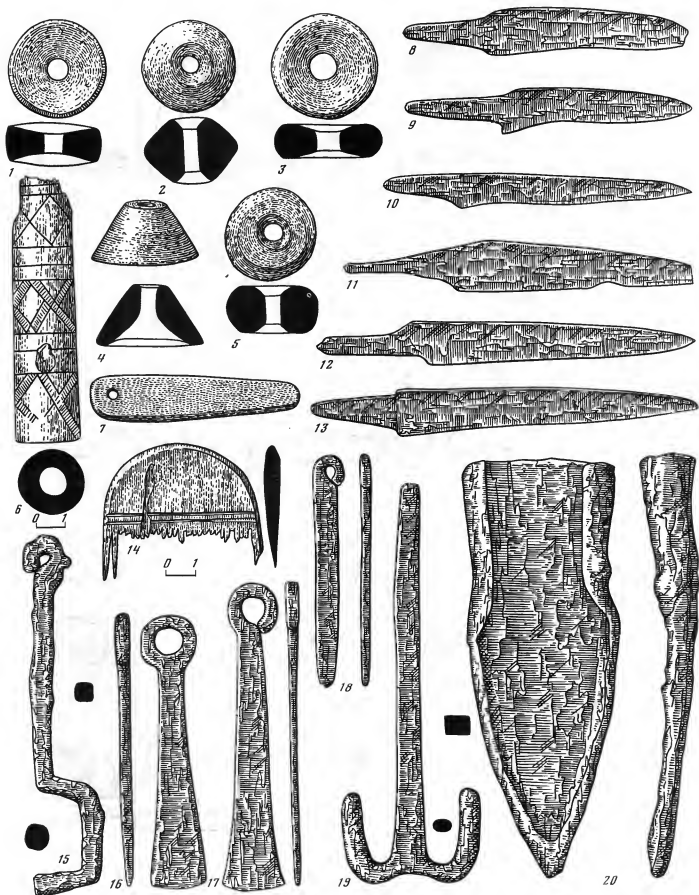
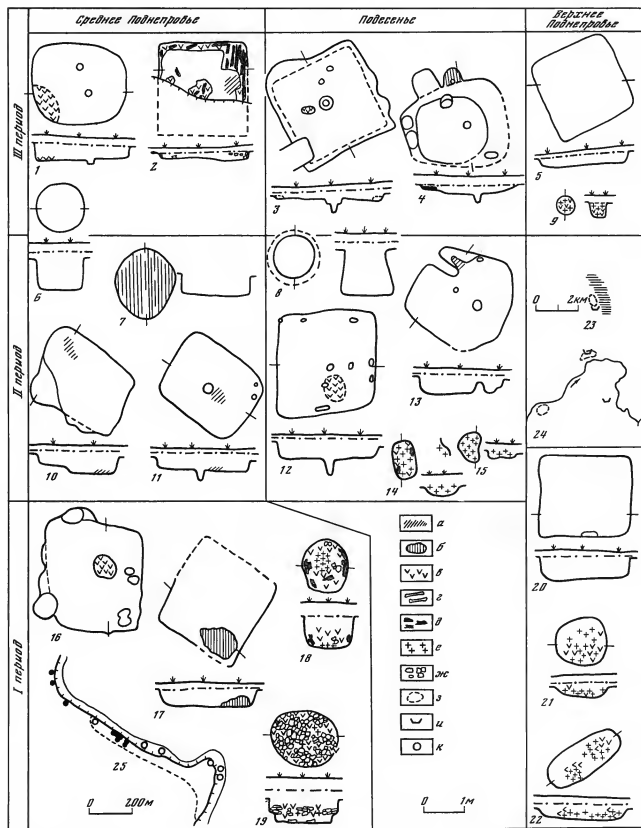


Таблица XXXIX. Орудия труда и бытовые предметы из памятников липицкой культуры



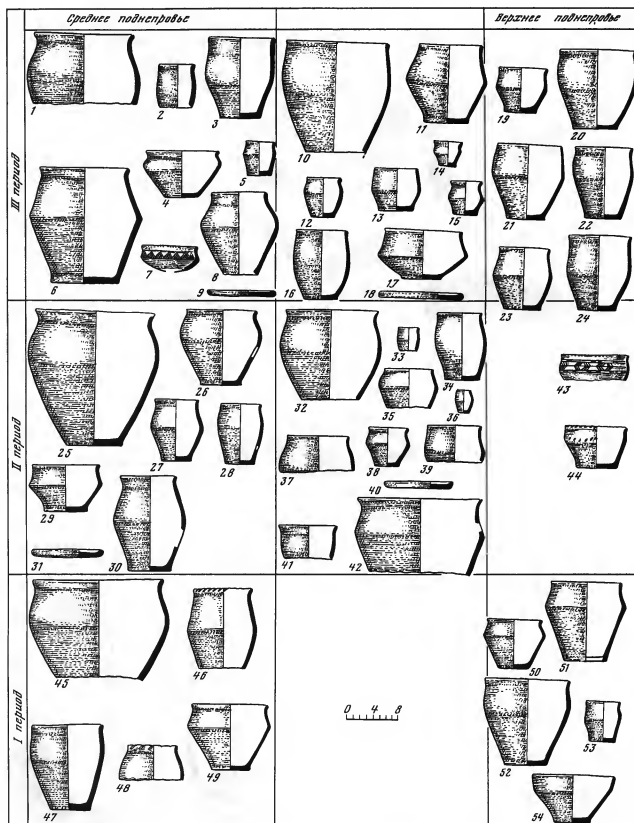


Таблица ХLI. Посуда киевской культуры

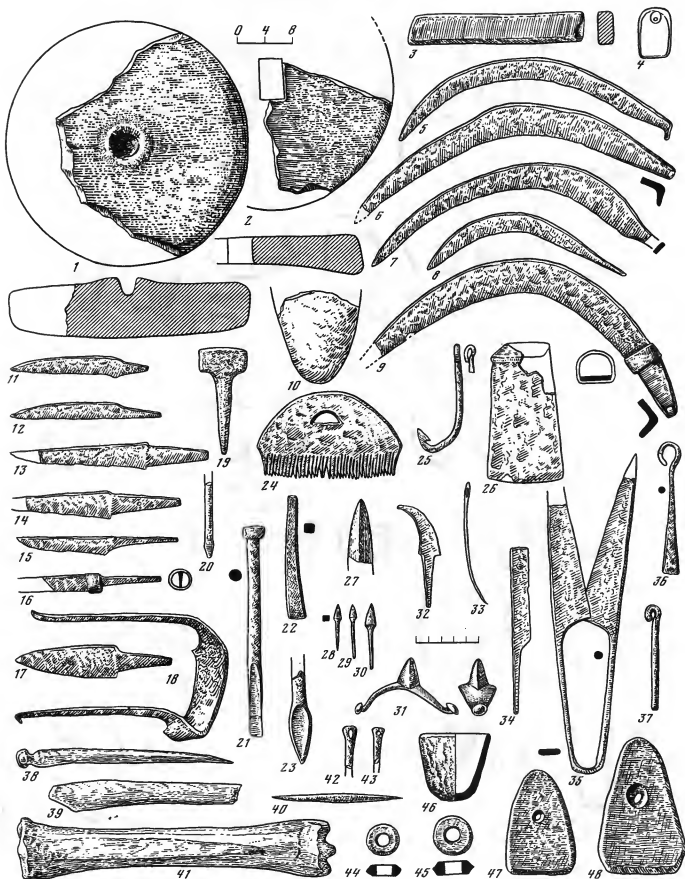


Таблица XLII. Орудия труда, предметы быта и вооружения киевской культуры

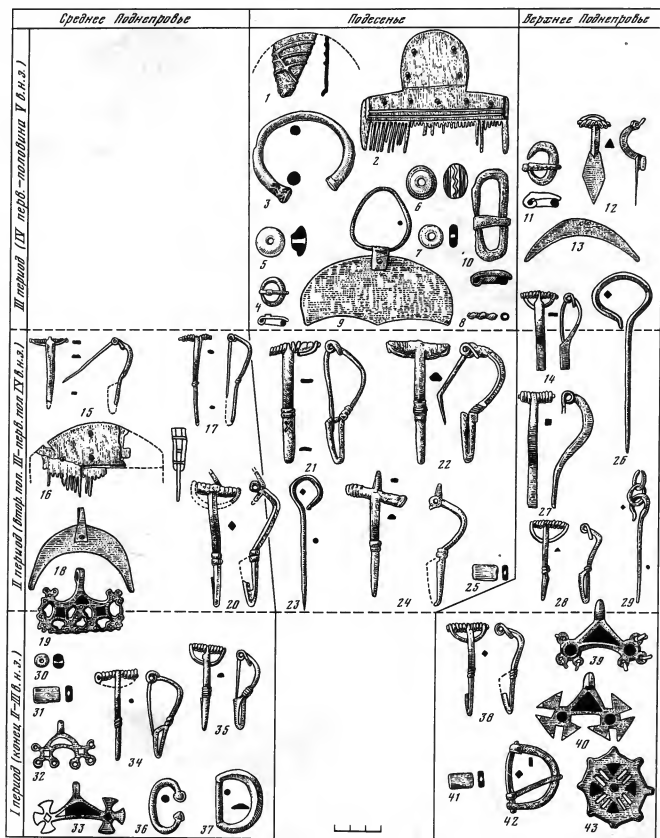


Таблица XLIII. Украшения и предметы личного убора киевской культуры

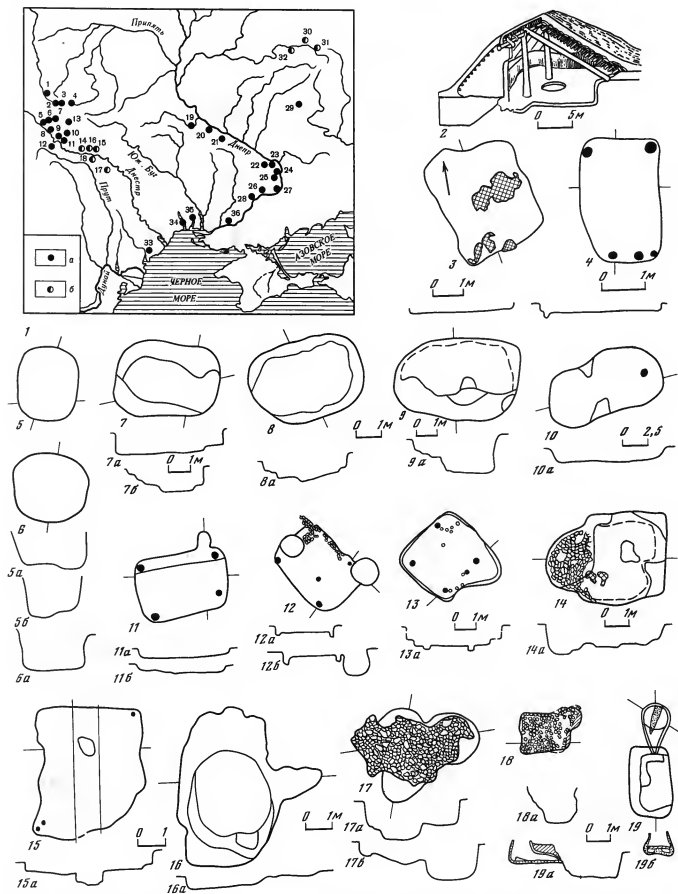


Таблица XLIV. Схема распространения черняховских углубленных построек и планы полуземлянок



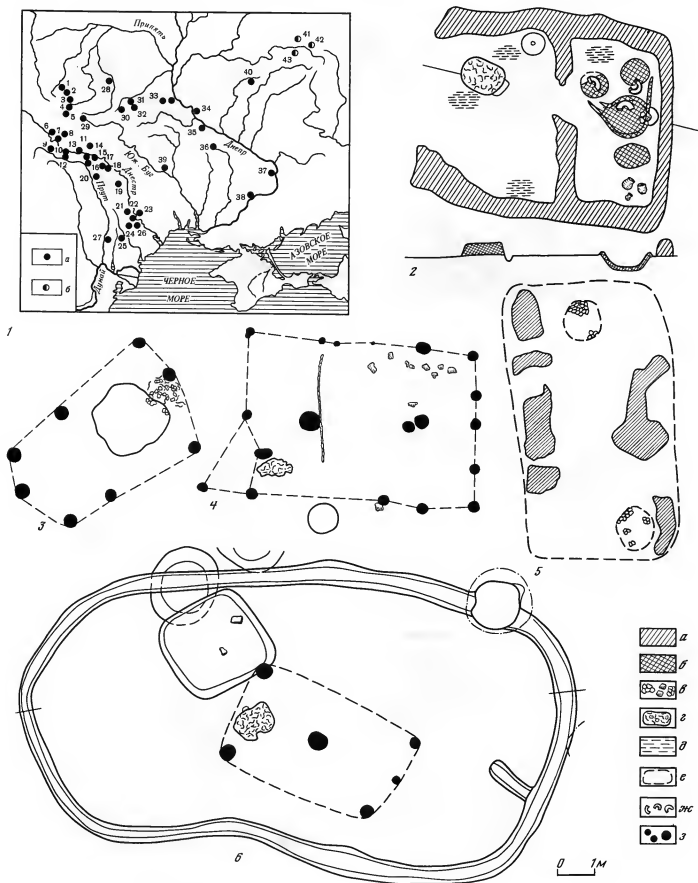


Таблица XLV. Схема распространения черняховских наземных построек и их планы



Таблица XLVI. Остатки наземных построек и реконструкция большого наземного дома из Делакее (по Э. А. Рикману)



Таблица XLVII. Остатки наземных сооружений черняховской культуры

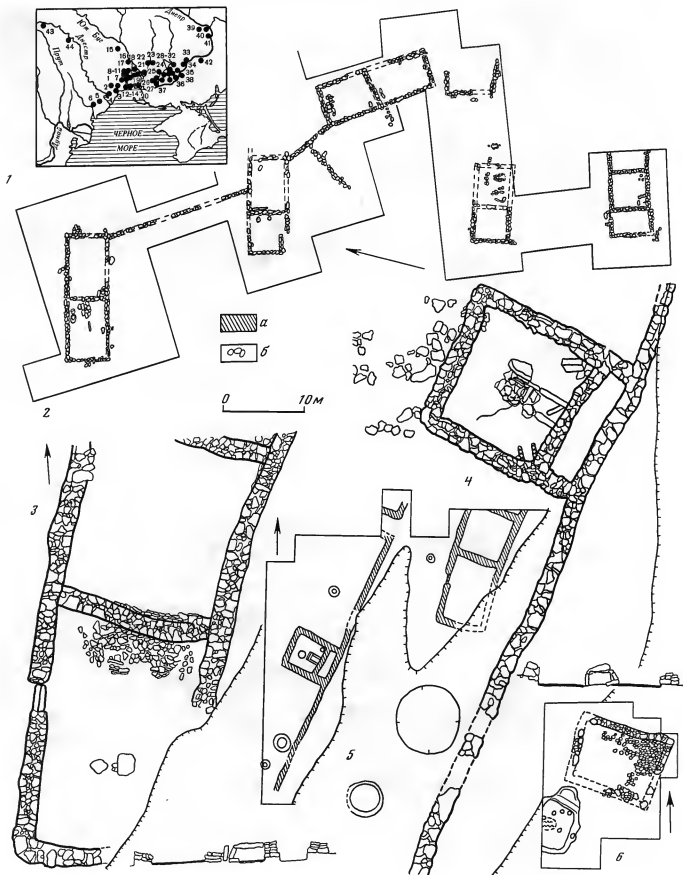


Таблица XLVIII. Схема распространения каменных построек на поселениях черняховского типа и планы построек

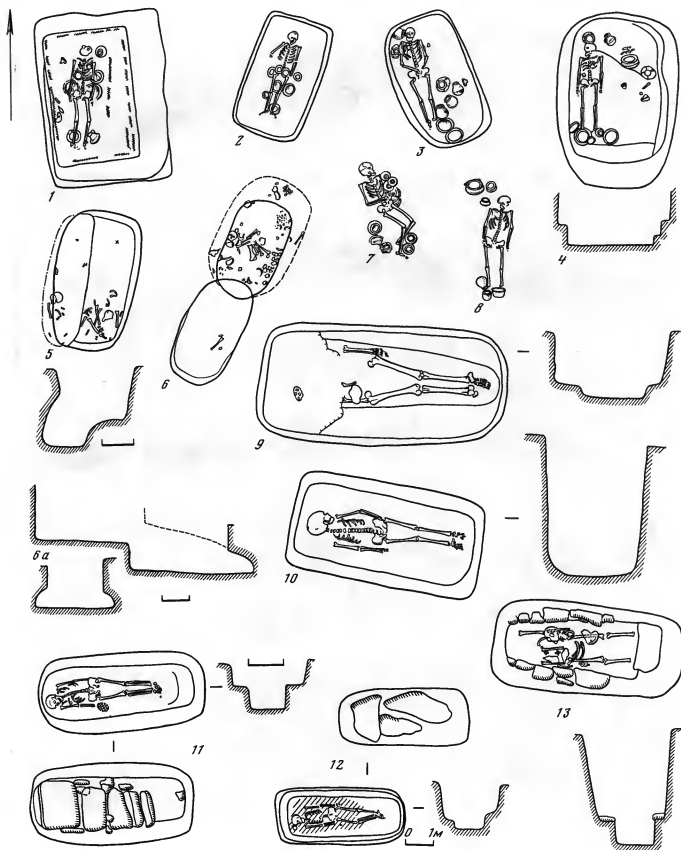


Таблица XLIX. Черняховские погребения по обряду труположения

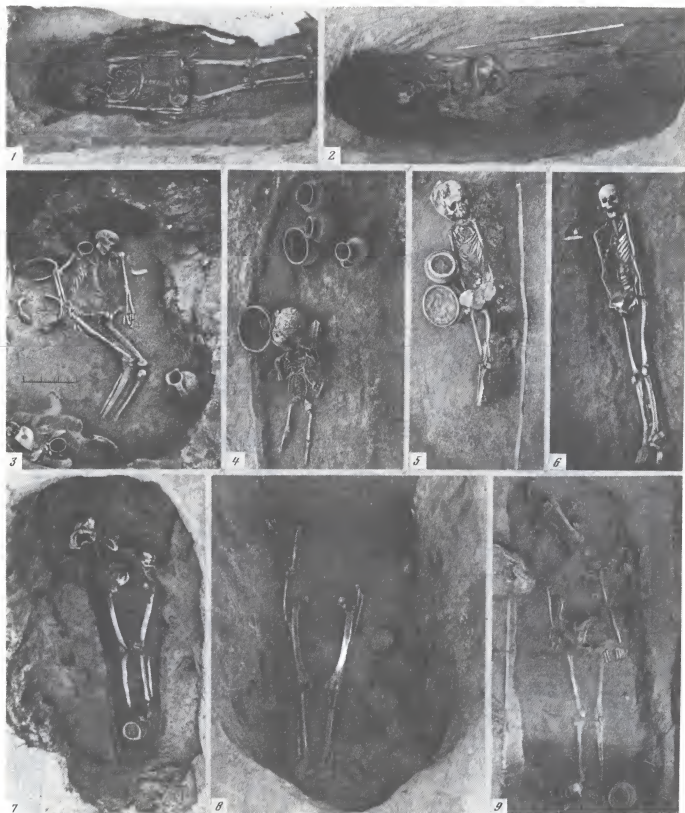


Таблица L. Черняховские труположения с северной и западной ориентировкой

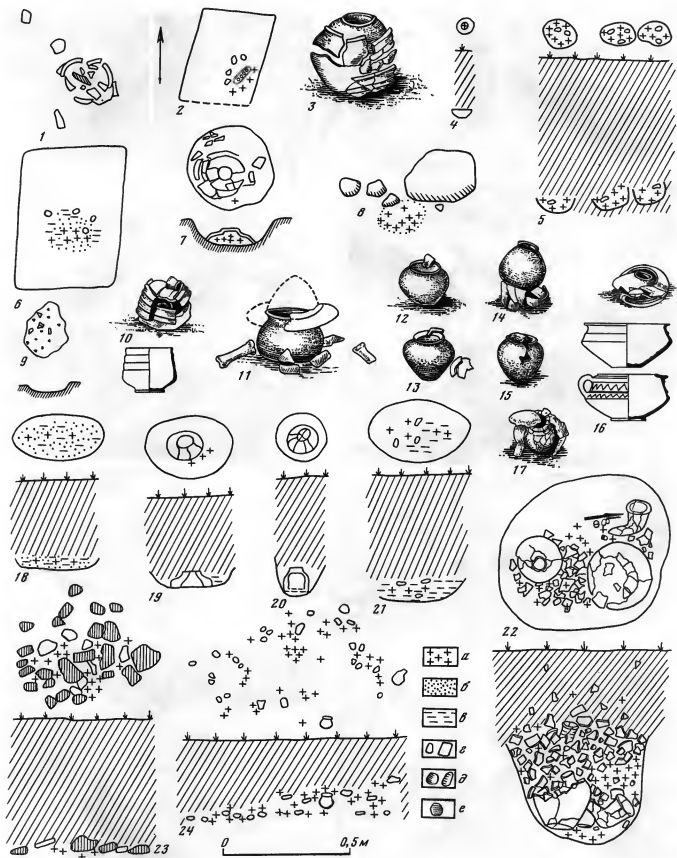


Таблица LI. Погребение черняховской культуры с трупосожжениями



Таблица LII. Урновые и безурновые трупосожжения черняховской культуры



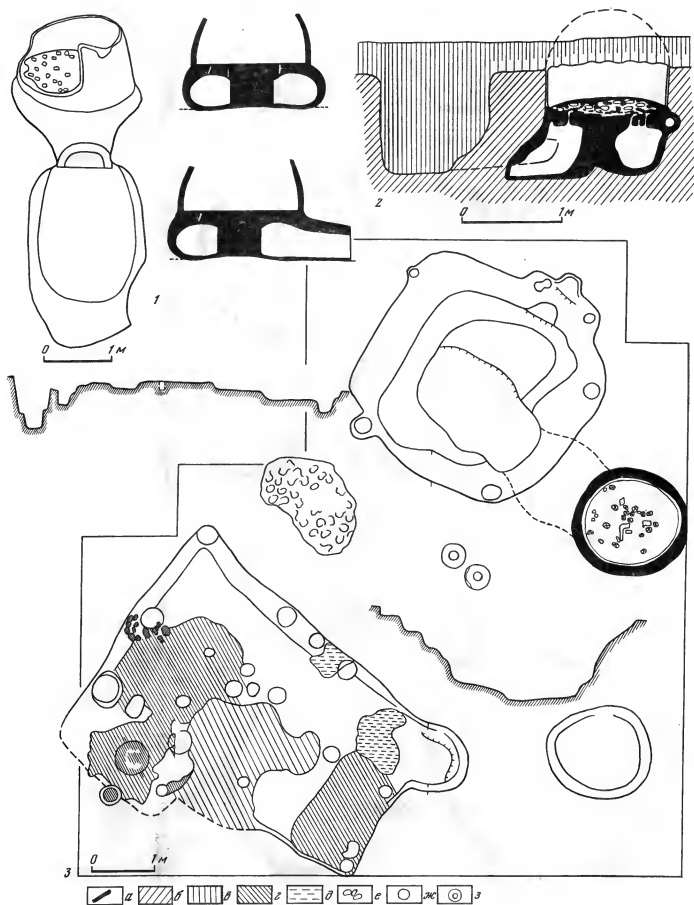


Таблица LIII. Гончарные горы черняховской культуры

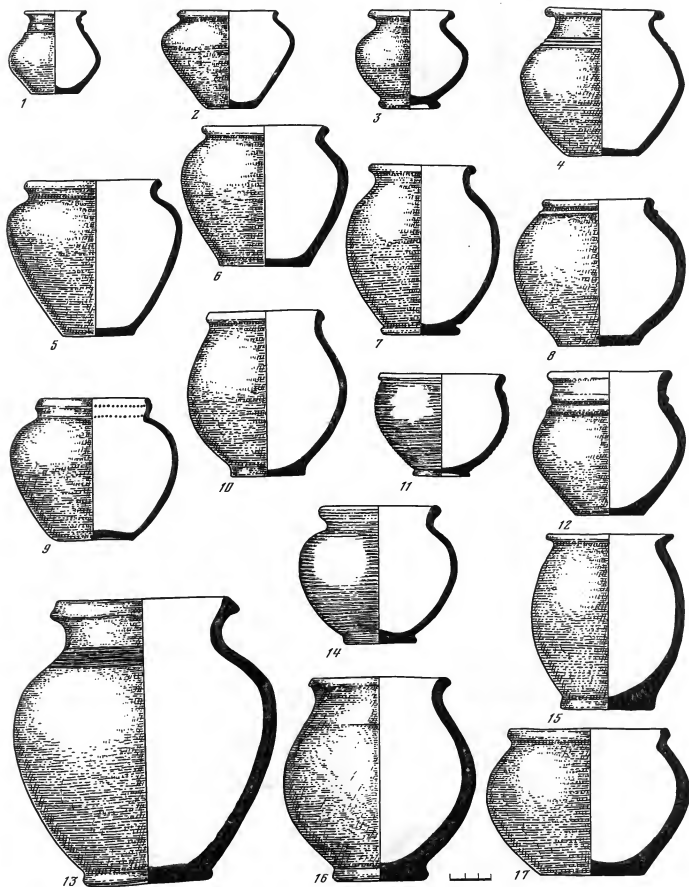


Таблица LIV. Гончарные черняховские горшки

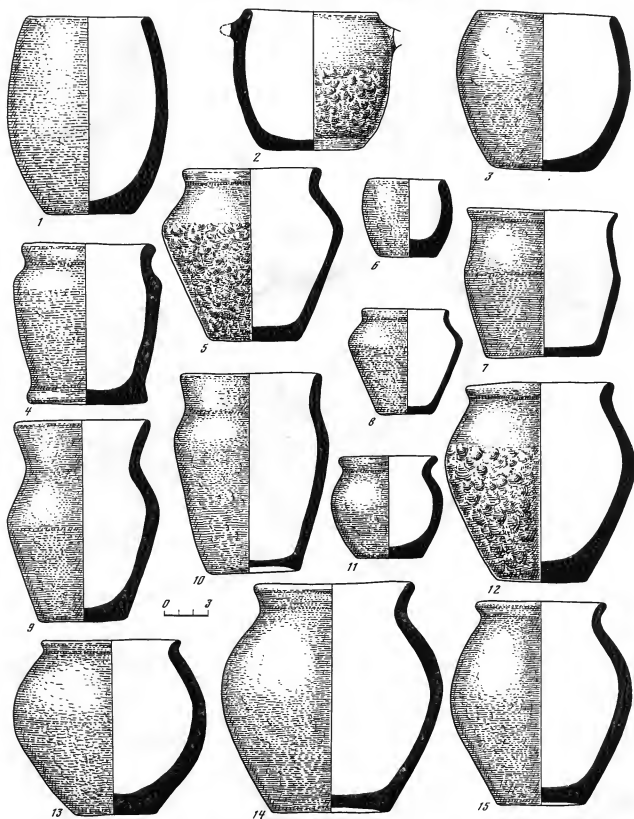


Таблица LV. Лепные сосуды с черняховских памятников

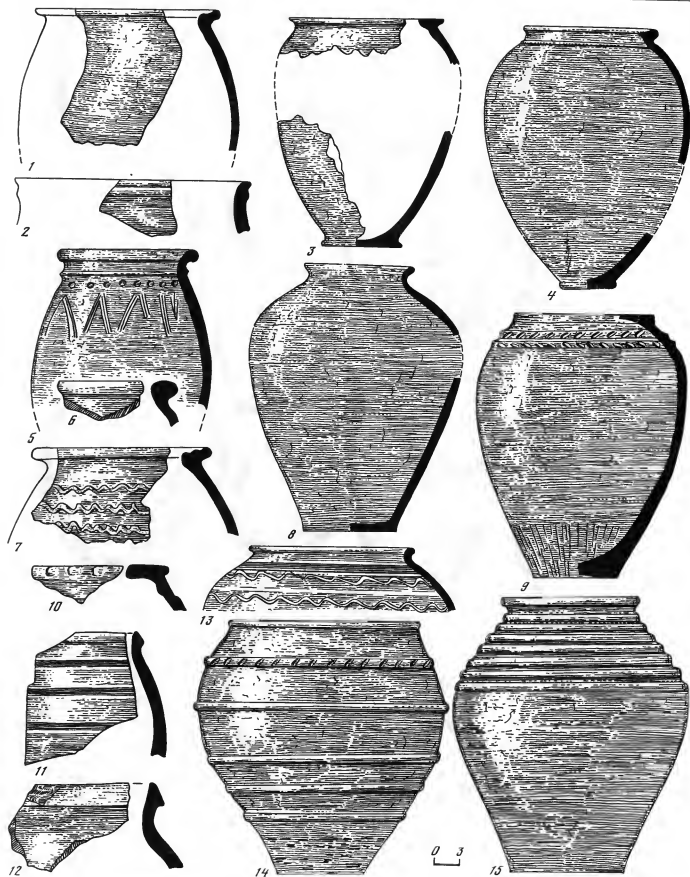


Таблица LVI. Пифосообразные сосуды-хранилища, вылепленные от руки (1, 2, 5) и сделанные на гончарном круге (3, 4, 6—15)

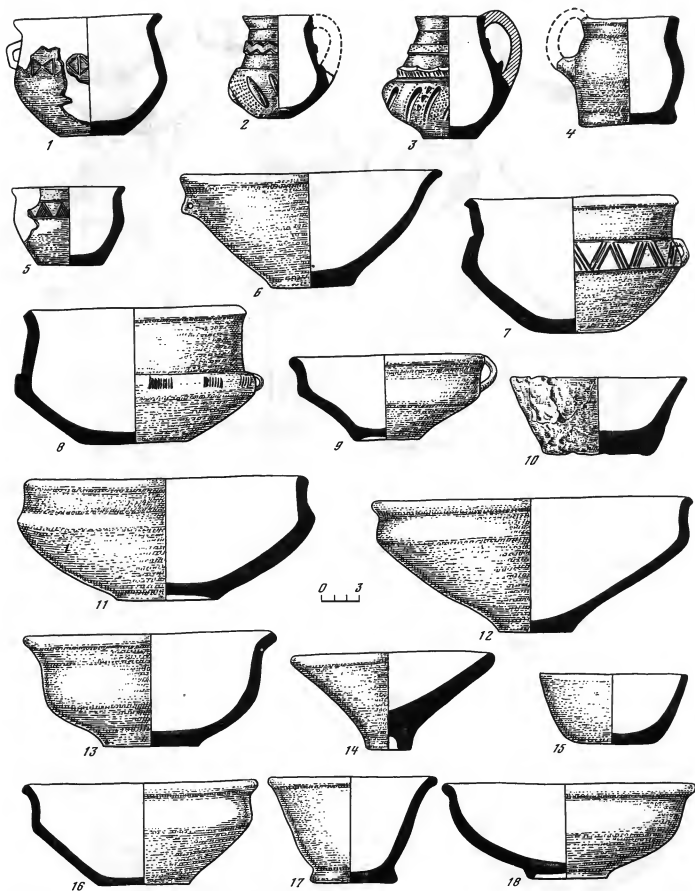


Таблица LVII. Черняховские лепные миски и кружки

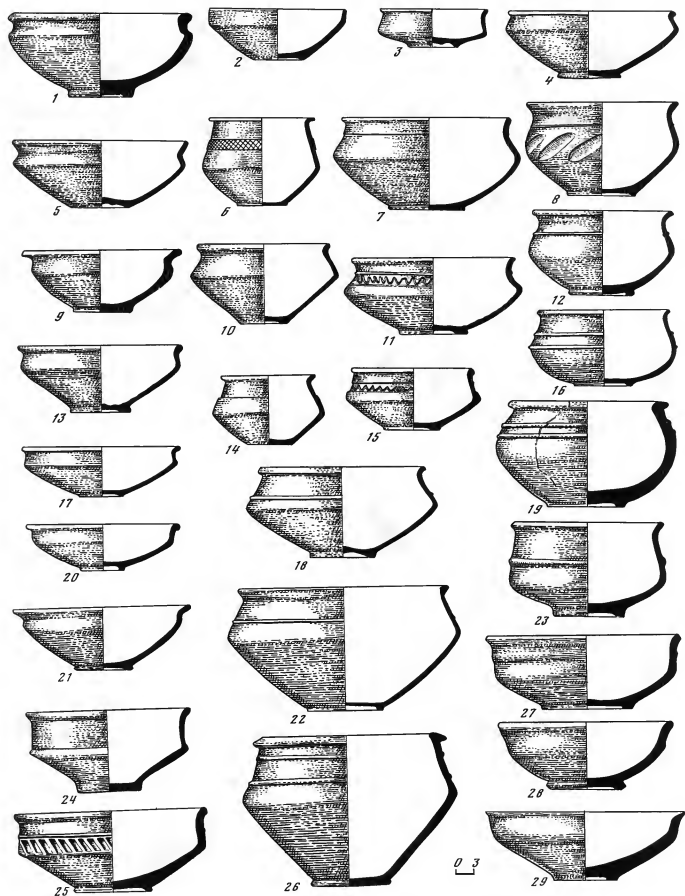


Таблица LVIII. Черняховские гончарные миски

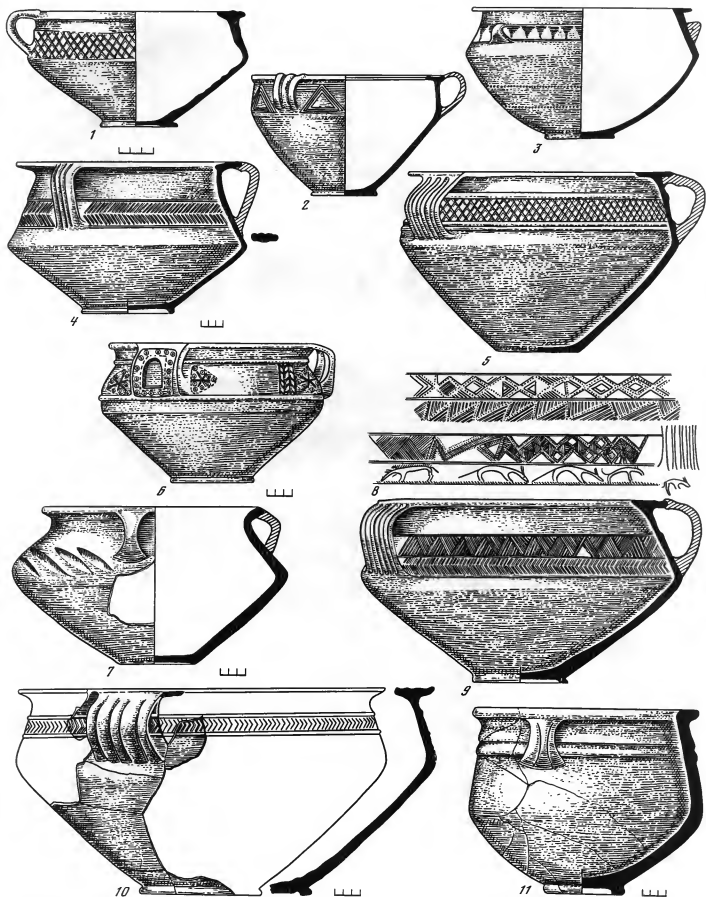


Таблица LIX. Черняховские трехручные вазы



Таблица LX. Черняховские сосуды



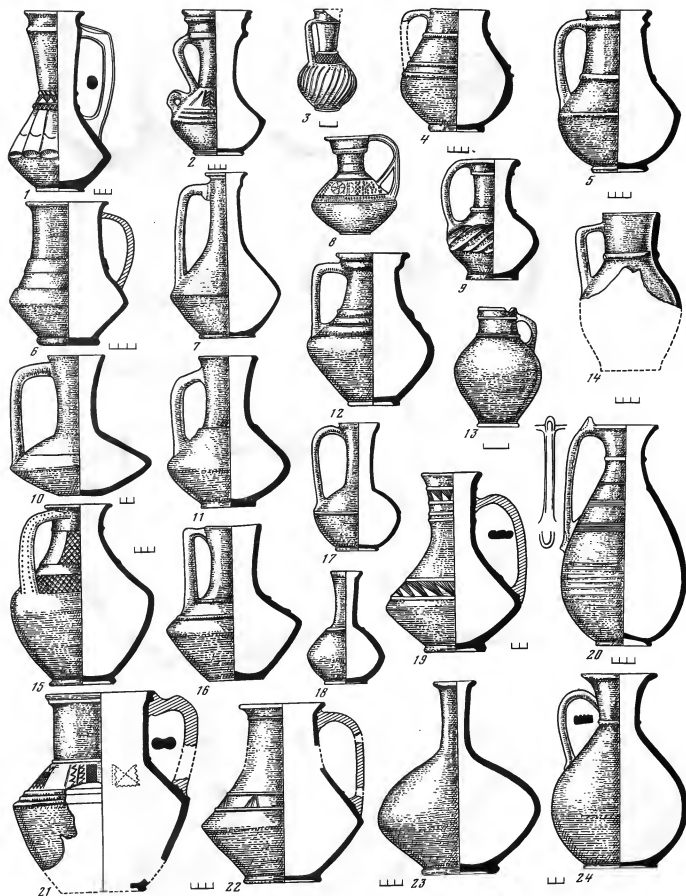


Таблица LXI. Черняховские гончарные кувшины

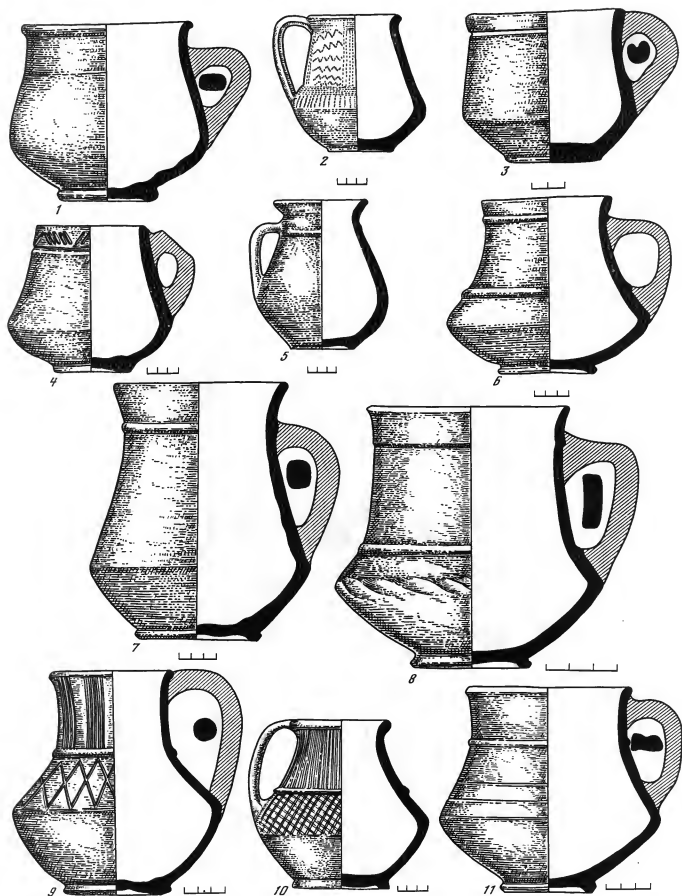


Таблица LXII. Черняховские гончарные кружки



Таблица LXIII. Черняховские глиняные кубки

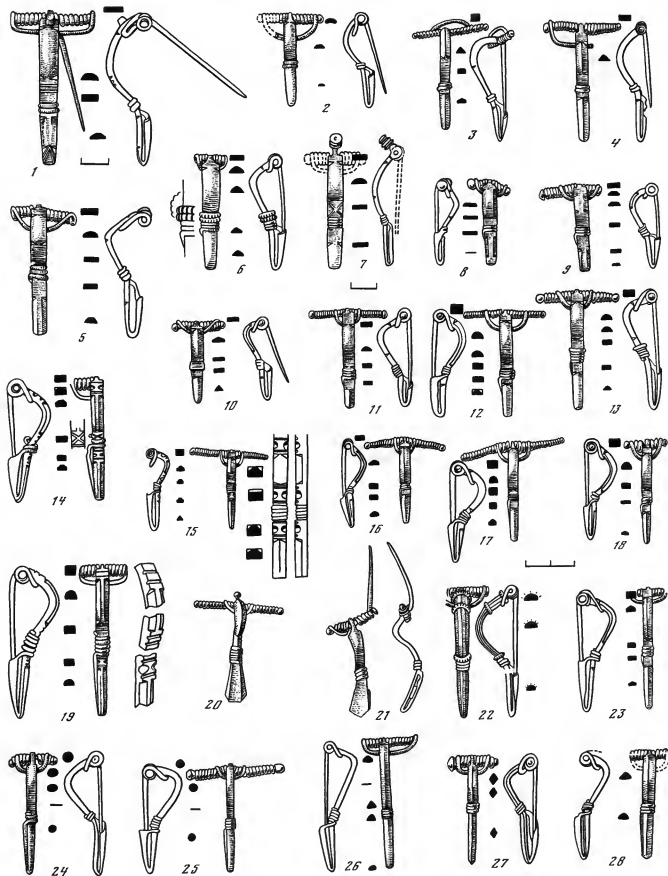


Таблица LXIV. Фибулы черняховской культуры

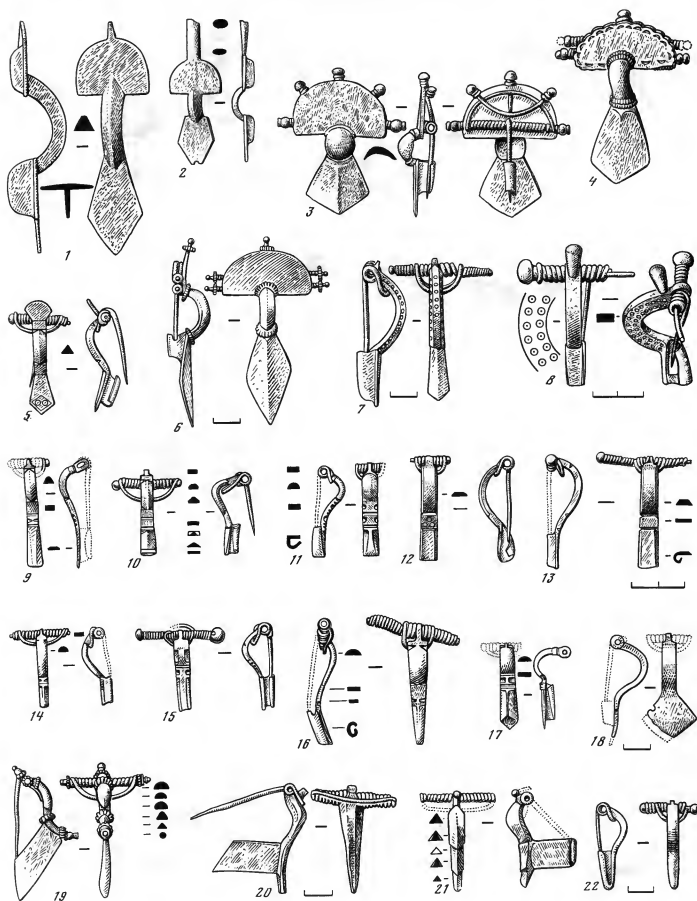


Таблица LXV. Фибулы черняховской культуры

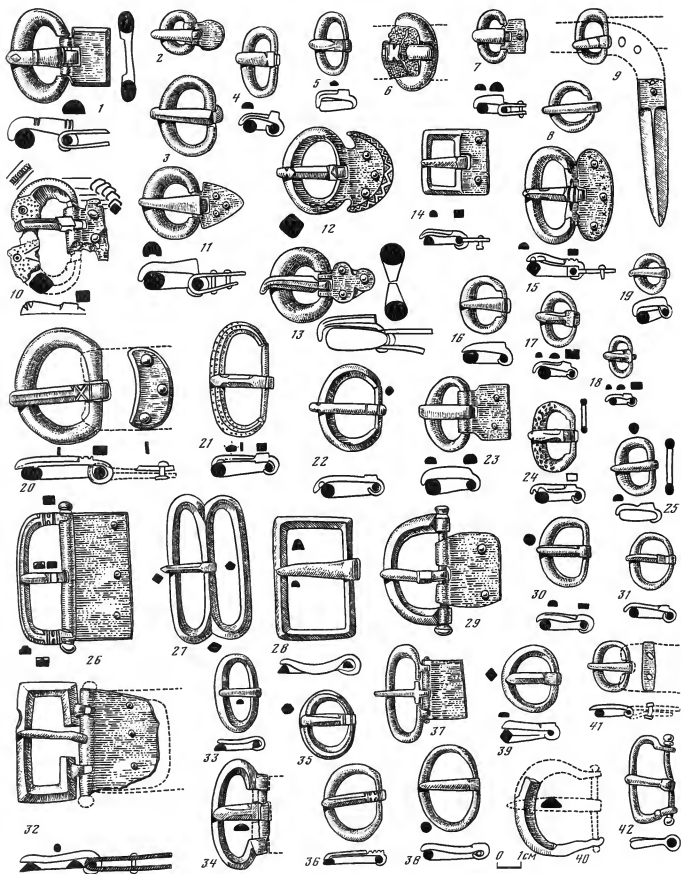


Таблица LXVI. Пряжки черняховской культуры

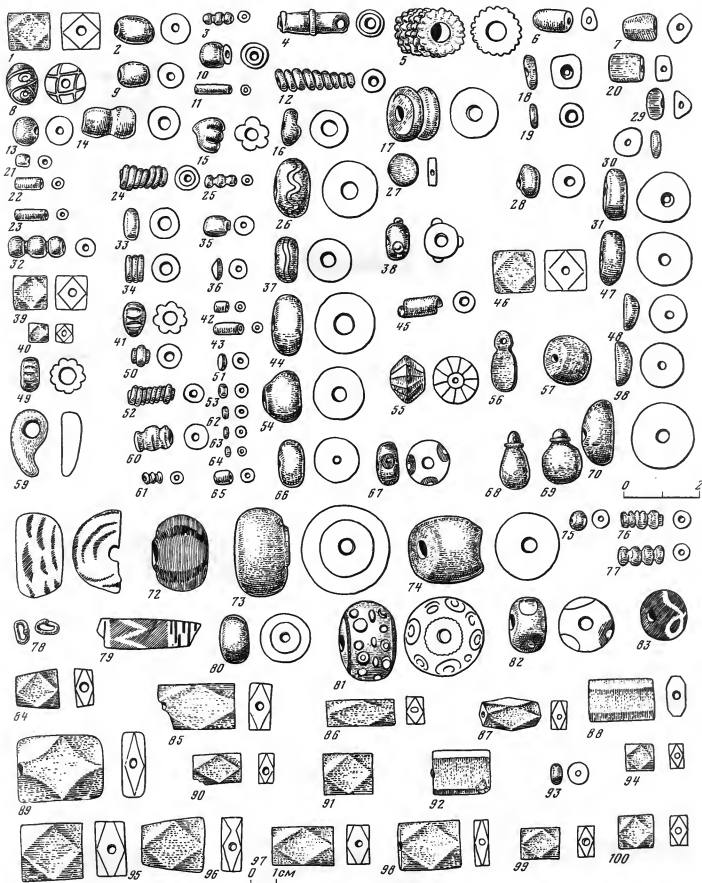


Таблица LXVII. Бусы из стекла и стекловидной пасты, янтара, кости, бронзы и сердолика из разных черняховских памятников



Таблица LXVIII. Костяные гребни черняховской культуры



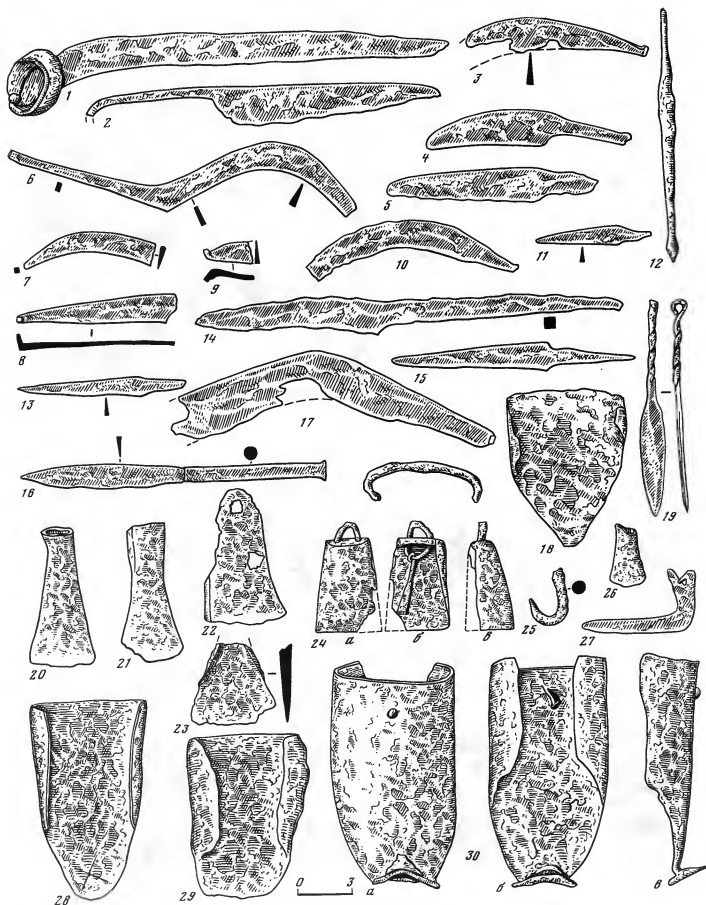


Таблица LXIX. Железные орудия труда черняховской культуры

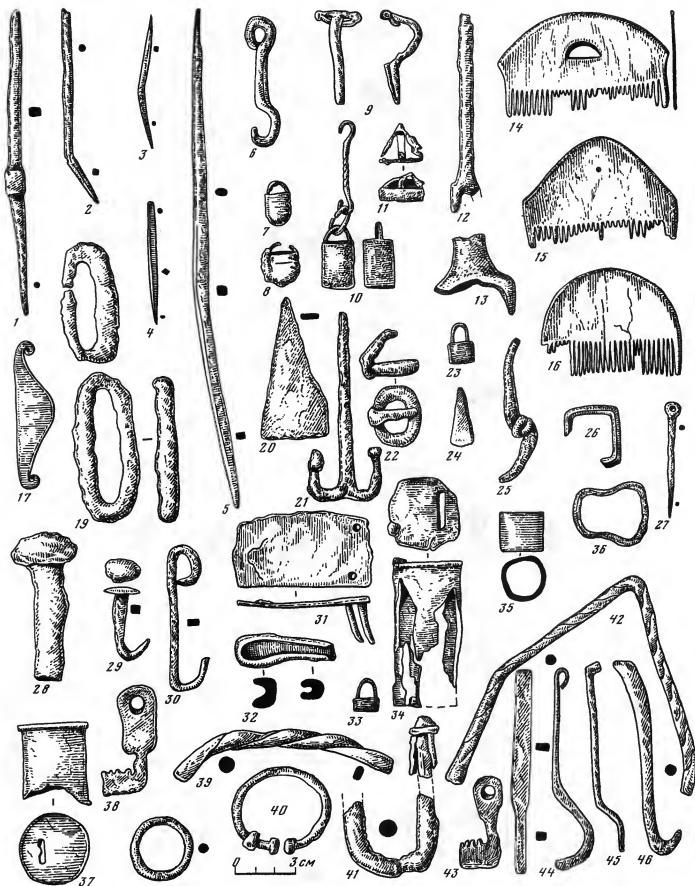


Таблица LXX. Подделки из черного металла с памятников черняховской культуры

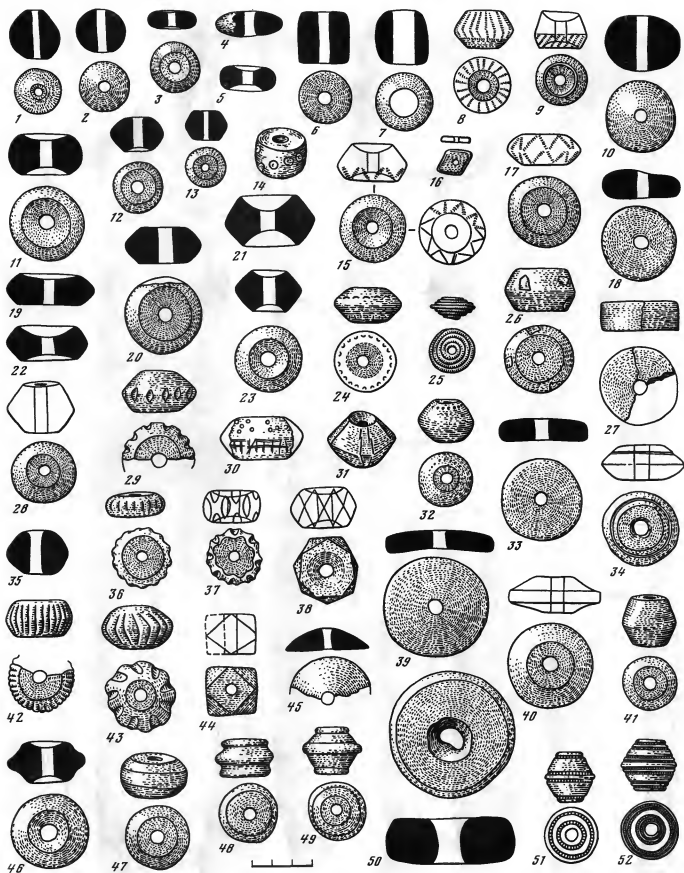


Таблица LXXI. Пояска из глины, стекла (25), со стеклянной инкрустацией (26) с памятников черняховской культуры

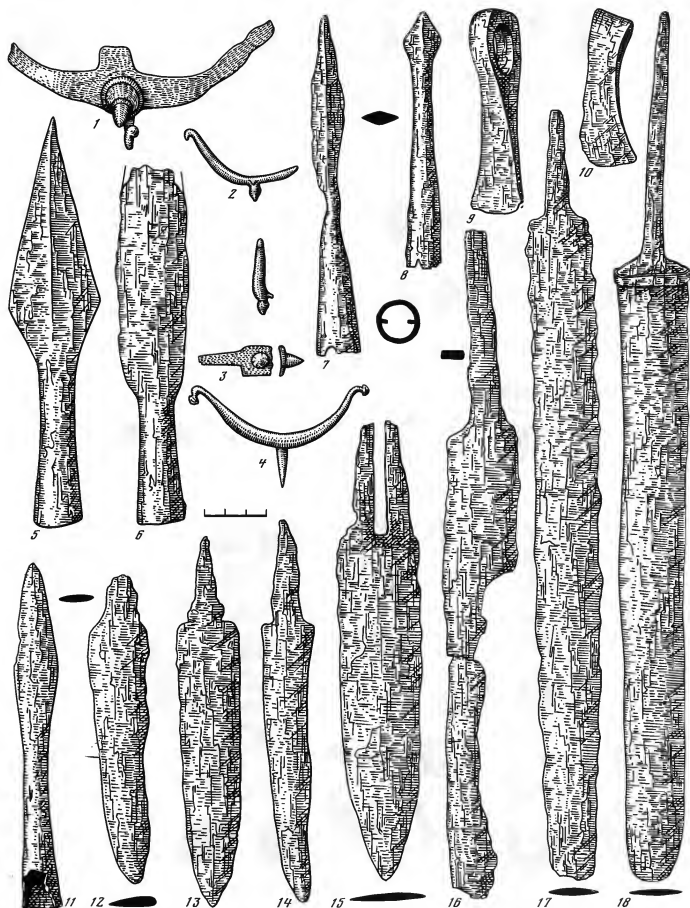


Таблица LXXII. Оружие и предметы конского снаряжения с памятников черняховской культуры



Таблица LXXIII. Предметы вооружения и сбруи с памятников черняховской культуры  
20 Археология СССР

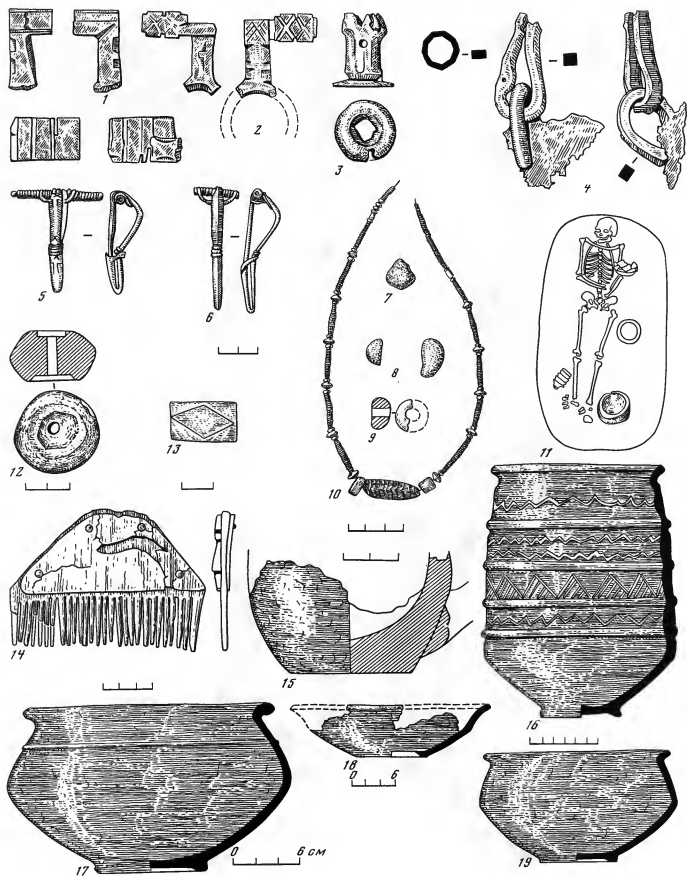


Таблица LXXIV. Могильник черняховской культуры Данчену

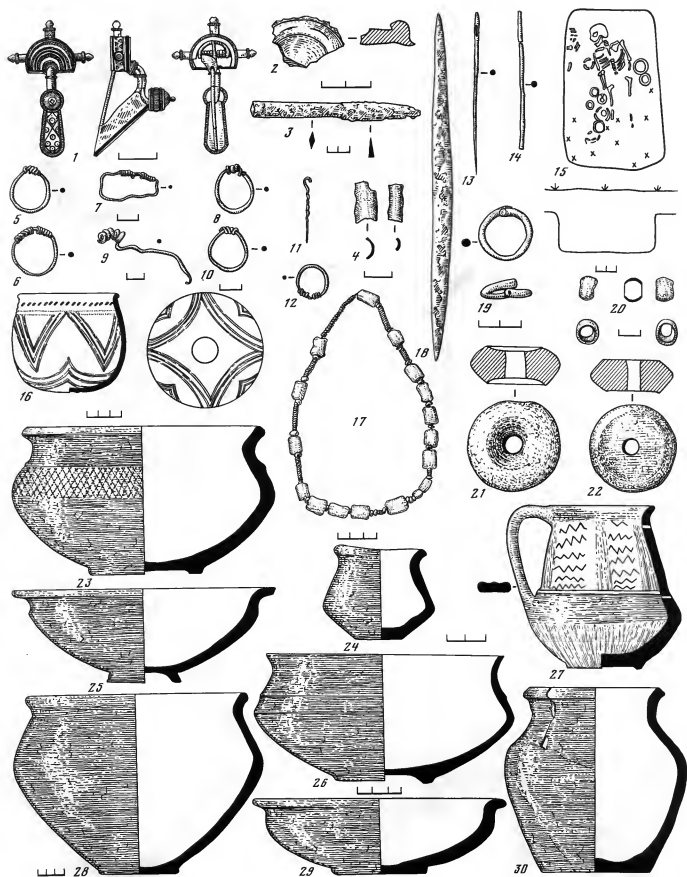


Таблица LXXV. Могильник Данчены. Комплекс погребения 371



Таблица LXXVI. Могильник Данчены. Комплекс погребения 176



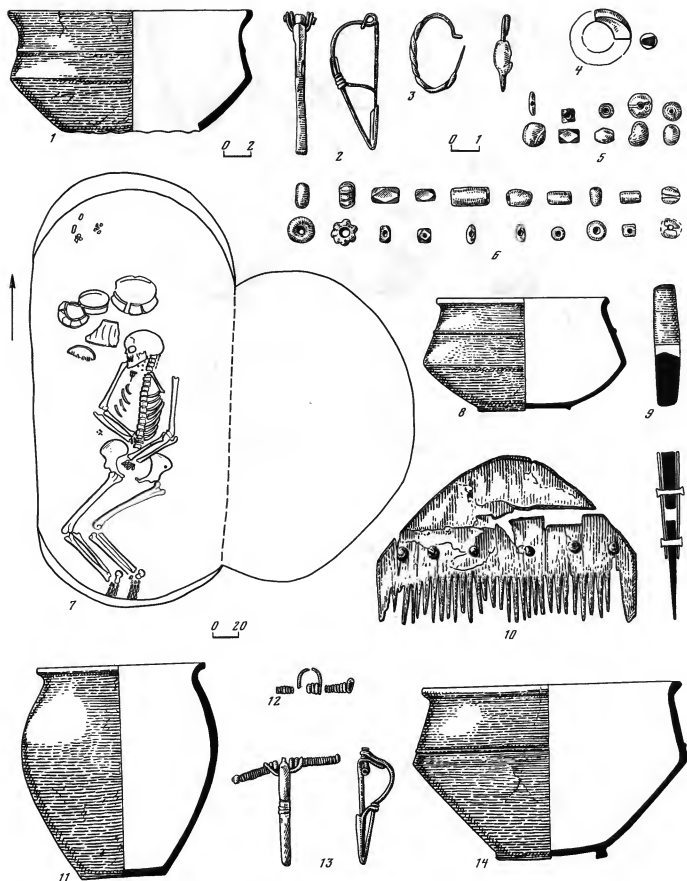


Таблица LXXVII. Комплекс могильника Каборга

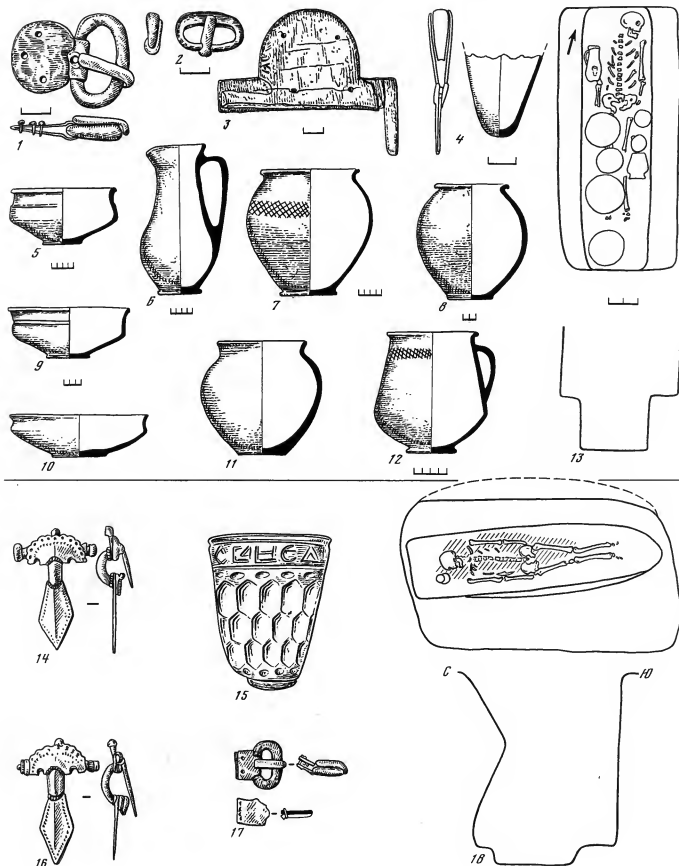
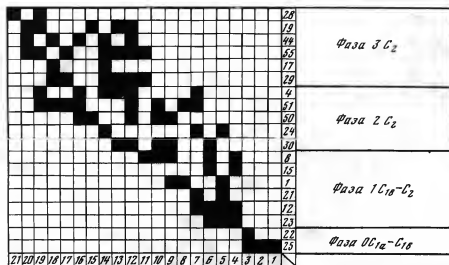


Таблица LXXVIII. Комплексы могильников Холмское, Ранжевое



Хронологические индикаторы

Индикаторы синхронизации

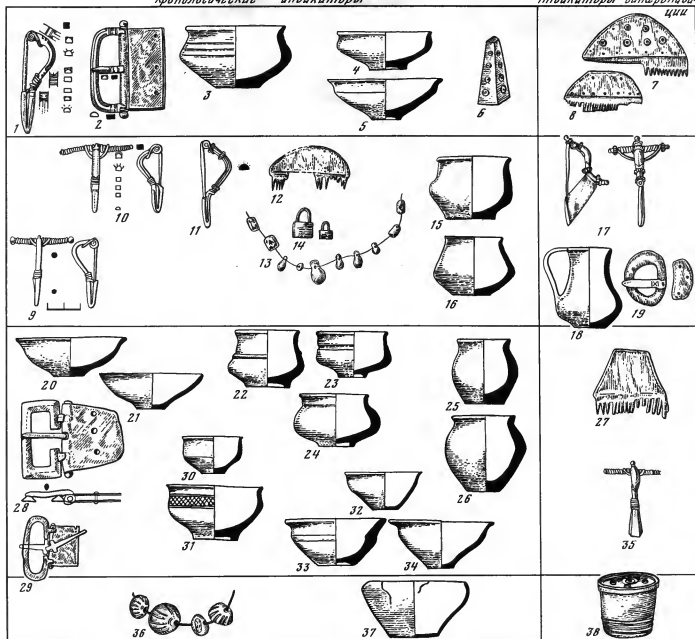


Таблица LXXIX. Корреляция хронологических индикаторов в погребениях могильника Ружичанка

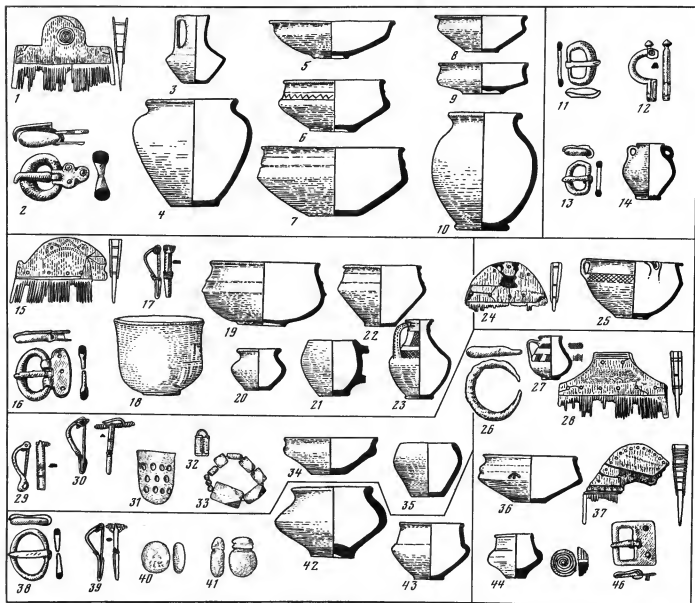
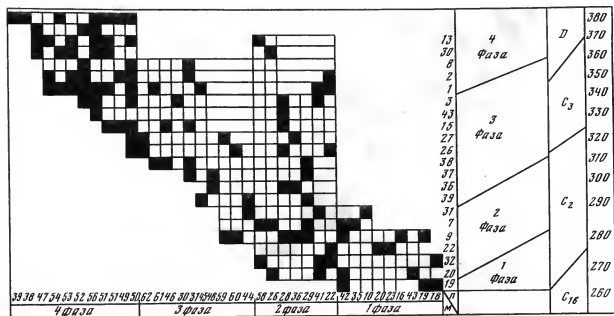


Таблица LXXX. Корреляция хронологических индикаторов в погребениях могильника Косаново

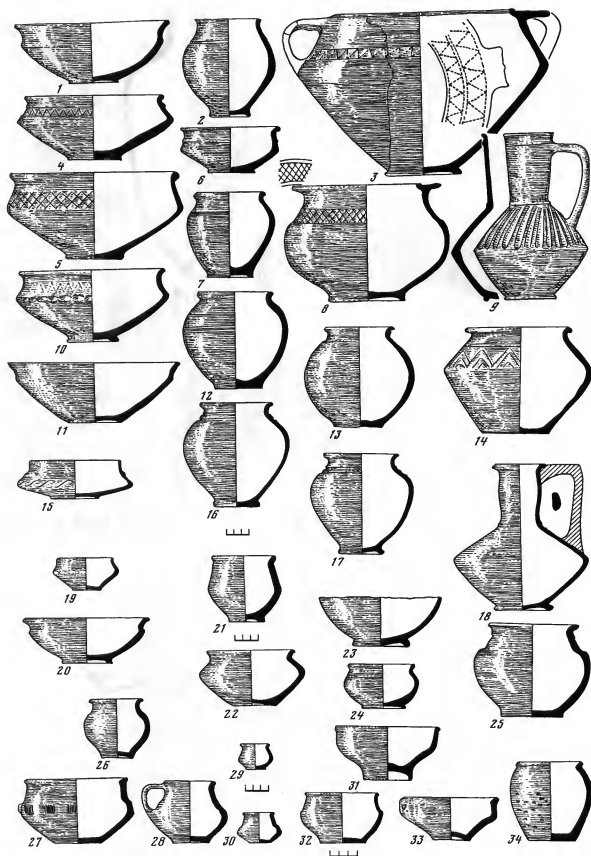


Таблица LXXXI. Эволюция керамических форм из могильника Журавка



Таблица LXXXII. Предметы импорта из черняховских памятников



Таблица LXXXIII. Стекланные кубки из погребений могильника Журавка

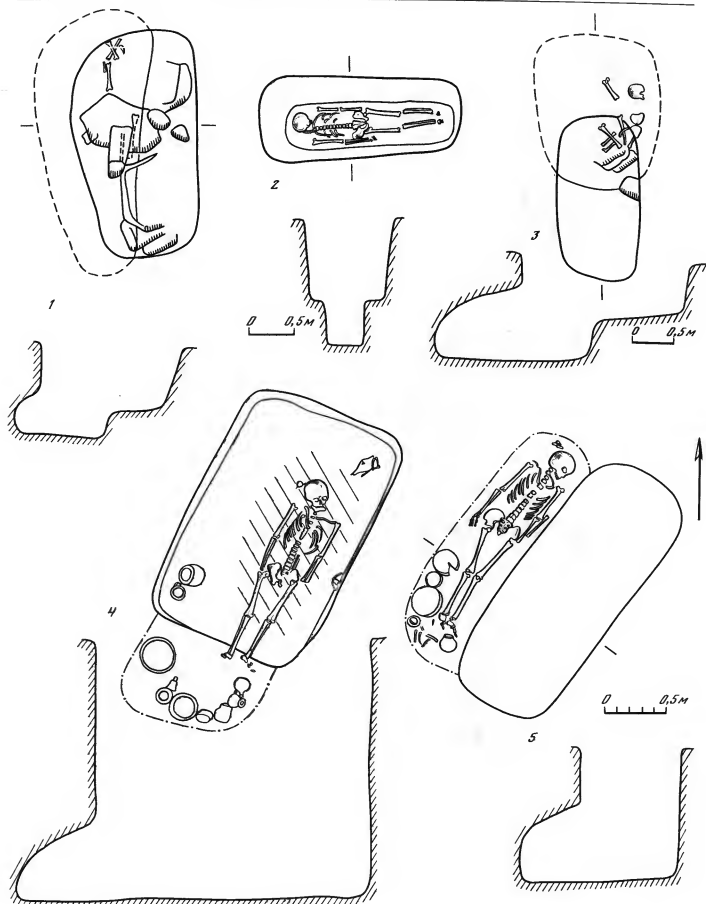


Таблица LXXXIV. Погребения черняховской культуры, совершенные по обряду трупоположения в могильниках Северного Причерноморья



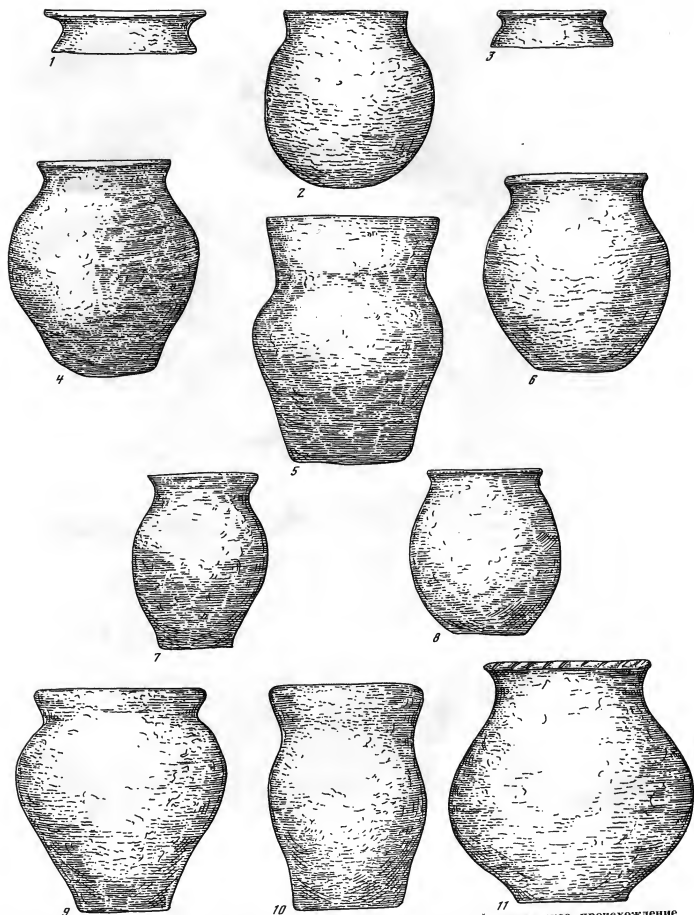


Таблица LXXXV. Сосуды из черняховских памятников, имеющие скифо-сарматское происхождение



Таблица LXXXVI. Глиняная посуда из пшеворского слоя поселения Пешворск и сосуды пшеворского типа с черняховских памятников

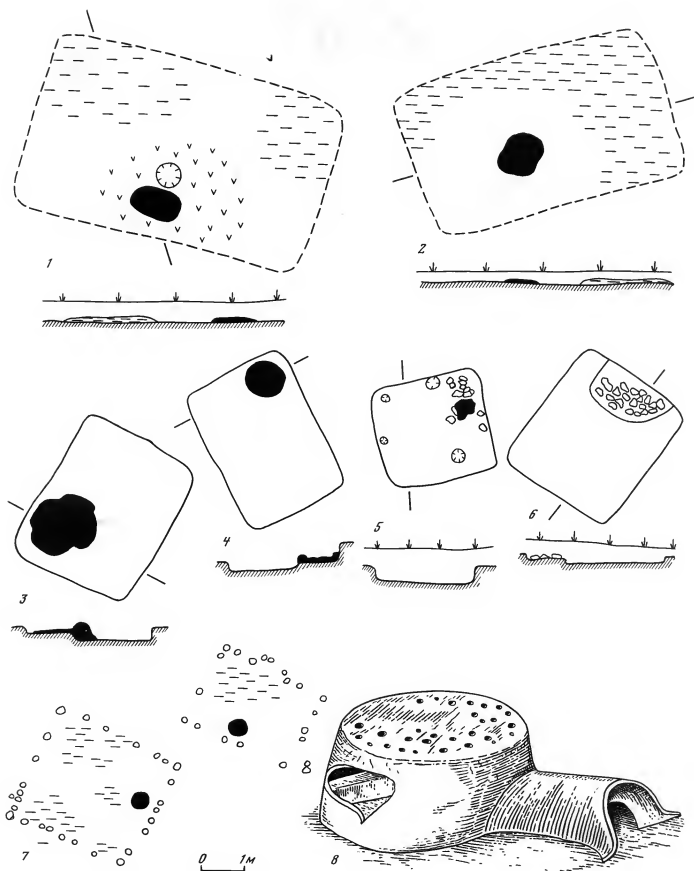


Таблица LXXXVII. Жилища культуры карпатских курганов и гончарный горн

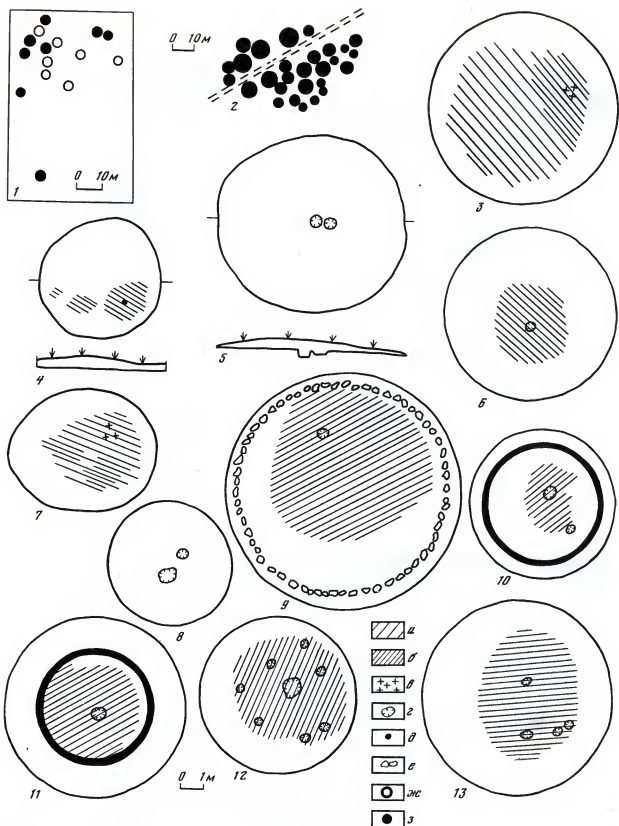


Таблица LXXXVIII. Планы курганных групп и разновидности обряда погребения в карпатских курганах

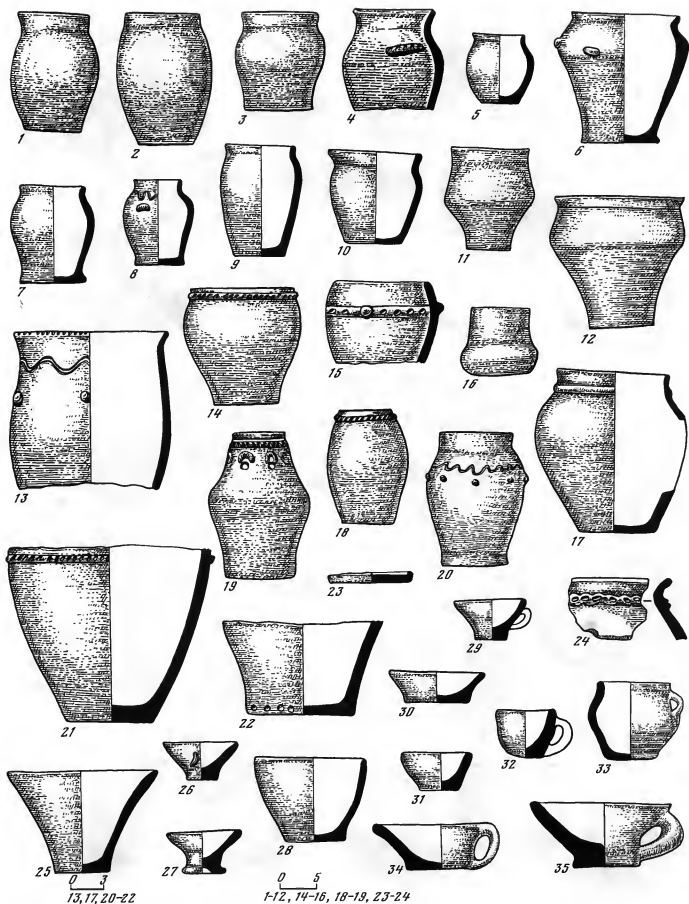


Таблица LXXXIX. Лесная посуда культуры карпатских курганов

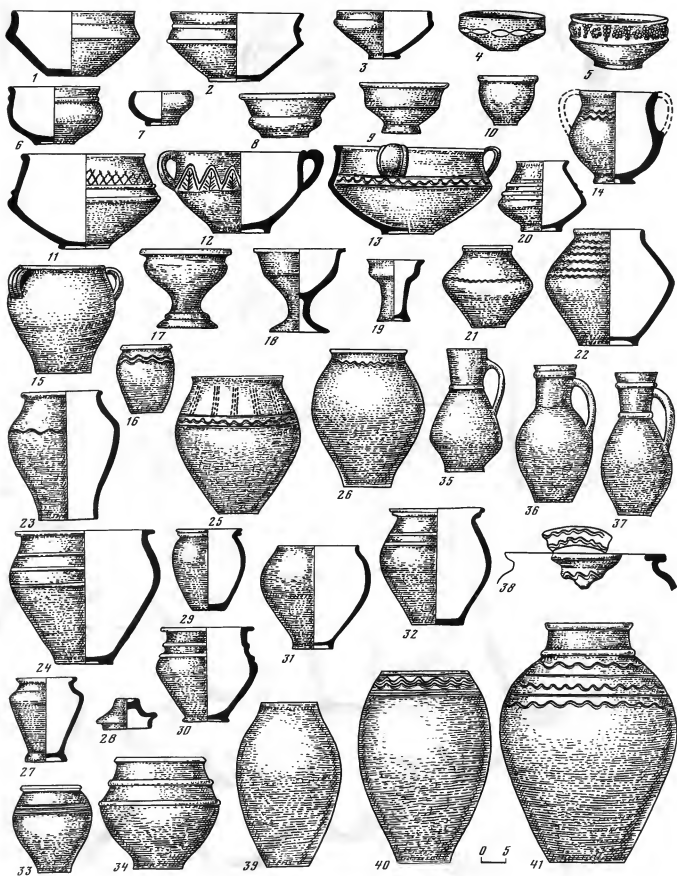


Таблица ХС. Гончарная посуда культуры карпатских курганов



Таблица XCI. Посуда культуры карпатских курганов



Таблица ХСН. Лепная (1, 3, 8), сделанная на круге (4—6) и стеклянная (7) посуда культуры карпатеких курганов



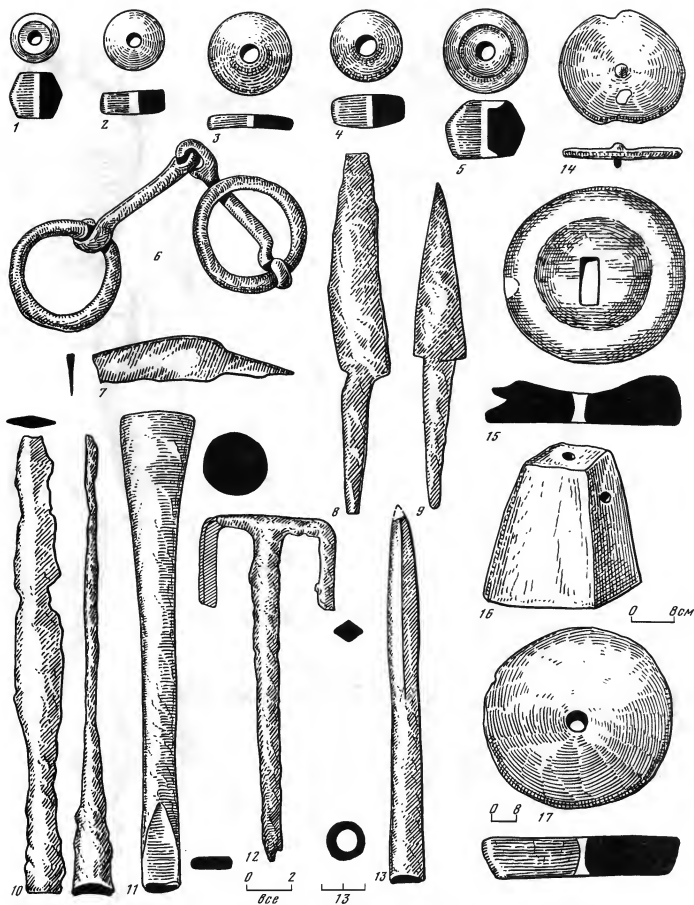


Таблица ХСIII. Оружие, орудия труда и бытовые предметы культуры карпатских курганов

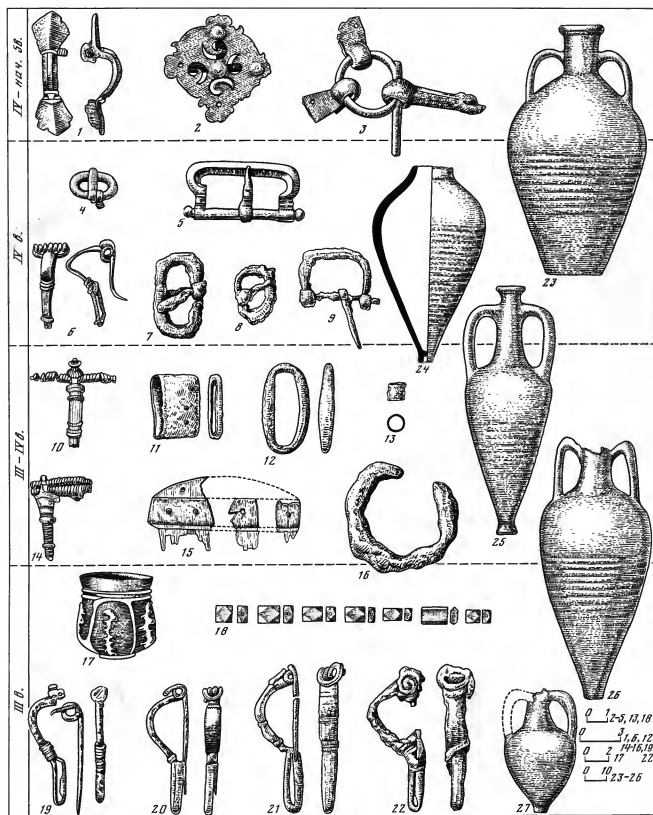


Таблица XCIV. Украшения и датирующие предметы из памятников культуры карпатских курганов

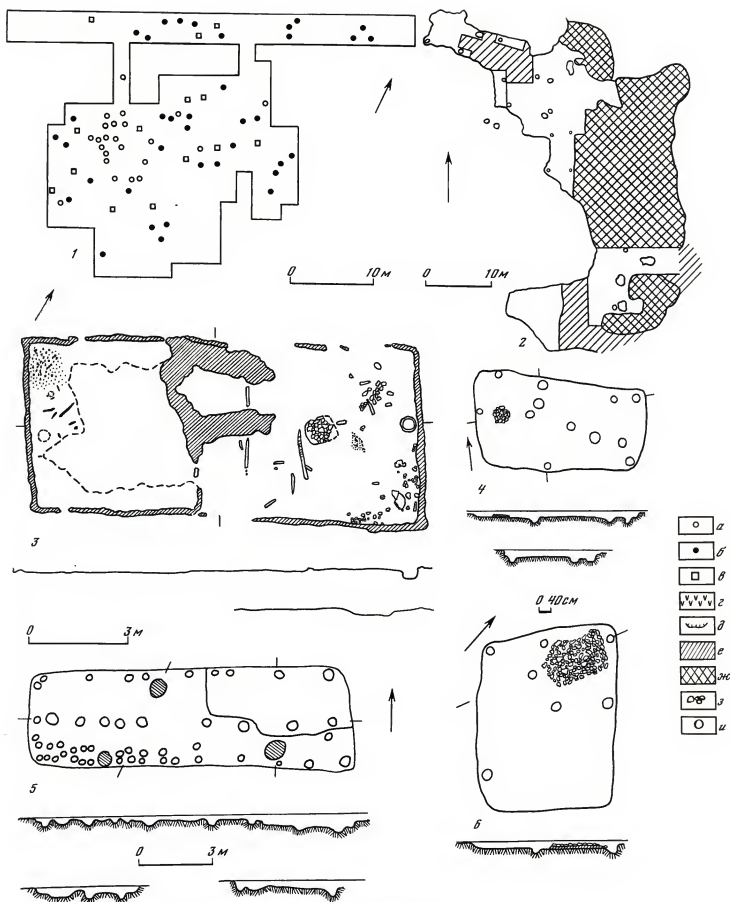


Таблица XCV. Планы могильников и жилищ вельбарской культуры

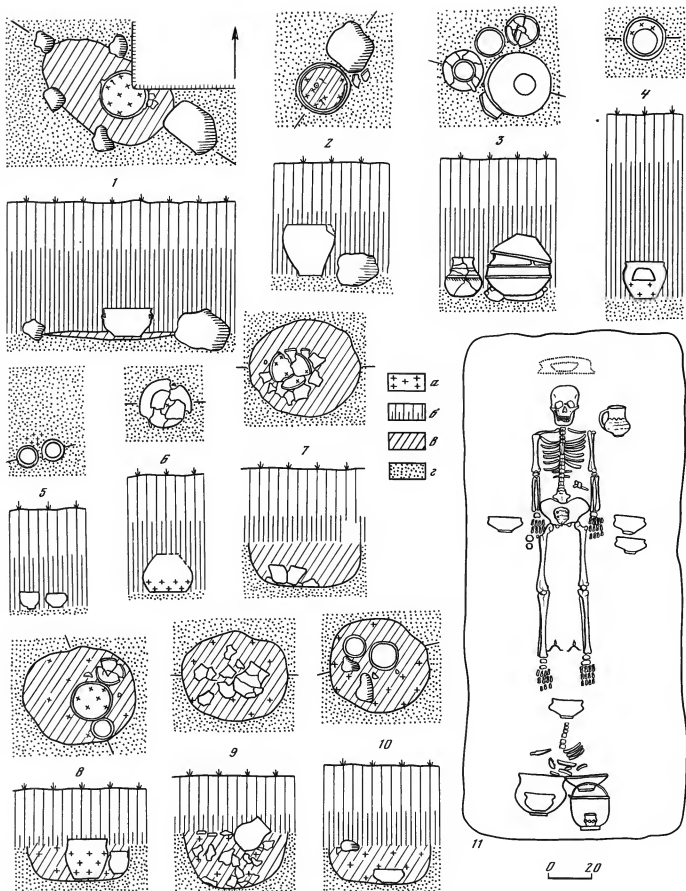


Таблица XCVI. Погребения вельбарской культуры

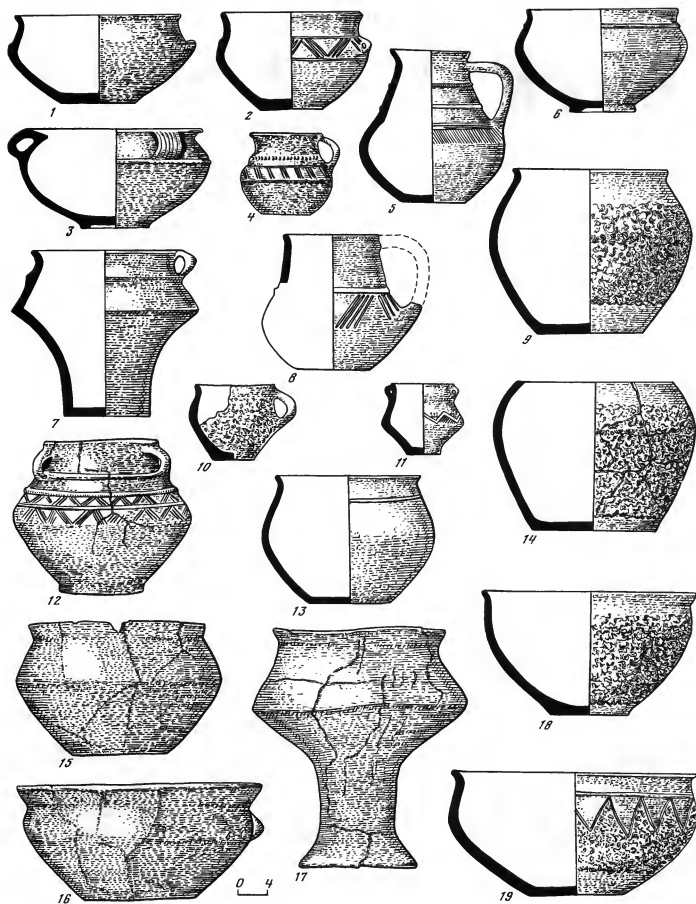


Таблица ХСН. Посуда с памятников вельбарской культуры

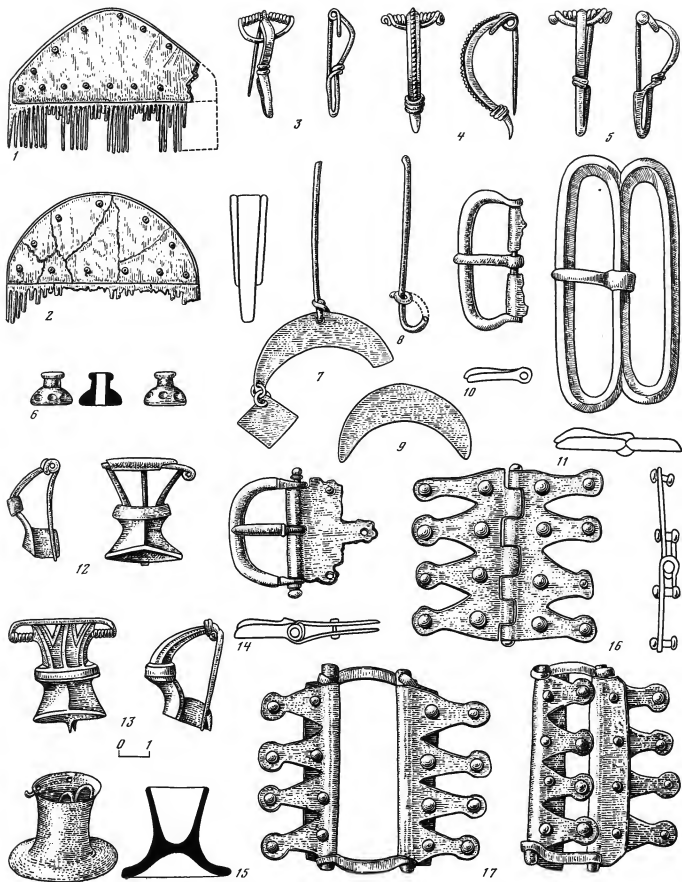


Таблица ХСVIII. Находки на памятниках вельбарской культуры

# Указатели\*

## Указатель имен

- Абашина Н. С. 106, 110, 111  
 Абрамова М. П. 13, 164  
 Алексеев А. Ю. 84  
 Алексеев В. П. 5  
 Алексеева Е. М. 31, 47, 48, 49, 62, 117, 118, 150  
 Алексеева Т. И. 130  
 Альмгрен О. см. Almgren O.  
 Амброз А. К. 17, 20, 29, 30, 34—36, 40, 42, 44, 46, 47, 51, 62, 63, 74, 75, 81, 83, 91, 100, 101, 117, 143, 149—153, 177, 188, 189, 190  
 Аммиан Марцелин 15  
 Анохин Г. И. 33  
 Антоневич В. см. Antoniewicz W.  
 Арсеньева Т. М. 50, 164  
 Артамонов М. И. 39, 45, 124  
 Бабеш М. см. Babes M.  
 Бакин И. А. 148, 153, 166, 170, 189  
 Балагури Э. А. (Балагури Е. А.) 68, 70, 71, 171  
 Баран В. Д. (Baran V. D.) 12, 57, 66, 96, 100, 103, 104, 108, 123, 130—133, 140, 141, 146, 150, 151, 154, 160, 161, 164, 169, 170, 183, 185  
 Барцева Т. Б. 128, 129, 138, 156  
 Безбородов М. А. 31  
 Беляева С. А. (Беляева С. О.) 48  
 Беляшевский Н. 68, 75  
 Бем Я. см. Böhm J.  
 Березонев Д. Т. 127, 128  
 Бериякович В. Б. 67, 71  
 Бидала В. И. (Бидала В. I.) 20, 32, 40, 43, 44, 49, 65, 67, 72, 75, 79—82, 98, 101  
 Блюме Е. см. Blüme E.  
 Бобринский А. 74  
 Бобринский А. А. 128, 129, 140, 146  
 Богусевич В. А. 20  
 Болянский А. В. 82  
 Брайчевская А. Т. (Смиленко А. Т.)  
 Брайчевский М. Ю. (Брайчевский М. Ю.) 12, 124, 127, 131, 132, 136, 145, 146, 155—158, 160—162, 175  
 Бромфелд Ю. В. 5, 6  
 Бударов В. П. 14, 150  
 Буина И. см. Buina J.  
 Бураков А. В. 47  
 Вакуленко Л. В. 85, 169, 171, 173, 175, 177, 179, 180  
 Великанова М. С. 130  
 Вернер И. см. Wegner J.  
 Виноградов В. Б. 142  
 Винокур И. С. (Винокур I. S.) 74, 84, 85, 124—126, 128, 131, 132, 134, 137, 138, 144, 145, 149, 154, 155, 161, 162, 171  
 Волежеская Г. А. 32, 49, 71, 128, 129, 138, 156  
 Воляник З. см. Wozniak Z.  
 Волянгевич Р. см. Wołgiewicz R.  
 Воляник В. К. 57  
 Вудле Р. см. Vulpe R.  
 Высотская Т. М. 12  
 Вямитина М. I. 30, 165  
 Гаврилюк Н. О. 150, 168, 169  
 Гайдухенц В. Ф. 14  
 Гамченко С. С. 123, 136  
 Ганина О. Д. 83  
 Гей О. А. 125, 127, 148, 150, 154, 164, 166, 168—170, 189  
 Гензель В. см. Hensel W.  
 Герета И. И. 138, 161  
 Геродот 6, 7, 38, 95  
 Годловский К. см. Godtowski K.  
 Голубева Л. А. 124, 125  
 Гончаров В. К. 137, 161  
 Гопак В. Д. 32  
 Горнунг Б. В. 6, 39  
 Горюховский Е. Л. (Горюховский Е. Л.) 17, 36, 40, 42, 44, 48, 74, 106, 108, 110, 114, 114, 115, 148—150, 152, 154, 168, 169  
 Горюнов Е. А. 9, 40, 47—49, 106, 109, 111, 117, 118, 122  
 Грау Е. см. Graue J.  
 Грейс В. 93  
 Гринчук I. М. 68  
 Гросу В. И. 43  
 Гудкова А. В. 42, 44, 150, 163  
 Гурин М. Ф. 112, 120  
 Гусаков М. Г. 146  
 Гущина И. И. 43  
 Давиденко В. Н. (Давиденко В. М.) 21, 40, 74, 106, 111, 114, 117, 121, 122  
 Деметрикевич В. см. Demotrykiewicz W.  
 Дешелет И. см. Déchelette J.  
 Дигговский А. Н. (Дагговский О. М.) 13, 150, 163  
 Дьяков Г. см. Diaconu G.  
 Добровольский А. В. 133  
 Добренко В. И. 20, 42, 124, 132, 156, 162  
 Домбровская Т. см. Dabrowska T.  
**Эйспер Я. см. Eisner J.**  
 Еременок В. Е. 69, 74, 78, 80, 82, 83  
 Журко А. И. 185, 186  
 Журковский К. 171  
 Заверилев Ф. М. 20, 40, 46, 47  
 Затлукал Е. см. Zatlukál E.  
 Затлукал Я. см. Zatlukál J.  
 Зеленецкая I. Б. 46, 47  
 Зинковский К. В. 150  
 Зирра В. см. Zira V.  
 Зубарь В. М. (Зубар В. М.) 81, 150, 168, 169  
 Ионидя Я. см. Ionida I.  
 Иордан 13—15, 83, 182  
 Каменецкий И. С. 46, 48  
 Карпопольцев С. Ю. 166  
 Карышковский П. О. (Карышковский П. I.) 33, 69  
 Каспарова К. В. 17, 18, 20, 23, 29, 31, 34—38, 41—43, 78, 80—82, 84, 86, 90, 95, 137, 163, 183, 189, 190  
 Кемписты А. см. Kempisty A.  
 Кемписты Т. И. 49, 69  
 Коваленко В. П. 106  
 Ковалени А. З. 20  
 Ковач К. И. 171  
 Козак Д. Н. (Kozak D. N.) 43, 45, 53, 56, 57, 61, 62, 64—66, 99, 163, 185, 186  
 Козловская В. Е. 123, 134  
 Кольник Т. см. Kolnik T.  
 Кондукторова Т. С. 130  
 Коперницкий И. 96, 171  
 Кораухина Г. Ф. 114, 118  
 Корнусова В. Н. 106, 142, 166  
 Коскина Г. 182  
 Костенко В. И. 13, 164  
 Костяшевский Я. см. Kostrzewski J.  
 Котигоршко В. Г. 57, 83, 103, 171, 173—175, 177, 179, 180  
 Кравченко Н. М. 42, 56, 106, 108, 111, 125, 128, 133, 134, 136—138, 145, 146, 151, 156, 164, 166, 167, 191  
 Краснов А. А. 31, 155, 178  
 Крис Х. И. 83  
 Кропоткин В. В. 36, 61, 66, 114, 127, 128, 138, 145, 156—158, 160, 161, 178, 185, 186  
 Круг О. Ю. 138  
 Кругляков И. Т. 150  
 Крута-Поппи Л. см. Kruta-Poppi L.  
 Крушельницкая Л. И. (Крушельницкая Л. I.) 68, 70, 74, 96, 98, 156, 185, 186  
 Кубышев А. И. (Кубышев А. I.) 20, 35, 42  
 Кузьянов О. В. 103  
 Куза А. В. 35, 42  
 Кузнецов Г. А. (Кузнецов Г. О.) 106  
 Куньян П. З. 44  
 Кухаренко Ю. В. (Kucharenko J.) 20, 21, 23, 27, 29, 33—38, 40, 42, 43, 46, 51, 68, 69, 75, 83—86, 123—125, 128, 136, 144, 146, 161, 164, 165, 167, 168, 183, 185—191  
 Лабуда Г. 182  
 Лашушьян В. Л. 74, 85  
 Латышев В. В. 13, 69  
 Лер-Салавицкий Т. см. Lehr-Spławiński T.  
 Лиана Т. см. Liāna T.  
 Лейбушунска Н. О. 83  
 Либерон П. Д. 38, 39  
 Линка Н. В. 20, 42  
 Липканг Ю. А. 125  
 Ловмянский Г. 182  
 Луцкевич И. Н. 123, 134  
 Лянушьян И. И. 124, 125  
 Магомедов Б. В. 127, 131, 137, 138, 141, 142, 144, 150, 151, 165, 166, 168, 169  
 Макаренко М. 114, 123  
 Максимов Е. В. 20—22, 24, 25, 31, 33, 35—38, 42—46, 48, 49, 51, 65, 106, 110, 121  
 Маринеску-Балду С. см. Marinescu-Bîlcu S.  
 Марк Ф. 14  
 Махно Е. В. 12, 20, 21, 123—125, 127, 132, 133, 137, 138, 161, 163  
 Мачинский Д. А. 11, 12, 23, 34, 37, 38, 40, 68, 69, 74, 75, 84—86, 90, 92

- Мельникова О. Н. (Мельниковская О. М.) 35, 37, 42, 83, 106  
 Мелюкова А. И. 27  
 Мизин В. А. 131, 164  
 Минасян Р. С. 50, 112  
 Миролубов М. А. 119  
 Митрофанов А. Г. 40, 107  
 Митра Б. см. Mitrea B.  
 Мовша Т. Г. 156  
 Мотыкова К. см. Motyková-Sneidrová K.  
 Недопко Д. П. 49, 71  
 Неприна В. I. 106  
 Неусыхин А. И. 194  
 Нидерле Л. 67  
 Никитина В. Б. 83  
 Никитина Г. Ф. 54, 56, 59, 66, 96, 127, 130, 134—137, 139, 140, 141, 145, 164, 167, 180  
 Никулца И. Т. 74, 75, 85, 149, 154  
 Нудельман А. А. 158  
 Обломский А. М. 24, 29, 40—43, 47, 48, 51, 106, 110, 121  
 Овайко Н. А. 33  
 Оприс В. Г. 185, 186  
 Орлов Р. С. 61, 106, 110  
 Павля Д. Ю. 156  
 Паламарчук С. В. 150, 163  
 Паликов С. В. 49, 71  
 Пасек Т. С. 20  
 Пастернак Я. 83, 157, 171  
 Патокова Э. Ф. 150  
 Пачкова С. П. 20, 31, 33, 40, 43, 44, 46, 49, 64, 65, 74, 75, 84—86, 90, 92, 93, 95, 98, 106  
 Пашкевич Г. А. 119  
 Пенка С. И. 70, 71  
 Петренко В. П. 38, 39, 83  
 Петров В. П. 20, 36, 74, 123, 136, 138, 145, 150, 156, 161, 171  
 Петровская Е. О. 38  
 Пешнов В. Ф. 156  
 Пешель К. см. Peschel K.  
 Пилий Старший 13, 14, 38  
 Полюб Л. Д. 20, 21, 31, 33, 35—37, 40, 42, 106, 108, 109, 114, 121  
 Полевой Л. Л. 175  
 Полюб 33, 94  
 Помпони Мела 13  
 Попо О. О. 106  
 Попович Н. К. 68  
 Потухин Ф. М. 70  
 Приходюк О. М. 74, 106, 152  
 Прокия Г. Н. 40, 47  
 Протас Л. О. 185  
 Пругло В. И. 74  
 Птолемей 14, 38, 55, 95, 103  
 Раддэц К. см. Raddatz K.  
 Равский К. А. 131, 133, 146  
 Рафалович И. А. 144, 148, 149, 154, 149  
 Рейнке П. см. Reinecke P.  
 Ременников А. М. 150  
 Рикман Э. А. 13, 97, 103, 124, 125, 128, 130—133, 137, 145, 146, 149, 153—155, 157, 160  
 Рикхофф С. см. Rieckhoff S.  
 Розен-Пшевора Я. см. Rosen-Przeworska J.  
 Ромаловская М. А. 46, 74, 84—86, 90, 92  
 Рудинский М. Я. 123, 135, 137, 144  
 Русакова И. П. 10, 11, 15—18, 54, 55, 57, 107, 163, 170, 172, 173, 178, 181, 193  
 Рыбаков Б. А. 5—8, 12—14, 33, 39, 114, 129, 142, 161, 162  
 Савчук А. П. 44, 50  
 Сазонов А. В. 153  
 Самойловский И. М. 20, 42  
 Савешников И. К. 57, 96, 99, 101, 183, 186, 188, 191  
 Седов В. В. 5, 10—12, 23, 39, 51, 52, 55, 107, 121, 129, 163—165, 167, 170  
 Сергеев Г. П. 84, 85, 146  
 Симоенко А. В. 84  
 Скалон К. М. 142  
 Скрипкин А. С. 47  
 Смилеко А. Т. (Брайчевская А. Т.) 123—125, 128, 131, 132, 145, 146, 156, 160, 164, 165  
 Смирнов К. Ф. 13  
 Смирнова Г. И. (Смирнова Г. I.) 57, 67, 71, 74, 85, 90, 96  
 Смышко М. Ю. (Смышко М. Ю.) 55—57, 59, 61, 66, 96, 99, 101—103, 127, 133, 160, 161, 171, 173, 174, 177—180, 183, 185, 186, 188, 191  
 Смолицhev П. I. 123, 138  
 Сова-Гмитров П. см. Sova-Gmitrov P.  
 Сомбат Л. 171  
 Сорочина Н. П. 43, 151, 161  
 Спидян А. А. 68, 69, 124  
 Страхов 14, 95, 103  
 Суаймский Т. 171  
**Симонович Э. А. (Симонович Е. О.)**  
 12, 18, 21, 106, 123—125, 127, 131—138, 140—146, 150, 154—162, 164, 165, 167, 179  
 Такенберг К. см. Tackenberg K.  
 Тацит 12—14, 29, 31, 38, 55, 57, 157  
 Тежал Я. см. Tejral J.  
 Телегин Д. Я. 48  
 Тереножский А. И. 7, 38, 39  
 Терпиловский Р. В. 9, 10, 48, 106—112, 116—120, 122  
 Тимошук Б. А. (Тимошук Б. О.) 84, 85, 96, 171, 173, 178, 180, 181  
 Тихонова М. А. 125, 128, 136, 138, 140, 142, 145, 146, 157, 161, 183, 186  
 Тодорович Я. см. Todorović J.  
 Топоров В. Н. 39  
 Третьяков П. Н. 5, 8, 9, 20, 21, 23—25, 33, 37, 40, 42, 43, 47, 83, 106, 110, 121, 122, 124, 129  
 Трубачев О. Н. 7, 39, 67  
 Тыменецкий К. см. Tymienicki K.  
 Тышлер О. см. Tischler O.  
 Федоров Г. Б. 85—87, 90, 92, 94—97, 100, 103, 124, 125, 135, 137, 151, 155, 164, 175  
 Фидил Ф. П. 10, 39  
 Филипп Я. см. Filip J.  
 Фокиев М. М. 150, 163  
 Фролов И. К. 46, 47  
 Фурманская А. I. 83  
 Хавлюк П. И. 20, 35, 40, 46, 109, 116, 142, 185, 189  
 Хапенко Б. И. 74  
 Хапенко В. И. 74  
 Хакманн Р. см. Nachmann R.  
 Хвойко В. В. 20, 21, 123—125, 127, 134, 136—138, 150  
 Хмелевская А. см. Chmielewska A.  
 Ходсон Ф. Р. см. Hodson F. R.  
 Храбан Г. Е. 125  
 Чабковская Н. Н. 5, 194  
 Чебоксарова И. А. 5  
 Чеботаренко Г. Ф. 74  
 Черный Н. А. 83  
 Черненко Е. В. 83  
 Черных Е. Н. 128, 129, 138, 156  
 Чирьяков И. Т. 125  
 Чистов К. В. 194  
 Чиходару К. см. Cichodaru C.  
 Чоловский О. 171  
 Шахматов А. А. 67  
 Швайн А. В. 106  
 Шелов Д. Б. 46, 48, 83, 117, 118, 150, 164, 176, 177  
 Ширинг В. см. Schiering W.  
 Шиндлер Р. см. Schindler R.  
 Шмидт Е. А. 47, 83  
 Шмодклас А. М. 20, 35, 44, 110  
 Шрамко Б. А. 31  
 Шугуо С. С. 20  
 Шульц П. Н. 12  
 Шваба Ю. Л. 133, 160  
 Шербатова Т. А. 74, 148, 149, 152—154  
 Шукля М. Б. (Schchukin M. B., Szczukin M.) 12, 13, 17, 18, 36, 40, 42, 43, 46, 67, 69, 74, 78—80, 126—129, 137, 140, 147—154, 163, 169—171, 185, 189—191  
 Эггерс Г. Ю. см. Eggers H. J.  
 Энгельс Ф. 14  
 Юлий Цезарь 13  
 Юрков Н. В. 106  
 Якимович М. К. 68  
 Якобсталь П. см. Jakobstahl J.  
 Ямка К. см. Jamka K.  
 Ян М. см. John M.  
 Янкович Я. см. Jankovich J.  
 Янушевский З. В. 31  
 Яровой А. З. 133  
 Almgren O. 30, 35, 44, 46, 49, 61, 62, 79, 102, 188—190  
 Antoniewicz W. 20, 55, 56, 103  
 Baber M. (Babesch M.) 84—86, 88, 90—93  
 Baran V. D. см. Baral B. D.  
 Benadik B. 69  
 Bielenin K. 53, 71  
 Blüme E. 123, 182  
 Böhm J. 71  
 Budinsky-Krička V. 181  
 Bujna J. 76, 78—82, 93  
 Chmielewska A. 62  
 Chistlein R. 75  
 Cichodaru C. 85  
 Dabrowska T. 57, 61—63, 79, 101, 102, 182  
 Dechelette J. 75, 77  
 Demetrykiewicz W. 55, 56, 96  
 Diaconu G. 103, 164, 175  
 Domański G. 91—93, 95  
 Duval P. M. 79, 81  
 Eggers H. J. 147, 148, 189  
 Eisner J. 68  
 Filip J. 16, 30, 34, 61, 68, 74—77, 175  
 Fruger-Gunti A. 74  
 Glusing P. 75  
 Godowski K. 11, 12, 16, 36, 44, 46, 53—56, 67, 76—79, 81—84, 91—93, 146—149, 151, 161, 177, 189  
 Graue J. 75



- Hachmann R. 16, 56, 67, 75—77, 85, 89—93  
 Hadaczek K. 53, 55, 56, 96, 123  
 Haffner A. 78, 93  
 Hensel W. 7—9  
 Hodson F. R. 77, 81  
 Horedt K. 84
- Ionija I. 152, 153, 177
- Jacobsthal P. 75, 77**  
 Jadczykowska J. 53, 56  
 Jahn M. 46, 55, 59, 61—63, 153  
 Janka K. 44, 46—48, 53, 55  
 Jankovich J. 71  
 Jazdzewski K. 55
- Kazanski M. 153  
 Keilling H. 91, 93  
 Kempisty A. 59  
 Klindt-Jensen O. 84  
 Kmečniński J. 183, 191  
 Kolendo J. 55  
 Kolnik T. 79, 96, 103, 175, 180, 181  
 Kostrzewski J. 10, 29, 54—56, 61, 62, 75, 86, 89, 90, 182, 183  
 Kovács J. 123  
 Kruszelnic L. см. Крушеляницкая Л. И.  
 Kruta V. 7, 80, 82  
 Kruta-Poppi L. 76, 81
- Lamiová-Schmidlová M. 96, 175, 176**  
 Ledoux R. 153
- Lehoczi T. 56, 67, 70—72  
 Lehr-Spałwiński T. 10, 55, 67  
 Liana T. 35, 46, 51, 56, 62, 63, 79, 101  
 Lowmiański H. 13, 54, 55
- Macrea M. 180  
 Madyda R. 47  
 Marciniak J. 60, 62  
 Marić Z. 80  
 Marinescu-Bileu S. 85  
 Megaw J. V. C. 79, 84  
 Mitrea B. 103, 175  
 Motyková-Sneidrová K. 35, 75, 79  
 Müller R. 13, 90
- Niederle L. см. Нидерле Л.  
 Niewgłowski A. 54
- Okulicz J. 62**
- Pärvan V. 14, 100  
 Peschek C. 55  
 Peschel K. 78, 82  
 Preda H. 78  
 Preda C. 175  
 Protase D. 100
- Raddatz K. 148, 189  
 Raev B. A. 82  
 Rau P. 161  
 Reinecke P. 21, 67, 75—77, 123  
 Richtshofen B. 55
- Rieckhoff S. 75, 78  
 Rosen-Przeworska J. 68, 69
- Schiering W. 78  
 Schindler R. 182, 187, 190  
 Schmidt-Thielbeer E. 78  
 Schmit Z. 20  
 Seyer H. 93  
 Sova-Gmitrov P. (Szova-Gmitrov P.) 68, 70, 72  
 Sulimski T. 83  
 Szabó M. 74
- Tackenberg K. 85, 92, 103  
 Tejral J. 79, 142, 154  
 Teodor S. 85, 86  
 Thomas S. 117, 118, 145, 149, 188—190  
 Tischler O. 75, 77  
 Točik A. 103  
 Tymieniecki K. 34, 55, 183
- Viollier D. 75, 77  
 Vulpe R. 85, 90, 92, 100
- Werner J. 155  
 Wielowiejski J. 161  
 Wolagiewicz R. 30, 79, 182, 183  
 Wozniak Z. 34, 69, 73, 79—82
- Zahlhaas G. 77, 78  
 Zatlukál E. 68  
 Zatlukál J. 68  
 Zirra V. 34.

## Указатель географических названий

- Абиджа 36, 39, 41, 48, 49, 106—114, 116—121  
 Августиновка 123, 138  
 Адаменка р. 106  
 Адамовка 36  
 Адриатика 39, 76, 95  
 Акатово 11  
 Анкермень 29  
 Александровка 131, 165  
 Алчедар 86, 89  
 Альпы 113, 67, 76  
 Анисов 115  
 Антиповка 69  
 Ардиано 56  
 Ариовальди 76  
 Атлантика 67  
 Ахтырка 115
- Бабиня Гора 20, 22, 25, 28, 29, 35, 37, 42, 51  
 Бабичи 115  
 Баев 64, 66, 134, 184  
 Бакота 169  
 Баку 85  
 Балаховичи 64  
 Балканы 76, 83, 84, 95  
 Балтийское море 13, 15  
 Балтика 55, 190  
 Бандеровщина 11, 23, 107, 122  
 Барышевка 22  
 Басовка 21, 28, 34, 38  
 Башмачка 131, 164  
 Белз 64  
 Белгород 108  
 Белгородка 107—109, 118  
 Белокаменка 41  
 Белоруссия 37, 106, 107—109  
 Белоус 108  
 Беначия 76
- Бендеры 74, 85  
 Бендига 64  
 Береги 60, 184  
 Береговое 69  
 Бережаника 69, 74, 134, 169  
 Березец 62, 66  
 Березина р. 6, 37, 108, 113, 121  
 Бернашевка 57, 65  
 Беседовка 107—109, 116—119  
 Биевцы 69, 74, 80, 82  
 Бильче 64  
 Бискупия 31  
 Вобое 69, 74, 74, 79, 81  
 Вобрана 41, 48—50, 115  
 Вобучи 69, 83, 90  
 Вовария 75  
 Вовшев 68, 69, 71, 75, 80, 82, 83, 92, 96—98, 131, 141, 145, 156  
 Богдановка 41, 49  
 Богемия (Чехия)  
 Бодрог р. 182  
 Бойчени 86, 88  
 Болгария 80, 82
- Болынь 76**  
 Болотия 96—100, 102, 103  
 Большая Андрусовка 36  
 Большая Гараздовка см. Великая Гараздовка  
 Большая Салтыковна см. Хлепча  
 Большие Ратовцы 69, 70  
 Большой Токмак 69, 74  
 Боратин 57, 64, 66, 184—186, 190  
 Боремель 64  
 Боржана р. 69  
 Борина 115  
 Борисовцы 66  
 Борислав 165  
 Борисфен см. Днепр  
 Боряши 93
- Боровце 132  
 Бороднянка 35  
 Боромель 184  
 Боросетти 85—94  
 Борсуки 184, 185  
 Бортнич 106, 112, 114, 115  
 Борцовичи 66  
 Ботар р. 68, 71  
 Ботошани 85, 86, 88  
 Бранденбург 85  
 Бранешты 85—87, 94  
 Братово 56, 57, 59, 171, 172, 174, 179, 181  
 Брест 183  
 Брест-Тришния 43, 148, 167, 168, 170, 183—191  
 Бритаев 67  
 Броваха 115  
 Бубучи 89  
 Буг р. 11, 12, 15, 21, 24, 36, 37, 55—57, 64—66, 125, 126, 130, 133, 169, 182, 185, 191, 192  
 Будешты 124, 130, 132, 134, 136, 137, 145, 161, 165, 166  
 Буйраэ 22  
 Букреевка 107—109, 116, 119, 131  
 Бургука 131—133  
 Бурты 115  
 Бухажити 86, 87  
 Быстрица р. 85
- Вадимонское озеро 76, 78  
 Вальдальгесхайм 77, 78  
 Варшава 53, 54  
 Варга р. 6  
 Вары 69  
 Васильков 109, 114—116, 120  
 Вассени 86, 94  
 Ведерат 77, 78  
 Великичи 20—22, 25—31, 34, 37, 69, 75, 80, 82, 84, 183, 184, 188, 190

- Великая Гарадовка 69, 73  
Великая Гомальша 115  
Великая Слобода 57, 62—66, 184—186, 191  
Великая Терпаква 56, 66  
Великие Дымитровичи 20—22, 34  
Великий Букрин 115  
Великий Кучеров 171  
Великий Олексин 184  
Великое Деревляне 64  
Веллякочаня 170, 184, 188  
Вельбарк-Гостишево 182  
Вентрия 29, 74, 83, 179  
Верковичи 65  
Вербоцев 172  
Верхние Реметы 69  
Верхняя Липица 56, 65, 96—103  
Верхняя Мануйловка 28  
Верхняя Тарасовка 69, 74, 82  
Верхняя Хортица 69  
Викниши Великие 64, 124, 128, 184, 185, 190, 191  
Викторовка 124, 125, 130, 132—134, 137, 147, 160, 165, 166, 185  
Вилнунз 62  
Виноградово 69, 171, 172  
Вита Литовская 20  
Витачов 22, 42  
Висла р. 5, 6, 8, 10, 12—14, 23, 34, 36, 55, 56, 64, 86, 128, 163, 182, 183, 189—191, 194  
Вишени 20, 22, 36, 37, 107, 109, 111, 112, 115, 116, 118, 119  
Вовки 41, 43, 48, 49, 109, 121  
Войсковое 164  
Волковцы 69  
Волосов 171, 172, 176, 178  
Волошское 69  
Волчцов 22, 44  
Воля-Гомулецкая 66  
Воляны 6, 10, 23, 37, 56, 57, 59, 62—65, 108, 121, 124, 125, 128, 129, 134, 147, 151, 153, 163, 168—170, 182, 183, 185, 189—191, 195  
Волчья Балка 150, 163  
Воробьевка 115  
Воронино 20—22, 34, 37, 69, 74, 84, 115  
Вороновцы 96  
Ворска р. 7  
Вроцлав 80  
Вульска-Лисецкая 53, 186, 194  
Выбл 106, 107, 109, 112, 114, 116, 119  
Вымь 36  
Вымгород 115
- Гвирдовка (овчария совхоза «Приднепровский») 124, 132, 134—136, 142, 145, 151, 154, 156, 160, 166  
Галич 69  
Галиция 55, 56  
Галлия 76, 78, 99, 155  
Галш-Ловачка 67, 69, 70—73, 79, 81, 82, 101  
Ганнов 172, 176  
Гащ 53, 55, 56, 59  
Гвоздов 22, 35  
Гдыня 53  
Гельмшты 85, 86, 90  
Германия 13, 90, 92, 168, 191  
Гезвах 107—110, 112—114, 116—119  
Геленешты 86  
Гельска 136  
Глыбокая 171—178  
Гельонешты 92  
Гвиляда Липа р. 96  
Говора Сад 80, 82  
Голитрады 96  
Головно 69, 74, 80, 82  
Головатинно 115  
Голштиния 91
- Гольны 172, 173, 178  
Горбок 69  
Горешичи 22  
Гореча 171—173, 175, 178, 181  
Горица 115  
Городище 183, 184, 187, 190  
Городнянка 69, 136  
Городок 131, 151, 165, 166, 170, 184  
Горошков 20—22, 24, 28, 30, 35, 37, 69  
Горошова 65, 69, 74, 75, 80, 82, 84, 92, 95  
Горынц 37, 64, 182, 183, 185, 186  
Горышка Полонка 57, 59, 61—64, 184, 187, 188, 190  
Готланд 182  
Гочеве 115  
Грабовцев 171, 172, 176  
Гребени 22  
Грещица 32, 76, 78  
Григоровка 45, 69, 115  
Гринев 57—62, 64, 96—99, 101  
**Гриневичи Вельки 20, 30**  
Грини 39—41, 48—52, 110, 111, 121  
Гринчук 85—87, 91  
Гришеницы 30, 35  
Гришова 56, 63, 66  
Гроссморштедт 77, 78  
Грушев 172, 174, 176, 177  
Грушевска 131, 140, 154  
Грушеницы 138  
Грушниця 115  
Грушниця 145  
Градште-Крейнчени 87  
Гундеструн 84  
Гуныка 184  
Гурбинцы 123, 134, 142, 160  
Гута-Комаровская 115
- Давденя 85  
Давыдов 57, 66  
Давидова Балка 123, 135—137, 144, 161  
Дания 182  
Данчени 134, 138, 144, 148, 152—154, 156, 188, 190, 191  
Дебеславичи 172  
Девич-Гора (Триполье)  
Дедов Шинль 20, 22, 26, 30  
Дедовщина 123, 134  
Деттревка (Лавриков Лес)  
Далаку 124, 129  
Делунка 76  
Дельфы 83  
Демидовка 184  
Демьянов 140  
Деревянное 130, 183, 184, 186, 187, 190, 191  
Деренковец 22  
Деска р. 6, 8, 20, 21, 23, 24, 36, 37, 46, 106, 108, 118  
Деснянка 106, 107, 109, 114, 116—119  
Дзиндлор 163  
Дзиннчи 43, 169, 170, 183—191  
Дмитровское 115  
Днепр р. 5—13, 15, 20, 21, 23, 24, 26, 33—38, 40, 48, 49, 52, 94, 107, 124, 125, 129, 131, 133, 135, 157, 163, 170, 185, 194  
Днестр р. 6, 8, 12—15, 23, 36, 38, 56, 58, 64, 65, 85, 86, 95—97, 103, 108, 122—125, 128—130, 133, 141, 147, 148, 154, 153, 163, 165, 169, 171, 172, 179, 180, 192, 194  
Добжанково 62  
Добрянцы 58, 62, 63, 66  
Добрыня 172, 176  
Должское 107  
Должники 69, 74, 80, 81, 85—87, 89—93  
Дон р. 13, 15, 129  
Дубляны 69, 74, 80, 81, 83  
Дубой 37
- Дунай р. 13—15, 75, 76, 78, 79, 95, 96, 103, 125, 133, 157, 163, 192, 194  
Духово—Мюнанген 74, 76, 80—83  
Джков 69
- Жаботин 22  
Железное 41, 47, 50  
Жерновец 41, 50, 115  
Жикня р. 85  
Жирновка 66  
Житомир 161  
Журавка 124, 130, 131, 134, 136, 140, 144, 145, 151, 153, 154, 156, 160, 161, 166, 185, 191
- Завадовка 34, 138, 140  
Задовичи 53  
Загайи 57, 62—64, 66, 184  
Заксариате 13, 16, 17, 58, 67, 70—73, 79, 80, 82—84, 103, 171—174, 179—181, 192, 194  
Закляканы 124, 132  
Залески 96, 97, 100, 101  
Залесье 68, 69, 74, 75, 80, 82, 83  
Залешичи 85  
Замочанская дюна 134  
Западная Двина р. 11  
Зарубинцы 20, 22, 31, 36, 37, 115  
Зачпалка 142  
Збруч р. 63, 65, 96  
Звенигород 57—59, 61, 62, 64, 65, 96—101, 103, 160  
Зворышты 92  
Здвиз р. 35  
Зездорф 67  
Зеленый Гай 96, 97  
Земплін 180, 181  
Зеньковцы 184  
Зинмо 64, 69  
Змеевка 36, 41, 48  
Зозев 184  
Зяичево 170  
Золотая Балка 74, 163  
Золотая Липа р. 96  
Золотинки 116  
Золотой Мыс 150  
Зофополь 156  
Зубры 57, 64, 65
- Иване-Золотое 62, 63, 66  
Иване-Пусте 69, 80, 82  
Иванковцы 66, 132, 146, 155, 162  
Иванча 86  
Иванчицы 20, 22  
Игитовка 115  
Иголомия 156  
Ила 171—177, 180  
Икменна 86, 94  
Ингулен р. 131—133  
Ипуть р. 37  
Ирпень р. 35, 36, 108  
Истм 77  
Италья 76, 78, 81, 101
- Йосновка 36
- Каборга 137, 138, 142—144, 150, 160, 166, 185  
Кавка 142, 165  
Кагарыли 115  
Какаргат 20  
Казаровичи 22, 106, 107, 109—111, 112, 114—119  
Калантасово 162  
Калфа 69, 74, 80, 83, 86  
Кампенево 107—109, 116, 119, 122  
Камека-Днестровская 160, 166  
Камека 172, 176, 177  
Камека-Анчекрак 137, 142, 166  
Камека Ведкая 59, 62, 66

- Каммер 89, 90  
 Каяев 28, 34, 69, 115  
 Кантемировка 123, 135, 137, 144, 160, 166  
 Капустино 132, 133  
 Капустинцы 59, 63, 66  
 Карича-Гура 80  
 Карпаты 11, 14, 15, 55, 56, 67, 68, 73, 75, 79—81, 83—85, 95, 103, 171, 179, 181, 194  
 Картамышево 40, 41, 47, 48, 50—52, 115, 121  
 Карачев 62  
 Кашопы 180  
 Кветунь 107, 108, 114, 118, 119  
 Келеберда 115  
 Кельце 53  
 Керчь 69  
 Киев 8—20, 34, 35, 38, 110, 113, 115, 121, 134  
 Киевщина 12, 38, 117, 121  
 Кийля 129  
 Киреевка 106, 107, 109—111, 113, 114, 117—119  
 Киселевка 36, 41, 46, 47, 106, 107, 109, 112, 113, 116—120  
 Киселово 123, 160  
 Кисляца 150  
 Кистени 24, 51, 121, 193  
 Клейн Аспергль 77  
 Климовичи 114  
 Клочков 107, 116  
 Кличаково 67, 69, 72  
 Кобелево 124, 125, 130, 132, 134—138, 144, 160, 165, 166, 185  
 Кобуска-Веке 146  
 Ковчин 116  
 Кодын 85, 86, 171, 172, 176, 178, 181  
 Койлов 20, 22, 35, 115  
 Колесовка 132  
 Колодезный Бурор 39, 41  
 Колодное 69, 71  
 Колоколин 97, 99—103  
 Колосово, 41, 50  
 Колочин 11, 21—24, 107, 192  
 Комаров 64, 66  
 Комаров 61, 133, 160  
 Комаровка 41  
 Компанийцы 115, 124, 134, 138, 140, 146, 168, 170, 185  
 Комрат 132  
 Конюча 35, 36, 115  
 Конки 55, 59  
 Конпоково 50  
 Коркин 36, 39, 44  
 Корки 89  
 Коркин 172  
 Корвинцы 145  
 Корвини 172  
 Королевна 177  
 Корчак 6, 9, 40  
 Корчеватое 20—22, 26, 28, 30, 37, 42, 51  
 Корчевка 66  
 Косаялово 124, 134, 137, 138, 140, 144, 146, 151, 153, 161, 185, 191  
 Костудени 86, 87  
 Костинец 128, 132  
 Краков 53  
 Красная р. 108  
 Красный Маяк 150, 163, 168  
 Красный Хутор 107, 109, 116, 118, 119  
 Крещатик 115  
 Кривенька 97  
 Кришиччи 123, 137, 160, 161  
 Кристьянопол 58, 62, 66  
 Круляк 46, 86—93  
 Крым 12, 15, 29, 165, 194  
 Кукуреки 85, 86  
 Куликовичи 64  
 Курган 65  
 Курган Азак 122  
 Куриловка 116, 117  
 Курск 108  
 Кут 140, 145, 146  
 Кут-Байнск 171, 172  
 Кутаповичи 69, 71, 79, 81, 82  
 Лавриков Лес 106, 107, 109, 111, 113, 114, 117—119  
 Лагодов 65, 97  
 Ладов 69  
 Ла Тен 67, 77, 78  
 Лажиния 184  
 Ленесовка 64, 124, 128, 142, 145, 153, 161, 162, 183—186, 188, 189, 191  
 Лески 130—132, 145, 146, 160  
 Летница 64  
 Лиев 61, 64, 184  
 Лица 64  
 Липляна 69, 74, 90, 82, 115  
 Липовичи 64  
 Литовяж 64  
 Ловачка см. Галин-Ловачка  
 Ломоватое 137, 154, 169  
 Лопатия 124  
 Лохвица 144  
 Лубини 115  
 Лука-Врублевская 60, 64, 145, 156, 160  
 Лука-Каветчинская 152  
 Лука-Райковецкая 194  
 Лукашевна 21, 23, 29, 31, 46, 67, 69, 75, 84—94, 124, 192, 194  
 Лукаш-Чурей 85—88, 92, 93  
 Луцк 134  
 Луцк-Гиндава 64, 184  
 Лучка 62, 64, 65  
 Любешев 186  
 Любомль 169, 170, 183, 184, 186, 188, 189, 191  
 Лютеж 22, 24, 32, 36, 39—41, 43—46, 48—52, 122  
 Ляково 71  
 Мазовия 55, 62—64, 128, 182, 183  
 Мазурия 182  
 Майдан-Гологорский 64, 96—98, 100, 101, 103  
 Макаров Остров 69, 74, 80, 82, 83  
 Македония 78  
 Максика 119  
 Максимовка 132  
 Малашты 124, 130, 134, 140, 142, 144, 151, 155, 161, 168  
 Малая Азия 76, 78, 83  
 Малая Бегань 69, 72, 79, 81  
 Малая Копань 83, 103  
 Малая Сахарна 69, 74, 80, 82  
 Малый Букрин 115  
 Малые Циянечичи 64  
 Мана 86  
 Манхунг 75—78, 80  
 Марковцы 172, 177  
 Маркуши 128, 132  
 Мария 76  
 Мартыновичи 22, 35  
 Марцаботто 76  
 Марьевка 69, 74  
**Марьяновка 22, 29, 35, 37, 41, 45, 46, 50**  
 Маслово 123, 129, 134, 145, 147, 150, 165  
 Мацода 69, 71, 81  
 Машев 169, 184, 186, 188, 189, 191  
 Машкауцы 86, 89  
 Машка 150, 163  
 Медвин 115  
 Межигорье 114  
 Межириччи 115  
 Мезек 80  
 Мезин 107, 116, 119  
 Мекленбург 91, 190  
 Мельникова 69, 74, 80, 82, 83  
 Мена 41, 48, 49, 106, 107, 109, 112, 114, 116—119  
 Мерфеа 36  
 Милорады 21, 22, 35, 37, 42  
 Митков Врах 82  
 Михайловка 115, 100  
 Михале 184  
 Михаловец 71  
 Михальча 171, 172  
 Могилев 160, 108  
 Могилев-Подольский 85  
 Могилевка 115  
 Могилы-Хмельник 22, 137, 170, 184, 188, 189  
 Молдова 13, 85, 86, 88—90, 94, 95, 97, 103, 122, 124, 125, 128, 129, 131, 134, 136, 137, 140, 142, 146, 155, 157, 160, 169, 185, 191  
 Молога 150, 163  
 Молотечна р. 108  
 Монастырек 20—22, 29, 34, 35, 42, 115  
 Монастырха 60, 64, 65  
 Московская 20—22, 34  
 Мохов 20—22, 35, 37, 69, 83  
 Мукачево 67—69, 81  
 Муртиния 13  
 Мюзинген 81  
 Мышин 172—174, 176, 177  
 Мышков 161  
 Наваля р. 37, 46  
 Надпорожье 69, 74, 82, 124, 125, 140, 142, 143, 157  
 Неаполь 29, 69  
 Нежанковичи 64  
 Незиско 57, 66, 96, 97, 102  
 Нейса р. 84  
 Немаи р. 21  
**Неполоковцы 96, 97, 134, 180**  
 Непорогово 56  
 Неруеса р. 37  
 Неслухов 60, 123  
 Нижний Бишкия 115  
 Нижний Струтинь 171—177  
 Николаевка 163  
 Някольская Слободка 106  
 Някольское 123, 154  
 Никополь 125  
 Ницахи 115  
 Новая Гута 53  
 Новгород-Северский 106, 115, 121  
 Ново-Александровка 123  
 Новодолина 41  
 Ново-Климово 68, 69, 71, 82  
 Ново-Кондаково 123  
 Новоселица 35  
 Новоселище 69  
 Новоселка 138, 189  
 Новоселка-Костюкова 69, 96, 97, 102, 132  
 Новоселки 22, 64, 66  
 Новостан 184  
 Новые Безрадини 21, 22, 106, 107, 109, 110, 112—119  
 Новый Быков 107—109, 117, 122  
 Норикум 13  
 Носовка 35  
 Носовцы 22, 37, 41, 45, 50  
 Оболонь 20, 22, 25, 29, 35, 37, 41, 44, 45, 48, 110, 115, 122  
 Обухов 22, 106—112, 116—119  
**Овчария совхоза «Приднестровский»**  
 (Гвардиола)  
 Огородное 150  
 Одер р. 5, 8, 10, 12, 13, 21, 23, 54—56, 84, 86, 92, 95, 194  
 Одры-Венсеры 183

- Ока р. 8, 11, 23, 51, 52  
Окинны 184, 188, 189  
Окино 134  
Окмы 53  
Олонешты 153  
Олени 14  
Олзья 13, 31, 69, 83  
Олшанья 35  
Оляковны 69, 72  
Орель р. 36, 48  
Орловец 22, 35  
Оселавка 63—66, 96, 97, 134, 136, 140, 170  
Осий 69  
Осповка 41, 48  
Оскол р. 47  
Остров 184  
Остров Варковецкий 134  
Островец 132, 151  
Отбодо-Васильевка 133, 137  
Отвержия 20—22, 25, 26, 30, 31, 37, 42, 188, 190  
Павлюковка 134  
Панояния 13, 79, 96, 179  
Пантканей 74, 82, 83, 117  
Парканы 69, 74  
Пария 41, 47  
Партизанское 41  
Пархомовка 21, 37  
Пасек-Зубрицы 57, 59, 61—66  
Пасечная 36, 39, 44  
Пастырское 35, 115  
Пекари 69, 74, 80, 82, 115  
Пейковка 10, 22  
Пергам 77, 78  
Перепеляки 62, 63, 66  
Переросль 172, 173, 176, 177  
Пересечное 123, 134  
Пересычки 170, 183—185  
Перяславль-Хмельницкий 115, 138, 146, 161, 166  
Петралово 69,  
Петрилов 62, 63, 66  
Петруха 86  
Печенежки 171—173, 175, 178  
Пивоние 53, 62, 194  
Пикунов 172  
Пилипенкова Гора 20—22, 25, 33—35, 37, 42, 51, 109  
Пиланы 172  
Пирогов 20—22, 25, 26, 30, 34, 37, 42, 69, 74, 84  
Писаревка 138  
Пидальники 20, 115,  
Побужье 12, 35, 46, 52, 56, 60, 61, 63, 163, 168  
Повиселье 21, 57, 117, 128, 133, 134, 182, 183, 185, 186, 190, 191  
Повольжье 165  
Погост 22  
Погребы 21, 107, 109, 116, 119  
Подберезцы 57—66, 169  
Подборцы 64, 65  
**Подвиные 9, 122**  
Подгородье 172—174  
Подселяе 9, 15, 25, 31, 35, 44, 46, 48, 49, 52, 106, 107, 109, 111—114, 116—118, 120—122  
Поддьяе 20, 64, 183  
Поддьяе 9—12, 14, 15, 20, 21, 24—30, 32—35, 37—43, 48, 49, 51, 52, 65, 83, 94, 106—114, 116—126, 128, 129, 138, 140, 150, 151, 153, 154, 163, 165, 168—170, 176, 185, 192, 194  
Поднебровье 10, 12, 21, 39, 45, 56, 57, 59—66, 70, 74, 83, 85, 94, 96, 99—104, 124, 125, 128—131, 133, 147, 151, 153, 160, 162, 163, 169, 175, 177, 180, 192, 195  
Подолья 6, 10, 21, 57, 123, 142, 147, 149, 169, 185, 189, 195  
Подружье 57, 61, 64  
Подунавье 13, 34, 54, 83, 95—97, 103, 123, 130, 166, 175, 176, 182, 185, 192  
Польша 21, 23, 24, 29, 53, 54, 56—59, 62—65, 71, 75, 79, 127, 168, 179, 182, 185, 186, 190, 191, 194  
Поповка 61, 64  
Посеймье 122, 125  
Посокье 51  
Потудич 107, 108, 118  
Потупицы 115  
Почеп 12, 20, 25, 35—37, 39—41, 43, 46, 47, 49, 50—52, 109, 111, 112, 120  
Пощенте 186  
Пояна 100, 101, 103  
Пояншты 21, 23, 46, 67, 68, 75, 84—87, 89—92, 192, 194  
Пояншты-Виртешко 128, 129, 179  
Прага 6, 10  
Приазовье 30  
Прибалтика 13, 113, 114, 117, 118, 168, 194  
Привольное 123, 140, 144, 146, 154  
Прикарпатье 8, 14, 84, 171—173, 178—181  
Приморское 134, 150  
Присословское 41, 47, 48, 51, 115  
Прятловское 10, 15, 20, 23, 24, 26, 27, 29, 30, 34, 35, 37, 41—43, 49, 50, 56, 60, 63, 65, 83, 120, 129, 182, 183, 185, 189, 191  
Прятль р. 6, 15, 20, 21, 26, 27, 30, 37—39, 64, 68, 83, 108, 125, 133  
Причерноморье 12—15, 31—34, 44, 60, 82—84, 95, 123, 125, 126, 129, 133—136, 138, 140, 155, 160, 161, 164—166, 168—170, 185, 192, 195  
Прогоны 115  
Пруссы 34  
Прут р. 6, 13, 15, 23, 38, 85, 97, 103, 124, 125, 133, 147, 148, 151, 153, 165, 169, 170—173, 178, 180  
Пряжек 142, 132, 146, 190  
Псары 123  
Псел р. 11, 113, 121, 122  
Пуркары 86  
Путиль 51, 115, 183  
Пухова 20, 21  
Пшениорск 53, 55, 56  
Пыржолтеи 86  
Радичев 115  
Райки 35  
Ракобути 140, 153, 156  
Раковец-Чесносский 160, 165, 185, 191  
Раджево 124, 125, 130, 132—135, 137, 146, 150, 151, 160, 165, 166  
Ративцы 81  
Рахны 12, 22, 36, 37, 41, 45, 46, 50, 121, 167  
Рашков 152  
Рейн р. 75, 76, 78, 100  
Ремезовцы 65, 96—98, 100—102, 163, 169  
Ремель 20—22  
Репузеяцы 66  
Реут р. 85  
Решетки 41, 48, 49  
Ришты 20, 35  
Ришты 12, 14, 76—78, 103, 150, 179  
Риплорф 67  
Риплев 21, 60, 131, 140, 145, 156, 169, 190  
Рованча 184  
Рожиново 171, 172  
Розничя 64  
Роячек 107, 109—114, 116—120  
Роккия 64  
Романковцы 135, 136, 140  
Ромачевцы 69  
Ромашки 115, 123, 130, 131, 134, 137, 142, 143, 145, 150, 155, 160—162, 170, 185, 186, 191  
**Ромаш 143, 145, 184, 188, 190**  
Росса р. 30  
Рось р. 6, 21, 36, 118  
Рубель 20, 22  
Рудья 53, 60, 138, 146, 161, 183, 184, 187, 188, 190, 191  
Рудь 69, 74, 80, 82, 85, 96, 89  
Рудики 36, 44  
Ружичка 132, 134, 138, 144, 145, 149, 153, 154, 161, 168, 170, 191  
Румыня 29, 74, 80, 81, 87—89, 91, 92, 100, 101, 103, 124, 152, 175, 177, 179, 191  
Русское Поле 171, 172  
Русия 132  
Рыжевка 124, 138, 143, 156, 185, 191  
Рыкзта 86, 87, 89, 90  
Саксония 85  
Сарматия 13  
Сату-Ной 87  
Савновка 20—22, 34, 42, 145  
Савлява 56  
Свердловское 138  
Свитов 64, 184  
Северский Донец р. 40, 48, 106, 108, 121, 122, 125  
Сейм р. 6, 21, 106, 109, 121, 126, 185  
Селитне 21, 22, 29, 34  
Семгори 115  
Семиградзе 179  
Семки 64  
Семурады 22, 37  
Сенча 122  
Серет р. 65, 96  
Сябуи 81  
Сялея 53, 83  
Синицива-Сабатювка 132, 146, 155  
Синьково 25, 37, 46, 47, 50  
Сипотены 86, 87  
Сирет р. 85, 172  
Скандинавия 84, 182, 188, 191  
Скифия 7, 13, 14, 33  
Скорбичи 184, 188, 190  
Слободиче 132, 144  
Слободка 45, 184  
Слободка Польная 66  
Славяны 29, 56, 67, 74, 79, 83, 96, 103, 127, 171, 175, 176, 179—181  
Смач р. 108  
Снегиревка 123  
Собь р. 37, 45  
Собарь 132  
Сож р. 6, 24, 37, 121  
Сокол 83—87, 169  
Соколяники 57, 60, 62, 66  
Солощи 174  
Солончаны 124  
Сосница 106  
Сосновка 108, 116  
Спачнов 165  
Спартак 41, 47  
Среднежмюрье 67  
Стаяны 162  
Стаяны 115  
Стаяно 56  
Старогородка 115  
Староселье 115  
Степановка 69, 80, 82  
Степанцы 36, 115  
Степачка 74, 138  
Стопчатов 172, 176, 177  
Страдонцы 80, 81  
Стреда 181  
Стрижня р. 108  
Стугия р. 35, 36, 108, 118

- Ступки 138  
 Стыр р. 20, 126, 185, 186  
 Субботов 21, 22, 28, 30, 31, 33, 34, 37, 42  
 Судость р. 37, 46  
 Сула р. 38, 117, 118, 122  
 Сурская Забора 115  
 Сурский остров 115  
 Сухостав 132  
 Сушично 189, 191  
 Сушки 107—109, 111, 116—119  
 Сынтана де-Муреш 123, 175
- Таблевка 22**  
 Тайманово 106—110, 112—114, 116—122  
 Таламон 76, 78  
 Таванис 14, 48, 117  
 Тархалине 53  
 Татарская Горка см. Анисов  
 Тацени 20, 22, 24, 33, 35, 36, 41, 44  
 Тавирж 66  
 Телешовка 130  
**Тептивка 115**  
 Теремцы 151, 169  
 Терновка 40, 41, 47, 48, 50—52  
 Тетеревка 22, 35, 41, 44  
 Тетиев 115  
 Тидигуло-Бережанка 133, 144, 146, 161  
 Тилль 77, 78  
 Тира 90  
 Тирешти 85  
 Тиса р. 13, 14, 67—69, 71, 96, 174  
 Трансильвания 13, 14, 80, 103, 171, 173, 180  
 Трахтемиров 34, 115  
 Трат 172  
 Требушени 86  
 Триполье (Девич-Гора) 22, 24, 35, 36, 42, 43  
 Тростянец 115  
 Тростяница 69, 80, 81, 83  
 Трубек р. 36, 50  
 Трубчевск 108  
 Грушешти 89  
 Туров 20  
 Тускорь р. 106, 108  
 Тушемля 11, 23, 107, 122, 195  
 Тыргитпор 152  
 Тырешти 86  
 Тясмяна р. 6, 13, 38
- Увисла 151  
 Уездцы 184
- Уж р. 35, 69  
 Ужгород 68—70  
 Украина 13, 24, 53, 56—61, 67, 71, 85, 108, 131, 140, 142, 157, 161, 194  
 Улма 85—87, 94  
 Ульяновка 106—110, 112—114, 116—120  
 Умань 65, 71, 125  
 Урал 14  
 Урая 188, 189  
 Успенка 134, 138  
 Усть-Каменика 150, 163
- Фалемичи 64**  
 Федоровцы 184  
 Флорешты 155  
 Форостовичи 106, 107, 109, 118, 119  
 Фракция 14, 76, 78, 80—83  
 Франица 75  
 Фурмановка 134, 136, 137, 160, 165, 166, 168
- Ханская-Лутэрия 149, 154, 168  
 Харьевка 21, 28, 34, 38  
 Хатяновка 32  
 Херсон 117  
 Хлепча 107, 108, 114—116, 118, 119  
 Хмельня 22, 115  
 Ходоров 22, 35  
 Ходосовка 20, 22, 25, 29, 31, 35, 42, 51, 106, 107, 109, 113, 116, 119, 122  
 Холмское 150, 163  
 Хорон 57, 64  
 Хотимир 62, 64, 65  
 Хотин 64,  
 Хотяновка 20, 22  
 Хотыцево 41
- Царевна 82**  
 Цумань 64  
 Цуцелия 172  
 Цуцелев 172  
 Цыбор-Вароша 76
- Чавлян 20—22, 24, 25, 28—31, 35, 37, 48, 69, 83, 113, 120, 121  
 Чена 71  
 Червенево 179  
 Червоная Слобода 140  
**Черепин 57, 61, 64—66, 96—98, 102, 131, 132, 140, 143, 153, 155, 160, 161**  
 Черепковцы 171, 172, 178  
 Черетоло 76
- Черяелов-Русский 69, 137, 138, 156, 169, 170, 190  
 Черрингов 106, 108, 117, 121  
 Червиши 164  
 Черновка 169  
 Черновцы-Рогатка 171, 172  
 Черногородка 116  
 Черное море 15, 33, 124, 160, 182, 185, 190, 191  
 Черняхов 115, 123, 129, 130, 134, 136, 138, 144, 150, 156, 157, 160, 161, 165, 166, 175  
 Черск 20, 21, 29, 69  
 Чехия 35, 76, 79, 81, 101  
 Чехо-Славация 191  
 Чечерск 24, 51, 121, 193  
 Чижиков 96, 97, 99, 101, 103, 131  
 Чистяков 161  
 Чижки 57, 61, 64  
 Чилатово 36, 41
- Шампань 76, 80**  
 Швейцария 67, 74—76, 78  
 Швеция 182, 183  
 Шестовицы 22  
 Шершина 185  
 Широкая Балка 150  
 Шинино 115  
 Шимирено 41, 115  
 Шоссейное 41
- Щатково 22, 108, 109  
 Щучинка 22, 34, 51
- Югославия 29, 82**  
 Южное Побужье 51, 52, 125, 129  
**Южный Буг р. 6, 10, 15, 20, 21, 37, 40, 45, 85, 116, 120, 123, 125, 129, 131, 134, 141, 167, 185, 189, 192**  
 Юлиацы 69, 71  
 Юрковица 20—22, 29, 34, 38  
 Ютландия 55, 92, 93
- Яблуньовка 116  
 Ягятиш 132  
 Янушев Уезд 82  
 Яссы 85, 185  
 Яссы-Шорогоры 86  
 Ястребовичи 184  
 Яструбовичи 66
- Эльба р. 6, 8, 10, 55, 94, 95, 183, 191

# Оглавление

## Введение

(И. П. Русанова)

## Часть первая

### Культуры II в. до н. э.— II в. н. э.

#### Глава первая

##### Зарубинецкая культура

Историография (И. П. Русанова)

Поселения (Е. В. Максимов)

Могильники (Е. В. Максимов)

Керамика (Е. В. Максимов)

Вещные находки (Е. В. Максимов, И. П. Русанова)

Хозяйство и общественный строй (Е. В. Максимов)

Хронология (Е. В. Максимов)

Происхождение и этническая принадлежность (Е. В. Максимов)

#### Глава вторая

##### Позднезарубинецкие памятники

(А. М. Обломский)

Историография

Поселения типа Лютеежа в Среднем Поднепровье

Памятники верховьев Южного Буга

Памятники типа Почепца

Памятники типа Картамышева 2 — Терновки 2

Памятники типа Гриней

Хозяйственные сооружения позднезарубинецких селищ

Орудия труда, предметы вооружения и украшения

Происхождение и дальнейшие судьбы позднезарубинецких памятников

#### Глава третья

##### Пшеворская культура

(Д. Н. Козак)

Общая характеристика культуры

Пшеворская культура на территории СССР

История исследования

Поселения

Погребальные памятники

Керамика

Вещные находки

Хронология и периодизация

Происхождение, культурные связи и этническая принадлежность

## Глава четвертая

5 Памятники латенской культуры на территории Закарпатья и к востоку от Карпат 67

19 (В. И. Бидзиля, М. Б. Шукин)

История изучения 67

Поселения 69

20 Могильники 71

20 Клады 72

24 Вещные находки 72

25 Хронология 75

27 Проблемы исторической и этнической интерпретации 82

## Глава пятая

31 Культура Поянешти—Лукашевка 85

34 Историография (Е. В. Максимов) 85

Поселения и жилища (Е. В. Максимов) 86

36 Могильники (Е. В. Максимов) 87

Керамика (Е. В. Максимов) 87

40 Вещевой инвентарь (К. В. Каспарова, Е. В. Максимов) 88

Периодизация и хронология (К. В. Каспарова) 90

40 Хозяйство и общественный строй (Е. В. Максимов) 93

43 Генезис культуры и этническая принадлежность (Е. В. Максимов) 94

46

## Глава шестая

47 Липицкая культура 96

48 (В. И. Бидзиля, И. П. Русанова)

49 История изучения 96

Поселения и жилища 97

50 Могильники 98

Керамика 99

50 Вещные находки 100

Хронология 102

53 Хозяйство 102

Происхождение и этническая принадлежность 103

## Часть вторая

53 Культура III — начала V в. 105

## Глава первая

58 Киевская культура 106

59 (Е. В. Максимов, Р. В. Терпиловский)

Историография 106

Поселения и жилища 108

63 Погребальный обряд 110

Керамика	110	Вещевые находки	176
Вещевые находки	112	Хронология	176
Хронология и периодизация	117	Хозяйство и общественный строй	178
Хозяйство и общественные отношения	119	Происхождение и этническая принадлежность	179
Происхождение и этническая принадлежность	120		
Глава вторая		Глава четвертая	182
Черняховская культура	123	Вельбарская культура	
История изучения (О. А. Гей)	123	(И. П. Русанова)	
Поселения и жилища (Э. А. Сымонович)	130	История изучения вельбарской культуры на территории СССР	183
Могильники (Э. А. Сымонович)	133	Поселения	185
Керамика (Э. А. Сымонович)	140	Могильники	186
Вещевые находки (Э. А. Сымонович)	143	Керамика	187
Хронология (О. А. Гей)	146	Вещевые находки	188
Хозяйство, торговые связи и общественный строй (Э. А. Сымонович)	155	Хронология	189
Происхождение и этнический состав (О. А. Гей)	162	Этническая принадлежность	190
		Заключение	192
Глава третья	171	(И. П. Русанова)	
Культура карпатских курганов		Литература	198
(И. П. Русанова)			
История изучения	171	Список сокращений	213
Поселения	172	Подписи к таблицам	214
Погребальные памятники	173	Указатели	319
Керамика	175		

---

# АРХЕОЛОГИЯ СССР

---

## Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э.

\*

Утверждено к печати  
Институтом археологии  
Российской Академии наук

Заведующая редакцией Л. С. Кручинина  
Редактор издательства Н. И. Сергиевская  
Художник Б. И. Астафьев  
Художественный редактор И. Д. Богачев  
Технический редактор И. Н. Жмуркина  
Корректоры А. Б. Васильев, Н. А. Несмеева

ИБ № 47660

Сдано в набор 15.10.90. Подписано к печати 14.10.91  
Формат 60×90<sup>1</sup>/<sub>8</sub>. Бумага типографская № 1  
Гарнитура обыкновенная. Печать офсетная  
Усл. печ. л. 42. Усл. кр. отт. 46 Уч.-изд. л. 44,3  
Тираж 6450 экз. Тип. зак. 1009

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»  
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90  
2-я типография издательства «Наука»  
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.







22

11/11/11



